

А. В. Махлаюк

**СОЛДАТЫ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

**Традиции военной службы
и воинская ментальность**

Санкт-Петербург
Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2006

Махлаюк А. В.

М36 Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство «Акра», 2006. — 440 с. — (Исторические исследования).

ISBN 5-84-650-624-4 (Филол. фак-т СПбГУ)

ISBN 5-93762-045-3 (Изд-во «Акра»)

Книга посвящена исследованию социально-политических и военно-этических традиций римской императорской армии (I в. до н. э. — III в. н. э.). Эти традиции трактуются как противоречивое единство древних полисно-республиканских установлений и реалий профессионального войска, представлявшего собой своеобразное корпоративное сообщество, особый социальный организм и субъект политической истории. В центре внимания автора — специфика римского воинского этоса, основанного на особых стереотипах поведения и ценностях. На основе широкого круга литературных и документальных источников рассматривается морально-психологическое, аксиологическое и практическое значение традиций воинского товарищества и дисциплины, анализируются представления, связанные с социально-политическими и моральными качествами воинов, воинскими доблестями, честью и славой, знаками отличия и военной карьерой, раскрывается взаимосвязь римского воинского этоса и армейской религии. Исследуются также механизмы и формы участия армии в политических процессах, взаимоотношения императора и войска.

ББК 63.3(0)3

Makhlayuk A. V.

Soldiers of the Roman Empire. The Traditions of Military Service and the Martial Mentality. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology; "Acra" Publishing House, 2006. — 440 pp. — (Historical studies).

ISBN 5-84650-624-4

ISBN 5-93762-045-3

The book studies, mostly for the first time in Russian historiography, the social-political and military-ethical traditions of the Roman Imperial army (1st century B.C. — 3rd century A.D.). These traditions are considered as a contradictory unity of the ancient polis-democratic rules and the realities of the professional army presenting a corporative community as a specific organism and subject of political history. The author concentrates on the specifics of Roman martial ethos grounded with the specific stereotypes of behaviour and values. On the basis of a big number of literary and document sources the following matters are made clear: moral-psychological, axiological and practical significance of military friendship and discipline; notions connected to social-political and moral qualities of warriors, martial virtues, honour and glory, signs of distinction and military career; interconnection between Roman martial ethos and the army religion. Under examination are as well the mechanism and forms of the army participation in political life and the interrelations between the emperor and his forces.

© А. В. Махлаюк, 2006

© Филологический факультет СПбГУ, 2006

© Издательство «Акра», 2006

© С. В. Лебединский, оформление, 2006

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга — итог многолетних занятий автора историей римской императорской армии. Как, наверное, и во всякой исследовательской работе, итог этот относится к определенному этапу и не может быть окончательным — ни с точки зрения охвата всех возможных аспектов заявленной темы, ни по степени проработанности тех или других конкретных деталей, ни тем более в плане неизбежности отдельных суждений и выводов. Важно, однако, чтобы предлагаемые в книге исследовательские подходы и общая концепция соответствовали современному уровню науки, могли обеспечить достаточно убедительное, в должной мере аргументированное и сбалансированное решение поставленных проблем, которые касаются, с одной стороны, той специфической социальной и политической роли, какую армия играла в Римской империи, а с другой — тех внутренних, прежде всего социокультурных и духовно-психологических факторов, каковые и делали воинское сообщество особым субъектом римской истории эпохи Принципата. О том, насколько удалось автору достичь данной цели, судить читателям, в первую очередь специалистам-антиковедам, и тем исследователям, которые, возможно, обратятся к дальнейшим изысканиям в намеченных нами направлениях, развивая (и не только на римском материале) либо опровергая какие-то из высказанных на этих страницах идей. Таков, в общем-то, обычный путь развития научного познания.

В качестве необходимого пояснения следует указать, что данная книга с формальной точки зрения представляет собой существенно переработанный и при этом почти вдвое расширенный вариант монографии, вышедшей в 2000 г. в издательстве Нижегородского государственного университета под названием «Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности». Уже в процессе работы над ней вполне очевидной стала исключительная обширность и многоаспектность поднятой проблематики. Поэтому в названии монографии акцент, наверное, нужно сделать на слове «очерки», указывающем на сознательное ограничение рассматриваемых тем и вопросов.

Однако очень скоро логика самого исследования и знакомство с новой научной литературой, в которой предложенные нами концептуальные подходы нашли и дополнительное теоретическое обоснование, и подтверждение своей актуальности, сделали настоятельной необходимостью

обратиться как к более углубленной разработке некоторых из ранее поставленных проблем, так и к рассмотрению целого ряда новых сюжетов. Без их исследования представлялась невозможной реализация в должном объеме и с надлежащей разносторонностью того первоначального замысла, суть которого как раз и заключалась в том, чтобы понять своеобразие военной организации императорского Рима, место армии в обществе и государстве, во-первых, исходя из максимально полной реконструкции воинской ментальности и лежащих в ее основе социально-политических и собственно военных традиций Древнего Рима, а во-вторых, выявляя и акцентируя в этих традициях и ментальности то противоречивое переплетение полисно-республиканских и имперских элементов, которым в конечном счете и определялись сущность и основные тенденции исторического развития римской державы в эпоху Принципата. Именно при таком определении основных исследовательских приоритетов, по нашему убеждению, только и можно говорить об исследовании военно-исторической проблематики не в качестве самодостаточного и ограниченного предмета, но в общем контексте истории римской цивилизации, и лишь в этом случае может идти речь об адекватном применении в изучении военных структур историко-антропологического, социально-исторического и цивилизационного подходов.

Таким образом, по главному своему содержанию, целям и подходам наше исследование выполнено в рамках такого нового направления, как военно-историческая антропология, которое лишь совсем недавно начало конституироваться как особая историческая дисциплина. Ее предметное поле, исследовательские методы и эвристические возможности остаются еще не до конца проясненными и нуждаются как в общем теоретическом осмыслении, так и в конкретизации применительно к изучению военной истории разных эпох и цивилизаций. В связи с этим мы сочли необходимым подробно остановиться на критическом разборе тех теоретико-методологических дискуссий, которые ведутся в современной историографии по проблемам и перспективам историко-антропологического изучения прошлого, и на этой основе прояснить и сформулировать некоторые исходные установки и подходы нашего исследования. Последние уточняются и конкретизируются в главах, посвященных источникам и историографии. Целесообразность выделения источниковедческого и историографического обзоров в специальные главы определялась помимо всего прочего еще и тем обстоятельством, что в отечественной литературе практически отсутствуют обобщающие работы о военной организации Римской империи, в достаточной мере отражающие современный уровень мировой науки и могущие служить введением в изучение соответствующего круга проблем. Поэтому данные разделы призваны в определенной мере восполнить этот пробел.

Что же касается конкретных «приращений» настоящей книги по сравнению с ее исходным вариантом, то они включают три группы вопросов.

Во-первых, это вопросы, связанные с трактовкой соотношения статусов гражданина и воина, которое, претерпев существенные изменения при переходе от Республики к Империи, тем не менее и в эпоху Принципата продолжало, по нашему мнению, основываться на исконных римских традициях, определяя некоторые базовые принципы военной организации вообще и характерные черты политической роли армии в частности (гл. IV). Эти последние относятся ко второй группе новых вопросов, поднятых в книге и касающихся таких институтов и феноменов, как воинская сходка, войсковая клиентела и солдатский мятеж (гл. VII–IX). Наконец, третья группа проблем относится к религиозным проявлениям воинских традиций и ментальности (гл. XIII).

Из очерков, входивших в первый вариант монографии, наиболее основательной доработке подвергся тот, в котором рассматривались особенности образа римского воина в литературных источниках. Совокупность собранных и проанализированных материалов дает, на наш взгляд, все основания рассматривать их как показательные свидетельства, характеризующие восприятие армии и военнослужащих в общественном сознании императорского Рима, без учета которого невозможно правильно понять место воинского сообщества в социальном и политическом поле римской державы. Вместе с тем в текст данной книги не вошла глава, посвященная роли личного примера полководца в римской армии. Этот сюжет относится к такой большой и значимой теме, как идеология и традиции военного лидерства в Древнем Риме. Ее целостное освещение мы надеемся дать в специальном исследовании, отдельные части которого уже публиковались нами¹.

Заключая это краткое предисловие, хотел бы выразить свою самую горячую признательность тем людям, без помощи, искреннего внимания,

¹ См., в частности, следующие наши работы: 1) «Стратегикос» Онасандра и идеология военного лидерства в Древнем Риме // Проблемы антиковедения и медиевистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков в Нижегородском университете): Межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород, 1999. С. 29–35; 2) *Nobilitas ducis* в римской идеологии военного лидерства // ИИАО. Н. Новгород, 2001. Вып. 7. С. 75–89; 3) Римский полководец в общественном мнении солдат // XII чтения памяти проф. С. И. Архангельского: Материалы междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2001. С. 74–82; 4) Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» // Акра: Сб. науч. тр. Н. Новгород, 2002. С. 96–109; 5) *Scientia rei militaris* (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник Нижегород. гос ун-та. Сер. История. Н. Новгород, 2002. Вып. 1. С. 13–31; 6) Военные упражнения, воинская вьучка и *virtus* полководца // ИИАО. Н. Новгород, 2003. Вып. 8. С. 61–74; 7) Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР С. И. Архангельского. Н. Новгород, 2003. С. 30–35; 8) Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48; 9) Идеология военного лидерства в Древнем Риме (к постановке проблемы) // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 31–47.

поддержки и благожелательной критики которых появление этой книги было бы невозможно. В их числе прежде всего надо назвать профессора Василия Ивановича Кузищина, профессора Виктора Николаевича Парфенова и профессора Сергея Кузьмича Сизова, в качестве официальных оппонентов высказавших немало ценных замечаний по моей докторской диссертации, одну из главных частей которой составил текст, ставший основой данной книги. Я глубоко признателен и другим моим коллегам-антиковедам — профессору Алексею Борисовичу Егорову, профессору Вере Викторовне Дементьевой, Константину Викторовичу Вержбицкому и Александру Викторовичу Колобову, которые дали заинтересованные и компетентные отзывы о моей работе. По мере возможности я постарался учесть все высказанные замечания. Многие идеи и конкретные суждения по отдельным вопросам были сформулированы благодаря в высшей степени профессиональным советам Александра Леонидовича Смышляева, который оказал мне неоценимую помощь в получении некоторых труднодоступных публикаций. Очень многим в этом плане я обязан Ольге Павловне Смирновой и Юрию Петровичу Зарецкому. Глубокую благодарность за неизменную поддержку и прекрасную творческую атмосферу нельзя не высказать моим коллегам по кафедре истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного университета и в первую очередь профессору Евгению Александровичу Молеву, ныне декану исторического факультета, который долгие годы возглавлял ее, оказывая мне самую непосредственную и всестороннюю помощь. Разумеется, эта книга не могла бы состояться без тех профессиональных знаний и навыков, которыми я обязан моим наставникам по Нижегородскому университету и аспирантуре МГУ, прежде всего Маргарите Сергеевне Садовской, Владимиру Михайловичу Строгоцкому, Василию Ивановичу Кузищину и Ольге Викторовне Смыке. Особую признательность хотелось бы выразить издательству филологического факультета СПбГУ, его руководителю Борису Васильевичу Ерохину и лично моему коллеге Максиму Михайловичу Холоду (Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра истории Древней Греции и Рима) за весьма лестное для меня приглашение опубликовать данную работу. Наконец, at last, but not at least, хочу от всей души поблагодарить мою жену за ее неизменные терпение, понимание и участие, без которых все мои усилия вряд ли привели бы к завершению предпринятого труда.

Не подлежит никакому сомнению, что ответственность за все возможные ошибки и недостатки книги целиком и полностью лежит на авторе.

А. В. Махлаюк

Многие, Лоренцо, держались и держатся того взгляда, что нет в мире вещей, друг с другом менее связанных и более друг другу чуждых, чем гражданская и военная жизнь. Поэтому мы часто замечаем, что, когда человек задумает выделиться на военном поприще, он не только сейчас же меняет платье, но и всем своим поведением, привычками, голосом и осанкой отличается от всякого обыкновенного гражданина... Гражданские нравы и привычки не подходят для того, кто считает первые чересчур мягкими, а вторые — негодными для своих целей..

Однако если посмотреть на установления древности, то не найдется ничего более единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина.

Никколо Макиавелли. «О военном искусстве»

Введение

Значение военного фактора в истории Древнего Рима невозможно переоценить. В силу особых исторических условий формирования и развития римской *civitas* военные потребности и задачи имели огромное влияние на весь уклад жизни древних римлян, эволюцию их государственного строя, идеологию, нравственные идеалы и национальный характер квиритов. Социальные и государственно-политические структуры Рима всегда находились в теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности с эволюцией его военной организации¹. Война и военная деятельность буквально со времен Ромула и до эпохи упадка Римской империи считались важнейшими и одними из наиболее почетных занятий для всякого настоящего римлянина и, в первую очередь, для представителей правящей элиты. Все это дает исследователям веские

¹ О различных аспектах данной проблемы см., в частности: *Кулаковский Ю. А.* Римское государство и армия в их взаимоотношении и историческом развитии. Публичная лекция. Киев, 1909; *Игнатенко А. В.* Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976; *Токмаков В. Н.* Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1998; *Евсеенко Т. П.* Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001; *Garlan Y.* La guerre dans l'Antiquité. P., 1972; *Nicolet C.* Le métier de citoyen dans la Rome républicaine. P., 1976. P. 123 suiv.; *Harris W. V.* War and imperialism in Republican Rome. 327–70 B. C. Oxf., 1979; *Dahlheim W.* Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // *Klio*. 1992. Bd. 74. S. 197–213; *War and Society in the Roman world / Ed. by J. Rich and G. Shipley.* L.; N. Y., 1993; *Campbell J. B.* War and Society in Imperial Rome, 31 BC — AD 284. L., 2002.

основания говорить о классическом Риме, его идеологии и культуре как милитаристских по своей глубинной сути².

Грандиозные и исключительно прочные завоевания, беспримерные достижения римлян в военной сфере, прежде всего поразительная эффективность созданной ими военной машины, оставались непревзойденными на всем протяжении истории античного мира и служили в последующие эпохи образцом для подражания. Уже античные авторы начиная с Полибия были практически единодушны в своем восхищении теми совершенством и мощью, какими отличалась римская армия на протяжении столетий, — от подчинения Италии и побед над Карфагеном в III в. до н. э. вплоть до конца II столетия н. э., когда Риму удалось остановить могучий натиск варварских народов на рубежи Империи³. Если римляне видели в своих военных успехах законный предмет патристической гордости, считая их закономерным следствием приращенной римской доблести и благорасположения богов, то многие греческие историки, писавшие о военной истории Рима, в целом разделяя эту точку зрения (ср., например, Polyb. VI. 52. 8; Onasand. Prooem. 4), более пристальное внимание обращали и на другие причины римских побед, исследуя их и с прагматической точки зрения⁴. Но и те и другие,

² Harris W. V. Op. cit. P. 9–53; Hopkins K. *Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History*. Vol. I. Cambridge, etc., 1978. P. 25–37; Dawson D. *The Origins of Western Warfare. Militarism and Morality in the Ancient World*. Oxf., 1996. P. 113 ff.

³ Достаточно привести некоторые наиболее характерные высказывания. Если верить Плутарху (Puth. 16; Tit. 5), когда эпирский царь Пирр впервые увидел устройство лагеря и боевые порядки римлян, то воскликнул с удивлением: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский!» По словам Полибия (XVIII. 28. 2), как некогда лакедемоняне превосходили в военном деле всех азиатов и эллинов, так римляне оказались в этом отношении выше всех народов (ср.: Dion. Hal. Ant. Rom. Prooem. 5). Для Иосифа Флавия устройство римского войска является образцом для всех умеющих ценить совершенство и наиглавнейшим предметом изучения для тех, кто желает понять причины величия Рима (B. Iud. III. 5. 8; ср.: Polyb. VI. 26. 11–12). Элий Аристид заявляет даже, что в отношении военной науки (ἐν γὰρ τακτικῶν λόγων) все прочие люди — дети по сравнению с римлянами (Pan. Rom. 87 = Or. 26 Keil).

⁴ Примечательно, что наиболее подробные описания римской армии мы находим у таких историков, как Полибий и Иосиф Флавий. См.: Махлаюк А. В. Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос и своеобразия римской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход): Сб. ст. М., 2000. С. 259–272. Стоит отметить и тот факт, что в области военной теории сами римляне отдавали приоритет грекам и пользовались их достижениями (Veget. I. 1; III pr.; ср.: Sall. V. Jug. 85. 12). В римской же литературе лишь в позднюю эпоху, в конце IV в., появляется действительно разносторонний трактат по военному делу — «*Epitoma rei militaris*» Вегетия, для которого военная мощь ранней Империи стала уже скорее предметом антикварного любования и моделью желаемого, но труднодостижимого возрождения, тем более что легионная организация представляется ему не только делом разума и рук человеческих, но и результатом Божественного провидения (II. 21: non tantum humano consilio, sed etiam divinitatis instinctu legiones a Romanis arbitror constitutas).

говоря о сильных сторонах римской военной организации, неизменно акцентировали решающую роль традиционных установлений и порядков (*prisci mores, mos maiorum*), на которых зиждились дисциплина, выучка, стойкость и патриотизм войск, обеспечивавшие Риму превосходство над любыми врагами. Сражаясь с ними, римляне, как никто, умели извлекать уроки из побед и поражений, не чуждались заимствовать у побежденных все ценное в практике и теории военного дела. При этом, совершенствуя свою военную машину и приспособлявая ее к изменяющимся условиям, они сохраняли верность своим исконным традициям. Именно благодаря этим традициям и аксиологическим установкам из поколения в поколение воспроизводился тот специфически римский военный дух, который не в меньшей, наверное, степени, чем вооружение, тактическое искусство, организационные структуры, обуславливал неосокрушимую боевую мощь легионов.

Однако там, где речь идет об армиях позднеереспубликанского и императорского времени, мимо внимания античных авторов не могли пройти негативные стороны и коренные пороки профессиональной армии, которые с особой силой проявлялись в кризисные моменты римской истории, когда военщина прямо и грубо вмешивалась в политику, диктуя свою, часто корыстную, волю государству и обществу. История римской армии знает, таким образом, и величественные, и позорные страницы, не уступающие друг другу в яркости и драматизме.

Эта история, чрезвычайно насыщенная событиями и сравнительно хорошо документированная разнообразными источниками, представляет непреходящий интерес с точки зрения воплощенного в ней огромного опыта строительства вооруженных сил на профессиональной основе, их взаимоотношений с государством и обществом. Не удивительно, что она всегда была и остается в центре внимания современных исследователей. Вслед за античными историками они обращаются к ключевым вопросам о сильных и слабых сторонах римской армии. Начиная со второй половины XIX в. изучение военной истории и армии Древнего Рима превратилось в одну из ведущих и наиболее динамично развивающихся отраслей антиковедения, в которой сложился целый ряд специализированных направлений. В связи с постоянным пополнением источниковой базы, главным образом за счет новых эпиграфических открытий и археологических раскопок, но, главное, в связи с развитием новых исследовательских подходов и парадигм в поле зрения ученых оказываются новые темы и проблемы: социальная, культурная и экономическая роль армии, прежде всего в провинциях римской державы, демографическая структура и повседневная жизнь вооруженных сил, правовой статус, религиозные верования и система ценностей римских солдат, роль командиров и военачальников.

В самое последнее время в русле общего прогресса и новейших тенденций современной исторической науки в работах, посвященных римской армии позднереспубликанского и императорского времени, явственно обозначился поворот к проблематике, которая относится к исследовательским приоритетам социальной истории, истории ментальностей и к такой новой дисциплине современного гуманитарно-исторического знания, как военно-историческая антропология. В рамках данной проблематики основное внимание концентрируется на роли человеческого фактора в жизнедеятельности армии, в частности на таких ключевых вопросах и темах, как своеобразие ментально-психологического и социокультурного типа римского солдата, специфика социальных связей внутри воинского сообщества, реалии повседневного быта и взаимоотношений армии с гражданским обществом, военно-политические компоненты официальной идеологии и пропаганды, социально-психологические и идеологические стороны взаимоотношений армии и полководцев, политическая роль армии, военная культура и воинская этика, религиозно-культовые практики как основа воинских добродетелей и армейской корпоративности. Исследования, ведущиеся в этих ракурсах, не только обеспечивают существенное приращение конкретных знаний по истории военной организации Рима, не только открывают весьма интересные возможности для нового видения важнейших закономерностей функционирования военной организации в сравнительно-исторической перспективе, но и подводят к широкому анализу кардинальных основ римской цивилизации вообще. Отмеченное направление, безусловно, является одним из наиболее перспективных и многообещающих в новейшей историографии римской императорской армии. Но при всех его бесспорных достижениях, выразившихся в появлении ряда глубоких и оригинальных работ общего и конкретного плана, на этом новом исследовательском поле остается еще немало лакун, недостаточно изученных и дискуссионных проблем, требующих дальнейших конкретных изысканий, теоретического осмысления и обобщения результатов, полученных в изучении отдельных аспектов. И в отечественной, и в мировой науке пока еще отсутствуют обобщающие труды, специально посвященные изучению военных традиций и ментально-идеологических факторов в жизнедеятельности римской императорской армии.

В данной работе мы стремились исследовать римскую императорскую армию как специфическое воинское сообщество, как субъект социальной, политической и собственно военной истории. Такой ракурс рассмотрения требует сосредоточения основного внимания на тех социокультурных механизмах функционирования и воспроизводства данного сообщества, к важнейшим элементам которых можно отнести, с одной стороны, традиции, понимаемые как интегральное выражение

разнообразных социально организованных стереотипов человеческой (в нашем случае — военной) деятельности, а с другой — различные ментально-идеологические комплексы, определявшие духовный облик, мировосприятие римских военных, матрицы их сознания и практического поведения в тех или иных социально значимых ситуациях. Именно военные традиции (как главная составная часть военной культуры и одна из основ военной организации), воинская ментальность и идеология римской императорской армии составляют предмет нашего исследования. Понимание содержательной стороны этих категорий мы подробно изложим ниже. В качестве же предварительных замечаний отметим следующее.

Учитывая многообразие и многоаспектность военных традиций, чрезвычайно сложно охватить их все в рамках одного исследования. Поэтому мы стремились, не упуская из вида их целокупного единства и взаимообусловленности с самыми разными параметрами военной организации (социальными, военно-техническими, тактическими, государственно-правовыми, сакральными и проч.), исследовать преимущественно те из них, которые представляются в наибольшей степени взаимосвязанными со сферой ментальных и идеологических установок. Вполне очевидно, что многие традиции, существовавшие в армии императорского Рима, уходят своими корнями в очень ранние времена и пристальное исследование их генезиса и последующих трансформаций увело бы нас очень далеко от основной темы работы. Поэтому история возникновения и эволюции отдельных традиций (например, тех, которые связаны с системой поощрений и наказаний, с почитанием военных штандартов или военной присягой) как специальная проблема нами не изучалась, но затрагивалась лишь постольку, поскольку без обращения к их истокам и изменениям было бы трудно понять судьбу древних установлений в императорскую эпоху, взаимопереплетение традиционных и новых ценностей.

Комплекс римских военных традиций и ментально-идеологических структур рассматривается нами в четырех сферах их проявления, наиболее, как представляется, существенных для целостной, разносторонней характеристики роли армии в римском государстве и социуме, а именно в социальной, политической, военно-этической и религиозно-идеологической. В силу сложной иерархической структуры вооруженных сил Империи, неоднородности их социального и этнического состава, существенных различий в характере и условиях службы в тех или иных родах войск, а также из-за состояния наших источников очень трудно воссоздать дифференцированную картину ценностных ориентаций римских солдат, социально-политической роли и идеологии императорской армии. Тем более сложно учесть все имевшие место на

протяжении столетий диахронические изменения. Поэтому, учитывая по возможности все эти моменты и жертвуя частностями ради целого, основное внимание мы уделим общим, принципиальным и устойчивым характеристикам, которые отличали римского солдата и воинское сообщество императорского времени, но прежде всего его легионное ядро, составлявшее основу всех вооруженных сил и в наибольшей мере сохранявшее приверженность исконным традициям римского военного устройства и военной культуры. Акцент, таким образом, делается на синхронистическом освещении фундаментальных традиций, ценностных ориентаций и идеологием, которые с большей или меньшей степенью устойчивости существовали в «большом времени».

Особо следует оговорить хронологические рамки исследования. Они определяются в первую очередь спецификой изучаемого предмета, характером и этапами эволюции военной организации Принципата, а также состоянием источниковой базы. В центре нашего внимания будет армия Римской империи I–II вв. н. э. Военная организация Ранней империи была создана в своих основах Октавианом Августом. Однако процесс превращения гражданского ополчения в постоянную профессиональную армию начался в Риме задолго до установления Принципата и даже до реформ Гая Мария, и, как отмечают современные исследователи, римляне очень рано усвоили профессиональное отношение к войне⁵. Разумеется, Август, осуществляя свои военные реформы, не только *de iure* оформил то, что *de facto* уже существовало ко времени завершения гражданских войн последних десятилетий Республики, но и внес целый ряд очень значимых новаций, относящихся к политике рекрутирования, порядку прохождения службы как рядовым, так и командным составом армии, месту армии в обществе и государстве, к стилю взаимоотношений императора и войска и т. д. При этом, однако, он в известной степени стремился сохранить и упрочить «республиканский фасад», возродить традиционные ценности⁶.

⁵ *Keppie L.* The making of the Roman army: From Republic to Empire. L., 1984. P. 55. См. также: *Nicolet C.* Op. cit. P. 128–148; *Gabba E.* Le origini dell'esercito professionale in Roma: i proletari e la riforma di Mario // *Athenaeum*. 1949. Vol. XXVII. P. 173–209; *idem.* Ricerche sull'esercito professionale romano da Mario a Augusto // *Athenaeum*. 1951. Vol. XXIX. P. 171–272 (обе статьи вошли в книгу: *Gabba E.* *Esercito e società nella tarda Repubblica romana.* Firenze, 1973); *Тянова М.* О возникновении солдатского профессионализма в Риме // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1977. Вып. 416. № 2. С. 43–56; *Парфенов В. Н.* Профессионализация римской армии и галльские войны Цезаря // АМА. 1974. Вып. 2. С. 72–89.

⁶ См.: *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи: Общий очерк. Пг., 1918. С. 135–136; *Парфенов В. Н.* К оценке военных реформ Августа // АМА. 1990. Вып. 7. С. 65–76; *он же.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 10–26; *Евсеев Т. П.* Указ. соч.; *он же.* Об эффективности военной реформы Октавиана

Происходившие после Августа изменения в целом не носили принципиального характера, следуя главным образом в русле наметившихся ранее тенденций и отражая перемены в социальном развитии и внешнеполитическом положении Империи. Важные трансформации происходят на рубеже II–III вв. н. э. и связаны с военными реформами Септимия Севера, которые явились определенным итогом развившихся ранее тенденций и заложили основы позднеантичной военной организации⁷. Перемены, происходившие на протяжении кризисного III в., вследствие скудости источников плохо известны в своих деталях. Таким образом, римскую армию Ранней империи можно рассматривать как достаточно стабильную систему, в которой эволюция играла относительно второстепенную роль и преобладали постоянные элементы⁸.

Не подлежит сомнению, что многие римские военные традиции и военно-этические ценности по самой своей природе отличались весьма консервативным, инерционным характером⁹. Уходя истоками в глубокую древность и будучи органически связаны с римской, можно сказать, национальной идентичностью, они, хотя и получали в некоторых случаях новое наполнение и переосмысление, все же благодаря и собственной инерционности, и присущему римлянам почтению к древним установлениям сохранялись в той или иной мере — если не как жизненная реальность, то, во всяком случае, как чаемый идеал — вплоть до позднеантичного времени, до тех пор, пока римская цивилизация окончательно не прекратила свое существование как определенная целостность.

Следует также иметь в виду, что многие факты, характеризующие военные традиции и систему ценностей, представлены в источниках очень разрозненно и неравномерно. Если наиболее информативные ли-

Августа // Политическая организация и правовые системы за рубежом: история и современность. Свердловск, 1987. С. 48–54. Из многочисленных иностранных работ см.: *Keppie L.* Op. cit.; *Raaflaub K. A.* Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats // *Saeculum Augustum. I. Herrschaft und Gesellschaft* / Hg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 246–307; *Wells C. M.* *Celibate Soldiers: Augustus and the Army* // *AJAH*. 1998. Vol. 14. 2. P. 180–190.

⁷ См.: *Махлаюк А. В.* Политические последствия военных реформ Септимия Севера // ИИАО. 1991. С. 62–75.

⁸ *Le Vohec Y.* *L'armée romaine sous le Haut-Empire*. P., 1989. P. 217 (= *Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001. С. 310). Ср.: *Grant M.* *The Army of the Caesars*. L., 1974. P. 56.

⁹ На это еще в конце XIX в. обратил внимание Г. Буассье, который отмечал, имея в виду солдат императорской армии: «Среди людей, которые были... связаны между собой узами родства и товарищества, которые жили вместе в стороне от остального мира, старые традиции, конечно, могли легче удержаться; вот почему в империи, составленной из самых разнородных элементов и подверженной самым разнообразным влияниям, военный дух изменялся меньше всего остального» (*Буассье Г.* *Оппозиция при цезарях* / Пер. с фр. В. Я. Яковлева // *Буассье Г.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 20).

тературные источники в основном освещают позднеереспубликанский период и первое столетие Империи, то юридические, эпиграфические и папирусные материалы в массе своей относятся к более поздним периодам. Нужно учитывать и то обстоятельство, что многие античные историки в своих трудах, посвященных ранней истории Рима, нередко ориентировались на современные им реалии и проблемы, допуская анахронизмы и привнося в описания далекого прошлого понятия, оценки и взгляды более поздней эпохи. Свои очень устойчивые каноны предъявляла к политическому и историографическому дискурсу античная риторика, в топосах которой конденсировались традиционные моральные категории и идеологические представления. Все эти моменты обуславливают необходимость обращения и к событиям, и к источникам, относящимся к широкому временному диапазону, который далеко выходит за хронологическими пределы собственно раннеимператорского периода, и диктуют, таким образом, довольно широкие хронологические границы исследования — от периода зарождения и становления военной системы Империи, охватывающего, по меньшей мере, последнее столетие Республики, и до времен Поздней империи III–IV вв., когда армия, несмотря на ряд серьезных преобразований в системе комплектования, организационно-правовой структуре, социальном и этническом составе, продолжала в определенной степени сохранять прежние традиции, ценности и идеологические установки.

Не претендуя на систематическое рассмотрение всех возможных аспектов столь обширной темы, как воинские традиции и воинская ментальность императорского Рима, мы попытаемся дать по возможности целостное, разностороннее освещение того комплекса социокультурных, ментальных и идеологических факторов, которым, по нашему мнению, в значительной степени определялись и реальная роль армии в политических и социальных процессах, и историческое своеобразие римской военной организации как системообразующего компонента государственно-политической и общественной структуры Римской империи, органически связанного с фундаментальными характеристиками римского варианта античной цивилизации. Для достижения этой цели представляется целесообразным:

- 1) исследовать социально-политические, правовые и идеологические аспекты положения армии в римском обществе и государстве, обратив при этом особое внимание на специфическую внутреннюю социальность самой армии и на ее восприятие в общественном сознании императорской эпохи;

- 2) выявить факторы и специфику политической роли армии с точки зрения тех традиционных форм и механизмов, присущих таким феноменам, как воинская сходка, солдатский мятеж и войсковая клиентела,

которые в период Империи теснейшим образом были связаны с процессом передачи императорской власти, с политическими переворотами и узурпациями;

3) реконструировать систему военно-этических традиций и ценностей римской армии в их взаимообусловленности и взаимосвязи с историческим своеобразием развития римской *civitas*, со спецификой воинского сообщества и военной деятельности, военно-правовыми установлениями, особенностями морали и национального характера римлян;

4) рассмотреть религиозно-культовую практику императорской армии как особую форму профессионально-корпоративной идеологии и обеспечения солдатской идентичности, как средство морально-психологического и морально-политического воспитания войск.

Чтобы выявить историческое своеобразие, собственно римскую специфику изучаемых феноменов, необходим определенный минимум сравнительно-исторического анализа. Наиболее целесообразным в этом плане нам представляется сопоставление римских традиций и представлений с греческими, поскольку, во-первых, культурно-историческая и типологическая близость двух классических народов делает особенно показательными обнаруживающиеся между ними различия, подчас весьма контрастные; во-вторых, сравнения и аналогии между фактами античной и более поздних или типологически иных цивилизаций, хотя и могут быть очень интересны сами по себе, далеко не всегда оправданы и корректны с методологической точки зрения; в-третьих, проведение развернутого и квалифицированного сравнительно-исторического анализа потребовало бы дополнительных специальных изысканий, выходящих далеко за рамки очерченных нами задач.

Выбор отмеченных направлений и проблематики исследования обусловлен как состоянием дел и тенденциями развития современной историографии (на них мы подробно остановимся в гл. II), так и теми теоретико-методологическими подходами, которые получили развитие в рамках исторической антропологии, точнее, такого нового ее раздела, как военно-историческая антропология.

Таким образом, работа представляет собой попытку реализовать в изучении римской императорской армии круг тех идей и концепций, которые выработаны в рамках цивилизационного, социально-исторического и историко-антропологического подходов к познанию прошлого. Эти подходы заслуживают, на наш взгляд, подробного обсуждения, поскольку военно-историческая антропология находится еще, по существу, *in statu nascendi*, и в данном исследовательском поле выявляется ряд проблемных вопросов, требующих осмысления и определенной тематизации в контексте тех дискуссий, которые в последнее время оживленно ведутся вокруг так называемый новой исторической науки, о ее задачах,

системе понятий, междисциплинарных связях, методологических трудностях и эвристическом потенциале. Такое осмысление, учитывающее опыт современной историографии теоретического и конкретно-исторического жанров, представляется тем более необходимым, что даже в тех сравнительно немногочисленных работах, в которых римская военная организация изучается фактически в русле историко-антропологической проблематики, отсутствует, за крайне редкими исключениями, какая-либо методологическая рефлексия.

Историческая антропология в настоящее время, бесспорно, относится к числу ведущих и, пожалуй, наиболее продуктивных направлений мировой историографии. Своими истоками она напрямую связана с «новой исторической наукой» (*l'histoire nouvelle*), которая была создана основателями «Анналов» М. Блоком и Л. Февром и получила свое второе рождение в работах представителей третьего поколения их школы (Р. Мандру, Ж. Дюби, М. Ферро, Ж. Ле Гоффа, А. Бюргера и др.) выдвинувших на первый план изучение ментальностей. Как современная версия «новой исторической науки» (или даже ее синоним¹⁰), историческая антропология представлена в настоящее время целым спектром историографических направлений и дисциплин, плодотворно изучающих социальные связи, структуры повседневности, демографическое поведение, ментально-идеологические комплексы и интеллектуальную историю, социокультурные аспекты политических процессов и институтов¹¹. Можно сказать, что историческая антропология претендует сегодня на изучение практически всех сфер исторической реальности в их системно-структурной целостности и социокультурном единстве, но прежде всего в проекции человеческих представлений об этой реальности. Ее исследовательский пафос состоит в раскрытии человеческого содержания истории и достижении на этой основе качественно нового исторического синтеза¹². При всем разнообразии и неуклонно возраста-

¹⁰ *Ле Гофф Ж.* «Анналы» и «новая историческая наука» // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 91.

¹¹ [*Михина Е. М.*] От составителя // История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 6–7, а также с. 17, примеч. 2, где указана основная литература по истории школы «Анналов». Из новейших работ, в которых рассматриваются истоки, проблемное поле и методы исторической антропологии, можно, в частности, указать: *Dressel G.* Historische Anthropologie: Eine Einführung. Wien; Köln; Weimar, 1996; *Vom Menschen.* Handbuch Historische Anthropologie / Hrg. Ch. Wulf. Weinheim; Basel, 1997; *Dülmen R.* Historische Anthropologie: Entwicklung, Probleme, Aufgaben. 2. durges. Aufl. Köln, etc., 2001. См. также: Историческая антропология: место в системе наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докладов и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998.

¹² [*Михина Е. М.*] Указ. соч. С. 11; *Гуревич А. Я.* Историческая наука и историческая антропология // ВФ. 1988. № 1. С. 56; *он же.* К пониманию истории как науки о человеке //

ющей дивергенции исследовательских подходов эти направления объединены неким общим дискурсом и, главное, пристальным интересом к тому, «что молчаливо признается данной культурой» (У. Раульф)¹³, — к имплицитным установкам сознания и поведения, к конкретному бытию человека в рамках малых сообществ и в потоке повседневности.

Принципиальной посылкой историко-антропологического подхода является признание того, что в любую историческую эпоху общественное поведение людей детерминировано не только и даже не столько внешними обстоятельствами (экономическими и политическими структурами, классовыми отношениями и т. д.), сколько той картиной мира, которая утвердилась в их сознании¹⁴; что очень часто побудительные мотивы к действию оказываются производными от тех идеальных моделей, которые заложены в сознании человека религией, культурой, традициями¹⁵. Иначе говоря, на первый план выдвигаются исследования конкретно-исторических культурных механизмов социального действия в разных областях человеческого бытия, нерасторжимая взаимосвязь «мира смыслов» с коллективными и индивидуальными поведенческими практиками. Историческая антропология принципиально меняет логику и стратегию познания обществ прошлого еще и в том отношении, что акцент исследований смещается с диахронических изменений в «большом времени» на синхронию¹⁶. При этом в качестве первоочередной потребности современного этапа развития «новой исторической науки» выступает интеграция антропологического подхода и социальной истории¹⁷.

Осмысление общих предпосылок, характера и перспектив антропологического поворота в исторической науке, начавшегося в середине XX в., позволяет утверждать, что он стал закономерным этапом, обус-

Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 166 сл.; *Ретина Л. П.* Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 78 сл.; *Ястребицкая А. Л.* О культурдиалогической природе историографического: Взгляд из 90-х // Там же. С. 40.

¹³ *Mentalitätengeschichte. Zur Rekonstruktion geistlichen Prozesse / Hrsg. von Ulrich Raulf.* W. Berlin, 1987 (цит. по: История ментальностей... С. 39).

¹⁴ *Гуревич А. Я.* Социальная история и историческая наука // ВФ. 1990. № 4. С. 30–31. Ср.: *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // *Одиссей.* 1991. М., 1991. С. 52; [*Михина Е. М.*] Указ. соч. С. 8.

¹⁵ *Гуревич А. Я.* Социальная история и историческая наука... С. 32.

¹⁶ *Ястребицкая А. Л.* Указ. соч. С. 40; *она же.* Культурное измерение историографического (Предисловие) // *Культура и общество в Средние века — раннее Новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований: Сб. аналитических и реферативных обзоров.* М., 1998. С. 32.

¹⁷ *Ретина Л. П.* Указ. соч. С. 76 сл.; *она же.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 40 сл.

ловленным как спонтанной эволюцией и внутренней логикой развития самого исторического познания, так и общей эпистемологической ситуацией в гуманитарных науках¹⁸. Поворот этот непосредственно связан также и с социокультурным контекстом постиндустриальной эпохи, и с той, по выражению Г. С. Кнабе, философско-гносеологической контроверзой, которая определяет в последние десятилетия практику и теоретическую атмосферу исторических исследований¹⁹. Суть этой контроверзы, создающей коренную познавательную апорию, Кнабе усматривает в несовместимости непреложных требований любой науки (включая установку на обнаружение логически доказуемой истины, рациональность анализа, необходимость абстрагирования ради выявления закономерностей, верифицируемость выводов) с требованиями, столь же непрекаемо возникающими из современного движения к целостному познанию исторической «жизни как она есть», которая представляет собой разомкнутую систему и противится схемам и жесткому структурированию.

С данной апорией в своей практике так или иначе сталкивается любой серьезный исследователь, отдающий себе отчет в исходных предпосылках и целях исторического познания. Какие бы варианты для ее преодоления ни предлагались²⁰, вполне очевидно, что достижимо оно прежде всего на прагматическом уровне исторического познания — за счет конкретных полидисциплинарных исследований, но лишь при том непременном условии, что исходят они из осознанного выбора исследовательских приоритетов, сопровождаются рефлексией соответствующих теоретико-методологических затруднений и опираются на осмысленное применение категорий и концепций, вырабатываемых и в самой историографии, и в смежных гуманитарно-обществоведческих дисциплинах. Изучение любой конкретной проблематики при этом не должно и не может базироваться на простом, бездумно-механическом

¹⁸ Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология... С. 62; он же. К пониманию истории как науки о человеке... С. 166 сл.; Ястребицкая А. Л. Культурное измерение историографического... С. 17 сл.; Кузнецов А. М. Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания // *Личность. Культура. Общество: Науч.-практич. журнал.* М., 2000. Т. II. Вып. 1 (2).

¹⁹ Кнабе Г. С. Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // *Одиссей.* 1993. М., 1994. С. 247–255 (особенно 249–251); он же. Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (По поводу книги Ж.-М. Давида «Судебный патронат в Риме в последнее столетие республики») // *ВДИ.* 1994. № 3. С. 67 сл.

²⁰ См. интересные предложения на этот счет Г. С. Кнабе: Кнабе Г. С. Общественно-историческое познание... Ср., однако, их критический разбор в статье: Гуревич А. Я. Апории современной исторической науки — мнимые и подлинные // *Одиссей.* 1997. М., 1998. С. 233–250.

заимствовании готовых понятий и методических рецептов, тем более на заранее заданных идеологических схемах. Как показывает опыт, такое заимствование нередко приводит к «сопротивлению» исследуемого материала, к сужению или, напротив, неоправданной модернизации круга вопросов, задаваемых источникам, к игнорированию тех фактов, которые противоречат априорным исследовательским установкам. Универсальных понятий и методов-отмычек, одинаково применимых к любому объекту исследования и комплексу источников, не существует. Как справедливо отмечает Е. М. Михина, имея в виду широкий смысловой диапазон такого ключевого для исторической антропологии понятия, как «ментальность», это понятие «становится способным стимулировать мысль, обретает глубину и эвристическую силу, только будучи помещено в контекст формулируемых проблем, гипотез, частичных решений, понятных всем постановок вопроса, короче — в стихию того, что может быть названо “историко-антропологическим дискурсом” и что еще не успело вполне сложиться»²¹. Обращение к конкретному кругу объектов и проблем исследования с необходимостью предполагает соответствующую «настройку» понятийного аппарата и теоретико-методологического инструментария для выработки адекватной исследовательской стратегии и тактики, а также определение наиболее значимых и продуктивных линий возможных междисциплинарных контактов.

Все эти задачи весьма актуальны для такого нового направления, как военно-историческая антропология, которое закономерно выдвинулось в последние годы в рамках изучения военной истории²² и находится в процессе определения своего предметного поля и проблематики, развиваясь главным образом на материале военной истории Нового и Новейшего времени в тесном взаимодействии с военной психологией

²¹ [Михина Е. М.] Указ. соч. С. 12.

²² Стоит отметить, что вообще в сфере военной деятельности, по самой ее природе, ментально-антропологические параметры, прежде всего в их социально-психологических и аксиологических аспектах, имеют особое значение, часто оказываются даже важнее факторов социально-исторического, организационно-технического и политического толка. Показательно в этом плане, что как классическая, так и современная военно-теоретическая мысль, анализируя основы функционирования военной организации, уделяет немалое внимание тому, что прямо относится к антропологической сфере, т. е. духу армии, воинской доблести или, говоря в более современных понятиях, морально-психологическому состоянию войск, которое рассматривается как сложная, многомерная система, включающая в себя в качестве основополагающих элементов идейно-нравственные, общественно-психологические и массовые психические образования. См., например: Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. А. Рагинского. М., 1997. С. 201–211; Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997; Азаров В. М., Бурда С. М. Оценка морально-психологического состояния военнослужащих // Военная мысль. 2001. № 3. С. 34–41.

и социологией²³. Ростки данного направления становятся в последнее время все более заметными и в исследованиях, посвященных Древнему Риму. И хотя здесь число работ, в которых специально затрагивается круг вопросов, составляющих предмет интереса исторической антропологии, еще очень не велико, они достаточно показательны с точки зрения ведущих тенденций в развитии современного антиковедения, подтверждая его восприимчивость к тем импульсам, что идут из других сфер гуманитарно-исторического знания.

Среди многих теоретических вопросов, возникающих в исследовательском пространстве исторической антропологии вообще и ее военной отрасли в частности, на одно из первых мест с точки зрения нашей темы можно поставить проблемы, связанные с использованием понятия ментальности, которое прочно вошло и в научный арсенал, и в обиходное словоупотребление, но по-прежнему сравнительно редко используется в работах по военной истории Рима²⁴. Затрагивая те или иные грани данного феномена, историки оперируют обычно такими категориями, как «корпоративный дух» (*esprit de corps*), «особый моральный кодекс» и «воинский этос», «мораль армии». По-прежнему в высшей степени актуальной остается задача, поставленная 20 лет назад известным американским антиковедом Р. МакМалленом, — понять такой феномен, как душа римского солдата²⁵. Трудно, однако, согласиться с утверждением МакМаллена, что подход к изучению данного феномена,

²³ В отечественной науке большой вклад в разработку теоретических аспектов военно-исторической антропологии и в организационное становление этой дисциплины внесла Е. С. Сеньявская, которая является организатором «круглого стола» по военно-исторической антропологии, ответственным редактором ежегодника «Военно-историческая антропология», а также автором ряда фундаментальных исследований по новейшей военной истории России, выполненных в русле историко-антропологического направления. См.: *Сеньявская Е. С. 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование.* М., 1995; *она же. Человек на войне: историко-психологические очерки.* М., 1997; *она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России.* М., 1999; *она же. Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект // Homo belli — человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Российской науч. конф. 19–20 апреля 2000 г. Н. Новгород, 2000. С. 10–27; она же. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5–22.*

²⁴ Оно фигурирует почти исключительно в работах французских исследователей. См., в частности: *Harmand J. L'armée romaine et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère.* P., 1967; *Le Bohec Y. Op. cit.* (в указанном русском переводе этой книги переводчицы, правда, вместо слова «ментальность» используют такие понятия, как «умонастроения» и «представления»); *idem. La IIIe légion Auguste.* P., 1989; *Carrié J.-M. Il soldato // L'uomo romano / A cura di A. Giardina.* Bari, 1989. P. 99–142.

²⁵ *MacMullen R. The Legion as a Society // Historia.* 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 440: «...to understand anything so romantic as the soul of the soldier...»

в силу имеющихся свидетельств, может быть только социологическим, а не психологическим. На наш взгляд, именно понятие ментальности позволяет интегрировать собственно социальные, социокультурные, духовно-психологические, этические и идеологические аспекты в характеристике римского солдата и римской армии.

О содержательном наполнении и продуктивных возможностях понятия ментальности в познании прошлого немало сказано в минувшие десятилетия²⁶. Исследователями, с одной стороны, отмечается расплывчатость и неопределенность этого понятия, образующего своего рода «смысловое пятно», а с другой — подчеркивается его пластичность и позитивно оценивается характерная для настоящего времени тенденция все более расширять его содержание, включая в поле зрения историков ментальностей не только «подсознание» общества, но и философский, религиозный, научный и другие способы истолкования мира. Акцентируются разнообразие групповых ментальностей и своеобразная «разноэтажность» ментальной сферы, зависящая от социальной и профессиональной структуры общества, половозрастных, образовательных и проч. различий, но при этом все же предполагается, что существует и ментальность в широком смысле, как духовный универсум эпохи, общий для всего социума или этноса благодаря прежде всего языку и религии как главным цементирующим силам²⁷. В целом же под ментальностью понимается уровень индивидуального и коллективного сознания, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных усилий мыслителей, живая, изменчивая и при всем том обнаруживающая поразительно устойчивые константы магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и автоматизированных реакций, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и куль-

²⁶ Из огромного массива литературы, посвященной данной категории, следует в первую очередь выделить многочисленные работы крупнейшего отечественного медиевиста А. Я. Гуревича. Кроме названных выше, см.: *Гуревич А. Я.* Изучение ментальности: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6; *он же.* Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 454–455; *он же.* От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном... С. 16–29; *он же.* Ментальность как пласт социальной целостности (ответ оппонентам) // Там же. С. 50; *он же.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993; *он же.* «Территория историка» // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 81–109. См. также: *Вовель М.* Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. С. 456–459; *Рожанский М.* Ментальность // Там же. С. 459–463; *Дубов И. Г.* Феномен ментальности: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 20–29; *Михина Е. М.* Размышляя о семинаре: Субъективные заметки // Одиссей. 1993. М., 1993. С. 305 сл.

²⁷ *Гуревич А. Я.* От истории ментальностей к историческому синтезу... С. 21; [*Михина Е. М.*] От составителя... С. 10.

турной традиции²⁸. Единство той или иной ментальности, включающей столь разнородные и разнонаправленные элементы, обеспечивается, по мнению некоторых исследователей, не столько рациональной связью понятий, сколько разделяемыми в данной группе ценностями²⁹. Очевидно также, что понятие ментальности близко к понятию «картина мира» и включает в себя, если говорить языком семиотики, не столько «план выражения», сколько «план содержания», т. е. речевые и умственные привычки, неартикулированные установки сознания. Путь изучения ментальных структур и феноменов пролегает поэтому «не по вершинам уникальных шедевров и художественных и философских идей, но в долинах ритуалов и клише и в темных лесах символов и знаков»³⁰.

Итак, ментальность предстает как очень широкое, исключительно емкое понятие. Элементы, из которых она складывается, принципиально имплицитны, диффузны, тесно между собой взаимосвязаны, но в то же время противоречивы и нередко даже логически несовместимы. Сказать, как «устроена» ментальность, в какой степени и какую систему образуют ее элементы, — очень трудно³¹. Она, по сути дела, не образует структуру и может быть описана не в субординированных, более или менее однозначных понятиях, но в синонимах со смысловыми различиями, плохо дифференцированными по значению³². Возможно, прав поэтому Ф. Граус, заявляя, что ментальность нельзя определить, но можно описать, ибо она выявляется в мнениях и типах поведения. Это, по его словам, — абстрактное понятие, придуманное историками, а не явление, открытое ими в исторической действительности³³. Данное верно подмеченное обстоятельство не умаляет, однако, познавательной ценности рассматриваемой категории, которая состоит в том, что разными своими гранями ментальность смыкается с феноменами, относящимися и к общественно-психологической, и идеологической, и морально-аксиологической, и практически-деятельностной сферам. Понимаемая таким образом, ментальность выступает как синтетическая категория, наиболее адекватная для понимания — на уровне и макроструктур, и микропроцессов — исторического прошлого в его человеческом измерении. Вместе с тем она оказывается тем звеном, которое связывает социальные процессы и структуры, культуру и духовную жизнь, открывая

²⁸ Гуревич А. Я. Ментальность // 50/50... С. 454; *он же*. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. 1989. М., 1989. С. 115.

²⁹ Михина Е. М. Размышляя о семинаре... С. 305.

³⁰ Гуревич А. Я. От истории ментальностей к историческому синтезу... С. 21.

³¹ Михина Е. М. Размышляя о семинаре... С. 305.

³² Шкуратов В. А. Историческая психология. 2-е изд., перераб. М., 1997. С. 121.

³³ Цит. по: История ментальностей... С. 79–80.

путь к целостному видению истории³⁴. Действительно, если не рассматривать историю ментальностей как ключ ко всем дверям³⁵, то это понятие, несмотря на отсутствие однозначной трактовки, обладает немалыми эвристическими возможностями для историко-антропологического изучения военной истории и армии Древнего Рима. Возможности эти, однако, все еще остаются в должной мере нереализованными, хотя историко-антропологический подход давно и плодотворно применяется в изучении социально-политической и культурной истории античного Рима³⁶. Для их успешного использования необходимо соответствующим образом «настроить» используемый понятийный аппарат.

Обращаясь к понятию ментальности, важно отметить, что единство ментальности того или иного коллективного субъекта не столь самоочевидно, как может показаться на первый взгляд. В теоретических дискуссиях уже указывалось, что опасно исходить из априорных определений типа «ментальность дворянства» (крестьянства, духовенства и т. д.), ибо внутреннее многообразие и множество противоречивых черт, присущих ментальности одних и тех же социальных групп, часто не сводимы к общему знаменателю и не должны упускаться из виду. Представление о внутреннем единстве целых эпох (общественных слоев, народов) тем более есть миф³⁷. Это предостережение вполне обосновано. Реальное существование целостной, единой по своим основным параметрам ментальности, присущей всей армии, оказывается проблематичным, если учесть, что кардинальными характеристиками военной организации Римской империи были статусное разнообразие и иерархия³⁸. Как между разными родами войск, так и внутри частей и соединений существовали серьезные социальные, правовые и рангово-иерархические

³⁴ *Le Goff J.* L'appétit de l'histoire // *Essai d'ego-histoire*. P., 1987 (цит. по: *Бессмертный Ю. Л.* История на распутье // *Споры о главном...* С. 9).

³⁵ *Вовель М.* Указ. соч. С. 459.

³⁶ См., например: *Veune P.* Le paine et cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976; *Messlin M.* L'Homme romain des origines au 1er siècle de notre ère. P., 1978; *Antropologia e cultura romana. Parentela, tempo, immagini dell'anima*. Roma, 1986; *L'uomo romano / A cura di A. Giardina*. Bari, 1989; *Cizek E.* Mentalité et institutions politiques romaines. P., 1990. См. также интересные обзоры: *Кнабе Г. С.* К специфике межличностных отношений в античности (Обзор новой зарубежной литературы) // *ВДИ*. 1987. № 4. С. 164–181; *Späth Th.* Nouvelle histoire ancienne? Sciences sociales et histoire romaine: à propos de quatre récentes publications allemandes // *Annales: histoire, sciences sociales*. 1999. Vol. 54. N 5. P. 1137–1156; *Flaig E.* Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Antiken Rom. Göttingen, 2003.

³⁷ Таково, в частности, мнение известного медиевиста Ф. Грауса, высказанное в статье, помещенной в материалах конференции 1985 г.: *Mentalitäten im Mittelalter: methodische und inhaltliche Probleme / Hrg. von F. Graus*. Sigmarigen, 1987 (цит. по: История ментальностей... С. 81–82). Ср. также: *Burke P.* Strengths and Weaknesses of the History of Mentalities // *History of European Ideas*. 1986. Vol. 7. P. 439–451.

³⁸ *Ле Бозк Я.* Указ. соч. С. 19 сл.; 93–94; 146.

различия (например, между преторианской гвардией, легионами и вспомогательными частями или между рядовыми легионерами и высшими офицерами, которые в эпоху Принципата принадлежали почти исключительно к знати). Эти различия оказываются очень существенными при рассмотрении духовного облика солдат императорской армии, ибо, как обоснованно подчеркивает Я. Ле Бозк, «нельзя ставить на одну доску легионера и воина вспомогательных частей, особенно если этот последний несет службу в *pumetus*; кроме того, надо учитывать, что их положение менялось в период от Августа до Диоклетиана. К тому же... в то время происходила и общая эволюция, затронувшая всю совокупность обитателей ойкумены. Таким образом, в данном вопросе на первое место выходят социальный и временной факторы»³⁹. Очевидно, что не следует преувеличивать гомогенность — и социальную, и духовную — римских вооруженных сил (даже легионы в разные периоды истории Империи, хотя и комплектовались формально только из граждан, не были однородны ни по своему этническому и социальному составу, ни с точки зрения служебных функций, общественного и служебного престижа составлявших их военнослужащих).

В то же время нельзя отрицать и тот факт, что армия Ранней римской империи, как важнейшая государственно-политическая структура, особая профессиональная корпорация и специфический социальный организм, представляла собой в рамках римского мира своего рода «тотальный институт» и была, пожалуй, внутренне наиболее интегрированным, когерентным сообществом, в котором целенаправленно, с применением разнообразных эффективных средств культивировались жестко заданные стандарты поведения, конформизм и единообразие, являвшиеся немаловажным фактором управляемости и боеготовности огромной военной машины. Нивелирующая и интегрирующая сила армии обеспечивалась воинскими уставами и другими военно-правовыми установлениями, сознательно проводимой политикой качественного комплектования, отработанной системой обучения и воспитания личного состава, порядком чиновничества, гибкими мерами поощрения, социальными гарантиями и юридическими привилегиями, религиозно-культурной практикой, подчеркиванием персональных связей императора и войска, официальной пропагандой и идеологией, в которой военная служба всегда оценивалась как социально-престижная сфера деятельности. Все эти моменты, помимо прочего, превращали армию в оплот традиционных римских норм и ценностей, в один из важнейших факторов интеграции Империи в целом⁴⁰.

³⁹ Там же. С. 352.

⁴⁰ Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. Т. 1. Ростов н/Д, 1997. С. 558. Ср.: *Dahlheim W.* Op. cit. S. 216.

Корпоративное обособление и даже отчуждение (функциональное, пространственное и социокультурное) постоянной профессиональной армии от гражданского общества Империи, превращение солдата в особый социальный и морально-психологический тип, как мы попытаемся показать далее (см. гл. III), со всей определенностью фиксируется в источниках начиная с позднеереспубликанского периода. Не следует также забывать о том, что армия — это, во-первых, мужской мир, имевший демографическую структуру, существенно отличную от той, которая существовала в гражданских сегментах общества⁴¹, а во-вторых, вооруженная сила, главным предназначением которой была война, налагавшая на образ жизни и сознание солдат больший отпечаток, нежели их происхождение и все социальные связи⁴², и поэтому доминирующие ценности людей военных, безусловно, были в значительнейшей мере пронизаны «маскулинным духом»⁴³. Учитывая сказанное, представляется правомерным говорить об особой корпоративности (или корпоративизме) императорской армии как важнейшей стороне ее специфической социальности и основе той целостной воинской ментальности, которая была общей если не для всех римских военных, то, по крайней мере, для их подавляющего большинства⁴⁴. Именно эти базовые, типические

⁴¹ О демографической структуре армии см.: *Scheidel W. Rekruten und Überlebende: die demographische Struktur der römischen Legionen in der Prinzipatszeit* // *Klio*. 1995. Bd. 77. S. 232–254; *idem. The Demography of the Roman Army* // *Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire*. Ann Arbor, 1996. P. 93–138.

⁴² *Dahlheim W. Op. cit.* S. 203. Стоит, однако, отметить, что создание в Риме массовой постоянной армии было новым феноменом для древних обществ и в условиях *Romana I–II* вв. многие ее части на протяжении десятилетий не принимали участия в реальных боевых действиях, что дало повод некоторым современным историкам для иронических замечаний о том, что некоторые легионеры больше страдали от скуки, чем от врага, и больше времени проводили в тавернах, нежели в военных походах (*Picard G. Ch. Castellum Dimidi. P.*, 1947. P. 96; *MacMullen R. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*. Cambridge (Mass.), 1963. P. V). Это обстоятельство, естественно, также не может игнорироваться при выяснении специфики ментального облика римского солдата в эпоху Империи.

⁴³ *Alston R. Arms and the men: soldiers, masculinity and power in republican and imperial Rome* // *When men were men. Masculinity, power and identity in classical antiquity* / Ed. L. Foxhall and J. Smith. L.; N. Y., 1998. P. 205–223.

⁴⁴ В современной военной науке корпоративность (корпоративизм) рассматривается как наиболее значимое качество военного сообщества, как закономерная форма групповой самоорганизации военнослужащих, интеграции и институционализации их интересов в системе отношений «государство — гражданское общество». Она характеризуется прежде всего такими свойствами, как дух солидарности, общность групповых интересов, коллективная целеустремленность, глубокое чувство верности своей группе, которое простирается и на весь огромный коллектив, подчиненный верховному командованию. В социальном плане основой этой корпоративности являются специфика образа жизни и особые групповые, профессиональные интересы, а с духовной точки зрения она основана на ценностно-ориентационном единстве военнослужащих, их самоидентификации как сообщества

характеристики и константы должны исследоваться в первую очередь, ибо через соотнесение с ними могут быть выявлены и правильно истолкованы черты своеобразия в самосознании отдельных более узких рангов и специализированных по своим функциям групп внутри армии.

Разумеется, признавая существование неких универсальных черт, присущих любому военному сообществу или регулярной армии, их обусловленность основополагающими принципами и интенциями военного дела, необходимо во избежание анахронизмов и aberrаций руководствоваться тем, что называют презумпцией «инаковости» прошлого⁴⁵. Недопустимо увлекаться возникающими аналогиями, поскольку главной целью исторического исследования всегда остается обнаружение конкретно-исторического наполнения «универсальных» категорий и акцентирование уникальности изучаемых феноменов. В изучение ментальных представлений необходимо внести историчность, выявляя то, чем определялось их содержание и изменение с точки зрения как системно-структурного, так и субъективно-деятельностного подходов⁴⁶. Вместе с тем некоторые наблюдения и выводы современной военной социологии и психологии — дисциплин, интенсивно развивавшихся после Второй мировой войны, прежде всего в США⁴⁷, представляются

военных профессионалов (*Вахмистров В. П.* Социальные и духовные основы военного корпоративизма // *Военная мысль*. 2000. № 5. С. 39–43. См. также литературу, указанную ниже, в сн. 48–50). Некоторые из этих моментов акцентировал в свое время выдающийся теоретик военной науки К. Клаузевиц, чье мнение заслуживает быть процитированным в развернутом виде: «Как бы ни мыслили себе, совершенное воспитание в одной и той же личности качеств гражданина и воина... все же никогда не удастся устранить профессиональное своеобразие военного дела, а раз это так, то те, которые занимаются военным делом, и пока они им занимаются, будут смотреть на себя как на корпорацию, в порядках, законах и обычаях которой и фиксируются факторы войны... Поэтому было бы большой ошибкой при решительной склонности рассматривать войну с высшей точки зрения недооценивать этот специальный дух обособления (*Esprit de Corps*), который в большей или меньшей степени может и должен быть свойственен войскам. В том, что мы называем воинской доблестью армии, корпоративный дух является в известной степени связующим средством, спаивающим образующие ее природные силы. На корпоративном духе легче нарастают кристаллы воинской доблести...» (*Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 203–204).

⁴⁵ *Гуревич А. Я.* Историческая наука и историческая антропология... С. 59.

⁴⁶ *Ретина Л. П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // *Одиссей*. 1990. М., 1990. С. 171 сл.

⁴⁷ В отечественной военной литературе, несмотря на богатые традиции дореволюционного времени и некоторые интересные работы представителей белой эмиграции (см., в частности: Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997; О долге и чести воинской в Российской армии. М., 1990; Русская военная мысль: Конец XIX — начало XX века. М., 1982; *Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е.* «Во славу Отечества Российского» (развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XIX в.). М., 1984), лишь в самые последние годы стали появляться достаточно квалифицированные,

достаточно интересными и плодотворными для определения подходов к изучению военных структур далекого прошлого, в том числе и солдатской ментальности. В специальной литературе справедливо подчеркивается, что основой системы воинских ценностей, отличающейся консерватизмом и высоким уровнем конформизма, являются особые условия и компетенция воинской профессии, в первую очередь главная функция армии — осуществление насилия⁴⁸. Вполне обоснованны также высказываемые некоторыми авторами идеи о воинской этике как особом культурно-историческом феномене, который связан с историческими традициями данной нации и представляет собой комплекс специфических ценностей, питаемых чувством воинского братства и составляющих индивидуальный и коллективный кодекс чести⁴⁹. Важно, что в исследованиях военных социологов и психологов армия рассматривается как особая социальная структура, в которой во многом определяющую роль играют отношения в малых (референтных) группах. Такие группы по сути являются системой неформальных межличностных отношений, и так называемые вторичные символы играют в них известную роль лишь в той степени, в какой они интерпретируются в терминах, соответствующих повседневным нуждам отдельного солдата⁵⁰.

Не подлежит, однако, сомнению, что, несмотря на все внешние аналогии, природа подобного рода отношений и структур в античных арми-

объективные и интересные работы, тогда как в изданиях советского периода многие теоретические положения и подходы носили заведомо идеологизированный характер, что, безусловно, снижает их эвристическую ценность (см., например: *Волкогонов Д. А. Социологический и гносеологический анализ проблем военно-этической теории: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1971; он же. Актуальные проблемы советской военно-этической теории. М., 1972; он же. Воинская этика. М., 1976; Военная психология. М., 1972; Проблемы психологии воинского коллектива. М., 1973).*

⁴⁸ *Harries-Jenkins G., Moskos Ch. Armed Forces and Society // Current Sociology. The Journal of the International Sociological Association. 1981. Vol. 29. 3. Winter. P. 15; Goodpaster A. J., Huntington S. P. Civil-military relations. Washington, 1977. P. 7; Huntington S. P. The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil-Military Relations. 7th revised ed. Cambridge (Mass.); L., 1981. P. 8; 61 ff.; 79; Janowitz M. The Professional Soldier. Glencoe, 1960. Passim; idem. Sociology and the military establishment / Revised edition in collaboration with P. Little. N. Y., 1965. P. 110–111.*

⁴⁹ См., например: *Wilson S. For a Socio-historical Approach to the Study of Western Military Culture // Armed Forces and Society. 1980. Vol. 6. P. 527–552; War, morality and the military profession / Ed. M. Wakin. Boulder, 1979.*

⁵⁰ *Brotz H., Wilson E. K. Characteristics of Military Society // American Journal of Sociology. 1946. Vol. 51. March. P. 371–375; Freeman F. D. The Army as a Social Structure // Social Forces. 1948. Vol. 27. P. 78–83; Lang K. Military Institutions and the Sociology of War. A Review of the Literature with Annotated Bibliography. Beverley Hills, e. a., 1972; George G. Primary Groups, Organisation and Military Performance // Handbook of Military Institutions / Ed. P. W. Little. Beverley Hills, 1971. P. 293–318; The social psychology of military service / Ed. N. L. Goldman and D. R. Segal. Beverley Hills; Sage; L., 1976.*

ях существенно отличалась от того, что можно увидеть в современных вооруженных силах. Эти взаимосвязи и соответствующие ментальные установки по самой своей сути не просто функциональны и техничны: будучи обусловленными объективными потребностями военной деятельности, они вместе с тем изоморфны тем социальным практикам и структурам, которые характерны для того или иного общества. Понятно, что такие, к примеру, феномены, как фиванский священный лох, в котором служили любовники, связанные клятвами взаимной верности, или же отношения патроната-клиентелы, объединявшие римских полководцев и подчиненных им солдат в эпоху Поздней республики, а в период Империи — императора и всю армию в целом, можно понять только исходя из социокультурных традиций античных обществ. Поэтому нужно со всей определенностью еще раз подчеркнуть, что любые обобщения, делаемые на современном, эмпирически исследуемом материале, представляют собой не более чем ориентировочные модели, которые при их проецировании на отдаленное прошлое должны, во-первых, учитывать специфику этого прошлого как целостной исторической эпохи и особой цивилизации, а во-вторых, тщательно проверяться конкретными данными источников, анализ которых может либо модифицировать их, либо вовсе опровергать. Современные военная социология и психология отнюдь не могут дать готовые ответы на вопросы о сущности римских военных установлений, но лишь помогают выработать определенную постановку проблем, привлечь внимание к тем факторам и аспектам, которые представляются значимыми с высоты современных знаний, но очень часто не вызывали специального интереса у античных авторов и их современников и соответственно не нашли эксплицитного выражения в наших источниках. Иными словами, необходимо взаимодействие сообщений, идущих из прошлого, с теми импульсами и вопросами, которые посылает в прошлое мысль современного историка, черпающего многие проблемы и модели из того исследовательского поля, где трудятся специалисты различных социальных наук⁵¹. В этом только и может заключаться корректное применение междисциплинарного подхода.

Возвращаясь к обсуждению понятий, которыми обозначено предметное поле нашего исследования, обратим внимание также на принципиально важный — и в теоретическом, и в практически-исследовательском плане — вопрос о соотношении и взаимном опосредовании в воинской ментальности различных пластов и компонентов, а именно: военно-этических норм и ценностей, религиозных представлений, исходных и новообразованных парадигм римской официальной идеологии и тех идейных комплексов, которые принято называть обществен-

⁵¹ Гуревич А. Я. «Территория историка»... С. 107.

но-историческими мифами⁵². Мы уже указали на предельную широту и растяжимость понятия ментальности. Как верно отмечает в связи с этой его характеристикой А. Я. Гуревич, «для того чтобы историк мог с ней (ментальностью. — А. М.) совладать, ее необходимо структурировать, и это поможет более глубокому пониманию исторической целостности»⁵³. Можно разделить также мнение П. Динцельбахера, согласно которому история ментальности — это нечто большее, нежели изучение интеллектуальных концепций элит или отдельных мыслителей, это больше, чем история идеологии или религии, чем история эмоций и представлений. Все перечисленное — своего рода вспомогательные дисциплины по отношению к истории ментальностей. Сказать, что описана определенная ментальность, можно только тогда, когда результаты, полученные в рамках этих дисциплин, объединяются в некую уникальную комбинацию характерных и взаимосвязанных элементов⁵⁴. Вполне очевидно, что ментальность не может быть сведена ни психике⁵⁵, ни к идеологии⁵⁶. В то же время изучение коллективной морали, психологии и конкретной субкультуры, как и ментальности в целом, не может отрываться от верхнего слоя общественного сознания — идеологии, которая питается и окрашивается социальной психологией и, в свою очередь, влияет на ее формирование⁵⁷. По справедливому замечанию М. Рожанского, «идеологические средства способны активизировать определенные аспекты ментальностей, но они, по-видимому, в большей мере их высвечивают и выявляют, нежели создают, ибо пускают корни в обществе преимущественно лишь те стороны идеологии,

⁵² Исключительно глубокую трактовку данной категории дает в своих работах Г. С. Кнабе: *Кнабе Г. С. Римский миф и римская история // Жизнь мифа в античности: Материалы науч. конф. «Випперовские чтения — 1985».* Вып. XVIII. Ч. 1. М., 1988. С. 41–252; *он же.* Рим Тита Ливия — образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города: В 3 т. Т. III. М., 1993. С. 590–655; *он же.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 456–466. См. также: *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // *Культура Древнего Рима.* В 2-х тт. Т. I. М., 1985. С. 35 сл.

⁵³ *Гуревич А. Я.* Ментальность как пласт социальной целостности (ответ оппонентам) // *Споры о главном...* С. 50.

⁵⁴ *Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen / Hrsg. von P. Dinzelsbacher.* Stuttgart, 1993 (цит. по: История ментальностей... С. 98).

⁵⁵ Мы склонны согласиться с В. А. Шкуратовым, что ментальность вообще альтернативна понятию психики (*Шкуратов В. А.* Указ. соч. С. 120–121).

⁵⁶ *Burke P.* History and Social Theory. Cambridge, 2000. P. 94–96; *Vovelle M.* Idéologies et mentalités. P., 1982. P. 1–12.

⁵⁷ *Мадиевский С. А.* Методология и методика изучения социальных групп в исторической науке. Кишинев, 1973. С. 30; *Сенявская Е. С.* Теоретические проблемы военной антропологии... С. 23–24; *она же.* Военно-историческая антропология как новая отрасль... С. 14.

которые находят себе почву в ментальностях, перерабатываются в соответствии с ними»⁵⁸.

На наш взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые центральным компонентом в структуре ментальности признают ценности, типичные для данной группы и образующие определенную иерархию⁵⁹. В самой же системе ценностных ориентаций того или иного коллективного субъекта необходимо различать, по меньшей мере, два уровня: один относится к *этике*, т. е. к формальному, как правило, публично санкционированному и поощряемому в данном обществе, часто идеологически обоснованному поведенческому коду, нормативному идеалу; второй же принадлежит к сфере практической морали, воплощенной в нравах, привычках, суждениях и оценках, которыми пользуются члены группы в своей повседневной жизни. Для обозначения этого последнего наиболее подходящим нам кажется понятие *этоса* в том содержании, в каком оно используется, например, в известной работе М. Оссовской, которая резонно противопоставляет этику как теоретическую дисциплину этосу, определяя последний как стиль жизни какой-то общественной группы, принятую в ней иерархию ценностей, которые не совпадают с теми, что являются предметом этики⁶⁰.

Применительно к военной сфере можно говорить соответственно о воинской этике и воинском этосе. В некоторых аспектах они, по всей видимости, могут пересекаться и согласовываться, становиться взаимозаменяемыми понятиями, в других же — серьезно расходиться и даже противоречить друг другу. Чтобы наглядно представить различие между воинской этикой и воинским этосом, достаточно сопоставить, к примеру, такие понятия, как «карьеризм» и «честолюбие», «круговая порука» и «воинское товарищество», «личная преданность» и «верность долгу», «корыстолюбие» и «честь». Реальный воинский этос, таким образом, включает в себя и позитивные, и нейтральные, и даже осуждаемые с точки зрения морального идеала качества. По нашему убеждению, его надлежит рассматривать как эмпирическое восприятие и практическую реализацию в солдатской среде того военно-этического кодекса, который, с одной стороны, вырабатывается непосредственно в практике военной деятельности и повседневной жизни армии, а с другой — предъ-

⁵⁸ Рожанский М. Указ. соч. С. 456.

⁵⁹ Ср. точку зрения Ж. Ле Гоффа: «Оно (понятие ценностной ориентации. — А. М.) позволяет учитывать при изучении истории динамику, изменение; оно охватывает феномен человеческих желаний и устремлений; оно восстанавливает этику прошлых обществ» (Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. 1991. М., 1991. С. 26).

⁶⁰ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали / Пер. с польск. М., 1987. С. 26.

является обществом и государством вооруженным силам, официально пропагандируется и закрепляется в сакральных и правовых нормах.

Этот неписанный военно-этический кодекс, несомненно, в значительной мере ориентирован на парадигмы римских общественно-исторических мифов, которые, в отличие от пропагандистских фикций, активно воздействовали на самочувствие, самоидентификацию и поведение личностей и масс, будучи основанными на характерных и на протяжении очень длительного времени актуальных для римского социума социально-психологических структурах⁶¹. На непосредственную взаимосвязь этих мифов и постулатов воинской этики с реальным воинским этосом может указывать известное совпадение системы таких базовых понятий, как *virtus*, *honor*, *fides*, *pietas* и др., которые использовались как римскими идеологами в характеристиках нормативных воинских качеств и в описаниях реальных поступков солдат, так и в текстах, происходящих из самой армейской среды. Фундаментальные для римской цивилизации идеологемы и мифологемы оказывали на армию, учитывая сильный консерватизм ее устоев, влияние не меньшее, а скорее даже большее, чем на другие группы населения Империи, но и сами они, в свою очередь, подвергались определенной селекции и мутациям в военной сфере, приспособляясь к ее нуждам и испытывая воздействие тех перемен, которые имели место в военных структурах и социально-политических устремлениях солдатской массы. Одни и те же категории, несомненно, по-разному звучали в военном и гражданском мирах. Поэтому принципиально важно выяснить собственно военное, профессионально-корпоративное наполнение и смысл тех или иных категорий, характеризующих различные добродетели и пороки, идеалы и особо почитаемые ценности, многие из которых имеют в Риме с его милитаристской культурой военные истоки, как, например, всеобъемлющее понятие римской *virtus*.

Необходимо также иметь в виду, что этические ценности тесно взаимосвязаны с нормами, но не совпадают с ними. Если первые в большей степени соотносятся с целеполагающими сторонами человеческой деятельности, то вторые тяготеют преимущественно к средствам и способам ее осуществления. Разумеется, нормативная система основывается на внутренней монолитности и более жестко детерминирует деятельность, чем ценности, ибо нормы не имеют градаций (им либо следуют, либо нет, рискуя оказаться под воздействием соответствующих санкций), тогда как ценности различаются по «интенсивности» и имеют иерархическую структуру. Эти теоретические выводы Л. И. Иванько⁶²,

⁶¹ Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия... С. 646–647.

⁶² Иванько Л. И. Ценностно-нормативные механизмы регуляции // Культурная деятельность: опыт социологического исследования. М., 1984. С. 50–51.

бесспорно, применимы для анализа механизмов регуляции поведения и в армии, функционирование которой базировалось в первую очередь на жестко предписанных нормах, зафиксированных в воинских уставах и правилах субординации. И если изучение этих норм предполагает системный анализ эволюции военно-организационных структур, военного права, системы чинов, воинских ритуалов и т. п., то исследование ценностных ориентаций римских солдат неизбежно выходит на такие области исследования, как религия и социальная психология, официальная идеология и пропаганда, общественно-историческая мифология. Очевидно, что только такой подход, учитывающий также специфику армии как социального организма и государственного института, позволяет исследовать воинскую ментальность как некую целостность, руководствуясь внутренними связями и приоритетами той системы ценностей, с которой сообразовывались сами древние.

Нельзя не согласиться с мыслью французского историка Ж.-М. Давида, что правильный метод для реконструкции присущего человеку прошлого *Weltanschauung* состоит в систематизации всех признаков, характеризующих нормы поведения: это лексемы, описывающие набор добродетелей и пороков, положительные и негативные суждения, провозглашаемые идеалы и наказуемые нарушения, перечни образов и поступков, используемые в качестве примеров. Для воссоздания кодов римской этики необходимо сопоставлять все эти признаки и выстраивать их ряды, выявляя тем самым топику праведных и неправедных поступков, определявшую конкретный выбор поведения⁶³. При этом, подчеркивает Давид, следует «твердо придерживаться той точки зрения, что чувства, которые кажутся нам вполне одинаковыми для всех обществ, были совершенно своеобразными, внутренне определенными, а Цицерону или Тациту придавать значения не больше, чем этнолог своим информаторам из племени бороро»⁶⁴. Такой подход действительно оправдан в изучении не только эмоций, морали и типичных психологических реакций, но и тех идейных комплексов, которые на уровне ментальности представляют собой, по словам А. Я. Гуревича, «не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и неконтрольно видоизменяет»⁶⁵.

⁶³ Ср. с мнением Ж. Ле Гоффа о том, что при изучении источников нужно обращать внимание не столько на «что», сколько на «как», выявляя прежде всего топысы — эту «соединительную ткань духа» (*Le Goff J. Les mentalités: une histoire ambiguë // Mentalitätengeschichte. Zur Rekonstruktion geistlicher Prozesse...* P. 27. Цит. по: История ментальностей... С. 42).

⁶⁴ Давид Ж.-М. Ответ Георгию Степановичу Кнабе // ВДИ. 1995. № 2. С. 212–213.

⁶⁵ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов»... С. 231.

Заслуживают самого пристального внимания и некоторые из идей, высказанных П. Берком. Чтобы приблизиться к разностороннему постижению ментальности, необходимо, по его мнению, интенсивнее изучать такие три рода феноменов, как интересы, категории, структурирующие различные картины мира, и метафоры⁶⁶. Если обращение к проблеме интересов (особенно в моменты конфликта разных интересов в сознании человека) позволяет посмотреть на ментальность «снаружи», со стороны социальных условий, то углубленное изучение языка (прежде всего «господствующих метафор») предполагает взгляд «изнутри». Что же касается категориальных, классификационных схем, то они позволяют представить ментальность как сумму или пересечение разных микропарадигм и мыслительных стереотипов, которые не только взаимно увязаны, но могут приходиться в противоречие друг с другом. С одной стороны, они приближаются к господствующим метафорам, а с другой — связаны с интересами и стремлением к власти различных социальных групп. Интереснейшие примеры подобных представлений и метафор в большом числе обнаруживаются в римских источниках. Достаточно вспомнить, что во многих литературных и даже юридических текстах (например, CTh. VII. 1. 8; 13. 16; 20. 10) слово *sudor*, «пот», и производные от него обозначают военную службу⁶⁷, которая в общественном сознании представлялась как отсутствие праздности, постоянные ратные труды и тяготы, составлявшие и героическую норму армейской жизни, и надежное средство пресечь ослабление дисциплины, в чем были напрямую заинтересованы власти и интеллектуальная элита, производившая соответствующие тексты.

В литературе неоднократно отмечалось, что сила воздействия ментальных структур (социальных норм, этических ценностей, коллективных представлений) на поведение людей заключена в их длительности, в том, что они проявляются как некие унаследованные от прошлого рамки⁶⁸. История ментальностей, по определению Ж. Ле Гоффа, есть

⁶⁶ *Burke P.* Strengths and Weaknesses of the History of Mentalities...

⁶⁷ Аналогичным образом в литературных источниках употребляется и слово *sarcina* (переносимое солдатом снаряжение). См.: *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 118. В этом плане, наверное, стоит обратить внимание на одну примечательную особенность, отличающую римское понимание сути военного дела от греческого и проявившуюся, в частности, в сфере изобразительного искусства. Если в греческих изобразительных памятниках отсутствуют сцены с воинами, занятыми инженерными и строительными работами, то в римском искусстве они представлены достаточно широко, особенно выразительно — на таких шедеврах, как рельефы победных колонн, воздвигнутых императорами Траяном и Марком Аврелием. Резонно задать вопрос: не является ли подобная героизации повседневного ратного труда в конечном счете изоморфной крестьянской сущности римской *civitas*?

⁶⁸ *Ленни Б.* Общество как единое целое. О трех формах анализа социальной целостности // *Одиссей.* 1996. М., 1996. С. 163.

история замедлений⁶⁹. Ее невозможно изучать на коротких временных промежутках. Генезис и эволюция ее базовых параметров связаны, как правило, с латентными сдвигами, которые бывает очень трудно обнаружить в источниках. Поэтому вполне закономерна при ее изучении переориентация мысли исследователя, работающего в русле историко-антропологического подхода, с динамики и диахронии на статику и синхронию, с развития — на функционирование⁷⁰. Помимо всего прочего, такая переориентация, очевидно, связана и с присущим современному историческому познанию отчетливым пониманием нелинейного характера исторического времени и цикличности исторических процессов. Это побуждает интересоваться инвариантными, воспроизводимыми во времени явлениями, конкретной интерпретацией в различные временные периоды «вечных» человеческих ценностей. По существу речь идет о признании в качестве исследовательского приоритета тех инвариантных на протяжении длительного времени традиций и тех функциональных связей между историческими факторами, которые образуют содержательную характеристику понятия «цивилизация»⁷¹.

Следуя этой теоретической установке в конкретном исследовании, нужно иметь в виду, что общества не только и столько эволюционируют, сколько *воспроизводятся*, стремясь воссоздать организующие их экономические, социальные, концептуальные и воображаемые структуры, в том числе этические системы. Именно понятие воспроизводства может служить ключом для решения вопроса об отношении между этической системой (шире — ментальностью) и другими механизмами, обеспечивающими функционирование общества в целом⁷² (или его определенного сегмента). В числе важнейших механизмов такого рода следует выделить культурные традиции, которые в современной теории культуры трактуются расширительно — как интегральное явление, пронизывающее все сферы общественной жизни и синтезированно выражающее самые разнообразные виды групповых, социально организованных стереотипов человеческой деятельности. Как информационная характеристика культуры, традиции аккумулируют принятый группой, т. е. социально стереотипизированный, опыт и обеспечивают его пространственно-временную передачу и воспроизводство в различных человеческих коллективах⁷³. В таком широком значении понятие

⁶⁹ *Le Goff J.* Les mentalités: une histoire ambiguë... P. 23 (цит. по: История ментальностей... С. 41).

⁷⁰ *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов»... С. 282.

⁷¹ *Хвостова К. В.* История: проблемы познания // ВФ. 1997. № 4. С. 69.

⁷² *Давид Ж.-М.* Указ. соч. С. 213 сл.

⁷³ *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983. С. 153–154; 162; 170; *он же.* Узловые проблемы теории культурной

культурной традиции позволяет охватить не только обычаи, ритуалы и поведенческие установки, но и ряд родственных им форм, в том числе юридически регламентированные установления, а также все формы устойчивой организации коллективной жизни, основанные на научении⁷⁴. Последний момент ни в коем случае не должен игнорироваться, ибо, как справедливо отмечает П. Берк, традиции не сохраняются автоматически, благодаря «инерции», но в значительной мере передаются в результате упорной работы различных агентов социализации (родителей, учителей и др.)⁷⁵. Иначе говоря, в социокультурных традициях закрепляется сознательный, прошедший длительную апробацию, а иногда и целенаправленно заимствуемый и «изобретаемый» опыт людей, и поэтому они неотделимы от ментальности и других форм общественного сознания. При этом принципиально важно, что традиции, транслируя структурно упорядоченный опыт, выступают как специфический способ социального наследования и групповой самоидентификации⁷⁶.

Принимая во внимание все эти теоретические выкладки и учитывая столь характерные в целом для Древнего Рима консерватизм и приверженность старозаветным традициям, *mores maiorum*, а также особую консервативность античных военных установлений (связанную, разумеется, и с практически неизменным на протяжении веков техническим базисом), не будет преувеличением сказать, что континуитет и трансформации в военных традициях (относящихся к системе комплектования и подготовки войск, взаимоотношениям солдат и военачальников, воинским ритуалам и религии, к системе наград и т. д.), по существу, определяют всю историю римской армии. Основы этих традиций обнаруживают поразительную устойчивость и живучесть в течение многих столетий — от времен Ранней республики до эпохи Домината. Передаваемые из поколения в поколение благодаря как самим базовым принципам построения римских вооруженных сил, так и сознательной деятельности военачальников и командиров, эти традиции, укорененные в полисных институтах и римском национальном характере, позволяли армии императорского Рима оставаться, несмотря на все внутренние и внешние изменения, именно *римской* даже тогда, когда в ее составе практически не осталось уроженцев Рима и Италии. Изучение этих традиций самым непосредственным образом связано с

традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80 сл. См. также дискуссию по этой статье: Советская этнография. 1981. № 2. С. 97–115; № 3. С. 45–78.

⁷⁴ Маркарян Э. С. Теория культуры... С. 162.

⁷⁵ Burke P. History and Social Theory... P. 125.

⁷⁶ Бернштейн Б. М. Традиции и социальные структуры // Советская этнография. 1981. № 2. С. 108; Данилова Л. В. Традиция как специфический способ социального наследования // Там же. № 3. С. 48–49.

одной из осевых проблем римской истории императорского времени. Это проблема взаимодействия, взаимоопосредования республикански-полисных традиций и нивелирующих тенденций централизованной сверхдержавы. Противоречивое, подвижное единство этих начал, то, что Г. С. Кнабе метко назвал «республикански-имперской двусмысленностью государственного бытия»⁷⁷, наглядно обнаруживается в самых различных сферах и структурах Римской империи, в том числе и в армии. Только в проекции этого основополагающего противоречия можно понять те сдвиги и мутации, которые неизбежно возникали в ходе исторического развития и со временем закреплялись в новых традициях и в сознании как самого военного сообщества, так и различных слоев римского социума. Разлады и конфликты традиционных установок с новыми взглядами, потребностями и интересами, достигавшие порой высокого напряжения, были движущей силой этого развития.

Итак, с теоретической и междисциплинарной точек зрения представляется очевидным, что разнообразные военные традиции, рассматриваемые в социокультурном плане с акцентом на их ментальных компонентах, являются одним из первостепенных по значимости факторов, который обеспечивал воспроизводство римской военной организации и как определенной самодостаточной целостности, и как одного из важнейших элементов римской цивилизации. В традициях органически сплавляются воедино эмпирически выработанные способы коллективной деятельности и взаимоотношений в различных группах, имплицитные ценностные установки, автоматизмы сознания и целенаправленно прививаемые путем воспитания и обучения профессиональные навыки и нормы поведения, символические практики, правовые и сакральные установления, глубинная историческая память, ментальные архетипы и творческие усилия конкретных людей по осмыслению и использованию опыта предшествующих поколений в меняющихся жизненных условиях. Системное исследование этого сложного «сплава» является одним из базовых плацдармов для достижения того исторического синтеза, к которому стремится современная антропологически ориентированная наука, ставящая в центр внимания целостного человека, единство социальных, духовно-психологических, профессиональных и проч. аспектов его бытия. Разумеется, до решения этой глобальной задачи пока еще очень далеко. Но ясно, что работа в данном направлении предполагает полидисциплинарный подход, обращение к концепциям ряда наук (в частности, к военным отраслям социологии и социальной психологии), а также использование всей совокупности достижений современ-

⁷⁷ Кнабе Г. С. Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // ВДИ. 1997. № 3. С. 67.

ных исследований конкретных сторон жизнедеятельности и эволюции римской армии.

Таким образом, в предлагаемой вниманию читателей книге предпринята попытка последовательно, «синтетически» реализовать в изучении римской императорской армии историко-антропологический, социоисторический и цивилизационный подходы, интерпретируя социально-политические и ментально-идеологические параметры римской военной организации в их неразрывном единстве и взаимообусловленности, с максимальным учетом общеисторического контекста. Основной акцент при этом делается на выявлении продолжающегося бытия исконных традиций и ценностей, на их трансформации во взаимодействии с теми новыми установлениями, которые появлялись в жизни армии и военных структурах в ходе исторического развития римской державы.

Глава I

ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Литературные и юридические источники

Нашему стремлению познать традиции, систему ценностей и идеологию римской армии поставлены достаточно жесткие пределы составом и характером имеющихся у нас в распоряжении свидетельств, хотя по сравнению с греческим или македонским воином классического и эллинистического времени римскому солдату, казалось бы, сильно «повезло»: в источниках он представлен гораздо разностороннее и полнокровнее своих «коллег». Исследователи императорской армии располагают огромной по своему объему совокупностью самых разнообразных данных о ее жизнедеятельности и духовном облике, в том числе и теми, которые происходят непосредственно из армейской среды: многочисленными надписями, острака и папирусными документами официального и частного содержания, любопытными образцами солдатского жаргона и фольклора, доносящими до нас *viva vox* римских солдат, изобразительными памятниками и многочисленными материальными остатками. Поэтому говорить о солдатах императорской армии как о совершенно безмолвующей, безликой и безымянной массе было бы преувеличением. Понятно, что в силу особенностей римской истории войны, а стало быть, армия и военные деятели неизменно находились в центре внимания античных историков.

Мы располагаем также многочисленными юридическими текстами, посвященными правовому статусу военнослужащих и военно-уголовному праву, богатым нумизматическим материалом, отражающим идеологические и пропагандистские приоритеты властей. Вместе с тем специфика предмета и хронологические рамки исследования диктуют особые подходы к отбору и методам интерпретации источников. Многоаспектность рассматриваемой проблематики предполагает привлечение всей совокупности имеющихся источников, разнообразных в типологическом, жанровом и хронологическом отношениях. Эти

источники, которые можно подразделить на нарративные (литературные), юридические, эпиграфические, папирологические, нумизматические, лингвистические и археологические, далеко не равноценны по объему, репрезентативности и достоверности содержащейся в них информации.

Для изучения традиций и ментальности римской армии первостепенное значение имеют литературные источники. Это и памятники греческой и латинской историографии и ораторской прозы разных жанров, и произведения римских поэтов, и специальная военно-научная и антикварная литература, и произведения христианских авторов. Но при обращении к этому роду источников возникает немало серьезных проблем. И не только потому, что «каждый жанр, каждая культурно-значимая разновидность текста отбирает свои факты»¹. Действительно, в литературных текстах *miles Romanus* предстает в самых различных (хотя и далеко не во всех) ипостасях и, главное, в активном действии, в моменты боевых событий и политических потрясений, гораздо реже — в обыденных мирных условиях. Однако в абсолютном большинстве случаев его активность и внутренний мир показаны извне и отнюдь не в нейтральном, но в идеологически насыщенном и литературно организованном повествовании. Встречаясь на страницах литературных произведений с римскими военными, мы оказываемся перед лицом особой литературной реальности, которая создавалась людьми, отделенными, как правило, от рядовой солдатской массы огромной социальной и культурной дистанцией. Эти люди имели собственные ценностные приоритеты и предубеждения, преследовали в своих сочинениях определенные политические и идеологические цели, были наделены к тому же неодинаковой мерой таланта и способности проникнуть в духовный мир своих персонажей.

Конечно, не следует думать, что все эти моменты создавали непреодолимые преграды для глубокого понимания психологии рядового воина со стороны тех аристократов и «интеллектуалов», которые брались за перо и обращались к военной тематике. Некоторые римские авторы либо сами были военными деятелями с большим опытом, как Юлий Цезарь, Веллей Патеркул или Аммиан Марцеллин, либо имели родственников из числа офицеров, как, например, Светоний, так что точность их суждений о римском солдате вполне сопоставима с их суждениями о людях своего круга². Тем более интересны и показательны выносимые ими оценки тех или иных военачальников.

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 304.

² Lendon J. E. *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World*. Oxf., 1997. P. 238.

Кроме того, нужно иметь в виду, что гуманитарно-литературное образование античного времени давало человеку достаточно разносторонние познания, в том числе и в военном деле, включая исторические примеры и общие места, которые, очевидно, были не просто голой риторикой, но воплощали действенный опыт многих поколений³. В целом в литературных текстах, независимо от их жанра и авторства, мы имеем дело с определенными образами римского солдата и римского полководца, складывающимися, как и все прочие литературные образы, из множества компонентов: универсальных и индивидуальных черт, сюжетных контекстов, стандартных лексем, описывающих добродетели и пороки, ассоциативных рядов, оценочных авторских интонаций и т. д. При этом набор базовых характеристик и оценок римского солдата (конца республиканского периода и императорского времени) обладает поразительной устойчивостью, повторяясь в практически неизменном виде в сочинениях самых разных по времени создания, содержанию, жанрам, авторской манере, политическим тенденциям и художественным достоинствам.

Как литературный тип, как обобщение, художественное по своему существу, образ римского воина есть некий код, точнее, совокупность различных кодов — сюжетных, жанровых, идеологических, социальных, которые особым образом зашифровывают и преломляют эмпирическую реальность. Поэтому, чтобы приблизиться к пониманию самой этой реальности, необходимо отдавать себе отчет в такой «непрозрачности» литературных свидетельств. В первую очередь важно обращать внимание не столько на то, *что* говорится древними авторами о римском воине, сколько на то, *как* это говорится; не столько на присущие отдельным произведениям особенности в трактовке образа римского солдата, сколько на общие для всей античной литературы идейные установки и оценки. Без выявления и анализа соответствующих общих мест невозможно прояснить факты и черты, характеризующие собственно солдатскую ментальность. Все эти *loci communes*, кроме того, интересны и показательны сами по себе — как выражение определенных граней общественно-политического сознания эпохи. Стереотипность и эмоциональная окрашенность дискурса с достаточной определенностью указывают не только на устойчивую литературную традицию, но

³ При наличии врожденных способностей таких книжных сведений могло оказаться достаточно, чтобы сделаться, подобно императору Юлиану, хорошим военачальником, даже не обладая никакой специальной подготовкой и опытом, шагнув на военное поприще прямо со «студенческой скамьи» (см.: Liban. Or. XVIII. 38–39; 53; 72; 233). См.: Махлаюк А. В. Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского. Н. Новгород, 2003. С. 30–35.

и на те проблемы, которые были действительно значимы, злободневны для античных писателей и их аудитории. Подробно на этой теме мы остановимся ниже (см. гл. III). Пока же констатируем следующее.

Для нашего исследования важны не столько особенности индивидуальных взглядов того или иного античного автора, сколько некие общие идеи, словесные штампы, идеологические клише и устойчивые оценки, с помощью которых мыслилась, описывалась, оценивалась, а в конечном счете и воспроизводилась (транслировалась) из поколения в поколение та или иная модель поведения и восприятия. Обращаясь к литературным топосам, мы, конечно, имеем дело с риторикой, которая — будь то собственно ораторская проза, эпическая поэзия или же сочинения историографического жанра — очень часто бесконечно далека от реальной действительности. Но надо иметь в виду, что для античного взгляда на вещи, в противоположность современному, общее место, по верному замечанию С. С. Аверинцева, есть «нечто абсолютно необходимое, а потому почтенное. Общее место — инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать пестроту легко обозримой для рассудка»⁴. Поэтому античная риторика предстает как подход к обобщению действительности. С этой точки зрения очень многое может дать использование малодостоверных или даже фиктивных источников, ибо, каким бы ни было их отношение к факту, все они показывают, как люди прошлого воспринимали и мыслили порядок вещей, что они ожидали от солдат и военных лидеров. «Если на протяжении нескольких веков и обширных пространств люди высказывают одни и те же предположения и повторяют одну и ту же ложь, — замечает в этой связи Дж. Лендон, — то, значит, мы имеем возможность сделать определенные заключения из этих предположений и лжи»⁵.

Дошедшие до нас литературные памятники в большинстве своем чрезвычайно далеки от породившей их человеческой активности. Сведения этих памятников об эмпирических феноменах отделены от них различными механизмами культурной трансляции. Поэтому реально (по крайней мере на первом этапе исследования) приходится восстанавливать характеристики не сознания людей прошлого, но порождающих их социокультурных систем⁶. Важно при этом помнить, что «историко-

⁴ Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 16. Ср.: он же. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М., 1991. С. 18.

⁵ Lendon J. E. Op. cit. P. 28. Ср. также другое его замечание: «Если историческая традиция изображает честь как важный элемент управления, значит, честь — нечто большее, нежели риторика: она, по меньшей мере, есть идеология» (ibid. P. 25).

⁶ Шкуратов В. А. Историческая психология. 2-е изд., перераб. М., 1997. С. 87.

культурному целому источника соответствует историко-социальное целое явления, общества...»⁷. Для того чтобы понять ментальность людей прошлого, как авторов, так и тех людей, о которых они писали, необходимо вхождение в знаковую и понятийную системы создателя текста, семантический анализ терминов и категорий, используемых им и отражающих типичные представления эпохи; необходим также формальный анализ речевой стихии, направленный на выявление структуры текста, которая отражает сознательное или неосознанное стремление его создателей подчеркнуть те или иные высказывания⁸. «Фактура» и смысл исторических феноменов (в том числе, а может быть, и в первую очередь, феноменов, относящихся к сфере ментальностей и идеологии) неотделимы от тех нарративно-литературных форм, в каких они предстают перед нами, становясь объектом изучения. Любой более или менее значимый исторический феномен становится познаваемым, если он выделяется как таковой из общего нерасчлененного потока исторического бытия, фиксируется и маркируется — терминологически, семантически, идеологически и т. д. — в тех или иных текстах, а в конечном счете — в сознании самих субъектов истории и носителей исторической памяти и рефлексии. Каждая эпоха имеет присущие ей ракурсы и приоритеты видения, способы презентации общественных явлений. Эти приоритеты, естественно, могут не совпадать с теми, которые есть у современных исследователей. То, что в первую очередь интересует современного историка, очень часто мало интересовало или находилось на периферии сознания историка древнего, который к тому же располагал совсем другими понятийным аппаратом, системой представлений, не говоря уже о том, что он был политически и идеологически ангажирован. Поэтому исторические феномены не могут и не должны изучаться в отрыве от анализа тех форм, в каких данные феномены представлены в источниках.

Конкретизируя эти общеметодические подходы применительно к нашей теме, можно в качестве примера обратить внимание на одну весьма симптоматичную особенность, присущую большей части нарративных античных источников: сами древние оценивали общественно-политическую роль и боевые качества армии преимущественно, если не исключительно, с морально-этической точки зрения, в категориях популярной концепции «упадка нравов». Было бы упрощением в таком подходе видеть только концептуальную ограниченность античных историков и писателей, не способных оценить действие фундаментальных социальных,

⁷ Смирин В. М. Историк, источник, принцип историзма (По поводу книги К. Гопкинса «Завоеватели и рабы») // ВДИ. 1980. № 4. С. 86.

⁸ Хвостова К. В., Финн В. К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997. С. 67.

политических и прочих факторов. Очевидно, что здесь проявляется та неизбежная убежденность в приоритете морального начала, которая вообще характерна для античного сознания. Следует также признать, что концентрированный морализм в изображении солдата и военной жизни непосредственно указывает на действительную значимость морального состояния войск, воинского духа в функционировании военной машины. Таким образом, выясняя, какими типическими чертами наделяются римские военные в литературных текстах, какие предъявлялись им моральные требования, можно установить ту «систему координат», из которой исходили сами древние в своих взглядах на армию, и на этой основе отбирать в имеющихся свидетельствах и оценивать те или другие факты, способные пролить свет на ценностные доминанты простых воинов. Иначе говоря, такой подход позволяет судить о структуре и содержании солдатской ментальности в соответствии с внутренними связями системы ценностей самих древних, с учетом того духовного универсума эпохи, который определял психику и поведение людей прошлого⁹. При таком подходе приходится обращаться в первую очередь к наиболее крупным произведениям, дающим очень многое для понимания культурного фона эпохи. Это особенно важно и неизбежно для изучения тех эпох, от которых дошло слишком мало данных о рядовых людях. «...Надо только увидеть, — подчеркивает А. И. Зайцев, — что автор такого произведения принимает за самоочевидное и бесспорное, а что он отвергает с особым эмоциональным накалом»¹⁰.

Пожалуй, наибольший объем информации предоставляет в наше распоряжение римская историография. При обращении к ее памятникам следует учитывать ее характерные черты и принципиальные установки, сохранявшиеся в той или иной степени на всем протяжении ее существования — от ранних анналистов до позднеримских историков. В их числе исследователи¹¹ отмечают консервативность творческих принципов, сознательную обращенность к современности, патриотичность и апологетичность, морализаторство, приверженность исконным моральным ценностям, воплощавшимся в идеализированных образах героев прошлого, риторичность и частую подмену исторически достоверного литературно правдоподобным. История Рима и в классических,

⁹ Гуревич А. Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // *Одиссей*. 1990. М., 1990. С. 86.

¹⁰ Зайцев А. И. О применении методов современной психологии к историко-культурному материалу // Там же. С. 15.

¹¹ См.: Утченко С. Л. Некоторые тенденции развития римской историографии III–I вв. до н. э. // ВДИ. 1969. № 2. С. 66–74; *он же*. Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н. э. М., 1977. С. 99–116; *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия — образ, миф и история // *Тит Ливий. История Рима от основания Города*: В 3 т. Т. III. М., 1993. С. 590–655; *Альбрехт -М., фон.* История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. Т. 1. М., 2002. С. 404–414.

и в более поздних произведениях римской историографии — в трудах Саллюстия, Цезаря, Тита Ливия, Веллея Патеркула, Тацита, Аннея Флора, Аммиана Марцеллина и др., а также в смежных с нею жанрах (например, в книге Валерия Максима или в императорских биографиях Светония и отчасти у *Scriptores Historiae Augustae*) воссоздавалась, по существу, как некий общественно-исторический миф, выражающий основополагающие ценностные ориентации римского народа (*mos maiorum*). Этим задается определенная шкала оценок. Современная авторам действительность чаще всего трактуется как время деградации старинных доблестей. Соответствующим образом по преимуществу и оцениваются деяния и моральный облик римских солдат и военачальников. Но даже у историков императорского времени при описании внешних войн негативные черты профессионального солдата, как правило, элиминируются и на первый план выдвигаются исконные римские качества — дисциплина, стойкость, выучка, доблесть и т. д. Ориентация на героические или, наоборот, негативные *exempla* обуславливает появление на страницах исторических трудов ярких портретов римских военных деятелей и — реже — простых воинов, которые предстают как олицетворение тех или иных качеств. В эпоху Империи в исторических сочинениях центральное внимание уделяется фигурам императоров, в характеристике которых немалое место занимает освещение их военных способностей и взаимоотношений с войском.

Не меньшую ценность представляют и сочинения греческих историков или авторов иной «национальной» принадлежности, использовавших греческий язык и писавших как о ранней истории Рима, так и об императорском времени: Полибия, Дионисия Галикарнасского, Диодора Сицилийского, Иосифа Флавия, Плутарха, Аппиана, Диона Кассия, Геродиана и др. Ценность сведений греческих авторов заключается в том, что они представляют своего рода сторонний взгляд, взгляд людей иной культуры, на римскую военную организацию и акцентируют в ней такие черты, которые самим римлянам казались очевидными и, как правило, специально не выделялись¹².

Важным источником для реконструкции системы воинских ценностей могут служить столь многочисленные в сочинениях античных авторов обращения полководцев к войску, являвшиеся с литературной точки зрения неотъемлемым признаком жанра¹³, а в более общем историче-

¹² Махлаюк А. В. Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос о своеобразии римской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 259–272.

¹³ О значении речей в античной историографии в целом и полководческих речей в частности см.: *Albertus J. Die Παρακλητικοί in der griechischen und römischen Literatur*: Diss. Strasburg, 1908; *Woodman A. J. Rhetoric in Classical Historiography*. L.; Sydney;

ском плане — одним из проявлений вербального характера римской цивилизации, в которой «все начинается с речи, и война не исключение из этого правила»¹⁴. При всей их искусственности и риторической условности они включали в себя такие моменты, которые должны были и в реальности находить отклик в душах самих солдат, и, стало быть, эти речи могут характеризовать римские военно-этические ценности.

Из всех авторов I в. до н. э. для исследования древнеримской ментальности в целом огромную важность представляет в первую очередь богатейшее литературное наследие Цицерона, прежде всего потому, что одним из лейтмотивов его размышлений была исконная римская *virtus* — основа основ достигнутого Римом величия и могущества. Можно сказать, что в произведениях Цицерона, несмотря на его оригинальные идеи и политические метания, система ценностей Рима-полиса находит свое наиболее адекватное освещение и осознание. По словам Г. С. Кнабе, «для творчества Цицерона была характерна тенденция рассматривать реальную действительность на фоне действительности возвышенной и нормативной»¹⁵. Сам его общественный идеал «имел в римской действительности глубочайшие основания и в этом смысле соответствовал ей. Общинно-патриархальная подоснова римской жизни, с которой был неразрывно связан этот идеал, сохранялась на протяжении всей античности, постоянно сообщала новые силы общественным представлениям города-государства, и пока стоял Рим, эти основы бытия народа не могли быть упразднены»¹⁶. Некоторые из сформулированных Цицероном ценностных представлений можно отнести к нормативным военно-этическим качествам, составляющим главный предмет нашего исследования.

В плане изучения идеологических тенденций и ментальности во времена Империи особое значение приобретают памятники ораторской прозы. Обращаясь к ним как к историческому источнику, следует учитывать, что в императорскую эпоху, по сравнению с республиканским временем, существенным образом меняются общие установки, харак-

Portland (Oregon), 1988; *Glücklich H.-J.* Rhetoric und Führungsqualität — Feldherrnreden Caesars und Curios // AU. 1975. Bd. 18. Hf. 3. S. 33–64; *Hansen M. H.* The Battle Exhortation in Ancient Historiography. Fact or Fiction? // *Historia*. 1993. Bd. 42. Hf. 1. P. 161–180; *Черняк А. Б.* Тацит и жанр парных речей полководцев в античной историографии // ВДИ. 1983. № 4. С. 150–162; *Кузнецова Т. И.* Историография и риторика: Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия // *Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы*. М., 1989. С. 203–228.

¹⁴ *Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001. С. 212–213.

¹⁵ *Кнабе Г. С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 393.

¹⁶ *Он же.* Цицерон, культура и слово // Цицерон, Марк Туллий. Избр. соч. / Пер. с лат.; вступ. ст. Г. С. Кнабе. Харьков, 2000. С. 20.

тер и содержание ораторского слова, роль которого как мощного орудия политической борьбы постепенно сходит на нет. Риторика все больше ограничивается областью красивых слов, форма получает перевес над содержанием. «Место республиканских ценностей, — пишет М. фон Альбрехт, — занимают доблести владыки; коррелятом со стороны поданных становятся их гражданские и служебные достоинства... Долг оратора в лучшем случае заключается в том, чтобы служить государю зеркалом и косвенно сообщать ему ожидания граждан; в худшем... печальная историческая действительность скрывается за идеально-типическим придворным фасадом»¹⁷. Однако сама природа риторического слова такова, что «отношение к конкретному слушателю, учет этого слушателя вводится в само внешнее построение риторического слова», проявляется в «глубинных пластах смысла и стиля»¹⁸. С этой точки зрения и риторические декламационные упражнения, и откровенно льстивые речи эпидейктического жанра могут многое сказать не только о мировоззрении отдельного оратора, но и о типичных представлениях его современников¹⁹, поскольку даже риторические фикции не воспринимались аудиторией как противоречащие нормальному порядку вещей. «Больше того, риторическая обработка с ее заведомым произволом даже приближала предмет к существовавшему в общественном сознании “образу правдоподобности”»²⁰.

Среди известных образцов ораторского искусства императорского времени в плане изучения римских военно-этических представлений наибольший интерес представляют императорские панегирики как на латинском, так и на греческом языке. Это прежде всего «Панегирик Траяну» — произнесенная Плинием Младшим в 100 г. н. э. на заседании сената благодарственная речь по случаю назначения его консулом²¹. Используя схему энкомия-биографии, Плиний славословит воинские

¹⁷ Альбрехт М., фон. Указ. соч. С. 546.

¹⁸ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 93.

¹⁹ Ср.: Альбрехт М., фон. Указ. соч. С. 548: «Духовная значимость речи основывается не в последнюю очередь на том, что она — в силу лежащей на ораторе задачи считается с общепринятым — отражает мировоззрение оратора и его публики таким способом, который почти не дает почувствовать различие между ними. В особой мере это осложняет интерпретацию... Нужны осторожность и осмотрительность, чтобы установить, где в каждом конкретном случае коренится искомое расхождение между мыслью оратора и публики».

²⁰ Смирин В. М. Римская школьная риторика Августова века как исторический источник (По «Контroversиям» Сенеки Старшего) // ВДИ. 1977. № 1. С. 101.

²¹ Общую его характеристику (с указанием основной исследовательской литературы) см.: Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976. С. 207–227. Об образе идеального правителя в «Панегирике Траяну» см.: Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I — начале II века н. э. М., 2000. С. 101 сл.

доблести и военный опыт Траяна, подчеркивает его близость к простым солдатам, постоянную заботу о них, стремление служить им примером в воинских трудах. В изображении Траяна-полководца оратор явным образом ориентируется на республиканские традиции и идеалы, прямо уподобляя его древним героям. Плиниев «Панегирик», бесспорно, оказал огромное влияние на последующее развитие этого жанра, в течение столетий оставаясь образцом для подражания. Не случайно эта речь открывает сборник из одиннадцати панегириков на латинском языке, произнесенных разными авторами в честь императоров (от Диоклетиана до Феодосия) в столетний период, от 289 до 389 г.²² Независимо от конкретных поводов произнесения, программной направленности и исторической достоверности этих речей в центре внимания ораторов, в соответствии с канонами жанра, находятся добродетели и деяния восхваляемых правителей на военном и гражданском поприщах²³. Как в языке и риторических приемах, так и в своих идейных установках панегиристы ориентировались на классические образцы. Говоря о воинских и полководческих доблестях императоров, об их взаимоотношениях с войском, авторы, с разной степенью подробности и с различными акцентами, используют традиционный набор категорий и топосов. Вместе с тем нельзя не учитывать вполне определенные, обусловленные конкретным историческим контекстом (а возможно, и индивидуальными позициями автора) нюансы в трактовке тех или иных аспектов.

Среди поздних грекоязычных авторов, работавших в панегирическом жанре, заслуживают быть отмеченными Либаний и его младший современник и ученик император Юлиан. В числе ранних произведений последнего сохранились два панегирика императору Констанцию II (Or. I; II). Написанные в довольно вычурной, искусственной манере, с многочисленными реминисценциями и цитатами классических авторов, эти речи содержат ряд пространных пассажей, посвященных воинским доблестям и полководческому искусству Констанция (I. 2a; 8a; 11a–c; 16a; 37c; II. 87a–d и др.), который рисуется идеальным военачальником. В «Похвальной речи Констанцию и Константу» Либаний также развивает эту тему, хотя и делает это гораздо суше и сдержаннее (Or. LIX). Однако в речах, касающихся самого императора Юлиана, особенно в двух речах, написанных после его смерти в жанре эпитафии (Or. XVI; XVIII), оратор не жалеет красок для того, чтобы в полном блеске представить своего воспитанника в качестве образцового воителя и полководца.

²² См.: *Шабига И. Ю.* Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.

²³ См., например: *Burdeau F.* L'Empereur d'après les Panégyriques Latins // *Burdeau F., Charbonnel N., Humbert M.* Aspects de l'Empire Romain. P., 1964. P. 1–60.

Все эти характеристики, опирающиеся на распространенные литературные клише, можно было бы счесть голой риторикой, если бы из других источников не были известны достаточно достоверные факты, свидетельствующие о том, что Юлиан вполне сознательно стремился следовать той парадигме полководца, которую сам обозначил в своих речах и на которую ориентировался также Либаний²⁴.

Из ораторской прозы более раннего времени можно упомянуть речи (прежде всего четыре речи о царской власти) Диона из Прусы (ум. после 112 г. н. э.), получившего за свое красноречие прозвище Хрисостома (Златоуст), а также одну из известнейших речей другого софиста-ритора II в. — Элия Аристида — «Похвальное слово Риму» (Or. 26 Keil) (143 г.)²⁵. Если у Диона мы находим лишь отдельные суждения, сравнения и образы из военной сферы²⁶, а также развиваемые в рамках его концепции идеального правителя замечания о необходимых ему качествах и стиле взаимоотношений с войском (например, De reg. or. I. 28–30), то в речи Аристида, прославляющего благодетельность римской державы, не только очерчен образ идеального императора, но дана подчеркнута апологетическая характеристика военной организации императорского Рима, отмечены ее профессионализм, эффективность системы комплектования, чиновничества и наград. Его взгляд интересен как выражение представлений, распространенных среди образованных классов эпохи Антонинов²⁷.

В отдельную группу литературных источников следует выделить полемологические трактаты, посвященные различным вопросам военного искусства. Некоторые из этих сочинений, обобщившие богатейший практический опыт и теоретические изыскания греков и римлян, несомненно, использовались в свое время в качестве популярных пособий для изучения военной науки²⁸. Если в Греции последняя достигла высокого уровня развития еще в классическую эпоху, прежде всего в трудах Энея Тактика и Ксенофонта²⁹, то в Риме ее основоположником стал Катон Старший,

²⁴ Махлаюк А. В. Император Юлиан как полководец...

²⁵ О взглядах и идеалах Диона см.: Шалимов О. А. Указ. соч. С. 62–100; 145 сл. О датировке и исторических реалиях «Римской речи» Элия Аристида см.: Oliver J. H. The Ruling Power: A Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides. Philadelphia, 1953 (TAPhA. 1953. Vol. 43. Pt. 4).

²⁶ См.: Sidebottom H. Philosopher's Attitude to Warfare under the Principate // War and Society in the Roman World / Ed. by J. Rich and G. Shipley. L.; N. Y., 1993. P. 241–264.

²⁷ Oliver J. H. Op. cit. P. 72 f. См. также: Агафонов А. В. Идеал императора в «Панегирике Риму» Элия Аристида // Античность и средневековье Европы. Сб. науч. тр. Пермь, 1996. С. 154–161.

²⁸ См.: Neumann A. Römische Militärhandbuch // RE. Suppl. Bd. VIII. Sp. 356–357; Campbell B. Teach Yourself How to Be a General // JRS. 1987. Vol. 77. P. 13–29; Перевалов С. М. Статья римским полководцем, читая греков // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 145–153.

²⁹ См.: Кучма В. В. Очерк античной военно-теоретической литературы // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 12–36. Более подробные

среди многочисленных сочинений которого известна и книга «О военном деле», представлявшая, по-видимому, предназначенное для сына практическое руководство, подкрепленное ссылками на исторические примеры³⁰. Однако вплоть до эпохи Империи, когда появился ряд специальных военных трактатов на латинском языке, римляне продолжали пользоваться трудами греческих авторов, признавая за эллинами бесспорный приоритет в сфере военной теории, о чем свидетельствует признание Вегеция (I. 1).

Среди греческих авторов, писавших уже во времена Ранней империи, особого внимания в плане исследования идеологии и практики военного лидерства заслуживает греческий писатель, философ-платоник Онасандр, перу которого принадлежит трактат «Стратегикос» («Наставление в полководческом искусстве»), посвященный Квинту Веранию, консулу 49 г. н. э., позже наместнику Британии³¹. Хотя сам автор не был военным специалистом и в основном использовал греческую военно-научную традицию, в его труде (В. В. Кучма классифицирует его как «трактат-программу», который передает в будущее больше, чем получает из прошлого), пожалуй, впервые в античной литературе одно из центральных мест было уделено этическим проблемам военной теории, в частности четко сформулированы критерии нравственного облика военачальника. Трудно, однако, согласиться с выводом Кучмы, что эти критерии лежали в сфере чистой абстракции и «фактически не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо соотносились со спецификой должности, к которой прилагались»³². На наш взгляд, ни содержание, ни сочетание очерченных Онасандром качеств идеального военачальника не являются произвольными, поскольку, чтобы его сочинение достигло своей цели, он ориентировался не только на «общие места» из предшествующей литературы, но и на принятые в определенных кругах римской знати ценностные представления, на собственно римские традиции. Представляется, что его текст заслуживает более пристального анализа и реабилитации с этой точки зрения³³.

сведения о военно-теоретической литературе античности можно найти в старом, но не утратившем своего значения труде: *Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. I. Abteilung. München; Leipzig, 1889*. См. также: *Daine A. Les stratégistes byzantins // Travaux et Memoires. P., 1967. Vol. 2.*

³⁰ О его несохранившемся труде см.: *Nap J.-M. Ad Catonis librum De re militari // Mnemosyne. 1927. P. 79–84; Astin A. E. Cato the Censor. Oxf., 1978. P. 204 f.; 209; 231–232.*

³¹ Подробную характеристику этого труда см.: *Кучма В. В. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон» Маврикия: опыт сравнительной характеристики // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 139–207 (впервые опубликовано: ВВ. 1982. Т. 42; 1984. Т. 45; 1985. Т. 46).*

³² *Кучма В. В. Очерк военно-теоретической мысли... С. 35; он же. «Стратегикос» Онасандра... С. 167–168.*

³³ Подробнее см.: *Махлаюк А. В. «Стратегикос» Онасандра и идеология военного лидерства в Древнем Риме // Проблемы антиковедения и медиевистики (К 25-летию кафедр*

Среди сохранившихся военно-научных трактатов на латинском языке по широте затронутых вопросов и охвату материала выделяется труд позднеримского писателя Флавия Вегеция Рената *Epitome rei militaris*, который можно рассматривать как синтез многовекового развития римской военно-научной мысли³⁴. По всей видимости, это сочинение было написано в конце IV в. ³⁵ Как и Онасандр, автор не был военным профессионалом, но использовал широкий круг источников — от книжки Катона Старшего и «уставов» Августа и Адриана до специальных сочинений Корнелия Цельса, Фронтинна и одного из первых разработчиков римского военного права Таррунтения Патерна (I. 8)³⁶. Видя в римских военных традициях залог возрождения военной мощи и боевого духа войск, Вегеций, хотя и допускает немало анахронизмов, стремится ориентироваться в своем изложении на классическую организацию римского легиона раннеимператорского времени (*antiqua legio*)³⁷, постоянно подчеркивает совершенство его устройства и строгий распорядок службы. Для нашей темы его оценки и подходы ценны акцентированием традиционных основ и принципов римской военной организации, рассматриваемых с высоты исторического опыта.

Если же учесть, что в военной науке «традиция играет гораздо большую роль, чем в других отраслях знания, а тесная преемственность

ры истории древнего мира и средних веков в Нижегородском гос. ун-те). Н. Новгород, 1999. С. 29–35; *он же*. *Scientia rei militaris* (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник Нижегород. гос. ун-та. Сер. История. Н. Новгород, 2002. Вып. 2. С. 13–31.

³⁴ Общую характеристику Вегеция см.: Кучма В. В. «Краткое изложение военного дела» Вегеция как синтез военно-теоретической мысли античности // Кучма В. В. Военная организация Византийской империи... С. 118–138.

³⁵ В литературе неоднократно предпринимались попытки более точно определить время создания «Эпитомы». О. Зеек обосновывал точку зрения (впервые высказанную еще Э. Гиббоном), что сочинение было адресовано Валентиниану III (425–455 гг.) (*Seeck O. Die Zeit des Vegetius // Hermes. 1876. Bd. 11. S. 61–83*). За такую же датировку высказался В. Гоффарт (*Goffart W. The Date and Purpose of Vegetius' De re militari // Traditio. 1977. Vol. 33. P. 65–100*). Т. Д. Барнес относил появление труда к правлению Феодосия I (379–395) (*Barnes T. D. The Date of Vegetius // Phoenix. 1979. Vol. 33. P. 254–257*). А. Нойман склоняется к дате около 400 г. (*Neumann A. Vegetius // RE. Suppl. Bd. X. (1965). Sp. 992 ff.*). К. Цуккерман недавно предложил дату около 386/387 гг. (*Zucckerman C. Sur la date du traité militaire de Végèce et son destinataire Valentinien II // Scripta classica Israelica. 1994. Vol. 13. P. 67–74*). См. также: Банников А. В. Датировка трактата Вегеция *Epitoma rei militaris* // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2002. С. 333–344.

³⁶ Об источниках Вегеция см.: *Sander E. Die Hauptquellen der Bücher I–III der Epitoma rei militaris des Vegetius // Philologus. 1932. Bd. 87. S. 369–375*; *Schenk D. Flavius Vegetius Renatus. Die Quellen der Epitoma rei militaris. Leipzig, 1930*.

³⁷ Специальному анализу вопроса об исторических реалиях описанной Вегецием организации легиона см.: *Parker H. M. D. The «Antiqua Legio» of Vegetius // CQ. 1932. Vol. 26. P. 137–149*; *Sander E. Die antiqua ordinatio legionis des Vegetius // Klio. 1939. Bd. 14. S. 382–391*.

(континуитет) в накоплении и передаче военно-научной информации является ее квалифицирующим признаком»³⁸, то представляется правомерным осторожное привлечение, преимущественно в сопоставительном плане, не только свидетельств Вегеция, но и ранних греческих военных теоретиков, в первую очередь Ксенофонта, и некоторых византийских авторов, например Маврикия, который в характеристике нормативных качеств полководца многим обязан Онасандру и другим своим предшественникам³⁹.

Ряд интересных фактов из римской военной истории и характерных оценок полководческого искусства дают сочинения римского государственного деятеля и писателя Секста Юлия Фронтинна (конец I в. н. э.) и греческого автора Полиэна (II в. н. э.), написанные в жанре стратегем⁴⁰. Отдельными деталями интересен и трактат «Об устройстве лагеря» приписываемый в рукописях знаменитому Громатику I в. н. э. Гигину, но датируемый либо временем Траяна, либо, что более вероятно, второй половиной II в. н. э.⁴¹

При исследовании многих вопросов темы ценную, часто уникальную в своем роде, информацию можно извлечь из разнообразных произведений антикварно-научной и художественной литературы. Сколь бы отрывочны, тенденциозны, а иногда и фантастичны ни были их свидетельства, они вносят очень характерные штрихи в общую картину военных традиций и жизни армии, но, главное, незаменимы для реконструкции восприятия римских полководцев и солдат в общественном мнении. Так, наряду с отдельными примечательными фактами, относящимися к военной истории Рима, целый ряд интересных сведений и деталей (в частности, о римских военных наградах и культе знамен, о дисциплинарных порядках римлян, воинской присяге, армейском жаргоне и т. д.) можно найти в сохранившихся отрывках из сочинений Теренция Варрона, в энциклопедической «Естественной истории» Плиния Старшего и в «Аттических ночах» Авла Геллия, а также в трудах более поздних анти-

³⁸ Кучма В. В. Военная организация Византийской империи... С. 6.

³⁹ Кучма В. В. Введение // Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2004. С. 5–59.

⁴⁰ Кучма В. В. О некоторых спорных проблемах трактата Секста Юлия Фронтинна «Стратегемы» // ВДИ. 1984. № 4. С. 45–55; Ксенофонт А. Б. Полиэн и его «Стратегемы»: греческий писатель в римском мире // Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002. С. 7–38; Нефедкин А. К. Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Там же. С. 39–56.

⁴¹ Колобов А. В. О трактате «De munitionibus castrorum» // Древность и средневековье Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002. С. 129–130, с основной литературой вопроса, к которой можно добавить, в частности: Grillone A. Pseudo-Hyginus de metatione castrorum // Klio. 1980. Bd. 62. P. 389–403; *idem*. Problemi tecnici e datazione del De metatione castrorum dello Ps. -Igino // Latomus. 1987. T. 46. P. 399–412.

кваров и грамматиков: Помпея Феста (II в. н. э.), в комментариях Сервия к сочинениям Вергилия (конец IV в.), в «Сатурналиях» Макробия (V в.), в «Этимологиях» («Origines») Исидора Севильского (ок. 570–636 гг.).

Некоторые любопытные фактические свидетельства и штрихи, дополняющие общую картину восприятия военной службы и армии в римском обществе, обнаруживаются также в сочинениях других писателей эпохи Принципата — в «Метаморфозах» Апулея, в диалогах и письмах Сенеки Младшего, который нередко использовал примеры и сравнения из военной сферы, так же как и Эпиктет в своих «Беседах», записанных Флавием Аррианом. Об отдельных аспектах военной службы имеются упоминания в переписке Плиния Младшего и в письмах крупнейшего риторика II столетия Корнелия Фронтонa, в «Соннике» Артемидора Далдианского (II в. н. э.). В этом же ряду следует упомянуть и плеяду римских поэтов, в творчестве которых нашли отражение как исторические события и их восприятие, так и реалии современной им эпохи, связанные с военной сферой. Историческая мифология, основополагающие ценности Рима и официальная идеология «века Августа» нашли классическое воплощение в произведениях Вергилия и отчасти в лирике Горация. В IV книге «Тибулловского сборника» (*Corpus Tibullianum*) сохранилось большое гексаметрическое стихотворение «Панегирик Мессале», которое было написано, вероятно, по случаю избрания Мессалы консулом в 31 г. до н. э.: в нем неизвестный автор среди прочего превозносит воинские умения и доблести своего героя, давая ценную информацию о военной подготовке и компетентности римских военачальников⁴². Большая поэма М. Аннея Лукана «Фарсалия», посвященная гражданской войне между Цезарем и Помпеем, представляет интерес не столько фактическими сведениями⁴³, сколько яркими образами полководцев, командиров и солдат, а также эксплицитными оценками автора, гневно осуждающего воинов, готовых ради своих вождей и наград проливать кровь сограждан. В силе дарования, яркости художественных образов и драматизме рассказа Лукану явным образом уступает его младший современник Силий Италик (ум. около 101 г.), автор большой (в 17 книг) эпической поэмы «Пуника», посвященной II Пунической войне. Но и в его напыщенной риторике находят свое выражение традиционные римские взгляды и ценности. Совершенно в ином плане интересна XVI (оставшаяся незаконченной) сатира Ювенала, в которой развивается тема о преимуществах военной службы и положения воен-

⁴² *Lammert F.* Das Kriegswesen im Panegyricus auf Messala, v. 82–105, sowie überhaupt bei Dichtern, Redern und Geschichtschreibern // *Symbolae Osloenses*. 1950. Fasc. XXVIII. S. 44–65.

⁴³ См., например: *Lintott A. W.* Lucan and the History of the Civil War // *CQ*. 1971. Vol. 1. P. 488–505.

ных людей по сравнению с гражданскими⁴⁴. Автор обличает высокомерие и корпоративную спаянность солдат, пользующихся благоволением властей.

Нельзя также обойти вниманием данные христианских источников. Это прежде всего сочинения апологетов II–III вв. (Тертуллиана, Минуция Феликса) и церковных историков (Лактанция, Евсевия, Орозия и др.), которые, несмотря на известную тенденциозность, очень интересны не только выявлением отношения христиан к военной службе и свидетельствами о распространении христианства среди римских воинов, но и сведениями об их роли в жизни общества и государства⁴⁵. Кроме того, критикуя языческие верования, христианские авторы, в частности Тертуллиан, упоминают и некоторые военные культы римлян.

Для исследования многих конкретных реалий военной службы и социопрофессионального статуса солдат и ветеранов в римском обществе огромное значение имеют юридические источники⁴⁶: сочинения римских правоведов и императорские конституции, а также папирусы правового содержания. *Ius militare* как военно-уголовное право было основой воинской дисциплины и субординации; как *ius singulare* в частноправовой сфере оно регулировало те привилегии и преимущества военнослужащих в личном, семейном, имущественном и наследственном праве, которые призваны были компенсировать определенные ограничения, связанные со спецификой военной службы, обеспечить социальные гарантии воинам и укрепить их лояльность императорской власти. Все эти аспекты приобрели особую значимость с созданием профессиональной армии, поскольку условия службы в ней нередко вступали противоречия с действующими нормами частного права. Поэтому в эпоху Принципата и римские юристы в своих трудах, и императоры в своих рескриптах и эдиктах специально разрабатывали и формулировали правовые нормы, призванные укрепить дисциплинарный порядок внутри армии и урегулировать проблемы, возникавшие в отношениях солдат и ветеранов с гражданскими лицами.

⁴⁴ *Durry M. Juvénal et les prétoriens // REL. 1935. T. 13. P. 95–106.*

⁴⁵ Проблема «христианство и римская армия» посвящена обширнейшая литература. Не утратил своего значения основополагающий труд А. Гарнака: *Harnak A. Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. Tübingen, 1905 (Darmstadt, 1963).* Из более новых исследований отметим работу: *Helgeland J. Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine // ANRW. Bd. II. 23. 1. 1979. P. 724–834.* См. также: *Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Вып. 3. СПб., 2004. С. 413–428.*

⁴⁶ Общую характеристику римской военно-правовой литературы см.: *Brand C. E. Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 44 ff.; 124 ff.; Giuffrè V. La letteratura «de re militari». Appunti per una storia degli ordinamenti militari. Napoli, 1974. P. 61 sgg.; idem. Militum disciplina e ratio militaris // ANRW. Bd. II. 13. 1980. P. 234–277.*

Ссылки и цитаты из императорских распоряжений и конституций дошли до нас в составе «Дигест», где их приводят правоведы, излагая и комментируя те или иные военно-правовые нормы в своих трудах. Сами тексты императорских рескриптов, эдиктов и мандатов, как правило, с точной датировкой и указанием адресатов приводятся в кодексах Феодосия (438 г.) и Юстиниана (529 г.), в которых соответственно VII и XII книги посвящены военному праву, хотя относящиеся к нему вопросы трактуются и в других книгах. В первый кодекс вошли императорские решения с 312 г., а во второй — со времени Адриана. При их использовании важно поэтому учитывать время издания той или другой конституции, выделяя в ее содержании традиционные подходы, продолжение и развитие прежних тенденций и новации, вызванные изменившимися историческими условиями. Кроме того, нельзя забывать о редакторской работе, осуществленной составителями кодексов исходя из реалий их эпохи. Среди юристов конца II — первой трети III в., писавших специальные труды по военному праву под стандартным названием «*De re militari*» или касавшихся его в других своих сочинениях, известны такие, как Таррунтений Патерн⁴⁷, Юлий Павел, Домиций Ульпиан, Аррий Менандр, Эмилий Мацер (Макр), Геренний Модестин. Их труды и имена фигурируют в 16-м титуле 49-й книги «Дигест», специально посвященном военному праву. Отдельные свидетельства имеются также в других юридических сочинениях, например в «Сентенциях к сыну» Павла или в «Институциях» Гая, в которых речь заходит о публичном праве, о привилегиях военнослужащих и ветеранов в сфере наследственного, семейного права, и т. д.

В сфере военно-уголовного права соответствующие нормы в значительной своей части опирались на древние дисциплинарные установления и традиции, имевшие не только правовое, но также сакральное и ценностное значение. Однако и здесь очень многое модифицировалось с учетом профессионального характера службы, требований времени и конкретной политики тех или иных императоров. В целом же эффективность разработанной в классический период военно-уголовной и дисциплинарной системы была очень высока, и многие ее элементы непосредственно заимствовались и использовались в постклассический и ранневизантийский периоды. Об этом может, в частности, свидетельствовать сборник военно-правовых норм — так называемые *Leges militares ex Ruffo*, которые во многом, часто почти дословно, повторяют соответствующие положения из 16-го титула 49-й книги «Дигест», но отчасти и дополняют их. Этот сборник, составленный неким Руффом,

⁴⁷ Вегеций (I. 8) называет его «заботливейшим ревнителем военного права» (*diligentissimus iuris militaris assertor*).

сохранился в византийских кодексах, но датируется, вероятно, временем Валентиниана II (383–392 гг.)⁴⁸. При обращении к юридическим источникам не следует забывать об их нормативном характере: наличие того или иного юридически закрепленного положения еще не означает, что в реальной жизни оно применялось всегда и во всех случаях одинаково. Необходимо сопоставление данных юридических источников с литературными и прочими свидетельствами, которое может обнаружить достаточно широкую вариативность правоприменительной практики, обусловленную разными причинами отступления от одних норм и неприменения других. Зачастую же какие-либо данные о том, как применялись отдельные правовые нормы, и вовсе отсутствуют. Поэтому данные юридических источников в основном приходится рассматривать скорее как индикаторы определенных тенденций и традиций, нежели как фактически достоверные свидетельства.

Аналогичное заключение можно сделать и в целом по комплексу литературных источников. Очень часто их свидетельства малодостоверны или даже фиктивны с фактологической точки зрения. Поэтому подходить к ним надо не с критерием фактической истинности каждого конкретного сообщения, но рассматривать их как показатель более или менее общеобычных восприятий и ожиданий, которые складываются в определенную систему, особым образом коррелирующую с эмпирической действительностью и реальными мотивами человеческого поведения. Нужно иметь в виду, что многие интересующие нас аспекты (прежде всего те, которые относятся к субъективной реальности) намечены в нарративных и юридических источниках только «пунктиром», который можно соединить в некую общую картину, лишь устанавливая устойчивые параллели и переключки терминов, понятий, мотивов, образов в разножанровых, разноконтекстных, разновременных текстах и экстраполируя тенденции, выявляемые в одних хронологических пределах или на одном материале, на другие.

Данные эпиграфики и других вспомогательных дисциплин

В известной степени откорректировать и уточнить информацию литературных источников, восполнить имеющиеся в ней пробелы (а они относятся прежде всего к внутренним, межличностным отношениям и другим повседневно-бытовым реалиям армейской жизни, к религиозным и отчас-

⁴⁸ Brand C. E. Op. cit. P. 129–144 (здесь же приведен латинский текст и его перевод на английский язык). Мне осталась недоступной работа: Famiglietti G. «Ex Ruffo leges militares». Milano, 1980.

ти ценностным представлениям солдат) позволяют данные эпиграфики. Значимость свидетельств, которые содержатся в многочисленных надписях на камне и других материалах⁴⁹, оставленных римскими военными в различных частях Империи, невозможно переоценить. Именно развитие научной эпиграфики начиная с середины XIX в. открыло принципиально новую страницу в изучении военной организации Рима, позволив обратиться к изучению таких тем, которые прежде практически не ставились: размещение, этнический и социальный состав войск, семейное положение и демографические характеристики солдат, система чинов, хозяйственная деятельность, религиозные культы армии, просопография командного состава и т. д. Появилась возможность дать многим фактам римской военной истории точную географическую и хронологическую привязку, конкретизировать или пересмотреть некоторые сообщения литературных источников. Для нашей темы данные эпиграфики тем более незаменимы, что они происходят в абсолютном большинстве случаев непосредственно из среды военных и характеризуют те присущие им отношения и взгляды, о которых авторы исторических сочинений античного времени чаще всего умалчивают. Кроме того, надписи становятся особенно многочисленными как раз в тот период (II–III вв.), который заметно хуже освещается качественными литературными источниками.

Надписи, оставленные солдатами, офицерами разных рангов и ветеранами, в целом весьма разнообразны по характеру и содержанию. В самом общем виде их можно разделить, в зависимости от цели, авторства, содержания и жанра, на официальные и частные, посвятельные, почетные, надгробные и строительные, надписи на отдельных предметах и собственно документальные⁵⁰. К последним можно отнести сенатские постановления⁵¹, тексты военных дипломов, получаемых солдатами вспомогательных войск и преторианских когорт при выходе в отставку⁵², а также уставы тех коллегий, которые создавались

⁴⁹ Общее количество известных в настоящее время латинских надписей превышает 250 тыс. (*Saller R., Shaw B. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves* // JRS. 1984. Vol. 74. P. 124. Not. 1).

⁵⁰ О классификации надписей см.: *Федорова Е. В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 124 сл.

⁵¹ Примером сенатского постановления, подтверждающего данные литературных источников (в частности, Тацита) и содержащего очень важные свидетельства об официальном понимании роли армии, может служить сенатусконсульт 20 г. н. э. о Гн. Пизоноте. См. о нем: *Князев П. А.* Правосудие принцепса и сената в уникальном документе 20 г. н. э.: *Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre* (характеристика постановления и его перевод) // ИИАО. 2003. Вып. 8. С. 39–61.

⁵² О значении военных дипломов как исторического источника см.: *Lambert N., Scheuerbrandt J.* Das Militärdiplom. Quelle zur römischen Armee und zum Urkundenwesen. Stuttgart, 2002; *Эк В.* Император как глава войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. 2004. № 3. С. 28–57.

младшими чинами (*immunes* и *principales*) и центурионами легионов. Уникальным памятником является запись на базе памятной колонны речи, которую произнес по итогам проведенных учений император Адриан во время своей инспекционной поездки в Ламбез, где дислоцировался III Августов легион (ILS, 2487; 9133–9135). Данные эпиграфики представляют тем большую ценность, что многие военные надписи (в первую очередь почетные и строительные) могут быть с достаточной точностью датированы либо по конкретным указаниям в самом тексте, либо по упоминаниям императоров и других официальных лиц.

Для исследования ценностных представлений и социальных связей солдат особенно важны эпитафии, составляющие примерно три четверти всех известных надписей⁵³. В массе своей солдатские эпитафии предельно лаконичны и используют стандартные формулы: указания имени, *otigo*, воинского звания, возраста и количества лет, проведенных на службе, а также имен и статуса тех лиц, которые хоронили покойного⁵⁴ (в качестве наследников или близких). Однако в целом ряде случаев мы располагаем достаточно пространственными, оригинальными, иногда даже стихотворными текстами, в которых скрупулезно отмечаются этапы служебной карьеры, специально выделяются ее наиболее примечательные эпизоды (награждение знаками отличия, участие в тех или иных походах, досрочное повышение в чине и т. п.); особыми эпитетами и сентенциями выражается отношение к покойному со стороны того, кто его похоронил. Учитывая принцип экономичности, действовавший при создании лапидарных надгробных текстов, а также тот факт, что нередко надгробные памятники заказывались еще при жизни и, вероятно, само содержание эпитафии тоже определялось заранее, следует признать, что в случаях отступления от общепринятого минимального набора сведений акцентировались те действительно значимые для данного индивида (и его окружения) моменты, о которых он стремился публично заявить⁵⁵. Иногда можно поэтому говорить об автопортрете, поскольку отдельные эпитафии составлены от первого лица⁵⁶. При интерпретации такого рода памятников необходимо

⁵³ *Saller R., Shaw B.* Op. cit. P. 124. О значении солдатских эпитафий как исторического источника ср.: *Колобов А. В.* Эпитафии легионеров как источник по истории раннего Принципата // *Методология и методика изучения античного мира: Докл. конференции* (31 мая — 2 июня 1993 г.). М., 1994. С. 87–92.

⁵⁴ В солдатских эпитафиях указания на то, кто совершил погребение и сделал надпись, имеются в 83,9% случаев (*Saller R., Shaw B.* Op. cit. P. 152). См. также: *Meyer E. A.* Explaining the epigraphic habit in the Roman empire: The evidence of Epitaphs // *JRS.* 1990. Vol. 80. P. 74–96.

⁵⁵ Ср.: *Eck W.* Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // *KHG.* S. 490–491.

⁵⁶ *Exempli gratia*, можно указать на известную стихотворную надпись времен Адриана, принадлежащую всаднику из батавской когорты по имени Соран (CIL III 3676 =

учитывать, что эпитафия — это своеобразный письменный фольклор⁵⁷, в котором есть свои устойчивые формы, мотивы и штампы, по-разному варьируемые в конкретных случаях, и поэтому действительно оригинальные тексты являются примечательным исключением.

В некоторых случаях для изучения солдатской ментальности не менее показательным, чем сам текст надписи, может быть скульптурное изображение на надгробном памятнике⁵⁸. Среди таких изображений имеются не только парадные портреты покойного в воинском облачении, при регалиях, оружии и знаках занимаемого поста, но и целые картины памятных славных деяний, как, например, на надгробии ветерана Тиберия Клавдия Максима, открытом в 1965 г. близ города Филиппы в Македонии (АЕ. 1969/1970, 583)⁵⁹. Этот заслуженный ветеран еще при жизни заказал себе роскошный памятник с подробной надписью о своей долгой карьере и с двумя рельефами, на одном из которых изображено его участие в попытке пленить царя даков Децебала.

Основным и незаменимым источником для анализа индивидуальных и коллективных религиозных представлений в их связи с римским воинским этосом и официальной религиозной политикой императоров являются многочисленные votivные надписи (*tituli sacri*) в честь различных богов на алтарях, статуях и других посвященных приношениях. Благодаря массовому характеру такого рода эпиграфических свидетельств, их во многих случаях более или менее точной датировке, нередким указаниям на авторов, конкретные обстоятельства и мотивы

ILS, 2558 = ЛЭС, 43. См. о ней: *Roos A. G. Soranus, een Bataaf in Romeinse Krijgsdienst*. Amsterdam, 1953), или на другую стихотворную надпись, украшавшую надгробие неизвестного примипала из *Aquae Flavianae* в Африке (АЕ. 1928, 37). Если в этих текстах отчетливо вырисовываются подлинно воинские ценности (мастерское владение оружием, успешная карьера, победа над врагом), то надпись на надгробии ветерана V Галльского легиона, в которой от первого лица сообщается, что покойный при жизни охотно пил и желает того же тем, кто еще жив, является скорее исключением из общего правила, демонстрирующим, однако, определенную и немаловажную грань мироотношения римского воина (CIL III 293 = 6825 = ILS, 2238 = Bücheler, 243 = ЛЭС, 925).

⁵⁷ Брагинская Н. В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 119–139.

⁵⁸ Об истории и типологии солдатских надгробий см.: *Anderson A. S. Roman Military Tombstones*. Prince's Risborough, 1984. Об отражении в скульптурных надгробиях самосознания солдат см.: *Шаблин А. А. Частная жизнь и самооценка солдат и ветеранов римской армии в I в. н. э. (Рейнская область): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1997; он же. Отражение самооценки солдат римской армии в скульптурных надгробиях Рейнской области в I в. н. э. // Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории. Вып. 3. М., 1997. С. 37–48.*

⁵⁹ *Speidel M. P. The Captor of Decebalus: a New Inscription from Philippi // JRS. 1970. Vol. 60. P. 142–153. Pl. XIII, XV. См. также: Rankov N. B. Singularis Legati Legionis: A Problem in the Interpretation of the Ti. Claudius Maximus JuscRIPTION from Philippi // ZPE. 1990. Bd. 80. P. 165–175.*

посвящения, имеется возможность выяснить степень распространения и особенности отправления различных культов в определенные периоды времени, дифференцированно учитывая при этом состав их почитателей. Тексты посвячительных надписей проливают также свет на практиковавшиеся в армии религиозно-культовые ритуалы (например, на празднование дня рождения воинской части). По составу божественных покровителей и тому конкретному контексту, в котором делались посвящения, по положению дедикантов в армейской иерархии можно судить о соотношении официальных и неофициальных (часто этнически специфических) компонентов в идеологии римских солдат. При этом следует иметь в виду, что, какой бы рутинной ни была в некоторых случаях практика почитания тех или иных культов, за именами и функциями божеств вполне правомерно видеть наличие определенных идейных комплексов, характерных для индивидуального и коллективного сознания солдат. Немаловажное значение имеют также археологический контекст и иконография посвячительных памятников. Эпиграфические материалы прекрасно иллюстрируют тот факт, что, несмотря на строгую централизацию командования и довольно скрупулезную регламентацию повседневной жизни войск, в том числе и посредством официально предписанных культов, ритуалов и празднеств, религиозно-культовая практика армии в целом отличалась очевидным плюрализмом при значительном удельном весе туземных, в том числе восточных, культов (особенно со II в. н. э. в связи с переходом к местному комплектованию легионов), а также существенными региональными особенностями в отпадении как собственно военных культов, так и культа императора⁶⁰. Тем более необходимо учитывать вполне естественные различия в верованиях солдат из различных родов войск. При всей консервативности армейской религии нельзя забывать и о имевших место диахронических изменениях в формах почитания и в степени популярности различных божеств.

Достоинством свидетельств, непосредственно характеризующих важные ценностные ориентации и идеологию солдат, восприятие ими официальной пропаганды, обладают некоторые надписи на отдельных предметах. В частности, следует указать на солдатские медальоны и патеру из Верхней Паннонии, датируемые III в., на которых имеются изображения Марса, Доблести (Virtus), Виктории и богини Тутелы с надписями, в которых упоминаются Conservatio Aug(usti), aurea saecula, Honor⁶¹. Еще более примечательным памятником являются надпи-

⁶⁰ На этот момент справедливо обращает внимание в своем исследовании Г. Анкерсдорфер: *Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian: Diss. Konstanz, 1973.*

⁶¹ Об этих памятниках как свидетельствах об идеологии армии см.: *Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя... С. 264–265.*

си, сделанные солдатами на свинцовых снарядах для пращи (*glandes plumbeae*) из Пицена и из Перузии, относящиеся соответственно ко времени Союзнической войны 91–88 гг. до н. э. и Перузинской войны Октавиана против Луция Антония и Фульвии⁶². Они не только дают замечательные образчики лагерной, по-солдатски грубой латыни⁶³, но и показывают, каким образом преломлялись в среде легионеров пропагандистские внушения относительно образа врага⁶⁴.

Надо сказать, что в армии Ранней империи с ее развитым канцелярским аппаратом вообще писали достаточно много, используя такие распространенные в повседневном обиходе материалы, как остраконы (наиболее интересные находки сделаны в африканских провинциях⁶⁵) и деревянные таблички. Такого рода таблички с частной и служебной перепиской и другими документальными записями были обнаружены в начале 1970-х гг. при раскопках британского форта Виндоланда и датируются концом I — началом II в.⁶⁶ Сюда же можно отнести и граффити, оставленные солдатами на стенах лагерных построек или в других местах⁶⁷, а также открытые в Виндониссе таблички с различными записями, касающимися повседневной жизни местного гарнизона⁶⁸. Такого рода тексты освещают в основном бытовые реалии и служебную рутину и дают довольно скудную, хотя подчас и бесценную, информацию

⁶² *Glandes plumbeae Latinae inscriptae* / Ed. C. Zangemeister // EE. 1885. Vol. VI.

⁶³ Соответствующие комментарии см.: *Mosci Sassi M. G.* Il sermo castrensis. Bologna, 1983. P. 98–103.

⁶⁴ Ср.: *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 231: «Эта увековеченная брань не случайна. Это тоже своего рода пропаганда, рассчитанная на солдат». См. также главу III.

⁶⁵ Основные публикации этих документов представлены в следующих изданиях: Youtie H. C. (Ed.). *Papyri and Ostraca from Karanis. Second Series.* Ann Arbor, 1951; *Bagnall R. S.* The Florida Ostraka. Documents from the Roman Army in Upper Egypt. Durham, 1976; *Marichal R.* Les ostraca de Bu Njem. Tripoli, 1992.

⁶⁶ *Bowman A. K., Thomas J. D.* The Vindolanda Writing Tablets and their Significance: An Interim Report // *Historia.* 1975. Bd. 24. Hf. 3. P. 463–478; *idem.* Vindolanda: The Latin Writing Tablets. L., 1983; *idem.* The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses II). L., 1994; *idem.* New Writing Tablets from Vindolanda // *Britannia.* 1996. Vol. 27. P. 299–328; *idem.* The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses III). L., 2003; *Bowman A. K.* Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People. L., 1994. См. также: *Birley R.* Vindolanda: A Roman frontier Post on Hadrian's Wall. L., 1977; *idem.* The Roman Documents from Vindolanda. Newcastle, 1990; *Садовская М. С.* Римский форт Виндоланда. К вопросу о романизации Британии // ИИАО. 1988. С. 71–80; *Adams J. N.* The New Vindolanda Writing tablets // *CQ.* 2003. Vol. 53. N 2. P. 530–575.

⁶⁷ Ср., например: *Le Roux P.* L'armée romaine au quotidien: deux graffites légionnaires de Pompéi et de Rome // *Epigraphica.* 1983. Vol. 45. P. 65–77.

⁶⁸ *Speidel M. A.* Die römischen Schreibtafeln von Vindonissa: lateinische Texte des militärischen Alltags und ihre geschichtliche Bedeutung. Brugg, 1996 (данное издание осталось мне недоступным).

о духовном облике римских военных⁶⁹, а кроме того, предоставляют в распоряжение исследователей уникальные данные о латинском языке и жаргоне солдат, которые также являются чрезвычайно важным источником для изучения солдатской ментальности⁷⁰.

То же самое можно сказать и о большей части дошедших до нас папирусов с разнообразными текстами, относящимися как к частной, так и к официально-служебной и общественной жизни римских военных. Среди этих документов, которые происходят в основном из Египта и из Дура-Европос на среднем Евфрате, нужно выделить немногочисленные солдатские письма к родным (и письма родных солдатам), написанные на греческом и латинском языках и датируемые в основном II в. Они интересны прежде всего теми живыми подробностями, которые практически невозможно почерпнуть из памятников иного рода⁷¹. Проблемы и надежды, связанные с началом военной службы, рассуждения о необходимости протекции для получения хорошего места, тоска по близким и покинутой родине, радость по поводу служебных успехов — таковы основные темы этих посланий, написанных, по словам одного исследователя, простыми и симпатичными парнями⁷².

Что касается служебной и деловой документации на папирусах, то она достаточно разнообразна⁷³. Известны образцы рекомендательных

⁶⁹ Возможно, на одном из остраконов из Бу Нджем (*Marichal R.* Op. cit. N 144) упоминается героиня «Энеиды» Дидона. Если это действительно так, то можно говорить о знакомстве солдат, служивших в этом отдаленном гарнизоне в начале III в., с Вергилием. См.: *Rebuffat R.* L'armée romaine à Gholaia // KHG. P. 243. Данная работа, в которой комплексно использованы интереснейшие надписи, острака и археологические данные, является прекрасным показателем того, как много могут дать все эти свидетельства для характеристики повседневной жизни и духовного облика римских солдат на примере отдельно взятого гарнизона.

⁷⁰ См. очень интересное исследование Дж. Адамса: *Adams J. N.* The Language of the Vindolanda Writing Tablets: An Interim Report // JRS. 1995. Vol. 85. P. 86–134.

⁷¹ Публикации наиболее интересных писем: CPL, N 250–255 (P. Mich. 467–472) (письма солдата Клавдия Теренциана); Sel. Pap., 111–112; BGU, 423, 814 (P. Mich. 465–466) (письма воина Аполлинария). Из посвященной им литературы можно указать: *Mondini M.* Lettere di soldati // Athen e Roma. 1915. Vol. 18. P. 241–258; *Smolka F.* Lettres des soldats écrits sur papyrus // Eos. 1929. Vol. 32. P. 153–164; *Pighi G. B.* Lettere latine di un soldato di Traiano (P. Mich., 467–472). Bologna, 1964; *Adams J. N.* The vulgar Latin of the letters of Claudius Terentianus. Manchester, 1977; *Mitthof F.* Soldaten und Veteranen in der Gesellschaft des römischen Ägypten (1.–2. Jh. n. Chr.) // KHG. S. 393–404; *Ковельман А. Б.* Риторика в тени пирамид (Массовое сознание римского Египта). М., 1988. С. 113–115.

⁷² *Smolka F.* Op. cit. P. 164.

⁷³ Основные издания военной документации на папирусах: *Daris S.* Documenti per la storia dell'esercito romano in Egitto. Milano, 1964; Fink R. O. Roman Military Records on Papyrus. Cliveland, Ohaio, 1971. Из обширной литературы, посвященной документации в римской армии, см.: *Watson G. R.* Documentation in the Roman Army // ANRW. Bd. II. 2.

писем, предоставление которых требовалось при поступлении на службу или в целях получения более высокого и выгодного поста⁷⁴. Для изучения правового статуса военнослужащих и ветеранов, характера их отношений с императорами исключительную важность представляют папирусы юридического содержания, например императорские решения о наделении ветеранов различными привилегиями (ср. особенно эдикт Октавиана от 31 г. до н. э. — P. Berl. 628 = FIRA. I, 56; или эдикт Домициана о ветеранах X легиона Fretensis — Wilkes. Chrest., 463), письма императоров провинциальным наместникам (см., например, послание Адриана префекту Египта Раммию Марциалу от 4 августа 119 г. — BGU, 140 = FIRA. I, 78), а также протоколы судебных разбирательств, связанных, в частности, с солдатскими браками или имущественными делами (например, Wilkes. Chrest., 372). Однако по большей части сохранились такие документы, как листы нарядов, рапорты о наличной численности и занятости личного состава, расписки в получении жалования или других ценностей и т. п., из которых отчетливо вырисовывается гарнизонная повседневность, проникнутая духом скорее бюрократизма, чем романтики. Но и они могут немало дать для изучения ментально-идеологических структур⁷⁵.

Особое место среди такого рода документов занимает один папирус, открытый в начале 1930-х гг. в ходе раскопок в Дура-Европос, где был обнаружен большой архив документов дислоцированной здесь когорты вспомогательных войск (Cohors XX Palmyrenorum)⁷⁶. Этот папирус (P. Dur. 54), известный как Feriale Duranum и датируемый временем Александра Севера (точнее 223–227 гг.)⁷⁷, представлял собой стандартный, используемый, видимо, во всех римских воинских частях календарь праздников, который в своих базовых элементах, вероятно, восходит еще ко времени Августа⁷⁸. Этот уникальный памятник во многом

1974. P. 493–507; Documenting in the Roman Army. Essays in Honour of Margaret Roxan / Ed. by J. J. Wilkes. L., 2003.

⁷⁴ См.: Watson G. R. The Roman Soldier. N. Y., Ithaka, 1969. P. 38.

⁷⁵ Например, для изучения отношения в римской армии к военным знаменам. См.: Stoll O. Die Fahnenwache in der römischen Armee // ZPE. 1995. Bd. 108. S. 107–118.

⁷⁶ Значение этого архива сразу же было по достоинству оценено одним из руководителей раскопок в Дура М. И. Ростовцевым. См.: Rostovtzeff M. Das Militärarchiv von Dura // Papyri und Altertumswissenschaft. Vorträge des 3. Internationale Papyrologentages in München von 4. bis 7. September 1933. Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. Bd. 19. München, 1934. S. 351–378.

⁷⁷ Editio princeps: Fink R. O., Hoey A. S., Snyder W. F. The Feriale Duranum // YCS. 1940. Vol. 7. P. 1–222. См. также: Fink R. O. Op. cit. N 117. P. 422–429, с библиографией. Перевод на русский язык (выполненный, правда, с французского) см.: Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001. С. 369–371.

⁷⁸ Это мнение впервые высказал А. S. Hoey (YCS. 1940. Vol. 7. P. 173). Ср.: Nock A. D. The Roman Army and the Roman Religious Year // HThR. 1952. Vol. 45. P. 186–252).

по-новому осветил религиозно-культовую практику римской армии, подтвердив в высшей степени консервативный характер той официальной идеологии, которая целенаправленно внедрялась в войсках и в которой значительную роль играли почитание традиционных римских божеств, военных знамен, а также императорский культ.

При относительном дефиците свидетельств, происходящих непосредственно из солдатской среды, немаловажное значение приобретают лингвистические данные — сохранившиеся в литературной традиции, в надписях и на папирусах слова армейского жаргона и отдельные образцы устного словесного творчества солдат. В исследовательской литературе их принято объединять понятием *sermo castrensis* (или *sermo militaris*)⁷⁹. Изучение солдатского языка началось более ста лет назад с работы Й. Кемпфа⁸⁰ и было продолжено в различных направлениях в последующие десятилетия. Сравнительно недавно почти все имеющиеся материалы были заново систематизированы и на современном научном уровне прокомментированы в книге итальянской исследовательницы М. Мочи Сасси⁸¹. Однако для характеристики солдатской ментальности они привлекались относительно редко и только попутно, в виде отдельных замечаний⁸². Взятые в комплексе, данные *sermo castrensis* позволяют дополнить обобщенный морально-психологический портрет римского воина некоторыми весьма любопытными штрихами⁸³.

Дело в том, что римская армия, как и всякое сообщество, достаточно обособленное по своим профессиональным задачам и условиям жизнедеятельности, вырабатывала собственный язык, настоящий солдатский арг⁸⁴, была местом довольно интенсивного лингвистического взаимодействия, представляя собой, по словам одного исследователя, «настоящую языковую школу»⁸⁵. Надо сказать, что понятием *sermo castrensis*

⁷⁹ В античной литературе такое выражение встречается лишь однажды — у Иеронима (Adv. Rufin. 2. 2). См.: *Mosci Sassi M. G. Op. cit. P. 26–27. Not. 9.*

⁸⁰ *Kempf J. G. Romanorum sermonis castrensis reliquae collectanae et illustratae // Jahrbücher für das Klassische Philologie. 1900. Suppl. XXVI.*

⁸¹ *Mosci Sassi M. G. Op. cit.*

⁸² См., в частности: *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 248; Carrié J.-M. Il soldato // L'uomo romano / A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 131 sg.* Исключение составляет, пожалуй, только интересная работа Дж. Адамса, посвященная оценке культурного уровня центурионов на основе социолингвистического анализа двух известных стихотворных надписей из Бу Нджема в Триполитании (*Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // JRS. 1999. Vol. 89. P. 109–134.*)

⁸³ Подробно см.: *Махлаюк А. В. Sermo castrensis как источник изучения ментальности римского солдата // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Часть I: Проблемы источниковедения истории Древнего Мира и Средних веков. Белгород, 2002. С. 32–40.*

⁸⁴ *Le Bohec Y. Op. cit. P. 248.*

⁸⁵ *Rebuffat R. La poésie de Q. Avidius Quintianus à la déesse Salus // Karthago. 1987. T. 21. P. 93 (цит. по: Carrié J.-M. Op. cit. P. 134).*

объединяются весьма разнородные лингвистические реалии, с трудом сводимые к определенному единству. По мысли М. Мочи Сасси, главный критерий их отнесения к *sermo castrensis* — это их возникновение и (или) бытование в армейской среде. Имеющиеся свидетельства могут быть распределены по следующим рубрикам: 1) триумфальные песни (*carmina triumphalia*); 2) остроумные и шуточные изречения (*ridicule, iocose, facete dicta*); 3) наиболее выразительные по своему языку и смыслу надписи на свинцовых снарядах для пращи (*glandes plumbeae*); 4) различные прозвища, которые солдаты давали своим командирам, императорам и другим персонажам (*cognomina*); 5) некоторые специальные военные термины и жаргонная лексика (*vocabula et locutiones*). Разумеется, далеко не все эти свидетельства в равной мере информативны для освещения ментального облика римских солдат. Следует также учитывать их во многом случайную сохранность, определенную «вырванность» из конкретного контекста, разрозненность и достаточно широкий хронологический разброс. Однако, как мы попытаемся показать ниже (гл. III), анализ языковых данных с точки зрения их семантики, этимологии и стилистической окраски действительно помогает открыть важные грани в образе римского воина.

Существенным дополнением к комплексу письменных источников служат самые разнообразные археологические, изобразительные и нумизматические материалы. Военная археология относится к числу интенсивно развивающихся дисциплин. Полученные в ходе раскопок и соответствующим образом интерпретированные данные способны пролить свет на очень многие аспекты истории войн и военного дела⁸⁶, в том числе и на те, которые относятся к предмету нашего исследования. Многолетние исследования римского пограничья и так называемого лимеса (протяженность которого составляет примерно 10 тыс. км) дали огромный фактический материал, который существенно расширяет и углубляет наши представления о военной архитектуре (в том числе сакральной), боевой подготовке и вооружении римлян, повседневных и экономических реалиях лагерной жизни, контактах военных с гражданским населением.

Весьма информативна также сама иконография разного рода изображений — прежде всего исторических скульптурных рельефов на таких коммеморативных сооружениях, как триумфальные арки, памятные победные колонны Траяна и Марка Аврелия, трофеев Траяна в Адамклисси и т. п. Подобные памятники, безусловно, своими особыми средствами, через изобразительный ряд и художественные образы, выражали и про-

⁸⁶ *Массон В. М.* Война как социальное явление и военная археология // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы междунар. конф. 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. С. 6–8.

пагандировали официальную идеологию Империи — идеологию победы⁸⁷. Не менее показательными, как мы уже сказали, могут быть в отдельных случаях и изображения, украшавшие частные саркофаги и надгробия (на которых нередко присутствуют идеализированные портреты римских воинов в том виде, в каком они сами хотели себя видеть⁸⁸), а также парадное оружие⁸⁹, знамена, наградные фалеры и резные геммы⁹⁰. Специальное рассмотрение всех этих памятников, их специфического иконографического языка не входит в очерченный выше круг задач нашего исследования. Но по мере необходимости мы старались привлекать соответствующие материалы.

Для характеристики официально пропагандируемых и политически значимых идей, событий, ценностей и религиозных культов, так или

⁸⁷ Из огромного количества работ, посвященных данной проблематике, отметим следующие: *Scheiper R.* Bildpropaganda der römischen Kaiserzeit unter besonderer Berücksichtigung der Trajanssäule in Rom und korrespondierender Münzen. Bonn, 1982; *Settis S.* La colonne Traiane: Invention, Composition, Disposition // *Annales*. E. S. C. 1985. N 5. P. 1151–1194; *idem.* La colonne Traiane: l'empereur et son public // *RA*. 1991. N 1. P. 186–198; *Autour de la colonne aurélienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurèle à Rome* / Ed. par J. Scheid, V. Huet. Turnhout, 2000 (содержание данной работы известно мне по рецензии О. П. Смирновой: ВДИ. 2003. № 3. С. 238–242); *Waurick G.* Soldaten in der römischen Kunst // *Roman Frontier Studies*. 1979 / Ed. by W. S. Hanson, L. J. F. Keppie. Vol. 3. Oxf., 1980. S. 1091–1098; *Fehr B.* Das Militär als Leitbild: Politische Funktion und gruppenspezifische Wahrnehmung des Traiansforum und der Traianssäule // *Nephaistos*. 1985–1986. Bd. 7–8. S. 39–60; *Picard G.-Ch.* Les trophées romains. P., 1957; *idem.* L'idéologie de la guerre et ses monuments dans l'Empire Romain // *RA*. 1992. N 1. P. 111–141; *Davies P. J. E.* The politics of perpetuation: Trajan's Column and the art of commemoration // *AJA*. 1997. Vol. 101. N 1. P. 41–65; *Galinier M.* La représentation iconographique du légionnaire romain // *Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon (17–19 Septembre 1998)* / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolff. Vol. I. Lyon; P., 2000. P. 417–439; *Hannestad N.* Rome and her Enemies: Warfare in Imperial Art // *War as a Cultural and Social Force: Essays on Warfare in Antiquity*. København, 2001. P. 146–154; *Alexandrescu-Vianu M.* Le programme iconographique du monument triomphal d'Adamklissi // *Dacia*. 1979. T. XXIII. P. 123–129; *Поплавский В. С.* Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М., 2000.

⁸⁸ *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 135–138; *Galinier M.* Op. cit. P. 426–429. Мне остались недоступны две специальные работы по данной проблематике: *Franzoni C.* Habitus atque habitudo militaris. Monumenti funerari di militari nella Cisalpina romana. Roma, 1987 (*Studia archaeologica* 45); *Tufi S. R.* Militari romani sul Reno. L'iconografia degli «stehende Soldaten» nelle stele funerarie del I secolo d. C. Roma, 1988 (*Studia archaeologica* 92); *Stoll O.* Die Skulturenausstattung Römischer Militärlagen am Rhein und Donau. St. Katarinen, 1992; *Scafer T.* Spolia et signa. Göttingen, 1998.

⁸⁹ *Künzl E.* Politische Propaganda auf römischen Waffen der frühen Kaiserzeit // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik. Eine Ausstellung in Martin-Gropius-Bau, Berlin 7. Juni — 14. August 1988*. Mainz, 1988. S. 541–545.

⁹⁰ *Henig M.* The veneration of heroes in the Roman army. The evidence of engraved gemstones // *Britannia*. 1970. Vol. I. P. 246–265; *Boschung D.* Römische Glasphalerae mit Porträtbusthen // *BJ*. 1987. Bd. 127. S. 255–258; *Колобов А. В.* Династическая пропаганда на знаменах и боевых наградах римских легионов: Первый век Империи // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 129–136.

иначе связанных с военной сферой, большой интерес представляют нумизматические материалы⁹¹. Монетные выпуски политических лидеров эпохи Поздней республики и императоров, в особенности те, которые были специально предназначены для выплаты жалования или наградных легионам и армии в целом, наглядно демонстрируют то огромное значение, какое правители или претенденты на власть придавали своим военным функциям, имиджу победоносного полководца и персональным связям с армией. Монетные изображения и легенды посвящались прославлению побед римского оружия и отдельных легионов или армейских группировок. Специальными монетными выпусками и сериями отмечались императорские обращения к войску (*allocutiones*) и прочие военные мероприятия (например, посещения императором воинских учений и тех или иных провинций), пропагандировались такие важнейшие понятия, часто являвшиеся обожествленными абстракциями, как *Disciplina*, *Fides*, *Concordia* и др., императорские доблести и качества (*Virtus*, *Pietas*, *Largitas*), а также официальные и военные культы. Некоторые из монетных легенд, несомненно, представляли собой политические лозунги, которые власть стремилась донести до подданных. Но, на наш взгляд, было бы ошибкой преувеличивать связь между монетными легендами и целенаправленной правительственной пропагандой, усматривая в монетах едва ли не главное средство формирования общественного мнения⁹². Это отнюдь не означает, что нумизматические

⁹¹ Римским монетам как историческому источнику и своеобразному средству политической пропаганды посвящена большая литература. См., в частности: *Jones A. H. M. Numismatics and History // Essays in Roman Coinage Presented to Harold Mattingly. Oxf., 1956. P. 13–33; Sutherland C. H. V. The Intellegibility of Roman Imperial Coin Types // JRS. 1959. Vol. 49. P. 46–55; idem. Roman History and Coinage 44 B. C. — A. D. 69. Oxf., 1987; Crawford M. Roman Imperial Coin Types and the Formation of Public Opinion // Studies in Numismatic Method Presented to Ph. Grierson. Cambridge, 1983. P. 47–64; Perez C. Monnaie du pouvoir, pouvoir de la monnaie: Une pratique discursive originale — le discours figurative monetaire (1-er s. av. J.-C. — 14 ap. J.-C.). P., 1986. Специально военным темам на монетах императорского времени посвящены следующие работы: *Rossi L. Le insegne militari nella monetazione imperiale romana da Augusto a Commodo // Rivista italiana numismatica. 1965. Vol. 67. P. 41–81; Wittwer K. Kaiser und Heer im Spiegel der Reichsmünzen. Untersuchungen zu den militärpolitischen Prägung in der Zeit von Nerva bis Caracalla: Diss. Tübingen, 1986; Richier O. Les thèmes militaires dans le monnayage de Trajan // Latomus. 1997. T. 56. P. 594–613; Абрамзон М. Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994; он же. Император и армия в римской монетной типологии // ВДИ. 1996. № 3. С. 122–137; он же. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.**

⁹² В науке уже достаточно долго, но без достижения однозначного итога, продолжается дискуссия об убедительной силе императорских монет как средства официальной пропаганды. Если одни исследователи, как, например, А. Джонс, вообще отрицают связь между монетными легендами и пропагандой (*Jones A. H. M. Op. cit.*), то другие, как К. Сазерленд и М. Г. Абрамзон (см. их работы, указанные в предыдущей сноске),

данные не могут предоставить важную информацию о системе ценностей⁹³, религиозной политике отдельных императоров или об идеологии военного лидерства. Но сами по себе, без учета свидетельств других источников, они все же малоинформативны для основных вопросов нашей темы.

Таковы имеющиеся в нашем распоряжении источники. Представляется, что привлечение всей совокупности их разнородных, но взаимодополняющих и корректирующих друг друга свидетельств, разумеется, при условии их критического и комплексного использования, позволяет обратиться к исследованию обозначенной выше проблематики, несмотря на то, что имеющиеся в них немалые пробелы и неизбежные деформации, обусловленные самим характером соответствующих «носителей информации», объективно сказываются на полноте и точности реконструируемой картины традиций и ментально-идеологических компонентов римской военной организации.

напротив, видят в монетах не только самый массовый, но и вполне эффективный пропагандистский инструмент. Об этой дискуссии см.: *Crumph G. A. Coinage and Imperial Thought // The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr / Eds. J. W. Eadie and J. Ober. N. Y.; L., 1985. P. 425–441.* Наши критические замечания о подходах и выводах книги М. Г. Абрамзона см.: *Махлаюк А. В. Рец. на: Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995 // ВДИ. 1997. № 3. С. 173–178.*

⁹³ Ср., например, очень интересные наблюдения, сделанные П. Кейзи на основе анализа клада из Аппаса: *Casey P. J. LIBERALITAS AUGUSTI: Imperial Military Donatives and Arras Hoard // KHG. P. 445–458.*

Глава II

ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ АРМИИ ИМПЕРАТОРСКОГО РИМА

Изучение римской императорской армии в XIX — первой половине XX века

Военные институты и военная история Древнего Рима неизменно вызывали и вызывают огромный интерес исследователей самых разных историографических направлений и специальностей. Следствием этого неослабевающего интереса является труднообозримый поток многоязычной специальной и научно-популярной литературы. Однако число исследований, непосредственно посвященных своеобразным традициям, ценностям и идеологии императорской армии, сравнительно невелико. Немногим больше и количество тех работ, в которых данная проблематика поднимается с большей или меньшей подробностью в связи с изучением общей истории римской армии или отдельных конкретных сюжетов. Такого рода исследования стали появляться главным образом в последние два-три десятилетия. Основное же внимание специалистов концентрируется прежде всего на детальной реконструкции различных сторон римской военной организации и военного быта, на военной истории отдельных провинций и кампаний, на преобразованиях в армии, проводившихся теми или иными императорами, на выяснении социальной и политической роли армии в Римской империи. Все эти вопросы в большей или меньшей степени соприкасаются с кругом интересующих нас проблем, и тот огромный фактологический материал, который накоплен и разносторонне проанализирован в современной науке, многие суждения и выводы специалистов по отдельным

частным сюжетам, безусловно, будут учитываться нами при трактовке конкретных аспектов рассматриваемой темы. К истории изучения отдельных проблем, нынешнему положению дел и дискуссиям в историографии по конкретным вопросам мы обратимся в последующих главах. В данном же разделе было бы целесообразно, не ограничиваясь только анализом работ, прямо относящихся к нашей теме, выделить и рассмотреть те исследовательские направления и работы приблизительно за 120 лет, которые, с одной стороны, наиболее показательны для основных этапов и тенденций в развитии историографии, а с другой — в той или иной степени затрагивают историко-антропологическую проблематику. Такой проблемно-хронологический анализ позволит, как представляется, лучше уяснить тот историографический контекст, которым во многом определяется выбор конкретных аспектов и задач нашего исследования.

В развитии современной историографии римской армии, на наш взгляд, можно выделить, по меньшей мере, три крупных этапа. Первый из них охватывает период приблизительно с середины XIX в. по 40-е гг. XX в. Второй этап условно можно датировать 40–70-ми гг. XX столетия. Третий же, новейший, этап, начавшийся в 1980-е гг. прошлого века, продолжается и в настоящий момент. Для становления и развития научной историографии римской армии определяющее значение имел начальный период первого этапа, охватывающий середину и последние десятилетия XIX в. Именно в это время, прежде всего благодаря введению в научный оборот и систематизации новых эпиграфических и археологических данных, появляется ряд фундаментальных трудов общего характера и большое количество специальных исследований, которые во многом определили главные направления и проблемы в изучении военной организации Рима. Не все из них выдержали проверку временем и по разным причинам достаточно быстро устарели¹.

Некоторые из работ XIX в., однако, не утратили своего значения до настоящего времени, в том числе капитальные руководства по римским институтам И. Марквардта и А. Буше-Леклерка, в которых дано систематическое освещение римской военной организации и основных этапов

¹ Например, см.: *Lange L. Historia mutationum rei militaris Romanorum inde ab interitu reipublicae usque ad Constantinum Magnum. Göttingae, 1846; Sonklar K. A. Abhandlung über die Heersverwaltung der alten Römer in Frieden und Krieg, in der besonderen Beziehung auf die beiden Hauptzweige der Heersversorgung: Besoldung und Verpflegung. Innsbruck, 1847; Lamarre C. De la milice romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à Constantine. P., 1863; Harster W. Die Nationen des Römerreichs in den Heeren der Kaiser. Speier, 1873; Streit W. Heeresorganisation des Augustus. Berlin, 1876; Pfitzner W. Geschichte der römischen Kaiserlegionen von Augustus bis Hadrian. Leipzig, 1881; Müller O. Römisches Lagerleben. Gütersloh, 1892; Fontaine L. L'armée romaine. P., 1883.*

ее эволюции². Немалое внимание военным установлениям Рима уделит крупнейший немецкий ученый Теодор Моммзен как в своих основополагающих трудах по римскому государственному и уголовному праву, так и в многочисленных конкретных исследованиях, посвященных римской армии и впервые осветивших целый ряд ключевых проблем³. Важные замечания о характере и роли армии в период Поздней республики были высказаны Моммзеном в его «Истории Рима». В частности, он подчеркивал, что с возникновением в результате реформ Мария постоянного войска и военного сословия фактически складываются основы будущей монархии⁴, в войске исчезает всякое гражданское и даже национальное чувство и только корпоративный дух остался внутренним связующим звеном⁵. Стоит отметить также ряд интересных суждений об императорской армии, высказанных Г. Буассье в книге «Оппозиция при цезарях» (1875), в частности его мнение о достаточно прочном сохранении среди солдат старых римских, республиканских по своей сути, традиций (в том числе религиозных) при полной поддержке со стороны войска единой императорской формы правления⁶.

Большой вклад в разработку многих вопросов истории римской армии внес ученик Моммзена Альфред фон Домашевский, разрабатывавший очень широкий круг вопросов — от политической роли армии, солдатской религии и жалованья до римской военной архитектуры⁷. Его работы о военных знаменах (*signa militaria*), религии и системе чинов в императорской армии, несмотря на ряд ошибочных положений, сохраняют свою ценность⁸. В монографии о знаменах

² *Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. 3. Auflage, besorgt von H. Dessau und A. von Domaszewski. Bd. II. Darmstadt, 1957 (= 2. Auflage, 1881–1885); Bouché-Leclercq A. Manuel des institutions romaines. P., 1886 (переиздание: P., 1930).*

³ *Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. 1–3. Leipzig, 1871–1888; idem. Römische Strafrecht. Leipzig, 1899; idem. Das Militärsystem Cäsars // HZ. 1877. Bd. 38. (N. F. Bd. 2). S. 1–15; idem. Die Conscriptioordnung der römischen Kaiserzeit // Hermes. 1884. Bd. 19. S. 1–79; 210–234; idem. Militum provincialium patriae // EE. 1884. Vol. V. S. 159–249; idem. Das römische Militärwesen seit Diokletian // Hermes. 1889. Bd. 24. S. 195–279.*

⁴ *Моммзен Т. История Рима. Т. II. СПб., 1993. С. 145–146.*

⁵ Там же. Т. III. М., 1941. С. 411.

⁶ *Буассье Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Оппозиция при цезарях / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993. С. 15–26.*

⁷ *Domaszewski A., von. Die Heere im Bürgerkrieg // Neue Heidelberger Jahrbücher für das Klassische Altertum. 1894. Bd. 4. S. 172–185; idem. Der Truppensold der Kaiserzeit // Neue Heidelberg Jahrbücher für das Klassische Altertum. 1900. Bd. 10. S. 218–241; idem. Die Anlage der Limeskastelle. Heidelberg, 1908; idem. Lustratio Exercitus // Idem. Abhandlungen zur römischen Religion. Leipzig; B., 1909. Некоторые из этих работ вошли в сборник основных исследований А. фон Домашевского по истории римской армии: *Domaszewski A., von. Aufsätze zur römischen Heeresgeschichte. Darmstadt, 1972.**

⁸ Об этом свидетельствуют их переиздание и высокая в целом оценка современных специалистов. *Domaszewski A., von. Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885; idem. Die*

А. Домашевский, систематизировав данные всех видов источников, впервые дал детальную реконструкцию различных типов римских *signa militaria*, показал их роль в различных сферах военной жизни, в том числе в религиозно-культовой, подчеркнув особое значение *Fahnenreligion*, которая, по его мнению, только в правление первых Северов отодвигается на задний план культом императора⁹. Следует отметить, что высказанная автором мысль о том, что сам распорядок и условия военной жизни требовали особой религии, которая не знала гражданского религиозного календаря с его праздниками¹⁰, была решительным образом опровергнута находкой *Feriale Duranum*. Пересматриваются и некоторые другие наблюдения и выводы немецкого историка, касающиеся армейской религии¹¹. Заметим также, что военно-этическая подоплека культа знамен и других армейских культов фактически не получила у него специального освещения. Книга Домашевского о порядке чинов до сих пор остается наиболее полным исследованием по данной теме, хотя некоторые ее положения корректируются в современной историографии. В этой же работе автор, по существу, выдвинул свою концепцию истории императорской армии, развитую затем и в его общем труде по истории Империи. По мысли историка, процесс провинциализации и варваризации армии, начатый при Адриане, фактически завершился при Септимию Севере, который, как ставленник варварской солдатской массы, сознательно изгонял или истреблял италийские кадры на военной и гражданской службе; истинно римские начала в армии оказались подавленными, и легионы утратили былую доблесть, что и обрекало Рим на военные поражения¹². Выдвигая на первый план субъективные и этнические факторы, автор даже подгонял некоторые факты под эту общую схему, которая в свете современных исследований не выдерживает критики¹³. Но вы-

Religion des römischen Heeres. Trier, 1895; *idem*. Die Thierbilder der signa // Archäologische Epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn. Wien, 1892. Bd. XV. S. 182–193; *idem*. Die Rangordnung des römischen Heeres. Bonn, 1908 (= *Domaszewski A., von*. Die Rangordnung des römischen Heeres / Einführung, Berrichtigungen und Nachträge von B. Dobson. 3., unveränderte Auflage. Köln; Wien, 1981) (2-е изд. вышло в 1967 г.). Ряд работ был переиздан в названном выше сборнике (см. предыдущую сноску). О современном значении этих работ, кроме «Введения» Б. Добсона, см.: *Durry M.* Sur l'armée impériale // REL. 1968. T. 46. P. 62–67; *Balla L.* Zu einigen Problemen der Militärgeschichte des Prinzipats // Acta classica Universitatis Scientiarum Debrecensis. 1968. Vol. IV. S. 119–121; *Birley E.* The Religion of the Roman Army: 1895–1977 // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1506–1508; 1538.

⁹ *Domaszewski A., von*. Die Religion des römischen Heeres... S. 19.

¹⁰ *Ibid.* S. 13.

¹¹ *Birley E.* Op. cit. P. 1506 ff.; *Ankersdorfer H.* Op. cit. Passim.

¹² *Domaszewski A., von*. Die Rangordnung... S. 65; 196; *idem*. Geschichte der römischen Kaiser. Bd. 2. Leipzig, 1909. S. 246 ff.; 262; 266 f.

¹³ См.: *Dobson B.* Einführung... S.V; LXI.

сказанные им идеи, равно как и критический пересмотр отдельных его взглядов, стимулировали дальнейшее углубленное изучение различных аспектов римской военной организации

В начале XX в. появляется обширный труд еще одного представителя немецкой науки — Ганса Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории». Автор не ограничивается только подробным и компетентным разбором основных военных событий прошлого, но анализирует своеобразие военной организации разных народов и государств. Что касается «римских» глав этого труда, то, бесспорно, заслуживают поддержки высказанные Дельбрюком мысли о специфике римской воинской дисциплины, коренившейся в самом римском народном характере и в твердой административной власти магистратов, об особой роли центурионов в сохранении военных традиций Рима¹⁴. Принципиально важен и тезис о том, что римская армия, а вместе с ней и римское государство держались не только благодаря дисциплинарным мерам, но и благодаря «отвлеченному понятию воинской чести», причем эти дисциплина и честь были органически связаны с солдатской религией, прежде всего с культом императора¹⁵. Однако этот верный вывод не получил сколько-нибудь подробного обоснования в работе Дельбрюка.

Развернутые суждения по данному аспекту содержит книга Шарля Ренеля, посвященная военным культам Рима¹⁶. Основное внимание французский исследователь уделил развитию и сакральному значению римских военных знамен, обосновав на большом сравнительном материале их тотемные истоки у римлян и других италийских племен. Обратил он внимание и на связь этого культа с другими божествами и обожествленными абстракциями, подробно охарактеризовал роль *signa* в военных ритуалах и в утверждении корпоративного духа легионов и других воинских частей. Вполне однозначно трактуя военные штандарты римлян как подлинные божества, автор связывал с их сакральной природой то особое значение, какое они имели в традициях римской армии и сознании солдат. Хотя не все мнения автора по отдельным вопросам могут быть приняты, примечательно само его стремление рассматривать культовую практику армии во взаимосвязи с солдатской психологией, структурной эволюцией и традициями армии. Этим исследование Ренеля отличается от сугубо фактографических работ А. Домашевского и других германских историков, например П. Штайнера, посвятившего свое исследование подробному описанию

¹⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. СПб., 1994. С. 213 сл.; 312 сл.

¹⁵ Там же. Т. II. СПб., 1994. С. 130, 131.

¹⁶ Renel Ch. Cultes militaires de Rome. Les enseignes. Lyon; P., 1903.

римских военных наград и знаков, но практически никак не затронувшего более общих проблем, в частности значения *dona militaria* в системе воинских ценностей¹⁷.

В самом конце XIX и начале XX в. выходят первые крупные работы, в которых на основе документальных источников освещаются различные стороны военной истории отдельных провинций и затрагиваются в числе прочих также вопросы духовного облика и социального положения солдат. Среди таких работ долгое время по широте проблематики и фундированности выводов образцовыми оставались монографии Р. Канны и Ж. Леклье, посвященные соответственно истории римской армии в провинциях Африка и Египет¹⁸.

Развитие историографии в эти и последующие десятилетия отмечено как продолжением конкретных исследований в русле намеченных ранее направлений и подходов, так и появлением ряда важных работ общего плана. В рамках конкретно-исторических штудий внимание исследователей привлекают такие темы, как социально-этнический контингент рядового и командного состава¹⁹, правовые аспекты положения солдат и ветеранов²⁰, порядок чиновничества и карьеры на разных уровнях военной иерархии²¹; исследуются также военно-уголовное право и дисциплина²². Интересный ракурс в изучении феномена солдатских мятежей в римской армии предложил в своей статье В. С. Мессер, увидев в них проявление определенной целостной традиции и указав, что при более внимательном рассмотрении такие эпизоды отнюдь не противоречат мнению об эффективности римской военной системы как

¹⁷ Steiner P. Die *Dona Militaria* // BJ. 1906. Bd. 114/115.

¹⁸ Cagnat R. L'Armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. P., 1892 (2-е изд. вышло в 1913 г.); Lesquier J. L'Armée romaine d'Égypte d'Auguste à Diocletien. Le Caire, 1880.

¹⁹ Seek O. Die Zusammensetzung der Kaiserlegionen // RhM. 1893. Bd. 48. S. 602–621; Dessau H. Die Herkunft der Offiziere und Beamten des römischen Kaiserreiches // Hermes. 1910. Bd. 45. S. 1–26.

²⁰ Tassistro P. Il matrimonio dei soldati romano // Studi e documenti Storia e Diritto. 1901. T. XXII. P. 3–82; Calderini A. Testamenti di soldati // Atene e Roma. 1915. Vol. XVIII. P. 259–266; Müller A. Veteranenvereine in der römischen Kaiserzeit // Neue Heidelberg Jahrbücher für das Klassische Altertum. 1912. Bd. 29. S. 267–284.

²¹ См., например: Wegeleben T. Die Rangordnung der römischen Centurionen. B., 1913; Lopuzanski G. La transformation du corps des officiers supérieurs dans l'armée romaine du 1er au IIIe siècle ap. J.-C. // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École Française de Rome. P., 1938. P. 131–183.

²² Müller A. Die Strafjustiz im römischen Heere // Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum. 1906. Bd. 17. S. 550–577; Sulser J. *Disciplina*. Beiträge zur innern Geschichte des römischen Heeres von Augustus bis Vespasian: Diss. Basel, 1923; Currie G. W. *The Military Discipline of the Romans from the Founding of the City to the Close of the Republic*. Bloomington, 1928.

таковой, но, напротив, могут рассматриваться как показатель высоких качеств римского солдата, его способности самостоятельно мыслить и действовать²³.

Следует также отметить, что в первые десятилетия XX в. были написаны многие статьи о римских военных институтах для «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова, до сих пор сохраняющие определенное значение как точные сводки всех известных на тот период источников²⁴. Некоторые из них можно отнести к работам обобщающего плана, как, например, развернутые статьи (по существу, представляющие собой целые монографии) о римском легионе, написанные В. Кубичеком (период Республики) и Э. Риттерлингом (период Империи) и подробно осветившие развитие, структуру, дислокацию легионов²⁵. Среди других трудов общего и монографического плана заслуживают быть отмеченными подробное изложение истории военного дела и военного искусства Рима в работе И. Кромайера и Г. Фейта, исследования А. Паркера и Р. Гроссе²⁶, а также вышедшие в 1910 — конце 30-х гг. монографии об отдельных родах войск²⁷. Среди них стоит выделить работы М. Дюрри и А. Пассерини о преторианской гвардии, подробно осветившие историю, политическую роль, проблемы комплектования и внутренней жизни этого элитного корпуса вооруженных сил Империи²⁸. Все эти источники, суммируя результаты конкретных исследований своего времени, существенно обогатили общую картину истории римской армии прежде всего с точки зрения значения и исторической эволюции различных элементов военной системы. Однако в этих исследованиях тема солдатской ментальности и соответствующих традиций не получила специальной разработки. В данный период и в начале следующего эта тема если и затрагивалась отдельными авторами, то главным образом в контексте изучения религиозной жизни армии (и прежде всего в связи с откры-

²³ Messer W. S. Mutiny in the Roman Army // CPh. 1920. Vol. 15. P. 158–1175.

²⁴ Можно, в частности, назвать статьи О. Фибиера («disciplina militaris», «dona militaria», «donativum»), В. Либенама («dilectus», «exercitus», «vexillum»), В. Кубичека («signa militaria»).

²⁵ Kubitschek W. Legio // RE. Bd. XII. 1 (1924). Sp. 1186–1210; Ritterling E. Legio // RE. Bd. XII. 2 (1925). Sp. 1211–1829.

²⁶ Parker A. M. D. The Roman Legions. N. Y., 1958 (1st ed. 1927); Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928 (Handbuch der Altertumswissenschaft. Begr. von I. Müller. Neu Herausgegeben von W. Otto. Abt. 4. Teil 2. Bd. 2). (Г. Фейтом написаны разделы о древнейшем, республиканском и позднейшеимператорском времени, а раздел об армии принципата принадлежит перу Э. фон Нишера); Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallien bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920.

²⁷ Cheesman G. The auxilia of the Roman imperial army. Oxf., 1914 (reprint in 1971).

²⁸ Durry M. Les cohortes prétoriennes. P., 1938; Passerini A. Le Coorti pretorie. Roma, 1939.

тием новых памятников)²⁹, вопросов военной дисциплины³⁰ и частных сюжетов³¹.

Определились также некоторые новые подходы к проблемам военной политики отдельных принципсов, социально-политической роли армии и взаимоотношений императора и войска. Здесь прежде всего надо отметить ряд общих работ по истории Принципата, в которых был высказан ряд принципиальных оценок и выводов, получивших впоследствии развитие или вызвавших оживленную полемику. Большое внимание различным вопросам социально-политической роли армии в жизни римского общества и государства уделил М. И. Ростовцев в своем классическом труде «The Social and Economic History of the Roman Empire»³². Русский историк акцентировал проблему социального состава армии, изменениями в котором определялась и ее политическая роль. Если Август и его ближайшие преемники при комплектовании войск, прежде всего легионов, ориентировались на городские слои Италии и наиболее романизованных провинций и армия, включавшая в себя все сословия, как зеркало отражала настроения народа и повиновалась принципсам, воплощавшим теперь государство, то начиная со II в. «буржуазный» состав армии постепенно уступает место крестьянскому, армия утрачива-

²⁹ См., в частности: *Rist W.* Die Opfer des römischen Heeres. Tübingen, 1920; *Hoey A. S.* Rosaliae signorum // HThR. 1937. Vol. 30. P. 15–35; *idem.* Official policy towards Oriental Cults in the Roman army // TAPA. 1939. Vol. 70. P. 456–481; *Richmond I. A.* Roman legionaries at Corbridge, their supply-base, temples and religious cults // *Archaeologia Aeliana*. 4th ser. 1943. Vol. 21. P. 127–224; *Basanoff V.* Evocatio. Étude d'un rituel militaire romaine. P., 1947; *Nock A. D.* The Roman Army and the Roman Religious Year // HThR. 1952. Vol. 45. P. 186–252.

³⁰ Они стали предметом серии исследований А. Ноймана: *Neumann A.* Kritische Beiträge zur römischen Heeresdisziplin // *Klio*. 1935. Bd. 28. S. 297–301; *idem.* Das Augustiesch-hadrianische Armeeregiment und Vegetius // *CPh*. 1936. Vol. 31. S. 1–17; *idem.* Das römische Heeresregiment // *HZ*. 1942. Bd. 166. S. 554–562; *idem.* Das römische Heeresregiment // *CPh*. 1946. Vol. 41. S. 217–225; *idem.* Römische Rekrutenausbildung im Lichte der Disziplin // *CPh*. 1948. Vol. 43. S. 157–173. Итогом этих исследований позднее стала его содержательная статья о дисциплине для дополнительного тома «Реальной энциклопедии»: *Disciplina militaris* // *RE. Suppl. X*. 1965. Sp. 142–178.

³¹ Например, таких, как значение римских военных знамен (*Zwicker W.* Bemerkungen zu den römischen Heeresfahnen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutsche Archäologische Instituts. 1937. B. 27. S. 7–22; *Neumann A.* Die Bedeutung der Medaillons auf den Fahnen des römischen Heeres der frühen Kaiserzeit // Wiener Jahreshefte Zweigstelle Wien des Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches. 1943. B. 35. S. 27–32), социальные функции военных коллегий (*Ginsburg M.* Roman military clubs and their social functions // TAPA. 1940. Vol. 71. P. 148–156), взаимоотношения полководца и войска (*Vogt J.* Caesar und seine Soldaten // Neue Jahrb. für Antike und deutsche Bildung. 1940. 4. S. 120–135).

³² *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxf., 1926. Немецкий перевод: Gesellschaft und Wirtschaft in römischen Kaiserreich. Bd. I-II. Leipzig, 1931. По этому изданию был выполнен и перевод на русский язык: *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. СПб., 2000–2001.

ет связь с городами, вновь превращаясь в войско сельских пролетариев. В конечном итоге это привело к тому, что в III в. армия, представлявшая уже те народные массы, которые играли в культурных достижениях Империи лишь весьма незначительную роль, становится деструктивным фактором. Теперь, по словам М. И. Ростовцева, «армия сражалась с привилегированными сословиями и не успокоилась, пока эти сословия полностью не утратили свой социальный престиж и пока жертвы полудикой солдатни бессильно не были повержены окончательно»³³. В концепции Ростовцева, разумеется, многое представляется упрощенным и спорным, но именно его идеи значительно стимулировали более пристальное исследование социального состава и социально-политической роли армии, политики рекрутирования отдельных императоров³⁴.

В совершенно ином ключе написано важное исследование А. фон Премерштейна, посвященное становлению и сущности Принципата, в котором среди прочих основ созданного Августом государственного строя подробное освещение получили различные аспекты взаимоотношения принцепса и армии. По мнению автора, их можно трактовать как особую форму клиентелы — войсковую клиентелу, которая, зародившись еще в первые десятилетия I в. до н. э., сыграла важную роль в развитии своеобразной римской монархии, а монополизация принцепсом положения патрона армии была, наряду с *auctoritas*, одной из важнейших основ его власти в целом³⁵. Кроме того, Премерштейн подробно исследовал такие элементы взаимосвязи императора и войска, как воинская присяга, почитание императорских изображений в армии и др.

В целом же необходимо подчеркнуть, что в историографии конца XIX — первых десятилетий XX в. произошло становление военно-исторического направления в качестве одного из ведущих в мировом антиковедении. К неоспоримым достижениям рассмотренного этапа следует отнести введение в научной оборот и систематизацию огромного фактического материала, разработку разнообразных подходов к его интерпретации. Был сформулирован ряд общих концепций развития римской военной организации, определились основные тенденции и широкая проблематика исследований. Однако в силу изыскательских приоритетов науки того времени роль ментально-идеологических факторов в функционировании римской военной организации не получила целостного освещения: были затронуты лишь ее отдельные аспекты.

³³ Ростовцев М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 203.

³⁴ Такой подход в известной степени нашел отражение в соответствующих главах «Кэмбриджской древней истории». См.: *Last Huger M. A. The Army a Profession* // CAH. Vol. IX. 1932; *Stevenson F. E. The Army and Navy* // CAH. Vol. X. 1934; *Miller S. Army and Imperial House* // CAH. Vol. XII. 1936.

³⁵ *Premmerstein A., von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats*. München, 1937. S. 73 ff.

Основные проблемы и тенденции современной зарубежной историографии

Отмеченные выше тенденции получили дальнейшее развитие на следующем этапе изучения римской армии³⁶. Послевоенный период становится временем настоящего бума в изучении римской армии. Он был ознаменован прежде всего значительным расширением источниковой базы и тематики исследований, заметным обновлением исследовательских подходов и постановкой новых проблем в соответствии с общим прогрессом современного антиковедения. Фундаментом для появления новых обобщающих и монографических работ, безусловно, стали существенное расширение и интенсификации работ в области военной археологии, эпиграфики и папирологии. Появляется целый ряд публикаций, посвященных археологическому изучению отдельных легионных лагерей и римской военной архитектуры³⁷. На регулярно проводимых международных конференциях широко представляются результаты археологических и эпиграфических исследований римского лimesа и отдельных провинций³⁸. Публикуются не только многочисленные новооткрытые надписи и другие письменные памятники, но и отдельные тематические сборники военных эпиграфических документов, острака и папирусов³⁹.

³⁶ Общий обзор основных направлений в изучении военной истории античного мира см.: *Hanson V. D. The Status of Ancient Military History: Traditional Work, Recent Research, and On-Going Controversies // The Journal of Military History. 1999. Vol. 63. N 2. P. 379–413 (особенно P. 401 ff.)*.

³⁷ *Fellmann R. Die Principia des Legionslagers Vindonissa und das Zentralgebäude der römischen Lager und Kastelle. Brugg, 1958; Baatz D. Mogontiacum. Neue Untersuchungen am römischen Legionslager in Mainz. B., 1962; Petrikovitz H., von. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. Opladen, 1975; Barbulescu M. Din istoria militara a Daciei române: Legiunea V Macedonica si castrul de la Potaissa. Cluj-Napoca, 1987; Johnson A. Römische Kastelle des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. in Britannien und in der germanischen Provinzen des Römerreiches / Bearb. von D. Baatz. Mainz, 1987.*

³⁸ Из последних публикаций такого рода можно указать: *Roman Frontier Studies 1979. Papers of the XIIth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. W.S. Hanson, L. J. F. Keppie. Vol. 1–3. Oxf., 1980; Studien zu den Militärgrenzen Roms III. 13. Internationaler Limeskongress, Aahen 1983. Vorträge. Stuttgart, 1986; Akten des 14. Internationaler Limeskongress 1986 in Carnuntum. T. 1–2. Wien, 1990; Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. V.A. Maxfield, M. J. Dobson. Exeter, 1991; Roman Frontier Studies 1995. Proceedings of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. Groenman van Waateringe W. Oxf., 1997; Actes du IVe Colloque international d'histoire et d'archéologie de l'Afrique du Nord (Strasbourg 1988). Vol. II. L'armée et les affaires militaires. P., 1991; Militaires romains en Gaule civile. Actes de la Table-Ronde de mai 1991 organisé au Centre d'Études Romaines et Gallo-Romaines de l'Université de Lyon / Ed. Y. Le Bohec. Lyon: P., 1993; Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon (17–19 septembre 1998) / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolff. Vol. I–II. Lyon: P., 2000.*

³⁹ В дополнение к тем, что указаны в главе I, можно назвать: *Roxan M. Roman Military Diplomas 1954–1977. L., 1978; eadem. Roman Military Diplomas 1985–1993. L., 1994;*

В соответствии с достигнутым в данном направлении прогрессом на качественно новый уровень, особенно за последние 20–25 лет, поднялось изучение нескольких важнейших тем истории римской армии в эпоху Империи, солидные заделы в разработке которых были сделаны еще в рамках первого из выделенных нами этапов. Это прежде всего римское военное присутствие и роль армии в жизни отдельных провинций. Пристальное изучение такой «локальной» истории армии стало одной из характерных особенностей современного этапа развития историографии. Среди большого числа монографий и коллективных трудов по этой теме⁴⁰ по разносторонности исследуемой проблематики и оригинальности суждений следует выделить работы П. Ле Ру, Я. Ле Бозка, Р. Алстона, в которых первостепенное внимание уделено социальным и ментально-идеологическим компонентам и факторам в жизни армейских группировок, дислоцированных соответственно в Испании, Африке, Нумидии и Египте⁴¹. Особый интерес представляют выводы этих исследователей об экономической и демографической роли армии, особой корпоративности провинциальных войск и религиозно-культурных манифестациях, о политике рекрутирования в разные периоды истории Империи и т. д. Второй темой, активно разрабатываемой в по-

eadem, Holder P. Roman Military Diplomas IV. L., 2003; Schallmayer E. et al. Der römische Weihebezirk von Osterburken I. Corpus der griechischen und lateinischen Benefiziarier-Inschriften. Stuttgart, 1990; Bozilowa V., Kolendo J., Mrozewicz L. Inscriptiones latines de Novae. Poznan, 1992.

⁴⁰ Приведем далеко не полный перечень такого рода работ: Salway P. The Frontier People of Roman Britain. Cambridge, 1965; Roldan J. M. Hispania y el ejército romano. Contribución a la Historia social de la España antiguo. Salamanca, 1974; Fentress E. W. B. Numidia and the Roman Army: Social, military and economic aspects of frontier zone. Oxf., 1979; Aricescu A. The Army in Roman Dobrudja. L., 1980; Holder P. A. The Roman Army in Britain. L., 1982; Military and Civilian in Roman Britain. Cultural Relationships in a Frontier Province / Ed. T. F. C. Blagg and A. C. King. Oxf., 1984; Sarnowski T. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej na północnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa, 1988; Isaak B. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxf., 1990; The Roman and Byzantine Army in the East / Ed. E. Dabrowa. Kraków, 1994; Mrozewicz L. Legionisci mezyjscy w I wieku po Chrystusie. Poznan, 1995; The Roman Army in the East / Ed. D. Kennedy. Ann Arbor, 1996; Cherry D. Frontier and Society in Roman North Africa. Oxf., 1998; Pollard N. Soldiers, Cities and Civilians in Roman Syria. Ann Arbor, 2000; Gebhardt A. Imperial Politik und provinzielle Entwicklung. Untersuchungen zum Verhältnis von Kaiser, Heer und Städten im der vorseverischen Zeit. B., 2002.

⁴¹ Le Roux P. L'armée romaine et organisation des provinces Ibériques d'Auguste à l'invasion de 409. P., 1982 (cp. *idem*. Armée et société en Hispanie sous l'Empire // KHG. P. 261–278); Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste. P., 1989; *idem*. Les unités auxiliaires de l'armée romaine en Afrique proconsulaire et en Numidie. P., 1990 (cp.: *idem*. Le rôle social et politique de l'armée romaine dans les provinces d'Afrique // KHG. P. 207–226); Alston R. Soldier and Society in Roman Egypt. A Social History. L.; N. Y., 1995 (cp.: Mitthof F. Soldaten und Veteranen in der Gesellschaft des römischen Ägypten (1.–2. Jh. n. Chr.) // KHG. S. 377–406).

следние десятилетия, является организационная структура вооруженных сил Империи с точки зрения характеристики разных родов войск и типов подразделений⁴². В данном направлении весьма плодотворно трудится такой известный специалист по военной эпиграфике, как М. П. Спейдель, перу которого принадлежит, в частности, серия работ о конных телохранителях императора (*equites singulares Augusti*) и других армейских подразделениях⁴³. В ряде статей и монографических исследований последнего времени получили новое освещение вспомогательные войска, преторианская гвардия, римская кавалерия, структура и подразделения легиона, военный флот⁴⁴. Третья тема — это то, что принято называть *Rangordnung*’ом, т. е. порядок чинов и структура военной карьеры, а также положение в армейской иерархии и социально-политическая роль отдельных ранговых групп⁴⁵. Разработка этих вопросов тесно связана с изучением высшего военного командования и

⁴² Обзор данной проблематики см.: *Speidel M. Work to be done on the organization of the Roman Army // Bulletin of the Institute of Archaeology, University of London., 1991. Vol. XXVI. P. 99–106.*

⁴³ *Speidel M. Die equites singulares Augusti. Begleittruppe der römischen Kaiser der 2. und 3. Jahrhunderts. Bonn, 1965; idem. Guards of the Roman Armies. An Essay of the Singulares of the Provinces. Bonn, 1978; idem. Riding for Caesars: The Roman emperor’s horse guards. Cambridge (Mass.), 1994; idem. Die Denkmäler der Kaiserreiter Equites Singulares Augusti. Köln, 1994; idem. The Rise of Ethnic Units in the Roman Imperial Army // ANRW. Bd. II. 3. 1975. P. 202–231.* Мне остались недоступными некоторые из его исследований, в частности: *idem. The Framework of the Imperial Legion. Cardiff, 1992.*

⁴⁴ *Holder P. A. Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. Oxf., 1980; Saddington D. B. The development of the Roman Auxiliary Forces from Caesar to Vespasian (49 BC — AD 79). Harare, 1982; Southern P. Numeri // Britannia. 1989. Vol. 20. P. 21–140; Reuter M. Studien zu den numeri des Römischen Heeres in der Mittleren Kaiserzeit // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 2001. Bd. 80. S. 359–369; Stöver H. D. Die Prätorianer. München, 1994; Dixon K. P., Southern P. The Roman Cavalry. From the First to the Third Century A. D. L., 1992; Saxer R. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diocletian. Köln; Graz, 1967 (Epigraphische Studien. I); Breeze D. The organisation of the legion. The first cohort and the equites legionis // JRS. 1969. Vol. 59. P. 50–55; Roth J. The size and organization of the Roman imperial legion // Historia. 1994. Bd. 43. Hf. 3. P. 346–362; Kienast D. Untersuchungen zu den Kriegsfлотten der römischen Kaiserzeit. Bonn, 1966; Reddé M. Mare nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l’histoire de la marine militaire sous l’Empire romain. Rome, 1986 (cp.: *idem. Les Marins // KHG. P. 179–189.*)*

⁴⁵ О неослабевающем интересе к теме военной иерархии свидетельствует проведение недавно специального конгресса во Франции: *La hiérarchie (Rangordnung) de l’armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec. P., 1995.* На страницах этого издания можно найти историографические обзоры по данной проблематике. См.: *Le Bohec Y. Pour servir à l’étude de la hiérarchie dans l’armée romaine du Haut-Empire (P. 11–14); Dobson B. The Bibliography of Rangordnung (P. 41–46); Frézouls E. Le commandement et ses problèmes (P. 157–166).* См. также: *Dobson B. The «Rangordnung» of the Roman Army // Actes du VIIe Congrès International d’Epigraphique grecque et latine. Constanza 1977. Bucures; P., 1979. P. 191–204.*

просопографическими штудиями. Для развития исследований младшего, среднего и высшего командного состава императорской армии очень многое сделал Эрик Бёрли⁴⁶. Он, в частности, впервые попытался реабилитировать высших военачальников Римской империи и выдвинул идею о существовании особой группы *virī militares* — высших военачальников сенаторского ранга, которые отличались своеобразием прохождения своей карьеры и занимали преимущественно ответственные наместнические посты в наиболее важных в военном отношении провинциях, являясь своего рода военными профессионалами. Эта концепция встретила решительные возражения в статье Брайана Кэмпбелла⁴⁷, чьи аргументы и выводы не получили, однако, признания большинства специалистов, но стимулировали новый виток дискуссии о характере высшего командования императорской армии, о «профессионализме» и «дилетантизме» римских «генералов». Эта дискуссия продолжается вплоть до настоящего времени⁴⁸.

Просопографические исследования высшего и среднего командного состава римских вооруженных сил имеют очень большое значение и дали в последние десятилетия весьма ценные результаты для понимания эволюции социального состава офицерских кадров, структуры служебной карьеры и других вопросов. Помимо названных можно отме-

⁴⁶ *Birley E. The Equestrian Officers of the Roman Army // idem. Roman Britain and the Roman Army. Kendal, 1953. P. 133–171; idem. Senators in the Emperor's Service // Proceedings of the British Academy. 1954. Vol. 39. P. 197–214; idem. Beförderung und Versetzungen in römischen Heere // Carnuntum Jahrbuch. 1957 (Römische Forschungen in Niederösterreich. Bht. 3). Wien, 1958. S. 3–20; idem. Promotions and transfers in the Roman Army 2. The Centurionate // Carnuntum Jahrbuch. 1963–1964. Bht. 21; idem. Some legionary centurions // ZPE. 1989. Bd. 79. P. 114–128. Некоторые из этих его работ вошли в сборник: *Birley E. The Roman Army Papers 1929–1986. Amsterdam, 1988.**

⁴⁷ *Campbell B. Who were the viri militares? // JRS. 1975. Vol. 65. P. 11–31.*

⁴⁸ Точку зрения о существовании особой системы критериев отбора, повышений и перемещений *virī militares* в целом разделяют следующие авторы: *Eck W. Beförderungskriterien innerhalb der senatorischen Laufbahn, dargestellt an der Zeit von 69 bis 138 n. Chr. // ANRW. Bd. II. 1. 1974. S. 158–203; idem. Proconsuln und militärisches Kommando // Heer und Integrationspolitik. Die römische Militärdiplome als historische Quelle / Hrsg. W. Eck, H. Wolff. Böhlau; Köln; Wien, 1986. S. 518–534; Alföldy G. Die Legionslegaten der römischen Rheinarmeen // Epigraphischer Studien 3. Köln; Graz, 1967. S. 67 ff.; idem. Die Generalität des römischen Heeres // BJ. 1969. Bd. 196. S. 233–264; idem. Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen. Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Führungsschicht. Bonn, 1977. S. 33 ff.; 95 ff. Из более новых работ с обзором предыдущих дискуссий см.: *Birley A. R. Locus virtutibus patefactus? Zum Beförderungssystem in der Hohen Kaiserzeit. Opladen, 1992. S. 7 ff.; 31 ff.; idem. Senators as Generals // KHG. P. 97–120; Ziromski M. Amatorzy czy profesjonalisci? Wyzci dowódcy armii rzymskiej okresu pryncypatu // Pod znakami Aresa i Marsa: Materiały z konf. nauk. «Wojna i wojskowość w starożytności», 24–26 września 1993 / Pod red. Dabrowy E. Kraków, 1995. S. 119–124. Позицию, близкую точке зрения Б. Кэмпбелла, занимает П. Саллер: *Saller R. P. Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge, 1982. P. 79 ff.***

тить работы И. Фитца о легионных и пропреторских легатах Паннии, Г. Альфельди о наместниках и офицерах Испании, В. Эка и Т. Франка по германским провинциям, Энт. Бёрли по Британии, Э. Дабровы и М. Жиромского об офицерах отдельных легионов, а также исследования Х. Девийвера о всаднических офицерах⁴⁹. Существенный вклад в изучение карьеры младшего командного состава внесли работы Э. Зандера, М. Клауса и Д. Бриза⁵⁰. Разностороннее и во многом новое освещение получил вопрос о составе корпуса центурионов, его роли в жизни армии и государственном управлении. Здесь нужно выделить работы Б. Добсона, который акцентировал проблемы социальной мобильности и личностных качеств центурионов и других командиров, составлявших костяк и элиту императорской армии⁵¹. В своей монографии о примипиларах он не только рассмотрел традиционные вопросы о карьере и социальном статусе этих офицеров, но попытался также дать их

⁴⁹ *Fitz J. Legati legionum Pannoniae Superioris // AAASH. 1961. Bd. 9. S. 159–207; idem. Legati Augusti pro praetore Pannoniae Inferioris // AAASH. 1963. Bd. 11. S. 245–324; idem. Über die Laufbahn der pannonischen Legaten // Helicon. Rivista di tradizione e cultura classica. 1963. Vol. III. S. 373–387; Alföldy G. Fasti Hispanienses. Senatorische Reichsbeamte und Offiziere in den spanischen Provinzen des römischen Reiches von Augustus bis Diokletian. Wiesbaden, 1969; Franke T. Die Legionslegaten der römischen Armee in der Zeit von Augustus bis Traian. Bochum, 1991; Eck W. Die Statthalter der germanischen Provinzen vom 1.–3. Jahrhundert. Bonn, 1985 (Epigraphische Studien 14); Birley A. R. The Fasti of Roman Britain. Oxf., 1981; Dabrowa E. Legio X Fretensis: A prosopographical Study of its Officers (I–II c. A. D.). Stuttgart, 1993; Zyromski M. Specialisation in the Roman Provinces of Moesia in the Time of Principate // Athenaeum. 1991. Vol. 79. P. 59–102; idem. The elite in the Lower Danube provinces of the Roman empire in the time of Principate. Mosina, 1995; idem. Dowódca Legioni Siódmego Klauudyjskiego w okresie pryncypatu // Balcanica Posnaniensia. 1995. S. 181–203; Divijver H. Prosopographia militiarum equestrum quae fuerunt ab Augusto ad Gallienum. 5 Bde. Bd. 4–5. Leuven, 1976–1993; idem. The Equestrian Officers of the Roman Imperial Army. Vol. I–II. Amsterdam, 1989 (Mavors VI); Stuttgart, 1992 (Mavors IX); idem. Les milices équestres et la hiérarchie militaire // La Hiérarchie (Rangordnung)... P. 175–193. См. также: Demougin S. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens. P., 1988.*

⁵⁰ *Sander E. Zur Rangordnung des römischen Heeres: Die gradus ex caliga // Historia. 1954. Bd. 3. Hft. 1. S. 87–105; idem. Zur Rangordnung des römischen Heeres. Der Duplicarius // Historia. 1959. Bd. 8. Hft. 2. S. 239–247; Clauss M. Untersuchungen zu den principales des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Cornicularii, speculatores, frumentarii: Diss. Bochum, 1973; Breeze D. J. Pay Grades and Ranks below the Centurionate // JRS. 1971. Vol. 61. P. 130–135; idem. The Career Structure below the Centurionate // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 435–451; idem. The Organisation of the Career Structure of the Immunes and Principales of the Roman Army // BJ. 1974. Bd. 174. P. 245–292.*

⁵¹ *Dobson B. Centurionate and social Mobility during the Principate // Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique. P., 1970. P. 99–116; idem. Legionary Centurion or Equestrian Officer? A Comparison of Pay and Prospects // AncSoc. 1972. Vol. 3. P. 193–207; idem. The Significance of the Centurion and «Primpilaris» in the Roman Army and Administration // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 392–434; idem. Die Primpilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges. Köln; Bonn, 1978; idem. The primipilares in Army and Society // KHG. P. 139–152.*

социально-психологический портрет, ограничившись, правда, только развернутыми комментариями к наиболее важным свидетельствам литературных источников. Не были обойдены вниманием и центурионы республиканской эпохи. Свои исследования им посвятили Ю. Соулахти и Л. де Блуа, рассмотрев эту ключевую категорию римских командиров в контексте социального развития и политической борьбы в последние десятилетия Республики⁵².

В связи с интереснейшими археологическими и эпиграфическими материалами, полученными в результате раскопок постов бенефициариев в Остербуркене (1982 г.) и сербском городе Сремска Митровица (античный *Sirmium*) (1988 г.), появилась возможность комплексного изучения этой важной категории римских военнослужащих, выполнявших разнообразные функции в армии и провинциальной администрации. Данная возможность была превосходно реализована в новейшей монографии французской исследовательницы Ж. Нели-Клеман. В ней на основе скрупулезного, разностороннего анализа всей совокупности имеющихся свидетельств рассмотрен широкий круг аспектов, связанных с деятельностью, социальными связями, престижем и ролью в провинциальных обществах и административном аппарате, с культурным и ментальным обликом бенефициариев⁵³. Таким широким подходом эта книга выгодно отличается от другой недавней работы, посвященной этой категории младших командиров, но выполненной в общем-то в традиционном ключе с акцентом на структуре карьеры и функциях⁵⁴.

К четвертому направлению, развитие которого также непосредственно связано с накоплением нового документального материала, относится изучение различных сторон внутренней, повседневной жизни армейского организма⁵⁵. В частности, исследуются такие вопросы, как порядок набора и обучения новобранцев⁵⁶, питание и одежда солдат,

⁵² *Soulahti J.* The Junior Officers of the Roman Army in the Republic period. A Study on Social Structures. Helsinki, 1955; *idem.* A «Professional» Roman Soldier // *Archivum historicum.* 1975. Fasc. 68. P. 5–21; *De Blois L.* Sueton, Aug. 46 und die Manipulation des mittleren Militärkadres als politischen Instrument // *Historia.* 1994. Bd. 43. Hf. 2. S. 324–345; *idem.* Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // *KHG.* P. 11–32.

⁵³ *Nelis-Clément J.* Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s. a. C. — VIe s. p. C.). Bordeaux, 2000. Подробно см. нашу рецензию на эту книгу: ВДИ. 2003. № 2. С. 232–241.

⁵⁴ *Ott J.* Die Beneficiarii: Untersuchungen zur ihrer Stellung innerhalb der Rangordnung des römischen Heeres und zu ihrer Funktion. Stuttgart, 1995.

⁵⁵ В целом о повседневной жизни римской армии см.: *Davies R. W.* The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate // *ANRW.* Bd. II. 1. 1974. P. 299–338.

⁵⁶ *Gilliam J. F.* Enrollment in the Roman Imperial Army // *Symbolae R. Taubenschlag dedicatae.* Fasc. 2. Vratislaviae; Varsaviae, 1956. P. 207–216; *Watson G. R.* Coscription and voluntary enlistment in the Roman army // *Proceedings of the African Classical Association.*

предоставление отпуска, и некоторые другие⁵⁷. В последние годы появились специальные работы по демографической структуре императорской армии⁵⁸. Характерно то, что некоторые из этих аспектов армейской повседневности получают подробное освещение в монографических трудах⁵⁹. Примечательно также переиздание отдельных статей ведущих специалистов в этой области в виде итоговых сборников избранных работ⁶⁰.

Принципиально важной чертой развития послевоенной историографии является приоритетная ориентация на изучение социальных аспектов и факторов функционирования и эволюции римской военной

1982. Vol. 16. P. 46–50; *Brunt P. A.* Conscriptio and volunteering in the Roman imperial army // *Scripta classica Israelica*. I. 1974. P. 90–115; *Priuli S.* La probatio militum e il computo del servizio militare nelle coorti pretorie // *Rendiconti della Classe di Scienza morali, storiche e filologiche dell'Accademia dei Lincei*. 1978. Ser. 8. T. 26. P. 697–718; *Gáspár D.* The concept in numeros referri in the Roman army // *AAASH*. 1974. Vol. 26. P. 113–116; *Davies R. W.* Joining the Roman Army // *BJ*. 1969. Bd. 169. P. 208–232; *idem.* Training grounds of the Roman cavalry // *The Archaeological Journal*. 1968. Vol. 125. P. 73–100; *idem.* Fronto, Hadrian and the Roman Army // *Latomus*. 1968. T. 27. P. 75–95.

⁵⁷ *Davies R. W.* The Roman military diet // *Britannia*. 1971. Vol. 2. P. 122–142; *Sander E.* Die Kleidung des römischen Soldaten // *Historia*. 1963. Bd. 12. Hft. 2. S. 144–166; *Wesch-Klein G.* Commeatus id est tempus, quo ire, redire quis possit. Zur Gewährung von Urlaub im römischen Heer // *KHG*. S. 459–472; *Speidel M. P.* Furlough in the Roman Army // *Papyrology*. Cambridge, etc., 1985. P. 282–293; *idem.* The Soldiers' Servants // *AncSoc*. 1989. Vol. 20. P. 239–247. См. также: *Baccolini S.* Vita quotidiana nei castra: l'esempio africano: Università degli Studi di Bologna. Faccolto di lettere e filosofia. Tesi di Laurea in Storia Sociale del Mondo Antico. Sessione III. Anno Accademico, 1999–2000 (http://freeweb.superava.com/baccol1/sito2/la_mia_tes.html).

⁵⁸ *Scheidel W.* Inschriftenstatistik und die Frage des Rekrutierungsalters römischer Soldaten // *Chiron*. 1992. Bd. 22. S. 281–297; *idem.* Rekruten und Überlebende: Die demographische Struktur der römischen Legionen in der Prinzipatszeit // *Klio*. 1995. Bd. 77. S. 232–254; *idem.* The Demography of the Roman Army // *Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire*. Ann Arbor, Michigan, 1996. P. 93–138.

⁵⁹ См., например: *Horsmann G.* Untersuchungen zur militärischen Ausbildung im republikanischen und kaiserzeitlichen Rom. Bopard a. Rhein, 1991; *Junkelmann M.* Die Legionen des Augustus. Der römische Soldat im archäologischen Experiment. Mainz, 1986; *idem.* Panis militaris: die Ernährung des römischen Soldaten oder der Grundstoff der Macht. Mainz, 1997. Ряд аспектов данной темы (медицинское обеспечение, досуг, разного рода объединения внутри армейских подразделений и др.) получил подробное освещение в новейшей монографии Габриэлы Веш-Кляйн: *Wesch-Klein G.* Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit. Stuttgart, 1998.

⁶⁰ Здесь можно упомянуть сборники работ таких известных специалистов в области военной эпиграфики и папирологии, как Дж. Гилльям, Р. Дейвиз, М. Спейдель, О. Штольц: *Gilliam J. F.* Roman Army Papers. [1940–1985]. Amsterdam, 1985 (Mavors II); *Davies R. W.* Service in the Roman Army / Ed. D. Breeze and V. A. Maxfield. Edinburgh, 1989; *Speidel M. P.* Roman Army Studies I. Amsterdam, 1984 (Mavors I); *idem.* Roman Army Studies II. Stuttgart, 1992 (Mavors VIII); *Stoll O.* Römisches Heer und Gesellschaft. Stuttgart, 2001 (Mavors XIII).

организации. Одним из значимых проявлений этой тенденции стало детальное исследование социального состава и социально-политической роли армии в римском обществе. Тщательный анализ документальных данных позволил более четко выделить этапы в эволюции политики рекрутирования и существенно уточнить или пересмотреть многие прежние взгляды⁶¹. В послевоенные десятилетия широко стали изучаться социально-экономическое положение и экономическая роль армии в римском обществе. Углубленную разработку получает, в частности, вопрос о солдатском жалованье, хотя в силу скудости и противоречивости источников он продолжает оставаться дискуссионным⁶². Появляются и обобщающие работы, в том числе монографии, о хозяйственной роли императорской армии, величине государственных военных расходов, об организации снабжения войск⁶³. Немалое внимание в современных исследованиях уделяется общественному, правовому и экономическому статусу ветеранов⁶⁴. Все эти вопросы получили недавно подробное

⁶¹ См.: *Forni G.* Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. Milano; Roma, 1953; *idem.* Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei primi tre secoli dell' impero // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 339–391; *Vittengoff F.* Zur angedlichen Barbarisierung des römischen Heeres durch die Verbände der Numeri // *Historia*. 1950. Bd. 1. Hf. 3. S. 389–407; *Kraft K.* Zur Rekrutierung der Alen und Kohorten an Rhein und Donau. Bern, 1951; *Mann J. C.* Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. L., 1983.

⁶² Современное состояние данного вопроса отражено в следующих работах: *Watson G. R.* The Pay of the Roman Army // *Historia*. 1956. Bd. 5. P. 332–340; *idem.* The Pay of the Roman Army. The Auxiliary Forces // *Historia*. 1959. Bd. 8. P. 372–378; *Develin R.* The Army Pay Rises under Severus and Caracalla and the Question of *annona militaris* // *Latomus*. 1971. T. 30. Fasc. 3. P. 489–496; *Gabba E.* Aspetti economici e monetari del soldo militare dal II sec. a. C. al II sec. d. C. // *Les «dévaluations» à Rome, Epoque republicaine et impériale* (Rome, 13–15 nov. 1975). Coll. de l'Ecole Française de Rome, 37. Roma, 1978. Pt. I. P. 217–225; *Alston R.* Roman military Pay from Caesar to Diokletian // *JRS*. 1994. Vol. 84. P. 113–123; *Speidel M. A.* Roman army pay scales // *JRS*. 1992. Vol. 82. P. 87–105; *idem.* Sold und Wirtschaftslage der römischen Soldaten // *KHG*. S. 65–96; *Pedroni L.* Illusionismo antico e illusioni moderne sul soldo legionario da Polibio a Domiziano // *Historia*. 2001. Bd. 50. Hf. 1. P. 115–130.

⁶³ *Carrié J.-M.* Le rôle économique de l'armée dans l'Egypte romaine // *Armée et fiscalité dans le monde antique. Colloques nationaux du Centre Nationale de la recherche scientifique*. Paris, 14–16 octobre 1976. P., 1977. P. 373–391; *idem.* Les finances militaires et le fait monétaire dans l'empire romaine tardif // *Les dévaluation à Rome...* P. 227–248; *Wierschowski L.* Heer und Wirtschaft. Das römische Heer der Pronzipatszeit als Wirtschaftsfaktor. Bonn, 1984; *Mac Mullen R.* The Roman emperor's army cost // *Latomus*. 1984. T. 43. P. 571–580; *Kissel Th. K.* Untersuchungen zur Logistik des römischen Heeres in dem Provinzen des griechischen Ostens (27 v. Chr. — 235 n. Chr.). St. Katharinen, 1995; *Roth J. P.* The Logistics of the Roman Army at War (264 BC — AD 235). Leiden, 1999; *The Roman Army and Economy / Ed. Paul Erdkampf*. Amsterdam, 2002.

⁶⁴ *Neumann A.* Veterani // *RE*. Suppl. IX. 1962. Sp. 1597–1609; *Schneider H. C.* Das Probleme der Veteranversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn, 1977; *Fijala E.* Die Veteranenversorgung im römischen Heer vom Tod des Augustus bis zum Ausgang der Severerdynastie: Diss. Wien, 1955; *Watson G. R.* Discharge and Resettlement in the Roman

освещение в упомянутой книге Г. Веш-Кляйн (сн. 58), которая, хотя и не претендует на оригинальные концептуальные суждения, ценна как обобщение, учитывающее все наличные источники и современные исследования⁶⁵. Специальное освещение получает и такая важная тема, как значение военной службы в качестве фактора социальной мобильности в римском обществе⁶⁶.

Одной из ведущих тем в послевоенной историографии стало изучение коренных изменений в характере и социально-политической роли армии в период кризиса Республики и перехода к Принципату. Этой теме посвящено немало страниц в общих работах по истории данного периода и целый ряд монографических трудов⁶⁷. Не останавливаясь подробно на их анализе, отметим, что большинство исследователей в настоящее время признает постепенность процесса профессионализации римской армии, который начался задолго до реформ Мария и продолжался впоследствии, завершившись только при Августе⁶⁸; подчеркивается также континуитет традиций в военной организации позднереспубликанского и раннеимператорского Рима⁶⁹.

Army: The praemia militiae // *Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt*. Bd. 2. B., 1965. P. 147–162; *Wolff H.* Die Entwicklung der Veteranenprivilegien // *Heer und Integrationspolitik...* S. 44–115; *Birley E.* Veterans of the Roman Army in Britain and Elsewhere // *AncSoc*. 1982/1983. Vol. 13/14. P. 265–270 (= *idem.* The Roman Army. Papers 1929–1986. Amsterdam, 1988. P. 272–283); *Mrozewicz L.* Die Veteranen in den Munizipalräten an Rhein und Donau zur hohen Kaiserzeit (I.–III. Jh.) // *Eos*. 1989. T. 77. S. 65–80; *Link S.* Konzepte der Privilegierung römischer Veteranen. Stuttgart, 1989; *idem.* Veteranus and *munus publicum* // *War as a Cultural and Social Force...* P. 137–145; *Bérard F.* Vie, mort et culture des vétérans d'après les inscriptions de Lyon // *REL*. 1993. A. 70. T. 70. P. 166–192.

⁶⁵ Об этой работе см.: *Махлаюк А. В.* Римская императорская армия в контексте социальной истории // *ВДИ*. 2002. № 3. С. 130–139.

⁶⁶ *Pferderhirt B.* Die Rolle des Militär für den sozialen Aufstieg in der römischen Kaiserzeit. Mainz, 2002; *Alföldy G.* Kaiser, Heer und soziale Mobilität im Römischen Reich // *Army and Power in the Ancient World* / Ed. A. Chanotis, P. Ducrey. Stuttgart, 2002.

⁶⁷ Обзор основной литературы см.: *Парфенов В. Н.* Римская армия и рождение империи: историография проблемы и перспективы исследования // *Историографический сб.* Вып. 15. Саратов, 1991. С. 81–94.

⁶⁸ *Gabba E.* Le origini dell'esercito professionale in Roma: i proletari e la riforma di Mario // *Athenaeum*. 1949. Vol. 27. P. 173–209; *idem.* Ricerche sull'esercito professionale romano da Mario a Augusto // *Athenaeum*. 1951. Vol. 29. P. 171–272 (= *idem.* *Esercito e società nella tarda Repubblica romana*. Firenze, 1973); *Sordi M.* L'arruolamento dei «capite censi» nel pensiero e nell'azione di Mario // *Athenaeum*. 1972. Vol. 60. P. 379–385; *Brunt P. A.* Italian Manpower 225 BC — AD 14. Oxf., 1971. P. 406–411; *Harmand J.* Les origines de l'armée impériale. Un témoignage sur la réalité du pseudo-principat et sur l'évolution militaire de l'Occident // *ANRW*. Bd. II. 1. 1974. P. 263–298; *Matela P.* «Reforma Mariuszyw». Jej geneza i tho społeczno-polityczne // *Scripta minora III. Aetas imperatoria* / Ed. L. Mrozewicz, K. Ilksi. Poznan, 1999. S. 109–118.

⁶⁹ *Smith R. E.* Service in the post-Marian Roman army. Manchester, 1958; *Keppie L.* The Making of Roman Army. From Republic to Empire. L., 1984; *idem.* The changing face of

В 1960–70-е гг. появляется серия интересных исследований, специально посвященных социальной и политической роли армии в эпоху кризиса Римской республики, и эта тема продолжает разрабатываться в последующие годы⁷⁰. Правда, основное внимание уделяется здесь скорее историко-политологическому и конкретно-историческому, событийному анализу. Хотя во многих из этих работ так или иначе поднимается и вопрос о формировании в регулярной постоянной армии особых ценностей и психологии, прежде всего корпоративного духа и чувства личной преданности полководцу, но подробных специальных исследований по данной теме в современной историографии пока нет⁷¹. То же самое можно сказать и о таком важном вопросе данной темы, как солдатские мятежи. В последнее время появился целый ряд добротных исследований конкретно-исторического и источниковедческого плана, посвященных отдельным мятежам⁷², но нет ни одной специальной работы, в которой бы этот феномен, в развитие отмеченного выше подхода В. С. Мессера, рассматривался с точки зрения его особого механизма и семантики, тех специфических традиций римской армии, которые сохранялись от ранних времен и до позднеримской эпохи⁷³. Среди такого рода традиций можно, в частности, выделить те, которые связаны с

the Roman legions (49 BC — AD 69) // Papers of British School at Rome. 1997. Vol. 65. P. 89–102.

⁷⁰ *Schmitthenner W.* Politik und Armee in der späten Römischen Republik // HZ. 1960. Bd. 190. Hft. 1. S. 1–17; *Brunt P. A.* The Army and the Land in the Roman revolution // JRS. 1962. Vol. 52. P. 68–86; *Harmand J.* L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967; *Botermann H.* Die Soldaten und die römischen Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zwischen Triumvirats. München, 1968; *Aigner H.* Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik. Innsbruck, 1974; *De Blois L.* The Roman Army and Politics in the First Century B. C. Amsterdam, 1987; *Keppie L.* Army and Society in the Late Roman Republic and Early Empire // War as a Cultural and Social Force... P. 130–136.

⁷¹ Исключение составляет, пожалуй, только книга Ж. Армана, в которой есть специальная глава о ментально-психологическом облике постмарианского солдата: *Harmand J.* L'armée et le soldat... P. 409 et suiv.

⁷² *Hagendahl H.* The mutiny at Vesontio // *Classica et Mediaevalia*. 1944. Vol. 6. P. 1–40; *Fantham E.* Caesar and the mutiny: Lucan's reshaping of the historical tradition in *De bello Civile* 5. 237–373 // *CPh*. 1985. Vol. 80. P. 119–131; *Chrissanthos S. G.* Scipio and the Mutiny at Sucro, 206 B. C. // *Historia*. 1997. Bd. 46. Hft. 2. P. 172–184; *idem.* Caesar and the Mutiny of 47 B. C. // *JRS*. 2001. Vol. 91. P. 63–75; *Williams M. F.* Four mutinies: Tacitus *Annales* I. 16–30; I. 31–49 and *Ammianus Marcellinus Res Gestae* 20. 4. 9–20. 5. 7; 24. 3. 1–8 // *Phoenix*. 1997. Vol. 51. P. 44–74; *Malloch S. J. V.* The end of the Rhine mutiny in Tacitus, Suetonius, and Dio // *CQ*. 2004. Vol. 54. N 1. P. 198–210.

⁷³ Небольшая книжка Э. Габбы (*Gabba E.* Le rivolte militari romane dal IV secolo a. C. ad Augusto. Firenze, 1975), по существу, представляет собой развернутый исторический комментарий к подборке литературных свидетельств о солдатских мятежах в эпоху Республики и в начале принципата и не претендует на какие-либо концептуальные построения.

институтом воинской сходки (*contio militaris*), представлявшей одну из форм самоорганизации воинского сообщества и игравшей важнейшую роль в моменты солдатских восстаний и политических переворотов. Однако единственная монография, написанная испанским историком Ф. Пина Поло, в которой специально исследуется этот институт на протяжении всей римской истории⁷⁴, в определенной степени разочаровывает. В книге тщательно собран и проанализирован материал источников, касающийся порядка проведения, организации и функций воинской сходки, но глубокого исследования ее значения в качестве политического фактора, по сути дела, не дается. Не нашли достаточного отражения в современной литературе и правовые аспекты солдатского мятежа.

В отличие от армии республиканского времени характер и формы участия в политике императорской армии не получили освещения в специальных монографических трудах. Впрочем, данная тема неизменно затрагивается и в общих работах по истории Принципата, и в исследованиях отдельных ее периодов и событий, а также в литературе, посвященной самой императорской армии⁷⁵. Среди новейших исследований по данной теме своим интересным подходом выделяется книга Эгона Флайга⁷⁶. Анализируя политическую роль армии, автор исходит из социологической характеристики армии как «тотальной организации», в которой вырабатывалась сильная горизонтальная солидарность, определявшая идентичность солдат и рассматривавшаяся ими как высшая ценность, наряду с культивируемой преданностью императору. Флайг отмечает тесную связь принцепса и армии, основанную на обмене «дарами» по принципу «верность в обмен на привилегии», причем императорские милости по отношению к армии имели прежде всего символический характер, подчеркивая уважение и почет, оказываемый армии правителем, а не были, вопреки распространенному мнению, способом просто подкупить солдат.

⁷⁴ Pina Polo F. *Las contiones civiles y militares en Roma*. Zaragoza, 1989.

⁷⁵ Это прежде всего работы, посвященные кризисным периодам в истории императорского Рима. См., например: *Chilver G. E. F. The Army in Politics*, A. D. 68–70 // *JRS*. 1957. Vol. 47. P. 29–35; *Graßl H. Untersuchungen zum Vierkaiserjahr 68/69 n. Chr. Ein Beitrag zur Ideologie und Sozialstruktur des frühen Prinzipats*. Wien, 1973; *Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise. Untersuchungen zu den Ursache und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit* (3. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt a. Main; Bern, 1982; *Szida J. Usurpationen in der römischen Kaiserzeit. Bedeutung, Gründe, Gegenmassnahmen // Labor omnibus unus. G. Walser zum 70. Geburtstag*. Stuttgart, 1989. S. 232–243. Среди общих работ по императорской армии наиболее подробно о ее участии в политических процессах и судьбах Империи речь идет в книге М. Гранта: *Grant M. The Army of Caesars*. L., 1974.

⁷⁶ Flaig E. *Den Kaiser herausfordern: die Usurpation in Römischen Reich*. Frankfurt; N. Y., 1992.

Изучение социально-политической роли армии в конце Республики и в период Империи самым непосредственным образом связано с проблемой войсковой клиентелы, поставленной в свое время А. Премерштайном. В настоящее время большинством исследователей в целом разделяется его тезис о складывании в последние десятилетия Республики патронатно-клиентских отношений между полководцами и подчиненными им войсками и о монополизации этой клиентелы в эпоху Империи принципом⁷⁷. Однако концепция «персональных» армий и войсковой клиентелы как феномена, характерного для последнего столетия Республики, подверглась достаточно аргументированной критике в статье Н. Рулана⁷⁸, по мнению которого, нельзя выделить некую специфику войсковой клиентелы как клиентелы нового типа и говорить об армиях-клиентах.

Следует также отметить, что в послевоенные десятилетия продолжали активно изучаться отдельные этапы и реформы в развитии военной организации императорского Рима — тема очень важная для разработки такой «сквозной» проблемы, как соотношение традиций и новаций, континуитета и качественных изменений в устройстве армии⁷⁹. Правда, решается данная проблема почти исключительно с точки зрения военно-организационных, тактических и стратегических аспектов.

Для понимания солдатской ментальности и идеологии большое значение, безусловно, имеет изучение сакральных основ военной организации и религиозных культов, распространенных в армейской среде. Начиная с 1960-х гг. эта проблематика изучалась все более активно. Наряду с исследованиями конкретных религиозных ритуалов и

⁷⁷ Этот тезис (с определенными вариациями) вошел и в общие работы. См., например: *Krust K.* История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 1. Ростов н/Д, 1997. С. 40; *Bleicken J.* Verfassung- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreiches. Bd. I. Paderborn, 1978. S. 17 ff.; 27 f.; 48 ff. Из специальных работ проблема войсковой клиентелы, пожалуй, наиболее подробно освещена в содержательной статье К. Раафлауба: *Raaflaub K. A.* Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats // *Saeculum Augustum. I. Herrschaft und Gesellschaft* / Hrsg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 246–307, особенно 265 ff. Ср. также *Harmand J.* L'armée et le soldat... P. 445 suiv.

⁷⁸ *Rouland N.* Armée «personnelles» et relations clientélaires au dernier siècle de la République // *Labeo*. 1979. Vol. 25. P. 16–38.

⁷⁹ См., например: *Sander E.* Die Reform des römischen Heerwesens durch Julius Caesar // *HZ*. 1955. Bd. 179. S. 225–254; *Birley E.* Septimius Severus and the Roman Army // *Epigraphische Studien*. Bd. 8. Bonn, 1969. P. 63–82; *Smith R. E.* The Army Reforms of Septimius Severus // *Historia*. 1972. Bd. 21. Hf. 4. P. 481–500; *Alfoldi M. R.* Zu den Militärreformen des Kaisers Gallienus // *Limes-Studien. Vorträge des III. internationalen Limes-Kongress in Rheinfelden-Basel*, 1957. Basel, 1959. S. 13–18; *Pflaum H. G.* Zur Reform des Kaisers Gallienus // *Historia*. 1976. Bd. 25. Hf. 1 S. 109–117; *Simon H. G.* Die Reform der Reiterei unter Kaiser Gallienus // *Studien zur antike Sozialgeschichte. Festschrift Friedrich Vittinghoff* / Hrsg. von W. Eck, etc. Köln; Böhlau, 1980. S. 435–452.

культов, связанных с войной и бытовавших в армии, религиозной жизни отдельных провинциальных группировок и солдат разных родов войск⁸⁰, в 1970-е и начале 1990-х гг. появился и ряд монографических работ по армейской религии в целом. Среди последних стремлением к системному анализу и концептуальным обобщениям выделяется работа Дж. Хельгеланда⁸¹. Не соглашаясь с распространенным мнением, что религия римской армии главной своей целью имела романизацию солдат из числа паломников, автор рассматривает религиозную жизнь армии как основу воинских добродетелей и армейской корпоративности. По его словам, вся военная жизнь римлян явно или неявно была религиозным феноменом — настолько глубоко сакральные начала пронизывали военные институты, ценности и традиции: именно религия показывала, что значит быть хорошим солдатом и как вписаться в воинское сообщество. В диссертации Г. Анкресдофера, выполненной, вообще говоря, в традиционном ключе, суммированы все известные на начало 1970-х гг. данные о распространенных в римской императорской армии культах, прослежено их историческое развитие, критически оценены и уточнены отдельные интерпретации, высказывавшиеся ранее (например, относительно характера культа *signa militaria*), но существенные свежие идеи отсутствуют⁸². Сделанные в конце 60-х гг. прошлого века А. Ле Бонньеком наблюдения и выводы о значении религии для военной

⁸⁰ В числе наиболее важных можно указать: *Richmond I. A. The Roman Army and Roman Religion // Bulletin of the John Rylands Library. 1962. Vol. 45. N 1. P. 185–197; Daniels C. M. The Role of the Roman Army in the Spread and Practice of Mithraism // Mithraic Studies. Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies / Ed. by J. Ninnels. Vol. II. Manchester, 1975. P. 249–274; Speidel M. The Religion of Jupiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1978; Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A. The Cult of the Genii in the Roman Army and a New Military Deity // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1542–1555; Herz P. Honos aquilae // ZPE. 1975. Bd. 17. S. 181–197; Henig M. Throne, altar and sword: civilian religion and the Roman army in Britain // Military and Civilian in Roman Britain... P. 227–248; Kolendo J. Le culte des divinités guérisseuses à Novae à la lumière des inscriptions nouvellement découvertes // Archaeologia. 1982 [1985]. Vol. 33. P. 65–78; Bauchhenss G. Hercules Saxanus, ein Gott der niedergermanischen Armee // Studien zu den Militärgrenzen Roms III. 13. Internationale Limeskongress, 1983. Stuttgart, 1986. S. 90–95; Ziolkowski M. Il culto della Disciplina // Rivista della storia antica. 1990. Vol. 20. P. 97–107; idem. Epigraphical and numismatic evidence of Disciplina // Acta antiqua. 1990–1992. T. 33. Fasc. 1–4. P. 347–350; Haynes I. P. The Romanisation of Religion in the Auxilia of the Roman Imperial Army from Augustus to Septimius Severus // Britannia. 1993. Vol. 24. P. 141–157; Nelis-Clément J. Le monde des dieux chez les beneficiarii // Der römische Weihebezirk von Osterburken II. Kolloquium 1990 und paläobotanische-osteologische Untersuchungen. Stuttgart, 1994. P. 251–259; Saddington D. B. Roman Soldier, local gods and interpretation Romana in Roman Germany // Acta classica Pretoria. 1999. Vol. 42. P. 155–169; Birley E. The Religion of the Roman Army...*

⁸¹ *Helgeland J. Roman Army Religion // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1470–1505.*

⁸² *Ankersdorfer H. Op. cit..*

деятельности в Риме⁸³ получили развитие в монографии И. Рюпке⁸⁴, которая представляет собой подробный очерк религиозных аспектов войны и военного дела в Древнем Риме. Она охватывает главным образом эпоху Республики, но при рассмотрении отдельных вопросов (сакральность пространства военного лагеря, культ знамен и штандартов) автор обращается и к анализу материалов императорского времени, прослеживая бытование и развитие древних традиций в новых исторических условиях. Первостепенное внимание Рюпке уделяет роли полководца, который как носитель особой военной власти и посредник между войском и миром богов осуществлял все важнейшие ритуалы, так что другие военные институты и обряды (присяга, люстрации) оказывались производными от этой его роли. Надо сказать, что в работах последнего времени рассматривается также роль офицеров в религиозной жизни римской армии и почитании военных знамен⁸⁵. Здесь особо следует выделить интересные исследования О. Штолля⁸⁶, который, в частности, подробно раскрыл взаимосвязь культовых функций офицеров с их обязанностями по обеспечению дисциплины и лояльности войск, подчеркнув тождественность государственной и армейской религии, аналогичность религиозной роли военных командиров и гражданских магистратов городских общин. Исследования Штолля, посвященные *signa militaria*, отличаются не только тщательным и тонким анализом документальных источников, но и стремлением выявить символическое значение и культурно-исторический контекст, которыми обуславливалось особое отношение римских солдат к знаменам.

Из сакральных основ и практического опыта военной деятельности благодаря правовому творчеству римских юристов и законодательной деятельности императоров развивалась римская система военного права, которое, в свою очередь, задавало многие базисные параметры военных традиций Рима. Военному праву римлян посвящена обширная литература, трактующая самые разные стороны и элементы этой системы (государственно-правовые, военно-уголовные, частноправовые) как в историческом аспекте, так и в догматическом плане⁸⁷. Отметим здесь

⁸³ *Le Bonniec H.* Aspects religieux de la guerre à Rome // *Problèmes de la guerre à Rome / Sous la direction et avec introduction de J.-P. Brisson.* P., 1969. P. 101–116.

⁸⁴ *Rüpke J.* *Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom.* Stuttgart, 1990.

⁸⁵ *Kolendo J.* Le rôle du primus pilus dans la vie religieuse de la légion. En rapport avec quelques inscriptions de Novae // *Archeologia.* 1980 [1982]. Vol. 31. P. 49–60.

⁸⁶ *Stoll O.* «Offizier und Gentleman». Der römische Offizier als Kultfunktionär // *Klio.* 1998. Bd. 80. S. 134–162; *idem.* Die Fahnenwache in der Römische Armee // *ZPE.* 1995. Bd. 108. S. 107–118; *idem.* Excubatio ad Signa. Fahnenwache, militärische Symbolik und Kulturschichte. St. Katharinen, 1995 (последняя работа осталась мне недоступной).

⁸⁷ В числе основных можно назвать: *Sander E.* Das Recht des römischen Soldaten // *RhM.* 1958. Bd. 101. S. 152–191; 193–234; *idem.* Das römische Militärstrafrecht // *RhM.*

интересное исследование Ж. Вандран-Вуайе, в котором эволюция военно-правовых установлений и юридического положения римского солдата рассматривается с точки зрения специфики воинской профессии и в контексте социально-политических и ментально-идеологических процессов, причем подчеркивается продолжение в военном праве императорского времени многих очень древних традиций⁸⁸. С историко-правовой и в еще большей степени с социально-исторической проблематикой связано изучение семейных отношений римских солдат. В последние годы на эту модную тему написано немало очень интересных работ, в том числе одна специальная монография⁸⁹.

Вполне закономерно, что накопление фактического материала, углубление и конкретизация знаний по отдельным элементам и этапам истории римской армии в позднереспубликанскую и императорскую эпохи приводят к появлению новых обобщающих работ. Примечательно, что

1960. Bd. 103. S. 289–319; *Brand C. E.* Roman Military Law. Austin; L., 1968; *Guiffè V.* La letteratura «de re militari». Appunti per una storia degli ordinamenti militari. Napoli, 1974; *idem.* Militum disciplina e ratio militaris // ANRW. Bd. II. 13. 1980. P. 234–277 (мне остались недоступными некоторые работы этого автора: *Guiffè V.* Aspetti costituzionali del potere dei militari nella tarda respublica. Napoli, 1973; *idem.* «Iura» e «arma». Intorno al VII libro del Codice Teodosiano. Napoli, 1979; *idem.* Il «diritto militare» dei Romani. Studi e materiali per gli insegnamenti storico-giuridico 2. Bologna, 1980); *Kuleczka G.* Studia nad rzymskim wojskowym prawem karnym. Poznan, 1974; *Jung J. H.* Die Rechtsstellungen der römischen Soldaten: Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // ANRW. Bd. II. 14. 1982. S. 882–1013; *idem.* Das Ehrerecht der römischen Soldaten // ANRW. Bd. II. 14. 1982. S. 302–346; *Lehmann B.* Das Eigenvermögen der römischen Soldaten unter väterlicher Gewalt // ANRW. Bd. II. 14. 1982. S. 183–284; *Mircovic M.* Die römische Soldatenehe und der Soldatenstand // ZPE. 1980. Bd. 40. S. 259–271; *Vendrand-Voyer J.* Origine et développement du «droi militaire» romaine // Labeo. Rassegna di diritto romano. 1982. Vol. 28. P. 259–277.

⁸⁸ *Vendrand-Voyer J.* Normes civiles et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983.

⁸⁹ *Garnsey P.* Septimius Severus and the Marriage of Roman Soldiers // California Studies in Classical Antiquity. 1970. Vol. 3. P. 45–53; *Campbell J. B.* The Marriage of Roman Soldiers under the Empire // JRS. 1978. Vol. 68. P. 153–166; *Cherry D.* Soldiers' marriages and recruitment // AHB. 1989. Vol. 3. P. 128–130; *Debrunner Hall M.* Eine reine Männerwelt? Frauen um das römische Heer // Reine Männersache? Frauen in Männerdomänen der antiken Welt / Hrsg. M. H. Dettenhofer. Köln, 1994. S. 207–228; *Roxan M.* Women on the Frontiers // Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of XVth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. V. A. Maxfield and J. Dobson. Exeter, 1991. P. 462–467; *Wells C. M.* The Daughters of the Regiments: Sisters and Wives in the Roman Army // Roman Frontier Studies 1995. Proceedings of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies. Oxf., 1997. P. 571–574; *Alloson-Jones L.* Women and the Roman Army in Britain // The Roman Army as a Community / Ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. Portsmouth, 1999. P. 41–51; *Bartolini R.* Un indigne statistic sui rapporti di tipo matrimoniale dei legionari attraverso le testimonianze epigrafiche. Il caso della Pannonia // Les légions de Rome... Vol. II. P. 715–726; *Phang S. E.* The Marriage of Roman Soldiers. Leiden, etc., 2001; *eadem.* The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.) // Journal of Family History. 2002. Vol. 27. N 4. October. P. 352–373.

если в 1950-е гг. появилась только одна сравнительно небольшая работа такого рода — книга Р. Смита⁹⁰, то в 1960–1970-е гг. выходит целая серия общих исследований императорской армии, в которых получили отражение основные итоги, достижения и проблемы ее изучения. Как на интересную попытку концептуального разностороннего осмысления римской военной истории можно указать на сборник статей «Проблемы войны в Риме», вышедший в 1969 г. под редакцией Ж.-П. Бриссона. Отметим здесь помимо интересной вводной статьи редактора и упомянутого очерка А. Ле Бонньека о религиозных аспектах военного дела в Риме также статью Г. Пфлаума о сильных и слабых сторонах императорской армии. В данной статье кроме собственно военных аспектов подчеркивается, в частности, значение армии как фактора социальной мобильности, отмечается характерная для Рима дихотомия *miles* и *civis*, а также сплывающая сила традиционных военно-религиозных ритуалов, воинской дисциплины и корпоративного духа⁹¹. В книге Г. Вебстера основное внимание уделено организации, вооружению, тактике и условиям службы в римской армии I–II вв., но ни политические, ни социальные, ни идеологические аспекты (за исключением краткой характеристики армейской религии) освещения в ней не получили⁹². В ином ключе написана содержательная монография Г. Уотсона⁹³. Вопросы рекрутирования, обучения, порядка прохождения службы, карьеры, отношений с гражданским населением и судьбы ветерана после отставки автор рассмотрел с точки зрения жизненного пути типичного римского солдата, сделав акцент на побудительных мотивах и внутренних аспектах службы в императорской армии. Напротив, главная тема книги М. Гранта «Армия цезарей», написанной скорее в популярном ключе, более глобальна — роль армии во внутривосточных событиях и судьбах Империи⁹⁴. Поэтому внутренняя жизнь армии и духовно-идеологический облик римского солдата фактически остаются за рамками данной работы. Отметим также книгу И. Гарлана, в которой акцентированы своеобразие римской военной организации по сравнению с греческой и специфическое отношение римлян к войне⁹⁵.

Как новаторскую по своим подходам к теме социально-политической роли армии следует выделить книгу Рамсея МакМаллена «Солдат

⁹⁰ *Smith R. E. Service in the post-Marian Roman Army...*

⁹¹ *Le Bonniec H. Op. cit.; Pflaum H.-G. Forces et faiblesses de l'armée romaine du Haut Empire // Problèmes de la guerre à Rome / Sous la direction et avec introduction de J.-P. Brisson. P., 1969. P. 85–98.*

⁹² *Webster G. The Roman imperial Army. L., 1969* (в 1998 г. книга вышла 3-м изд.).

⁹³ *Watson G. R. The Roman Soldier. N. Y.; Ithaca, 1969* (2^d ed.: L., 1983).

⁹⁴ *Grant M. Op. cit.*

⁹⁵ *Garlan Y. La guerre dans l'Antiquité. P., 1972.*

и штатский в Поздней римской империи». В ней, пожалуй, впервые в комплексе рассмотрены основные, так сказать, невоенные аспекты деятельности армии: ее экономические, социальные и административно-полицейские функции, определявшие ее государственную роль и непосредственные взаимоотношения с гражданским обществом. Весьма показательно, что логика исследования данных аспектов с необходимостью приводит автора к постановке вопроса об особенностях солдатской ментальности по сравнению с мировосприятием и ценностями гражданских людей⁹⁶. Позднее МакМаллен вновь вернулся к этой проблеме, но уже в другом ракурсе. Отталкиваясь, как и в предыдущей работе, от наблюдений и выводов современной военной социологии, он посвятил специальную статью характеристике легиона как своеобразного сообщества⁹⁷. По мысли МакМаллена, складывавшиеся в легионе особые социальные связи и отношения определяли важнейшие ценностные ориентации солдат. Автор обращает внимание на наличие внутри легиона разного рода микрообщностей, основанных как на формальных, так и на чисто дружеских связях. Подчеркивая ценностное содержание этого товарищества, он пишет, что с первых шагов на военной службе и до отставки (а часто и после нее) воины «держались за руки в братстве, которое не распалось даже после смерти»⁹⁸. Мнение и оценка узкого круга товарищей, ревнивое соперничество с другими частями и подразделениями непосредственно определяли поведение солдата на поле боя. Основанная на связях в малых группах внутренняя сплоченность легиона в значительной степени обеспечивала высокую боеспособность императорской армии⁹⁹, помогала легионерам заявлять о своих требованиях и интересах перед лицом властей, а по выходе в отставку адаптироваться к гражданской жизни. Хотя рамки статьи не позволили автору подробнее остановиться на многих существенных компонентах воинского этоса римской императорской армии (например, на отношении к почестям и наградам, взаимосвязи воинского этоса и солдатской религии и т. д.), нельзя не отметить плодотворность самого подхода, исходным пунктом которого является признание определенной изоморфности легиона как социального организма и римского общества, взаимообусловленности функциональных, социальных и ментально-психологических факторов в жизни армии.

⁹⁶ MacMullen R. *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*. Cambridge (Mass.), 1963. P. 174–177.

⁹⁷ MacMullen R. *The Legion as a Society* // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 440–456.

⁹⁸ *Ibid.* P. 443.

⁹⁹ На этот момент обращает также внимание автор новейшей работы по военной истории Рима: Goldsworthy A. K. *The Roman Army at War: 100 BC — AD 200*. N. Y., 1996 (особенно P. 250–264).

Если у МакМаллена социальная характеристика армии дана как бы изнутри, то в вышедшей почти в то же время статье Г. Альфёльди анализируются, так сказать, внешние аспекты социального бытия императорской армии, прежде всего ее положение в рамках общественной структуры Ранней империи, а также корреляция социальной эволюции и политической роли армии¹⁰⁰. Отмечая, что при Принципате иерархия внутри военной организации отражала почти во всем многообразии социально-правовую стратификацию римского общества, Альфёльди подчеркивает, что положение различных групп военных в социальной структуре Империи не было однородным. Внутренне дифференцированная и поначалу не укорененная в местных обществах, армия не могла создать «единый фронт» против императорской власти, стать самостоятельной силой, преследующей собственные цели. Но с конца II в. армия из органической части общества начинает превращаться в некое чужеродное образование, внутренне более гомогенное, чем раньше. Традиционная общественная иерархия утрачивает в армии свое значение, и военная служба открывает новые возможности социального возвышения. Переход к рекрутированию в районах постоянной дислокации способствовал распространению наследственности военной профессии и возникновению в пограничных зонах своеобразного «военного общества», состоявшего из солдат, ветеранов, их родственников и связанного с ними разнообразными узами местного населения. В результате этого процесса, по мнению Альфёльди, между военными районами и остальными частями Империи разверзлась пропасть. Этой обособленностью армии во многом объясняется ее возросшая политическая активность и самостоятельность в период кризиса III в.

Под иным углом зрения проблема взаимоотношений армии, общества и государства рассмотрена в концептуальной статье В. Дальхайма¹⁰¹. Исходным пунктом его рассуждений являются вопросы о соотношении статусов гражданина и солдата и об эволюции военной организации в связи с этапами римской экспансии. Дальхайм акцентирует внимание на том факте, что главной задачей солдата была война, которая накладывала отпечаток на все его сознание и образ жизни в большей степени, чем какие бы то ни было его социальные связи и происхождение. Характер

¹⁰⁰ *Alföldy G.* Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // *Idem.* Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962–1985. Amsterdam, 1987. S. 26–42 (Mavors III) (= *idem.* Heer und Gesellschaft im Römischen Kaiserreich // AAASH. 1989 [1992]. Vol. 32. S. 169–187. Дополненный вариант статьи см.: KHG. S. 33–57). См. также: *Alföldy G.* Kaiser, Heer und soziale Mobilität im Römischen Reich // *Army and Power in the Ancient World* / Ed. A. Chanotis, P. Ducrey. Stuttgart, 2002.

¹⁰¹ *Dahlheim W.* Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // *Klio.* 1992. Bd. 74. S. 197–213.

же и задачи армии определялись в первую очередь спецификой войн Рима на разных этапах его истории. При этом соответствующие изменения затрагивали не только структуру войска в целом и его место в государственной системе, но также социальную и духовную сущность солдата. Масштабность военных кампаний на отдаленных театрах военных действий требовала нового типа солдата, который по своим профессиональным качествам и ценностным ориентациям уже мало напоминал воина гражданского ополчения. Последние определялись теперь отождествлением лагеря и родины, воинской доблести и морали, преданностью полководцу, одобрением со стороны тесного круга боевых товарищей. Для солдат, которые вступали в легион как в некий орден и жили обособленной жизнью, гражданский мир значил немного. Последний, в свою очередь, смотрел на солдат как на аутсайдеров, наделяя их всевозможными пороками. Но, несмотря на это отчуждение, армия оставалась частью римского мира, средоточием которого был и император, главнокомандующий и патрон войска, а также сенаторы и всадники, которые становились высшими офицерами и были носителями римских традиций и ценностей, сохранявших свое значение и в поздние времена не только среди аристократии, но и среди простых солдат.

В исследованиях 1960–1980-х гг. все более отчетливым становится понимание, что функционирование римской военной системы самым тесным образом связано не только с организационно-правовыми и сакральными установлениями римской армии, с социально-политическими процессами в обществе, с характером отношений между императором и войском, но и со сферой традиционных ценностей, ментальных установок и идеологии. Соответствующие аспекты получили довольно подробное освещение в ряде современных работ. Так, система наград и знаков отличия, прямо связанная с вопросом о кодексе воинской чести, была детально рассмотрена в монографии В. Максфилд, которую от предшествующих работ на данную тему¹⁰² отличают не только четкий исторический подход и более широкий охват материала, но и стремление выяснить ценностное значение воинских почестей¹⁰³. Для современных исследователей представляется очевидным, что ни римская тактика, ни римская военная мысль, ни отношение к армии и военной профессии в обществе не могут изучаться без учета социокультурных и ментальных факторов, системы традиционных ценностей и представлений¹⁰⁴. В соответствующем

¹⁰² См., например: *Büttner A.* Untersuchungen über Ursprung und Entwicklung von Auszeichnungen in römischen Heer // BJ. 1957. 107. S. 127–180.

¹⁰³ *Maxfield V. A.* The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981.

¹⁰⁴ *Oakley S. P.* Single combat in the Roman Republic // CQ. 1985. Vol. 35. P. 392–410; *Lee A. D.* Morale and the Roman Experience of Battle // *Battle in Antiquity* / Ed. A. B. Lloyd. L., 1996. P. 199–217; *Wiedemann Th.* Single combat and being Roman // *AncSoc.* 1996. N 27.

ключе написана работа А. К. Голдсуорти, в которой предпринята попытка не только по-новому осветить организационные и тактические структуры римской армии и дать реалистическую реконструкцию различных моделей боя, но и раскрыть мотивацию поведения римского солдата в сражении, выяснить сущность римской солдатской храбрости¹⁰⁵.

С учетом ментально-идеологических факторов разрабатывается в настоящее время и тема «полководец и войско». В частности, можно назвать работу Р. Комбэ, который подробно исследовал различные аспекты понятия и титула «император» в республиканском Риме, рассмотрев в том числе римскую «идеологию победы», включая и комплекс качеств, характеризующих деятельность и образ полководца, его взаимоотношения с войском и обратив внимание прежде всего на идеологическое и пропагандистское значение соответствующих понятий и идеалов, влияние на них традиционных представлений, философского, риторического и официального дискурса¹⁰⁶. На связь и взаимообусловленность римской идеологии и военной деятельности указал В. Харрис, отметивший, в частности, что аристократические ценности, стремление римских нобилей к славе на военном поприще и, соответственно, к увеличению своего общественного престижа были значимыми факторами военной активности Рима¹⁰⁷. К теме военного лидерства в республиканском Риме прямое отношение имеет и исследование Н. Розенштайна¹⁰⁸. Автор обратил внимание на весьма парадоксальное отношение в Риме к военным поражениям, которые практически не оказывали влияния на успешность или неуспешность последующей политической карьеры полководцев, и, пытаясь объяснить этот парадокс, пришел к выводу, что суть дела заключается прежде всего в своеобразном понимании римлянами роли и личностных качеств полководца и тех обязанностей, которые возлагались на рядовых солдат.

Названная тема в рамках императорской эпохи рассматривается в книге Б. Кэмпбелла и новейшей монографии Я. Штекера. В своем обстоятельном исследовании Кэмпбелл наряду с попыткой комплексно и

P. 91–103; *Lendon J. E. The rhetoric of combat: Greek military theory and Roman culture in Julius Caesar's battle descriptions* // CA. 1999. Vol. 18. N 2. P. 273–329; *Alston R. Arms and the man: soldiers, masculinity and power in republican and imperial Rome* // *When men were men. Masculinity, power and identity in classical antiquity* / Ed. Lin Foxhall and John Salmon. L.; N. Y., 1998. P. 205–223.

¹⁰⁵ См. сноску 98.

¹⁰⁶ *Combès R. Imperator (Recherches sur l'emploi et signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine)*. P., 1966.

¹⁰⁷ *Harris W. V. War and imperialism in Republican Rome 327–70 B. C.* Oxf., 1979. P. 10 ff.

¹⁰⁸ *Rosenstein N. Imperatores victi: Military Defeat and aristocratic competition in the middle and late Republic.* Berkeley, 1990. Ср.: *idem. War, Failure, and aristocratic Competition* // CPh. 1990. Vol. 85. N 4. P. 255–265.

во многом по-новому осветить ряд традиционных вопросов (присяга, жалованье, донативы, почетные наименования воинских частей, чинопроизводство, политическая лояльность, правовые привилегии, предоставляемые императорами воинам, и т. д.) специально остановился на социально-психологических и идеологических сторонах взаимоотношений императора и солдат и, говоря об императоре как военном лидере, обратил внимание на неформальные аспекты взаимоотношений императора и войска, особенно подчеркнув символическое и практическое значение для этих отношений идеи воинского товарищества¹⁰⁹. Рассматривая вопрос о политической роли армии, автор пришел к выводу, что у солдат полностью отсутствовало политическое сознание, не было ни общих политических целей, ни опыта, ни способности реализовать их в целенаправленных действиях; поведение войск определялось непосредственными реакциями и материальными интересами; сами же императоры в целом использовали армию ответственно и осторожно, стараясь никак не акцентировать тот факт, что она по сути была частной наемной силой¹¹⁰. Однако конкретные механизмы и формы политического влияния армии в работе Кэмпбелла не получили анализа. Ряд его концептуальных построений и выводов (это относится к вопросу о *viri militares*, а также к проблеме политической роли армии и некоторым другим моментам) вызвал серьезные критические отзывы и, очевидно, нуждается в корректировке¹¹¹. В то же время отдельные наблюдения и сама постановка проблем заслуживают, на наш взгляд, дальнейшего развития.

В книге Яна Штекера¹¹² подробно исследуется комплекс многообразных средств, обеспечивавших особые узы между императором и войском. В отличие от Кэмпбелла немецкий исследователь не склонен преувеличивать наемный характер императорской армии, но в большей степени акцентирует символические и моральные факторы во взаимоотношениях принцепса и воинов, связывая специфику этих отношений с традиционными взаимными моральными обязательствами, существовавшими между патроном и клиентами. С этой точки зрения оцениваются практика использования донатив (по мнению Штекера, они отнюдь не были средством покупки лояльности войск: важен был сам акт

¹⁰⁹ *Campbell J. B. The Emperor and the Roman army: 31 BC — AD 235. Oxf., 1984.*

¹¹⁰ *Ibid. P. 386 ff.; 393.*

¹¹¹ См., например, рецензии: *Alföldy G. (Gnomon. 1985. Bd. 57. Hf. 5. S. 440–446); Le Roux P. (REL. 1985. T. 63. P. 42–49); Christol M. Le prince et ses soldats. A propos d'un livre récent // REA. 1985. T. 87. N 3/4. P. 359–366.*

¹¹² [Rev.] Содержание данной работы известно мне по рецензии Э. Уиллера: *Wheeler E. L. // Bryn Mawr Classical Review. 2004. 06. 27 (<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/2004-06-27.html>).* *Stäcker J. Princeps und miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim, 2003.*

их предоставления, а не размер), организация ветеранских колоний и предоставление *praemia militiae* отставным воинам. В соответствующем ключе рассматривается значение воинской присяги (*sacramentum*), императорских статуй, воздвигавшихся в лагерях, и изображений императора на военных штандартах и наградных фалерах. Автор считает, что они имели почетное, но не религиозное значение, и вообще, по его заключению, императорский культ в армии до времен Северов не являлся значимым механизмом обеспечения связей между войском и принципом. Выводы и исследовательские подходы, представленные в монографии, далеко не бесспорны, но представляют несомненный интерес.

Социально-политическая история императорской армии в последние годы, как мы уже сказали, получила солидную разработку в многочисленных исследованиях, посвященных отдельным провинциям. Для автора одной из наиболее важных работ этого рода, французского историка Я. Ле Бозка, посвятившего солидный труд истории III Августова легиона, скрупулезное и разностороннее исследование этого, казалось бы, локального сюжета стало основой для создания нового синтетического труда по императорской армии в целом¹¹³. Армия рассматривается автором не как некая абстрактная структура, но как своеобразный сложный организм, взаимодействующий с обществом в широком контексте социальной и политической истории. Ле Бозк отмечает противоречивость образа римского воина и настаивает на необходимости дифференцированного учета рода войск, их социального состава, хронологической и региональной конкретики. Вполне справедливо его мнение о том, что в ментальности военных первостепенное значение имели профессиональные аспекты. Но, на наш взгляд, эта специфика недостаточно четко акцентируется. При безусловной важности таких моментов, как карьера, дисциплина, почитание императора и деньги, ими, наверно, далеко не исчерпывается система ценностей римских солдат. Нельзя в то же время не согласиться с утверждением, что существенную черту воинской ментальности составляла *pietas* (благочестие), проявлявшаяся в интенсивной культовой практике, армейских ритуалах и пронизывавшая все военные традиции Рима с древнейших времен, так что военная сфера в своих глубинных основах теснейшим образом переплеталась со сферой сакрального. Важно, что религия воспринималась как долг скорее коллективный, чем индивидуальный. В целом же, по мнению французского историка, императорская армия благодаря своему социальному составу,

¹¹³ *Le Bohec Y. La III-e légion Auguste...; idem. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989.* Об этих работах подробнее см. нашу рецензию: ВДИ. 1995. № 1. С. 211–218. Показателем значения второй из этих работ является ее перевод на ряд европейских языков, в том числе на русский (см.: *Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001*).

обусловленному политикой качественного рекрутирования, выступала как хранительница римских традиций, и легионеры сознавали себя настоящими квиритами, наследниками римской державы¹¹⁴.

В русле такого же внимания к человеческому фактору, какое отличает работы Ле Бозка, написан и чрезвычайно интересный, насыщенный оригинальными наблюдениями очерк Ж.-М. Каррие о римском солдате в коллективной монографии «Римский человек»¹¹⁵. Отвергая анахронизмы в трактовке римской императорской армии, автор стремится, по его собственным словам, реализовать социологический и антропологический подход к римскому солдату, рассмотреть его с точки зрения профессии, как особый социальный тип, носителя специфического поведения и ментальности. Для адекватного решения этой задачи, по мнению Каррие, очень важно, во-первых, понять характер литературного образа римского солдата как выражение определенной общественной идеологии и общественного мнения, а во-вторых, сопоставить этот образ с реальными фактами жизни армии и с теми представлениями, которые сами военные имели о себе. Подчеркивая политическую установку на качественное с точки зрения социального состава пополнение легионов, автор отмечает возникновение спонтанной тенденции к образованию в зонах локального рекрутирования особых военных сообществ с фактической наследственностью профессии и собственной коллективной идентичностью. Но как бы ни опустошалось реальное значение статуса гражданства для легионеров, они, по мнению исследователя, никогда не вели себя как простые наемники, но отождествляли в своем сознании службу и интересы общества, сохраняя гражданственную (в широком смысле) ответственность. Вместе с тем военное сообщество отличалось специфическими поведенческими чертами, среди которых автор называет особую роль товарищеских связей, сплоченность и профессиональную солидарность. Обоснованно звучит вывод о том, что армия не была интеллектуальной пустыней, но, разделяя многие культурные ценности современного общества, обладала и собственной военной культурой, которая помогала пришедшим в конце III в. к власти военным решать сложные политико-административные проблемы. Главный же пафос рассматриваемой работы заключается не столько в реабилитации римского солдата, ставшего, по словам автора, жертвой превратных суждений и литературных топосов, сколько в объективной оценке его места и роли в общественных и идеологических структурах Римской империи.

Рассмотренные работы МакМаллена, Альфельди, Дальхайма, Кэмпбелла, Ле Бозка и Каррие с очевидностью свидетельствуют о явно обо-

¹¹⁴ *Le Bohec Y. L'armée romaine...* P. 268; *idem. La III-e légion...* P. 570.

¹¹⁵ *Carrié J.-M. Il soldato // L'uomo romano / A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 99–142.*

значившемся в 1980-е гг. повороте исследователей римской армии к антропологическим и социально-историческим подходам и проблематике. Эта тенденция получила развитие и в 1990 — начале 2000-х гг., что выразилось в появлении ряда работ, в которых непосредственно трактуются различные проблемы воинской ментальности. На исключительно важном компоненте солдатской ментальности подробно остановился Дж. Лендон в книге, посвященной той роли, какую в функционировании Римской империи играли представления и отношения, связанные с понятием чести¹¹⁶. Рассматривая честь как элемент и своеобразную форму осуществления власти в античном обществе, Лендон строит свое исследование на анализе устойчивых восприятий и оценок соответствующих отношений в литературных источниках. Армия, отмечает Лендон, была миром с особыми обязательствами и собственным кодексом чести. Для солдат огромное психологическое значение имела принадлежность к армейскому сообществу в целом и к такой малой общности, какой была отдельная воинская часть. Ориентация на мнение референтной группы делала армию общностью, в котором честь ценилась исключительно высоко, были сильно развиты соперничество из-за чести и чувство стыда. Понятие чести было органически связано с высоким престижем физической силы и индивидуальной храбрости, а также с занимаемым в военной иерархии местом, с сознательным подчинением дисциплине и личной преданностью императору. Лендон отмечает, что в армии ценности простых солдат в целом доминировали над ценностями аристократии, но в сфере чести они во многих моментах соприкасались друг с другом, ибо в Риме аристократия была по своему происхождению сражающейся знатью и военные достижения всегда сохраняли в ее среде высокий престиж. Работа Лендона является одним из редких в современной историографии обращений непосредственно к теме военно-этических ценностей римской армии¹¹⁷. Не исчерпывая всех аспектов данной темы, она привлекает внимание своим стремлением вскрыть глубинные механизмы и модели жизнедеятельности римского общества в целом и армии как его части. Данная проблематика получила дальнейшую разработку и в другой капитальной работе Дж. Лендона, посвященной роли морально-психологического и культурно-исторического факторов в истории военного дела античности¹¹⁸.

¹¹⁶ *Lendon J. E. Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxf., 1997.*

¹¹⁷ Примечательно, однако, что в последнее время, в отличие от недавнего прошлого, эта тема поднимается и в общих работах по истории императорской армии. Так, в новейшей работе по армии Поздней римской империи специальная глава посвящена морали: *Southern P., Dixon R. The Late Roman Army. New Haven; L., 1996. P. 168–178.*

¹¹⁸ *Lendon J. E. Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven, 2005* (эта книга пока осталась мне недоступной).

Пристальное внимание к социокультурным факторам военной деятельности и общественно-политической роли армии, несомненно, является характерной приметой текущего этапа развития историографии. Свидетельством этого может служить появление в последние годы новых трудов, в которых исследуются различные аспекты данной проблематики. В их числе можно назвать сборник работ, вышедший в 1993 г. под редакцией Дж. Рича и Дж. Шипли¹¹⁹. На его страницах поднимаются такие проблемы, как факторы и мотивы римских войн в эпоху Республики¹²⁰, взаимообусловленность военной организации и социальных изменений в Поздней республике¹²¹, отношение римских поэтов и философов к войне¹²², характер римской экспансии и военной политики в императорский период¹²³. К аналогичным и смежным проблемам обращаются и авторы коллективного труда, в котором война в античном мире рассматривается как культурная и социальная сила, а также Б. Кэмпбелл в своей новейшей работе¹²⁴.

Заключая обзор современной западной историографии, необходимо указать еще на два момента, характеризующих достигнутый ею новый качественный уровень. Во-первых, своеобразной формой подведения итогов исследований в послевоенные десятилетия стало издание начиная с 1984 г., сначала в Амстердаме, а потом в Штутгарте, серии «*Mavors. Roman Army researches*», которая включает в себя сборники работ наиболее крупных специалистов по истории римской армии. На некоторые из них мы уже ссылались¹²⁵. Второй момент заключается в значительном расширении в последнее время тематики и проблематики проводимых научных конференций, в повестку которых специально выносятся социально- и культурно-исторические вопросы. Так, подход Р. МакМаллена и других исследователей к изучению римской армии как своеобразного сообщества получил развитие в конкретных исследованиях, представленных в материалах недавно проведенной конференции

¹¹⁹ *War and Society in the Roman World* / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993.

¹²⁰ *Rich J. Fear, greed and glory: the causes of Roman war-making in the middle Republic* // *Ibid.* P. 38–68.

¹²¹ *Patterson J. Military organization and social change in the later Roman Republic* // *Ibid.* P. 92–112.

¹²² *Cloud D. Roman poetry and anti-militarism* // *Ibid.* P. 113–138; *Sidebottom H. Philosopher's attitude to warfare under the principate* // *Ibid.* P. 241–264.

¹²³ *Cornell T. The End of Roman imperial expansion* // *Ibid.* P. 139–170; *Woolf G. Roman peace* // *Ibid.* P. 171–212.

¹²⁴ *War as a cultural and social force: Essays on warfare in Antiquity*. Kobenhavn, 2001; *Campbell J. B. War and Society in Imperial Rome, 31 BC — AD 284*. L., 2002. Последняя работа осталась мне пока недоступной.

¹²⁵ См. сн. 60 к данной главе. См. также: *Keppie L. Legions and Veterans. Roman Army Papers 1971–2000*. Stuttgart, 2000 (*Mavors XII*); *Forni G. Esercito e Marina di Roma Antica: Raccolta di Contributi* / Ed. M. P. Speidel. Stuttgart, 1992 (*Mavors V*).

в Лондоне¹²⁶. Отметим здесь вводную статью Я. Хейнеса и его же работу о культурной идентичности в вспомогательных войсках (р. 7–14; 165–174), а также статьи Дж. Вилкеса и Р. Алстона, посвященные соответственно рассмотрению римской армии как сообщества на примере VII легиона (р. 95–104) и связям солдат и общества (р. 175–210). Из работ недавнего времени следует также указать на сборник материалов, само название которого звучит весьма симптоматично с точки зрения современных подходов и проблематики исследования римской армии, — «Военные как культуртрегеры в римское время»¹²⁷.

Таким образом, в целом можно констатировать, что в научной литературе последних лет все более ярко выраженной становится тенденция не только к общей диверсификации изучаемой проблематики, но к углубленной, разносторонней разработке таких тем и ракурсов исследования, в которых раскрывается значение человеческого фактора и преемственности многих традиций в развитии римской военной организации. Эта позитивная тенденция, несомненно, заслуживает дальнейшего развития. Немалый задел имеется в изучении вопроса о специфике социальных традиций римской армии. В настоящее время вполне очевидно, что именно здесь нужно искать ключ к пониманию как высоких боевых качеств и политической активности армии, так и специфической ментальности римского солдата. Вместе с тем анализ историографии показывает, что к числу наименее изученных установлений и традиций императорской армии относятся военно-этические нормы и представления простых солдат. Ясно, однако, что этот неписанный военно-этический кодекс имел существеннейшее значение для функционирования той совершенной военной машины, какой была армия императорского Рима.

Изучение римской императорской армии в отечественной историографии

В отечественной науке по сравнению с зарубежной изучению армии и военной истории императорского Рима уделялось явно незначительное внимание¹²⁸. Достаточно сказать, что вплоть до самого последнего

¹²⁶ The Roman Army as a Community / Ed. by A. Goldsworthy and I. Haynes. Portsmouth, 1999.

¹²⁷ Das Militär als Kulturträger in römischer Zeit / Hrsg. von H. von Hesberg. Köln, 1999.

¹²⁸ Положение дел здесь лишь немногим лучше, нежели в области изучения древнегреческого военного дела. Общую характеристику отечественной историографии по проблемам античной военной истории см.: *Нефедкин А. К.* Изучение античного военного искусства в российской историографии: историографический обзор // *Studia historica*. Vol. III. М., 2003. С. 134–148.

времени на русском языке не было опубликовано ни одной монографии, в которой специально рассматривалась бы военная организация Ранней империи. И хотя в 1980–1990-е гг. ситуация начала существенно меняться в лучшую сторону, все равно количество качественных и интересных исследований, относящихся к проблемам традиций, идеологии и ментальности римской армии, остается минимальным.

Начало научного изучения римской императорской армии в России связано с именем Ю. А. Кулаковского, учившегося в Германии у Т. Моммзена. В ряде его очерков, написанных в конце XIX — начале XX в., обращают на себя внимание высокий уровень интерпретации эпиграфического материала в связи с исследованием конкретных проблем ветеранского землевладения, а также аргументированное обоснование тезиса о важнейшей роли армии в развитии римской государственности¹²⁹. По сути дела, Ю. А. Кулаковский одним из первых в мировой науке поставил проблему социальной и государственно-политической роли армии в Римской империи.

Однако затем эта проблематика на несколько десятилетий фактически выпала из поля зрения отечественных антиковедов. В советской марксистской историографии специальных исследований по императорской армии не появлялось до второй половины 1940-х гг. В довоенный период имеются только отдельные, высказанные в работах общего характера суждения о социально-политической роли армии в Римской империи. Из общих трудов послевоенного времени следует отметить работы Н. А. Машкина. Рассматривая становление Принципата, он высказал ряд интересных, хотя и не бесспорных, мнений о политической роли армии в последние годы Республики и о преобразованиях, проведенных Августом в военной организации. По заключению автора, Августу не удалось достичь одной из главных целей своей военной реформы — преодолеть чрезмерную корпоративность солдат, которая особенно развилась в годы гражданских войн и позволяла войскам в некоторых случаях диктовать свою волю высшим командирам, и это сказывалось и в последующие периоды истории Империи, в событиях 68–69 гг. и годы правления «солдатских императоров»¹³⁰. Н. А. Машкин полагал также, что не

¹²⁹ Кулаковский Ю. Praemia militiae в связи с вопросом о наделе ветеранов землею // ЖМНП. 1880. № 7. Июль. С. 265–280; он же. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. Эпиграфическое исследование Юлиана Кулаковского // Киевские университетские известия. 1881. № 9 (отдельный оттиск); он же. Армия в Римской империи: Реферат. Киев, 1884; он же. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии: Публичная лекция. Киев, 1909; он же. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии // Военный сб. СПб., 1909. № 8.

¹³⁰ Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 510 сл.

имеет особого значения вопрос о том, из каких слоев общества комплектовались контингенты регулярных и вспомогательных войск, ибо служба в армии с ее корпоративным духом и обособленной жизнью в условиях строгой дисциплины, отрывая людей от того общественного слоя, из которого они вышли, превращала их в деклассированных ландскнехтов¹³¹. Аналогичную характеристику давал исследователь и солдатам эпохи позднего Принципата и кризиса III в.¹³² Эту оценку обоснованно подвергла критике Е. М. Штаерман, которая полагала, что в классовом обществе армия всегда является орудием определенного класса и что солдаты и ветераны по своему социально-экономическому положению, по своим реальным интересам и идеологии сближались с определенными социальными группами и классами, в частности с муниципальными кругами¹³³. Во взглядах Е. М. Штаерман, развитых ею в книге о кризисе рабовладельческого строя в западных провинциях Империи и в ряде других работ, следует отметить обоснованное стремление, не упрощая сложность исторических феноменов, выявить политические интересы армейских кругов, место солдат в социальной структуре римского общества и особенности их идеологии, отношение к армии в социально-политических программах различных общественных групп имперского общества¹³⁴. Однако мнение автора о близости или даже единстве политических и идеологических позиций армии и муниципальных кругов в период Ранней империи не представляется достаточно убедительным, поскольку такой вывод является следствием недооценки специфической корпоративности императорской армии и своеобразия воинской ментальности. Отдельные замечания о религиозных культах и идеологии армии были высказаны Е. М. Штаерман в ее работах, посвященных истории римской религии, и также заслуживают внимания¹³⁵.

В литературе 1940–1950-х гг. исследования по истории римской армии очень немногочисленны. Можно назвать только общие труды по военной истории А. А. Строкова и Е. А. Разина, в которых прослеживаются

¹³¹ Там же. С. 512. Ср.: *Он же*. История Рима. М., 1949. С. 518. Оценка солдат императорского времени как ландскнехтов восходит к Ф. Энгельсу.

¹³² *Машкин Н. А.* История Рима... С 518.

¹³³ *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 12–13; *она же*. О классовой структуре римского общества // ВДИ. 1969. № 4. С. 56–57.

¹³⁴ *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя... С. 258 сл.; 299 сл.; 317 сл.; *она же*. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. № 3. С. 256–266; *она же*. К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи // ВДИ. 1952. № 4. С. 100–121.

¹³⁵ *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции). М., 1961; *она же*. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

основные этапы эволюции военной организации Рима (а в книге Разина, которая первым изданием вышла еще до войны, рассмотрена также военно-теоретическая литература античного времени)¹³⁶, и интересные очерки О. В. Кудрявцева, посвященные значению дунайских легионов в истории Римской империи II в. н. э.¹³⁷ Отметим также работу Е. А. Скрипелева, которая до самого недавнего времени оставалась единственным в отечественной науке исследованием по римскому военному праву, но посвящена она ранним (до III в. до н. э.) этапам развития военно-правовых установлений Рима и не касается императорского времени¹³⁸.

В последующие десятилетия в изучении римской военной организации преимущественное внимание уделялось республиканской эпохе. Интересные подходы к оценке роли армии осуществил в своих работах С. Л. Утченко, исследуя социальный и политический кризис Римской республики. В статье о римской армии I в. до н. э. он отмечал, что после военных реформ Мария и особенно в результате Союзнической войны социальный состав римского войска существенным образом изменяется, солдаты оказываются теперь людьми не связанными с полисной формой собственности, и поэтому возникавшие на ее основе политические и идеологические надстройки не могли иметь для них какого-то непререкаемого значения, так что их нетрудно было «перевоспитать» в духе совершенно иных ценностей — профессиональной солдатской чести, личной преданности императору и т. п.¹³⁹

Государственно-правовые и политические аспекты военной организации республиканского Рима стали предметом многочисленных работ А. В. Игнатенко, в которых прослеживается историческая эволюция армии как ведущего элемента римского государства с точки зрения принципов комплектования, организации высшего военного командования и т. д., рассматривается ее роль на отдельных этапах социально-политической истории Республики¹⁴⁰, а также в период кризиса III в. в Римской

¹³⁶ *Строков А. А.* История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955; *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 1. 2-е изд. М., 1955.

¹³⁷ *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 145–254.

¹³⁸ *Скрипелев Е. А.* К постановке проблем военного права древнего Рима // Тр. Воен.-юр. Академии Советской Армии. 1949. Вып. 10. С. 104–185. Эта статья представляет собой изложение основных результатов диссертационного исследования автора: *Скрипелев В. А.* Военное право Древнего Рима в VI–III вв. до н. э.: Дис. ... канд. юр. наук. М., 1948.

¹³⁹ *Утченко С. Л.* Римская армия в I в. до н. э. // ВДИ. 1962. № 4. С. 30–47. Эта статья легла в основу главы «Социально-политическая роль армии в I в. до н. э.» в его монографии: Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

¹⁴⁰ *Игнатенко А. В.* Обострение политической борьбы в Риме в годы Югуртинской войны и военная реформа Гая Мария // Уч. зап. Хабаров. пед. ин-та. 1958. Т. 3. С. 162–194; *она же.* Борьба за войско в Римском государстве в 44 г. до н. э. // Уч. зап. Хабаров.

империи¹⁴¹. Один из признаков качественно нового состояния римской армии в период кризиса Республики автор видит в появлении у солдат особых профессионально-корпоративных интересов, которые зачастую определяли политические требования и поведение легионов. В силу своей историко-правовой направленности исследования А. В. Игнатенко, однако, никак не касаются собственно ментальных сторон эволюции римской армии и в недостаточной степени учитывают конкретный социально-исторический контекст.

Ряд проблем, связанных с процессом становления постоянной армии в Римской республике конца III и II в. до н. э., был на достаточно высоком для своего времени уровне рассмотрен в статьях и диссертации эстонского историка М. Тянавы, который показал, что начало этого процесса можно отнести к периоду II Пунической войны¹⁴².

Военно-политическая история Рима в конце Республики и в правление Октавиана Августа является предметом содержательных исследований В. Н. Парфенова. Начав с изучения социально-политической роли армии во времена Цезаря и первого триумvirата¹⁴³, он обратился затем к проблемам военной политики Августа. Наряду с интересной трактовкой многих военно-исторических эпизодов и персонажей эпохи раннего Принципата несомненным достоинством предлагаемого автором подхода является то, что впервые в отечественной литературе пре-

пед. ин-та. 1961. Т. 6. С. 145–161; она же. Политическая роль армии в Риме в период республики // Сб. науч. тр. Свердлов. юр. ин-та. Вып. 23. Свердловск, 1973. С. 9–30; она же. К вопросу о кризисе староримской военной системы // Сб. уч. тр. Свердлов. гос. юр. ин-та. Вып. 34. Свердловск, 1974. С. 174–180; она же. К вопросу о политической роли армии в Риме в период ранней республики // Науч. тр. Свердлов. юр. ин-та. Вып. 44. Свердловск, 1975. С. 147–167; она же. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики. Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976; она же. Армия и политический режим в Риме (вторая половина I в. до н. э.) // Сб. уч. тр. Свердлов. юр. ин-т. Вып. 56. Свердловск, 1976; она же. Древний Рим: От военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988.

¹⁴¹ Игнатенко А. В. Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение ее организационно-правовых основ) // Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск, 1980. С. 20–32.

¹⁴² Тянова М. К вопросу о возникновении постоянной армии в Римской республике // Тр. кафедры всеобщей истории Тартуского ун-та. 1970. № 1. С. 50–75; она же. О наборе солдат в Римской республике (II в. до н. э.) // Там же. С. 76–92; она же. Военная организация Римской республики (до реформы Мария): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1974; она же. О возникновении солдатского профессионализма в Риме // Учен. записки Тартуского гос. ун-та. 1977. Вып. 416. № 2. С. 43–56; она же. К вопросу об изменении социального состава римской армии (II в. до н. э.) // Там же. С. 58–73.

¹⁴³ Парфенов В. Н. Профессионализация римской армии и галльские войны Цезаря // АМА. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 72–89; она же. Последняя армия Римской республики // ВДИ. 1983. № 3. С. 53–65; она же. Социально-политическая роль римской армии (44–31 гг. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

образования в армии, осуществленные первым принцепсом, рассматриваются в единстве и взаимообусловленности с его внешнеполитической стратегией и изменениями в составе правящей элиты¹⁴⁴. Без учета этих факторов действительно нельзя правильно оценить ни характер военной системы Принципата, ни ту роль, которую, по замыслам Августа, должна была играть армия в «восстановленной республике». Однако, поскольку главное внимание исследователя сосредоточено все же на внешней политике, внутривнутриполитическая роль армии, хотя и признается Парфеновым¹⁴⁵, подробно не рассматривается, не прослеживаются специально изменения в солдатской ментальности, не акцентируется также соотношение традиционных установок и новаций в созданной Августом военной организации.

Данные аспекты не стали предметом отдельного, целенаправленного исследовательского интереса и в тех современных работах, которые посвящены различным сторонам военной организации Ранней империи. Тем не менее в исследованиях последних десятилетий можно констатировать существенное расширение проблематики и достижение определенных интересных результатов. Так, некоторые вопросы, касающиеся взаимоотношений императоров и войска при Юлиях — Клавдиях, принципов комплектования армии и условий службы, были рассмотрены в серии статей Л. В. Болтинской¹⁴⁶. Место армии в политической

¹⁴⁴ *Парфенов В. Н.* Военные реформы Августа (некоторые аспекты) // X авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР: Тез. докл. М., 1987. С. 141–142; *он же.* К оценке военных реформ Августа // АМА. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 65–76; *он же.* Принципат Августа: армия и внешняя политика. Саратов, 1994. Деп. в ИНИОН РАН 24. 01. 94, № 48859; *он же.* Ранний принципат: военно-политический аспект: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1995; *он же.* Римский «генералитет» времени второго триумvirата и принципата Августа (некоторые наблюдения) // Античный мир и мы: Мат-лы и тез. конф. 6–7 апреля 1995 года. Вып. 2. Саратов, 1996. С. 41–47; *он же.* «Квинтилий Вар, верни легионы!» (финал одной военной карьеры) // Воен.-ист. исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов, 1997; *он же.* Тиберий, Германик и Германия // Воен.-ист. исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 10–24; *он же.* Германские войны Августа: активная оборона или рывок к мировому господству // Воен.-ист. исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 3. Ч. 1. Саратов, 1998. С. 20–30; *он же.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001; *он же.* Император Домициан как военный лидер. К постановке проблемы // Историки в поисках новых смыслов: Сб. науч. статей и сообщений Всерос. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения проф. А. С. Шофмана и 60-летию со дня рождения проф. В. Д. Жигунина. Казань, 2003. С. 255–265.

¹⁴⁵ *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август... С. 24.

¹⁴⁶ *Болтинская Л. В.* Выступление паннонского и германского легионов в период правления Тиберия // Из истории Древнего мира и Средних веков. Красноярск, 1967. С. 31–43; *она же.* К вопросу о путях укрепления римской армии при Юлиях — Клавдиях // Вопросы всеобщей истории. Вып. 3. Красноярск, 1973. С. 3–17; *она же.* К вопросу о принципах комплектования римской армии при Юлиях — Клавдиях (по военным дипломам) // Там же. С. 18–22; *она же.* Положение солдат римских легионов в период

системе и обществе эпохи становления Принципата стало предметом исследований Т. П. Евсеенко, который сосредоточил внимание на политико-правовом и социально-политическом аспектах военных реформ Августа¹⁴⁷. Отметим также его статью, специально посвященную отношениям армии и общества в период Ранней империи¹⁴⁸. Но в этой работе, написанной скорее в виде общего очерка, пожалуй, заслуживает внимания только вывод о том, что призыв в легионы со сложившимися корпоративно-профессиональными традициями не уничтожал психологической связи новобранца с гражданским обществом. Этому, по мысли Евсеенко, способствовало сохранение многих полисно-республиканских традиций как в обществе в целом, так и во внутрикorporативной жизни армии (в частности, института воинской сходки). Итогом исследований автора стала монография, в которой военная организация рассматривается как фактор государственного строительства в эпоху Поздней республики и раннего Принципата¹⁴⁹. Но по большому счету эта работа не соответствует современному научному уровню. В ней не в полной мере учитываются все имеющиеся источники; автор недостаточно знаком с новейшими исследованиями и дискуссиями по теме (например, никак не касается вопроса о войсковой клиентеле), и некоторые его мнения звучат, по меньшей мере, спорно (например, о том, что легионы представляли собой атомизированные образования, внутренне ничем не связанные, что солдаты императорской армии были наемниками-добровольцами, лишеными внутренних связей и высоких моральных качеств; при этом утверждается, что в вооруженные силы переносились общественные отношения и социально-психологические черты, которые сохранялись еще в муниципальной общине времен Ранней империи, а именно: круговая порука и взаимная ответственность, привычка к коллективному решению общих дел).

Положение и социальная роль ветеранов римской армии исследовались и позже, главным образом на конкретных материалах отдельных

правления династии Юлиев — Клавдиев // Вопросы всеобщей истории. Вып. 4. Красноярск, 1973. С. 3–26; она же. Положение солдат римских легионов в период правления династии Юлиев — Клавдиев // Социально-экономические проблемы истории Древнего мира и Средних веков. Красноярск, 1977. С. 3–17.

¹⁴⁷ *Евсеенко Т. П.* Военная реформа Октавиана Августа: (социально-политический аспект). Свердловск, 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 25705; она же. Об эффективности военной реформы Октавиана Августа // Политическая организация и правовые системы за рубежом: история и современность. Свердловск, 1987. С. 48–54; она же. Армия в древнеримской политической системе эпохи становления принципата. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Свердловск, 1988.

¹⁴⁸ *Евсеенко Т. П.* Армия и общество в Римской империи эпохи раннего принципата // Вестник Удмурт. ун-та. 1992. № 5. С. 17–26.

¹⁴⁹ *Евсеенко Т. П.* Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001.

провинций¹⁵⁰. Можно выделить работы Ю. К. Колосовской, отличающиеся тщательным анализом эпиграфических источников и взвешенностью выводов¹⁵¹. Надо сказать, что начиная с 1950-х гг. в отечественной науке заметно расширились исследования провинций Римской империи и в посвященных им работах с той или степенью подробности и основательности затрагивались некоторые важные вопросы социальной, политической и культурной роли армии¹⁵². Появились также произведения, в которых специально рассматриваются религиозная жизнь солдат в отдельных провинциях¹⁵³, а также военные кампании периода Империи¹⁵⁴. Весомый вклад в изучение роли военных в бюрократиче-

¹⁵⁰ *Кудрявцева Т. В.* Ветеранское землевладение в Древнем Риме в I в. до н. э. // Вестник ЛГУ. Сер. История, языкознание, литературоведение. 1990. Вып. 1. С. 95–98; *Кадеев В. И., Мартымянов А. П.* О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // АМА. Вып. 7. 1990. С. 77–86; *Евтушенко А. А.* Роль ветеранов в романизации Дакии // Политика и идеология в древнем мире: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1993. С. 95–103; *Рубцов С. М.* Ветераны римской армии и античный город в Мезии в I–III вв. н. э. // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 46–56; *Kolobow A. W.* Weterani legionowi w Dalmacji w I wieku po Chrystusie // Scripta minora. III. Aetas imperatoria. Poznan, 1999. S. 317–335.

¹⁵¹ *Колосовская Ю. К.* Ветеранское землевладение в Паннонии // ВДИ. 1963. № 4. С. 96–115; *она же.* К вопросу о социальной структуре римского общества I–III вв. (collegia veteranorum) // ВДИ. 1969. № 4. С. 122–129.

¹⁵² *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955; *Златковская Т. Д.* Мёзия в I и II веках нашей эры. (К истории Нижнего Дуная в римское время). М., 1951; *Колосовская Ю. К.* Паннония в I–III веках. М., 1973; *она же.* Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима: В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 167–257; *Садовская М. С.* Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии (по данным эпиграфики) // ИИАО. 1975; *она же.* IX Испанский легион в Британии // ИИАО. 1979. С. С. 65–85; *она же.* Культ императора в римской Британии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 69–95; *она же.* Римский форт Виндоланда...; *она же.* Римская колония Камулудун. К вопросу о романизации Британии в I в. н. э. // ИИАО. 1991. С. 75–85; *Рубцов С. М.* Римская провинция Мёзия (Верхняя и Нижняя) в I–III вв. н. э. (Военно-политический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *он же.* Младший командный состав римской армии в Мёзии в I–III вв. н. э. // ВИ. 1987. № 7. С. 162–163.

¹⁵³ *Соловьянов Н. И.* Религиозная жизнь римской армии в Нижней Мёзии и Фракии в I–III вв. н. э. М., 1985. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 23749; *он же.* О культах римской армии в Нижней Мёзии и Фракии в I–III вв. н. э. // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 45–62; *он же.* Культы римской армии в Нижней Мёзии и Фракии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Рубцов С. М.* О культах римской армии в Верхней Мёзии во II–III вв. н. э. // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989.

¹⁵⁴ *Колосовская Ю. К.* Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. М., 2000; *Рубцов С. М.* Дакийские войны императора Траяна (101–103, 105–106 гг. н. э.) // Науч.-метод. сб. кафедры всеобщей истории БГПУ. Барнаул, 1999. С. 11–28; *он же.* Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I — начало II в. н. э.). СПб., 2003; *он же.* Дакийские войны императора Флавия Домитиана // Науч.-метод. сб. кафедры всеобщей истории БГПУ. Барнаул, 2004. С. 42–49.

ском аппарате Империи во II–III вв. внесли работы А. Л. Смышляева, показавшего на основе тщательного анализа источников усиление роли армии в государственно-административном аппарате¹⁵⁵.

Свидетельством оживления в последние годы интереса к армии раннего Принципата стало появление ряда исследований, в которых рассматривается ее роль в политических событиях и процессах. Впервые специальное внимание было уделено преторианской гвардии¹⁵⁶. Однако сколько-нибудь оригинальных суждений и подходов в большинстве из имеющихся по данной теме работ не обнаруживается.

С начала 1990-х гг. различные сюжеты и аспекты социальной истории императорской армии плодотворно и на достаточно высоком уровне разрабатываются А. В. Колобовым. Впервые в отечественной историографии он обратился к изучению многих тем: семейного положения римских легионеров и экономической деятельности армии в пограничных провинциях¹⁵⁷, римских боевых наград и военных штан-

¹⁵⁵ *Смышляев А. Л.* Септимий Север и *principales* // Вестник МГУ. Сер. 9. «История». 1976. № 6. С. 80–91; *он же.* Имперская бюрократия при первых Северах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; *он же.* Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 3. С. 60–81; *он же.* Всадники во главе ведомств императорской канцелярии во II — начале III в. н. э. // ВДИ. 1981. № 2. С. 91–108.

¹⁵⁶ *Елагина А. А.* Армия в политической жизни Рима I в. н. э. по «*Annales*» и «*Historiae*» Публия Корнелия Тацита // Античный вестник. Вып. 3. Омск, 1995. С. 120–143; *Вержбицкий К. В.* Принципат и римская армия в правление императора Тиберия (14–37 гг. н. э.) // «*Para bellum!*» Война и военное дело в античности. СПб., 2000. № 12. С. 49–56; *Князев П. А.* К вопросу о некоторых аспектах оформления военной власти императора // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвуз. сб. статей. Вып. 2. Самара, 1997. С. 26–36; *Ушаков Ю. А.* Роль преторианской гвардии во внутриполитической жизни Римской империи при первых императорах // Античная гражданская община. М., 1984. С. 115–131; *он же.* Преторианская гвардия в период гражданской войны 68–69 гг. н. э. // Античная гражданская община. М., 1986. С. 80–91; *он же.* Преторианская гвардия в политической жизни Римской империи в I в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; *Семенов В. В.* Преторианские когорты: модель и практика // «*Para bellum!*» Война и военное дело в античности. № 12. С. 103–119; *он же.* Преторианцы на войне и в политике // Мат-лы студ. науч. об-ва: Сб. науч. ст. студентов (по материалам научной конф.). Вып. 1. СПб., 2002. С. 194–205.

¹⁵⁷ *Колобов А. В.* Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях — Клавдиях // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 3. С. 54–63; *он же.* Социальное положение солдат и ветеранов легионов в западных провинциях Римской империи при Юлиях — Клавдиях: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *он же.* Использование «территории легиона» в западных провинциях Римской империи I в. н. э. // Областная отчетная студ. науч. конференция. Секция ист. наук: Тез. докл. Пермь, 1990. С. 41–44; *он же.* Экономические аспекты римской оккупации Рейнско-Дунайского пограничья в эпоху Юлиев — Клавдиев // Античность Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1992. С. 38–47; *он же.* «Военная территория» эпохи Принципата: историографический миф или реальность? // *Ius antiquum.* Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 43–50.

дартов, социальной структуры и роли командного состава легионов¹⁵⁸. Анализировались им также различные проблемы религиозных культов и идеологии солдат императорской армии¹⁵⁹ и некоторые другие сюжеты¹⁶⁰. Итогом этих исследований стала небольшая книжка, написанная как учебное пособие по спецкурсу. Посвященная достаточно широкому кругу вопросов (социальному составу легионов, их повседневной деятельности и быту, религиозным представлениям и культам, праздникам и наградам, месту легионеров и ветеранов в имперском обществе), она фактически стала первой в российской науке монографией об армии императорского Рима¹⁶¹. Однако этот первый опыт нельзя признать в полной мере удачным, т. к. работа не лишена серьезных погрешностей и скорее только намечает важные проблемы и подходы к их трактовке, нежели дает по-настоящему глубокое их освещение¹⁶².

Среди новейших произведений, в которых поднимается тема воинской идеологии и ментальности в эпоху раннего Принципата, новизной подхода и проблематики обращают на себя внимание исследования М. Г. Абрамзона и А. А. Шаблина. Первый подробно рассмотрел отражение в монетной пропаганде системы воинских ценностей и культов, роли императора как военного лидера и его взаимоотношений с армией¹⁶³. И хотя его работы далеко не бесспорны в отдельных суждениях и не всегда корректны в трактовке некоторых монетных

¹⁵⁸ Колобов А. В. Боевые награды римских легионеров эпохи Принципата // Вестник Перм. ун-та. 1998. Вып. 2. С. 27–33; Колобов А. В., Мельничук А. Ф., Кулябина Н. В. Римская фалера из Пермского Приуралья // ВДИ. 1999. № 1. С. 46–52; Колобов А. В. Римские сенаторы эпохи принципата в провинциях: любители или профессионалы? // Исследования по консерватизму. Вып. 5. Пермь, 1998. С. 67–69; он же. Социальная структура командного состава римских легионов эпохи принципата // Вестник Перм. ун-та. Вып. 4. История. 1999. С. 52–58; он же. Легионеры-бенефициарии в управлении провинциями Римской империи (на материале источников из римской провинции Далмации) // Вестник Перм. ун-та. История. Вып. 1. 2001. С. 44–52.

¹⁵⁹ Колобов А. В. Династическая пропаганда на знаменах и боевых наградах римских легионеров: Первый век Империи // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 129–139; он же. Геркулес и римская армия ранней Империи: (на материале западной части Балкано-Дунайского региона) // ПИФК. 2000. Вып. 9. С. 40–47; он же. Штандарты римской армии эпохи Принципата // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 38–44; он же. Римская армия и культы «умирающего и воскресающего бога» (на материале из римских провинций Далмации и Мёзии) // ИИАО. 2001. С. 57–67; он же. Образы спартанских героев в иконографии надгробных памятников римских воинов в Балкано-Дунайском регионе (эпоха Принципата) // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2002. С. 91–95.

¹⁶⁰ Колобов А. В. Питание римской армии // Сержант. 2001. № 3 (20). С. 17–18; он же. Разведка в античном Риме // Сержант. 2002. № 2 (23). С. 7–8.

¹⁶¹ Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999.

¹⁶² Подробнее см. нашу рецензию на эту книгу: ВДИ. 2001. № 3. С. 198–207.

¹⁶³ См. его работы, указанные в сн. 91 к гл. I.

легенд и изображений, в соотнесении их свидетельств с данными литературных и других источников, они все же полезны систематизацией важного нумизматического материала и выявлением определенных приоритетов политики императоров в отношении армии¹⁶⁴. В работах А. А. Шаблина¹⁶⁵ рассматривается повседневная жизнь римских солдат и ветеранов в Рейнской области и ставится очень интересная проблема — отражение самооценки и самосознания римских военных в оставленных ими надписях и скульптурных изображениях.

Названными исследованиями, по существу, исчерпывается современная российская историография римской армии времен Поздней республики и Ранней империи¹⁶⁶. Однако для нашей темы большой интерес представляют также те работы, в которых исследуются военные институты и политическая роль армии в раннереспубликанский и поздне-римский периоды. Так, для понимания истоков римских военных традиций и установлений очень важны многие наблюдения и выводы, сделанные В. Н. Токмаковым, который в последние годы плодотворно занимается изучением военной организации Рима в эпоху Ранней республики, подчеркивая органическую взаимосвязь военных, сакральных и социально-политических факторов в становлении ранней римской государственности¹⁶⁷. Для нас особенно важны его исследования, посвященные сакральным и правовым аспектам воинской присяги и дисциплины, а также тем религиозным ритуалам и жреческим коллегиям, которые были связаны со сферой военной деятельности римской общины¹⁶⁸. Отметим также его небольшую работу, в которой, как и в

¹⁶⁴ См.: *Махлаюк А. В.* [Рец.] Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995 // ВДИ. 1997. № 3. С. 172–178, а также рецензию на эту книгу М. Д. Соломатина (там же. С. 178–186).

¹⁶⁵ В дополнение к его работам, указанным в сн. 90 к гл. I, см.: *Шаблин А. А.* Повседневная жизнь римских военных в Рейнской области в I в. н. э. // *Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории.* М., 1995. С. 47–58.

¹⁶⁶ Если не считать общего очерка структуры, вооружения, тактики и некоторых аспектов внутренней жизни императорской армии в популярной книжке И. А. Гольженкова и работ, посвященных частным сюжетам: *Гольженков И. А.* Армия императорского Рима. I–II вв. н. э. М., 2000; *Рубцов С. М.* Знаменосцы нижедунайских легионов // *Para bellum: Военно-исторический журнал.* 2000. № 4. С. 19–32; *он же.* Восточные ауксиллии римской армии на Нижнем Дунае в эпоху принципата // *Para bellum: Военно-исторический журнал.* 2003. № 1. С. 5–24.

¹⁶⁷ Основные итоги изысканий автора представлены в монографии: *Токмаков В. Н.* Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1998. См. также: *он же.* Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима Ранней республики // ВДИ. 2002. № 2. С. 143–158.

¹⁶⁸ *Токмаков В. Н.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // *Религия и община в древнем Риме* / Под ред. Л. Л. Кофанова и Н. А. Чаплыгиной. М., 1994. С. 125–147; *он же.* Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 43–59; *он же.* Право и

статье И. Л. Маяк, ставится проблема воинского воспитания в раннем Риме¹⁶⁹. Проблема военного обучения представителей элиты в эпоху Империи, также заслуживающая самого пристального внимания, была поднята в статье С. М. Перевалова¹⁷⁰. Из исследований армии позднеримского и ранневизантийского времени следует выделить работы Е. П. Глушанина, в которых рассматриваются различные аспекты военного мятежа в IV в., процесс формирования и особенности военной знати в позднеантичную и ранневизантийскую эпохи¹⁷¹. Сопоставление ряда моментов, отмеченных исследователем на позднеримском материале, с феноменами, относящимися к роли армии и положению высших военачальников в период Ранней империи, может оказаться, на наш взгляд, очень продуктивным для изучения римских военных традиций и соответствующих ментально-идеологических представлений в исторической ретроспективе.

Подводя итог, необходимо констатировать, что в современном российском антиковедении, несмотря на ряд весомых достижений и наметившийся в последние годы перелом в изучении императорской армии, ее исследование отнюдь не стало одним из магистральных историографических направлений, а комплекс проблем, связанных с духовными факторами в развитии римской военной организации, все еще остается на периферии научного интереса. Многие темы и вопросы даже не

воинская дисциплина в республиканском Риме // *Ius antiquum. Древнее право*. 2000. № 1 (6). С. 136–145; *он же*. Сакрально-правовые аспекты ритуалов жреческой коллегии салиев в архаическом Риме // *Ius antiquum. Древнее право*. 1997. № 1 (2). С. 9–17; *он же*. Жреческая коллегия салиев и ритуалы подготовки к войне в архаическом Риме в российской историографии // *Ius antiquum. Древнее право*. 1999. № 2 (5). С. 124–138.

¹⁶⁹ *Токмаков В. Н.* Воспитание воина и гражданина в Раннем Риме // *Антиковедение в системе современного образования: Материалы науч. конф. Москва, 26–27 июня 2002 года*. М., 2003. С. 93–96; *Маяк И. Л.* Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина (эпоха ранней Республики) // *Античность и средневековье Европы*. Пермь, 1996. С. 122–128.

¹⁷⁰ *Перевалов С. М.* Статья римским полководцем, читая греков // *ПИФК*. 2000. Вып. 8. С. 145–153.

¹⁷¹ *Глушанин Е. П.* Генезис и позднеантичные особенности ранневизантийской армии IV — начала V в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; *он же*. Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии // *Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Проблемы социально-политической истории*. Горький, 1985. С. 95–106; *он же*. Военные реформы Диоклетиана и Константина // *ВДИ*. 1987. № 2. С. 51–73; *он же*. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // *Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений*: Сб. науч. тр. Барнаул, 1996. С. 24–36; *он же*. Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 1998. С. 9–20; *он же*. Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // *Вопросы политологии*. Вып. 2. Барнаул, 2001. С. 120–130; *он же*. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.

ставились в отечественной научной литературе. Эти лакуны выглядят особенно удручающими в сравнении с неоспоримыми достижениями и новейшими тенденциями мировой историографии, и одна из главных задач настоящей работы состоит в том, чтобы по мере возможности преодолеть существующий разрыв в уровнях развития отечественной и зарубежной науки.

Глава III

СОЛДАТ И АРМИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО РИМА

Как мы уже отмечали, в литературных источниках мы имеем дело с определенным *образом* римского воина, представляющим собой совокупность типических черт, за которыми, во-первых, эксплицитно или имплицитно обнаруживаются предъявляемые ему моральные требования, а во-вторых, могут быть выявлены ключевые проблемы, имеющие наибольшее значение для понимания социально-исторического своеобразия императорской армии. Поэтому, чтобы мы могли судить о месте армии в общественной структуре, о содержании солдатской ментальности не абстрактно, но в соответствии с той «системой координат», с которой сообразовывались сами древние в своих взглядах на военную службу и армию, необходимо в первую очередь рассмотреть содержательные компоненты этого литературного образа как выражение общественного сознания эпохи и ее социокультурного контекста.

Надо сказать, что ни «литературная судьба» римского воина, ни влияние идеологических и собственно литературных традиций на изображение античными авторами его морально-психологического облика еще не были предметом подробного специального исследования. В имеющихся работах затрагиваются лишь отдельные аспекты данной проблематики. Так, П. Жаль уделил внимание вопросу о том, как сами древние авторы воспринимали и характеризовали римского солдата времен гражданских войн от Суллы до Веспасиана¹. А. Мишель попытался показать, что интерпретация социальных качеств солдат и роли армии авторами римского времени во многом питалась идеологемами, берущими начало еще в трудах Платона, Исократы и Ксенофонта, в частности считалось, что солдат-крестьянин, защищающий свою родину и имущество, предпочтительнее наемника². Отношению философов эпохи Принци-

¹ *Jal P.* Le «soldat des Guerres Civiles» à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire // *Pallas*. 1962 (1964). Vol. XI. N 2. P. 7–27; *idem.* La guerre civile à Rome. Étude littéraire et morale de Cicéron à Tacite. P., 1963. P. 474–486.

² *Michel A.* De Socrate à Maxime de Tyr: les problèmes sociaux de l'armée dans l'idéologie romaine // *REL*. 1970. Vol. XLVII bis. Mélanges Marcel Durry. P. 237–251.

пата к войне и армии посвятил свое исследование Г. Сайдботтом. По его наблюдениям, это отношение представляло собой смесь отчуждения, презрения и антипатии; в лучшем случае солдаты сравнивались со сторожевыми псами, хотя дисциплина, тяготы и риск солдатской жизни были теми чертами, которыми отмечена и жизнь философа³. В ряде работ рассмотрены идеологические и литературные аспекты изображения римского солдата и армии в исторических сочинениях Тацита⁴. Во всех этих исследованиях отмечается неприязненно-высокомерное отношение Тацита к солдатской массе, наличие в соответствующих эпизодах его повествования многочисленных риторических эффектов и штампов⁵. Наиболее интересна статья И. Кайянто. Он особо подчеркивает амбивалентность образа римского солдата в трактовке Тацита, указывая на способность римского историка дать психологическую мотивацию поведения отдельных воинов и солдатской массы в целом, которая, что особенно важно, изображается Тацитом дифференцированно и, несмотря на все ее пороки, ставится им все же выше, чем городская чернь, имеет в своих рядах людей, способных на благородные чувства⁶. В отличие от Тацита отношение к армии и солдатам у Диона Кассия, как показал Л. де Блуа, односторонне негативное; его изображение поведения солдатской массы и выходцев из военных кругов отличается намеренным сгущением красок⁷.

В более широком ракурсе и с наибольшей отчетливостью проблема влияния традиционной идеологии и литературной техники на характер имеющейся в нарративных источниках информации о римском солдате поставлена в работе Ж.-М. Каррие⁸. По его мнению, римский воин императорского времени стал в известном роде жертвой расхожих представлений, анахронизмов и топосов, обильно фигурирующих в лите-

³ *Sidebottom H. Philosopher's Attitude to Warfare under the Principate // War and Society in the Roman world / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993. P. 241–264.*

⁴ *Feger R. Virtus bei Tacitus. Inaug. Diss. Freiburg, 1944; Walser G. Rom, das Reich und die fremden Völker in der Geschichtsschreibung der frühen Kaiserzeit. Studien zur Glaubwürdigkeit des Tacitus. Basel, 1951. S. 51 ff.; Auerbach E. Mimesis. The Representation of Reality in Western Literature. Princeton, 1953. P. 33–40 (русский перевод: Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. М., 1976); Edelstein F., Winkler I. Pozitia lui Tacitus fata de armata, popor si provincii // Studii Classice. 1962. T. IV. P. 245–274.*

⁵ Ср.: *Powell C. A. Deum ira, hominum rabies // Latomus. 1972. T. 31. N 4. P. 833–848; Cornell T. The End of Roman imperial Expansion // War and Society in the Roman world... P. 167.*

⁶ *Kajanto I. Tacitus Attitude to War and the Soldier // Latomus. 1970. T. 29. N 3. P. 699–718.*

⁷ *De Blois L. Volk und Soldaten bei Cassius Dio // ANRW. Bd. II. 34. 3. 1997. S. 2650–2676. Cp.: Idem. The Perception of Emperor and Empire in Cassius Dio's Roman History // AncSoc. 1998–1999. Vol. 29. P. 267–281.*

⁸ *Carrié J.-M. Il soldato // L'uomo romano / A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 99–142.*

ратурных источниках. Для гражданского населения, освобожденного с созданием профессиональной армии от обязательной военной службы, идеальный солдат представлялся «породистым псом»; от него требовалось наличие самоотверженности, мужества, выдержки, исчезновение которых среди граждан осуждалось в терминах концепции упадка нравов. Вместе с тем солдат рассматривался как наемник, безбожный вояка, чьи страсти и пороки можно было сдерживать только суровой дисциплиной и постоянными трудами. Желание античных авторов и представляемых ими общественных слоев видеть восстановленными во всей строгости древние порядки контрастно оттеняется акцентированием порочности и примитивных инстинктов, присущих солдатам, прежде всего патологического обжорства. В целом же образ солдата в восприятии гражданских лиц глубоко противоречив: он вызывает одновременно и восхищение, и отвращение, и страх. Этому литературному образу Каррие противопоставляет образ воина в изобразительном искусстве, ориентированный на вкусы самих военных, прославляющий воинскую суровость и величие, олицетворяющий дух организованности, самообладания и силы, воплощающий приверженность традиционным ценностям⁹. Огромная дистанция между этими двумя образами, по мнению автора, только подтверждает тот факт, что авторы литературных произведений имели о солдате такое же превратное представление, какое слепцы в известной басне имели о слоне.

Однако значение литературных топосов как своеобразного источника для реконструкции воинской ментальности, по существу, остается не освещенным в работе Каррие. Этот вопрос был поставлен Дж. Лендоном. По мысли американского историка, литературно-риторические топосы следует рассматривать не как точные указания на мотивы поведения в индивидуальных случаях, но как такую фикцию, которая служит ключом для понимания того, каким, с точки зрения самих древних, должен быть существующий порядок вещей. В этом плане даже самые малодостоверные сообщения оказываются весьма информативными, указывая на более широкие реалии и нормы¹⁰. Конечно, там, где солдаты изображаются бесчестными существами, наравне с рабами, античных писателей можно заподозрить в аристократическом высокомерии; когда же, напротив, представления солдат отождествляются с собственными ценностями авторов, последних можно подозревать в невежестве; а если приписываемые солдатам взгляды нужны для тех или

⁹ Ibid. P. 135 sgg. Ср.: Шаблин А. А. Отражение самооценки солдат римской армии в скульптурных надгробьях Рейнской области в I в. н. э. // Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории. М., 1997. С. 37–48.

¹⁰ Lendon J. E. Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxf., 1997. P. 28.

иных полемических целей, чтобы поведать знатным римлянам о них самих, то возникает подозрение в сознательной подтасовке фактов. Но, несмотря на все эти подозрения, полагает Лендон, античные историки дают достаточно точную и целостную картину солдатских ценностей, признавая и подчеркивая наличие в армии особого морального кодекса, отличного от их собственного¹¹. Принципиально важным представляется также развиваемый Лендоном тезис о том, что осуществление власти в Римской империи на разных уровнях государственной системы — от императора до сборщиков налогов и солдат — воспринималось и оценивалось современниками не в функциональных аспектах, а в персональных и моральных категориях, что непосредственно влияет на характер соответствующих свидетельств.

На важный аспект восприятия образа солдата в общественном сознании республиканского и императорского Рима обратил внимание Р. Алстон, который рассмотрел связь этого образа с римскими представлениями о мужественности. Как отмечает автор, если в период Ранней республики не существовало никакой несовместимости между маскулинностью и солдатской службой, то со временем увеличивающийся акцент на статусе свободы, *libertas*, способствовал растущему разобщению между статусом «мужа», *vir*, и военной службой в качестве рядового; солдаты не соответствовали аристократическому идеалу мужественности прежде всего в силу своего зависимого состояния, неспособности к самоконтролю, предполагавшей их подчиненность дисциплине, и ограниченной возможности осуществлять *potestas* (ввиду запрета на брак)¹². Поэтому воины профессиональной армии рассматривались как люди, стоящие в культурном и моральном отношении несоизмеримо ниже настоящих *virī*, лишь одной ступенькой выше варваров. Тем не менее власть солдат была реальной и публично проявляемой, а приписывание себе мужественности представителями элиты было следствием политического дискурса. Политические события I–II вв. н. э., однако, показали, что возникли альтернативные центры власти и альтернативные точки зрения на состояние «мужа» и что относительно высокий статус солдат как представителей власти позволял им чувствовать себя *virī*.

Названные подходы, наблюдения и выводы, несомненно, продуктивны и подтверждают, что проблема литературного образа римского солдата отнюдь не сводится к чисто источниковедческим вопросам, но заслуживает самой внимательной разработки на основе более широкого

¹¹ Ibid. P. 238.

¹² *Alston R. Arms and the man: soldiers, masculinity and power in republican and imperial Rome // When men were men. Masculinity, power and identity in classical antiquity / Ed. L. Foxhall and J. Salmon. L.; N. Y., 1998. P. 205–223.*

охвата и самих свидетельств, и тех компонентов, из которых складывался этот образ. Переходя к анализу конкретного материала, следует оговориться, что основное внимание в данном разделе мы уделим тем негативным характеристикам солдат и армии, которые, безусловно, доминируют в литературной традиции и даны настолько полно и ярко, что к ним трудно что-либо добавить в содержательном плане. Что же касается позитивных ценностей и традиций, то они будут подробно рассмотрены в последующих главах.

В первую очередь внимания заслуживает вопрос о социальном статусе солдат в оценке античных авторов. В связи с профессионализацией армии и по мере упрочения «римского мира» война и тем более служившие в армии люди все больше оказываются на периферии общественного мнения, воспринимаются все более отчужденно (либо прямо с антимилитаристских позиций, как в среде римской «золотой молодежи», чьи настроения нашли выражение в творчестве ряда поэтов¹³). Одним из результатов развития новой военной организации становится исчезновение воинского духа в жителях Рима и Италии¹⁴. Их невоинственность либо с горечью констатируется античными историками¹⁵, либо же, в ином контексте, рассматривается как объективное и благотворное следствие мудрой политики императорского правительства, доверившего для защиты державы военную службу peregrini, получающим в качестве награды римское гражданство (φυλοκρινέσαντες) (Ael. Arist. Or. 26 Keil. 73–76; 78; см. также Herod. II. 11. 5–6). Так или иначе, служба в войске и жизнь в военном лагере воспринимаются как совершенно особое существование. Интересно в этом плане толкование сна о военной службе в «Соннике» Артемидора (II. 31). По его словам, сон о службе и участии в походе для всех сколько-нибудь хворых означает смерть, «потому что воин оставляет прежнюю свою частную жизнь и, забыв о ней, начинает новое существование» (ἐν ἄλλαις γίνεται διατριβαῖς)

¹³ Carrié J.-M. Op. cit. P. 139; Rich J. Introduction // War and Society in the Roman world... P. 6; Cloud D. Roman Poetry and anti-militarism // Ibid. P. 113–138; Baker R. J. Miles annosus: The Military Motif in Propertius // Latomus. 1968. T. 27. Fasc. 2. P. 322–349; Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. Bd. 74. S. 214; Болтинская Л. И. Положение солдат римских легионов в период правления династии Юлиев — Клавдиев // Социально-экономические проблемы истории Древнего мира и Средних веков. С. 17.

¹⁴ Cornell T. The End of Roman imperial Expansion // War and Society in the Roman World... P. 164–165.

¹⁵ Например, у Тацита (Ann. III. 40. 3) невоинственность населения Рима (imbellis urbana plebes) трактуется как причина того, что войска сильны только провинциалами (nihil validum in exercitibus, nisi quod externum). По всей видимости, здесь имеются в виду провинциалы, получившие римское гражданство и служившие в легионах. По мнению Л. И. Болтинской (указ. соч. С. 15, примеч. 37), под externum можно понимать также вспомогательные части, комплектовавшиеся из peregrinorum.

(пер. М. Л. Гаспарова). Показателем расхожих представлений о военной службе служат также упоминаемые в этом же пассаже заботы, неприятности, переходы и странствия, почет и повиновение. Любопытно и то, что безработным и нуждающимся сон о военной службе сулит занятие и заработок, ибо, как отмечает Артемидор, «воин не сидит сложа руки и ни в чем не нуждается». В другом толковании автора можно усмотреть и указание на социальные мотивы военной службы. По его словам (II. 20), если женщине приснилось, что она родила орла, то она родит сына и этот сын, если беден, пойдет на военную службу и станет военачальником, потому что орлы следуют впереди войска.

Действительно, служба в армии воспринимается в первую очередь как отсутствие праздности, как подчинение приказу и власти военачальника, труды, тяготы, пот¹⁶, которые становятся знаками отречения от собственной личности и удобств гражданской жизни (Sen. Epist. XVIII. 6; Iuven. XV. 197–199; Dio Chrys. Or. XIV. 6; Tertul. Ad Mart. 3). Показательно в этом плане, что философы римского времени сравнивают тяготы человеческой земной жизни с воинской службой и боевыми походами. Можно вспомнить известное изречение Сенеки: *vivere, mi Lucili, militare est* (Epist. XCVI. 5) или же слова Эпиктета: «Жизнь каждого — это своего рода военный поход, притом долгий и с разными превратностями. Ты должен блюсти свой долг воина и по мановению военачальника исполнять все, предугадывая, если возможно, его желания» (Diatr. III. 24. 34; Пер. Г. А. Тароняна). Там же, где характеристика солдатского удела дается как бы с точки зрения самих воинов, краски, естественно, еще более сгущаются: в ряду суровых реалий военной жизни появляются изнурительные работы (*duritia operum*), свирепость центурионов, побои, раны, изможденные и обезображенные старостью ветераны и т. п. (Tac. Ann. I. 17; 34–35; Hist. II. 80; Lucan. Phars. V. 275–282).

В эпоху Империи обособление, если не сказать сегрегация, армии проявляется не только в ее пространственном и функциональном отделении от основной массы населения, но и в фактическом выделении армии как самостоятельной социальной группы. Военные и сами противопо-

¹⁶ Примечательно, что слово «пот», *sudor*, и производные от него даже в официальных юридических текстах метонимически означают военную службу (CTh. VII. 1. 8; 13. 16; 20. 10). Аналогичным образом в литературных текстах употребляется слово *sarcina*, «переносимое солдатом снаряжение» (см.: *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 118 sgg.). Кстати сказать, величина этого снаряжения особенно поражала греческих авторов. По замечанию Полибия (XVIII. 18. 2–3), нести кроме оружия еще и колья для вала, как это делают римские легионеры, — дело, совершенно невысказанное по греческим представлениям. Для Иосифа Флавия римский воин в походе мало чем отличается от навьюченного мула (B. Iud. III. 5. 5) (ср. выражение *mulus Marianus*: Fest. 134 L; Paul. Fest. 22 L; Front. Strat. IV. 1. 7; Plut. Marius. 13).

ставляют себя гражданскому населению, резко отделяя себя от «штатских», *ragani*, как они назывались на солдатском жаргоне¹⁷, — ситуация, совершенно немыслимая прежде, когда всякий гражданин был потенциальным солдатом¹⁸. В нарративных источниках очень часто *milites* и *exercitus* фигурируют как особый элемент общественной структуры, располагаясь ниже сенаторов и всадников, рядом с плебсом¹⁹. Античные авторы не вдаются в подробности относительно происхождения рекрутов, оперируя не столько социальными, сколько моральными критериями, основанными в конечном счете на популярном тезисе о том, что более всего воинскому мужеству способствует земледельческий труд, поэтому лучший воин — это крестьянин²⁰, но крестьянин состоятельный, наделенный цензом и в силу этого защищающий государство более упорно, нежели нищий пролетарий²¹. Поэтому в представлении древних, если на военную службу добровольно поступают бедняки и бездомные, выходцы из городской черни, представители профессий, связанных с роскошью или позорными занятиями, то от них, в силу их нравственной испорченности, невозможно ожидать должной дисциплины и доблести²². В то же время длительная военная служба в отдаленных гарнизонах, постоянные воинские упражнения и труды считались верным средством отвлечь наиболее бедные и беспокойные элементы населения от занятия разбоем, предоставив остальным гражданам возможность спокойно трудиться и наслаждаться миром²³. Примечательно, что воинственность

¹⁷ Со временем слово *raganus* утрачивает тот пренебрежительный оттенок, который присутствует еще в 16-й сатире Ювенала (XVI. 32 sqq.), где солдат и «штатский» резко противопоставляются друг другу; значение термина становится вполне нейтральным, и он появляется даже в официальном юридическом языке (например, Dig. 29. 1. 9. 1; 48. 19. 14; ср.: CPL, 106 = Fink, 15).

¹⁸ *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 104.

¹⁹ *Alföldy G.* Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // *Idem.* Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962–1985. Amsterdam, 1987. S. 27, Anm. 5 (с указанием источников).

²⁰ *Xen.* Oecon. 4. 2–3; *Arist.* Polit. III. 3. 2, 1278a; *Pseudo-Arist.* Oecon. I. 2. 3, 1343b; *Cato.* De agri cult. Praef. 4; *Propert.* IV. 10. 17–20; *Colum.* Praef. 17; *Plut.* Numa. 16; *Maxim. Tyr.* 24. 6 e–f; *Veget.* I. 3; 7. Ср.: *Michel A.* Op. cit.

²¹ Примечательно, что Валерий Максим называет вербовку Марием в войско *capite censi* («отвратительным видом набора») (*fastidiosum delectus genus*) (II. 3 pr.; II. 3. 1). Ср. *Liv.* III. 20. 4: *orificum quoque vulgus et sellularii, minime militiae idoneum genus* («чернь из ремесленников и работников — народ к военной службе никак не годный»). Ср. также: *Dionys. Hal. Ant. Rom.* IV. 21. 1; *Gell.* XVI. 10. 11; *Cic. Resp.* II. 22. 40.

²² См. характерное замечание Тацита в *Ann.* I. 31. 1: *vernacula multitudo... lascivia sueta, laborum intolerans* («городская чернь, привыкшая к разнуданности, испытывающая отвращение к трудам»). Ср.: *Dio Cass.* LVII. 5. 4; *Veget.* I. 7.

²³ Этот тезис развивает Дион Кассий в речи Мечената (LII. 27. 1–5; ср.: LII. 14. 3 и *Liban.* Or. XVIII. 104). См. также: *Dio Cass.* LXXIV. 2. 4–5, где историк констатирует, что после роспуска преторианской гвардии Септимием Севером и набора в когорты пред-

и склонность к военной службе стали рассматриваться как врожденные качества. На это, возможно, указывает пассаж из «Астрономики» Марка Манилия, написанной в первые десятилетия I в. н. э. (IV. 217–229), в котором о людях, родившихся под знаком Скорпиона, говорится как о тех, кто жаждет битв и лагерей Марса и даже мирное время проводит с оружием в руках, любит военные игры и потехи, посвящает досуг изучению военного дела и связанных с оружием искусств. Вряд ли такого рода мнение могло появиться в раннем Риме, в котором практически каждый взрослый мужчина являлся воином.

Сильная морализаторская тенденция и явная антипатия присущи многочисленным высказываниям античных авторов о солдатах времен гражданских войн. Уже у Цицерона и Вергилия солдаты предстают как чужеродные римскому обществу элементы, как деревенщина и варвары со всеми коннотациями грубости, дикости, безбожия²⁴. Для Цицерона, например, воины Помпея, участвовавшие в походе против Митридата, суть «храбрые, но неотесанные солдаты» (Pro Arch. 10. 24), а солдаты Антония, находившиеся в Риме в 44 г. до н. э., — и вовсе настоящие варвары²⁵. В эпоху Империи указания на варварский облик провинциальных легионов становятся действительно общим местом²⁶. Впечатляющую картину рисует Тацит, рассказывая о пребывании солдат Вителлия в Риме (Hist. II. 88): «Одетые в звериные шкуры, с огромными дротами, наводившими ужас на окружающих, они представляли дикое зрелище. Непривычные к городской жизни, они то попадали в самую гущу толпы и никак не могли выбраться, то скользили по мостовой, падали, если кто-нибудь с ними сталкивался, тут же раздражались руганью, лезли в драку и, наконец, хватались за оружие. Даже префекты и трибуны носились по городу во главе вооруженных банд, наводя всюду страх и трепет» (пер. Г. С. Кнабе). Войско флавианцев, взявшее и разграбившее Кремону, Тацит именуется многоязыкой, многоплеменной армией, где перемешались граждане, союзники и чужеземцы, где у каждого были свои желания и своя вера (Hist. III. 33. 2; ср.: II. 37. 4; I. 54. 4)²⁷. У того

ставителей провинциальных легионов италийская молодежь обратилась вместо военной службы к разбоям и гладиаторским боям.

²⁴ Carrié J.-M. Op. cit. P. 130–131. Подробнее см.: Jal P. Le «soldat des guerres civiles»...; *idem*. La guerre civile à Rome... P. 479–486.

²⁵ Phil. II. 42. 108: *Ista vero quae et quanta barbaria est*. Ср.: Phil. VIII. 9: *homines agrestes, si homines illi ac non pecudes* («деревенские мужланы, если они вообще люди, а не скотина»). Ср. также: Cic. Phil. X. 22; Att. VII. 13. 3; Verg. Bucol. I. 7–72; IX. 2; [Verg.] Dirae. I. 80–81.

²⁶ Подробнее см.: Махлаюк А. В. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 123–129.

²⁷ Ср. также: Hist. I. 6. 2, где вступивший в Рим VII Гальбанский легион из Испании и другие отряды, набранные Нероном в Германии, Британии и Иллирии, Тацит называет «невиданным войском», *exercitus insolitus*.

же Тацита преторианцы называют легионеров Вителлия peregrinam et externam (Hist. II. 21. 4), а в речи британского вождя Калгака говорится, что у большинства римских солдат нет родины или она вне Италии (Agr. 32). Дион Кассий укоряет Септимия Севера тем, что он, открыв доступ в гвардию легионерам (имеются в виду главным образом паннонцы, которые для Диона вообще суть воплощение варварства: он называет их *κακοβίωτατοι ἄνθρωποι* — XLIX. 36. 2), наполнил город разношерстной толпой солдат самого дикого вида, с ужасающей речью и грубейшими манерами (LXXIV. 2. 6; ср. SHA. Did. Iul. 6. 5: *barbaros milites*). В основном это были, видимо, те иллирийцы и паннонцы, которых, по словам Геродиана (II. 9. 11), отличали храбрость, телесная крепость, воинственность и кровожадность, но вместе с тем бесхитрость. Для другого позднего автора солдаты уже «почти варвары»; набирать же их в войска побудила распушенность граждан, следствием чего стали порча нравов и подавление свободы (Aur. Vict. Caes. 3. 14; 27. 7). Судя по многим замечаниям в источниках, фактором «варваризации» внешнего облика и нравов римских легионеров был не только набор провинциалов в регулярные части, но и их тесное соприкосновение с населением тех провинций, где они несли службу (Caes. B. Civ. I. 44. 2; III. 110. 2; B. Alex. 53. 5; Lucan. Phars. X. 402–406; Tac. Hist. I. 53; II. 80). Напротив, Плиний Младший, желая похвалить солдат, прибывших с Траяном в Рим, подчеркивает, что они ничем не разнились от городского плебса — ни одеждой, ни спокойствием, ни скромностью (Pan. 23. 3). В отличие от положительной в целом оценки заимствований у варваров военного опыта, вооружения и боевых приемов, варварские черты наружности солдат и офицеров²⁸ вызывают подчеркнута негативную оценку в литературных источниках.

Таким образом, в восприятии античных писателей внешний облик солдат и сама манера их поведения, безусловно, имели знаковый характер²⁹. Все эти высказывания, не лишённые преувеличений, акцентируют прежде всего моральную сторону объективного процесса провинциализации римских легионов, расположенных в постоянных лагерях в приграничных областях Империи, и представляют собой проявление непосредственной реакции современников на ту объективную опас-

²⁸ Ср. особенно: Tac. Hist. II. 20. 1: военачальник Вителлия Цецина у горожан и колонистов Италии вызывал возмущение тем, что одетый, как галл, в длинные штаны и короткий полосатый плащ, он позволял себе разговаривать с людьми, облаченными в тоги.

²⁹ В XVI сатире (XVI. 14 sqq.) Ювенала выразительной деталью, подчеркивающей особый статус и вместе с тем грубость солдата, служит *Bardaicus calceus*, «бардаийский сапог», вид обуви, который носили центурионы и эвокаты. Его название происходит от имени иллирийского племени. См.: *Durry M. Juvénal et les prétoriens // REL. 1935. T. XIII. P. 97 suiv.*; *Courtney E. A Commentary on the Satires of Juvenal. L., 1980. P. 618.*

ность, которая заключалась в постепенном размывании национально-римских основ военной организации и оказывалась особенно грозной в ситуации гражданских войн, когда соперничали провинциальные армейские группировки и создавались благоприятные условия для восстаний самих провинциалов против римского владычества. Современники вполне отдавали себе отчет в этих угрозах. У Тацита и других историков, например, приводится немало фактов, показывающих, что латентные противоречия между римскими и «варварскими» элементами внутри императорской армии могли выливаться в открытые конфликты, в основе которых, несомненно, лежал общий антагонизм между римскими завоевателями и подвластными народами (например, Tac. Hist. II. 66; 88). Особенно драматический характер он приобретал тогда, когда разделял одно и то же семейство, как это было в случае с двумя братьями-херусками Арминием и Флавом (см. замечательную сцену их свидания и диалога у Тацита в Ann. II. 9–10) или в случае с вождем галльского восстания Цивилисом и его племянником Юлием Дигном (Tac. Hist. IV. 70). Сколь бы привлекательные перспективы ни открывались перед галлами, германцами, испанцами и прочими народами при условии их интеграции в римское общество, все равно среди них находились непримиримые ревнители свободы, подобные Арминию, которые никогда не согласились бы даже с положением тех союзных племен, чей пример заставил склониться к отпадению от Цивилиса батавов. Эти племена, как передает Тацит мнение раскаявшихся инсургентов, «не платят податей, с них требуют лишь доблести и солдат, а ведь это и есть почти свобода» (Hist. V. 25. 2).

Тенденциозность литературных источников в освещении вопроса о варваризации, однако, обнаруживается при анализе документальных материалов (в частности, ономастики и указаний на *origo* в эпитафике), которые показывают, что, хотя солдаты легионов принадлежали по своему происхождению к *humiliores*, они, по крайней мере до III в., в массе своей представляли собой элиту плебса, давно романизированные слои провинциалов, и такой состав армии был целью и результатом политики качественного рекрутирования, проводимой императорской властью³⁰. И даже усилившийся в III в. приток варваров в ряды императорской армии отнюдь не имел столь разрушительных последствий, как пытались представить некоторые исследователи, акцентируя в первую очередь негативные последствия эдикта Каракаллы³¹. Более

³⁰ *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 92 suiv; *idem.* La III légion Auguste. P., 1989. P. 492 et suiv.; *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 109–110; *Vendrand-Voyer J.* Normes civique et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 69 et suiv.

³¹ См., например: *Domaszewski A., von.* Geschichte der römischen Kaiser. Leipzig, 1909. Bd. 2. S. 266; 269; *Salmon E. T.* The Roman Army and the desintegration of the Roman

того, даже в конце IV в., когда, по отзывам современников, истинно римская армия уменьшилась почти до нуля и судьба Империи целиком зависела от того, как за нее будут сражаться варвары, римский дух в солдатах еще не исчез полностью³². В подтверждение этого можно сослаться на многие факты, но ограничимся только двумя любопытными свидетельствами Зосима. В первом из них (IV. 31. 1) сообщается, как солдаты из Египта во время прохода через Филадельфию в Лидии встретились с отрядами варваров. В отличие от первых эти варвары предпочитали вместо денег расплачиваться на рынке угрозами и ударами. «Египтяне» же вступились за торговцев и увещевали варваров воздержаться от столь неподобающего поведения, говоря им, что люди, желающие жить по римскому закону, так себя не ведут. В другом эпизоде речь идет об отряде батавов (IV. 9. 2–40). В одной из схваток с германцами батавы оказались виновниками бегства, и император Валентиниан приказал разоружить их и продать как беглых рабов. Батавы же умоляли императора извиниться от такого позора и обещали проявить себя людьми, достойными называться римлянами. И они действительно доказали это, когда, получив прощение, с воодушевлением разгромили в следующем бою неприятелей. Оба эпизода, как представляется, показывают, что престиж римского имени сохранялся в рядах армии на закате Империи даже среди тех, кого трудно считать римлянами.

В целом же рассмотренные свидетельства, при всей их пристрастности и односторонности, верно улавливают и отражают одну из ведущих тенденций в развитии римских вооруженных сил в императорское время, которая, в свою очередь, есть проявление глобального взаимодействия мира варваров и античного общества. Усиленное подчеркивание оппозиции «римское — варварское» применительно к военной организации может, как кажется, свидетельствовать о том, что общественное сознание хотело видеть в армии один из оплотов римского мира, ибо с ней были связаны и величие Рима, и безопасность его границ.

Однако, по мере того как служба в армии превращалась в профессию, римский солдат в общественном мнении все больше предстает как наемник, потенциальный грабитель достояния мирных граждан³³ и соответственно наделяется всеми пороками этого социального типа, столь хорошо известного еще греческой литературе позднеклассическо-

Empire // Transactions of the Royal Society of Canada. 1958. Vol. LII. P. 43–57. Иную точку зрения, см., к примеру: *Vittinghoff F.* Zur angeblichen Barbarisierung des römischen Heeres durch die Verbände der Numeri // *Historia*. 1950. Bd. 1. Hf. 3. S. 389–407.

³² Грант М. Крушение Римской империи / Пер. с англ. Б. Брикмана. М., 1998. С. 49.

³³ Евсеенко Т. П. Армия и общество в Римской империи эпохи раннего принципата // Вестник Удмурт. ун-та. 1992. № 5. С. 19.

го и эллинистического времени³⁴. Корыстолюбие, алчность, жадность до низменных удовольствий, тяга к роскоши и праздности, распущенность и своеволие, наглость и бесчестие — таков стандартный набор этих черт, которые с особенной силой подчеркиваются, когда речь идет об угрозах гражданскому обществу со стороны войска и его вождей, преследующих свои амбициозные цели. Для античных писателей вполне очевидной представлялась причинно-следственная связь между этими пороками, гражданскими смутами и установлением единовластия в Риме. Например, по однозначному заключению Плутарха (Marc. Cor. 14), «мздоимство поразило суды и войска и, поработив оружие деньгам, привело государство к единовластию» (ср.: Plut. Sulla. 12). По его же мнению, события после смерти Нерона доказывают, что «нет ничего страшнее военной силы, одержимой темными и грубыми страстями, когда она стоит у власти» (Galba. 1). Аналогичное мнение высказывает и Геродиан, который пишет (II. 6. 14), допуская явный анахронизм, что после убийства Пертинакса «впервые (!) начали портиться нравы воинов и они научились ненасытно и постыдно стремиться к деньгам», а продажа преторианцами императорской власти Дидию Юлиану с позорного аукциона стала прелюдией к последующим смутам и кровопролитию³⁵.

Указания на распутство, страсть к наслаждениям и деньгам, своеволие (*luxus, voluptas, licentia, lascivia*), продажность явно преобладают в тех характеристиках, которых удостоиваются солдаты в литературных источниках, и эти черты однозначно противопоставляются древней дисциплине, обычаям предков, воинской доблести и чести. «Чести и верности нет у людей на службе военной; / Руки продажны у них: где больше дают, там и право», — восклицает в одном месте Лукан (Phars. X. 407–408; ср.: V. 246–247, а также Aur. Vict. Caes. 26. 6). По словам Тацита (Hist. II. 69), в результате действий Вителлия армия теряла силы в распутстве и наслаждениях, вела себя вопреки старинной дисциплине и установлениям предков, при которых римское государство зиждилось на доблести, а не на богатстве (ср.: Ann. XI. 18. 2; Liv. VII. 25. 9). Чаще всего алчность воинов трактуется как главнейший мотив их поведения. Уже в «золотой век» Республики, вопреки тем старинным порядкам и организованности, которые отличали римское войско при взятии городов и были с восхищением описаны Полибием (X. 16. 2–17. 5), страсть

³⁴ Маринович Л. П. Греческое наемничество в IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 215 сл.; она же. Социальная психология греческих наемников // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конференции. М., 1993. С. 210–221.

³⁵ Геродиан, сообщая ниже о проведенных Септимием Севером преобразованиях в армии, допускает еще один анахронизм, заявляя, что тот *первый* поколебал суровый образ жизни воинов, их дисциплину и научил любви к деньгам, жадности, открыл путь к роскоши (III. 8. 5; ср. мнение Саллюстия о действиях Суллы: Cat. 11. 5–6).

к добыче и грабежу оказывается сильнее приказа и уговоров военачальника, приводит к насилиям, осквернению святилищ и даже убийству собственных товарищей³⁶. Обещание полководцев отдать на разграбление осажденный город становится настолько действенным стимулом для солдат, что они готовы ради наживы забыть об опасностях, усталости, ранах и крови (Tac. Hist. III. 27; 28; V. 11). *Miles impius* — это человек, который всегда наживается преступным путем³⁷, несет разорение мирным жителям как своего отечества, так и чужеземных стран. Он особенно опасен, если его алчность и распущенность поощряются соответствующим поведением командиров³⁸.

Однако если согласиться, что анекдот является своеобразным выражением определенного общественного мнения, то необходимо признать, что присущие солдату корыстолюбие и наглость отнюдь не исключали его храбрость на поле боя. В подтверждение этого можно сослаться на две истории, схожие гротескным заострением парадоксального сочетания отваги и жадности. Первая, рассказанная Федром (в 8-й басне из неизвестных книг), повествует о солдате Помпея Великого. Этот воин, слывший заведомым развратником, осмелился даже ограбить обоз полководца. Приведенный на суд, он столь нагло отпирался от содеянного, что Помпей, пораженный подобной наглостью, изгнал его из войска. Затем, однако, тот же воин вызвался на поединок с неприятелем и лихо его победил, но Помпей, признав его отвагу, припомнил его наглость и не вручил ему заслуженной награды. Вторую историю мы читаем в одном из посланий Горация (Epist. II. 2. 26 sq.). Солдат Лукулла однажды лишился всех своих сбережений, ограбленный во время ночного сна. Разозлившись, он совершил замечательный подвиг: выбил целый гарнизон из богатой и хорошо укрепленной вражеской крепости. За это славное деяние он получил почетные награды и 20 тысяч сестерциев. Когда же командующий стал уговаривать его разрушить еще одну крепость, суля великие награды, воин отказался и ответил: «Тот куда хочешь пойдешь, кто потерял свой пояс». Подобные анекдоты, разумеется, не могут претендовать на фактическую достоверность. Примечательна, однако, подтверждаемая ими общая тенденция источников, даже самых недоброжелательных по отношению к солдатам: среди типичных пороков римского воина очень редко называется трусость. Парадоксальным

³⁶ Liv. XXXVII. 32. 11–13; App. Lib. 115; 127; Sall. Cat. 11. 6; Plut. Ant. 48.

³⁷ [Verg.] Dirae. I. 81: *civili qui semper crimine crevit*. Характерная деталь подчеркивается Аммианом (XXII. 4. 7): благодаря постоянной практике грабежей солдаты сделались прекрасными знатоками качества золота и драгоценных камней. Более ранние авторы также отмечали пристрастие воинов к произведениям искусства, драгоценным сосудам и предметам роскоши (Sall. Cat. 11. 6; Liv. XXXIX. 6. 7–9).

³⁸ Cic. De imp. Cn. Pomp. 37–38; Nepos. Eum. 8. 2; App. Lib. 115; 116; Front. Strat. IV. 1. 1; Tac. Ann. XI. 2. 1; SHA. Aurel. 7. 5–8; Aur. Vict. Caes. 31. 2.

образом жадность и дерзость как типичные характеристики солдат могли восприниматься в неразрывном единстве с храбростью и воинственностью. Так, Квинтилиан, предостерегая судебного оратора от нанесения оскорбления целому сословию, пишет: «Если ты назовешь воинов жадными, прибавь, что нет ничего удивительного, если они считают переносимые ими опасности и проливаемую кровь достойными большего вознаграждения; называя их дерзкими, надо помнить, что они более привыкли к войне, нежели к миру»³⁹.

Следует сказать, что не только опыт гражданских войн питал в обществе страх перед солдатским произволом, выливающимся в грабежи и насилии. И в условиях мира солдаты воспринимались как угроза простым обывателям. Поэтому мнение Аврелия Виктора (Caes. 35. 10) о том, что сдержанность и стыдливость почти незнакомы людям военным, хотя и отражает главным образом впечатления от периода «военной анархии» III в., абсолютно созвучно многочисленным высказываниям античных авторов, как языческих, так и христианских, констатирующих в поведении военных, особенно в отношениях со штатскими, враждебность, высокомерие, надменность, наглость, чувство превосходства, питаемые сознанием своего привилегированного положения и фактически полной безнаказанности⁴⁰. Можно вспомнить о дискуссии между двумя крупнейшими юристами конца Республики и начала Принципата Сервием Сульпицием и Лабеоном, которые, обсуждая обязательственные отношения между землевладельцем и держателем, как на вполне обыденный факт указывали на воровство и грабежи со стороны солдат⁴¹. То, что эти литературные свидетельства в немалой степени отражали реальное положение дел, подтверждается любопытным папирусным документом из Египта, датированным около 133–137 гг. Это — официальное распоряжение префекта Египта М. Петрония Мамертина. До него дошли сведения о том, что многие воины без подтверждения своих полномочий (ἀνευ διπλῆς) ходят по окрестным селениям, требуют сверх должного лодки, ценности, людей, забирая одно для собственной надобности, другое — для того, чтобы снискать благорасположение начальства. В результате их наглости (ὑβρις) обывателям причиняется ущерб, а войско позорит себя алчностью и беззаконием (ἐπὶ πλεονεξία καὶ ἀδικία).

³⁹ Quint. Inst. XI. 1. 88: si cupidos milites dicas, sed non mirum, quod periculorum ac sanguinis maiora sibi deberi praemia putent; eosdem petulantes, sed hoc fieri, quod bellis magis quam paci assueverint.

⁴⁰ Например, см.: Juven. XVI. 7–50; Apul. Met. IX. 39; X. 1; Herod. VII. 12. 3; Tac. Hist. II. 74; Petr. Satyr. 62; 82; Epictet. Diatr. IV. 1. 79; NT: Matth. 27. 26–35; Marc. 15. 15–19; Ioan. 19. 23–24; Luca. 3. 14.

⁴¹ Dig. 19. 2. 15. 2: si exercitus praeteriens per lasciviam aliquid abstulit... («если при прохождении войска что-то похищено вследствие его распушенности...»). Ср.: Dig. 19. 2. 13. 7.

Поэтому префект, грозя строгими карами, категорически предписывает военачальникам и чиновникам не допускать подобные вещи⁴².

Жадность и привычка к роскоши всегда стоят в одном ряду с праздностью и ленью (*otium, contumacia*), являющимися той почвой, на которой произрастают все прочие пороки воинов⁴³. Как подлинное глумление над нормативной суровостью воинской жизни предстают такие атрибуты роскоши и развращенности, как пристрастие к баням⁴⁴, присутствие в лагере женщин, пьянство⁴⁵, развратные песни, мягкие ложа, портики, крытые галереи и изящные сады⁴⁶. Нередко под пером писателей императорского времени вновь оживает бессмертный образ хвастливого воина, «скверного и бессовестного, обмана и разврата преисполненного», «посмешища народного... хвастунишки... кудрявого, напомаженного, распутника всем известного» (*Plaut. Miles. 89–90; 924–925*). Например, легионеры, служившие в Сирии, аттестуются Тацитом как «щеголи и корыстолюбцы», *nitidi et quaestuosi* (*Ann. XIII. 35. 1*), а Фронто добавляет к их портрету такой признак изнеженности, как выщипывание волос на теле (*Ad Verum. II. 1. 22*). Разумеется, и страсть к похвальбе была столь же неотъемлемой чертой солдата⁴⁷, как наглость и грубость.

Что касается солдатской грубости и некоторых других типических морально-психологических черт, то проявлялись они не только в стиле поведения. Ярко и в то же время очень неоднозначно раскрываются они в языке солдат — в армейском жаргоне и фольклоре. Соответствующие образцы этого *sermo castrensis* (или *militaris*) в своей совокупности очень интересны, проливая дополнительный свет на такие штрихи образа римского воина, которые обычно очень бледно представлены в других источниках. Кроме того, солдатский язык, достаточно хорошо изученный с лингвистической и технической сторон⁴⁸, практически не интерпре-

⁴² *Select Pap. II, 221 = Daris, 49*. См. также: *Daris S. Documenti minori dell'esercito romano in Egitto // ANRW. Bd. II. 10.1. 1988. P. 735–736*.

⁴³ *Tac. Ann. I. 16; XIII. 35; Hist. I. 46; II. 62; 93; Sall. B. Jug. 44. 5; Plut. Lucul. 30; Otho. 5; Plin. Pan. 18. 1; Fronto. Ad Verum. II. 1. 22; Veget. III. 4, etc.*

⁴⁴ Ср. *Carrié J.-M. Op. cit. P. 121–122*.

⁴⁵ От этого порока удержать воинов было, по всей видимости, очень непросто. В некоторых ситуациях военачальникам, чтобы обуздать пьянство, приходилось идти даже на столь решительную меру, как смертная казнь (*Liban. Or. XVIII. 221*). Если верить словам биографа императора Тацита (*SHA. Tac. 2. 4*), нетрезвое состояние солдат тем более опасно, что оно делает их неспособными здраво мыслить, приводит в возбуждение и позволяет легко ввести в заблуждение, склонить к опрометчивым действиям. Ср.: *Tac. Hist. I. 80. 2* о воинах: *ignari et vino graves*.

⁴⁶ *Tac. Hist. II. 68; Fronto. Princ. hist. 12; Herod. II. 5. 1; SHA. Pesc. Nig. 3. 9–10; Alex. Sev. 53. 2; 7; Hadr. 10. 4; Amm. Marc. XXII. 4. 6; XXII. 12. 6*.

⁴⁷ *Tac. Agr. 25; Ann. II. 24; Hist. II. 74; cp.: Sall. B. Jug. 53. 8; Plut. Alex. 23*.

⁴⁸ Обзор литературы см.: *Mosci Sassi M. G. II «sermo castrensis»*. Bologna, 1983. P. 23–25, а также: *Adams J. N. The Language of Vindolanda Writing Tablets: An Interim Report // JRS. 1995. Vol. 85. P. 86–87*.

тировался с точки зрения отображения в нем существенных черт воинской ментальности⁴⁹. Если говорить об общей стилистической окраске солдатского арго и самой речевой манере военных людей, то здесь обнаруживается явная корреляция с теми нелестными отзывами, которых удостоивалась воинская масса в литературных текстах. Речь военных характеризуется как *sermo vulgaris, lingua rudis* (Hieron. Epist. 64. 11; Liv. II. 56. 8; Tac. Hist. II. 74). Вместе с тем в источниках отмечаются и такие ее черты, как простота и весомость (*oratio incompta... militariter gravis* — Liv. IV. 41. 1; ср.: Tac. Hist. II. 80), грубоватое остроумие (*iocositas* — Petr. Sat. 82; ср.: Liv. III. 29. 5; V. 49. 7; VII. 17. 5), вольность (*inconditi versus militari licentia* — Liv. IV. 53. 11; ср.: XXIV. 16. 14), образность⁵⁰. К этим характеристикам нужно добавить и другие, сближающие *sermo militaris* с народным регистром языка: стремление к экспрессивной силе и краткости, вкус к иронии и юмору, подчас весьма едкому, игре слов, гротескной деформации и созданию неологизмов⁵¹. Кроме того, обращает на себя внимание открытость солдатской латыни иноязычным заимствованиям⁵².

Вольность солдатской речи в полном блеске проявлялась в узаконенном древнейшим обычаем подшучивании воинов над своим полководцем во время триумфа (Liv. III. 29. 5; VII. 10. 13). Широко известны цитируемые Светонием куплеты, в которых солдаты острословят по поводу любовных походов Цезаря (Div. Iul. 49. 4; 51), призывая столичных обывателей беречь своих жен от «лысого развратника» (*moechus calvus*) и припоминая его связь с Никомедом. В последнем случае, кстати сказать, обыгрывается эротическое значение глагола *subigere* — «подчинять», «покорять». Плиний Старший (NH. XIX. 144) добавляет, что воины подтрунивали и над скупостью своего императора, укоризненно напоминая в шуточных стихах, что под Диррахием они питались дикой горчицей: *lapsana se vixisse* (поговорочное выражение,

⁴⁹ В литературе имеются лишь отдельные, попутные замечания по данной проблеме. См.: *Le Bohec Y. L'armée romaine... P. 248; Carrié J.-M. Op. cit. P. 131 sgg.* Исключение составляет лишь недавняя работа Дж. Н. Адамса, посвященная оценке культурного уровня центурионов на основе социолингвистического анализа двух известных стихотворных надписей из Бу Нджем в Триполитании. Подробное изучение языковых и стилистических особенностей этих текстов позволило автору сформулировать ряд интересных наблюдений и выводов о духовном облике римских центурионов, но собственно солдатский язык как выражение специфической ментальности в данной статье не рассматривается. См.: *Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // JRS. 1999. Vol. 89. P. 109–134.*

⁵⁰ Например, вершина клинообразного строя, *cuneus*, именовалась «свиной головой» (*caput porci simplicitas militaris appellat*) (*Amm. Marc. XVII. 3. 9; ср.: Veget. III. 19: porcinum*).

⁵¹ *Carrié J.-M. Op. cit. P. 131; Mosci Sassi M. G. Op. cit. P. 28.*

⁵² *Le Bohec Y. Op. cit. P. 248.* В числе подобного рода заимствований можно, например, указать, германское слово *burgus*, пунийское *palatia*, «шатер», «лачуга», «палатка», а также слово неясного происхождения *barritus*, «боевой клич».

означающее «жить в крайней нужде»). Традиция триумфальных насмешек сохранялась на протяжении столетий. Солдатские песни, звучащие на триумфе Аврелиана, заставляют вспомнить хвастливого воина с его грандиозными подвигами в битвах и застольях. В этих куплетах воины похваляются тысячами убитых врагов и призывают своего императора выпить столько же вина, сколько он пролил вражеской крови (SHA. Aurel. 7. 2; 6. 4)⁵³. Иной мотив, можно сказать, элемент политической сатиры звучит в песнях, исполнявшихся во время триумфа консулов Лепида и Мунация Планка. Зная, что оба они включили в проскрипционный список родных братьев, воины распевали: *De Germanis, non de Gallis duo triumphant consules* (Vell. Pat. II. 67. 3–4), обыгрывая значение слова *germanus* — «германец» и «родной брат». Не менее замечательную, хотя и без всякого политического подтекста, игру слов обнаруживает прозвище, которое в лагере, будучи еще новобранцем, получил от солдат Тиберий за пристрастие к вину, — *Viberius Caldus Mero* (Suet. Tib. 42. 1; [Aur. Vict.] Epit. 2. 2). Здесь полное имя преемника Августа, Тиберий Клавдий Нерон, переименовывается на основе слов *bibere* — «пить», *caldus* — «горячий», *merum* — «неразбавленное вино».

Сущность солдатского остроумия раскрывается и в других интересных свидетельствах. Так, смесью иронии и ненависти отличается знаменитое прозвище скорого на расправу центуриона Луциллия — «Давай другую!», *Cedo alteram*, которое он получил за обыкновение, сломав о спину солдата одну розгу (точнее, *vitis* — центурионский жезл), тут же громко требовать другую (Tac. Ann. I. 23. 3)⁵⁴. Напротив, грубым цинизмом веет от употреблявшегося среди военных в значении «убивать» эвфемизма *allevare* (дословно «облегчать, успокаивать, усыплять») (August. Quaest. hept. 7. 56). Возможно, в качестве эвфемизма, с оттенком иронии, вошло в употребление среди солдат и слово *clavarium*, образованное, вероятно по аналогии с *salarium* («соляной паек», впоследствии термин для жалованья чиновникам), от *clavus*, «гвоздь». Термин *clavarium* встречается только однажды у Тацита (Hist. III. 50. 3), причем в контексте солдатского мятежа с пояснением самого историка (или, скорее, глоссатора): *donativi nomen est* («так называют императорский подарок»). Поэтому едва ли можно считать это слово просто обозначением выплат на починку обуви, как указывает Г. С. Кнабе в комментарии к русскому переводу Тацита⁵⁵. В ряду подобного рода неологизмов,

⁵³ Я принимаю чтение *bibat*, а не *vivat*, как в русском переводе С. П. Кондратьева.

⁵⁴ Ср. прозвище, полученное Аврелианом, когда он был еще трибуном, *Manu ad ferrum* (в самом приблизительном переводе — «рубака») за то, что любил по всякому поводу хвататься за меч (SHA. Aurel. 6. 1–2).

⁵⁵ Кнабе Г. С. Комментарий к истории // Тацит, Корнелий. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 281.

указывающих на реалии армейского быта, следует упомянуть термин *stellatura*, образованный от *stello*, «звездчатая ящерица»⁵⁶, в переносном смысле «хитрец, мошенник, пройдоха». В армейском обиходе стеллатурой называли мошенническое удержание офицерами солдатского пайка или жалованья (SHA. Alex. Sev. 15. 5; Pesc. Nig. 3. 8). Семантика некоторых других терминов также с достаточной определенностью может свидетельствовать о том, какое поведение считалось неподобающим с точки зрения истинно воинских ценностей. Известно, в частности, слово *bucellarius* (от *bu(c)cella*, «кусочек»), или *bucellatum*, «солдатский пайковой хлеб»), т. е. «нахлебник», «кусошник». Так называли солдат (или, возможно, обозных слуг, *galearii, assec(u)lae* — Gloss. IV. 474, 38; V. 458, 22), которые находились в услужении у своего покровителя и занимали привилегированное положение по сравнению с простыми *milites*, несшими все тяготы службы. Еще большим презрением, судя по слову *turturilla*, «горlinka» (уменьшительное к *turtur*) и контексту его упоминания в одном из писем Сенеки⁵⁷, пользовались те, кто добивался освобождения от трудов и опасностей, становясь объектом разврата⁵⁸.

За презрительными наименованиями подобного рода стоят, очевидно, определенные позитивные ценности, разделяемые основной массой солдат. Для настоящих воинов стойкость в лишениях и опасностях военной службы, видимо, не была пустым звуком. Примечательно, что и к строгости военачальника они могли отнестись с подобающим юмором. Укажем в качестве примера на тот стишок, который пошел по лагерю, едва только Гальба, назначенный легатом Верхней Германии на место Гетулика, продемонстрировал дисциплинарную суровость: «Это Гальба, не Гетулик: привыкай солдат служить!» (пер. М. Л. Гаспарова)⁵⁹. Правда, в раздражении и гневе острые на язык солдаты могли не пощадить и самого императора, как это было, например, с Юлианом, которого воины, осыпая бранью из-за отсутствия продовольствия, называли изнеженным азиатом, гречонком, обманщиком, дураком под видом философа (Amm. Marc. XVII. 9. 3). Возможно, что из солдатского языка было заимствовано и прозвище *litterio*, «учителишка, пустомеля», которое использовано в остротах, распространявшихся в адрес того же

⁵⁶ Название, происходящее, в свою очередь, от *stella*, «звезда». См.: *Ovid. Met.* V. 460–461; Gloss. V. 557, 36.

⁵⁷ *Epist.* XCVI. 5: «... кто не знает покоя, кто идет вверх и вниз по трудным кручам, кто совершает опасные вылазки, — те храбрые мужи, первые в стане (*fortes viri sunt primoresque castrorum*), а те, кого нежит постыдный покой, откуда другие трудятся, — те голубки, позором избавленные от опасности (*turturillae, tuti contumeliae causa*)» (пер. С. А. Ошерова).

⁵⁸ В глоссариях *turtur* отождествляется с *penis* (Gloss. Cod. Vat. 1469; *Ibid.* (Scal.). V. 612, 42).

⁵⁹ *Disce, miles, militare: Galba est, non Getulicus!* (*Suet. Galba.* 6. 2; [*Aur. Vict.*] *Epit.* 6. 3).

Юлиана при дворе Констанция (ibid. 17. 11. 1): это слово, по свидетельству Августина (Epist. 118. 26), относится к солдатской лексике.

Необходимо подчеркнуть, что армия была специфическим сообществом, в котором существовали особые социальные связи и ценности. Среди них, как мы увидим ниже (гл. VI), первостепенное значение имела приверженность узам воинского товарищества, что вполне определенным образом фиксируется и в языке. Так, Плиний Старший (NH. Praef. 1) сохранил лагерное словечко (*hoc castrense verbum*) *conterraneus*, «земляк», по поводу которого еще В. Герейс в рецензии на работу Й. Кемпфа заметил, что распространенность в военной среде слов с приставкой *con-* определенно указывает на значение товарищеских связей среди воинов⁶⁰. Такая лексика, действительно, исключительно многочисленна и разнообразно представлена как в эпиграфике, так и в литературных текстах: *commilito*, *coarmio*, *commiles*, *commanipularis*, *contiro*, *conturbenalis*, *commanuculus*, *conturmalis*, *conveteranus* и т. д. Отметим также, что приверженность военных людей к ценностям своей профессии находила отражение и в ономастике: видимо, не случайно среди военнотружущих пользовались популярностью такие имена, как *Adiutor*, *Celer*, *Repentinus*, *Bellicus*, *Bellicianus*, *Victor*, *Praetorianus* и т. п.⁶¹ В качестве примера сошлемся на надгробную надпись из Паннонии, датированную началом III в., которую сделали два брата на саркофаге своих родителей. Первого, служившего в качестве консулярского бенефициария во II Вспомогательном легионе, звали *L. Antistius Bellicus*, а второго, также занимавшего одну из канцелярских должностей, — *L. Antistius Bellicianus*, так же как и их отца, который служил в *legio I Adiutrix*⁶². В надписи из Регенсбурга (*Castra Regina*) упомянуты отец, ветеран из всадников III Итальянского легиона по имени Марк Аврелий Милиций, и его сын, носивший когномен *Militaris* (CIL III 5955). Правда, в надписи из *Celeia* (CIL III 15205 = AIJ, 82) один из двух братьев Тибериев Юлиев, декуршон *alae II Asturum*, имеет когномен *Bellicus*, тогда как второй — *Civis*.

Можно предположить, что подобные когномены выбирались вполне сознательно, правда, далеко не всегда самими их носителями или даже родителями последних. Дело в том, что провинциалы, не имевшие римского гражданства и наделявшиеся им при поступлении в легионы, получали вместе с тем и римские *tria nomina*, а выбор последних, по всей видимости, зависел обычно от военных чиновников, занимавших-

⁶⁰ *Heraeus W.* Die römische Soldatensprache // Archiv für lateinische Lexikon. 1900. Bd. 12 (цит. по: *Mosci Sassi M.* G. Op. cit. P. 130).

⁶¹ *Alföldy G.* Op. cit. S. 40. Anm. 53.

⁶² CBI, 325. Об этой надписи см.: *Nelis-Clément J.* Les *beneficiarii*: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s. a. C. — VIe s. p. C.). Bordeaux, 2000. P. 303.

ся соответствующим оформлением рекрутов. Некоторые армейские бюрократы в этом деле, вероятно, даже позволяли себе немного позабавиться, чтобы, проявив своеобразную фантазию, избежать досадной омонимии. На это обстоятельство обратил внимание Р. Ребуффа, анализируя ономастику солдат, несших службу в начале III в. в небольшом гарнизоне Голая в Триполитании. Среди солдат (многие из которых были местного или восточного происхождения) нередки «республиканские» имена: Эмилий, Цецилий, Корнелий, Фабий, Манлий, Помпей, Октавий. Некоторые имена представляют собой любопытные комбинации, объединяющие славные имена прошлого, как, например, Эмилий Фламинин, Корнелий Аннибал или даже Туллий Ромул: в первом случае контаминируются имена двух известных героев республиканского прошлого, во втором — имена полководцев двух противоборствующих сторон II Пунической войны, а в третьем — двух римских царей⁶³.

Разумеется, суровый армейский быт обуславливал особые оттенки речевого обихода воинов, который был плебейски груб и бесконечно далек от рафинированной *urbanitas*, изобилуя ненормативной лексикой и непристойными выражениями. Не останавливаясь подробно на этой стороне *sermo castrensis*, обратим внимание только на один факт. Как показывают надписи на свинцовых пулях для пращи (*glandes*) из Перузии, сделанные во время войны Октавиана с Луцием Антонием (41–40 гг. до н. э.), солдаты в соответствующих понятиях выражали свое отношение к противникам, откликаясь таким специфическим образом на пропагандистские усилия своих вождей. Так, солдаты Антония сопровождают свои снаряды надписью: *pet(o) Octavia(ni) culum* («ищу Октавианов зад») (CIL I 682 = XI 6721, 7), а надпись их противников призывает Луция Антония, поименованного «лысым»⁶⁴, и Фульвию (жену Марка Антония) приготовить соответствующую часть тела⁶⁵. Другие надписи еще более красноречивы по своему откровенному непристойно-эротическому содержанию⁶⁶. Не требуется особого вообра-

⁶³ *Rebuffat R. L'armée romaine à Gholafia // KHG. P. 233.*

⁶⁴ Прозвище *calvus* фигурирует и в других надписях. Например, CIL I. 685 = XI. 6721, 13: *L. Antoni calve peristi C. Caesarus victoria* («Лысый Л. Антоний, ты погиб. Победа Г. Цезаря»).

⁶⁵ CIL I 684 = XI 6721, 14: *L(uci) A(ntoni) (et) Fulvia culum pan(dite)*. Последний глагол в данном контексте имеет весьма непристойный смысл.

⁶⁶ CIL XI 6721, 11: *Octavi laxe sede*. Эта надпись сопровождается изображением *phallus*'а, что придает и глаголу *sedere* и эпитету *laxus* очевидный эротический смысл, независимо от предлагаемых вариантов чтения: *Octavi laxe (phallus) sede* (С. Zangemeister) или *laxe Octavi, sede* (А. Degrassi). См.: *Mosci Sassi M. G. Op. cit. P. 102. CIL I 1507 = XI 6721, 5: Fulviae <la>ndicam pet(o)*. Редкое словечко *landica* (в самом приблизительном переводе — «жаровня»), несомненно, принадлежит к эротической лексике (*Mosci Sassi M. G. Op. cit. P. 101–102*).

жения, чтобы по этим случайным свидетельствам представить себе всю очную палитру устной солдатской латыни.

Ясно, что римский солдат говорил языком отнюдь не изысканным, но образным и метким; подчас циничным, но выразительным. Римские легионеры были склонны к бахвальству и малопрстойному юмору, но в то же время не были темной, замуштрованной массой и ценили вольное, острое слово не меньше, чем, скажем, наполеоновские солдаты⁶⁷. Они жили в лагерях и походах, не понаслышке зная все суровые реалии армейской службы, но, по большому счету, принимали эту суровость, презирая неженку, пройдох и умников, высоко ценя те узы, что связывали их с соратниками и императором, к которому они могли иногда обратиться панибратски.

Не следует, впрочем, представлять себе римских военных людьми, абсолютно чуждыми всякой культуре и образованности. Очевидно, что сама армия императорского времени не была интеллектуальной и культурной пустыней⁶⁸ и не только вырабатывала свою собственную специфическую культуру, но и впитывала — по крайней мере в лице отдельных своих представителей — высокие культурные достижения римского общества. В подтверждение этого можно сослаться на стихотворные надписи двух центурионов из Бу Нджем и те выводы, к которым пришел на основе их анализа Дж. Адамс⁶⁹. Из разных источников хорошо также известно, что многие центурионы и ветераны стремились дать своим сыновьям добротное образование (Horat. Sat. I. 6. 70–75). В надгробной надписи первой половины III в. н. э. из Анкары о сыне ветерана, носившем характерное имя Castrensis и умершем в возрасте 13 лет, говорится, что он был украшен всевозможным изяществом, умом и образованностью (παίδεια) (AE. 1981, 784). В одном из писем на папирусе II в. молодой солдат благодарит своего отца за то, что тот дал ему хорошее образование (ὅτι με ἐπαίδευσας καλῶς), что позволяет ему надеяться на быстрое повышение⁷⁰. Отмечено также, что среди военных была мода давать своим детям имена литературных героев,

⁶⁷ См.: Пижар А. Жаргон Великой армии // Император. Военно-исторический альманах. Наполеоновская Ассоциация Украины. 1994. Вып. 1. С. 3–13; Вып. 2. С. 61–64.

⁶⁸ Carrié J.-M. Op. cit. P. 134.

⁶⁹ Adams J. N. The Poets of Bu Njem... По его заключению, несмотря на различия в уровне культуры между двумя центурионами (что, вероятно, связано с их различным происхождением) и существенные погрешности против правильной латыни и метрики, проявляющиеся в их стихотворных текстах, сам факт литературного творчества и знакомства с поэтической классикой весьма красноречив. Ср.: Rebuffat R. Op. cit. P. 243–244. Можно добавить, что и тексты на табличках из Виндоланды обнаруживают в целом достаточно высокий культурный уровень солдат и офицеров, служивших в этом гарнизоне. См.: Adams J. N. The Language of Vindolanda... P. 88.

⁷⁰ Sel. Pap. I, 112 = BGu. II, 423 = Wilken. Chrestom., 480.

особенно из поэм Вергилия⁷¹. В биографии Кара, Карина и Нумериана автор, говоря об убийстве Диоклетианом префекта претории Апра, ссылается на рассказ своего деда о том, что Диоклетиан, поразив Апра, процитировал стих из «Энеиды». «Меня, — добавляет автор, — удивляет такой рассказ о военном человеке, хотя я знаю, что очень многие военные употребляют греческие и латинские выражения комических и таких поэтов... и сами авторы комедий, выводя на сцену воинов, заставляют их употреблять старинные изречения» (SHA. Car., Carin., Numer. 13. 3–5). Свидетельство, хотя и принадлежит отнюдь не авторитетному писателю, довольно любопытное, парадоксальным образом контрастирующее почти со всем, что говорится о культурном облике военных в литературных источниках. В данном случае показательно, однако, то, что известная литературная образованность не считалась чем-то в принципе чуждым для людей военных, даже в достаточно поздние времена. Конечно, анализ солдатского языка в немалой степени подтверждает репутацию легионеров как людей малообразованных и грубых. Вполне естественно, что сравнительно высокий уровень образованности — явление редкое в армейской среде. Но если учитывать всю совокупность рассмотренных фактов и все, что известно о романизаторской роли армии в провинциях, то практически единодушное умолчание античных писателей о культурном потенциале армии становится еще одним знаком высокомерно-предвзятого отношения образованных кругов общества к людям военной профессии.

Фактически такое же отношение обнаруживается и в постоянном подчеркивании присущих воинам бесхитростности, простодушия и склонности к суевериям. Солдатское простодушие отмечено не только в ряде занятых эпизодов⁷² и прямых высказываний⁷³. *Simplicitas militum* (простота, неведение, неопытность воинов) даже официально признавалась в императорских указах как основание для того, чтобы разрешить солдатам делать завещание без положенных формальностей, и как изви-

⁷¹ *Le Bohec Y. L'armée romaine...* P. 249 со ссылкой на работу: *Vidmann L. Les héros virgiliens et les inscriptions latines // AncSoc. 1971. Vol. II. P. 162–173.*

⁷² В качестве примера можно указать на случай в войске Помпея, переправившегося в Африку по приказу Суллы. Какие-то его солдаты случайно наткнулись на богатый клад. Узнав об этом, остальные воины решили, что вся эта местность полна кладов, и несколько дней перекапывали всю равнину, не подчиняясь уговорам военачальника, которому оставалось только посмеиваться над их глупостью (*Plut. Pomp. 11*).

⁷³ См., например, *Horat. (Epist. II. 2. 39)* об одном солдате Лукулла: *ille catus, quantumvis rusticus; Tac. Ann. I. 16. 3: imperiti* (ср.: *Agr. 9. 2*); *Ann. I. 31. 4: rudes animi; Herod. II. 9. 11* (об иллирийских легионерах): *τὰς διάνοιας παχεῖς καὶ μὴ ῥαδίως σύνειναι δυναμένοι, εἴ τι μετὰ πανουργίας ἢ δόλου λέγοιτο ἢ πράττοι-το* («туповатые и неспособные легко понять, если что-то говорится или делается с хитростью или коварством»).

нительное обстоятельство в некоторых других правовых случаях (Gai. Inst. II. 109; 114; 163)⁷⁴.

Простодушно глубокая вера солдат в предзнаменования, в качестве которых часто истолковывались обычные природные феномены, может быть проиллюстрирована многочисленными примерами. Такой «порыв суеверия» (*objectae religionis* — Caes. B. civ. III. 72. 4) способен был в корне изменить настроение войска, вызвать у солдат совершенно неожиданную реакцию. Так, огонь, внезапно засиявший на голове Луция Марция (римского всадника, взявшего на себя командование римскими войсками в Испании после гибели Публия и Гнея Сципионов), поверг воинов в трепет, но само это знамение побудило их вновь обрести прежнюю храбрость (Val. Max. I. 6. 2). Удары молний и скрытые роем пчел военные значки, как свидетельство воли Юпитера, вселили уныние и страх в воинов Помпея после сражения при Диррахии (*ibid.* I. 6. 12). Солдаты Брута и Кассия перед битвой при Филиппах в порыве суеверия зарубили эфиопа, попавшегося навстречу выходявшему из лагеря знаменосцу, сочтя это дурной приметой (Plut. Brut. 48; App. B. C. IV. 134). Легат Далмации Фурий Камилл Скрибониан, попытавшийся поднять мятеж в правление Клавдия, был убит legionерами, которых раскатысь в нарушении присяги заставило чудо: перед выступлением в поход они не смогли ни увенчать своих орлов, ни сдвинуть их и свои значки с места (Suet. Claud. 13. 2; ср.: Val. Max. I. 6. 11). Исчезновение луны в результате затмения взбунтовавшиеся легионы в Паннонии сочли знаком небесного гнева на свое мятежное поведение и вновь вернулись к повиновению (Tac. Ann. I. 28; 30; Dio Cass. LVII. 4. 4). Лунное затмение повергает в смятение и солдат Вителлия во время сражения при Бедриаке (Dio Cass. LXIV. 11. 1). Подобного рода примеры нетрудно умножить⁷⁵. Ясно, однако, что такие эпизоды, с точки зрения античных писателей, свидетельствуют не в пользу высокого интеллектуального уровня солдатской массы⁷⁶. Вместе с тем, на наш взгляд, их можно рассматривать

⁷⁴ Ср.: Cod. Iust. I. 18. 1: *propter simplicitatem armatae militiae*; VI. 21. 3: *simplicitas militaris*. Любопытно, что Юстиниан, упоминая в одном месте о привилегиях, предоставленных императором Гордианом солдатам в отношении завещаний, подчеркивает, что «священнейший законодатель полагал, что воинам оружие известно лучше, чем вопросы права» (*arma etenim magis, quam iura scire milites sacratissimus legislator existimavit*) (Cod. Iust. VI. 30. 22 pr.). См. также: Dig. 29. 1. 1 pr.; 22. 6. 9. 1

⁷⁵ Как исключительный случай вошел в традицию эпизод македонской кампании Эмилия Павла. Его легат Г. Сульпиций Галл поразил воинов «почти что божественной мудростью», заранее объявив на сходке о предстоящем ночью лунном затмении и указав на его естественные причины (*Liv.* XLIV. 37. 5–8; *Val. Max.* VIII. 11. 1; *Cic. De senec.* 14. 49; *Resp.* I. 15. 23; *Quint.* Inst. I. 10. 47; *Plin.* NH. II. 12. 53; *Front. Strat.* I. 12. 8; *Plut. Aem. Paul.* 17).

⁷⁶ Ср.: *Kajanto I. Op. cit.* P. 710.

и как указание на глубокую, хотя и своеобразную, религиозность солдат, которая, помимо прочего, непосредственно обуславливала форму их эмоциональных реакций и нередко использовалась полководцами в своих интересах.

Однако, когда речь заходит о солдатских мятежах и военных переворотах, нейтральный тон и высокомерное презрение к рядовому солдату сменяются инвективным пафосом и негодованием, замешанном на отнюдь не беспричинном страхе. Эти чувства и интонации не удивительны, ибо нигде столь концентрированно не проявляется порочная природа профессиональных солдат, ни в чем столь решительно не извращается самая сущность и предназначение армии, как в солдатском бунте. В этой ситуации войско действительно превращалось в непосредственную угрозу для тех, кому оно должно было служить опорой и защитой — для государства и сограждан. Не удивительно также, что причины и смысл подобного рода событий трактуются почти исключительно в моральной плоскости⁷⁷. Склонность к мятежам изображается как органическая черта основной массы солдат в ряду других ее пороков. Стоит только ослабнуть скрепам военной дисциплины и чинопочитания — и эти пороки выплескиваются неудержимым потоком, войско превращается в неуправляемую яростную толпу, полностью соответствующую той классической характеристике, которая дана Саллюстием: «... как бывает в большинстве случаев, толпа... переменчива, склонна к мятежам и раздорам, устремлена к переворотам, враждебна спокойствию и миру»⁷⁸. Хотя у Саллюстия в данном пассаже речь идет не о войске, его характеристика даже лексически совпадает с тем, что говорится в наших источниках о вышедших из повиновения солдатах. Особенно созвучна она высказываниям Тацита, известного своим крайне отрицательным отношением к *vulgus*⁷⁹. Именно у Тацита мятежные солдаты неоднократно прямо именуется *vulgus* в сочетании с пейоративными эпитетами. Солдатская «чернь», по Тациту, «всегда подвержена внезапным переменам настроения» (*mutabile subitis* — *Hist. I. 69*; ср.: *Dio Cass.*

⁷⁷ Характерно, что Тацит, приступая к рассказу о волнениях в паннонских и германских легионах после смерти Августа, в качестве главной причины мятежа указывает на то, что смена власти открывала путь к своеволию и беспорядкам, порождала надежду на добычу в междоусобной войне, однако ниже в устах одного из зачинщиков, солдата Перценния, аттестованного крайне отрицательно, излагаются вполне реальные причины недовольства солдат (*Ann. I. 16–17*). Ср.: *Auerbach E. Op. cit. P. 34.*

⁷⁸ *V. Iug. 66. 2: ...vulgus, uti plerumque solet... ingenio mobili, seditiosum atque discordiosum... cupidum novarum rerum, quieti et otio adversum.*

⁷⁹ См.: *Карпюк С. Г. Vulgus et turba: толпа в классическом Риме // ВДИ. 1997. № 4. С. 131–132. Ср.: Newbold R. F. The vulgus in Tacitus // *RhM. 1976. Bd. 119. Hf. 1. P. 85–92.* Специально о характеристике Тацитом солдатской массы как *vulgus* см.: *Kajanto I. Op. cit. P. 706 ff.**

LXIV. 10. 4), жаждет беспорядков⁸⁰, без руководителя она всегда безрас- судна, труслива и тупа (*praeceps pavidum socors* — Hist. IV. 37; ср.: Ann. I. 55. 2), лишена благоразумия (Hist. II. 37)⁸¹; ни в чем не знает середины (*nihil in vulgo modicus* — Ann. I. 22. 3), в веселье так же необузданна (*immodicum*), как и в ярости (Hist. II. 29). Аналогичные характеристики, окрашенные не меньшим негодованием, мы находим и у других авто- ров. Например, Валерий Максим, рассказывая об убийстве солдатами легата Суллы Авла Альбина (89 г. до н. э.), подчеркивает ужасную опро- метчивость воинов (*exsecrabilis militum temeritas*), убивших военачаль- ника из-за бессмысленных подозрений (IX. 8. 3)⁸². В другом месте (IX. 7. 3) Валерий пишет о нечестивой жестокости войска (*exercitus nefarie violentus*), низких и отвратительных нравах солдат (*pravos ac tetros mores*), убивших Гая Карбона, пытавшегося укрепить расшатанную во время гражданской войны дисциплину. Поздний автор имеет основа- ние заявить о привычке воинов создавать себе императоров в результате беспорядочного решения, *tumultuario iudicio* (SHA. Alex. Sev. 1. 6). Как и всякая толпа, мятежное войско весьма подвержено влиянию демагогов, разжигающих недовольство и склоняющих большинство к измене или неповиновению⁸³. Надежды на безнаказанность особенно возростали в условиях гражданской войны, когда «солдатам позволено больше, чем полководцам», когда рядовые воины могли перейти на сторону против- ника, «подобно тому как меняют хозяев легкомысленные слуги» (App. V. C. IV. 123; ср.: Tac. Hist. I. 51; III. 31).

Структура и семантика солдатского мятежа в Римской империи, без- условно, заслуживают отдельного, более пристального рассмотрения, которое будет осуществлено нами ниже при анализе вопроса о характе- ре и формах участия армии в политических процессах (см. гл. VIII). Для нас же важно пока подчеркнуть, что даже в изображении некоторыми античными авторами подобных критических моментов эксплицитно и имплицитно присутствует иной морально-психологический тип по- ведения. Реальное его наличие засвидетельствовано, в частности, упо- минанием у Тацита *optimus quisque miles*, т. е. лучшей части воинов, противостоящей зачинщикам бунта и колеблющейся массе. Даже не фигурируя непосредственно в тех или иных эпизодах повествования,

⁸⁰ Tac. Hist. I. 80: *vulgus, ut mos est, cuiuscumque motus novi cupidum...* Cp. I. 6: *ingens novis rebus materia* («вся эта масса, склонная к мятежу»).

⁸¹ Ср.: Cic. Planc. 9: *non est... consilium in vulgo, non ratio, non discrimen, non dili- gentia*.

⁸² По другим сведениям, Альбин был убит из-за невыносимо надменного отношения к солдатам (*Oros. V. 18. 4*).

⁸³ Kajanto I. Op. cit. P. 706. См.: Махлаюк А. В. Аuctor seditionis. К характеристике военного мятежа в Древнем Риме // Право в средневековом мире. Сб. ст. СПб., 2001. Вып. 2–3. С. 290–308.

этот *optimus miles* всегда присутствует как некий имплицитно подразумеваемый полюс, в противопоставлении которому порочность негодного воина только и может быть выявлена и заострена как определенная антиценность, враждебная как гражданскому обществу и аристократическим идеалам, так и нормативной воинской этике. История последней не сводится только к бунтам и узурпациям. Во многих эпизодах военной истории императорского времени обнаруживается совпадение эталонной парадигмы воинского поведения с реальными поступками и подвигами римских солдат. На этих позитивно-ценностных моментах, образующих другую ипостась образа римского воина, в их корреляции с профессионально-корпоративными аспектами солдатской ментальности мы и сосредоточим внимание в последующем изложении.

Наблюдения же, сделанные в данном параграфе, можно резюмировать следующим образом. В литературных текстах позднереспубликанского и императорского времени достаточно четко акцентируется нарастающее обособление и даже отчуждение профессионального войска от остального общества. Римский солдат по своим специфическим интересам и ценностям, все более варваризирующемуся внешнему облику и нравам предстает как фигура чужеродная и антипатичная прежде всего интеллектуальной элите римского общества. Закономерно поэтому, что обобщенный портрет рядового солдата малопривлекателен: в его морально-психологической характеристике превалирует топика пороков, обусловленных, по мысли античных писателей, его низкородным социальным происхождением и наемническим, по существу, статусом. Литературно-риторическая традиция трактует эти пороки как первичную мотивацию поведения солдатской массы, не смущаясь анахронизмами и фактически отождествляя эту массу с мятежной и своевольной «чернью». Такого рода оценки, без сомнения, имеют под собой эмпирические основания, но показательны они не столько с точки зрения их соответствия реальным фактам, сколько как указание на те пределы, в которых социальные и моральные качества римского воина мыслились как типические, общественно и идеологически значимые. Важно подчеркнуть, что приведенные характеристики почти полностью относятся к простым воинам, действующим в условиях гражданской войны или мятежа, в столкновении с обществом или своим командованием и властью. Поэтому совершенно прав Р. Алстон, который остроумно заметил, что доверять оценкам античных писателей, описывающих пороки и преступления солдат, — это все равно что использовать бульварные газеты для суждения о состоянии преступности и сексуальных нравов современного британского общества⁸⁴.

⁸⁴ *Alston R. Aspects of Roman history, A. D. 14–117. L., 1998. P. 271.*

Совсем иным предстает рядовой римский солдат там, где он действует в согласии со своими командирами, сражаясь против внешних врагов. Иной социально-психологический тип римского военного человека представляют собой центурионы, составявшие оплот и своего рода эталон истинно римских воинских качеств⁸⁵, а также старшие офицеры и военачальники. Поэтому устойчивый комплекс литературно-риторических общих мест и идеологических тенденций, рассмотренный выше, отнюдь не исчерпывает всех граней образа римского солдата и служит лишь отправным пунктом дальнейшего исследования, образуя, в частности, тот контрастный фон, на котором с особенной яркостью высвечиваются иные черты солдатской ментальности. Кроме того, из рассмотренных подходов и оценок античных авторов вполне определенно вырисовывается еще одна принципиальная проблема, чрезвычайно, на наш взгляд, значимая для понимания социально-исторической специфики римской военной организации эпохи Империи. Проблема эта касается соотношения, условно говоря, «полисно-республиканского» и «имперского» начал. Первое из них связано с традицией обязательности и почетности службы для гражданина, с неразрывностью статусов *civis* и *miles* и с соответствующими принципами построения вооруженных сил; а второе — с трансформацией этих принципов, с профессионализацией войска и превращением его в особый, обособленный от остального общества социальный организм. В исследовании данной проблемы, в первую очередь, необходимо выявить наиболее характерные черты воинского сообщества императорской эпохи с точки зрения соотношения в нем традиционных («полисно-республиканских») и принципиально новых («имперских») элементов и установок. Во-вторых, важно выяснить, как в условиях Империи мыслилась и реально разворачивалась дихотомия *civis* — *miles*, какое влияние имели полисно-республиканские идеологические постулаты на реальную практику комплектования армии.

⁸⁵ См.: *Dobson B.* Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeit eines römischen Offiziersranges. Köln; Bonn, 1978. S. 128–138.

Глава IV

ДИХОТОМИЯ CIVIS — MILES В РИМЕ ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОГО И ИМПЕРАТОРСКОГО ВРЕМЕНИ

При исследовании полисно-республиканских элементов в структурах и традициях императорской армии нельзя обойти вниманием вопрос о корреляции таких категорий, как *civis* и *miles*. Соотношение между ними, бесспорно, является исходной, принципиальной основой римской военной организации на разных этапах ее исторической эволюции¹. Ибо военная система Рима изначально формировалась и развивалась на полисной основе — как ополчение граждан, которые только и обладали почетным правом-обязанностью служить в войске, занимая в соответствии со своим цензом место в военной иерархии и боевых порядках. Лишь полноправные граждане могли пользоваться и связанными с военной службой привилегиями, получая соответствующую долю в добыче (включая надельные земли на завоеванных землях), почести и славу². С гражданско-общинным и сословным характером римской государственности были связаны, таким образом, и сами принципы комплектования войска, и организация высшего военного командования, структура и боевое построение армии³, и специфика римского милитаризма⁴, а

¹ *Dahlheim W.* Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // *Klio*. 1992. Bd. 74. S. 199.

² *Nicolet C.* Le métier de citoyen dans la Rome republicaine. 2e éd., rev. et corrigée. P., 1988. P. 127.

³ *Игнатенко А. В.* Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики. Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976. С. 6 сл.; *Токмаков В. Н.* Тактическое деление римского войска периода Ранней республики (V — первая половина IV в. до н. э.) // *Вестник МГУ. Сер. 8. История*. 1992. № 1. С. 51–62; *он же.* Социальный состав и структура военных сил Рима ранней Республики // *Античность Европы: Межвуз. сб. Пермь*, 1992. С. 162–168; *он же.* Структура и боевое построение римского войска Ранней республики // *ВДИ*. 1995. № 4. С. 138–160; *он же.* Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1998. С. 176 сл.

⁴ *Dawson D.* War and Morality. The Origine of Western Warfare. Oxf., 1996. P. 4; 113–114.

в конечном счете и наиболее впечатляющие успехи римского оружия⁵. До возникновения в конце Республики постоянной армии *civis (Quiris) domi* и *miles militiae*, т. е. статусы гражданина (и, что очень существенно для римского, цензитарного варианта полиса, собственника) и воина с идеологической и практической точек зрения были, по существу, двумя взаимообусловленными ипостасями, с необходимостью предполагавшими одна другую⁶. Чередование военных кампаний и периодов мира в римской общине, которая с самого начала своей истории развивалась в ходе непрерывных войн⁷, и соответственно превращение мирных граждан в воинов и обратно отмечали ход социального времени, подобно смене природных сезонов, в которой первоначально эти превращения и были укоренены⁸.

Понятно, однако, что соотношение между этими двумя статусами, их социальное, правовое, политическое и идеологическое наполнение исторически трансформировались под воздействием разных факторов. Соответствующим образом менялись порядок комплектования, социальный состав и сам характер вооруженных сил Рима. В нашу задачу не входит анализ всех этапов и аспектов этого длительного и очень сложного процесса, при изучении которого исследователи обычно рассматривают материальную организацию и саму процедуру набора (*dilectus*) войсковых контингентов и, начиная с Т. Моммзена⁹, сосредоточивают внимание на трех основных вопросах: каково было географическое происхождение солдат? из какой социальной среды приходили они в армию? были ли отмечаемые изменения следствием ясной политической воли или же происходили под влиянием разного рода внешних обстоятельств (финансовых, демографических, политических и т. п.)¹⁰? Все эти вопросы получили достаточно детальное и разностороннее освещение в современных исследованиях¹¹, на конкретные результаты которых мы

⁵ На это специально указал Полибий в своих рассуждениях о причинах превосходства Рима над Карфагеном, подчеркивая, что, в отличие от пунийцев, римляне полагаются не на иноземные наемные войска, но на доблесть собственных граждан, защищающих свое отечество, и помощь союзников (VI. 52. 1 sq.).

⁶ Nicolet C. Op. cit. P. 123 suiv.; 197; Patterson J. Military organization and social change in the later Roman Republic // War and Society in the Roman world / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993. P. 95.

⁷ Штаерман Е. М. Проблема римской цивилизации // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992. С. 94.

⁸ Greg W. Roman peace // War and Society... P. 175–176; Harris W. V. War and imperialism in Republican Rome 327–70 B. C. Oxf., 1979. P. 9–10; North J. A. The development of Roman imperialism // JRS. 1981. Vol. 71. P. 6.

⁹ Mommsen Th. Militum provincialium patriae // EE. 1884. Vol. V. P. 158–249.

¹⁰ Ле Бозь Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001. С. 100–101.

¹¹ Из специальных работ о *dilectus* см.: Mommsen Th. Die Conscriptioordnung der römischen Kaiserzeit // Hermes. 1884. Bd. 19. S. 1–79; 210–234; idem. Römisches Staatsrecht.

имеем возможность опираться. Но в рамках данной проблематики правомерно поставить также и вопросы иного плана, а именно: какие идеологические постулаты лежали в основе проводимой в эпоху Империи политики рекрутирования? Какие исконные принципы и традиции при этом сохранялись или реанимировались, а какие и как трансформировались в новых исторических условиях либо же, напротив, безвозвратно отмирали? Иными словами, необходимо выяснить ту идеологию, которая (наряду, разумеется, с факторами объективного порядка и политической целесообразностью) в немалой степени, как представляется, обуславливала не только требования и ожидания, предъявляемые к армии правящими элитами, но и многие характерные черты практики комплектования вооруженных сил Империи, конкретные мероприятия императорской власти в этой важной сфере. Эти идеология и практика в своих пересечениях и расхождениях как раз и концентрируются на проблеме гражданского качества воинских контингентов.

Такая постановка вопроса практически отсутствует в современных исследованиях, авторы которых в лучшем случае ограничиваются замечаниями общего плана¹², хотя практически все признают, что при-

Bd. II. 2. Leipzig, 1887. S. 849 f.; *Liebenam W.* Dilectus // RE. Bd. V. 1905. Sp. 615–629; *Watson G. R.* Conscriptio and voluntary enlistment in the Roman army // Proceedings of the African Classical Association. 1982. Vol. 16. P. 46–50; *Brunt P. A.* Conscriptio and volunteering in the Roman imperial army // Acta classica Israelica. 1974. Vol. I. P. 90–115 (= *idem.* Roman imperial Themes. Oxf., 1990. P. 188–214); *idem.* Italian Manpower, 225 B. C. — A. D. 14. Oxf., 1987. P. 625–634; *Davies R. W.* Joining the Roman Army // BJ. 1969. Bd. 169. P. 208–232; *Gilliam J. F.* Enrollment in the Roman Imperial Army // Symbolae R. Taubenschlag dedicatae. Fasc. 2. Vratislaviae; Varsaviae, 1956 (Eos. Vol. XLVIII. Fasc. 1–3). P. 207–216; *Gáspár D.* The concept in numeros referri in the Roman army // AAASH. 1974. Bd. 26. P. 113–116; *Priuli S.* La probatio militum e il computo del servizio militare nelle coorti pretorie // Rendiconti della Classe di Scienza morali, storiche e filologiche dell'Accademia dei Lincei. 1971. T. 26. P. 697–718; *Иванов П.* Новобранците в римската войска // Анали. София, 1995. Г. 2. Бр. 1/2. С. 76–85. Об этническом и социальном составе императорской армии и его эволюции см.: *Forni G.* Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. Milano; Roma, 1953; *idem.* Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei primi tre secoli dell'impero // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 339–391; *Kraft K.* Zur Rekrutierung der Alen und Kohorten an Rhein und Donau. Bern, 1951; *Webster G.* The Roman imperial army. L., 1969. P. 104 ff.; *Watson G. R.* The Roman Soldier. N. Y.; Ithaka, 1969. P. 30 ff.; *Le Bohec Y.* La IIIe légion Auguste. P., 1989; *Штаерман Е. М.* Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. № 3. С. 256–268; *Болтинская Л. В.* К вопросу о принципах комплектования римской армии при Юлиях—Клавдиях (по военным дипломам) // Вопросы всеобщей истории. Вып. 3. Красноярск, 1973. С. 18–22; *Колобов А. В.* Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999. С. 12–21. В целом по проблеме: *Ле Бозь Я.* Указ. соч. С. 97–147.

¹² См., например: *Ле Бозь Я.* Указ. соч. С. 146; *Nicolet C.* Op. cit. P. 126, 127; *Michel A.* De Socrate à Mixare de Tyr: les problèmes sociaux de l'armée dans l'idéologie romaine // Mélanges Marcel Durry (= REL. 1970. Vol. XLVII bis.); *Garlan Y.* La guerre dans l'Antiquité. P., 1972. P. 64–65; 77.

надлежность солдат к тому или другому слою римского гражданства в первую очередь определяла социально-политический облик армий конца Республики, эпохи Принципата и Поздней империи. Именно в разложении характерного для классической полисной организации триединства «гражданин — собственник — воин» исследователи видят один из важнейших симптомов кризиса римской республики как гражданской общины, а в профессионализации войска и, как следствие, его эмансипации от гражданского коллектива и его структур (решающий шаг к чему был сделан военными реформами Гая Мария) усматривают едва ли не главную предпосылку установления в Риме монархического режима¹³.

Вместе с тем в оценках характера и политической роли императорской армии с точки зрения их обусловленности гражданским статусом римских легионов среди исследователей обнаруживаются определенные расхождения. Одни авторы подчеркивают, что сам по себе вопрос о том, из каких слоев комплектовалась армия, не имеет особенного значения, ибо служба в ней отрывала людей от того общественного слоя, из которого они вышли, превращала их в деклассированных ландскнехтов¹⁴. Другие характеризуют службу в легионах раннего Принципата как наилучшее средство своеобразной «социальной переплавки» люмпен-пролетариев в мелких рабовладельцев¹⁵. Если же говорить о времени Августа и его ближайших преемников, то гораздо более основательной представляется точка зрения, что легионы раннего Принципата уже не были войском пролетариев, но пополнялись выходцами из среднего класса, из наиболее цивилизованных слоев урбанизированных частей Империи¹⁶. В новейших исследованиях справедливо отмечается, что основная линия первого принцепса и других императоров в политике рекрутирования заключалась в ориентации на отбор качественного по-

¹³ Ср. красноречивые выводы Т. Моммзена по этому поводу: «...эта военная реформа была настоящей политической революцией... Конституция республики строилась главным образом на принципе, что каждый гражданин — в то же время солдат и каждый солдат — прежде всего гражданин. Поэтому с возникновением особого солдатского сословия этой конституции должен был наступить конец... Военная службы постепенно стала военной профессией... В армии, как и в гражданских учреждениях, были уже заложены все основы будущей монархии... Как двенадцать орлов, паривших некогда над Палатинским холмом, призывали царей, новый орел, врученный легионам Марием, предвещал власть императоров» (Моммзен Т. История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 145–146).

¹⁴ Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 512.

¹⁵ Евсеенко Т. П. Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001. С. 112. Ср.: Парфенов В. Н. К оценке военных реформ Августа // АМА. 1990. Вып. 7. С. 72–73.

¹⁶ Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. Т. I / Пер. с нем. И. П. Стребловой СПб., 2000. С. 56; 110; Forni G. Il reclutamento... P. 119; Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 76.

полнения — как по социальным, так и по моральным критериям, высокие стандарты которых как раз и стремился утвердить основатель Принципата, действуя в реставраторском духе, чтобы сделать из армии не сборище наемников и маргиналов, каким она в значительной степени была в эпоху гражданских войн, но своего рода элитный корпус граждан, специально отобранных и подготовленных, способных защищать величие Империи и государственные интересы¹⁷. Поэтому критерий гражданства для набора в легионы имел основополагающее значение¹⁸, и даже после того как армия окончательно сделалась постоянной и профессиональной и стала набираться на провинциальном и локальном уровнях, легионеры никогда (за исключением отдельных эксцессов) не вели себя как простые наемники, даже несмотря на то, что сама категория гражданства все более и более опустошалась в своем реальном политическом содержании¹⁹. Более того, в новейшей литературе все более утверждается мысль, что не только об армии Принципата, но даже о позднеримском воинстве IV в. можно говорить как об армии, «осознающей себя коллективом граждан» и в соответствии с этим определяющей свои политические приоритеты²⁰. В целом с такого рода оценками можно согласиться скорее, нежели с характеристикой солдат императорской армии как простых наемников или ландскнехтов. При этом, однако, важно проследить реальную историческую подоплеку и преемственность базовых принципов и самой идеологии военной службы в императорском Риме, потому что именно их противоречивые и неоднозначные проявления и реализация в рамках профессиональной армии обуславливают принципиальное своеобразие всей военной системы Принципата как историко-цивилизационного феномена.

Прежде всего следует обратить внимание на некоторые специфические моменты, которые вообще были характерны для отношения рим-

¹⁷ *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 69 suiv.; 76; 83 suiv.; 91; *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut Empire. P., 1989. P. 74 et passim; *Carrié J.-M.* Il soldato // L'uomo romano / A cura di Giardina Andrea. Bari, 1989. P. 109 sgg.

¹⁸ *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 74–75.

¹⁹ *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 113–114. Cp.: *Flaig E.* Den Kaiser herausfordern: die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt; N. Y., 1992. S. 165.

²⁰ *Глушанин Е. П.* Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: Сб. науч. ст. Барнаул, 1996. С. 28 сл.; *он же.* Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. С. 11. Автор употребляет даже такие понятия, как «гражданственность армии», «военное гражданство» (Ранневизантийский военный мятеж... С. 29–30, 32), «Особая отрасль римского гражданства — военная» (Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // Вопросы политологии. Барнаул, 2001. Вып. 2. С. 124; *Глушанин Е. П., Корнева И. В.* Представления о легитимности императорской власти в эпоху тетрархий // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. Барнаул, 1997. С. 59).

лян к сфере военной деятельности начиная с самых ранних этапов римской истории и в известной степени предопределили последующие тенденции в развитии военной системы Рима. В этом плане необходимо указать на такой отмечаемый многими исследователями феномен, как изначальный дуализм военной и гражданской (мирной) сфер в Древнем Риме. В этом строгом разграничении, которое касается двух возможных состояний римлянина — как мирного гражданина (квирита) и как солдата — и корреспондирует с известным различием сфер действия высшей магистратской власти — *imperium militiae* и *imperium domi*, обнаруживается не только древнейшее функциональное разделение, присущее архаическому социуму²¹, но и исходный пункт формирования тех специфических норм и правил, которые относятся к статусу воина, организации войска и военной власти в последующие времена римской истории²². В раннем Риме войско (*exercitus*) и совокупность мирных граждан (*civitas*), статусы *miles* и *civis* резко отделялись друг от друга как во времени и пространстве, так и в сакрально-правовом измерении, что для древних римлян, учитывая специфику архаического миропонимания, имело первостепенное значение²³. В сакрально-правовом плане войско рассматривалось в качестве самостоятельного, четко отделенного от других социальных групп и сакрализованного образования (*sacrata militia* — Liv. VIII. 34. 10), подчиненного не гражданскому праву (*ius*) и не просто воинской дисциплине, но тому, что у Тацита именуется *fas disciplinae* (Ann. I. 19. 3), т. е. совокупности сакральных, установленных и освященных богами норм и отношений²⁴.

Когда после соответствующих приготовлений и ритуалов римские граждане пересекали, выступая в военный поход, священную границу Рима (*pomerium*) (в пределах которой вооруженному войску категорически запрещалось находиться — Gell. XV. 27), они превращались в воинов, чья миссия определялась правом войны, была связана с насилием, убийствами, кровью, и попадали в иное пространство и под покровительство других божеств, лишались части своих гражданских прав²⁵. Для возвращения воинов в прежнее мирное состояние требовалось про-

²¹ *Brisson J.-P.* Introduction // *Problèmes de la guerre à Rome*. P., 1969. P. 12. Ср.: *Токмаков В. Н.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // *Религия и община в древнем Риме* / Под. ред. Л. Л. Кофанова и Н. А. Чаплыгиной. М., 1994. С. 137.

²² *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 55.

²³ *Ibid.* P. 29 suiv.; *Токмаков В. Н.* Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 49–50.

²⁴ *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 55–56 et suiv.

²⁵ *Кнабе Г. С.* Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // *Культура Древнего Рима: В 2 т. Том II*. М., 1985. С. 110–112; *Токмаков В. Н.* Сакральные аспекты... С. 49.

ведение соответствующих очистительных обрядов, которые, как и обряды и сезонные военные празднества, предшествовавшие выступлению в поход, посвящались главным образом Марсу²⁶ (а также другим богам, в том числе, вероятно, и Янусу²⁷). Все эти обряды, справлявшиеся различными жреческими коллегиями (в первую очередь салиями²⁸), могут быть отнесены к так называемым обрядам перехода²⁹. С характерно римским консерватизмом они сохранялись и в конце Республики, и даже в императорское время, оставаясь, очевидно, понятными для большинства римлян³⁰, хотя скорее всего и приобрели со временем рутинный характер³¹. *Exempli gratia*, можно указать на отмеченное в *Feriale Duranum* (P. Dur. 54, 19–20) празднование дня 1-го марта, посвященного Марсу-Победителю. Люстрационный обряд с принесением в жертву Марсу свиньи, овцы и быка (*suovetavtilia*), введенный, согласно традиции, еще Сервием Туллием при проведении первого ценза (Liv. I. 44. 2; Dion. Hal. Ant. Rom. IV. 22. 1–2), в эпоху Империи, судя по свидетельству литературных и изобразительных источников, совершался так же, как и в древнейшие времена³². Примечательно в этом плане и свидетельство о том, что Марк Аврелий в юности входил в коллегию салиев и очень гордился тем, что сумел сам выучить все сакральные формулы и жесты (SHA. M. Aug. 4. 4).

С точки зрения сакрального права, войско конституировалось как таковое через религиозный по своей сути акт принесения воинской присяги (*sacramentum militiae*), который и превращал гражданина в воина, ставя его в особые отношения с носителем империя и богами³³.

²⁶ *Domaszewski A., von.* *Lustratio exercitus* // *Idem.* *Abhandlungen zur römischen Religion.* Leipzig; B., 1909; *Le Bonniec H.* *Aspects religieux de la guerre à Rome* // *Problèmes de la guerre...* P. 106, 110; *Vendrand-Voyer J.* *Op. cit.* P. 28–36. См. также: *Махлаюк А. В.* *Римские войны. Под знаком Марса.* М., 2003. С. 52–56.

²⁷ *Грешных А. Н.* Янус и «право войны»: один из аспектов культа // *Ius antiquum.* Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 98–104.

²⁸ *Токмаков В. Н.* Сакрально-правовые аспекты ритуалов жреческой коллегии салиев в архаическом Риме // *Ius antiquum.* Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 9–17; *он же.* Жреческая коллегия салиев и ритуалы подготовки к войне в архаическом Риме в российской историографии // *Ius antiquum.* Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 124–138; Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 180–212.

²⁹ *Van Gennep A.* *The Rites of Passages.* L., 1909. P. 120 ff.; *Dumezil G.* *La religion romaine archaïque.* P., 1974. P. 216 suiv.

³⁰ *Brisson J.-P.* *Op. cit.* P. 13.

³¹ *Latte K.* *Römische Religionsgeschichte.* München, 1960. S. 119.

³² *Tac. Ann.* VI. 37. 2; *App. B. C. I.* 96. Колонна Траяна № 37, 77–78 (ср.: № 7, 63–64); колонна Марка Аврелия, № 6.

³³ *Vendrand-Voyer J.* *Op. cit.* P. 36 et suiv., особенно P. 41; *Rüpke J.* *Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom.* Stuttgart, 1990. S. 76 ff.; *Seston W.* *Fahnenheid* // *Real. Lexicon für Antike und Christentum.* Bd. VII. 1964. Sp. 277 ff.; см. также: *Токмаков В. Н.* *Воинская присяга...* С. 128 сл.; 134.

И такое понимание воинской присяги сохранялось в эпоху Империи. Есть все основания утверждать, что соответствующие сакрально-обрядовые установления, составлявшие стержень взаимоотношений общины и войска, будучи дополнены уже собственно правовыми формулами, устанавливавшими связь воина с государством, оказались пролонгированы в новые социально-политические условия не только в раннереспубликанское время³⁴, но и гораздо позже. Можно согласиться поэтому с выводом Ж. Вендран-Вуайе, что древние религиозные традиции, лежащие в основе римской концепции военной деятельности, признавались и уважались Августом и его преемниками³⁵. Как мы попытаемся показать далее (гл. V), в императорскую эпоху армия в значительной степени обособляется от остального общества и в социальном плане, и в пространственном, и в функциональном. Такое обособление можно, наверное, признать логическим завершением тех интенций, которые в своего рода эмбриональном состоянии обнаруживаются в более ранние периоды, но оно отнюдь не означало исчезновения древних традиций во внутренней жизни воинского сообщества.

Следует также подчеркнуть, что именно с древнейшими сакрально-правовыми принципами, согласно которым войско считалось сакрализованной группой, а воины соответственно являлись теми, кто «совершает священнодействия» (*sacra faciunt* — Fest. P. 352. L. 60), связано также категорическое запрещение рабам служить в армии³⁶. Данный запрет, относящийся к принципиальным основам полисной военной организации, в полной мере сохранял силу и в эпоху Империи (хотя в критических ситуациях, как и раньше, например после битвы при Каннах, было возможно пополнение войск рабами и вольноотпущенниками³⁷). Совершенно недвусмысленные формулировки на этот счет содержатся в сочинениях правоведов III в.³⁸ Согласно Марциану, «рабам возбраняется всякого рода военная служба под страхом смертной казни»³⁹.

³⁴ Токмаков В. Н. Сакральные аспекты... С. 52, 57.

³⁵ Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 72.

³⁶ Ibid. P. 70–72.

³⁷ См., например: Vell. Pat. II. 111. 1; Dio Cass. LV. 31. 1; SHA. M. Aur. 21. 6. В целом об использовании рабов в вооруженных силах см.: Rouland N. Les esclaves romaines en temps de guerre. Bruxelles, 1977; Welwei K.-W. Unfreie im antiken Kriegsdienst. T. 3. Rom; Stuttgart, 1988.

³⁸ Jung J. H. Die Rechtsstellung der römischen Soldaten: Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // ANRW. II. 14. 1982. S. 885–886.

³⁹ Dig. 49. 16. 11: Ab omni militia servi prohibentur, alioquin capite puniuntur. Впрочем, на практике смертная казнь к рабам, теми или иными путями оказавшимся в армии, могла и не применяться, однако срок давности у данного преступления, по всей видимости, отсутствовал и даже успешная служба не являлась смягчающим обстоятельством. Об этом может свидетельствовать сообщение Диона Кассия о том, что Домициан, будучи в 93 г. цензором, вернул господину некоего Клавдия Паката, который дослужился уже до звания центуриона, после того как было доказано, что он является рабом (Dio Cass. LXVII. 13. 1).

По словам же Аррия Менандра, если воином становится тот, кому это запрещено, это считается тяжким уголовным преступлением и кара за него, как и при других преступных деяниях, усиливается в зависимости от присвоенного достоинства, ранга и рода войск⁴⁰. Тот же автор ниже конкретизирует, на кого именно распространяется этот запрет. Ему подлежали, в частности, лица, пораженные в правах: уголовные преступники, приговоренные *ad bestias*, сосланные на острова с лишением прав, обвиняемые в тяжких уголовных преступлениях (*reus capitalis criminis*), включая тех, кто обвинялся по закону Юлия о прелюбодеяниях (Dig. 49. 16. 4. 1–2; 7). Более того, поступление на военную службу возбранялось также и тем лицам, чей юридический статус оспаривался, хотя бы в действительности они являлись свободными, независимо от того, решался вопрос о потере или приобретении ими свободы⁴¹. Также не имели права быть зачисленными на военную службу и те свободные, которые добровольно находятся в услужении (*qui ingenui bona fide serviunt*), а также выкупленные от врагов, до тех пор пока они не уплатят внесенной за них суммы (Dig. 49. 16. 8; ср.: Dig. 40. 12. 29 pr.; 1).

Наши источники не позволяют ответить на вопрос о том, насколько распространенными были случаи вступления в армию рабов и прочих лиц из приведенного перечня. Но, по-видимому, их нельзя считать чем-то совершенно исключительным⁴². С этой проблемой пришлось столкнуться Плинию Младшему в бытность его наместником Вифинии. К нему для расследования были присланы двое рабов, оказавшихся среди новобранцев и даже уже успевших принести присягу⁴³. Вероятно, именно с последним обстоятельством связано затруднение, возникшее у Плиния при рассмотрении этого дела и побудившее его обратиться к императору (Plin. Epist. X. 29). Из ответа Траяна (X. 30) явствует, что рабы, сами предложившие себя в качестве добровольцев, подлежали смертной казни; если же они были взяты по набору или в качестве *vicarii* (т. е. в замену кого-либо), то это рассматривалось как ошибка чиновников, проводивших смотр новобранцев (*inquisitio*)⁴⁴. Не ясным остается, какому наказанию подлежали чиновники, допустившие тако-

⁴⁰ Dig. 49. 16. 2. 1: *Dare se militiam, cui non licet, grave crimen habetur et augetur, ut in ceteris delictis, dignitate gradu specie militiae.*

⁴¹ Исключение, однако, делалось для тех, кто был обращен в рабство по ложному навету: *per calumniam petitus in servitute est* (Dig. 40. 12. 29 pr. Menander).

⁴² Вероятнее всего, это были беглые рабы. См.: Dig. 40. 12. 29 pr.; *Isid. Etym IX. 3. 39; CTh. VII. 13. 8; VII. 18. 9. 3. Ср. Rouland N. Op. cit. P. 58 suiv.; Welwei K.-W. Op. cit. S. 5 ff.*

⁴³ Как известно, в обычных условиях присяга приносилась через четыре месяца после проведения *probatio* (специальной комиссии по отбору новобранцев). См.: *Ле Бож Я. Указ. соч. С. 106.*

⁴⁴ См. комментарий к этим письмам: *Sherwin-White A. N. The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary. Oxf., 1966. P. 601–602.*

го роду ошибку. Не исключено, что в некоторых случаях чиновников к подобным «ошибкам» могли побудить взятки. Известно, что с коррупцией при проведении наборов в армию пытался бороться еще Цезарь, предложивший в 59 г. до н. э. *lex Iulia de repetundis*, согласно которому получение взятки при наборе в армию рассматривалось и каралось как опасное должностное злоупотребление⁴⁵.

Если рабам и уголовным преступникам военная служба воспрещалась в любых родах войск, то вольноотпущенники могли служить, но только в наименее престижных частях — в отрядах ночной стражи (*cohortes vigiles*) и на флоте, что являлось в императорское время устойчивым обычаем, потому что, судя по юридическим источникам, какого-либо прямого запрета отпущенникам служить в других частях армии не существовало⁴⁶. Исключения лишь подтверждают это правило. Как и рабы, *liberti* призывались в войско лишь в экстремальных ситуациях, подобных тем, которые возникли в 6 и 9 гг. н. э. во время Паннонского восстания и после гибели легионов Вара или в результате эпидемии чумы в период Маркоманских войн. При этом, однако, они составляли отдельные отряды и не смешивались со свободнорожденными⁴⁷. Служба в частях *auxilia* и в легионах вольноотпущенников крайне редко фиксируется документальными источниками, вероятнее всего, потому, что бывшие рабы старались по возможности не указывать свой статус⁴⁸. Так, во времена Тиберия известен вольноотпущенник, служивший во вспомогательной части⁴⁹. Из среды отпущенников, возможно, происходил Аврелий Аргив, центурион III Итальянского легиона (АЕ. 1982, 730; 182 г.), хотя он скорее всего получил полные гражданские права еще до поступления на службу⁵⁰. В Дигестах (29. 1. 13. 7) упоминается *miles libertus*, но неизвестно, в каком роде войск он служил.

Таким образом, можно сказать, что бывшие рабы, хотя они и приобретали с отпуском на волю римское или латинское гражданство, в отно-

⁴⁵ Dig. 47. 11. 6. 2: *ne quis ob militem legendum mittendumque aes accipiat*. Источники свидетельствуют о распространенности подобного рода злоупотреблений и в эпоху Империи. См.: *Tac. Ann.* XIV. 18. 1; *Hist.* IV. 14. 1.

⁴⁶ *Jung J. H. Op. cit.* S. 898.

⁴⁷ *Suet.* Aug. 25. 2; *Plin.* NH. VII. 149; *Dio Cass.* LVI. 23. 3; SHA. M. Aur. 21. 6. Императоры в этом отношении следовали более ранним прецедентам: по сообщению Ливия и Макробия, впервые отдельные когорты из отпущенников были сформированы во время Союзнической войны Гаем Марием (*Liv. Per.* 74; *Macr. Sat.* I. 11. 32). См.: *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht.* Bd. III. Leipzig, 1888. S. 450; *Libenam W. Op. cit.* Sp. 621 f.

⁴⁸ *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit.* Stuttgart, 1998. S. 157–158; *Forni G. Il reclutamento...* P. 116 sg.; 125; *idem.* *Estrazione etnica e sociale...* P. 353; *Davies R. W. Joining the Roman army...* P. 213.

⁴⁹ АЕ. 1912, 187: *Iulius Saturnio Iuli (libertus) dom(o) Haed(uus) missic(ius) ala Capit(oliana)*. Об этой надписи см., в частности: *Welwei K.-W. Op. cit.* S. 20 f. Anm. 52.

⁵⁰ *Wesch-Klein G. Op. cit.* S. 158. Anm. 64 (с литературой).

шении военной службы стояли ниже перегринов или незаконных солдатских детей, которые имели возможность стать римскими гражданами одновременно с вступлением в легион, не говоря уже о том, что им был открыт такой путь, как служба во вспомогательных войсках. Юридических препятствий для этого не существовало⁵¹. Практика рекрутирования перегринов в легионы начиная с Флавиев получает все большее распространение. В середине II столетия Элий Аристид в своем «Панегирике Риму» (Or. 26. 75 Keil; ср.: 78), подчеркивая, с какой тщательностью римские власти отбирают солдат, как особую мудрость римлян отметил то, что поступающим на военную службу предоставляется римское гражданство: «Сделав гражданами, вы таким образом делаете их и солдатами, и таким образом граждане, принадлежащие к известной общине, не несут военной службы, а несущие ее остаются вполне гражданами, так как, лишившись своего прежнего гражданства со вступлением в ряды войска, становятся с того самого дня гражданами вашего города и хранителями его» (пер. Ив. Турцевича). Такой подход, пусть даже сам старый республиканский принцип взаимосвязи прав гражданства с правом служить в легионах приобретал все более формальное значение⁵², несомненно позволил Риму расширить территорию рекрутирования практически на весь средиземноморский мир и примирить между собой принципы добровольности и качественного отбора контингентов⁵³.

Известны, однако, случаи (правда, сравнительно немногочисленные и связанные с особыми ситуациями), когда перегрины принимались в легионы с сохранением своего исходного статуса, без предоставления гражданства. Такой прецедент был создан еще Юлием Цезарем, который зимой 52–51 гг. до н. э. сформировал из трансальпийских галлов знаменитый *legio Alauda* — легион Жаворонков (Suet. Div. Jul. 24. 2)⁵⁴. Во время гражданской войны 68–69 гг. н. э. Нероном и Веспасианом были созданы два легиона из флотских солдат — I и II *Adiutrix*⁵⁵, воины которых получили права гражданства только по выходе в отставку, о чем свидетельствуют сохранившиеся военные дипломы⁵⁶. Особый случай представляет ситуация с 22 моряками Мизенского флота, родом из Александрии, которых в связи с Иудейской войной (132–135 гг.) император Адриан перевел в X легион *Fretensis* (PSI IX. 1026 = CPL XVI.

⁵¹ Jung J. H. Op. cit. S. 903.

⁵² Mommsen Th. Die Conscriptionsordnung... S. 78.

⁵³ Carrié J.-M. Op. cit. P. 109–110.

⁵⁴ Ritterling E. *Legio* (Prinzipatszeit) // RE. Bd. XII. 2 (1925). Sp. 1564.

⁵⁵ Ibid. Sp. 1380 ff.; 1437 ff.; Kienast D. Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen Kaiserzeit. Bonn, 1966. S. 61 ff.; 69 ff.

⁵⁶ I *Adiutrix*: CIL XVI. 7 = III p. 847, IV + 1959 + 1957 = X. 770 = ILS 1988; CIL XVI. 8 = III p. 848, V + 1058 + 1957 = X. 771; CIL XVI. 9 = III p. 1958, VI = X. 7891; RMD, 136. II *Adiutrix*: CIL XVI. 10; 11 = III p. 849, VI + 1959 = X. 1402 = ILS 1989.

App. 13 = Smallwood, N 330). Примечательно, что, какими бы ни были мотивы этого перевода, он рассматривается как особая императорская милость (*ex indulgentia divi Hadriani in leg. Fr. translatis*) (lin. 5–6). Гражданство этим солдатам было, вероятно, даровано в момент самого перевода. Интересно, однако, что, когда в 150 г. (или в конце 149) эти солдаты вышли в почетную отставку и решили вернуться на родину, они обратились с петицией (*libellus*) к наместнику Сирии–Палестины Велию Фиду, прося, чтобы тот дал им официальное подтверждение (*instrumentum*) для префекта Египта, что они уволены в отставку не из флота, но из легиона. В своей резолюции (*subscriptio*) Великий, хотя и соглашается дать соответствующее свидетельство, так как они действительно были уволены им по приказу императора (*attamen sacramento vos a me iussu imperatoris n(o)stri solutos*), но при этом отмечает, что легионным ветеранам такое подтверждение обычно не дается: *veterani ex legionibus instrumentum accipere non solent* (lin. 22–23). Дж. Манн, обративший внимание на эту формулировку и проанализировавший ряд других документов, констатирует, что, в отличие от солдат вспомогательных войск (которым до времени Каракаллы при отставке в обязательном порядке выдавался военный диплом), легионеры, если они нуждались в подтверждении своей службы и соответствующих прав, должны были сами позаботиться о получении свидетельства. По заключению Манна, такой порядок удостоверяет то, что, несмотря на все изменения в практике комплектования легионов, римляне продолжали рассматривать легионеров, в отличие от всех прочих военнослужащих, как граждан, которые, подобно тому, как это было во времена Республики, выполнив свой воинский долг, возвращаются после очередного похода по домам и не нуждаются в подтверждении своего статуса⁵⁷.

По мнению Ж. Армана, набор в легионы неграждан из провинциалов с последующим предоставлением им римского гражданства — практика, получившая широкое распространение начиная с Флавиев⁵⁸, как в зародыше обнаруживается еще в создании легиона Алауда Цезарем, который при этом ориентировался даже не столько на прецеденты недавнего прошлого, сколько на представления Ранней и Средней республики⁵⁹. Такого рода взгляды, возможно, нашли отражение в речи Цицерона,

⁵⁷ Mann J. C. *Honesta missio from the Legions* // KHG. P. 156 f.; 161.

⁵⁸ Однако еще Октавиан Август, хотя после завершения гражданских войн всех неримлян из армии Антония отправил по домам и в целом следовал принципу набора в легионы только римских граждан, принял в состав своей армии *legio XXII Deiotariana* и позже обращался к неримским источникам пополнения личного состава легионов, особенно на Востоке. См.: Keppie L. *The Army and the Navy* // CAH². Vol. X. (2001) P. 389.

⁵⁹ Harmand J. *Les origines de l'armée impériale. Un témoignage sur la réalité du pseudo-Principate et sur l'évolution militaire de l'Occident* // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 290.

произнесенной летом 56 г. до н. э. в защиту гадитанца Корнелия Бальба. В ряде ее пассажей со ссылками на исторические примеры более отдаленного и совсем недавнего прошлого развивается мысль о том, что те, кто защищает римское государство ценой лишений и опасностей, проявляя доблесть, вполне достойны, наряду с прочими наградами, и «дарования им того гражданства, за которое они грудью встретили опасности и копья» (Pro Balbo. 22. 51; пер. В. О. Горенштейна; ср.: 17. 40). В качестве одного из показательных примеров Цицерон приводит дарование Марием гражданства сразу двум когортам камеринцев, отличившихся храбростью в сражении с кимврами (ibid. 20. 46)⁶⁰, и упоминает об аналогичных мероприятиях Помпея, Суллы, Кв. Метелла, П. и М. Крассов. Называет он также Помпея Страбона, который, по словам оратора, даровал права гражданства и мамертинцам овиям, и некоторым жителям Утики, и сагутинцам Фабиям (22. 51), причем об этих действиях полководцев он говорит как о вполне правомерных (21. 49; ср.: Pro Arch. 10. 24–25; Phil. I. 24, а также Val. Max. V. 2. 8; Sisenna. Fr. 120 P.).

О такого рода практике в позднереспубликанский период имеются и прямые документальные свидетельства. Это надпись на бронзовой таблице из Аскула, в которой сообщается, что император Помпей Страбон наградил в лагере Саллутитанскую турму за проявленную доблесть различными знаками отличия, а также даровал этим испанским всадникам римское гражданство в соответствии с Юлиевым законом (имеется в виду *lex Iulia de civitate* 90 г. до н. э. о предоставлении римского гражданства тем союзникам Рима, которые сохранили ему верность в начавшейся Союзнической войне)⁶¹. Подобная практика коллективного награждения римским гражданством за проявленное на поле боя мужество получает продолжение в императорскую эпоху⁶². В качестве примера можно сослаться на одну вспомогательную когорту, получившую римское гражданство за доблесть и верность (AE. 1904, 31: coh(ors) I Baetasiolorum c(ivium) R(omanorum) ob virtutem et fidem).

⁶⁰ Камерин — городок в юго-восточной Умбрии, давний союзник Рима. По Плутарху, за этот шаг Марий был обвинен в противозаконных действиях и фактически признал это, ответив обвинителям знаменитой фразой: «Грохот оружия заглушил голос закона» (Plut. Mar. 28. 2). Однако в конце Республики практика дарования гражданства полководцами стала неписанным правилом, в отличие от прежних времен, когда это право принадлежало народу (Mommson Th. Römisches Staatsrecht... Bd. II. S. 890 ff.).

⁶¹ Прочитируем вторую часть этого текста: [C]n. Pompeius Se[x. f. imperator] virtutis causa | equites Hispanos ceives [Romanos fecit in castr]eis apud Asculum a(n)te d(i)em XIV K(alendas) Dec(embres) | ex lege Iulia (ILLRP, 515 = CIL VI 37045 = CIL I² 709 = ILS 8888). См. также: Criniti N. L'Epigrafo di Asculum di Gn. Pompeio Strabone. Milano, 1970. P. 26; 57–61; Roldan J. M. El bronce de Ascoli en su contexto histórico // Epigrafía hispánica de época romano-republicana. Zaragoza, 1986. P. 115–135.

⁶² Подробно см.: Maxfield V. A. The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981. P. 126–127; 218 f.; 227.

Даже солдаты «национальных» *numeri*, которые вошли в состав римской армии во II в. н. э., не получавшие при отставке дипломов о предоставлении гражданских прав, могли, как и другие вспомогательные части, награждаться *en bloc* гражданством за проявленную храбрость⁶³. Однако случаев получения гражданских прав солдатами-ауксилариями в индивидуальном порядке известно очень немного⁶⁴. Тем не менее можно констатировать, что в период Ранней империи сохранялся сам стимулирующий принцип взаимосвязи между военной службой на благо Рима, воинскими отличиями и возможностью стать полноправным римским гражданином — принцип, который сложился, по крайней мере, в конце II — начале I в. до н. э., хотя отдельные прецеденты его применения, вероятно, имели место и в более ранние времена. Одной из институционализированных форм реализации этого принципа стала практика наделения гражданством солдат-пегринов (а также отпущенников, служивших на флоте или в отрядах *vigiles*) после окончания срока службы и выхода в почетную отставку. Они, таким образом, вступая в ряды армии, оказывались потенциальными гражданами. И в этом случае, и в случае получения гражданства при вступлении в легион военная служба являлась механизмом по распространению гражданства⁶⁵. Но такой порядок, имевший большое значение для привлечения в армию добровольцев, неизбежно приводил к тому, что классическая полисная концепция «гражданина-солдата» приобретала теперь прямо противоположную формулировку: «солдат-гражданин»⁶⁶.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в период Принципата привилегированный гражданский характер легионов — в противоположность пегринскому статусу солдат *auxilia* и флота — достаточно последовательно акцентировался и в организационно-практическом, и в идеологическом плане. Это касается прежде всего сроков службы, размеров жалования и наградных при выходе в отставку. Надо иметь также в виду, что в обычных условиях при поступлении на службу в легион требовалось принесение особой клятвы: как показывает папирус, датированный 92 г., новобранец должен был поклясться, что является свободнорожденным римским гражданином и имеет право служить в легионе⁶⁷. Можно обратить внимание и на одно любопытное замечание

⁶³ Mann J. C. A Note on the Numeri // *Hermes*. 1954. Bd. 82. P. 501–506; Speidel M. P. The Rise of Ethnic Units in the Roman Imperial Army // *ANRW*. Bd. II. 3. 1975. P. 203.

⁶⁴ Holder P. A. *Studies in the Auxilia of the Roman army from Augustus to Trajan*. Oxf., 1980. P. 29–30.

⁶⁵ Ле Бок Я. Указ. соч. С. 142.

⁶⁶ Ср.: Carrié J.-M. *Op. cit.* P. 104.

⁶⁷ P. Fay. *Barns 2 = CPL, 102 = Daris, 2: [---iuratusque dixit per --- se inge]nuum natum et c(ivem) R(omanum) esse iusque militandi in leg(ione) habere*. См.: Davies R. W. *Joining the Roman army...* P. 208 ff.; Gilliam J. F. *Op. cit.* P. 207 ff.

в трактате «Об устройстве лагеря» Псевдо-Гигина. Говоря о том, что легионы надлежит размещать непосредственно у лагерного вала, автор аргументирует это тем, что они, являясь самыми верными из провинциальных войск, должны словно стеной из собственных тел удерживать от возможного бегства разноплеменные вспомогательные войска⁶⁸.

Как свидетельствуют многие факты, упоминаемые в литературных источниках, такие опасения были не лишены оснований. Можно вспомнить рассказ Тацита (Agr. 28) о солдатах из когорты узипов, набранной в Германии и направленной в Британию: убив центурионов, распределенных по манипулам в качестве наставников и командиров, они захватили несколько судов и бежали, проплыв вдоль всего побережья Британии. Легионеры, очевидно, нередко с подозрением относились к солдатам вспомогательных войск, которых военные власти могли использовать против них в случае мятежа (Tac. Hist. I. 54. 4; Ann. I. 36. 3). Отмечаются в источниках также факты вражды между легионами и вспомогательными частями, как латентной, так и выливавшейся в открытое противостояние (Tac. Hist. I. 64; II. 27; 66; 88; Dio Cass. LXXVIII. 6. 4). В то же время для Тацита, например, представляется совершенно очевидным, что одним из факторов всевозможных эксцессов в ходе гражданских войн является разнородность армии, «в которой перемешались граждане, союзники и чужеземцы, имеющие различные языки, обычаи, стремления и веру», и в которой единодушие достигается лишь в целях грабежей и насилий (Hist. III. 33. 2; II. 37. 4; I. 54. 4). В речи, которую историк вкладывает в уста вождя бриттов Калагакка, о римском войске говорится, что, набранное из разных народов и сплавиваемое удачами, оно распадается при первых же неудачах и в нем всегда найдутся те, кто обратит свое оружие против римлян (Tac. Agr. 32). Об умалении статуса солдат-ауксилариев свидетельствует тот факт, что они первоначально не получали императорские донативы⁶⁹ и только, видимо, с середины II в. н. э. стали включаться в круг тех, кому они полагались⁷⁰. Вплоть до III в. солдаты *auxilia* и флота часто исключались из числа тех, кто получал при отставке *praemia militiae*⁷¹. Кроме того, не являясь римскими гражданами, ауксилиарии в эпоху Империи

⁶⁸ *Ps.-Hyg. De munit. cast. 2: Legiones, quoniam sunt militiae provinciales fidelissimae, ad vallum tendere debent, ut opus valli tueantur et exercitum gentibus suo numero corporali in muro tene[ant].*

⁶⁹ Дион Кассий (LIX. 2. 3), сообщая о подарках Калигулы по случаю его облачения в *toga virilis*, пишет, что наряду с гражданами их получили преторианцы, *vigiles* и «войска из граждан» — *στράτευμα πολιτικόν*, т. е. легионы и *cohortes civium Romanorum*.

⁷⁰ *Wesch-Klein G. Op. cit. S. 57*, со ссылкой на: *Bagnall R. S. The Florida Ostraka. Documents from the Roman Army in Upper Egypt. Durham, 1976. См. также: Fiebiger O. Donativum // RE. Bd. V. 1905. Sp. 1542 ff.*

⁷¹ *Wesch-Klein G. Op. cit. S. 186.*

не имели права быть награжденными *donna militaria* в индивидуальном порядке⁷².

Стоит обратить внимание и на тот факт, что новые легионы, формировавшиеся в период Империи в тех или иных кризисных внут- и внешнеполитических ситуациях, набирались преимущественно в Италии⁷³, несмотря на то, что со времен Веспасиана все меньше и меньше италийцев обнаруживается среди рядовых легионеров в провинциальных войсках. Каковы бы ни были причины сокращения числа италийцев в легионах⁷⁴, сам факт формирования новых легионов именно на территории Италии обуславливался, наверное, не только тем, что император, находясь в Риме, мог в чрезвычайной ситуации быстрее всего набрать новые войска за счет призыва италийцев⁷⁵, но и сохранением определенных стереотипов, традиционализма мышления, суть которого заключается в той максиме, что легионы — это род войск, предназначенный для римских граждан, которые в силу своего статуса подлежат всеобщей воинской повинности и в первую очередь обязаны защищать *Imperium Romanum*. Действительно, воинская повинность и конскрипция для римских граждан в эпоху Империи никогда не отменялись. Более

⁷² *Domaszewski A., von.* Die Rangordnung des römischen Heeres / Einführung, Berichtigungen und Nachträge von B. Dobson. 3., unveränderte Auflage. Köln; Wien, 1981. S. 68; *Maxfield V. A.* Op. cit. P. 121 ff.

⁷³ *Brunt P. A.* Conscription and volunteering... P. 98–99, с указанием источников. См. также: *Mann J. C.* The Raising of New Legions during the Principate // *Hermes.* 1963. Bd. 91. P. 483–489. Это, в частности, были I Италийский легион, созданный Нероном для похода к Каспийским воротам, II и III Италийские, набранные Марком Аврелием около 165 г., а также Парфянские легионы, сформированные Септимием Севером.

⁷⁴ У античных авторов причины этого процесса связываются с установлением единовластия, которое, обеспечив мир и защиту границ, оградило италийцев от трудов, что лишило их воинственности (*Herod.* II. 11. 3 sqq.; *Tac. Hist.* I. 11. 3; *Dio Cass.* LVI. 40. 2; LII. 27; *Aur. Vict. Caes.* 3. 14). Современными исследователями предлагаются различные объяснения. Одни фактически разделяют мнение древних о том, что после гражданских войн италийцы утратили воинский дух, или же принимают старую версию о том, что италийцы были сознательно отстранены от военной службы Веспасианом и его преемниками по политическим мотивам. Другие считают, что власти руководствовались стремлением сохранить население Италии и избежать непопулярности в связи с проведением наборов, вызывавших ненависть населения, которое не желало покидать комфортную привычную жизнь на родине ради службы в отдаленных провинциях. П. Брант полагает, что отказ от привлечения италийцев связан с заинтересованностью властей в локальном наборе, который гораздо успешнее обеспечивал приток солдат-добровольцев и позволял экономить средства на транспортных расходах. Не сбрасывает он со счетов и обескровленность Италии гражданскими войнами (*Brunt P. A.* Italian Manpower... P. 414; *idem.* Conscription and volunteering... P. 103–107, с обзором существующих точек зрения). К этому можно добавить и то соображение, что при Флавиях происходит переориентация клиентских связей новой династии с общин Италии на города римского права в Галлии и Испании (*Колобов А. В.* Указ. соч. С. 14–15).

⁷⁵ *Brunt P. A.* Conscription and volunteering... P. 98–99.

того, вопреки распространенной начиная с Моммзена⁷⁶ точке зрения, что после реформ Мария, исключая период гражданских войн, легионы формировались преимущественно из добровольцев, П. Брант, тщательно исследовавший этот вопрос, пришел к выводу, что, по крайней мере, до II в. н. э. конскрипция была гораздо более распространенной, чем принято считать⁷⁷. Окончательное торжество принципа добровольности (правда, на сравнительно недолгий срок) стало, по мнению Бранта, результатом распространения во второй половине II в. локального набора в легионы и общего улучшения условий службы, осуществленного благодаря политике Северов⁷⁸.

Соглашаясь с этим заключением, отметим, что у юриста времен Септимия Севера Аррия Менандра вполне однозначно подчеркивается сохранение древней нормы: «более тяжким преступлением является уклонение от воинской повинности, чем домогательство ее»⁷⁹. Ибо, подчеркивает он, «уклонявшихся от призыва в древности отдавали в рабство как предателей свободы и лишь с распространением добровольного набора в армию отказались от смертной казни». Однако известно, что эти суровые меры применялись не только в ранние времена (Varro ap. Non. 28 L; Val. Max. VI. 3. 4; ср.: Liv. Per. 14; Cic. Caes. 99)⁸⁰, но к ним прибегал также и Август после катастрофы легионов Вара (Dio Cass. LVI. 23. 2–3; Suet. Aug. 24. 1). Сурово карались, согласно уголовному праву, и попытки избежать военной службы с помощью членовредительства, а также попытка отца скрыть своего сына от военной службы⁸¹. Законное освобождение от военной службы (*vacatio militiae*),

⁷⁶ Mommsen Th. Römische Staatsrecht... Bd. III. S. 298; ср.: Bd. II. S. 849 f.

⁷⁷ Brunt P. A. Italian Manpower... P. 391 ff.; 408–415; *idem*. Conscription and volunteering...

⁷⁸ Brunt P. A. Conscription and volunteering... P. 112–113.

⁷⁹ Dig. 49. 16. 4. 10: Gravius autem delictum est detractare munus militiae quam adpetere. См. об этой норме: Kissel Th. K. Kriegsdienstverweigerung im römischen Heer // Antike Welt. 1996. Bd. 27. Hft. 4. S. 290; Wesch-Klein G. Op. cit. S. 160 f.

⁸⁰ Брант отмечает (Italian Manpower... P. 391, с источниками), что эти суровые наказания часто могли заменяться более мягкими: штрафами, содержанием в оковах, поркой, лишением имущества.

⁸¹ Так, известно, что Август приказал продать в рабство вместе со всем имуществом одного римского всадника, который двум своим сыновьям отрубил большие пальцы рук, чтобы избавить их от военной службы (Suet. Aug. 24. 1). К аналогичному способу избежать призыва на военную службу прибег во время Союзнической войны римский всадник Гай Веттиен, который отрубил себе все пальцы на левой руке, но мы не знаем, понес ли он какое-либо наказание (Val. Max. VI. 3. 3). Согласно эдикту Траяна (Dig. 49. 16. 4. 12), отец, изувечивший своего сына при наборе во время войны с целью сделать его негодным к военной службе, подлежал ссылке. Известен декрет Константина, воспроизводимый императорами Валентинианом и Валентом, по которому тех, кто избегает военной службы, отрубая себе пальцы (eos, qui amputatione digitorum castra fugiunt), все равно надлежало использовать на государственной службе, но в другой сфере (CTh. VII. 13. 4),

кроме *vacatio causaria* (т. е. по телесной неспособности), могло быть предоставлено в эпоху Республики только в случае достижения 50-летнего возраста или совершения положенного числа кампаний (*iusta, emerita stipendia*), а также тем лицам, которые занимали жреческие должности (App. B. C. II. 150; Dion. Hal. Ant. Rom. II. 41. 3; Plut. Camil. 41. 6), или отправляли муниципальные магистратуры (*lex coloniae Genetivae Iuliae sive Ursonensis* — FIRA I² N 21, lin. 62; 66), либо имели какие-то особо исключительные заслуги перед государством (Cic. Phil. V. 19; Liv. XXXIX. 19. 4). По решению Адриана и его преемников эта привилегия предоставлялась также риторам, философам, грамматикам и врачам (Dig. 27. 1. 68)⁸². Наличие такого рода норм, относящихся к наказанию за отказ от исполнения воинского долга, конечно, свидетельствует в первую очередь о распространении среди римских граждан нежелания исполнять эту почетную, но рискованную обязанность⁸³. Однако эти нормы по своей сути соответствуют базовым принципам гражданско-общинной военной организации, тому, что римляне относили к *mores maiorum*, а само их наличие и воспроизведение в императорском законодательстве подтверждает определенную преемственность в развитии армий Республики и Принципата с точки зрения принципиальной ориентации не на наемное, а на гражданское по составу войско.

Еще более интересные корреляции между республиканскими традициями и нормативной практикой императорского времени обнаруживаются и в такой сфере, как социальные и моральные критерии отбора рекрутов. Античные авторы со всей определенностью указывают на первостепенную значимость отбора новобранцев. Вегетий не случайно именно с этого вопроса начинает свое сочинение (I. 1), подчеркивая, что по сравнению с другими народами, отличавшимися физической мощью, многочисленностью, хитростью и богатством либо теоретическими познаниями, римляне «всегда выигрывали тем, что умели искусно выбирать новобранцев...» (пер. С. П. Кондратьева). Подробно рассуждая о том, из каких провинций и народов, из каких социальных и профес-

а согласно конституции Валентиниана и Валента, колоны, пытавшиеся избежать военной службы таким путем, подлежали сожжению, их же владельцы, не помешавшие им в этом, наказывались штрафом (CTh. VII. 18. 2, 368 или 370 г.). Аммиан Марцеллин как о распространенном явлении пишет о таких членовредителях, которых в Италии называли *turci* (Amm. Marc. XV. 12. 3). Отец, укрывавший во время войны своего сына от набора, карался изгнанием и конфискацией имущества; а если это происходило в мирное время, то он наказывался палками, сын же зачислялся в более низкий род войск (*in deteriorem militiam*) (Dig. 49. 16. 4. 11). См. подробнее: *Kissel Th. Op. cit. S. 289; 293; Jung J. H. Op. cit. S. 886, 888.*

⁸² *Jung J. H. Op. cit. S. 907 ff.*

⁸³ В годы гражданской войны конца Республики некоторые граждане из страха перед военной службой (*sacramenti metus*) даже скрывались в эргастулах (*Suet. Tib. 8*). О страхе перед набором (*trepeditatio dilectus*) в правление Августа упоминает Веллей Патеркул (II. 130. 2).

сиональных групп предпочтительно набирать солдат, Вегеций высказывает убеждение, что в качестве солдат сельские жители однозначно предпочтительнее горожан, подверженных соблазнам городской жизни, в древности же «один и тот же человек был и воин, и земледелец, меняя таким образом лишь вид оружия» (I. 3). Здесь эпитоматор явно повторяет очень распространенный в античной литературе топос, на который мы уже обращали внимание выше (гл. III), но который в данном контексте заслуживает более подробного анализа. О том, что земледельческий труд в наибольшей степени способствует воинскому мужеству и закалке, писали многие греческие и римские авторы (см. примеч. 20 в гл. III). Общеизвестно мнение Катона Старшего, что именно из земледельцев выходят лучшие граждане и наиболее храбрые воины⁸⁴. По словам Колумеллы (*De re rust. Praef. 17*), «истинные потомки Ромула, проводившие время на охоте и в полевых трудах, выделялись физической крепостью; закаленные мирным трудом, они легко переносили, когда требовалось, воинскую службу. Деревенский народ всегда предпочитали городскому». Дионисий Галикарнасский (*Ant. Rom. II. 28. 1–2*), явно следуя распространенному мнению, утверждает, что еще Ромул запретил свободным гражданам заниматься доходными профессиями и отдал предпочтение только земледелию и военному делу, указав, что каждое из этих занятий нуждается в другом. Соответствующий образ Ромула как воина-крестьянина, легко меняющего плуг на меч и копье, рисует Проперций⁸⁵. Плутарх (*Numa. 16*) замечает, что земледельческий труд, как никакое другое занятие, сохраняет воинскую доблесть, необходимую для защиты своего добра, но совершенно искореняет воинственность, служащую несправедливости и корысти. Ритор II в. н. э. Максим Тирский в двух декламациях, посвященных соответственно вопросам о том, кто полезнее — солдаты или земледельцы, используя традиционный набор топосов и многочисленные реминисценции, в платоновской манере приходит к смешанному, среднему решению: полезнее всего сочетание крестьянина с воином, а лучший тип солдата — это солдат-крестьянин, который всегда предпочтительнее наемника (XXIV. 6 e–f).

Вполне очевидна морализаторская тенденциозность подобного рода суждений. Однако следует, наверное, согласиться с теми исследователями, которые в подобных высказываниях усматривают не одну только

⁸⁴ *Cato. De agricult. Praef. 4: At ex agricolis et viri fortissimi et milites strenuissimi gignuntur... Ср.: Cic. De off. I. 42. 151*, где также занятие земледелием как достойное свободного человека противопоставляется занятиям, связанным с ремесленным производством и торговлей.

⁸⁵ *Propert. IV. 10. 17–20: urbis virtutisque parens sic vincere suevit, qui tulit a parco frigida castra lare. idem eques et frenis, idem fuit aptus aratris, et galea hirsuta compta lupina iuba.*

голую риторику, но находят, как минимум, отклик на идеи официальной пропаганды или актуальные проблемы современного момента⁸⁶: у Проперция это мог быть отклик на реставраторские установки политики Августа, а у Максима во второй половине II столетия — на проблемы, связанные с распространением локального рекрутирования. Представляется, что идеологема «крестьянин-собственник — хороший солдат» лежала в основе продолжавшейся и в период Империи практики наделения ветеранов землей в качестве *praemia agraria*. Как отмечает П. Брант, несмотря на решение Августа в 13 г. до н. э. заменить при отставке земельные наделы денежными выплатами, чего солдаты всегда требовали (Dio Cass. LIV. 25. 5), это отнюдь не противоречит тому, что практика наделения землей ветеранов в силу социального консерватизма продолжалась и в период Принципата военные колонии в провинциях в целом вполне себя оправдывали благодаря усилиям тех солдат, которые и после 25-летней службы возвращались на землю и становились хорошими хозяевами⁸⁷. Эту политику можно рассматривать как продолжение старой республиканской традиции. Предоставление ветеранам земельных участков продолжалось и после того, как при Адриане прекратилось выведение ветеранских колоний⁸⁸.

Важно отметить, что в качестве хорошего воина мыслился не всякий сельский житель, не пролетарий, но достаточно зажиточный крестьянин или вообще собственник. Наверное, поэтому у Цицерона вызывали очень резкое неприятие *te rustici* и *agrestes homines*, которые набирались в легионы во время гражданской войны и которых он даже в одном месте именуется «скотиной» — *pecudes* (Phil. VIII. 9; ср.: X. 22)⁸⁹. На мотивы предпочтения в качестве воинов состоятельных граждан указывает Авл Геллий, который, говоря о том, что пролетарии и *capite censi* призывались в войско только в чрезвычайных ситуациях, объясняет это тем, что имущество и деньги, которыми обладали воины, являлись своего рода залогом и опорой их верности и любви к отечеству⁹⁰. По той

⁸⁶ Baker R. J. *Miles annosus. The Military Motif in Propertius* // Latomus. 1968. T. 27. P. 347; Michel A. *Op. cit.* P. 237 suiv.

⁸⁷ Brunt P. A. *The Army and the Land in the Roman Revolution* // JRS. 1962. Vol. 52. P. 83.

⁸⁸ Mann J. C. *Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate*. L., 1983. P. 29; 67; Wolf H. *Die Entwicklung der Veteranenprivilegien* // Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle. Böhlau; Köln; Wien, 1986. S. 55. Anm. 46. См. также ссылки на источники и литературу в сн. 45 и 48 к гл. V.

⁸⁹ Впрочем, в другом контексте в письме к Д. Юнию Бруту он пишет о деревенских солдатах как о храбрейших мужах и честнейших гражданах (Ad Fam. XI. 7. 2).

⁹⁰ Gell. XVI. 10. 11: *sed quoniam res pecuniaque familiaris obsidis vicem pignorisque esse apud rem publicam videbantur amorisque in patriam fides quaedam in ea firmamentumque erat, neque proletarii neque capite censi milites nisi in tumulto maximo scribebantur, quia familia pecuniaque his tenuis aut nulla est.* Ср.: *Iul. Exuperant.* 2. 10–11.

же причине, видимо, и Валерий Максим (II. 3 pr.; II. 3. 1) называет введенный Марием набор в легионы неимущих «негодным» (*fastidiosum dilectus genus*), противопоставляя этому новшеству то время, когда народ, с готовностью отдаваясь воинским трудам, не допускал, чтобы полководцам приходилось приводить к присяге неимущих, которым из-за их бедности не доверялось дело защиты государства (*publica arma*). Валерий Максим при этом подчеркивает не столько военные мотивы этого шага Мария, сколько корыстно-политические. Эта же мысль звучит и у Саллюстия: Марий набрал солдат, вопреки обычаю предков, не по цензовым разрядам, ибо для человека, стремящегося к господству, наиболее подходящие люди — самые бедные, «которые не дорожат имуществом, поскольку у них ничего нет, и все, что им приносит доход, кажется им честным» (Sall. B. Jug. 86. 2–3; пер. В. О. Горенштейна; ср.: Iul. Exuperant. 2. 9–12). Тацит следует тому же стереотипу, когда пишет, что такие бедняки и бездомные (*inopes ac vagi*), добровольно поступающие на военную службу, не в состоянии были проявить старинную доблесть и дисциплинированность (*eadem virute ac modestia agere* — Tac. Ann. IV. 4. 2; ср. пассаж о *vernaculo multitudo* в Ann. I. 31. 1)⁹¹.

Связывая начало пролетаризации легионов с Марием, римские писатели (ср.: Gell. XVI. 10. 14; Flor. I. 36. 13; Quint. Decl. III. 5) отчасти погрешают против истины. Дело не только в том, что пролетарии и прочие неимущие неоднократно призывались под знамена еще во времена Ранней республики⁹². Многие современные исследователи не склонны преувеличивать радикальность шага, предпринятого Марием, отмечая, что имущественный ценз для службы в легионах к концу II в. до н. э. снижался, по всей видимости, не менее двух раз (с 11 тыс. до 1,5 тыс. ассов), а сам Марий фактически не нарушал каких-либо узаконенных норм. Запись неимущих в легионы в годы Югуртинской войны сама по себе имела лишь изолированное значение. Только в ретроспективе стало ясно, что войско из пролетариев могло превратиться в политическое орудие в руках лишенных предрассудков полководцев, и этим

⁹¹ Этому стереотипу вряд ли протоворечит точка зрения, излагаемая в речи Мецената в «Истории» Диона Кассия, согласно которой военную службу должны нести самые крепкие и самые бедные (*οἱ τε ἰσχυρότατοι καὶ οἱ πενέστατοι*), они же и самые беспокойные элементы. Конечно, к началу III в. ситуация изменилась, но все же Дион акцентирует не столько бедность, сколько врожденную воинственность, полагая, что именно военная служба лучше всего может отвратить этих людей от занятий грабежами, направив их энергию в общественно полезное русло (*Dio Cass. LII. 14. 3; 27. 1–5*).

⁹² По свидетельству Ливия (VIII. 20. 4), в 329 г. до н. э. во время войны с галлами консул Эмилий Мамерк призвал в войско «чернь из ремесленников и работников — народ, к военной службе никак не годный» (*opificum quoque vulgus et selluarum, minime militiae idoneum genus*). Были призваны в войско пролетарии и во время войны с Пирром (*Cass. Gemina. Fr. 21 P.; Oros. V. 1. 3; Aug. Civ. Dei. III. 17; ср. Gell. XVI. 10. 1*).

объясняется жесточенность нападков на Мария в литературных источниках. Кроме того, пролетаризация легионов в последние десятилетия Республики отнюдь не была тотальной⁹³, а в позднереспубликанский период многие солдаты, в том числе (и даже в большей степени) «новые граждане» из италиков, оставались собственниками (Cic. Att. VIII. 12; Dio Cass. XLVIII. 9. 3; ср.: Plut. Crass. 10. 2).

Так или иначе, важно констатировать, что для рассмотренных взглядов античных авторов характерно незыблемое убеждение во взаимозависимости социального статуса и моральных качеств потенциальных солдат. Это убеждение распространяется и на те профессии, которыми занимались новобранцы до поступления на службу. Поднимая этот вопрос, Вегетий отдает предпочтение тем, кто занят тяжелым трудом (кузнецам, тележным мастерам, мясникам, охотникам), и категорически заявляет, что нельзя допускать к военной службе рыболовов, кондитеров, пекарей, тех, кто связан с женскими покоем (I. 7; ср.: II. 5). Этот пассаж обычно сопоставляют с эдиктом Грациана, Валентиниана и Феодосия от 380 г. (CTh. VII. 13. 8), в котором указывается, что в элитные части (*inter optimas lectissimorum militum turmas*) не должен попадать никто из числа рабов, кабатчиков, служителей увеселительных заведений (*famosarum ministeriis tabernarum*), поваров и пекарей, а также тех, кого от военной службы отделяет «позорное угодение» (*obsequii deformitas*)⁹⁴. Императоры грозят лицам, не выполняющим это предписание, суровыми карами и предписывают, после выявления нарушения, поставить тройное количество рекрутов более благородного происхождения (*triplicata nobilioris tironis inlatio*). В другом эдикте, от 383 г. (CTh. VII. 13. 9), те же императоры приказывают определять на службу «отборных людей, чуждых всякого подозрения в испорченности» (*ab omni suspicione pravitatis alienos*). Еще более примечательна норма, зафиксированная Менандром: «...если воин занялся сценическим ремеслом или решил продать себя в рабство, он подлежит смертной казни...»⁹⁵ Возможно, что это положение мотивировано не только и не столько тем, что солдат, сделавшийся рабом или актером, лишал армию принцепса боевой единицы, но тем, что он позорил звание воина.

Такой запрет для представителей определенных профессий, возможно, выглядит несколько странно на современный взгляд и может быть

⁹³ Brunt P. A. Italian Manpower... P. 406 ff.; Rich J. Introduction // War and Society... P. 5; *idem*. The supposed Roman manpower shortage of the later second century BC // *Historia*. 1983. Bd. 32. Hf. 3. P. 287–331. См. также: Sordi M. L'arruolamento dei «capite censi» nel pensiero e nell'azione di Mario // *Athenaeum*. N. S. 1972. Vol. 60. P. 379–385.

⁹⁴ Ср.: Dig. 49. 16. 8, цитированное выше.

⁹⁵ Dig. 48. 19. 14: ...si miles artem ludicram fecerit vel in servitum se venire passus est, capite puniendum Menander scribit.

объяснен прежде всего сознательной установкой императорской власти на качественное пополнение армии. Эта установка отражена и в рассуждениях Вегеция (I. 7): «Благо государства в целом зависит от того, чтобы новобранцы набирались самые лучшие не только телом, но и духом⁹⁶; все силы империи, вся крепость римского народа основываются на тщательности этого испытания при наборе. Ведь молодежь, которой должна быть поручена защита провинций и судьба войн, должна отличаться и по своему происхождению... и по своим нравам». Таким образом, у Вегеция социальные и моральные критерии отбора новобранцев оказываются органически взаимосвязанными. Аналогичные установки, переведенные в план практических предписаний, обнаруживаются в эдикте Грациана, Валентиниана и Феодосия от 383 г., в котором говорится, что при отборе новобранцев необходимо проверять их происхождение и образ жизни, полагаясь на свидетельства только почтеннейших людей⁹⁷.

О том, что установка на качественное рекрутирование и на поддержание высокого престижа, морального авторитета военной службы в эпоху Принципата достаточно последовательно проводилась в жизнь, свидетельствует ряд фактов конкретно-практического и нормативно-правового плана. В их ряду необходимо упомянуть утвердившуюся со времени Августа практику предоставления рекомендательных писем теми, кто желал поступить на службу в легион или получить более выгодное место службы. Как показывают папирусные документы⁹⁸, такие *epistulae (litterae) commendaticiae* имели существенное значение даже среди рядовых. Те, кто не имел возможности заручиться надежными рекомендациями, не могли рассчитывать на быструю и успешную ка-

⁹⁶ ...ut tirones non tantum corporibus, sed etiam animis praestantissimi deligantur. Ср.: *Isid. Etym.* IX. 3. 36 и *Ael. Arist. Or.* 26. 74–78 Keil, а также замечание самого Вегеция в II. 12 о том, что в первую когорту легиона по обычаю набирали мужей, отборнейших по своему богатству, происхождению, образованию, красоте и доблести (*sensu genere litteris forma virtute pollentes milites mittabantur*).

⁹⁷ CTh. VII. 2. 1: Quotienscumque se aliquis militiae crediderit offerendum, statim de natalibus ipsius ac de omni vitae condicione examen habeatur, ita [ut] domum genus non dissimulet et parentes. Nec tamen huic ipsi rei nisi honestissimorum hominum testimonio adstipulante credatur...

⁹⁸ Среди них наиболее важными являются: P. Оху. I, 32 = CPL, 249 (письмо бенефициария Аврелия Археля легионному трибуну Юлию Домицию с рекомендацией молодого человека по имени Теон, II в.); P. Berl. 11649 = CPL, 257 (письмо, датируемое III в., в котором Приск рекомендует своему отцу дубликария Кара); P. Mich. VIII 467–468 = CPL, 250–251 = Daris, 7 (письмо начала II в., в котором солдат флота Клавдий Теренциан пишет отцу домой о своем желании стать легионером, но замечает, видимо, получив неудачную рекомендацию, что даже рекомендательные письма не будут иметь необходимого значения без денег и непосредственной протекции); P. Mich. 466 (письмо солдата Юлия Аполлинария, который получил столь хорошие рекомендации, что сразу стал иммуном). См. также: P. Mich. VIII 485. В литературных источниках намеки на такие письма имеются у Ювенала (*Sat.* XVI. 5–6: *commendet epistola*).

рьеру⁹⁹. Очевидно, что еще большее значение такого рода рекомендации влиятельных людей имели для представителей высших сословий, всаднических офицеров и центурионов (ср., например, образчики рекомендательных писем, написанных Плинием Младшим (Epist. VI. 25) или Фронтоном (Ad amic. I. 5)¹⁰⁰. В целом, безусловно, права Вандран-Вуайе, подчеркивая, что эта практика находится в русле общей политики Августа, который, выступая как цензор нравов, стремился обеспечить качественный с моральной точки зрения состав армии, сделать службу в ней престижной, привлечь в нее представителей зажиточных слоев общества¹⁰¹. В этом же направлении находится, очевидно, и организация при Августе (а потом и возрождение при Веспасиане) юношеских коллегий (collegia iuvenum), которые имели целью подготовить молодежь из муниципиев и колоний к военной службе¹⁰². Надо только оговориться, что данные мероприятия касались почти исключительно представителей социальной верхушки, которые занимали в армии командные должности. Напротив, именно на плебейские слои италийского населения были рассчитаны созданные Траяном алиментарные фонды, которые, помимо всего прочего, предназначались и для воспитания потенциальных легионеров в городах Италии¹⁰³.

⁹⁹ Об этих письмах и их практической роли подробнее см.: *Davies R. W. Joining the Roman army...* P. 216–217; *Watson G. R. The Roman Soldier...* P. 37–38; *idem. Documentation in the Roman Army // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 496*; *Strobel K. Rangordnung und Papyrologie // La Hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994). P., 1995. S. 257 ff.*

¹⁰⁰ *Saller R. P. Personal patronage under the early Empire. Cambridge; L.; N. Y., etc. 1982. P. 157 f.; 182 f.*

¹⁰¹ *Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 83–84; 86–87.*

¹⁰² *Ibid. P. 88–89 et suiv.* Об их военной направленности см.: *Ростовцев М. И. Указ. соч. Т. 1. С. 110; 129–130*; *Devijver H. Les milices équestres et la hiérarchie militaire // L'Hiérarchie (Rangordnung) de l'Armée romaine...* P. 117, со ссылкой на: *Ginestet P. Les organisations de la jeunesse dans l'Occident romain. Bruxelles, 1991. Анализ различных точек зрения на функции юношеских коллегий с указанием литературы см.: Jaczynowska M. Les associations de la jeunesse romaine sous le haut-empire. Wrocław, etc. 1978. P. 11–12; 60–61.* (Сама М. Яжиновска склоняется к более взвешенной позиции, считая, что скудные данные источников не позволяют с твердой уверенностью говорить о преимущественно военном предназначении этих коллегий.) См. также: *Taylor L. R. Seviri equitum Romanorum and Municipal seviri. A Study in Pre-Military Training Among the Romans // JRS. 1924. Vol. 14. P. 158–171*; *Gagé J. Les organisations de iuvenes en Italie et en Afrique du début du II-e s. Au bellum Aquileiense // Historia. 1970. Bd. 19. P. 232–243.*

¹⁰³ Ср.: *Plin. Pan. 26. 3:* «...чтобы, получая от тебя пособие, они подготовлялись к твоей военной службе (alimentis tuis ad stipendia tua pervenirent)...» и 28.5: «Немногим меньше пяти тысяч свободнорожденных... было привлечено щедростью нашего принцепса. Они содержатся на общественный счет в качестве запасного войска на случай войны... Из их числа будут пополняться лагеря и трибы...» (пер. В. С. Соколова). См.: *Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 92–93. Not. 212, с указанием литературы, посвященной этим фондам.*

Нельзя не указать и на другие факты, свидетельствующие о реальной значимости морально-правовых критериев пригодности к военной службе. Выше уже было отмечено, что в ряды армии не могли быть зачислены лица определенных профессий, а также обвиняемые или осужденные за какое-либо уголовное преступление¹⁰⁴ (Dig. 49. 16. 4. 7), включая и прелюбодеяние. Это, очевидно, связано с тем, что такие лица становились *infames* и умалялись в своей правоспособности и чести. Если же по Юлиеву закону *de adulteriis* обвинялся солдат, уже находившийся в рядах войска, то он, становясь *infamis*, автоматически с бесчестьем увольнялся со службы (*sacramento ignominiae causa solvat* — Dig. 3. 2. 2. 3). В подтверждение действенности этой нормы можно сослаться на свидетельство Плиния Младшего (Epist. VI. 31. 4–6) о том, что Траян разжаловал и выслал центуриона, который стал любовником жены военного трибуна¹⁰⁵. Тот военнослужащий, который не преследовал любовника своей жены, не только увольнялся со службы, но и подлежал ссылке¹⁰⁶. Здесь имеется в виду *deportatio* — наиболее суровый вид изгнания, обычно связанный с конфискацией всего имущества и лишением гражданства, тогда как *lex Iulia de adulteriis* за данное преступление, которое расценивалось как сводничество, предусматривал более мягкий вид ссылки — *relegatio*, суть которого состояла в запрещении или приказании пребывать в определенном месте¹⁰⁷. Наказанию за адюльтер подвергался и воин, сожительствовавший с дочерью сестры (Dig. 48. 5. 12. 11. 1). Иначе говоря, в отношении воинов наказание оказывалось более строгим, чем в отношении гражданских лиц. По мнению Веш-Кляйн, это объясняется тем, что солдат, оказавшийся обманутым мужем, был обязан донести на неподобающее поведение своей жены, ибо солдатский брак рассматривался в рамках не только гражданского права, но и воинской дисциплины. Кроме того, *adulteriis* нередко были сослуживцами мужа¹⁰⁸. Веш-Кляйн связывает такое ужесточение наказания с теми

¹⁰⁴ В дополнение к сказанному надо отметить, что, согласно рескрипту Траяна, воин, добровольно поступивший на службу, в случае если он был виновным в уголовном преступлении, подлежал смертной казни (Dig. 49. 16. 4. 5); если же его дело рассматривалось гражданским судом или он был объявлен в розыск по подозрению в преступлении, то он подлежал позорящей отставке и возвращался к гражданскому судье. При этом даже в случае оправдательного приговора он не мог впоследствии вновь быть принят в армию в качестве добровольца (Dig. 49. 16. 4. 6).

¹⁰⁵ Траян, вынесший этот приговор, прибавил к нему памятку о нарушении военной дисциплины, чтобы впредь в подобных случаях не считали необходимым обращаться непосредственно к императору.

¹⁰⁶ Dig. 48. 5. 12. 11 pr.: *Miles, qui cum adulterio uxoris suae pactus est, solvi sacramento deportatique debet. Jung J. H. Op. cit. S. 1000.*

¹⁰⁷ Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения / Пер. с чеш. М., 1989. С. 106; 272.

¹⁰⁸ *Wesch-Klein G. Op. cit. S. 106–107.*

моральными принципами, которые стремился утвердить в своем законодательстве император Адриан, категорически предписавший в одном из своих рескриптов считать недействительными солдатские завещания в пользу женщин, подозревавшихся в слишком вольном сексуальном поведении¹⁰⁹. Таким образом, адюльтер карался даже строже, чем дезертирство при известных обстоятельствах¹¹⁰.

Пожизненное лишение чести закрывало официальный путь на военную службу; если же бесчестие имело срочный характер (*transactum de futuro sit*) и по его окончании позволялось вернуться в свое сословие и домогаться почетных должностей, то в этом случае вступление на военную службу не возбранялось (*Dig. 49. 16. 4. 4*). Примечательно, что в данном пассаже право поступить на военную службу фактически приравнивается к *ius honorum*. Стоит также обратить внимание на одну любопытную норму (*Dig. 47. 17. 3*), которая гласит, что воин, уличенный в банном воровстве (*furtum balnearium*), подлежит позорящей отставке. Такое наказание является более серьезным, нежели за кражу оружия, за которую полагалось только разжалование (*Dig. 49. 16. 3. 14*). Возможно, в данном случае, как и в других, рассмотренных выше, имеет место применение того принципа, формулировку которого дает Эмилий Макр в *Dig. 48. 19. 14: quaedam delicta pagano aut nullam aut levio rem poenam irrogant, militi vero graviorem* («за некоторые проступки на штатского человека налагается либо более легкое наказание, либо никакого, на воина же — более тяжелое»)¹¹¹.

Приведенные юридические материалы со всей определенностью обнаруживают стремление властей не допустить присутствия в рядах войска людей, запятнанных позором. Как пишет в одной из своих декламаций Кальпурний Флакк, *infamis non militet* (*Decl. 52. P. 50 Lehnert*). Этот принцип, закрепленный в законодательстве императорского времени, имеет, наверное, гораздо более древние корни. Мысль о том, что гражданам, покрывшим себя бесчестием, недопустимо доверять оружие, звучит у Ливия в речи консула Постумия, обращенной к народу в связи с делом о Вакханалиях в 186 г. до н. э. «Неужели, квириды, вы полага-

¹⁰⁹ *Dig. 29. 1. 41. 1: mulier, in qua turpis suspicio cadere potest. Cp.: Dig. 34. 9. 14; Cod. Iust. VI. 21. 5*. В связи с этим можно отметить и конституцию Гордиана III, согласно которой солдат, который женился на вдове, зная, что у нее еще не закончился срок траура, подлежал инфамии и позорящей отставке (*Cod. Iust. II. 11. 15*).

¹¹⁰ *Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 84*. Так, бывший дезертир мог потом вновь поступить или быть призванным на службу в иной род войск (*in aliam militiam nomen dederunt legive passi sunt*), подвергнувшись только воинскому дисциплинарному взысканию (*hos milititer puniendos*) (*Dig. 49. 16. 4. 4*). О наказаниях за дезертирство см.: *Dig. 49. 16. 3. 9* и *4. 5 pr. 1–8*. При смягчающих обстоятельствах в мирное время наказанием за дезертирство могло быть разжалование, понижение в чине или перевод в менее почетную часть.

¹¹¹ Здесь Макр ссылается на Менандра, который писал о наказании воина смертью за занятие актерским ремеслом или продажу себя в рабство.

ете, — говорит он, — что, дав такую клятву, юноши смогут служить в вашем войске? Им ли, прошедшим школу разврата, вы захотите доверить оружие? Неужели, покрытые позором и бесчестьем, они будут отстаивать на поле брани честь ваших жен и детей?» (пер. Э. Г. Юнца). По мнению Вандран-Вуайе, в этих пассажах отчетливо звучит мысль, что привилегия военной службы закрепляется за гражданами только при условии, что они ее достойны по своим нравам¹¹². Исследовательница полагает, что в русле этой древней традиции находится и более жесткое применение норм Юлиева закона о прелюбодеяниях к военнослужащим, что, в свою очередь, связано со стремлением Августа «морализовать» армию¹¹³. Именно потому, что, с точки зрения первого принцепса (и его преемников), репутация римского солдата должна была быть если не безукоризненной, то, по крайней мере, почтенной, условия приема в легионы становились исключительно строгими¹¹⁴, а санкции за аморальные поступки — назидательными¹¹⁵. Поэтому, оценивая данное направление военной политики императоров в целом, можно говорить об их желании видеть римских легионеров совершенными воинами, действительно отборными по своим личным качествам, сознающими ответственность за свою высокую миссию¹¹⁶. С другой стороны, для самих солдат их безукоризненная репутация (*integra fama*), заслуженная и сохраненная на протяжении всего срока службы, была необходимым условием получения *missio honesta*, наград и привилегий, полагающихся выходящим в отставку ветеранам (*Cod. Iust. V. 65. 1*).

Такие подходы к военной политике, обусловленные, без сомнения, традиционной гражданско-общинной идеологией, имели целью обеспечение не только политической лояльности войск императорской власти, но и высокого уровня профессионализма. Римский профессионализм в отношении военного дела, надо сказать, не прошел мимо внимания античных авторов, видевших в военной организации Рима непревзойденный образец совершенства, основанного на огромном практическом опыте и рациональной продуманности всей системы в целом и ее отдельных элементов¹¹⁷. В идеале солдат представлялся идеологам эпохи

¹¹² *Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 83.*

¹¹³ *Ibid. P. 84.*

¹¹⁴ Ужесточение критериев отбора новобранцев, как и усложнение самой процедуры *dilectus*'а, несомненно, объясняется также сложной организацией и иерархической структурой римских вооруженных сил, необходимостью тщательной и длительной подготовки профессиональных солдат. См.: *Ле Бож Я. Указ. соч. С. 93–94; 106–107. Ср.: Ротцовцев М. И. Указ. соч. Т. 1. С. 55–56.*

¹¹⁵ *Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 87.*

¹¹⁶ *Ibid. P. 83; 87; 91.* Характерно, что в юридических текстах к военной службе применяются такие понятия, как *officium publicum* и *missio* (*Dig. 4. 6. 29; 4. 6. 33. 2; 49. 16. 9*).

¹¹⁷ Например, см.: *Liv. IX. 17. 10; Jos. B. Iud. II. 20. 7; III. 5. 1 sqq.; Ael. Arist. Or. 26. 71; 73; 85; 87; Veget. I. 1.*

Принципата «породистым псом», похожим на стражей из платоновского «Государства»¹¹⁸. Из суждений древних писателей вырисовывается такой облик римского легионера, который почти полностью подпадает под определение профессионального солдата в современной военной социологии. Так, по дефиниции М. Блуменсона, профессиональный военный — это человек, который находится на регулярной службе в рационально организованной армии, подчинен дисциплине, имеет специальную подготовку и технические навыки, отличается сознательным отношением к своему делу и корпоративной мотивацией¹¹⁹.

Этот профессионализм в отношении военного дела, однако, отнюдь не противоречил гражданско-общинным принципам военного устройства. Современные исследователи считают возможным говорить о начале превращения римского войска в «постоянную армию с профессиональным оттенком» уже в период Ранней республики в связи с такими факторами, как введение (первоначально только эпизодическое) круглогодичной военной службы и соответственно платы за службу во время войны с Вейями в конце V в. до н. э. (Liv. V. 2. 1 sqq.; V. 7. 12–13)¹²⁰. Совершенно прав Л. Кеппи, подчеркивая, что римский профессионализм в военной сфере связан не только с определенными институтами, но и с соответствующими взглядами римлян на военное дело. «По существу, — пишет он, — римская армия Ранней и Средней республики представляла собой совокупность вооруженных граждан, которых вели в бой их избранные магистраты. Но описывать эту армию как ополчение — значит понимать ее состав (сараcity) и недопонимать склад ума ее лидеров и отдельных членов. Дисциплина и тренировка были ее отличительными признаками, тщательность, с какой возводился лагерь, обнаруживает отнюдь не просто объединение воинов-любителей. Римляне усвоили профессиональное отношение к военному делу задолго до того, как армия приобрела профессиональные институты»¹²¹.

Институционализируя профессиональную армию, Август и его преемники опирались на это традиционное римское отношение и в то же время вовсе не отказывались от принципа комплектования легионов гражданами. Сочетание принципа «гражданин — солдат» с профессиональным характером армии можно отнести к бесспорным достижениям военной реформы Августа. Основатель Принципата, вероятно, вполне отдавал себе отчет, что без этого принципа армия легко превратится в

¹¹⁸ Michel A. Op. cit. P. 240; 250; Carrié J.-M. Op. cit. P. 105–106.

¹¹⁹ Blumenson M. The Development of the Modern Military // Armed Forces and Society. 1980. Vol. 6. P. 670. Цит. по: Harries-Jenkins G., Moscos Ch. C. Armed Forces and Society // Current Sociology: The Journal of the International Sociological Association. 1981. Vol. 29. N 3. P. 25.

¹²⁰ Токмаков В. Н. Военная организация Рима... С. 176.

¹²¹ Keppie L. The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. L., 1984. P. 55.

наемное войско, которое всегда будет источником повышенной угрозы для власти принцепса. Конечно, и в годы правления Августа, и в последующие периоды истории Империи неоднократно возникали ситуации, когда не приходилось проявлять особую разборчивость при наборе войсковых контингентов, когда среди граждан преобладали *sacramenti metus* и *trepeditio dilectus*, когда лояльность войск императоры вынуждены были приобретать откровенным подкупом. Вполне вероятно, что картину проведения вербовки в армию, близкую к реальности, дает то пародийное описание, которое мы находим на страницах романа Апулея в рассуждениях предводителей разбойников¹²². Однако лейтмотивом политики рекрутирования в эпоху Ранней империи оставалась ориентация на гражданский статус легионов, составлявших основу вооруженных сил, и соответственно на высокий уровень моральных требований, предъявляемых к воинам. Другое дело, что в условиях мировой державы римские легионеры были не просто гражданами города Рима, но географически обширной *res publica*, служба которой была и службой императору¹²³. Представляется, что к рассмотренной дихотомии «гражданин — солдат» полностью приложим вывод Клода Николе: при Империи «и в праве, и в действительности как фикция и как реальность продолжали существовать слова и институты общины. Настолько, что римское государство, начиная с периода Империи, будет всегда оставаться достаточно отличным от монархических, бюрократических и территориальных государств современной Европы»¹²⁴. Не менее верным, в свете проведенного анализа, представляется и заключение К. Крафта, который подчеркивал в свое время, что Римская империя стала разваливаться тогда, когда солдаты на своей службе перестали чувствовать себя римскими гражданами¹²⁵. Это значит, что императорская армия сохраняла важные полисно-республиканские традиции не только в качестве идеальной нормы, но и в качестве практических установок, закрепляемых правом. Несмотря на неизбежную трансформацию в новых исторических условиях, эти традиции обеспечивали достаточно эффективное функционирование военной организации Принципата и, как мы увидим далее, особую политическую роль армии.

¹²² *Apul. Met. VII. 4*: «...призвать молодых новобранцев и довести ряды воинственного ополчения до положенной численности: сопротивляющихся — страхом можно принудить, а добровольцев привлечь наградами. К тому же немало найдется людей, которые предпочтут унижениям и рабской жизни вступление в шайку, где каждый облечен властью чуть ли тиранической» (пер. М. А. Кузмина). См.: *Brunt P. A. Conscription and volunteering...* P. 189.

¹²³ *Flaig E. Op. cit. S. 165.*

¹²⁴ *Николе К. Римская республика и современные модели государства // ВДИ. 1989. № 3. С. 99.*

¹²⁵ *Kraft K. Op. cit. S. 69.*

Глава V

АРМИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ: «ВООРУЖЕННЫЙ ГОРОД» И «ВОЕННОЕ СОСЛОВИЕ»

Как показал анализ литературной традиции в главе III, постоянная профессиональная армия в общественном мнении воспринималась как некий обособленный мир, особая социально-политическая сила, все более отчуждающаяся от «цивильного» общества¹ и противостоящая традиционным элементам социальной структуры. Не удивительно поэтому появление в поздних источниках понятия *corpus militare*, «военное сословие, военная корпорация» (*SHA. Max. duo. 8. 1; Eutrop. IX. 1. 1*)². Это понятие, в отличие от терминов *exercitus* или *militia*, указывает, по всей видимости, не столько на функциональную, сколько на специфическую социальную и политическую сущность армии. Такое ее восприятие, несомненно, отражает реальный процесс отчуждения армии от общества, который был прямым следствием профессионализации военной деятельности в условиях развития римской экспансии и кризиса полисно-республиканских устоев, в частности распада триады «гражданин — собственник — воин»³.

В литературе при характеристике этого процесса уже давно общим местом стало указание на развитие в римской армии особой корпоративности и корпоративного духа (*esprit de corps*, *Korpsgeist*). Еще Т. Моммзен, говоря об армии Поздней республики, подчеркивал:

¹ Некоторые исследователи считают, что появление «цивильного общества» как некой противоположности армии относится уже к концу II в. до н. э. См.: *Cornell T. The End of Roman imperial expansion // War and Society in the Roman world / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993. P. 167–168.*

² Ср.: *Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // KHG. S. 45.*

³ *Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. Bd. 74. S. 197 ff.; Утченко С. Л. Римская армия в I в. до н. э. // ВДИ. 1962. С. 42 сл.; он же. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 192 сл.; Игнатенко А. В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики. Свердловск, 1976. С. 147; 170.*

«Гражданское и даже национальное чувство исчезло у войска, и только корпоративный дух остался внутренним связующим звеном»⁴. Обычно в оценках современных историков, пишущих о римской армии, под корпоративностью (корпоративизмом) и корпоративным духом⁵ подразумеваются (как правило, без каких бы то ни было специальных пояснений) приверженность солдат своим частям и подразделениям или армии в целом, ее традициям и вождю, воинской чести, а также профессиональная солидарность военных, их «замкнутость» на собственных узкогрупповых интересах, обособление (физическое, социальное, социально-психологическое, идеологическое) от гражданского населения⁶. В общем виде такое понимание армейской корпоративности, как единства социальных, общественно-психологических и ценностно-идеологических компонентов, самоочевидно и не вызывает никаких серьезных возражений. Столь же очевидной является историческая универсальность данного феномена, который обнаруживается и у греческих наемников классического времени⁷, и в армиях эллинистической эпохи⁸, а также характерен для вооруженных сил Нового⁹ и Новейшего времени¹⁰.

⁴ Моммзен Т. История Рима. Т. III. М., 1941. С. 411. Другую литературу см.: Махлаюк А. В. Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 18. Прим. 1.

⁵ На наш взгляд, правильнее было бы четко разграничивать эти понятия, трактуя «корпоративный дух» как социально-психологическое выражение «корпоративности». Под последней же следует понимать скорее определенную социальную обособленность данного общественно-политического и профессионального организма и вытекающий отсюда особый характер самоидентификации его членов, интересов, ценностей, внутренних связей и отношений с прочими структурами общества. Ср.: Вахмистров В. П. Социальные и духовные основы военного корпоративизма // Военная мысль. 2000. № 5. С. 39–43. См. также сн. 44 во введении.

⁶ Ср., например: Southern P., Dixon R. The Late Roman Army. New Haven; L., 1996: «Сплоченность, или *esprit de corps*, — это то мощное чувство “семьи” или “принадлежности”, которое испытывают члены всякой крупной корпоративной организации. Именно замкнутый, доходящий иногда почти до клаустрофобии характер армии и соответствующая взаимозависимость людей внутри нее создают стимул для индивидов “не покидать строй”».

⁷ Мариневич Л. П. Социальная психология греческих наемников // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конференции. М., 1993. С. 219. Автор, впрочем, отмечает неглубокий характер чувства товарищества и *esprit de corps* среди наемников.

⁸ *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. Vol. 2. P., 1950. P. 1010 et suiv.*

⁹ См., например: Александров С. Е. Немецкий наемник конца XV — середины XVII в.: грани ментальности // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 83 сл. См. также процитированные выше (введение, сн. 44) слова К. Клаузевица.

¹⁰ См.: Вахмистров В. П. Указ. соч. Ср.: «Корпоративный дух есть источник морального существования и боеспособности любого подразделения» (Character Guidance. Discussion Topics. N. Y., 1962. P. 18. Цит. по: Волкогонов Д. А. Социологический и гно-

Вместе с тем в антиковедческой литературе — и не только в старой¹¹ — в характеристиках армий позднереспубликанского и императорского времени нередко фигурируют понятия типа «солдатское сословие», «военный класс», «военное общество». Например, по словам Ж. Гаже, в Риме на смену «военной профессии» со второй половины II в. н. э. появляется «военный класс»¹². Г. Альфельди более осторожно говорит о формировании к концу II в. н. э. особого «военного общества» в пограничных зонах Империи¹³. Аналогичный вывод делает и Ж.-М. Каррие, хотя и употребляет термин «военное сословие» (*il ceto militare*)¹⁴. Подобного рода оценки в определенном контексте, несомненно, имеют право на существование, по крайней мере начиная со второй половины II в. н. э. Однако и понятие корпоративности, и в целом характеристика армии как специфического социального организма требуют, по нашему мнению, более глубокой разработки и конкретизации. Прежде всего важно понять собственно римскую, цивилизационную, специфику этих феноменов с точки зрения тех внутренних традиций императорской армии, которые восходят к полисно-республиканским устоям и которые как раз и делали военный лагерь и легион тем, что Вегетий называл «вооруженной общиной» — *armata civitas* (Veget. II. 25; ср.: II. 18: *murata civitas*). Конечно, Вегетий, уподобляя легион и лагерь общине, городу, имел в виду их самодостаточность, универсальную приспособленность к различным видам боевых действий и к удовлетворению разнообразных повседневных нужд. Но его слова, по-видимому, имеют и более глубокий смысл, ибо такое уподобление выражает глубинную взаимосвязь социальных и военных институтов и традиций. Как справедливо заметил И. Гарлан, на всем протяжении греческой и римской истории обнаруживается подобие (гомология) военных структур и общества в целом. Именно подобие, а не тождественность, поскольку речь идет об образе, а не о прямом отражении: армия есть образ той социальной среды, продуктом которой она является¹⁵.

Чтобы нагляднее представить в этом плане отличительные особенности воинского сообщества, уместно, наверное, сопоставить их с

сеологический анализ проблем военно-этической теории: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1971. С. 54).

¹¹ Например: *Моммзен Т.* История Рима. Т. II. СПб., 1993. С. 145; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. СПб., 1994. С. 312.

¹² *Gagé J.* Les classes sociales dans l'Empire Romaine. P., 1964. P. 133. Ср.: *Raaflaub K. A.* Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats // *Saeculum Augustum. I. Herrschaft und Gesellschaft* / Hrsg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 276.

¹³ *Alfeldy G.* Op. cit. S. 46 ff.

¹⁴ *Carrié J.-M.* Il soldato // *L'uomo romano* / A cura di Giardina Andrea. Bari, 1989. P. 110–111; 117.

¹⁵ *Garlan Y.* La guerre dans l'Antiquité. P., 1972. P. 85.

характерными чертами *civitas*, которая всегда оставалась для римлян главным социальным и мировоззренческим ориентиром. В качестве исходного пункта такого сопоставления можно обратиться к известному месту из трактата «Об обязанностях», где Цицерон рассуждает о том, что объединяет людей в гражданской общине (I. 17. 53–57). На первом месте у Цицерона стоят связи индивида с государством и отечеством, а внутри гражданского коллектива людей объединяют, по его словам, общие храмы и форум, портики и улицы, законы, права, правосудие и голосование, общение друг с другом и дружеские связи, деловые отношения и родственные узы. Примечательно, что среди прочего оратор выделяет дружеские отношения (*ibid.* I. 17. 57). Названные элементы, очевидно, сохраняли свое значение в жизни римского общества и в период Ранней империи¹⁶. В своеобразном преломлении все они присутствовали и в жизни армии.

Для профессиональных солдат, проводивших на службе не один десяток лет¹⁷, военный лагерь становился действительно настоящим родным домом, второй родиной (а для так называемых *castrensēs*, «лагерных детей», — и единственной родиной, в том числе и в юридическом смысле).

¹⁶ Кнабе Г. С. Римское общество в эпоху ранней империи // История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова и др. 2-е изд., испр. Кн. 3. М., 1983. С. 77 сл.; *он же*. К специфике межличностных отношений в античности (Обзор новой зарубежной литературы) // ВДИ. 1987. № 4. С. 172.

¹⁷ Вопрос о продолжительности службы солдат императорской армии не так прост, как может показаться на первый взгляд. Официальный срок службы зависел прежде всего от рода войск. В конце правления Августа теоретически срок службы легионеров составлял 20 лет, но на практике мог доходить и до 40 (*Tac. Ann.* I. 17. 3). Впоследствии, во II в., он составлял от 23 до 26 лет. Воины вспомогательных частей в среднем служили от 25 лет при Августе до 27 начиная с правления Каракаллы (см.: *Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001. С. 92–93). По разным причинам возможны были задержки сверх положенного срока. Из надписей, относящихся ко времени до середины I в. н. э., известны легионеры, которые провели на службе 32 и 33 года (CIL III 2048; 8487), а в одной надписи начала III столетия указан срок службы в 27 лет (CIL III 2008). По разным причинам порядка 10–15 % солдат могли досрочно увольняться из рядов армии (*Schedel W.* Rekruten und Überlebende: Die demographische Struktur der römischen Legionen in der Prinzipatszeit // *Klio.* 1995. Bd. 77. S. 232 ff.; 249). Наряду с увольнением в связи с совершенным проступком или болезнью (*missio ignominiosa* или *missio causaria*), досрочная почетная отставка могла быть предоставлена принцепсом также в качестве особой императорской милости, как награда за воинские отличия (*Dig.* 3. 2. 2. 2: *Est honesta, quae emeritis stipendiis vel ante ab imperatore indulgetur*). Так, ветеран Гай Юлий Монтан указал в надписи, что благодаря милости императора Септимия Севера получил почетную отставку до истечения срока службы (CIL VIII 4594 + 18649: *missus ante te[mpus] ex indulgentia [eius ho]nest[am]issione*), а из надписи от 71 г. н. э. известно о легионерах, которые получили досрочное увольнение со службы за проявленные храбрость и усердие (CIL XVI 17: [*Item ii, qui] ante emerita stipen[di]a eo, quo]d se in expedicione belli fortiter industrieque gesserant, exauctorati sunt*). Подробнее см.: *Wesch-Klein G.* Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit. Stuttgart, 1998. S. 88 ff.; 179–184.

ле¹⁸). Эта мысль вполне однозначно высказывалась римскими авторами. У Тита Ливия (XLIV. 39. 5) Эмилий Павел, обращаясь к воинам, называет лагерь второй отчизной, где вместо стен — вал и где для каждого воина палатка является домом и пенатами. Этот же мотив, возможно, заимствованный у Ливия, не менее выразительно звучит в «Истории» Тацита (III. 84. 2). Флавианцы во время штурма преторианского лагеря в Риме восклицают: «честь воина — в лагере: там его родина, там его пенаты» (*proprium esse militis decus in castris: illam patriam, illos penates*). В другом месте Тацит замечает, что солдаты расположенных в Сирии войск после многолетней службы смотрели на свой лагерь как на родной дом (Hist. II. 80. 3: *familiaria castra in modum penatium diligebantur*; ср.: V. 16. 4). Доверие к этим пассажам, которые могут показаться голой риторикой, подкрепляется письмом солдата Теона, родом египтянина, который писал своей жене, обеспокоенной предстоящим переводом его части в другую провинцию, что, даже находясь в чужих краях, он в действительности будет на родине (т. е. в лагере), а не на чужбине (Р. Оху. VIII, 1154)¹⁹. Римский военный лагерь, сохранявший основные принципы своего устройства практически на всем протяжении истории Рима, несомненно, давал солдату чувство защищенности и морально-психологического комфорта²⁰.

Изоморфность римского лагеря и города не прошла мимо внимания греческих писателей. Уделивший немало места описанию римского военного лагеря Полибий подчеркивал, в частности, что проложенные в нем улицы и прочее устройство уподобляют его настоящему городу (VI. 31. 10; ср.: VI. 41. 10). По словам Иосифа Флавия (B. Iud. III. 5. 2), прямые улицы, центральное расположение палаток военачальников, площадь (*ἀγορά*), кварталы ремесленников, места для судебных кресел, где начальники разбирают возникающие споры, — все это делает лагерь очень похожим на город. Действительно, как и любой античный город, лагерь имел свой форум (Liv. XLII. 2. 11; Polyb. VI. 32. 8;

¹⁸ *Castrenses* называли людей, указывавших в качестве своего места рождения (*origo*) военный лагерь — *castris*. Принято считать, что это были сыновья солдат и их конкубин, живших в канабах. А. Мочи высказал мнение, что *origo (ex) castris* давалось как фиктивная родина тем юношам, которые в момент поступления на военную службу не имели римского гражданства и, соответственно, не имели права служить в легионах (*Móczy A. Die Origo castris und die Canabae // AAASH. 1965. Bd. 13. S. 425–431*). Традиционная точка зрения была заново аргументирована Ф. Виттингхоффом (*Vittinghoff F. Die rechtliche Stellung der canabae legionis und die Herkunftsangabe castris // Chiron. 1971. Bd. 1. S. 299–318*). Ср.: *Ле Бозк Я.* Указ. соч. С. 116, где также поддерживается традиционная интерпретация.

¹⁹ *Dahlheim W.* Op. cit. S. 209.

²⁰ *Cagniard P.* «*Victori receptaculum, victo perfugium*». Notes à propos des camps de marche de l'armée romaine // *Études de classiques. 1992. T. 60. N 3. P. 232.*

Fest. P. 309 L), где располагались штабные и канцелярские помещения, *principia* и *praetorium*²¹, знаменные святилища (*aedes*), в которых хранились штандарты части и императорские *imagines*, стояли алтари и статуи богов²². Слева от претория находилась ораторская трибуна — *tribunal* или *suggestus*, с которого военачальник обращался к сходке воинов с речью²³; справа располагалось пространство для птицегаданий, *auguratorium* (Ps.-Hygin. *De munit. cast.* 11–12). На лагерном форуме находились также базилика с помещениями для школ (своеобразных клубов, где собирались на свои заседания коллегии низших чинов, учрежденные с разрешения Септимия Севера²⁴) и *tabernae*. Постоянный лагерь (*castra stativa*), помимо жилых помещений и собственно военных сооружений, ремесленных мастерских и госпиталя, имел также различные непреходящие атрибуты благоустроенного античного города, включая и такие достижения римской цивилизации, как бани и общественные уборные²⁵, а кроме того, такие сооружения, как палестры и амфитеатры, использовавшиеся как для проведения военных тренировок, так и для развлечений личного состава в свободное время²⁶. Следует также учитывать, что вокруг постоянных легионных лагерей вырастали посел-

²¹ О претории как средоточии жизни лагеря и аналоге центральной части Рима см.: *Lorenz H.* Untersuchungen zum Prätorium. Katalog der Prätorien und Entwicklungsgeschichte ihrer Typen. Halle, 1936. S. 84 ff. (особенно 87–88). См. также: *Mommsen Th.* Praetorium // *Hermes*. 1900. Bd. 55. S. 437–442; *Egger R.* Das Praetorium als Amtssitz und Quartier römischer Spitzfunktionäre. Wien; Böhlau, 1966. О *principia*: *Ле Бож Я.* Указ. соч. С. 239–240; *Domaszewski A., von.* Die Principia des römischen Lagers // *Neue Heidelberg Jahrbücher für des Klassische Altertum*. 1899. Bd. IX. S. 161 ff.; *Fellmann R.* Die Principia des Legionslager Vindonissa und das Zentralgebäude römischen Lager und Kastelle. Brugge, 1958.

²² Об *aedes* см.: *Domaszewski A., von.* Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885. S. 45–49; *Reinach A. J.* *Signa militaria* // *DA*. Vol. IV. P. 1309 suiv.; *Kubitschek W.* *Signa* // *RE*. Bd. II. A. 2. 1923. Sp. 2337; *Turnovsky P.* Die Innenausstattung der römischen Lagerheiligtümer: Diss. Wien, 1990.

²³ *MacMullen R.* The Legion as a Society // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 455, с указанием источников.

²⁴ Существует достаточно аргументированная точка зрения, что военные *collegia* появились уже в правление Адриана. См.: *Domaszewski A., von.* Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. S. 84. Anm. 341; *Ausbüttel F. M.* Untersuchungen zu den Vereinen in Westen des römischen Reiches. Kallmünz, 1982. S. 29–30; *idem.* Zur rechtlichen Lage der römischen Militärvereine // *Hermes*. 1985. Bd. 113. S. 505; *Rüpke J.* *Domi militiaeque*: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990. S. 192.

²⁵ *Ле Бож Я.* Указ. соч. С. 241. Ср.: *Сильнов А. В.* К вопросу о некоторых элементах античной архитектуры: Туалеты в системе общественных построек Древнего Рима // *Мвѣща*: Сб. науч. тр., посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 385–386. Подробнее о строениях и планировке лагеря см.: *Petrikovitz H., von.* Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. Opladen, 1975.

²⁶ *Wesch-Klein G.* Op. cit. S. 92–93; *Le Roux P.* L'amphithéâtre et le soldat // *Spectacula* 1. Lattes, 1990. P. 203–215.

ки (*canabae*) (аналогичные поселки возле крепостей вспомогательных войск назывались *vicī*), где жили ремесленники, торговцы и конкубины воинов и часто селились после отставки ветераны²⁷. Кроме того, к дислоцированному в постоянном лагере легиону были приписаны земельные территории — *prata legionis* (*cohortis*) или *territorium legionis* (*territorium militare*), которые имели особый режим землепользования и на которых силами самих солдат или арендаторов производилась необходимая сельскохозяйственная продукция либо добывались полезные ископаемые²⁸. Эти элементы, несомненно, еще более усиливают сходство военного лагеря с античным городом, характерными признаками которого являются наличие собственной сельской территории и тенденция к автаркии. Вместе с тем характер, функции и размеры построек внутри лагеря показывают, что, при всем сходстве с городской общиной, он представлял собой нечто иное, нежели гражданский населенный пункт²⁹.

Важно также подчеркнуть, что военный лагерь, как и всякий античный город, представлял собой своеобразный религиозный микрокосм, имевший определенную сакральную структуру и своих божественных покровителей³⁰. Кроме посвящений Гению лагеря (CIL VIII 2529 = 18040 = ILS, 2291; AE. 1963, 45; ср.: CIL VI 230 = 36748 = ILS, 2216; CIL VI 231 = ILS, 2215), известны также посвящения *numinibus castrorum* (CIL XIII 6749), *B(ona) D(ea) Castrensis* (CIL V 760)³¹ и гениям различных лагерных сооружений: Гению табулярия (EE. V, 711 = ILS, 2447), Гению претория (AE. 1939, 36; 1973, 637; ср. также: EE. III, 312: $\theta\epsilon\omicron\iota$ ς $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon\iota$ $\eta\upsilon\epsilon\mu\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\iota$ $\pi\rho\alpha\tau\omega\rho\acute{\iota}\omicron\upsilon$), Гениям схол (CIL VIII 2603 = ILS, 2376; ILS, 2400; CIL III 7626 = ILS, 2545; RIU II 412), учебного плаца (ILAlg. I. 3596), на котором могли быть возведены и особые храмы

²⁷ Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999. С. 40–41; *Schulten A. Canabae* // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1451–1456.

²⁸ Колобов А. В. Экономические аспекты римской оккупации рейнско-дунайского пограничья в эпоху Юлиев—Клавдиев // Античность Европы: Межуз. сб. науч. тр. Пермь, 1992. С. 38–47; *он же*. «Военная территория» эпохи принципата: историографический миф или реальность? // *Ius antiquum. Древнее право*. 2000. № 1 (6). С. 43–50.

²⁹ *Le Roux P. Armée et société en Hispanie sous l'Empire* // KHG. P. 263.

³⁰ *Helgeland J. Roman Army Religion* // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1491 ff. Не только лагерь, но также форт (*castellum*) или военный стационарный пост (*statio*), являясь уменьшенной копией лагеря, имели свое сакральное пространство. См.: *Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian*. Diss. Konstanz, 1973. S. 157–193; *Rüpke J. Op. cit.* S. 169–171; 181–183.

³¹ Было высказано предположение, что первоначально божеством лагеря считалась *Pales*, являвшаяся также божественной покровительницей военного предводителя (*Basanoff V. Evocatio. Étude d'un rituel militaire romaine*. P., 1947. P. 193).

и справлялись соответствующие церемонии³². Место, где размещался постоянный лагерь (или крепость), по-видимому, подлежало освящению³³. Не только преторий и место перед ним считались священным пространством (*locus sacer*), но и сама внутренняя территория лагеря, его стены, ров и вал, о чем свидетельствует суровость наказаний, налагавшихся за проникновение в лагерь через вал или за перепрыгивание через ров (*Dig. 49. 16. 3. 17–18; Ex Ruffo leg. mil. 33*)³⁴.

Военный лагерь сходствовал с *civitas* не только своей пространственной и сакральной структурой, но также сословно-классовой, ибо через армейскую иерархию в военном сообществе так или иначе были представлены все регионы, классы и слои Римской империи: структура армии (по крайней мере, до начала III в.) соответствовала сословно-правовому делению римского общества³⁵. Высшие командные посты почти без исключений принадлежали представителям сенаторского и всаднического сословий. Различия в правовом статусе римских граждан италийского происхождения, романизированных провинциалов, peregrinorum и вольноотпущенников соответствовали различиям в условиях службы и привилегиях между солдатами преторианской гвардии, легионов, вспомогательных войск и флота. В армии были представлены и рабы, причем не только принадлежавшие в качестве слуг отдельным офицерам и солдатам, но и относившиеся к легиону в целом (*Ios. V. Iud. III. 6. 2: τὸ δ' οἰκετικὸν ἕκαστου τάγματος; ср.: V. 2. 1*). Армейские рабы получали определенную военную подготовку, в случае необходимости вооружались и должны были во время сражения охранять лагерь³⁶.

В целом же созданная Августом военная система сохраняла два фундаментальных, восходящих к древним традициям принципа: единство статуса гражданина и легионера и закрепленную за высшими сосло-

³² *Le Boeck J.* Указ. соч. С. 167; 172–173; *Le Boeck Y.* La IIIe légion Auguste. P., 1989. P. 362.

³³ *Bouché-Leclercq A.* Manuel des institutions romaines. P., 1886. P. 281. Not. 4. Об этом с очевидностью свидетельствует посвящение местному Гению (*Genio Gholaiæ*), сделанное центурионом III Августа легиона Г. Юлием Дигном в 201 г. Он, как сказано в надписи, в первый же день по прибытии на место, где по приказу императоров должен был быть расположен лагерь, освятил это место: [pr]imo die, quo locum ventum est, ubi domini nnn. castra fieri iusserunt, locum consecravit et [castra instituit et aedificavit?] (*AE. 1976, 700*). Ср.: *Aur. Vict. Caes. 29. 1*.

³⁴ *Helgeland J.* Op. cit. P. 1492–1493; *Brand C. E.* Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 160. Вероятно, это связано не только с дисциплинарными соображениями, но и с тем обстоятельством, что ворота, вал и стены лагеря относились к *res sanctae*, подобно городским стенам и воротам (*Gai. Inst. II. 8; Dig. I. 8. 11*).

³⁵ *Alföldy G.* Op. cit. S. 40 f.; *Dahlheim W.* Op. cit. S. 200–201; *Wesch-Klein G.* Op. cit. S. 9; 13 ff.; *Le Boeck J.* Указ. соч. С. 49.

³⁶ *Roth J.* The Size and Organization of the Roman imperial Legion // *Historia*. 1994. Bd. 43. Hf. 3. P. 354–356, с указанием источников. См. также: *Wesch-Klein G.* Op. cit. S. 112.

виями монополю на командование, пережиток древней тимократической системы³⁷. Краеугольным камнем военной реформы Августа стало также обязательное сочетание гражданской и военной карьеры для сенаторов, что исключало возникновение замкнутой «касты» высших военачальников³⁸. Военная служба предоставляла и многим простым солдатам возможности социального возвышения, корректируя определенным образом социальную структуру общества, но эти возможности сильно зависели от того, каким начальным статусом обладал пришедший в армию новобранец³⁹. В то же время оригинальной чертой армейского сообщества, отличающей его от городской общины, являлась строгая иерархичность его структуры и достаточно широкие (даже для рядового состава) возможности карьерного продвижения по лестнице чинов и рангов, следствием чего было сильно развитое соперничество, сочетавшееся, однако, с солидарностью⁴⁰.

Что касается других элементов, определявших, согласно Цицерону, основы римской социальности, то они также находят аналогии в военной жизни. Законом и праву соответствовала воинская дисциплина и *ius militare* в более широком смысле⁴¹; правосудию — дисциплинарная власть командиров и полководца; деловым отношениям — разнообразная строительная и хозяйственная деятельность войск⁴², в финансовой сфере — различные по своим источникам доходы, налоговые и финансовые преимущества, гарантированные государством, а также те сберегательные кассы, которые имелись в каждом легионе для аккумуляции доли жалованья и донатив с целью обеспечения похорон умерших сослуживцев и накоплений к моменту выхода в отставку (*Veget. II. 20*)⁴³.

³⁷ *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 104.

³⁸ *Smith R. E.* Service in the Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958. P. 73–78; *Campbell J. B.* Who were the *virii militares*? // *JRS*. 1975. Vol. 65. P. 14–27; *Raaflaub K. A.* Op. cit. S. 254; 287 ff.; *Ле Бозк Я.* Указ. соч. С. 49.

³⁹ *Alföldy G.* Op. cit. S. 41; *Ле Бозк Я.* Указ. соч. С. 61–62.

⁴⁰ Ср.: *Le Roux P.* Armée et société... P. 266.

⁴¹ Такое определение мы находим у Исидора Севильского (*Etym. V. 7. 1–2*): «К военному праву относятся: обычаи ведения войны, порядок заключения союзов, выступление на врага или начало сражения по сигналу, а также отступление по сигналу. Кроме того, ответственность за воинское бесчестье, например за оставление позиции; далее, размеры жалованья, порядок повышений, награждение почетными отличиями, например, венками или торквесами; раздел добычи и ее справедливое распределение в соответствии с личными качествами и трудами, а также выделение доли военачальника».

⁴² *Wierschowski L.* Heer und Wirtschaft: Das römische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfactor. Bonn, 1984; *Mac Mullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963.

⁴³ Нужно иметь в виду, что ни донативы, ни *stipendium* с идеологической точки зрения не были житейскими вознаграждениями и заработной платой наемных работников. Различные материальные выгоды, получаемые на военной службе солдатами, как пря-

Наконец, родственным узам (если не брать в расчет неофициальные, хотя и достаточно распространенные до Септимия Севера солдатские браки⁴⁴ и службу в одной части братьев) и дружеским связям соответствовали воинское товарищество и братство. Разумеется, не менее тесным, чем в общине, было и повседневное общение воинов: как и в небольшом городе, в лагере все знали друг друга (Tac. Hist. I. 75. 1).

Все эти моменты, делавшие легион и лагерь подобием *civitas*, позволяли воинскому сообществу сравнительно легко и безболезненно трансформироваться в настоящую гражданскую общину, как это происходило при выведении ветеранских колоний, когда, по словам Тацита (Ann. XIV. 27. 3), легионы направлялись на поселение в полном составе, со своими центурионами и трибунами и сослуживцы составляли общину, жившую в добром согласии⁴⁵. Не удивительно поэтому, что во многих

мые выплаты, так и освобождение от налогов и награды при выходе в отставку, определялись всем сроком службы. Подчеркивая эти моменты, Ж.-М. Каррие совершенно прав в своем определении военной службы в римской армии как своеобразной формы постепенного накопления капитала (*una sorta di piano di risparmio*) (*Carrié J.-M.* Op. cit. P. 125). О финансовом положении и источниках доходов солдат в целом см.: *Wesch-Klein G.* Op. cit. S. 45–69; *Speidel M. A.* Sold und Wirtschaftslage der römischen Soldaten // *KHG.* S. 65–94.

⁴⁴ *Wesch-Klein G.* Op. cit. S. 104 ff., с литературой, к которой можно добавить: *Phang S. E.* The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice // *Journal of Family History. Studies in Family, Kinship, and Demography.* 2002. Vol. 27. N 4. P. 352–373; *eadem.* The Marriage of Roman Soldiers, 13 BC — AD 337: Law and Family in the Imperial Army. Leiden, etc., 2001.

⁴⁵ ...Universae legiones deducebantur cum tribunis et centurionibus et sui cuiusque ordinis militibus, ut consensu et caritate rem publicam efficerent. Ср.: *Hygin.* De lim. const. (Thulin. P. 141 = *Lachmann.* I. P. 176, 11): Multis legionibus contigit bella feliciter transigere et ad laboriosam agriculturae requiem primo tirocinii gradu pervenire: nam cum signis et aquila et primis ordinibus ac tribunis deducebantur... У *Аппиана* (B. C. II. 141; III. 81) подчеркивается политическая подоплека такого порядка поселения ветеранов и желание самих солдат жить вместе после отставки, чтобы чувствовать себя в безопасности среди враждебно настроенных местных жителей. Речь идет о ветеранских колониях, выведенных триумвирами и позднее *Октавианом Августом*; не исключено, что такова была практика и при *Сулле*. Свидетельства литературных источников о выведении в колонии целых легионов подтверждаются и надписями (например, *ILS.* 887, 2235). См.: *Brunt P. A.* Italian Manpower. 225 B. C. — A. D. 14. Oxf., 1987. P. 294; *Кузицин В. И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II до н. э. — I в. н. э.). М., 1976. С. 143–145. О проблемах ветеранской колонизации в целом см.: *Schneider H. C.* Das Probleme der Veteranversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn, 1977; *Fijala E.* Die Veteranenversorgung im römischen Heer vom Tod des Augustus bis zum Ausgang der Severerdynastie: Diss. Wien, 1955; *Watson G. R.* Discharge and Resettlement in the Roman Army: The praemia militiae // *Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt.* Bd. 2. B., 1965. P. 147–162; *Mann J. C.* Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. L., 1983; *Кулаковский Ю. А.* Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи // *Киевские университетские известия.* 1881. № 9 (отдельный оттиск); *он же.* Praemia militiae в связи с вопросом о наделе ветеранов землей // *ЖМНП.* 1880. Июль. № 7. С. 265–280.

местах Империи на основе военных лагерей и прилагерных поселков формировались настоящие города, получавшие соответствующий юридический статус⁴⁶ и игравшие важную политическую роль как опорные пункты императорской власти и оборонительной системы Империи⁴⁷. Эту политику вместе с тем можно, наверное, рассматривать как продолжение — на качественно новом уровне — старой республиканской традиции награждения ветеранов землей и создания колоний в качестве опоры римского государства⁴⁸.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, каким образом политические компоненты полисного общежития (права, правосудие, голосование) реализовывались в жизни армии. На этом вопросе мы подробно остановимся ниже, рассматривая проблематику, связанную с политической ролью армии в период Империи. Пока же только констатируем, что республиканско-полисные традиции, сохранявшиеся в императорской армии, с особенной наглядностью проявляются в таком институте, как воинская сходка (*contio militaris*), которая была в большинстве случаев непосредственным механизмом выражения властной воли армии.

В целом же на основании вышеизложенного можно отметить, что многие порядки и обычаи военной жизни в эпоху Империи по своей форме и структуре представляли несомненную аналогию социальным и политическим связям, характерным для римской *civitas*, и в то же время превращали воинское сообщество в некое автономное, самодостаточное образование. Если к тому же учесть, что в лагере звучала латинская речь, почитались римские боги и справлялись римские празднества, то не покажутся преувеличением слова Дж. Хельгеланда, который назвал

⁴⁶ *Mommsen Th.* *Römische Lagerstädte // Idem.* *Gesammelte Schriften.* Bd. VI. B., 1910. S. 176–203; *Vittinghoff F.* *Die Bedeutung der Legionslager für die Entstehung der römische Städte an der Donau und in Dakien // Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte.* Neumünster, 1968. S. 132–142.

⁴⁷ *Wesch-Klein G.* *Op. cit.* S. 190.

⁴⁸ Ср. замечание Гигина Громатика: «Выдающиеся римские мужи по завершении крупных завоеваний ради расширения государства основывали города, которые передавали либо победоносным гражданам римского народа, либо выслужившим свой срок воинам, и так как они посвящали себя возделыванию полей, [эти города] они назвали колониями. Колонии же предназначались тем гражданам, которые при определенных обстоятельствах брали в руки оружие. Ведь римский народ имел [их] ради усиления государства, а не увеличения [числа] воинов: в те времена земля была наградой и считалась пенсией за службу» (*Finitis ergo ampliorum bellorum operibus, augendae rei publicae causa inlustres Romanorum viri urbes constituerunt, quas aut victoribus populi Romani civibus aut emeritis militibus adsignaverant et ab agrorum nova dedicatione culturae colonias appellaverunt: victoribus autem adsignatae coloniae his, qui temporis causa arma tunc percperant. Non enim tantum, militum incremento, rei publicae, populus Romanus habuit: erat tunc praemium terra et pro emerito habebatur* (*Ps.-Hug.* *De limit.* const. Lachmann. I. P. 176, 1–9)). Ср. вывод П. Бранта: «Земельные пожалования ветеранам в Поздней Республике были не столько новшеством, сколько возрождением древней практики» (*Brunt P. A.* *Op. cit.* P. 393).

военный лагерь «анклавом романизма в джунглях неримских нравов и идеалов»⁴⁹. Однако не менее важно со всей определенностью подчеркнуть ряд принципиальных моментов, в которых выражалась специфика воинского сообщества, всей военной сферы, отделенной в императорское время от сферы гражданской жизни так, как никогда не бывало в период Республики⁵⁰.

Это отделение проявлялось по-разному. В дополнение к сказанному выше можно обратить внимание на одно мероприятие Августа: на публичных зрелищах он отвел воинам особые места, отделив их от граждан (Suet. Aug. 44. 1). Учитывая, что в Риме места в театрах (и амфитеатрах) уже давно определялись сословным статусом зрителей, этот шаг явным образом подчеркивал особое положение военных в обществе. Что касается понятия *res publica*, о котором Цицерон говорит как о высшей ценности для гражданина наряду с отечеством, то среди массы простых солдат это понятие в период Империи, по всей видимости, утратило свое непререкаемое значение. Понятие родины в сознании солдата, как мы видели, все более отождествлялось с лагерем или той провинцией, откуда он был родом и где зачастую не только проходила вся его служба, но и годы после отставки⁵¹. Несмотря на то что солдаты большую часть времени проводили в замкнутом мире лагеря и воинской части, отделение армии от местного общества имело скорее все же функциональный и политический, а не собственно социальный характер⁵². Если учесть, что армейские группировки в разных провинциях со временем приобретали специфические локальные черты, можно говорить не столько о сегрегации армии, сколько об определенной культурной ассимиляции и взаимовлиянии с местными сообществами⁵³.

Что же касается понятий *res publica* и *populus Romanus*, то уже в конце республиканской эпохи в сознании солдат они замещаются фигурой императора, олицетворявшего теперь для них государство и величие римского народа⁵⁴. Показательно в этом плане, что если до 17 г.

⁴⁹ Helgeland J. Op. cit. P. 1494. Ср.: Крест К. История времен римских императоров от Августа до Константина. Т. 1. Ростов н/Д, 1997. С. 558: «...посреди общественных и культурных изменений римская армия оставалась оплотом традиционных римских норм и ценностей и одновременно одним из важнейших факторов римской интеграции».

⁵⁰ Gagé J. Op. cit. P. 61.

⁵¹ Долгая служба в провинции уже во времена Цезаря могла превратить римского солдата в провинциала (B. Alex. 53. 2: *diuturnitate iam factus (sc. miles) provincialis*).

⁵² Le Roux P. *Armée et société...* P. 263; 266.

⁵³ Alston R. *Aspects of Roman history, AD 14–117*. N. Y.; L., 1998 P. 275. Ср.: *idem*. *Soldier and Society in Roman Egypt. A Social History*. L.; N. Y., 1995. Passim.

⁵⁴ Vogt J. *Caesar und sein Soldaten // Orbis. Ausgewählte Schriften zur Geschichte des Altertums*. Freiburg, e. a., 1960. S. 103; Campbell J. B. *The Emperor and the Roman army: 30 BC — AD 235*. Oxf., 1984. P. 7.

до н. э. в официальных документах речь шла о *legiones populi Romani* (правда, уже отдельно от *populus Romanus Quiritum*) (например, ILS, 5050), то в своих «Деяниях» Август говорит об *exercitus meus, classis mea* (RgdA. 15; 26; 30)⁵⁵. По словам же Тацита (*Ann. I. 2. 1*), уже после битвы при Филиппах не существовало государственного войска (*nulla iam publica arma*). Такая ситуация в корне противоречила традиционному принципу, четкую формулировку которого дает в одной из речей Цицерон: «все легионы и все войска, где бы они ни находились, принадлежат государству»⁵⁶. Эмансипация армии и полководцев от республиканских органов власти и утрата последними монополии на военную сферу происходят еще в конце Республики⁵⁷, и слова Августа можно, наверное, расценивать как констатацию завершения этого процесса. В более поздние времена армия и солдаты уже вполне привычно и естественно рассматриваются как принадлежащие императору. В этом плане показательным словоупотребление в некоторых надписях и юридических документах. Так, например, представитель галатского царского рода Латин Александр в надписи, датированной 117 г., восхваляется за устройство раздач в городе по случаю приезда Адриана и «его священных войск» — τῶν ἱερῶν αὐτοῦ στρατευμάτων (IGRR III. 208; ср.: 1421 — время Севера и Каракалы). В ряде конституций императоры именуют солдат *milites nostri* (например, CTh. VII. 6. 4 = Cod. Iust. XII. 6. 4: *fortissimis militibus nostris*).

Фактически в императорский период слова «сенат» и «народ» для солдат уже ничего не значили, являясь, по выражению Тацита, забытыми и пустыми названиями (*oblitterata iam nomina, vacua nomina* — Hist. I. 55. 4; 30. 2). И хотя в текст военной присяги (*sacramentum militiae*), возможно, включалось обязательство быть готовым пожертвовать жизнью ради римского государства (*pro Romana republica*) (Veget. II. 5; ср.: Serv. Ad Aen. VIII. 1)⁵⁸, центральным пунктом присяги были личная пре-

⁵⁵ Парфенов В. Н. К оценке военных реформ Августа // АМА. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 75, с ссылкой на: Wickert L. Der Prinzipat und Freiheit // Prinzipat und Freiheit. Darmstadt, 1969. S. 117.

⁵⁶ Cic. Phil. X. 12: *omnes legiones, omnes copiae, quae ubique sunt, rei publicae sunt*. Эту же установку, демонстрируя свою приверженность республиканским традициям и как бы вступая в полемику с Августом, но не без иронии повторяет Тиберий у Диона Кассия (LVII. 2. 3): «воины принадлежат не мне, а государству» (οἱ στρατιῶται οὐκ ἐμοῦ, ἀλλὰ τῆς δημοκρατίας εἰσιν).

⁵⁷ Игнатенко А. В. Указ. соч. С. 198; Dahlheim W. Op. cit. S. 204.

⁵⁸ Дж. Кэмпбелл (*The Emperor and the Roman army...* P. 22; 25) высказывает предположение, что эта формулировка представляла собой попытку сохранить ту фикцию, что армия оставалась войском римского народа, и могла быть добавлена в поздний период, чтобы в условиях частой смены императоров подчеркнуть лояльность государству тех многочисленных солдат на римской службе, которые лишь номинально были связаны с Римом.

данность императору (и, вероятно, его семейству) и повиновение его указаниям⁵⁹. Не подлежит поэтому сомнению, что создаваемая присягой личная связь солдат и императора коренным образом отличалась от той, которая возникала в раннем Риме между консулами и присягавшими им воинами. В последнем случае полководец, наделенный империем и правом ауспиций, выступал в качестве посредника между войском и богами и только как таковой мог требовать присяги и повиновения⁶⁰. Присяга же на верность императору предполагала подчинение ему не только как легитимному носителю сакральной, военной и государственной власти, но и как конкретной личности. Это подтверждается, в частности, тем фактом, что присяга могла быть принесена еще до того, как провозглашенный войском император официально признавался сенатом и народом, т. е. до наделения его империем и правом ауспиций⁶¹. В силу военной присяги, самого своего воинского статуса и миссии воин оказывался в принципиально иных отношениях с императором, нежели гражданские лица. Солдат был не только и не столько подданным *принцепса*, сколько подчиненным *императора* как верховного главнокомандующего, от которого зависели его *stipendia*, *donativa*, *praemia*, *honores*, *dona militaria* и который, как мы увидим ниже, являлся также и патроном своих солдат (см. гл. IX).

Поступление на военную службу, которая в легионах и вспомогательных войсках императорской армии, как мы уже отметили, продолжалась в среднем 20–25 лет, а для многих из центурионов, не имевших фиксированного срока службы, — значительно дольше⁶², действительно

⁵⁹ Об институте присяги в императорское время см.: *Premierstein A., von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats*. München, 1937. S. 73–85; *Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat*. Clermont, 1983. P. 36 et suiv.; *Campbell J. B. The Emperor and the Roman army...* P. 22 ff.; *Herrmann P. Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung*. Göttingen, 1968. S. 113 ff.; *Watson G. R. The Roman Soldier*. N. Y.; Ithaka, 1969. P. 48–49; *Stäcker J. Princeps und miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr.* Hildesheim, 2003. Мы оставляем в стороне вопрос о том, существовала ли одна воинская присяга, приносимая при вступлении на службу, включавшая в себя обязательство личной верности и возобновляемая в начале каждого года, или же наряду с *sacramentum* солдаты приносили особую клятву верности, ту же, что и гражданское население Империи. Более предпочтительным является первое мнение, разделяемое большинством исследователей. Иная точка зрения высказана, в частности, А. Премерштайном (Op. cit. S. 81 f.).

⁶⁰ *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 38–41. Ср.: *Токмаков В. Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // Религия и община в древнем Риме*. М., 1994. С. 125–147. О военной присяге в республиканском Риме см. также: *Nicolet C.* Op. cit. P. 141–143.

⁶¹ *Premierstein A., von.* Op. cit. S. 81; *Campbell J. B. The Emperor and the Roman army...* P. 28.

⁶² Известно не менее 20 случаев, когда срок службы центурионов превышал 40 лет (*Birley E. Promotions and transfers in the Roman army 2. The Centurionate // Carnuntum*

означало кардинальный разрыв с гражданской жизнью⁶³. Он проявлялся в самых разных аспектах и имел многообразные последствия — и правовые, и социальные, и социально-психологические, и идеологические. Переходя из сферы действия *ius civile* в сферу *disciplina militaris*, римлянин, как и во времена Республики, становился из квирита воином⁶⁴ и попадал под власть военачальников, лишаясь тем самым ряда гражданских прав или ограничиваясь в их использовании (например, права апелляции (Cic. De leg. III. 3)⁶⁵ или права на законный брак во время прохождения службы). Вместе с тем, ориентируясь на преимущественно добровольное комплектование легионов и привлечение к службе качественного пополнения, власти императорского Рима должны были предпринимать комплекс мер, чтобы сделать жизнь военных достаточно сносной и компенсировать определенными юридическими привилегиями и материальными выгодами профессиональный риск, многочисленные тяготы и лишения, связанные с требованиями дисциплины и выполнением боевых задач. В период Ранней империи, судя по всему,

Jahrbuch. 1963–1964. Bd. 31. P. 33 (= *idem*. The Roman Army Papers. 1929–1986. Amsterdam, 1988. P. 219 f.). Рекорд принадлежит центуриону II легиона *Adiutrix* Элио Сильвану, который провел на службе 61 год (*Birley E.* Some legionary Centurions // ZPE. 1989. Bd. 79. P. 114, со ссылкой на неопубликованную надпись, сообщенную автору А. Мочи. См. также: *Wesch-Klein G.* Op. cit. S. 29. Anm. 79). Ему совсем немного уступает примипил I Итальянского легиона Л. Максим Гетулик, прослуживший 57 лет (AE. 1985, 735 = *ILNovae* 27; 184 г.). Нельзя в этой связи не согласиться с мнением Б. Добсона о том, что центурионы составляли особую профессиональную касту, на которой во многом зиждилась боеспособность легионов и которую автор по праву называет «сливками легионов» (*Dobson B.* The Significance of the Centurion and «Primipilaris» in the Roman Army and Administration // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 432).

⁶³ Не следует забывать и о том, что значительная часть солдат вообще не доживала до отставки. Эта цифра, по одним оценкам, составляла 50 % (*Burn A. R.* «Hic breve vivitur». A Study of the Expectation of Life in the Roman Empire // Past and Present. 1953. Vol. 4. P. 10), а по другим — около 40 %, хотя в целом средняя продолжительность жизни солдат практически не отличалась от соответствующей цифры остального населения Империи (*Scheidel W.* Rekruten und Überlebende: Die demographische Struktur der römischen Legionen in der Prinzipatszeit // Klio. 1995. Bd. 77. S. 232–254; *idem*. The Demography of the Roman army // Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire. Ann Arbor, 1996. P. 93–138). Примечательно, что воины преторианских и городских когорт имели более низкую продолжительность жизни, чем легионеры, служившие в провинциях, что, вероятно, объясняется менее здоровыми жизненными отношениями в столице (*Scheidel W.* The Demography... P. 127 ff.; 138 ff.).

⁶⁴ Эти два статуса и в республиканский период рассматривались как противоположные, резко отделенные один от другого. Показательно, в частности, что обращение к солдатам с использованием слова *Quirites* вместо *milites* (*commilitones*) означало роспуск войска (*Suet.* Div. Iul. 70; *Plut.* Caes. 51; *App.* B. C. II. 93; *Tac.* Ann. I. 42. 3; *Gell.* XVI. 4; *Polyaen.* VIII. 23. 15; *Dio Cass.* XLII. 53. 3; *SHA.* Alex. Sev. 52. 3; 54. 3).

⁶⁵ *Jung J. H.* Die Rechtsstellung der römischen Soldaten: Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // ANRW. Bd. II. 14. 1982. S. 973.

правительству удавалось достаточно успешно справляться с этой задачей. В целом условия быта и жизни римских солдат были вполне приемлемы, а возможно, даже лучше, чем у значительной массы рядовых граждан, принадлежавших к плебсу⁶⁶, а общий уровень благосостояния солдат по сравнению с массой рядового населения (особенно провинциального) имел тенденцию к неуклонному повышению⁶⁷. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что в императорском Риме была создана образцовая для античности система социальных гарантий военнослужащим (которая, очевидно, имела и вполне определенную политическую цель — обеспечить лояльность войск императорской власти и не допустить их политической активности, подобной той, которая имела место в конце Республики)⁶⁸. Этой же цели служила и разработанная, постоянно совершенствовавшаяся система правовых и социальных привилегий, которые предоставлялись ветеранам всех родов войск и, помимо соответствующего почета, давали солидные материальные преимущества, сопоставимые в своей совокупности с теми суммами, что получали выходявшие в отставку солдаты в качестве *praemia militiae*⁶⁹. Распространяясь также на членов ветеранских семейств, эти привилегии превращали бывших солдат, по сути дела, в особое сословие, стоявшее в некоторых отношениях на одном уровне с декурionsами⁷⁰.

Статусу и юридическим преимуществам ветеранов посвящено большое число солидных исследований, что избавляет нас от необходимости останавливаться на этой теме⁷¹. Необходимо только со всей определенностью подчеркнуть, что все эти *commoda militiae*, закреплявшиеся обычаем и правом начиная со времени Августа и далее⁷², очевидно,

⁶⁶ *Davies R. W. The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 334.* Подробно об условиях быта, уровне доходов и различных привилегиях солдат императорской армии см.: *Колобов А. В. Римские легионы...; Watson G. R. The Roman Soldier. N. Y.; Ithaca, 1969. Passim; Wesch-Klein G. Op. cit. Passim.*

⁶⁷ *Speidel M. A. Op. cit. P. 86 ff.; 89.*

⁶⁸ *Wesch-Klein G. Op. cit. S. 201; 207.*

⁶⁹ *Ibid. S. 193–194.*

⁷⁰ Это, в частности, касалось возможности применять к ветеранам определенные виды уголовных наказаний. См.: *Dig. 49. 18. 1; 49. 18. 3.*

⁷¹ *Neumann A. Veterani // RE. Suppl. IX. 1962. Sp. 1597–1609; Fijala E. Op. cit.; Sander E. Das Recht des römischen Soldaten // RhM. 1958. Bd. 101. S. 203–208; Watson G. R. Discharge and Resettlement in the Roman Army: The *praemia militiae* // Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt. Bd. 2. B., 1965. P. 147–162; Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxf., 1970. P. 248–251; Wolff H. Die Entwicklung der Veteranenprivilegien // Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle / Hrsg. W. Eck, H. Wolf H. Böhlau; Köln; Wien, 1986. S. 44–115; Link S. Konzepte der Privilegierung römischer Veteranen. Stuttgart, 1989; Keppie L. *Veteranus and munus publicum // War as a Cultural and Social Force: Essays on Warfare in Antiquity. København, 2001. P. 137–145.**

⁷² В числе наиболее важных законодательных актов, предоставлявших ветеранам и их семьям соответствующие привилегии, можно назвать эдикт Октавиана от 31 г. до н. э.

обуславливали формирование особых профессионально-корпоративных интересов и особого социально-правового статуса солдат, усиливая обособленность армии от остального общества и действительно превращая воинское сообщество в своеобразное замкнутое на себе сословие, *corpus militare*. Эта тенденция особенно усиливается с конца II — начала III в., после официального разрешения солдатских браков Септимием Севером, когда широко распространяется фактическая наследственность военной службы в зонах локального рекрутирования в приграничных провинциях Империи, а также после эдикта Каракаллы 212 г., когда исчезают различия в правовом статусе солдат легионов и *auxilia* и армия становится более гомогенной⁷³. Это стало завершением уже давно наметившегося процесса сближения двух основных родов войск, когда в легионы начали набирать молодежь все более низкого социального происхождения, а во вспомогательные части принимать все больше римских граждан⁷⁴. Видимо, не случайно именно при первых Северах существенно увеличиваются привилегии и жалование военнотружущих⁷⁵, а в творчестве видных юристов этого времени (Юлия Павла, Аррия Менандра, Эмилия Макра, Ульпиана и др.) активно разрабатываются вопросы военного права. Примечательно также, что с точки зрения некоторых юридических привилегий (в частности, права оставлять завещание по военному праву — *iure militari testari*) воины различных родов войск, включая тех, кто служил на флоте или когортах вигилов, находились в равном положении, независимо от сохранявшихся сословных различий в их составе (Dig. 37. 13. 1. 1), а это право, надо добавить, рассматривалось как награда за безупречную службу (Dig. 29. 1. 26: *hoc praemii loco merentibus tributum est*). Еще одной характерной деталью, подчеркивающей особое положение солдат в обществе III в., является употребление по отношению к ним в официальных документах местных властей эпитета «благороднейшие» — *ευειρεοτάτοι στρατιώτοι* (PSI. 683; P. Оху. 1543), хотя, разумеется, формально они не считались *honestiores*.

Важной вехой на пути отделения армии от традиционных социально-политических структур Рима стала замена при Галлиене сенаторов на высших командных должностях в армии всадниками (Aur. Vict. Caes. 33. 34), что стало логическим завершением наметившегося ранее процесса⁷⁶.

(P. Berl. 628 = FIRA². I, 56) и эдикт Домициана (CIL XVI 12, p. 146 = ILS, 9059 = FIRA². I, 76).

⁷³ Ср.: *Alföldy G.* Op. cit. S. 35 f.

⁷⁴ *Ле Бок Я.* Указ. соч. С. 134.

⁷⁵ *Develin R.* The Army Pay Rises under Severus and Caracalla and the Question of *annona militaris* // *Latomus*. 1971. T. 30. F. 3. P. 491–496.

⁷⁶ *Pflaum H. G.* Zur Reform des Kaisers Gallienus // *Historia*. 1976. Bd. 25. S. 109–117; *Christol M.* Essai sur l'évolution des carrières sénatoriales dans la seconde moitié du IIIe siècle ap. J. C. P., 1986. P. 35–44; *Глушанин Е. П.* Предпосылки реформ Галлиена и их

Усилившаяся обособленность армии от гражданского населения Империи в целом и упрочение ее интегрированности в местные сообщества лимитрофных провинций имели своим закономерным результатом увеличение политической самостоятельности и активности армейских кругов, что с особенной силой проявилось в период «военной анархии» III в.⁷⁷, окончательное преодоление которой в период домината потребовало, помимо всего прочего, существенной перестройки военной организации⁷⁸.

Таким образом, в развитии императорской армии как социально-политического организма вполне отчетливо обнаруживается противоречивое взаимодействие традиционных норм и установлений с такими моментами, которые наполняли древние традиции новым содержанием или же становились их полным отрицанием. Сущность этого процесса может быть резюмирована в формуле: *armata civitas* превращалась в *corpus militare*, которое вполне возможно определить если не как военный класс или сословие, то, по крайней мере, как особую корпорацию, социопрофессиональное сообщество.

место в процессе трансформации римской армии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Проблемы социально-политической истории: Межвуз. сб. Горький, 1985. С. 102–103; *он же*. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 37 сл.; *Сергеев И. П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999. С. 61–62.

⁷⁷ *Alföldy G.* Op. cit. S. 37–42. Ср.: *Махлаюк А. В.* Политические последствия военных реформ Септимия Севера // ИИАО. 1991. С. 62–67.

⁷⁸ См., в частности: *Глушанин Е. П.* Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. № 2. С. 51–73.

Глава VI

ВОИНСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО И КОРПОРАТИВНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Внутри воинского сообщества, как и в гражданской общине (Cic. De off. I. 17. 55), важнейшая интегрирующая роль принадлежала тем товарищеским узам и дружеским объединениям, которые возникали среди солдат в ходе совместной службы как результат тесного повседневного общения, общих опасностей и интересов и которые определенным образом компенсировали отсутствие в жизни военного сообщества (почти исключительно мужского по своему составу) родственных и гражданских связей. Являясь одним из проявлений характерной для античных обществ микромножественной структуры, это воинское товарищество, как показал Р. МакМаллен, обуславливало сплоченность так называемых первичных групп и воинских частей в целом и представляло собой существенный фактор боеспособности¹. Вместе с тем отношения воинского товарищества, несомненно, осознавались как одна из основополагающих военно-этических ценностей. Именно в феномене воинского товарищества, как ни в каком другом, обнаруживается теснейшее переплетение социальных, военно-психологических и военно-этических аспектов армейской жизни. Исследование его в единстве данных аспектов представляется тем более актуальным, что статья МакМаллена остается, по сути дела, единственной специальной работой по данной теме и, разумеется, не исчерпывает всех ее ракурсов и вопросов². К сожалению,

¹ MacMullen R. The Legion as a Society // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 440–456. Это первая работа, в которой данный феномен рассмотрен на римском материале. Ранее роль малых групп и дружеских объединений рассматривалась в армиях эллинистических государств. См.: *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques*. Vol. 2. P., 1950. P. 1001–1036.

² Г. С. Кнабе (К специфике межличностных отношений в античности (Обзор новой зарубежной литературы) // ВДИ. 1987. № 4. С. 173 сл.), разбирая данную работу, обратил внимание на то, что тенденция к групповой солидарности находится в очевидном противоречии с царившими в легионах отношениями, которые он характеризует как «вечную драку за добычу, войну всех против всех». Последнее утверждение представляется слишком категоричным и односторонним, т. к. основано лишь на ряде пассажей Тацита,

наши источники очень скупо освещают отношения внутри малых групп, существовавших в легионах и других частях армии. Однако, опираясь на эпиграфические данные и анализ терминологии, можно с определенностью говорить о наличии среди солдат разнообразных неформальных товарищеских связей и разного рода содружеств, а некоторые указания литературных источников помогают понять их роль как в повседневной, так и в боевой жизни римских воинов.

Обратимся сначала к эпиграфическим памятникам, прежде всего эпитафиям, в которых фиксируются отношения, существовавшие между покойным и тем, кто поставил ему надгробие и выполнил его последнюю волю. В солдатских надписях, как и в надписях гражданских лиц, покойный или сослуживец, его похоронивший, часто именуется другом — *amicus* (например, CIL VIII 2190; 2814; 2960; 2994; 3097; CBI, 954). Однако в солдатских надписях чаще используются специфически военные синонимы к слову «друг». Одним из таких синонимов является термин *conturbanalis* (или *contubernius*, как, например, в CIL XIII 10017, 13а, или *contibernalis*, как в надписи AE. 1992, 181: *commilito et contibernalis*; ср.: AE. 1991, 1114). Такой «товарищ по палатке»³ часто является наследником покойного (ILS, 2310; CIL III 10506; VI 2528; 3591; VIII 3150; 3201; 3246; XIII 6104; AE. 1962, 305; 1966, 191). В некоторых надписях близость отношений подчеркивается эпитетами *carissimus* (CIL III 433 = ILS, 2368) или *pietissimus* (CIL III 8124). Показательно, что такие отношения могли сохраняться и после отставки. Так, ветеран I легиона *Minervia M.* Аврелий Прим при жизни сделал надгробие себе и Г. Модестину Перегрину, ветерану того же легиона *contubernali mihi carissim(o)* (ILS, 2463). *Contubernales* действовали совместно и в других случаях, как, например, *contibernales (sic!) signiferi* из Нижней Германии, которые исполнили обет богу Сильвану (CIL XIII 8033).

Следует подчеркнуть, что термин *conturbanalis* имеет по своей этимологии прямой смысл воинского товарищества, хотя спектр его значений, разумеется, шире и выходит за пределы военных реалий⁴. *Contubernales*

который часто склонен сгущать краски (см.: *Kajanto I.* Tacitus' Attitude to war and Soldier // *Latomus.* 1970. Т. 29. N 3. P. 699–719), хотя, конечно, подобные факты имели место в римской армии (например, *App. Lib.* 115; *Plut. Ant.* 48). Но они все же являются достаточно редкими эксцессами и для императорской армии в обычных условиях мало характерны. Г. С. Кнабе ставит это противоречие, не получившее объяснения у МакМаллена, в контекст общей атмосферы императорского Рима и отмечает, что стремление жить в микрогруппах было столь властным, что оно реализовывалось даже в окружении, казалось бы, мало для этого подходящем, и что солидарность в рамках дружеских кружков естественным образом сочеталась с иерархичностью и борьбой за существование, с отношениями господства и подчинения.

³ Ср. упоминание *συσκήτορες* в греческих текстах (*Launey M.* Op. cit. P. 1002 suiv.).

⁴ См.: *Thesaurus linguae Latinae.* Т. IV. Lipsiae, 1907. Col. 789–791.

обычно называлась группа солдат (как правило, из 8 человек), живших в одной палатке или блоке казармы — *contubernium* (Veget. II. 8; 13; 21), или группа новобранцев, вместе записанных на службу⁵. Одним из смысловых оттенков этого слова является давняя близость отношений. Примечательно в этом плане сообщение Тацита (Hist. I. 32. 1) о том, что Отон во время похода из Испании в Рим, стремясь исподволь обеспечить себе поддержку воинов, обращался к старейшим из них по имени и, вспоминая время, когда они вместе состояли в свите Нерона, называл их своими *contubernales*. В данном контексте такое обращение указывает скорее на дружеский тон, а не просто на совместную службу в свите императора. Любопытный штрих, характеризующий значимость отношений внутри *contubernium*, мы находим у Аррия Менандра (Dig. 49. 16. 5. 6), где говорится о предписании императора Адриана специально расследовать вопрос, были ли возвращенные из плена захвачены врагом или сами перешли на его сторону. При отсутствии очевидных доказательств предписывалось принимать во внимание прежнее поведение солдата. Если он в прошлом хорошо себя зарекомендовал, его утверждениям следовало верить. Плохой же солдат, чьим словам нельзя было доверять, характеризуется как ленивый, не исполняющий своих обязанностей, не возвращающийся в срок из отпуска (*remansor*), а также как *extra contubernium agens*, что можно, наверное, перевести «пренебрегающий обществом своих товарищей»⁶.

Наряду с *amicus* и *contubernalis* товарищ по службе нередко называется *frater*⁷. В солдатских надписях *contubernalis* иногда сочетается с *frater* (например: CIL II 2462; III 7327; XIII 7292)⁸, но слово *amicus* никогда не ставится вместе с последним. На этот момент обратила внимание Я. Кепартова, показав, что «брат» во многих случаях является

⁵ MacMullen R. Op. cit. P. 443. О *contubernium* в лагере см.: Petrikovits H., von. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. Opladen, 1975. S. 36.

⁶ Ср.: Brand C. E. Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 181: neglectful of his duties to his tent-mate. Е. М. Штаерман, по-видимому, не совсем точно интерпретирует это выражение как склонность к уединению (Культура древнего Рима: В 2 т. Т. I. М., 1985. С. 75). На важное значение совместной жизни в одной палатке указывал еще Ксенофонт, подчеркивая, что благодаря этому воины лучше узнают друг друга, что способствует развитию у них чувства стыда (Inst. Cyri. II. 1. 25–26).

⁷ Их общая синонимичность прекрасно иллюстрируется пассажем Апулея (Met. VIII. 7): *illum amicum, coetaneum, contubernalem, fratrem denique addito nomine lugubri* («исполненным скорби голосом называл он его и другом, и сверстником, и товарищем, и даже братом...») (пер. С. П. Маркиша).

⁸ В одном из писем на деревянной табличке из британского форта Виндоланда солдат с германским именем *Chrauttius* обращается к своему *contubernalis antiquus Veldedeius* как к «брату». Упомянутый в этом же письме ветеринар Вирилис также именуется *frater* (Adams J. N. The Language of the Vindolanda writing Tablets: An Interim Report // JRS. 1995. Vol. 85. P. 119. Здесь же приведены другие примеры подобного обращения).

синонимом «друга»⁹. Частое сочетание *frater et heres* (например: CIL III 803; 2715; XIII 17) она объясняет, ссылаясь на текст Павла (Dig. 28. 5. 59. 1), где говорится, что тот, кто не является родным братом, но любим братской любовью, по праву назначается наследником под наименованием брата, сохраняя при этом свое имя¹⁰. Можно лишь согласиться с высказанной Я. Кепартовой мыслью о том, что солдаты, служившие в одном подразделении и сообща переживавшие опасности и трудности, рассматривали себя как одну «фамилию»¹¹. Очевидно, употребление слова *frater* вместо *amicus* выражало особую близость отношений между лицами одного положения, которая определенно угадывается в текстах, где отсутствует упоминание о наследовании, а брат назван *optimus* (CIL VIII 2890) или *dignissimus* и *incomparabilis*, как в надписи преторианца Валерия Авлузана, который именуется так своего сослуживца фракийца Аврелия Бита (CIL VI 260). Интересна также формулировка в тексте надгробной надписи, сделанной солдатом IV Флавиева легиона Аврелием Мартином имагиниферу другого легиона — Ульпию Виктору: *frater et secundus heres fratri ex provinvia Moes. Super. Reg. Viminac.* (CIL III 195). Неподдельные дружеские чувства ощущаются также в эпитафии из Прусиады, текст которой, кстати, и стал отправным пунктом для исследования Кепартовой: *D. M. Adgrederere, viator, stas et repausas perlege titu[l]um, cuius fata et manes vitam peregerunt in civitatem Prusiada. Val. Titianus b. b. decanus num(eri) scut(or)um natione Dalmata vixit annos XXXXV, militavit annos XXII. Fecit memoria(m) Ursus ex numero ipso pro fraternitate («Богам Манам. Подойди, путник, остановись и помедли, чтобы прочесть эпитафию тому, чью жизнь судьба и маны завершили в городе Прусиаде. Валерий Титиан, декан отряда щитоносцев, родом далмат. Прожил 45 лет, служил 22 года. Составил (эту) памятную надпись Урс из того же отряда в знак братских чувств»)*¹². По степени эмоциональности с этой эпитафией можно сопоставить надгробную надпись паннонца Ульпия Квинтиана, служившего в III в. конным телохранителем императора и скончавшегося в Риме. Ее сделали его соратники и наследники Валерий Антоний и Аврелий Викторин, назвавшие это надгробие памятником родственного благочестия¹³.

⁹ *Kepartová J.* Frater in Militrinschriften — Bruder oder Freund? // *Listy filologické.* 1986. Т. 109. 1. S. 11–14.

¹⁰ ...*qui frater non est, si fraterna caritate diligitur, recte cum nomine suo appellatione fratris heres instituitur.*

¹¹ *Kepartová J.* Op. cit. S. 13.

¹² *Dörner F. K.* Vom Bosphorus zum Ararat. Mainz am Rhein, 1981. S. 63 f. F. 65. Abb. 16. Цит. по: *Kepartová J.* Op. cit. S. 13.

¹³ *Dobš, 122.* Перевод на русский язык см.: *Колосовская Ю. К.* Римский провинциальный город, его идеология и культура // *Культура древнего Рима: В 2 т. Т. II. М., 1985. С. 219.*

Общим термином для обозначения людей, связанных совместной службой и воинским товариществом, является *commilito*. В эпиграфических памятниках слово *commilitones* часто имеет вполне нейтральное значение, являясь эквивалентом к *milites*, особенно в тех случаях, где речь идет о солдатах отдельных подразделений (например: CIL XIII 4624; 7698; 7699; 7704; 7709; 7710). Любопытны три стихотворные надписи из Птолемаиды в Египте (CIL III 12067–12069 = ILS, 2609–2611). В первой из них декуриона Цезия, хорошего человека, приветствуют и благодарят *omnes commilitones*, находившиеся под его началом. Во второй надписи фигурирует тот же командир с указанием его полного имени и звания (*Q. Caesius Valens, dec(urio) alae Vocontior(um)*) и высказывается пожелание, чтобы он был благосклонным начальником (*habeas propitium imperium*). Наконец, в третьей надписи приветствуются все *commilitones* из разных частей, которые несли в этом месте караульную службу (*qui hic fuerunt ad custodias felic(iter)!*).

На товарищеские отношения между *commilitones* указывает то, что они часто являются наследниками или лицами, выполняющими последнюю волю покойного (например, CIL III 12284; XIII 595). Так, знаменосец IV Македонского легиона М. Марций на половинных паях (*pro parte dimidia*) обеспечил место для погребения себе, своим близким и *commilitoni* Антистию Патерну (CIL XII 4365). Непосредственным указанием на дружеские связи служит сочетание слов *amicus* и *commilito* (например: CIL III 924; V 4345; VI 32679; AE. 1927, 42) или такая выразительная формула, как на памятнике воина II легиона *Adiutrix* из Аквинка: *comilitoni (sic!) obsequentissimo et fratri* (CIL III 3558).

В определенных контекстах слово *commilito* имеет явный оттенок дружественности, если не фамильярности. Светоний, видимо, не случайно считает нужным заметить, что Цезарь называл солдат на сходках не *milites*, но более ласковым именем «соратники»: *sed blandiore nomine commilitones appellabat* (Suet. Div. Iul. 67. 2), а Полиэн (VIII. 23. 22) добавляет, что этим наименованием, показывающим равенство, Цезарь стремился возбудить в воинах готовность к перенесению опасностей. У Апулея в сцене между огородником и наглым легионером (Met. IX. 39) последний в косвенной речи крестьянина назван *commilito*: *civilius atque mansuetius versari commilitonem* («земледелец умоляет служивого (как удачно переводит М. А. Кузьмин) быть поласковее»). Так же какой-то солдат или разбойник обратился к герою романа Петрония, когда тот выскочил ночью на улицу, препоясавшись мечом: *Quid tu, commilito, ex qua legione aut cuius centuria?* (Sat. 82).

Синонимом *commilito* является термин *commanipularis*. Однако последний значительно реже встречается в надписях легионеров и солдат

вспомогательных частей¹⁴. Напротив, в надписях солдат преторианской гвардии он очень употребителен, хотя иногда встречается и *commilito* (CIL VI 32679), и *contubernalis* (CIL VI 2659 = ILS, 2067). Как и в рассмотренных выше случаях, товарищ по манипулу выступает в качестве наследника (CIL II 4063; VI 2424 = ILS, 2026; VI 2586 = ILS, 2019; X 1766 = ILS, 2136) или как близкий друг именуется «братом» (CIL VI 2446 = ILS, 2056). Интересна надпись, сделанная преторианцем Элием Дубитатом: он исполнил обет Юпитеру Наилучшему Величайшему и Гению императора Клавдия II, а также «здравствующим и счастливым сотоварищам» (*salvis et f[el]ici[b(us) comm]anipulis (?)*) (ILS, 9073). Другой преторианец, П. Элий, вышедший в 148 г. в почетную отставку, принес по обету статую (*signum cum base*) в дар *Iovi Conservat(ori) et comm(anipularibus) suis et fut(uris)* (CIL VI 375 = ILS, 2104). Как мы видим, термин, буквально означающий сослуживца по манипулу, сохраняется и после того, как сам манипул в качестве тактической единицы был упразднен в легионах и в гвардии в результате реформы императора Адриана.

Обращает на себя внимание тот факт, что различные легионные специалисты и военнослужащие, занимающие посты, связанные с особыми функциями, предпочитают именовать друг друга коллегами, выделяя себя таким образом из массы рядовых сослуживцев. Например, спекулятора VII легиона Близнаца Кв. Анния Апра, умершего без завещания, похоронили *collegae eius* (CIL II 4143 = ILS, 2373). Другу (*amico*) Г. Антонию Виктору, *opti(oni) spei leg(ionis) III Gallica*, сделал эпитафию *col(lega) (?)*, имя которого полностью не сохранилось¹⁵. Фрументарий X легиона Близнаца поставил памятник своему коллеге из I вспомогательного легиона (CIL VI 3332 = ILS, 2367). О погребении фрументария VI Победоносного легиона позаботился коллега Калидий Квиет, назвавший своего умершего сослуживца *frater observatus piissimus* (CIL VI 3346 = ILS, 2365). *Secundus heres et collega* похоронил всадника XXII Первородного легиона (CIL III 209 = ILS, 2337). Наследник и коллега сделал эпитафию трубачу (*bucinatori*) I вспомогательного легиона (AE. 1976, 642). Орлоносцу из II легиона *Adiutrix* надгробие соорудил Аврелий Занакс, *aquilifer leg(ionis) eiusdem college (sic!)* (AE. 1976, 641)¹⁶. Двум центурионам VIII Августова легиона, погибшим в правле-

¹⁴ Например, в эпитафии адьютору официя корникуляриев III Августова легиона (ILAlg. I. 3113), в надписи солдата вспомогательной когорты (AE. 1963, 28 = 1967, 231) и в некоторых других случаях (AE. 1905, 242: *in honorem commanipulorum*; AE. 1976, 574: *...cen(turiones) [cum] co[m]manuculis...*). Интересную надпись оставил опцион II Траянова легиона Кв. Цецилий Календин, сделавший посвящение *Genio sancto legionis et commanipulorum bonorum* (CIL III 6577 = ILS, 2290).

¹⁵ *Mircovic M. Sirmium et l'armée romaine // Arheoloski vestnik. 1990. T. 41. P. 533–535.*

¹⁶ О двух последних надписях см.: *Speidel M. P. Eagle-bearer and trumpeter // BJ. 1976. Bd. 176. P. 123–163.*

ние Галлиена, надгробие на свои средства поставила школа центурионов: *collegis bene merentibus* (ILJug. 272).

Как показывают эпиграфические материалы, в частях римской армии существовали объединения солдат одного «призыва», которые в надписях именовались *contirones* (от *tiro* — новобранец) (например, посвящение CIL XIII 6689, сделанное *pro se et contirones suos*) или в уменьшительной форме *contirunculi* (CIL III 8124; IMS. I. 3; 28). Рекруты, вместе поступившие на службу, часто являлись земляками¹⁷ и сохраняли чувство групповой идентичности вплоть до выхода в отставку¹⁸. Известно немало надписей, сделанных по случаю окончания службы (часто в честь правящих императоров) ветеранами, которые специально указывают год, когда они начали службу (*militare coeperunt*) (например, CIL VIII 2534; 18066) или стали воинами (*milites facti*) (например: CIL III 7754). Нередко именно *contirones* выступают в качестве наследников. Одному преторианцу, к примеру, эпитафию сделали *contirones heredes n(umero) XXVIII* (CIL VI 2669; ср.: 2676 и XIII 6860). Воин, служивший в XIII легионе *Gemina*, по случаю увольнения со службы, в честь императора Коммода принес в дар колонну ветеранам своего легиона, ставшим воинами в 166 г. и отпущенным в почетную отставку в 191 г. — *[con]tir(onibus) con[vet]jeranis suis* (CIL III 1172). Следует отметить, что в армейской среде бытовали и другие термины, указывающие на совместную службу и образованные с помощью приставки *con-*, например *conturmalis* (P. Lond. 482 = CPL, 114; Amm. Marc. XVI. 12. 45; XVII. 1. 2; XXIII. 5. 9; XXIV. 6. 11; XXVI. 6. 13). Распространенность подобного рода терминологии, несомненно, может свидетельствовать о разнообразии и значимости товарищеских связей между военными людьми¹⁹.

Среди различных солдатских содружеств, судя по всему, имелись и такие, в которых людей связывали узы землячества. Граждане Иазы из Верхней Паннонии, служившие во II Вспомогательном легионе, в 124 г. совместно исполнили обет по случаю выхода в почетную отставку (AE. 1904, 95). Граждане *[ex] civitate Anche[alo...]*, *fratres et contubernales [ob] pietate* похоронили своего сослуживца по XXII Первородному легиону (CIL XIII 7292). Префект 6-й когорты коммагенцев поставил надгробие Кв. Элию Руфу, префекту когорты *Nurritanorum* и военному трибуну III Августова легиона — *amico et municipi fraternae adfectionis dilecto* («другу и согражданину, любимому братской любовью») (CIL VIII 4292; ср.: III 195). Апулей Эквалис и Руфиний Сатурнин, не указавшие своего ста-

¹⁷ Ср., например, посвящение Юпитеру Наилучшему Величайшему за здравие императоров, сделанное в 196 г. киликийцами *[co]nt[i]rones* (*Nesselhauf H. Zwei Inschriften aus Belgrad // Živa antika. 1960. T. 10. S. 190 ff.*).

¹⁸ *Speidel M. P. Contirones and Geta dominus noster // Živa antika. 1989. T. 39. Sv. 1–2. P. 56.*

¹⁹ *Mosci Sassi M. G. Il sermo castrensis. Bologna, 1983. P. 130.*

туса, но являвшиеся скорее всего воинами, поставили надгробие воину ХХХ Ульпиева легиона Нобилинию Скрипциону как своему согражданину — *civi suo* (АЕ. 1947, 188). В эпитафии из Амапеи в Сирии сообщается, что покойный родом из Верхней Паннонии, имя которого не сохранилось, назначил исполнителем завещания своего *collega, municipis* и *domi contubernalis* (СВІ, 703). Хотя имя и звание последнего также не сохранились, возможно, речь идет о двух солдатах, служивших в качестве бенефициариев легионного трибуна II Парфянского легиона, как и два других бенефициария, известных в надписи из этого же места²⁰. В 241 г. Аврелий Муциан, солдат 10-й преторианской когорты и жрец (*sacerdos*), исполнил обет священной божественной силе бога Эскулапа *Sindrinae reg(ionis) Ph[i]lippopol[ita]nae* вместе со своими согражданинами и сослуживцами (*cum civibus et commil[itonibus]*) (СІЛ VI 30685 = ІLS, 2095; ср.: ІLS, 2807; 2831; СІЛ VI 32605; 60685). Как свидетельствует данный текст, солдат объединяла не только общая родина, но и приверженность привезенному оттуда культу. Можно поэтому предположить, что в воинских частях возникали даже особые группы единоверцев, почитавших тот или иной культ, например Митры. Так, префект 1-й когорты вардулов Л. Цецилий Оптат в правление Каракаллы воздвиг с единоверцами (*cum consecraneis*) храм Непобедимому Богу Спутнику Солнца (RIB, 1272)²¹. Впрочем, известно, что солдаты достаточно широко участвовали в разного рода культовых сообществах совместно с гражданскими лицами²².

Обращает на себя внимание тот факт, что в надписях римского гарнизона с начала III в. достаточно многочисленны указания на рождение в том или ином селе или округе (например: СІЛ VI 32582; 32605; ІLS, 2808). Такого рода земляческие объединения, вероятно, существовали в это время и в легионах, так как после реформы Септимия Севера гвардия пополнялась из легионеров²³. По мнению Е. М. Штаерман, объединения солдат, принадлежащих к одному племени или происходящих из одного села и округа, приобретают в III в. особенное значение; родственные и племенные отношения даже превалируют в это время над служебными²⁴. Последний вывод представляется слишком

²⁰ *Nelis-Clément J. Les beneficiarii: militaires et au service de l'Empire* (Ier s. a. C. — VIe s. p. C.). Bordeaux, 2000. P. 285.

²¹ О совместных посвящениях солдат в честь туземных и восточных божеств подробнее см.: *Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian*: Diss. Konstanz, 1973. S. 146–156.

²² *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit*. Stuttgart, 1998. S. 119 ff.

²³ *Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. № 3. С. 261.*

²⁴ Там же. С. 262.

категоричным, но несомненно, что группы земляков играли на военной службе заметную роль и ранее III в. В солдатской среде, по свидетельству Плиния Старшего (NH., praef. 1), имелось даже особое слово для обозначения земляков — *conterraneus*, которое, правда, не встречается в эпиграфике.

Что касается собственно родственных отношений, то в надписях нередко встречаются указания на службу в одной части родных братьев (*fratres germani*)²⁵. В качестве примера можно сослаться на эпитафию из Ламбеза, сделанную двумя братьями, солдатом и знаменосцем III Августова легиона, третьему, который тоже служил в этом легионе и умер в Парфии (CIL VIII 2975). Л. Домиций Аквила, ветеран VII легиона, при жизни сделал надгробный памятник себе и своему брату, служившему в том же легионе (CIL III 8487). Корникулярию 5-й преторианской когорты Титу Аврелию Александру, прожившему всего 18 с небольшим лет, надгробие поставили его брат Аврелий Антонин, эвокат Августа, и жена Аврелия Гигия (Федорова, № 260 = ILS, 2068). Эпитафия солдата XI легиона из Бурнума в Далмации, также сделанная брату братом, содержит весьма примечательное двустилие, написанное от лица покойного: «Жил я, куда мог, честно и достойно, всегда оставаясь бедным; / Никого не обманул: теперь это помогает моему праху»²⁶. Указанием на распространенность военной службы среди братьев и других родственников можно, наверное, считать и слова Тацита в рассказе о перемирии после битвы при Бедриаке (Hist. II. 45. 3), во время которого в палатках перевязывали раны брат брату, родственник родственнику (*isdem tentoriis alii fratrum, alii propinquorum volnera fovebant*). Тщательное исследование документального материала, относящегося к такой категории военнотружущих, как бенефициарии, позволяет прийти к выводу о существовании особой военной среды в ряде провинций, в которой армейская служба была семейной традицией, сохранявшейся на протяжении двух-трех поколений²⁷.

Ответом на насущную потребность военнотружущих в объединениях, которые давали бы им возможность внеслужебного общения и чувство определенной защищенности, стали, очевидно, коллегии и *scholae* младших командиров и специалистов, официально разрешенные в вой-

²⁵ *Kepartová J.* Op. cit. S. 11. Ср. замечание Б. Добсона, высказанное, правда, по другому поводу: «... традиция солдатской службы наиболее сильно проявляется среди братьев» (*Dobson B.* The Centurionate and Social Mobility during the Principate // *Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique.* Caen, 25–26 avril 1969. Actes du Colloque National sur le thème: «Groupes sociaux, ordres et classes dans l'Antiquité gréco-romaine». P., 1970. P. 103).

²⁶ CIL III 2835: Vixi quoad potui semper bene pauper honeste:
[Fr]audavi nullum: nunc iuvat [os]sa mea.

²⁷ *Nelis-Clément J.* Op. cit. P. 289–331.

сках при Септимию Севере, но возникшие, вероятно, еще при Адриане²⁸. Во многом аналогичную роль играли коллегии ветеранов, которые стали создаваться в городах и канабах еще с середины II в.²⁹

Анализ эпиграфических данных подтверждает, таким образом, существование в рамках воинских частей различных неформальных микрообщностей, основанных на дружеских, земляческих, религиозно-культурных и других связях. О прочности и глубине этих связей красноречиво свидетельствует тот факт, что они сохранялись и по выходе в отставку, среди ветеранов³⁰. Ж. Вандран-Вуайе отмечает, ссылаясь на Dig. 27. 1. 8. 6, что и после отставки ветеран продолжал считаться воином³¹. Можно добавить, что он оставался таковым не только юридически, но и по своему самосознанию, нередко продолжая именовать себя в надписях не ветераном, а просто воином (что, кстати говоря, создает трудности при определении возраста поступления на службу³²). Яркой иллюстрацией этого военного самосознания является существование в Интерцизе ветеранской коллегии *sacramenti cultores*, которые приносили дары *Genio sacramenti* и *Iudicio sacramenti* (AE. 1960, 8, 3; 1924, 135; 1953, 17). Бывшие солдаты называли себя *conveterani*, часто хоронили своих товарищей, не имевших родственников (CIL III 7500; VI 3884; VIII 3228; XIII 1837). Ветераны совместно исполняли обеты и делали посвящения различным богам (например, CIL II 3327; III 1078; 7754; VIII 2626 = ILS, 9268). Не случайно, наверное, в эпитафии ветерану М. Антонию Прокулу, которую сделали дети *patri dignissimo*, последний назван *praesidium amicorum* («оплот друзей») (CIL VIII 3035).

Можно, видимо, говорить и о своеобразной сословности дружеских связей среди военных, поскольку, судя по надписям, эти связи объединяли обычно воинов примерно одного ранга. Лишь в отдельных случаях служебная иерархия не мешала дружбе (например, CIL VIII 3199 = 18172)³³. Отношения, возникавшие между людьми во время совместной военной службы, очевидно, имели немалое значение и для представителей высших сословий. Плиний Младший в своих письмах, давая реко-

²⁸ Ginsburg M. Roman Military Clubs and their social Functions // TAPA. 1940. Vol. 71. P. 149–156. См. также сн. 24 к гл. V.

²⁹ Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества I–III вв. (*collegia veteranorum*) // ВДИ. 1969. № 4. С. 122–129. Здесь же указаны источники и основная литература.

³⁰ MacMullen R. The Legion as a Society... P. 442–443.

³¹ Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 173.

³² Ле Бокз Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001. С. 105.

³³ См. более подробно: Reali M. Amicitia militum: un rapporto non gerarchico? // La Hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec. P., 1995. P. 33–38.

мендацию тому или иному лицу, в качестве аргумента часто ссылается на факт совместной службы (Epist. VII. 31. 2; X. 26. 2; 86. 1). На это указывает и текст надписи из Бриксии, которую сделал Л. Уссий Пицентин, назвавший себя *commilito*, М. Нонию Макрину, легату Августа *pro praetore* провинции Нижней Паннонии — *praesidi optimo et rarissimo* (CIL V 4344).

Наши источники не позволяют, к сожалению, сколько-нибудь подробно охарактеризовать роль малых подразделений (*contubernium*, центурии, декурии или турмы) в развитии неформальных межличностных отношений. Можно лишь высказать общее предположение, что эта роль была весьма существенной. В рамках центурии или турмы проходила, по существу, вся повседневная жизнь воинов. Не случайно, как кажется, Тацит (Hist. I. 51. 3) замечает, что до похода против Виндекса солдаты германских легионов «знали только свои центурии и свои турмы». В центурию адресовывались письма, здесь происходило распределение нарядов³⁴. Каждая центурия имела свой значок, на котором указывались ее название и номер соответствующей когорты (Veget. II. 13). Вместе с названием легиона обозначение центурии по имени центуриона (*ex qua legione aut cuius centuria?*, если еще раз вспомнить эпизод из романа Петрония) очень часто указывается в солдатских надписях.

Отметим также, что в целом по армии Гений центурии почитался больше, чем гении других частей, подразделений или воинских коллегий и клубов³⁵. Правда, посвящения ему делались в основном младшими чинами или самим центурионом. О привязанности к родной центурии, очевидно, свидетельствуют посвящения ее Гению со стороны выходивших в отставку ветеранов (например, ILS, 9102; 2443 = CIL VIII 2531). Особенной популярностью Гений центурии пользовался среди преторианцев³⁶. Следует также сказать, что свои гении-покровители были не только у отдельных подразделений, лагерей и других военных объектов. Известны надписи, адресованные Гению воинов как таковых: «Священному Гению воинов» (*[G]enio sancto [[mil](itum)]*) исполнил в Риме обет *фрументарий III Августова легиона* (CIL VI 232)³⁷. Вексилларий Аттиан Корезий и имагинифер Фортионий Конститут поставили в 239 г. изображение *Genio vexillar(iorum) et imaginif(eratorum)* в

³⁴ MacMullen R. The Legion as a Society... P. 446; Davies R. W. The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 314.

³⁵ Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A. The Cult of Genii in the Roman Army and a New Military Deity // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1544–1546. Подробнее о культе гения центурии см.: Ankersdorfer H. Op. cit. S. 206–213. Легионные когорты, надо заметить, вообще не имели своих Гениев.

³⁶ Durry M. Les cohortes prétoriennes. P., 1938. P. 317.

³⁷ Ср.: CIL III 10403: *Genio v(eteranorum?) leg. II Adi(utricis) p(iae) f(idelis) Sever(ianae)*.

честь божественного дома (ILS, 2349; ср.: AE. 1905, 241: *Minervae et Genio imm(unium) sacrum*). Выше уже упоминалась надпись CIL III 6577 = ILS, 2290 с посвящением Гению легиона и добрых сотоварищей. Нельзя не согласиться с заключением П. Ле Ру, что центурия была той группой, где выковывалось воинское товарищество и развивались практики собственно военной социальности³⁸.

Итак, за скупыми, но часто исполненными искреннего чувства словами эпиграфических текстов угадываются исключительно тесные дружеские отношения. Понятно, что дружба и товарищество, объединявшие людей военных, неизбежно приобретали специфическую окраску. Это хорошо заметно уже по лексике армейских надписей, в которых вместе с общеупотребительными терминами, обозначающими друзей (*amicus, frater*), не менее часто используются слова со значением «сослуживец», «боевой товарищ», «соратник». Судя по рассмотренным надписям, узы товарищества иногда связывали людей, служивших в разных частях и подразделениях. Но в большинстве случаев товарищеские узы возникали между воинами одной части, вероятнее всего, в пределах малых подразделений, прежде всего центурии. Привязанность солдат к своему подразделению и тому месту, где они несли службу, находит выражение в культе разнообразных военных гениев. О прочности и значимости воинского товарищества, несомненно, свидетельствует тот факт, что оно продолжало объединять и ветеранов. Представляется вполне очевидным, что товарищеские отношения, существовавшие внутри малых групп и содружеств, обуславливали сплоченность, самоидентификацию и групповую солидарность воинских коллективов, являясь непосредственной предпосылкой той корпоративности, которая отличала отдельные части императорской армии. По-видимому, здесь дело обстояло так же, как и в современных армиях. По словам военного социолога, специально изучавшего роль первичных групп в армии, «та социальная сплоченность, которая создается в малых группах, должна распространяться и на более крупные формирования, на более высокие уровни военной организации»³⁹.

Можно предполагать, что традиции внутренней сплоченности легионов, основанной на связях между боевыми товарищами, имели довольно древние корни. В этом плане несомненный интерес представляет сообщение Ливия (XXII. 38. 1) о том, что до появления в 216 г. до н. э. присяги, которую воины давали перед военными трибунами, призванные на службу клялись, что по приказу консула соберутся и без его приказа не разойдутся, а потом «в собравшемся уже войске они — всадники по

³⁸ *Le Roux P. Armée et société Armée et société en Hispanie sous l'Empire // KHG. P. 264.*

³⁹ *George G. Primary Groups, Organisation and Military Performance // Handbook of Military Institutions / Ed. P. W. Little. Beverley Hills (Calif.), 1971. P. 306.*

декуриям, пехотинцы по центуриям — добровольно клялись друг перед другом в том, что страх не заставит их ни уйти, ни бежать, что они не покинут строй, разве только чтобы взять или поискать оружие, чтобы поразить врага или спасти согражданина»⁴⁰ (пер. М. Е. Сергеенко) (ср.: III. 20. 3; XXII. 11. 8)⁴¹. В этой взаимной клятве, скреплявшей добровольный foedus воинов, отчетливо виден не только момент секуляризации права, о чем пишет Вандран-Вуайе⁴², но и основополагающее значение той внутренней сплоченности воинских подразделений, которая достигается в случае уверенности каждого солдата в своем товарище. Хотя подобная клятва в императорскую эпоху, видимо, уже не практиковалась⁴³, эффективное функционирование и взаимодействие частей и подразделений было немыслимо без соблюдения римским солдатом главной обязанности — сохранять свое место в строю, сплоченность своего подразделения, несмотря ни на какие обстоятельства, на что и была, по существу, нацелена эта клятва⁴⁴. Характерно также, что, согласно римскому военному закону, тот, кто в строю первым обратился в бегство, подлежал в назидание остальным смертной казни на глазах у

⁴⁰ Фронтин (Strat. IV. 1. 4) почти дословно повторяет Ливия: *ceterum ipsi inter se coniurabant se fugae atque formidinis causa non abituros neque ex ordine recessuros nisi teli pendenti feriendive hostis atque civis servandi causa*. Ср. также: *Gell. XVI. 4. 2–5*.

⁴¹ Подробнее об этой клятве см.: *Токмаков В. Н.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // *Религия и община в древнем Риме* / Под ред. Л. Л. Кофанова и Н. А. Чаплыгиной. М., 1994. С. 128 сл.; 144–145; *Klingmüller. Sacramentum* // *RE. Bd. I. A. 2. 1920. Sp. 1667*; *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 44; *Tondo S.* Il sacramentum militiae nell'ambito culturale romano-italico // *Studia et Documenta Historiae et Iuris. XIX. Roma, 1963*. В рецензии на последнюю работу А. Момильяно (*JRS. 1964. Vol. 54. P. 253–254*), признавая архаичность этой клятвы, не соглашается ни с точкой зрения С. Тондо, который полагает, что она была заимствована римлянами у самнитов, ни с мнением Т. Моммзена о том, что она восходит к индоевропейскому наследию. Сам Момильяно считает, что данную клятву необходимо рассматривать в контексте римской клиентелы. Клятва была введена первоначально для того, чтобы усилить гомогенность войска, в котором многие воины как клиенты имели особые узы верности по отношению к своим патронам. Заслуживает внимания мысль Момильяно о том, что такого рода клятва выдвигала на первый план требования гоплитской дисциплины в противовес личным обязательствам, характерным для раннереспубликанского Рима.

⁴² *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 44.

⁴³ Едва ли какой-либо аналог этой клятве можно усмотреть в словах Либания в «Надгробном слове по Юлиану» (Or. XVIII. 109) о том, что солдаты Юлиана были связаны друг с другом договорами и обетами, чтобы все сделать ради победы, и боялись только опозориться нарушением клятвы.

⁴⁴ *Rosenstein N.* Imperatores victi. Military defeat and aristocratic competition in the middle and late Republic. Berkeley, e. a., 1990. P. 96. Вопросы, связанные с характером и значением внутренней сплоченности подразделений, поднимаются также в работах: *Goldsworthy A. K.* The Roman Army at War: 100 BC — AD 200. N. Y., 1996; *Lee A. D.* Morale and the Roman Experience of Battle // *Battle in Antiquity* / Ed. A. B. Lloyd. L., 1996. P. 199–217.

своих товарищей (Dig. 49. 16. 6. 3: spectantibus militibus propter exemlum capite puniendus est)⁴⁵.

Обратим также внимание на одну из причин, по которой можно было покинуть строй, — *civis servandi causa*. Спасение согражданина в бою, как известно, награждалось особым венком из дубовых листьев — *corona civica* (Polyb. VI. 39. 5–8; Plin. NH. XVI. 5. 11 sqq.; Plut. Marc. Cor. 3; Quaest. Rom. 92; Gell. V. 6). Этот подвиг всегда почитался как один из самых выдающихся. Не случайно в эпоху Империи, когда все прочие виды наградных венков (*castrensis, navalis, muralis, vallaris*) утратили всякую связь с теми деяниями, за которые они первоначально вручались (теперь их получали в зависимости от чина и других обстоятельств), лишь гражданский венок остался наградой за действительный подвиг спасения согражданина⁴⁶. Тацит, рассказывая о борьбе римлян с Такфаринатом в Африке, счел необходимым упомянуть о такого рода подвиге, совершенном рядовым воином Руфом Гельвием (Ann. III. 21. 3). О конкретных обстоятельствах этого деяния историк, правда, ничего не сообщает. Однако из других источников известны яркие примеры самопожертвования в бою ради спасения товарищей (например — Caes. B. Gall. V. 44; VII. 50). Желание спасти своих товарищей воодушевляло солдат Цезаря в Александрии, когда во время осады не было возможности ввести в бой все силы и сражалась только часть войска (B. Alex. 16). Корбулон, как передает Тацит (Ann. XV. 12. 3), воодушевляя своих солдат, идущих на выручку двум осажденным легионам, говорил им, что «если отдельным солдатам за спасение гражданина... императором дается венок, как знак наилучшего отличия, то какова должна быть и как велика честь, когда представится глазам одинаковое число как пришедших на помощь, так и получивших ее!» (пер. В. И. Модестова).

Таким образом, МакМаллен совершенно прав, подчеркивая, что к числу важнейших мотиваций солдатского поведения в бою следует отнести не только и, может быть, не столько страх наказания или упование на награды, сколько мнение собственных товарищей (*omnium existimatio* — Caes. B. Gall. V. 44. 5)⁴⁷. По словам Полибия, страх перед неизбежным позором и обидами от своих же товарищей не меньше, чем страх наказания, заставлял римского воина, потерявшего оружие, отчаянно кидаться в ряды неприятеля (VI. 37. 13; ср.: Plut. Cato Mai. 20. 7; Aem. Paul. 21; Val. Max. III. 2. 16; Front. Strat. IV. 5. 17; Iust. Epit. XXXIII.20.3–4). Рассказывая о битве при Бедриаке, Тацит пишет, что каждый солдат, сражаясь на глазах у всех против людей, которых он

⁴⁵ Ср.: Ex Ruffo leges mil. 31.

⁴⁶ Maxfield V. A. The Military Decorations of the Roman army. L., 1981. P. 64.

⁴⁷ MacMullen R. The Legion as a Society... P. 447; 451. Ср.: Southern P., Dixon R. The Late Roman Army. New Haven; L., 1996. P. 169.

знал издавна, вел себя так, будто от его мужества зависел исход войны (Hist. II. 42). Следует согласиться с МакМалленом и в том, что преданность своим соратникам (и, добавим, своему императору) могла оказаться настолько важной, что всякий смысл и цели войны забывались и сражение становилось личным делом солдат, которым в таком случае не требовались даже приказы командиров. В рассказе о битве при Мутине двух легионов Антония с Марсовым легионом Октавиана Аппиан отмечает, что противники «ринулись друг на друга, разгневанные, обуреваемые честолюбием, больше следуя собственной воле, чем приказу полководцев, считая эту битву своим личным делом» (В. С. III. 68). По свидетельству Веллея Патеркула (II. 112. 5–6), в одном из сражений во время восстания в Паннии римские солдаты в критической ситуации взяли инициативу на себя и добились победы почти без руководства со стороны командиров.

Нельзя, однако, пройти мимо нередких фактов солидарности солдат, принадлежавших к противоборствующим сторонам во время гражданских войн. Несмотря на политические разногласия вождей (или вопреки им) и собственную ожесточенность, солдат объединяли узы профессионально-корпоративного единства и согражданства (App. В. С. III. 83). Это, в частности, проявлялось в братаниях противников, в нередких случаях включения побежденных в войска победителей (иногда даже по просьбе последних, как в 40 г. до н. э. после капитуляции Луция Антония перед Октавианом — App. В. С. V. 46–47)⁴⁸. В данном контексте можно упомянуть также один примечательный эпизод из рассказа Диона Кассия (LXIV. 13. 3–5) о сражении вителлианцев и флавианцев под Кремоной. Когда женщины из города ночью принесли солдатам Вителлия пищу, последние, насытившись сами, стали предлагать хлеб и воду своим противникам, называя их соратниками (*συστρατίωται*) («...ведь все они, — замечает Дион, — знали друг друга и были в дружеских отношениях») и обращаясь к ним по имени.

Однако корпоративная сплоченность и солидарность военных довольно часто оборачивались настоящей круговой порукой — тем, что Тацит с явно негативным акцентом называет в одном месте *consensus multitudinis* (Hist. IV. 46. 4). Эта черта с особенной резкостью проявлялась во время солдатских мятежей и волнений, когда нормы дисциплины и субординации отбрасывались и солдатская масса превращалась в неуправляемую, легко внушаемую, неустойчивую толпу, чье поведение определялось кучкой демагогов или импульсивными действиями большинства. В подобного рода критических ситуациях солдатская масса,

⁴⁸ О подобных случаях см. подробнее: *Schmitthenner W. Politik und Armee in der späten Römischen Republik // HZ. 1960. Bd. 190. Hf. 1. S. 9; Jal P. Le «soldat des guerres civiles», de Sylla à Vespasien // Pallas. 1962 [1964]. T. XI. P. 7 suiv.*

отстаивающая свои кровные интересы, способна была выступать с позорительным единодушием и твердостью, как, например, во время мятежа германских легионов в 14 г. н. э. (Тас. Апп. I. 32. 3). Солдаты хорошо сознавали свое корпоративное единство и полагались в трудную минуту на поддержку соратников. Так, арестованные Блезом активные зачинщики мятежа стали призывать на помощь то поименно своих товарищей, то свою центурию, когорт, легион и добились в результате, что сбежавшиеся отовсюду воины освободили и спрятали их (Тас. Апп. I. 21). Военное начальство прекрасно понимало, что лучшим средством сохранить в подобных ситуациях повиновение солдат было внести в их ряды раскол и не допустить объединения отдельных частей (Тас. Апп. I. 28; 49; Hist. I. 9).

Круговая порука как обратная сторона солдатского товарищества и солидарности характерна для поведения военных людей и в обыденной мирной жизни, особенно в конфликтах с гражданскими лицами. Довольно типичной является, надо полагать, описываемая Ювеналом ситуация, когда при разборе дела о нанесении воином обиды штатскому человеку (а такие дела рассматривались по существовавшему обычаю судьями из военных чинов и в самом лагере) сослуживцы ответчика все как один давали показания в пользу своего товарища (XVI. 15–22)⁴⁹. Аналогичная ситуация возникает и в романе Апулея (Met. IX. 41). После того как незадачливый легионер, попытавшийся отобрать у крестьянина осла, лишился оружия, он, опасаясь ответственности, скрылся в казармах с помощью своих товарищей, которые, чтобы расквитаться с обидчиком, сделали ложное заявление властям. О том, насколько остро реагировали воины в случае, если что-то угрожало их товарищу, может свидетельствовать и следующий эпизод. Когда Октавиан в театре заметил солдата, сидевшего на месте, предназначенном для всадников, и приказал его вывести, воины, поверившие слуху о том, что нарушитель был тут же казнен, страшно возмутились и, толпой окружив тримвира, едва не убили его (Suet. Aug. 14; App. B. C. V. 15).

Корпоративность воинского сообщества, по всей видимости, с наибольшей силой проявлялась на уровне легиона⁵⁰. По мнению большинства исследователей, такая корпоративность стала одним из следствий реформ Гая Мария, когда каждый легион получил орла как символ свое-

⁴⁹ Об этом свидетельстве Ювенала см.: *Durry M. Juvénal et les prétoriennes // REL. 1935. T. 13. P. 35 et suiv.* Об особенностях такого судопроизводства см.: *Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 163 suiv.; Jung J. H. Die Rechtsstellung der römischen Soldaten: Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // ANRW. Bd. II. 14. 1982. S. 956–960.*

⁵⁰ Это, разумеется, никоим образом не исключает развитие корпоративности на уровне меньших частей или подразделений либо даже в кругу воинов одного ранга, например бенефициариев (см.: *Nelis-Clément J. Op. cit. P. 269–288*).

го единства⁵¹. Позже легионы приобрели постоянный номер, название и особые эмблемы⁵². Эти атрибуты, хотя и менялись с течением времени, у многих легионов сохранились с правления Августа до позднеримского периода. Хотя происхождение и символическое значение некоторых легионных эмблем (среди которых были знаки зодиака, кентавр, кабан, слон и другие животные) остается неясным, нельзя не согласиться с Ш. Ренелем, который связывал их разнообразие с прогрессом военной децентрализации и стремлением каждого легиона развивать собственную индивидуальность⁵³. Особые традиции, которые формировались не одно десятилетие, собственная история и боевой путь, особенности комплектования и условий службы — все это придавало каждому легиону неповторимую индивидуальность. Наличие такой индивидуальности и четко выраженной репутации у отдельных легионов отмечается уже в войске Цезаря во время Галльской войны (например, *V. Gall. VIII. 8. 2*; ср. также *Tac. Hist. II. 11. 1*)⁵⁴. Этим своеобразием, вероятно, во многом объясняется различие в поведении и настроениях разных легионов в тех или иных ситуациях, как, например, во время принесения присяги Гальбе (*Tac. Hist. I. 55. 1: diversitas animorum*). Эту индивидуальность учитывали военачальники, по-особому обращаясь к каждому легиону перед сражением, напоминая о его традициях и славной истории (*Caes. V. Gall. II. 21. 2 sqq.*; *Tac. Ann. I. 42. 3*; *Hist. III. 24*; *V. 16. 2–3*)⁵⁵.

Приверженность легионеров своей части находит отражение и в широко распространенном культе Гениев легиона⁵⁶. Вотивы этим Гениям часто непосредственно связаны с почитанием легионного орла и императорского культа (см. соответственно: *CIL XIII 6690*; *6694*;

⁵¹ См., например: *Adcock F. E. Roman Art of War under the Republic. Cambridge (Mass.), 1940. P. 20*; *Parker H. N. D. The Roman Legions. N. Y., 1958*; *Watson G. R. The Roman Soldier. N. Y.; Ithaka, 1969. P. 21–22*; *Grant M. The Army of Caesars. L., 1974. P. 5*. О сильной преданности солдат знамени и имени легиона в скором времени после Мария может свидетельствовать, например, эпизод Дарданской войны, которую консул Г. Курион вел в 75–73 гг. до н. э. Когда один из легионов возмутился и отказался идти в тяжелый поход, Курион приказал мятежным солдатам выйти без оружия и поясов, окружил их четырьмя вооруженными легионами и велел рубить солому на глазах всего войска. После этого позорящего наказания мятежники никакими просьбами не могли добиться от него, чтобы он не лишал их знамени и не уничтожал их имени (*ne signa eius summitteret nomenque aboleret*) (*Front. Strat. IV. 1. 43*; ср.: *Val. Max. II. 7. 11*; *Oros. V. 4. 12*).

⁵² *Ritterling E. Legio (Prinzipatszeit) // RE. Bd. 12. 2. 1925. Sp. 1367–1376*; *Domaszewski A., von. Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885. S. 54–56*.

⁵³ *Renel Ch. Cultes militaires de Rome. Les enseignes. Lyon; P., 1903. P. 198; 206; 232 suiv.*

⁵⁴ *Harmand J. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967. P. 425*.

⁵⁵ Ср.: *MacMullen R. The Legion as a Society... P. 450–451*.

⁵⁶ Наиболее подробную сводку материалов по этому культу см.: *Ankersdorfer H. Op. cit. S. 196–200*.

6679; RIB 327 и CIL VIII 2527 = 18039; III 1646 = ILS, 2292; RIU 390). Инициаторами таких посвящений почти всегда выступают примипилы или легат легиона. В разных частях императорской армии существовали собственные традиции почитания легионных святынь. Например, в Майнце (Mogontiacum), где дислоцировался XXII Первородный легион, примипилы по принятому обычаю делали ежегодные посвящения Чести орла и легиона⁵⁷. В частях римской армии в Испании специальными посвящениями отмечался день рождения орла и значков вспомогательных когорт (см. ниже, гл. XV). Гений легиона, его орел и знамена, как показывает известная надпись из Novae (CIL III 7591 = ILS, 2295), были неотделимы в сознании солдат от покровительства военных богов и понятия доблести (об этой надписи см. ниже, гл. XIV). Вотивная надпись, сделанная примипилом I Италийского легиона в Новах, заканчивается примечательными словами, выражающими, очевидно, преданность этого офицера, чье имя не сохранилось, своей части: *Felix leg(io) I Ital(ica) victrix pia semper ubique*⁵⁸. Вполне возможно, что аналогичный призыв с пожеланием успехов родному легиону звучит и в небольшой надписи из Апула в Дакии: *Felix legio XIII Gemina Antoniniana* (AE. 1965, 38), которую Я. Ле Боэк предлагает читать: «Да здравствует XIII Сдвоенный Антонинианов легион!», понимая слово *felix* как эквивалент *feliciter*⁵⁹.

Ограничившись данными примерами, подведем общий итог вышеизложенного. Следует прежде всего подчеркнуть неоднозначность феномена армейской корпоративности, в которой концентрированно отражаются как сильные стороны, так и слабости профессионального войска. Корпоративность императорской армии, особенно ее легионного ядра, имела, с одной стороны, несомненный позитивный заряд, основанный на лучших традициях воинского товарищества, сплотивавшего воинов перед лицом многочисленных опасностей и невзгод военного бытия и способствовавшего поддержанию высокого уровня боеспособности воинских частей. Без такого сплочения, очевидно, были немыслимы высокие качества римской армии, не раз проявленные в многочисленных войнах. Необоснованно поэтому звучит утверждение о том, что после реформ Августа армия все более превращалась в «атомизированное» образование, внутренне ничем не связанное⁶⁰. С другой стороны, эта же

⁵⁷ Herz P. *Honos aquilae* // ZPE. 1975. Bd. 17. S. 181–197.

⁵⁸ Sarnowski T. *Nova Ordinatio in römischen Heer des 3. Jh. und neue Primus Pilus-Weihung aus Novae in Niedermoesien* // ZPE. 1993. Bd. 95. S. 197–203.

⁵⁹ Le Bohec Y. *Vive la légion!* // Latomus. 1991. T. 50. N 4. P. 858–860. Об этой надписи см. также: Petolescu C. C. *Felix legio XIII Gemina Antoniniana* // Latomus. 1986. T. 45. N 4. P. 636–637.

⁶⁰ Евсеев Т. П. Об эффективности военной реформы Октавиана Августа // Политическая организация и правовые системы за рубежом: история и современность:

корпоративность и связанная с ней отчужденность вооруженных сил от гражданского общества в определенных условиях превращали армию в разрушительную для политической стабильности силу, корыстную и своевольную, о чем много и красноречиво писали античные авторы. Необходимо подчеркнуть, что корпоративность является неотъемлемым качеством профессиональной армии, органически присущей ей формой сплочения воинских коллективов, основанной на связях внутри малых групп и на сознательно культивируемой приверженности солдат своей воинской части. В социальных, политических и военно-стратегических условиях римской державы военная организация уже не могла основываться только на гражданско-общинных связях воинов, как в классическую эпоху полиса, или на родоплеменных узах, как в войсках варваров, нападавших на границы Рима⁶¹, не говоря уже о классовых, этнических или идеологических факторах. Тем более нельзя представить, чтобы внутренняя сплоченность подразделений римской армии основывалась, как в армиях некоторых греческих полисов, на обычае объединять в одном отряде любовников⁶². Во всяком случае, в римских источниках ни о чем подобном не сообщается⁶³. Это отнюдь не означает, что гомосексуальные связи в армейской среде вообще исключались, но при этом принуждение к сожителству (*stuprum cum masculis, nefanda libido, impudicitia, monstrosa Venus*) тех, кто обладал статусом римского гражданина, в римской армии подлежало наказанию как нарушение, несовместимое с требованиями *disciplina militaris*⁶⁴.

Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1987. С. 50; *он же*. Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001. С. 57.

⁶¹ *Pflaum H.-G. Forces et faiblesses de l'armée romaine du Haut-Empire // Problèmes de la guerre à Rome / Ed. J. P. Brisson. P., 1969. P. 92.*

⁶² Об этом обычае, наиболее известным примером которого является священный фиванский лох, см.: *Xen. Symp. 8. 34–35; Hell. IV. 8. 39; Plut. Eros. 17. 10 = Mor. 761 a; Pelop. 18; Symp. 618 d; Athen. XIII. 602a. См.: Hindley C. Eros and military command in Xenophon // CQ. 1999. Vol. 44. N 2. P. 347–366.*

⁶³ Онасандр (*Strat. XXIV*), говоря о необходимости ставить в один строй братьев с братьями, друзей с друзьями, любовников с их возлюбленными (*ἑραστάς παρά παίδι κοῖς*), по сути дела, некритически воспроизводит почерпнутые у греческих писателей рекомендации, но отнюдь не ориентируется на римские традиции.

⁶⁴ *Wesch-Klein G. Op. cit. S. 110–111, с указанием источников и литературы.*

Глава VII

ВОИНСКАЯ СХОДКА (CONTIO) В ЖИЗНИ АРМИИ И ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Проблематика, связанная с политической ролью армии в период Поздней республики и Империи, исключительно обширна и в различных ее аспектах неоднократно становилась предметом исследований в специальных и общих работах, в первую очередь тех, которые посвящены кризисным моментам в истории Рима как позднереспубликанского¹, так и императорского времени². Однако, за немногими

¹ См.: *Schmitthenner W.* Politik und Armee in der späten Römischen Republik // *NZ.* 1960. Bd. 190. Hft. 1. S. 1–17; *Harmand J.* L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967; *Botermann H.* Die Soldaten und die römischen Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zwischen Triumvirats. München, 1968; *Erdmann E. H.* Die Rolle des Heeres in der Zeit von Marius bis Caesar. Militärische und politische Probleme einer Berufsarmee. Neustadt, 1972; *Aigner H.* Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik. Innsbruck, 1974; *De Blois L.* The Roman Army and Politics in the First Century B. C. Amsterdam, 1987; *Утченко С. Л.* Римская армия в I в. до н. э. // *ВДИ.* 1962. № 4. С. 30–47; *Туркина Л. Г.* О роли армии в политической борьбе второго триумvirата // *Некоторые вопросы всеобщей истории.* Вып. 1. Челябинск, 1965. С. 3–23; *Игнатенко А. В.* Обострение политической борьбы в Риме в годы Югуртинской войны и военная реформа Гая Мария // *Учен. зап. Хабаров. пед. ин-та.* 1958. Т. 3. С. 162–194; *она же.* Борьба за войско в Римском государстве в 44 г. до н. э. // *Учен. зап. Хабаров. пед. ин-та.* 1961. Т. 6. С. 145–161; *она же.* Политическая роль армии в Риме в период республики // *Сб. науч. тр. Свердл. юр. ин-та.* Вып. 23. Свердловск, 1973. С. 9–30; *она же.* Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики. Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976; *она же.* Армия и политический режим в Риме (вторая половина I в. до н. э.) // *Сб. учен. тр. Свердл. юр. ин-та.* Свердловск, 1977. С. 118–126. Полезный обзор литературы см.: *Парфенов В. Н.* Римская армия и рождение империи: историография проблемы и перспективы исследования // *Историографический сб.* Вып. 15. Саратов, 1991. С. 81–94.

² *Chilver G. E. F.* The Army in Politics, A. D. 68–70 // *JRS.* 1957. Vol. 47. P. 29–35; *Graßl H.* Untersuchungen zum Vierkaiserjahr 68/69 n. Chr. Ein Beitrag zur Ideologie und Sozialstruktur des frühen Prinzipats. Wien, 1973; *Hartmann F.* Herrscherwechsel und Reichskrise. Untersuchungen zu den Ursache und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (3. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt a. Main; Bern, 1982; *Szidat J.* Usurpationen in der römischen Kaiserzeit. Bedeutung, Gründe, Gegenmas-

исключениями³, основное внимание исследователей уделяется конкретно-событийному анализу, выявлению специфических политических мотивов и интересов армейских кругов, тогда как сами формы участия армии в политике и лежащие в их основе традиции рассматриваются очень редко. Некоторые же из них получили в научной литературе разноречивые трактовки, как, например, войсковая клиентела и роль военного мятежа в узурпациях власти. Об этих феноменах, в которых, как кажется, в наибольшей степени проявилось своеобразие императорской армии как особого субъекта политической истории, речь пойдет далее. Продолжая же анализ полисно-республиканских традиций в жизни воинского сообщества, рассмотрим сначала роль такого института, как воинская сходка.

В качестве непосредственного механизма самоорганизации воинского сообщества и выражения властной армии (иначе сказать, в качестве проявления таких политических компонентов полисного общежития, как «права, правосудие, голосование», если еще раз вспомнить цитированные выше слова Цицерона — *De off. I. 17. 53 sqq.*) *contiones militares* изучены явно недостаточно. Единственной работой, в которой специально рассмотрены эти вопросы, остается монография испанского историка Ф. Пина Поло⁴. В ней на основе практически всех доступных источников дается подробный анализ порядка созыва и проведения воинских сходок и собраний, определяются их типология и важнейшие функции. Исследование строится по хронологическому принципу — от самых ранних времен до эпохи Империи. Однако такой подход в определенной степени уводит автора в сторону от прослеживания преемственности в традициях воинской сходки как своеобразного властного института. Поэтому ее потестарно-политические функции акцентируются, на наш взгляд, в недостаточной степени. На значение воинской сходки в армии Принципата как института, связанного с полисно-республиканскими традициями, обратил внимание Т. П. Евсеенко, но никак не развил этого

snahmen // *Labor omnibus unus*. G. Walser zum 70. Geburtstag. Stuttgart, 1989. S. 232–243; *Игнатенко А. В.* Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение ее организационно-правовых основ) // *Правовые идеи и государственные учреждения*. Свердловск, 1980. С. 20–32; *Ушаков Ю. А.* Роль преторианской гвардии во внутривосточной жизни Римской империи при первых императорах // *Античная гражданская община*. М., 1984. С. 115–131; *он же.* Преторианская гвардия в период гражданской войны 68–69 гг. н. э. // *Античная гражданская община*. М., 1986. С. 80–91; *он же.* Преторианская гвардия в политической жизни Римской империи в I в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

³ См., например: *Campbell J. B.* The Emperor and the Roman army: 31 BC — AD 235. Oxf., 1984; *Flaig E.* Den Kaiser herausfordern: die Usurpation in Römischen Reich. Frankfurt; N. Y., 1992.

⁴ *Pina Polo F.* Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989. См. также: *idem.* Procedures and Functions of civil and military *contiones* // *Klio*. 1995. Bd. 77. P. 203–216.

в общем-то верного тезиса⁵. Ряд интересных замечаний, касающихся политической роли *contio*, высказал Е. П. Глушанин, рассматривая участие армии в переворотах и узурпациях позднеримского времени⁶. Но нельзя согласиться с его мнением о том, что при Принципате было просто немыслимо уподобление армии комициям, ставшее возможным только в панегириках IV столетия⁷. Это мнение, как мы увидим ниже, противоречит источникам.

Прежде чем осветить сферу компетенции, функции и значение воинской сходки как политического института, остановимся вкратце на ее внешней организационной стороне и семантически значимой атрибутике. Официальная сходка созывалась сигналом трубы (*classicum*⁸) по приказу военачальника, облеченного империем⁹. Этот приказ мог также передаваться ликторами (*Dion. Hal. Ant. Rom. IX. 8. 4*), которые вместе с другими служителями из свиты военачальника (*apparitores, praesones*) обеспечивали порядок и тишину на сходке (*Liv. VIII. 33. 2*), где должны были присутствовать все солдаты, не только римские граждане, но и *socii* и peregrini из вспомогательных войск¹⁰. Обычно сходка проходила на лагерном форуме, под сенью воинских святынь, т. е. знамен и штандартов (*Lucan. Phars. I. 296*; *Tac. Ann. I. 18. 2*; *SHA. Car. 12. 2*), но иногда могла созываться вне лагеря, на подходящей равнине (*B. Afr. 86*; *App. V. C. II. 50*; *Herod. VI. 8. 5*; *VII. 8. 3*) либо на учебном плацу (*campus*) (*Tac. Ann. XII. 36. 2*; ср.: *SHA. Did. Iul. 5. 9*; *Herod. VI. 3. 2*), где также находился трибунал (*AE. 1933, 214*)¹¹. В определенных случаях самой сходке предшествовали жертвоприношения и люстрации (*Liv. XXXVIII. 12. 2*; *XLI. 18. 2*; *Tac. Ann. XV. 26. 2*; *Herod. I. 5. 2*).

⁵ *Евсеев Т. П.* Армия и общество в Римской империи эпохи раннего принципата // *Вестник Удмурт. ун-та.* 1992. № 2. С. 21.

⁶ *Глушанин Е. П.* Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // *Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: Сб. науч. ст. Барнаул, 1996.* С. 24–36; *он же.* Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // *Античная древность и средние века.* Екатеринбург, 1998. С. 9–20; *он же.* Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // *Вопросы политологии.* Вып. 2. Барнаул, 2001. С. 120–130.

⁷ *Глушанин Е. П.* Ранневизантийский военный мятеж и узурпация... С. 31.

⁸ *Liv. II. 45. 12–14*; *V. 47. 7*; *VII. 7. 14*; *32. 1*; *36. 9*; *App. V. C. IV. 89*; *Amm. Marc. XXIII. 5. 15*; *Isid. Etym. XVIII. 4. 5*.

⁹ В период Республики сходки могли созываться легатами легионов (*Caes. B. Gall. V. 48*; *B. civ. I. 76*; *III. 71*; *B. Afr. 19. 3*), а в исключительных случаях — военными трибунами (*XXV. 38. 1*), начальниками гарнизонов (*Liv. XXIV. 38. 1*) и даже примипилом (*Liv. VII. 13. 1–2*).

¹⁰ *Pina Polo F.* *Op. cit.* P. 203.

¹¹ *Ibid.* P. 235. По свидетельству Лактанция, Максимин Дайя (Даза) весной 310 г. был провозглашен Августом на воинской сходке, состоявшейся на Марсовом поле в Риме (*De mort. pers. 32. 5: in campo Martio... Augustum se ab exercitu nuncupatum*).

Военачальник, обращаясь к воинам, произносил речь¹² со специального возвышения — трибунала (или *suggestus*’а), окружавшегося орлами и знаменами (*Amm. Marc. XV. 8. 4*)¹³. В некоторых случаях трибунал, где во время сходки вместе с полководцем (императором) могли находиться его высокопоставленные спутники, в том числе сенаторы, охранялся специальной стражей (*App. B. C. IV. 89*; *Tac. Hist. III. 10*; *Amm. Marc. XVII. 13. 25*; *XX. 5. 1*; *XXVII. 6. 5*). В походных условиях ораторское возвышение сооружалось из дерна или другого подручного материала (*Tac. Ann. I. 18. 2*; *Plut. Pomp. 41*; *SHA. Car. 12. 2*; *Prob. 10. 5*). Как правило, воины присутствовали на сходке при оружии и, если она не была спонтанным собранием по какому-то экстренному поводу, выстраивались по когортам, манипулам и центуриям, выставляя перед строем значки подразделений (*Tac. Ann. I. 34. 3*). Порядок созыва и проведения воинской сходки в эпоху Империи в целом не изменился по сравнению с временами Республики¹⁴. Свое мнение на сходке солдаты обычно выражали криком или шумом — *clamor*¹⁵, который был наиболее типичной формой реакции солдат на обращение военачальника и в зависимости от ситуации выражал весьма разнообразные эмоции. Это мог быть и боевой клич¹⁶ — «голос воли и доблести» (*index voluntatis virtutisque*), как называет его в одном месте Ливий (*III. 62. 4*), означавший либо единое одобрение речи военачальника, либо боевое воодушевление

¹² Весьма примечательно, что Ливий в одном месте (*XLIV. 34. 1*) сравнивает речь полководца на воинской сходке с речью перед народом в Риме: *urbanae contioni convenientem orationem*.

¹³ Выступления императора перед воинской сходкой, люстрации и прочие церемонии как неотъемлемый компонент военных кампаний присутствуют на рельефах колонн Траяна (№ 8, 32, 38, 57, 78–79) и Марка Аврелия (№ 4, 55, 73, 96, 100). Специальному анализу этих изображений посвящена статья Ж.-М. Давида «Военные *contiones* Траяновой и Аврелиевой колонн: необходимость одобрения» в коллективном труде: *Autour de la colonne aurélienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurèle à Rome* / Ed. par J. Scheid, V. Huet. Turnhout, 2000. Эта работа осталась мне пока недоступной и о ее содержании сужу по рецензии О. П. Смирновой в: ВДИ. 2003. № 3. С. 238–242. См. также: *Speidel M. P. Die Schluß-Adlocutio der Trajanssäule // Römische historische Mitteilungen*. 1978. Bd. 78. S. 167 ff.

¹⁴ *Pina Polo F. Op. cit. P. 219*.

¹⁵ Судя по словам Валерия Максима (*I. 6. 11*), в обычных условиях воины должны были по древнему обычаю сбегаться на сходку с бодрым криком; если же они сходились в молчании, это свидетельствовало об экстраординарной ситуации (*maesti et taciti milites ad principia convenerunt, qui vetere instituto cum clamore alacri accurrere debebant*). Ср.: *Liv. XVIII. 26. 12*; *Tac. Ann. I. 24. 3*.

¹⁶ В период Поздней империи в римской армии получает распространение особый боевой клич либо германского (*Tac. Germ. 3. 1*), либо восточного, либо африканского происхождения, именуемый *barritus* (*Amm. Marc. XVI. 12. 43*; *XXI. 13. 15*; *XXVI. 7. 17*; *XXXI. 7. 11*; *Veget. III. 18*). О различных версиях происхождения этого термина см.: *Mosci Sassi M. G. Il «sermo castrensis»*. Bologna, 1983. P. 117, с литературой вопроса.

(ardor) воинов¹⁷, либо чувство благодарности, радости и восторга¹⁸. В некоторых случаях, когда слова полководца не соответствовали ожиданиям воинов, ответом оказывалось молчание или глухой ропот солдатской массы¹⁹.

Примечательно, что воины, которые должны были выслушивать обращенную к ним речь полководца в молчании, иногда, непосредственно реагируя на нее, прерывали ее своими выкриками, выражающими требования, жалобы или угрозы, и даже могли осыпать выступающего оратора грубой бранью²⁰. Надо иметь в виду, что такие выкрики из строя (*voceferatio*), даже если они содержали лишь незначительные жалобы (*leves querelae*), в римском военном праве рассматривались как признаки мятежа и виновные подлежали достаточно строгому наказанию (*Dig.* 49. 16. 3. 20; *Ex Ruffo leg. mil.* 16; 17; ср.: *Tac. Ann.* I. 19. 2). Однако в условиях гражданской войны или мощного военного мятежа такого рода нарушения дисциплины чаще всего оставались безнаказанными. Обычный же порядок предполагал, что солдаты могут заявить о своих претензиях через избранных представителей или командиров, выступавших перед командующим (или императором) от имени и по поручению войска²¹.

Вполне вероятно, что именно на сходках солдатами избирались те посланники, которые, судя по свидетельствам источников, в условиях гражданской войны или иных особых ситуаций направлялись в другие воинские части и группировки с определенными целями. Так, войско Брута, узнав о его смерти в битве при Филиппах, отправило послов к Антонию и Октавиану, чтобы добиться прощения (*App. B. C.* IV. 135). Г. Кассий в своем письме сообщает Цицерону, что солдаты Басса, отказавшегося передать легион Кассию, прислали к нему послов вопреки воле своего командира, чтобы договориться о переходе на сторону республиканцев (*Cic. Fam.* XII. 12. 3). Из рассказа Тацита о мятеже паннонских легионов также известно не только о возможности направления таких послов от одного войска к другому (ср. в *Ann.* I. 22. 1 заявление мятежника Вибулена о том, что его брат был послан от германского войска для обсуждения общих вопросов), но и об избрании сходкой своих

¹⁷ См., например: *Liv.* VIII. 32. 1; IX. 13. 1; *Caes.* B. civ. II. 31. 1; *Cic. Ad. Fam.* XI. 13. 4; *Tac. Hist.* V. 16; *Herod.* II. 10. 9; III. 6. 8.

¹⁸ *Liv.* VII. 37. 2; XXIV. 14. 3 sqq.; *App. B. C.* V. 47; *Tac. Hist.* II. 80; *Amm. Marc.* XVII. 12. 33; XXIII. 5. 25; XXVII. 6. 10.

¹⁹ *Tac. Ann.* I. 34. 4: *silentio haec vel murmure modico audita sunt*; ср.: *Lucan. Phars.* I. 352–353: *non claro murmure volgus... secum incerta fremit*.

²⁰ *Liv.* XXVIII. 26. 12; *Tac. Ann.* I. 35. 2–3; *App. B. C.* V. 47; *Dio Cass.* XLII. 52. 1 sqq.; *Cic. Att.* XVI. 8. 2.

²¹ *Liv.* VII. 12. 14; 13. 3; *Caes.* B. Gall. I. 41. 1–2; B. civ. I. 71. 2; *Tac. Ann.* I. 19. 3–4; 26. 1; 29. 2.

посланников к императору (ibid. I. 19. 3–4). По свидетельству того же Тацита (Hist. II. 8), в 69 г. от имени сирийской армии в Рим к преторианцам был отправлен центурион Сисенна, который вез им изображение переплетенных правых рук — символ мира и согласия. Светоний упоминает о том, что легионы Верхней Германии, отказавшись присягнуть Гальбе, решили отправить послов к преторианцам с предложением, чтобы те сами выбрали императора, который был бы угоден всем войскам (Suet. Galba. 16. 2). По сообщению Диона Кассия (LXXII. 9. 2^a–4), войска в Британии, наказанные за попытку мятежа Пертинаксом, выбрали делегацию в 1500 воинов и направили ее в Рим к императору Коммоду, который принял их и выдал им префекта претория Перенния, т. к. «не дерзнул отнестись с презрением к полутора тысячам воинов, хотя имел более многочисленных, чем они, преторианцев». Особенно интересно сообщение Лактанция (De mort. pers. 19. 1), согласно которому на церемонию отречения Диоклетиана и утверждения новых императоров в Никомедию официально прибыли «лучшие из воинов, избранные и отозванные из легионов» (primores militum electi et acciti ex legionibus). Его можно сопоставить со свидетельством Тацита (Hist. II. 81. 3) о том, что на совещание сторонников Веспасиана в Берите прибыли не только высокопоставленные командиры, но и прославленные центурионы и воины, а кроме того, отборных представителей прислало иудейское войско. Отметим также свидетельство Евсевия (Vita Const. 4. 68) о том, что после смерти Константина Великого войска, находящиеся в разных частях Империи, единогласно решили никого не признавать августами, кроме детей Константина, и договорились они об этом, сносясь в своих мнениях посредством писем.

Что касается сведений о других формах отклика воинов на выступления военных вождей, то источники сообщают следующее. По свидетельству Аппиана (B. C. IV. 3), когда Октавиан после заключения союза с Лепидом и Антонием огласил на воинской сходке принятые ими постановления, солдаты в знак одобрения запели военную песню (ἔψαλλον). Аммиан Марцеллин сообщает о такой специфически военной разновидности реакции на ораторское выступление, как производимый оружием шум. Если удары щитами по наколенникам служили знаком полного одобрения сказанного, то удары копьем о щит, напротив, выражали гнев и скорбь войска²². Это интереснейшее свидетель-

²² *Amm. Marc.* XV. 8. 15: ...militares omnes horrendo fragore scuta genibus illidentes (quod est propter indicium plenum; nam contra, cum hastis clipei feriuntur, irae documentum est et doloris)... Ср.: XX. 5. 8, где, наоборот, удары копий о щиты названы знаком одобрения. Ср. также: XXI. 5. 9 (scutorum fragore), XXIV. 3. 8 и XXVII. 6. 10. Одни современные комментаторы считают процитированный пассаж от слов *nam contra* до *et doloris* глоссой, другие видят в противоречивости сведений из разных книг следствие невнимательности

тво Аммиана стоит, однако, особняком и практически не находит параллелей в источниках, относящихся к более раннему времени²³. Имеется и указание на то, что знаком одобрения сказанного на сходке полководцем служило поднятие рук²⁴.

Необходимо сказать, что реакция присутствующих на сходке солдат на полководческую речь далеко не всегда оказывалась однородной и однозначной. Нередко в описаниях сходок фигурирует активное меньшинство, задающее тон всему собранию или даже навязывающее свою волю остальным воинам (например, Tac. Hist. III. 13). Об этом достаточно красноречиво свидетельствует пассаж из «Анналов» Тацита, передающий размышления Германика о том, как лучше узнать настроения войска. Упомянув в качестве одного из вариантов воинскую сходку, Германик отвергает ее на том основании, что «если он созовет легионы на сходку, то, что на ней скажут немногие первые, то и будет подхвачено остальными» (пер. А. С. Бобровникова)²⁵. В качестве таких «активистов» выступают трибуны и центурионы, а также наиболее заслуженные представители каждого звания (*honestissimi sui generis* — Caes. B. civ. I. 20. 1). Однако войско, собравшись по собственному почину, могло решительно воспротивиться навязанному решению, как это сделали, например, вителлианцы, которых их военачальник склонил сначала присягнуть Веспасиану (Dio Cass. LXIV. 10. 3–4), либо же высказать

автора. См.: *Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar* vers. von W. Seyfart. Erster Teil. B., 1970. S. 254. Anm. 145.

²³ Можно сослаться, пожалуй, только на два свидетельства, которые, впрочем, не относятся непосредственно к сходке. Плутарх рассказывает, что, когда Г. Марий после победы у Секстиевых Вод, совершал жертвоприношение и готовился в присутствии вооруженных увенчанных воинов поджечь сложенные в кучу трофеи, примчались гонцы с сообщением об избрании Мария в пятый раз консулом, и воины излили свой восторг в рукоплесканиях и бряцании оружием (*Plut. Mar. 22*). Согласно Полиэну, когда во время парфянского похода Красса римское войско отступало по горным дорогам, от командующего парфянами прибыл посол с предложением мира и Красса, заподозрившего хитрость и не желавшего принять это предложение, поверить варварам принудили, бряцая оружием, воины (*Polyaen. VII. 41*).

²⁴ *Lucan. Phars. I. 386–388*: His cunctae simul adsensere cohortes
Elatasque alte, quaecumque ad bella vocaret,
Promisere manus.

(«На эти (слова центуриона Лэлия. — А. М.) откликнулись дружно когорты: / Подняв руки, они обещали всюду, куда бы он ни призвал, сопутствовать в битвах»). Как видно из этого и других эпизодов, сходка могла поручить своему представителю выразить общее мнение солдат (*Caes. B. civ. I. 20. 4; Liv. VII. 12. 14; 13. 3; Tac. Ann. I. 26. 1*).

²⁵ *Tac. Ann. II. 12. 3*: si contio vocetur, illic quoque quae pauci incipiant reliquos adstrepere. Тот же Тацит, говоря о реакции сходки на речь Гальбы по случаю усыновления Пизона, констатирует, что слова императора с одобрением встретили лишь солдаты и офицеры, стоявшие в передних рядах, остальные же стояли молчаливые и мрачные (*Hist. I. 18. 4*).

собственное предложение (Amm. Marc. XXVI. 2. 3–4). Не удивительно, что в тех случаях, когда мнение и решение солдат приобретали перво-степенное политическое значение, как это было при провозглашении императором того или другого претендента, для того чтобы добиться необходимого результата, еще до созыва сходки решающую роль игра-ла предварительная «агитационная работа», которая могла чаще всего проводиться военачальниками, вызывавшими к себе для беседы коман-диров и отдельных наиболее верных воинов (οἱ τῶν στρατιωτῶν ἐξέχο ντες — Herod. II. 7. 7), либо офицерами, собиравшими для разъяснения отдельные отряды (App. Mithr. 59; Amm. Marc. XV. 5. 16; XXVII. 6. 5; SHA. Prob. 10. 3–4; Zosim. II. 40. 2; II. 47. 2). Иногда и сами воины в своем кругу обсуждали положение дел (App. B. C. IV. 123; Tac. Ann. I. 16; Ios. Ant. Iud. XIX. 2. 1). Сильное неосредственное влияние младше-го и среднего офицерства на формирование политических настроений, предпочтений и волеизъявления солдат, а соответственно на органи-зацию крупномасштабных военных мятежей, находит подтверждение в источниках и поэтому с полным на то основанием подчеркивается современными исследователями²⁶. После соответствующей подготовки можно было рассчитывать на необходимую в той или иной ситуации реакцию солдат (Tac. Hist. II. 74. 1). Надо добавить, что на самой сходке реакция (заранее подготовленная или спонтанная) стоявших в передних рядах офицеров и солдат²⁷ играла определяющую роль еще и потому, что при отсутствии звукоусилительной техники именно они (а часто только они) могли в полном объеме услышать речь, произносимую в столь многолюдном собрании, каким была сходка даже с участием од-ного-двух легионов. Сколь бы сильным голосом ни обладал полководец, ораторствовавший с трибунала, вряд ли слова его звучали внятно для всей многотысячной толпы, размещавшейся на достаточно большом пространстве под открытым небом. Однако само по себе это обстоятель-ство отнюдь не делало *adlocutio* на воинской сходке напрасным, чисто формальным актом, так же как отсутствие средств усиления звука не препятствовало произнесению речей и дебатам на народных собраниях в античных республиках²⁸.

²⁶ См., например: Глушанин Е. П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в пер-вой половине IV в. ... С. 126 сл.; De Blois L. Sueton, Aug. 46 und die Manipulation des mittlerem Militärkadres als politischen Instrument // Historia. 1994. Bd. 43. Hf. 3. S. 324–345; *idem*. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of Military Middle Cadre // КНГ. Р. 11–32.

²⁷ Можно предположить также, что на характер этой реакции могло определенным образом влиять поведение той свиты из высших чинов, которая вместе с полководцем поднималась на ораторскую трибуну.

²⁸ Вполне возможно, что основной смысл сказанного позже передавался находив-шимися в передних рядах тем, кто стоял позади. Не исключено, что эту роль брали на

Таким образом, уже на основе приведенных свидетельств можно выделить такие функции воинской сходки, как *церемониальная* и *информационно-агитационная*. Действительно, обращаясь к *contio* с речью, полководец (или сам принцепс) оглашал результаты ауспий (Liv. IV. 12. 7), давал оценку действиям своих подчиненных в сражении или во время учений²⁹, разъяснял свои замыслы и решения³⁰, стремился повлиять на солдат в нужном направлении, упрочить свои личные связи с войском³¹. На сходке могли зачитываться послания и обращения императора (Tac. Hist. II. 82; III. 3; 9; IV. 24; SHA. Pesc. Nig. 4. 2; Ant. Diad. 9. 3). Безусловно, особую значимость имело личное обращение (*adlocutio*) императора к войску, организуемое как торжественная церемония³²: не случайно императорские *adlocutiones* были одной из важных тем монетной³³ и монументальной пропаганды, имевшей целью

себя офицеры. В подкрепление такого предположения можно сослаться на факты из практики великого русского полководца А. В. Суворова. Известно, что он не отличался сильным голосом, однако любил и широко использовал словесные наставления и речи, иногда довольно длинные (более часа), с которыми он обращался к войскам после каждого развода, учения или смотра. Когда один из иностранцев высказал сожаление, что такими наставлениями могут воспользоваться лишь немногие, Суворов разубедил его, заявив: «Довольно и того, что передние офицеры меня услышат и поймут, вечером они передадут смысл моих слов товарищам, а завтра будет их знать вся армия». Автор этого сообщения прибавляет, что речи Суворова и в самом деле сильно интересовали солдат и служили предметом их разговоров. Частые и долгие поучения фельдмаршала, прямо обращенные к солдатам, воспринимались с чувством гордости и удовольствия (*Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов // Не числом, а умением! Военная система А. В. Суворова. М., 2001. С. 157–158). О значении ораторского искусства полководца см.: *Махлаук А. В.* Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48.

²⁹ Примером такого рода выступления является известная речь императора Адриана, сохранившаяся в надписи на памятной колонне в Ламбезисе, где он побывал в 128 г. с целью инспекции войск и лично участвовал в проводившихся маневрах III Августова легиона (CIL VIII 2532; 18042 = ILS, 2487; 9133–9135). Об этой речи см.: *Le Glay M.* Les discours d'Hadrien à Lambèse (128 apr. J. C.) // Akten des XI. Internationalen Limeskongresses. Budapest, 1977. P. 545–558; *Pina Polo F.* Op. cit. P. 227–228; *Campbell J. B.* Op. cit. P. 77–80.

³⁰ Характерно, что оглашение распоряжений полководцем на сходке воинов Ливий обозначает термином *ediscere*, который используется и для гражданских собраний (*Pina Polo F.* Op. cit. P. 213). Выступления полководцев могли касаться самых разных решений, как собственно военных, так и политических (см.: *Ibid.* P. 214).

³¹ *Campbell J. B.* Op. cit. P. 87 ff.; *Pina Polo F.* Op. cit. P. 203–205.

³² *Campbell J. B.* Op. cit. P. 71 ff.; *Bishop M. C.* On parade: Status, Display, and Morale in the Roman army // Akten des 14. Internationalen Limeskongress, 1986 in Carnuntum. T. 1. Wien, 1990. P. 21–30. О выступлениях полководцев на сходках в эпоху Республики см.: *Harmand J.* Op. cit. P. 304 suiv.

³³ *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 250 сл.

показать эти выступления как один из ритуалов реализации империя³⁴. И ни один принцепс не мог пренебречь столь важным средством морально-политического воздействия на армию. На сходке проводились награждение и публичное восхваление (*laudationes*) отличившихся воинов и командиров, иногда — вместе с выплатой жалованья (*Ios. V. Iud. V. 9. 1*), а также наказание тех, кто нарушил дисциплину или проявил трусость³⁵. Интересно, что Пертинакс был удостоен Марком Аврелием такой *laudatio* и на солдатской сходке, и в сенате (*SHA. Pert. 3. 9*). Кроме того, существовал обычай обращения полководца к войску по случаю своего вступления в должность командующего, а также по случаю завершения кампании³⁶. Именно на сходке воины приносили присягу: и клятву верности своему вождю во время гражданских войн, и ежегодно возобновляемую присягу правящему принцепсу, и присягу вновь провозглашенному императору.

В некоторых ситуациях сходка, не обладавшая, казалось бы, никакими формальными прерогативами, могла высказывать свою волю в вопросах, относящихся к компетенции высшего командования, народного собрания или самого императора, т. е. брать на себя функцию, которую в широком смысле можно назвать *потестарной*. Есть немало примеров, когда *contio* выступает как своего рода судебная инстанция, которая может решить даже судьбу высокопоставленных лиц, в том числе и своих командиров³⁷. Так, в начале гражданской войны между Цезарем и Помпеем солдаты из гарнизона Корфиния остранили от командования Домиция, который задумал бежать, и заключили его под стражу (*Caes. V. civ. I. 20*). В ответ на выступление Клавдия в лагере преторианцев после «разоблачения» Мессалины когорты потребовали подвергнуть виновных наказанию (*Tac. Ann. XI. 35*). После убийства Домициана солдаты добились выдачи им для расправы виновников его смерти (*Suet. Dom. 23*). На одной из сходок солдаты-вителлианцы потребовали казнить галльских вождей, воевавших на стороне Виндекса (*Tac. Hist. II. 94; ср.: I. 58*: Вителлий вынужден был удовлетворить большинство требований солдат о смертной казни наиболее ненавистных командиров), а солдаты Септимия Севера объявили Альбина врагом государства (*Herod. III. 6. 2; ср.: Dio Cass. LXXV. 10*). Сходка могла даже стать органом, караю-

³⁴ *Autour de la colonne aurélienne... P. 222* (цит. по: *Смирнова О. П.* [Рец. на:] *Autour de la colonne aurélienne... // ВДИ. 2003. № 3. С. 240*).

³⁵ *Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 416; Marin y Peña M. Instituciones militares romanas. Madrid, 1956. P. 248–251; Rossi L. Hasta pura. L'objet et la cérémonie du donum militiae dans l'iconographie célébrative de la colonne Trajane // RA. 1985. N 2. P. 231–236; Pina Polo F. Op. cit. P. 206–208; 209–210.*

³⁶ *Pina Polo F. Op. cit. P. 211 sg.*

³⁷ *Ср.: Sander E. Das römische Militärstrafrecht // RhM. 1960. Bd. 103. S. 303–304.*

щим зачинщиков мятежа из собственных рядов, как это произошло во время солдатских волнений 14 г. н. э. в Германии (Ann. I. 44. 2 sqq.; ср.: Amm. Marc. XXIX. 5. 22). В этом же эпизоде сходка определяла и судьбу центурионов: достойны ли они оставаться в своем звании.

В связи с последним обстоятельством следует обратить внимание на тот факт, что от лица воинского коллектива, выразившего свою волю, вероятнее всего, именно на сходке, могли исходить либо ходатайства о повышении в чинах, назначении на командные должности и о награждениях, либо даже непосредственное предоставление этих почестей тем или иным индивидам, т. е. то, что в обычных условиях являлось прерогативой командующего или самого императора. Такие назначения имели место не только во время мятежей и переворотов³⁸, но, судя по надписям, и в ходе обычной службы. Так, в посвящении Фортуне Августа (231 г.) Флавий Домиций Валериан указал, что стал центурионом по рекомендации легиона: (centurio) legionarius factus at suffragium leg(ionis) XIII Geminae (AE. 1978, 540). Аналогичная формула употреблена в эпитафии М. Петрония Фортуната, относящейся, вероятно, ко времени Септимия Севера. Он провел на службе 50 лет, из них первые четыре года в I Итальянском легионе, сначала либриарием, тессерарием, опционом, сигнифером, после чего стал центурионом ex suffragio leg(ionis) и служил в этом звании еще в 12 легионах (CIL VIII 217 + 11302 + p. 925 = ILTun. 332 = ILS, 2658)³⁹.

Известно несколько эпиграфических свидетельств и о даровании наград или подарков от имени либо по прямому решению сослуживцев. Остается, однако, не совсем ясным, можно ли считать эти награды неофициальными или же войско обладало законным правом их присуждать⁴⁰. Три надписи, датируемые временем Юлиев—Клавдиев, не позволяют ответить на этот вопрос. Согласно одной из них, Г. Юлий Макр, дубликарий из ala Atectorigiana, призванный в качестве эвоката в отряд ретов-гесатов, был награжден сослуживцами (a commilitonibus) щитом, венками и золотыми кольцами (CIL XIII 1041 = ILS, 2531). Из второй надписи известно, что Кв. Корнелию Валериану, занимавшему несколь-

³⁸ По сообщению Тацита (Hist. III. 49), военачальник Веспасиана Антоний Прим после победы под Кремоной разрешил солдатам самим выбирать себе центурионов на место погибших. Это решение мотивируется Тацитом стремлением Прима через разложение армии добиться власти. Ср. также: SHA. Did. Iul. 3. 1: Дидий Юлиан по ходатайству преторианцев (suffragio praetorianorum) назначил даже префектов претория.

³⁹ О жизни и карьере этого центуриона см.: *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit.* Stuttgart, 1998. S. 28–30. Об избрании центурионов по рекомендации легионов см.: *Birley E. Promotions and Transfers in the Roman army 2. The Centurionate // Carnuntum Jahrbuch.* 1963–1964. Bhf. 21. P. 22 ff.; *Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste.* P., 1989. P. 177. Not. 224–225.

⁴⁰ *Maxfield V. A. Military Decorations of the Roman Army.* L., 1981. P. 120.

ко всаднических должностей и участвовавшему в войне с Митридатом в 45 г. н. э., были дарованы щиты, венки, а также какие-то изображения (*imagines*) и большая статуя. Кроме того, от лица руководимых им подразделений он был удостоен благодарственной речи: *honor(ato) laudatione a nume[r]is* (CIL II 2079 = ILS, 2713)⁴¹. Согласно третьей надписи, некий вольноотпущенник Нумений был почтен войском золотым венком (или венками) и публичным восхвалением⁴². Мотивы этого акта из-за фрагментарности текста неизвестны⁴³. Определенным указанием на вероятные мотивы может, наверное, служить свидетельство Тацита (*Hist. II. 57. 3*) о том, что войско, желая польстить Вителлию, потребовало у него даровать права всадника вольноотпущеннику императора Азиатика. Вителлий сначала демонстративно отказался выполнить эту просьбу, слишком отдававшую грубой лестью, но потом негласно все же наградил Азиатика всадническим достоинством. Интересно также сообщение Цицерона в «Верринах» (II. 3. 185; 187) о старинном обычае вручать от имени полководца после успешного завершения кампании на воинской сходке золотые перстни писцам. Возможно, что в случае с Нумением солдаты могли взять инициативу награждения на себя, подобно тому как заимствовали ее у полководца, награждая своих командиров или соратников. Более определенным, хотя и единичным, свидетельством является надпись из Грацианополя (Гренобль) — эпитафия Т. Камилия Лавена (CIL XII 2230 = ILS, 2313). Согласно ее тексту, он был награжден торквесами и золотыми браслетами по воле императора Адриана решением легиона: *voluntate imp(eratoris) Hadriani Aug(usti) torquibus et armillis aureis suffragio legionis honoratus*. Думается, уникальность этого случая не может свидетельствовать против распространенности (пусть и незначительной) и законности подобной практики, аналогом которой служат не только традиции современных армий, как считает Максфилд⁴⁴, но и приведенные примеры избрания центурионов.

Известно также, что войско могло даровать различные почести и своему военачальнику. Сулла во время Союзнической войны был почтен наградой со стороны войска (Plin. NH. XXII. 6. 12). После Фарсальской

⁴¹ По мнению Х. Девийвера, подразделения, о которых идет речь в этой надписи, принадлежали к войсковой группировке из Мёзии и поэтому ее текст может быть реконструирован следующим образом: ... | *donato coron[is] statuis] clipeis imaginib[us] honor(ato)] | laudatione a numer[is] ex(er)cit[us] Moes(iaci) i] | tem ab eis numeris q[ui]bus praepositus erat] |...* (*Devijver H. Prosopographia Militiarum Equestrum quae fuerunt ab Augusto ad Gallienum*. Vol. II. Leiden, 1977. P. 303–304).

⁴² CIL VI 3617: [---]Jus T. I(ibertus) Numenius | [--- hono]ratus ab exercitu corona aur(ea) | [---]i laudation(e) publice | [--- Ped]ducae I latroni.

⁴³ *Maxfield V. A. Op. cit.* P. 120.

⁴⁴ *Ibid.* P. 134–135.

битвы первую и вторую награды получили Цезарь, признанный всеми наиболее отличившимся, а вместе с ним и X легион (App. В. С. II. 82). По описанию Аппиана, в триумфальной процессии среди прочего несут венки, которыми наградили полководца за доблесть или города, или союзники, или *подчиненные ему войска* (Lib. 66). О существовании подобной практики в императорскую эпоху есть лишь косвенные свидетельства (ср.: Herod. III. 6. 4: слова Септимия Севера о том, что он и Альбин получают почести от воинов). Вероятно, подобный обычай в период Империи сошел на нет, так же как и обычай присвоения войском почетного титула императора победоносному полководцу. Если Август еще позволял некоторым военачальникам получать этот титул, то при Тиберии он был присвоен в последний раз (Tac. Ann. III. 74), и императорская аккламация была окончательно монополизирована принципсами⁴⁵, как и сам титул «император», который с 29 г. до н. э. Октавиан получил по специальному сенатскому постановлению в качестве постоянного *praenomen*, что означало, по сути дела, приобретение и высшей военной власти⁴⁶. В последующей истории Принципата именно аккламация императора войском, которая происходила обычно на воинской сходке, становится фактически первичным источником императорской власти⁴⁷.

С точки зрения потестарной функции очень существенно также, что в некоторых случаях сама воинская сходка принимала клятву своего военачальника. Так, провозглашенный преторианцами императором, Отон поклялся на сходке, что будет считать своим только то, что они ему оставят (Suet. Otho. 6. 3). Песценний Нигер, демонстрируя свою приверженность солдатскому образу жизни и заботу о воинах, поклялся на сходке, что в походах будет вести себя как простой воин, следуя примеру Мария и ему подобных полководцев (SHA. Pesc. Nig. 11. 3). Диоклетиан принес на сходке солдат клятву, что не знал о гибели Нумериана (Aur. Vict. Caes. 39. 14). В этих и подобных эпизодах военачальники и императоры фактически (и символически) признают суверенное значение коллектива воинов, над которым они имеют власть и которому в то же время подчинены как источнику этой власти.

⁴⁵ Combès R. *Imperator* (Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine). P., 1966. P. 155 et suiv.

⁴⁶ MacFayden D. *The History of the Title Imperator under the Roman Empire*. Chicago, 1920. P. 28 ff.; 44 ff.; Nesselhauf H. *Von der feldherrlichen Gewalt des römischen Kaisers // Klio*. 1937. Bd. 30. N. F. 12. S. 315 ff.; Raafflaub K. *Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats // Saeculum Augustum*. I. Herrschaft und Gesellschaft / Hrsg. von G. Binder Darmstadt, 1987. S. 260.

⁴⁷ Mommsen Th. *Römische Staatsrecht*. Bd. II. Leipzig, 1871. S. 867 f.; Straub J. *Vom Herrscherideal in der Spätantike*. Stuttgart, 1939. S. 15. Ср.: Timpe O. *Untersuchungen zu Kontinuität des frühen Prinzipats*. Wiesbaden, 1962. S. 63.

В целом же сам факт, что войско могло инициировать назначение на тот или другой пост и рекомендовать к награждению (либо непосредственно награждать отдельных солдат и военачальников), даровать или санкционировать различные почести⁴⁸, с достаточной очевидностью свидетельствует о важной роли легионеров как римских граждан, сохранявших *ius suffragii*⁴⁹. Вполне очевидно, что именно эти традиции позволяли воинской сходке в ряде случаев конституироваться в качестве органа самоуправления⁵⁰ и не только становиться одним из непосредственных источников верховной власти, наряду с народом и сенатом, но и выступать в качестве ведущей конституционной силы (*in rebus prima militia est* — СTh. VI. 26. 1), хранительницы легитимности власти⁵¹ в социально-политической системе акцептации императоров, которая включала в себя три силы — *plebs urbana, senatus, milites*⁵². В эпоху Империи, когда для наиболее проницательных современников стала понятна *arcana imperii* (Tac. Hist. I. 4. 4), воинская сходка, очевидно, заняла главенствующее место среди тех трех источников проявления мнений и воли римского народа, о которых в свое время говорил Цицерон (*Pro Sest.* 50. 106), называя в качестве таковых народные сходки, комиции и собрания во время театральных и цирковых зрелищ.

Соответствующие традиции, позволявшие войску облекать империем своих избранников, на наш взгляд, базировались на прецедентах, имевших место еще в период Ранней и Средней республики. Так, по рассказу Ливия (VII. 39–40; ср.: Dion. Hal. Ant. Rom. XV. 3; Zon. VII. 25. 9), в 342 г. до н. э. зимовавшие в Кампании воины замыслили мятеж, недовольные тем, что их после завершения кампании оставили здесь на зимних квартирах. Когда консул Марций Рутил, чтобы предотвратить его, стал под разными предлогами отсылать ненадежных солдат, одна когорта устроила настоящую сецессию и, приняв в свои ряды других

⁴⁸ В том числе и дарование прав римского гражданства. Так, Помпей даровал эти права митиленцу Феофану, историку, описывавшему его деяния, именно на воинской сходке (*Val. Max.* VIII. 14. 3; ср.: *Cic. Pro Arch.* 10. 24). Очевидно, также на сходке (*in castris*) было даровано Помпеем Страбонем гражданство и упомянутой выше (гл. IV) *turma Salluitana*. Ср.: *Pina Polo F.* Op. cit. P. 208–209.

⁴⁹ *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 58. Ср.: *Nicolet C.* Le métier de citoyen dans la Rome républicaine. P., 1976. P. 144.

⁵⁰ Ср. надпись времен Маркоманских войн: *vexillationes leg(ionum) II Piae et III Concordi(ae) ped(itatae) c(enserunt) c(cunctae)* («вексилляции легионов II Благочестивого и III Конкордии постановили сообща») (CIL III 1980 = 2, p. 1030, 1980 = Suppl. 2, 8570). Цит. по: *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории Балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 179. Автор справедливо приводит данную надпись как свидетельство возросшего самосознания дунайских легионов, но эту характеристику можно, наверное, отнести не только к ним.

⁵¹ *Глушанин Е. П.* Ранневизантийский мятеж и узурпация... С. 31.

⁵² *Flaig E.* Op. cit. S. 117 f.

воинов, расположилась лагерем близ Альбы Лонги. Не имея предводителя, воины решили вручить власть патрицию Титу Квинкцию, славному в прошлом военачальнику. Под угрозой смерти его доставили из тускульского имения в лагерь и провозгласили императором, поднеся знаки этой почетной должности, а потом велели вести войско на Рим, чтобы добиться соблюдения своих прав. К счастью, этот эпизод завершился миром и раскаянием мятежников благодаря уговорам и авторитету Валерия Корва. Другой эпизод относится к событиям 211 г. до н. э. в Испании. После разгрома и гибели обоих Сципионов остатки их войск собрал молодой всадник Л. Марций, которого солдаты на сходке избрали своим предводителем, вручив ему пропреторскую власть (Liv. XXV. 37; XXVI. 2.1; Val. Max. II. 7. 15). Весьма показательное сообщение Ливия о реакции сената на этот факт: сенаторы увидели дурной пример в том, что военачальник избирается войском, комиции проходят в лагере, в отсутствие должностных лиц (Liv. XXVI. 2. 2). Несколько лет спустя в войске младшего Сципиона в той же Испании вспыхнул мятеж, вызванный задержкой жалования и болезнью командующего. Мятежники, изгнав трибунов, избрали своих центурионов, принесли друг другу клятву и вручили власть двум простым солдатам, которые присвоили себе фации и топоры (App. Iber. 34; Liv. XXVIII. 24. 12 sq.)⁵³.

Подобного рода события, очевидно, можно трактовать как проявление древней традиции самоуправления, которая была присуща римской армии⁵⁴. Еще примечательнее, что войско выступает здесь как властная инстанция, фактически берущая на себя полномочия комиций по выбору и наделению империем магистратов. Разумеется, нельзя не учитывать экстремальность ситуаций, в которых оказывались возможны такого рода действия, равно как и негативную, осудительную реакцию конституционных властей. Но если отбросить явно тенденциозную подачу фактов и оценок в наших источниках и встать на точку зрения тех солдат, которые предпринимали подобные шаги, то можно, наверное, предположить, что сами легионеры не только считали себя вправе заявлять о своих требованиях, но и использовали для их отстаивания свои гражданские политические права. Во времена Республики действительно «лагерь и форум часто сливались друг с другом»⁵⁵ и сходка воинов брала на себя не только избирательные функции, но и законодательные, подобно тому, например, как это было в 357 г. до н. э., когда консул Гней Манлий созвал трибунное собрание в лагере под Сутрием и провел за-

⁵³ О событиях этого мятежа подробно см.: *Chrissanthos S. G. Scipio and the mutiny at Sucro*, 206 B. C. // *Historia*. 1997. Bd. 46. Hf. 2. P. 172–184.

⁵⁴ *MacMullen R. The Legion as a Society* // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 455.

⁵⁵ *Буассе Г. Оппозиция при Цезарях* // Он же. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2 / Пер. с фр. В. Я. Яковлева СПб., 1993. С. 22.

кон об уплате двадцатины за отпуск рабов на волю (правда, этот прецедент вызвал реакцию народных трибунов, которые запретили впредь под страхом смертной казни созывать народ на собрания вне города, чтобы воины, присягнувшие консулу, не проголосовали за что-либо губительное для народа) (Liv. VII. 16. 7–8). В условиях же гражданских войн, по замечанию Аппиана (В. С. III. 43), именно легионы фактически распоряжались властью и считали себя вправе требовать отчета у своих вождей⁵⁶, которые и сами фактически признавали, что обязаны своими властными полномочиями именно войску (Caes. В. civ. II. 32. 4; App. В. С. III. 65).

В период Империи политическим центром государства неоднократно оказывался лагерный форум, где преторианские когорты или легионы, используя сходку — эту древнейшую и столь римскую форму демократии, давали римскому миру новых правителей⁵⁷. И на этих собраниях солдаты действительно выступали как главные протагонисты⁵⁸. Право войска выбирать и смещать императоров не только реализуется *de facto*, но и признается в период Принципата почти официально. Таков, во всяком случае, смысл некоторых высказываний античных авторов или их персонажей. Так, Дион (LXXVII. 4. 1) передает слова Каракаллы, обращенные к преторианцам: «Я правлю для вас, а не для себя; поэтому я полагаюсь на вас и как на обвинителей, и как на судей» (ὡς κατηγοροὺς καὶ ὡς δικάστοις). У того же Диона Кассия Марк Аврелий в речи, обращенной к солдатам в связи с попыткой восстания Авидия Кассия, говорит об их праве рассудить вместе с сенатом, кому должна принадлежать власть⁵⁹. На деле же сенату в большинстве случаев оставалось только подтвердить решение воинов. Как пишет Тацит в рассказе о провозглашении Нерона императором в лагере преторианцев, «за решением воинов последовало постановление сената»: *sententiam militum secuta patrum consulta* (Ann. XII. 69. 2). Гальбу провозгласили императором сначала войско, а затем народ и сенат (Plut. Galba. 7. 2). Император Клавдий II, по словам Евтропия (IX. 11. 1), был выбран воинами и провозглашен сенатом Августом.

Армия, объявляющая свое решение на сходке, оказывается, таким образом, если не всегда первичной, то, по меньшей мере, равноправ-

⁵⁶ Впрочем, в определенных ситуациях такого рода требования выдвигались воинами и в период Ранней республики, как, например, в 295 г. до н. э. во время Самнитской войны, когда, по сообщению Ливия (X. 19. 1 sqq.), легионы энергично вмешались в споры консулов Луция Волумния и Аппия Клавдия, потребовав от них на сходке прекратить распри, вредящие общему делу.

⁵⁷ MacMullen R. Op. cit. P. 455–456.

⁵⁸ Pina Polo F. Op. cit. P. 223–224.

⁵⁹ Dio Cass. LXXI. 24. 3: ...ἐβούλομεν... προσκαλέσασθαι τὸν Κάσσιον καὶ δικαιολογήσασθαι πρὸς αὐτὸν παρ' ὑμῖν ἢ παρὰ τῇ γερουσίᾳ...

ной с сенатом и народом инстанцией, становится третьим, фактически официальным элементом формулы *senatus populusque Romanus*. На это явным образом указывает ряд выражений, используемых в нарративных источниках. Примечательно в этом плане свидетельство Светония, что еще Тиберий, говоря в завещании о своих родственниках, указал на Клавдия «войскам, сенату и народу римскому» (Suet. Claud. 6. 2). В биографии Коммода сообщается, что, когда после Маркоманской войны он прибыл в Рим, было провозглашено (по-видимому, в официальных *Acta Urbis*), что он отдан навсегда под охрану войска и сената в Коммодовом дворце: *datus in perpetuum ab exercitu et senatu in domo Palatina Commodiana conservandus* (SHA. Comm. 12. 7)⁶⁰. Интересно, что здесь армия упомянута первой, перед сенатом, — значительная перемена по сравнению с традиционной формулой *Senatus Populusque Romanus*⁶¹. Так же и в императорских биографиях у *Scriptores historiae Augustae* войско нередко оказывается первичной по сравнению с сенатом инстанцией (например: SHA. Gord. tres. 22. 2 sqq.; Tac. 7. 3; 8. 5), а в биографии императора Тацита, избранного сенатом, в одной из речей сказано, что сенат выполнил указание и волю армии (SHA. Tac. 8. 4). В той же биографии, в рассказе же о шестимесячном отсутствии императора после гибели Аврелиана, констатируется: совместно правили сенат, воины и римский народ (SHA. Tac. 2. 2). У Геродиана император Максим в обращении к воинам вообще умалчивает о сенате и подчеркивает, что власть является общим достоянием римского народа, а императорам вместе с воинами вручено управление и распоряжение государственными делами (Herod. VIII. 7. 5; ср.: SHA. Diad. Ant. 2. 2). В кризисном III в. армия во многих случаях вообще обходится без санкции сената, провозглашая императорами своих ставленников⁶². Начало этому было положено Максимином Фракийцем, которого, по словам автора его биографии, войско впервые провозгласило Августом без декрета сената (SHA. Max. duo. 8. 1; ср.: Eutrop. IX. 1: *ex corpore militari primus ad imperium accessit sola militum voluntate, cum nulla senatus intercessit auctoritas*). При этом воины не только провозглашают нового императора, но также фактически санкционируют усыновление и назначение наследника, подобно тому как в древности это происходило при процедуре *adrogatio* в куриатных комициях, *comitia calata* (Gai. Inst. I. 98; II. 101; Gell. V. 19. 9)⁶³. Так перед воинской сходкой произвел усы-

⁶⁰ *Nesselhauf H.* Die Vita Commodi und die Acta Urbis // Bonner Historia — Augusta — Colloquium. 1964–1965. Bhf. 3. Bonn, 1966. S. 136 f.

⁶¹ *Speidel M. P.* Commodus the God-emperor and the Army // JRS. 1993. Vol. 83. P. 113.

⁶² *Сергеев И. П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999. С. 67 и сл.; 79; 95; *Hartmann F.* Op. cit. S. 75 ff.; 119 ff.

⁶³ *Покровский И. А.* История римского права. Минск, 2002. С. 444; 467 сл.

новление Пизона Фруги Гальба (Suet. Galba. 17; Tac. Hist. I. 17–18)⁶⁴. Клавдий и Вителлий демонстрируют своих родившихся сыновей воинам на сходках, при этом последний назвал младенца Германиком и облек всеми знаками императорского достоинства (Suet. Claud. 27. 2; Tac. Hist. II. 59. ср.: Herod. I. 5. 3). Если верить биографии Септимия Севера, его сын Каракалла был провозглашен соправителем отца именно на воинской сходке (SHA. Sev. 16. 3). О подобных актах в IV в. свидетельствуют и Аммиан Марцеллин, и другие источники (например: XV. 8. 4 sqq.; XXVII. 6. 4 sqq.; Pan. Lat. XII. 31. 2). Макрин после убийства Каракаллы, чтобы успокоить воинов, недовольных этим, на сходке назвал своего малолетнего сына Антонином (SHA. Diad. Ant. 1. 3). Кроме того, войска в некоторых случаях иницируют либо прямо декретируют обожествление умерших правителей (Suet. Dom. 23; SHA. Sev. 11. 3–4; 12. 7–8; Opil. Macr. 6. 8; Aurel. 41. 1–2), а в эпоху тетрархии принимают отречение императоров от власти (Lact. De mor. pers. 19. 1). Иначе говоря, и в этих важнейших прерогативах войско подменяет собой сенат.

Возникшая уже в период раннего Принципата тенденция к отстранению сената от участия в выборе и утверждении у власти императоров и в других легитимационных решениях, таким образом, развивается в десятилетия кризиса III в. и закрепляется в эпоху домината. В конечном итоге в панегирике, произнесенном Симмахом по случаю пятилетнего юбилея правления Валентиниана I (369 г.), армия прямо уподобляется комициям, а ее командиры — сенату. Валентиниан именуется *dignus imperator a dignis comitiis electus* — «достойный император, избранный достойными комициями», которого при этом как «мужа, известного военными заслугами, одобрил лагерный сенат» (Symmach. Or. I. 9: *emeritum bellis virum castrensium senatus adscivit*). Под комициями здесь подразумевается армия, а под *castrensium senatus* — совет высших военных и гражданских чинов, тех самых, которых Аммиан Марцеллин именует *potestatem civilium militiaeque rectores* (XXVI. 1. 3)⁶⁵. В этой фразе Симмаха исследователи не без оснований видят признание отказа сената от прав на участие в выборе императора, которые перешли к войску⁶⁶, и даже считают ее выражением этого вполне конституционного принципа, утвердившегося в IV столетии и признавшего армию ведущей и самостоятельной конституционной силой⁶⁷. Нельзя, однако, со-

⁶⁴ Примечательно, что, по словам Тацита, Гальба заявил при этом, что усыновляет Пизона по старинному военному обычаю, согласно которому каждый воин сам избирает следующего (суть этого обычая в том, что во время призыва первый воин называл следующего, тот — другого и так далее).

⁶⁵ Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 67–68.

⁶⁶ Straub J. Op. cit. S. 34.

⁶⁷ Глушанин Е. П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация... С. 31. Ср.: он же. Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. ... С. 125.

гласиться с мнением Е. П. Глушанина, что уподобление армии комициям было просто невысказано при Принципате. Из рассмотренных выше свидетельств источников, на наш взгляд, вполне определенно можно заключить, что воинская сходка едва ли не на всем протяжении римской истории была институтом, который своими реальными полномочиями и внешним «антуражем» не просто сходствовал с комициями как органом власти граждан, но в некоторых ситуациях выступал в качестве их своеобразной формы. Еще Т. Моммзен видел в провозглашении императора войском юридически правомерный акт волеизъявления народа⁶⁸.

Разумеется, некоторые функции сходки, прежде всего потестарная, лежали, так сказать, вне «правового поля», в сфере прецедентов и обычая. Однако они, без сомнения, основывались на полисно-республиканских традициях, которые не пресекались в эпоху Империи, хотя, очевидно, и подвергались определенным трансформациям. Среди этих традиций надо назвать характерное для римской *civitas* сочетание самых широких властных полномочий носителя империя с его ответственностью и известной зависимостью от суверенного коллектива граждан-воинов⁶⁹. С этим фактором так или иначе должны были считаться императоры, проявляя доверие и внимание к солдатам, что было одной из традиций республиканской эпохи⁷⁰. Очевидно, что сохранение таких традиций в армии было одним из необходимых (хотя, конечно, и недостаточным) условий ее политической активности и влияния. Важно подчеркнуть, что эти традиции, институциональным выражением которых была *contio militaris*, с особенной интенсивностью проявлялись в

⁶⁸ *Mommsen Th. Op. cit. Bd. II. 2. S. 1132.* Против этого вывода выступил Н. А. Машкин (Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 512), отметив, что в действительности это лишь означало, что императорская власть опирается прежде всего на войско. Но одно дело — опора на армию только как на вооруженную силу и совсем другое — взаимоотношения субъектов власти.

⁶⁹ Этот принцип сформулирован, например, у Аппиана (В. С. IV. 92) в речи Кассия к воинам: «Вы, народ, во время войны во всем подчиняетесь полководцам как владыкам. Но в мирное время вы сами, в свою очередь, имеете над нами власть... вы голосуете по трибам и центуриям, вы избираете консулов, трибунов, преторов. Наряду с избранием магистратов вы решаете и важнейшие дела, наказывая или награждая нас...» (пер. Т. Н. Книпович). Ср. также обращение Октавиана к войску по случаю получения пропреторской власти в 44 г. до н. э.: «Все это я получил, соратники, от вас, не теперь, а с того момента, как вы дали мне власть. Ведь сенат дал мне ее из-за вас. Так что будьте уверены, за это я буду считать себя обязанным вам...» (Ibid. III. 65 / Пер. О. О. Крюгера). Если в речи Кассия выражается сущность обычного республиканского порядка, то в словах Октавиана можно видеть его трансформацию в кризисной ситуации, когда фактическая власть исходит от войска, а на долю сената остается только правовое ее оформление. По сути дела, именно такое положение наблюдается и в большинстве случаев перехода или наследования власти в период принципата.

⁷⁰ *Буассье Г. Указ. соч. С. 22.*

ситуациях кризиса, когда обычные органы и механизмы власти были не в состоянии должным образом выполнять свои функции, обеспечивая баланс интересов в обществе и прочность государства. Вопрос о том, какими конкретными мотивами руководствовались воины, возводя на престол того или иного претендента, остается спорным, и его обсуждение не входит в нашу задачу. Ясно, однако, что ни успешно отстаивать свои профессионально-корпоративные интересы, ни выступать в качестве решающего субъекта политической борьбы императорская армия была бы не в состоянии без наличия веками выработанных форм своего волеизъявления.

Глава VIII

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФЕНОМЕНА СОЛДАТСКОГО МЯТЕЖА В РИМЕ

В военно-политической истории Древнего Рима, как республиканского, так и императорского времени, известно немало эпизодов и фактов, которые, казалось бы, коренным образом опровергают расхожие представления о беспрекословном повиновении римских легионеров суровым нормам воинской дисциплины и субординации. Своего апогея поспание этих норм достигает в ситуации открытого солдатского возмущения и мятежа (*tumultus, seditio*). Однако, как уже давно попытался показать В. Мессер, такие эпизоды при более внимательном и целостном рассмотрении отнюдь не противоречат мнению об эффективности римской военной системы как таковой, но, напротив, могут расцениваться как показатель высоких качеств римского солдата, его способности самостоятельно мыслить и действовать¹. Автор пришел к этому заключению на основе анализа фактов, относящихся к эпохе Республики, но оговорился при этом, что соответствующие качества римского солдата надо учитывать и при объяснении событий императорского периода. Еще ранее аналогичную мысль, правда, мимоходом, высказывал Г. Буассье, подчеркивая, что некоторые подробности в рассказе римских историков о солдатских волнениях в период Империи (в частности, сообщения о переговорах с мятежным войском, об отправке солдатами своих делегатов к императору и т. п.) не должны казаться удивительными и несовместимыми с тем, что известно о строгости римской дисциплины, если принять во внимание традиции республиканской эпохи, безусловно, сохранявшиеся и в эпоху Принципата, а именно: добровольное и сознательное подчинение дисциплине, доверие к солдатам со стороны военачальников, статус гражданства, которым обладали легионеры².

Разумеется, лишь с большой долей условности можно говорить о неких общих тенденциях и характерных особенностях солдатского мя-

¹ Messer W. *St. Mutiny in the Roman army* // CPh. 1920. Vol. 4. N 2. P. 158–175.

² Буассье Г. *Оппозиция при Цезарях* // Он же. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2 / Пер. с фр. В. Я. Яковлева СПб., 1993. С. 21 сл.

тежа, сохранявшихся на всем протяжении римской истории. Слишком разными были конкретно-исторические условия и обстоятельства, причины, цели, ход и результаты таких, например, событий, как плебейские сецессии раннереспубликанского времени, или активные выступления легионов в последние десятилетия Республики, когда солдатские массы прямо диктовали свою волю полководцам (ср.: Plut. Sulla. 7), или мятежные действия солдат во время гражданской войны 68–69 гг. н. э., когда Римская империя, по словам Плутарха (Galba. 1), испытала потрясения «не столько из-за властолюбия тех, кого провозглашали императорами, сколько из-за алчности и распущенности солдат, сбрасывавших одного императора с помощью других» (пер. С. П. Маркиша), или же солдатские бунты периода «военной анархии» III в., когда, «воины уже привыкли создавать себе императоров и менять их в результате беспорядочного решения» (SHA. Alex. Sev. 1. 6). Не подлежит, однако, сомнению, что очень часто римский военный мятеж не замыкался только в рамки сугубо внутриармейских проблем, но был самым непосредственным образом связан с перипетиями политической борьбы, особенно во времена гражданских войн и (или) династических кризисов. Очевидно также, что в условиях мятежа, как в никакой другой ситуации, солдатская масса выступала как активный и в значительной степени автономный субъект политического действия, ставящий перед собой определенные цели и — на основе наличных традиций и прецедентов — добивающийся их достижения.

В данной главе мы остановимся на некоторых специфических характеристиках римского военного мятежа, связанных с его правовыми аспектами, особенностями его протекания и с действием субъективного фактора, прежде всего с ролью тех представителей воинской массы, которые в источниках именуется зачинщиками и вождями мятежа — *auctores, capita, duces, principes seditionis*. Несомненно, фигура *auctor seditionis* выделяется среди других протагонистов солдатского восстания, являясь, по самой своей сути, ключевой и трагической, олицетворяющей всю неоднозначность и противоречивость ситуации мятежа. Чтобы понять эту фигуру, необходимо выяснить, как сущность и содержание этой ситуации трактуются в римском военном праве и оцениваются в античной морализирующей историографии, каким образом соотносятся юридические нормы и полномочия с реальными действиями военных начальников перед лицом мятежных войск, каковы основные варианты и стереотипы поведения самих солдат, поднимающих мятеж. Учитывая, что *auctores seditionis* относятся, за немногими исключениями, к безымянным героям римской военной истории и крайне скупы и вместе с тем исключительно предвзято освещаются в имеющихся источниках, мы ограничимся преимущественно обобщенными, выражаю-

щими именно римскую специфику, характеристиками, абстрагируясь от конкретного контекста отдельных событий и используя свидетельства, относящиеся к самым разным периодам истории Рима.

В самом общем виде солдатский мятеж можно определить как открытое противостояние массы рядовых воинов и военной власти. Оно имело различные формы и приобретало, в зависимости от конкретных обстоятельств и факторов, разные степени напряженности. С точки зрения римского военно-уголовного права, как мы уже отмечали, под понятие *seditio* попадали даже выкрики, *voceferatio*, и незначительные жалобы, *levis querela*³. Такого рода действия, которые нередко оказывались первым признаком открытого бунта⁴, подлежали достаточно строгому наказанию: отдельные подстрекатели подлежали разжалованию (*gradu militiae deicitur* — Dig. 49. 16. 3. 20; Ex Ruffo leg. mil. 16), а выступавшие согласованно и в большом числе солдаты после телесного наказания изгонялись с военной службы⁵, т. е. коллективные выступления расценивались как более тяжкий проступок. Примечательно, что Гелиогабал, по свидетельству Геродиана (V. 8. 8), расценил как мятеж выкрикиваемые воинами славословия в адрес Александра Севера и приказал арестовать их для наказания. Видимо, в целях профилактики увольнению из армии подлежали также те воины, которые только условливались (*conspirent*) об учинении какого-либо позорного деяния (*flagitium*) (Dig. 49. 16. 3. 21; Ex Ruffo leg. mil. 16).

Естественно, что гораздо более суровым репрессиям подвергались любые попытки возбудить открытый бунт (*seditionem atrocem*) и учинить заговор или мятеж против командующего (*coniurationem, aut factionem, aut seditionem moliri adversum praesidem suum* — Ex Ruffo leg. mil. 10; 16–17; Dig. 49. 16. 3. 19). Виновные в таких замыслах и действиях наказывались смертью, при этом специально оговаривается особая ответственность тех, кто является главарями и зачинщиками заговора или мятежа (*capita et auctores coniurationis aut seditionis* — Ex Ruffo leg. mil. 10). Согласно военному закону, их сначала секли розгами, а потом обезглавливали топором или мечом⁶, причем эта расправа, по римскому

³ Dig. 49. 16. 3. 20. Ср.: Ex Ruffo leg. mil. 16; 17: *nuda querela adversus aliquos*. По-видимому, здесь имеются в виду жалобы и претензии, заявляемые в неподобающей форме, вопреки обычному порядку, когда легионеры могли, как мы видели, высказывать свои пожелания и мнения, обращаясь к командующему через офицеров или своих представителей, специально делегированных для переговоров. Для пресечения подобных выкриков могли использоваться ликторы командующего (*Liv. IV. 50. 2*; ср.: *Herod. V. 8. 8*).

⁴ Ср.: *Cic. Fam. X. 21. 4*; *Plut. Lucul. 32*; *Tac. Ann. I. 34*; *Hist. I. 18; 55*; *III. 10*; *SHA. Max. duo. 21. 3–4*.

⁵ Ex Ruffo leg. mil. 17: *...si plures in hoc conspiraverint, acriter caesi militia pelluntur*.

⁶ Это, кстати сказать, сугубо военный вид казни. Зачинщики мятежей и беспорядков из гражданских лиц, в зависимости от своего достоинства, приговаривались или к распятию на кресте, или *ad bestias*, или к высылке на острова (*Paul. Sent. V. 22. 1*).

обычаю, совершалась в целях устрашения остальных воинов публично, как правило, перед строем войска⁷. На практике могли применяться и другие виды казни и наказаний⁸. Если зачинщиками мятежа признавалось достаточно большое число воинов либо целое подразделение или легион, они могли быть подвергнуты децимации⁹. Но она, судя по всему, применялась лишь в исключительных случаях, как и раскассирование за неповиновение и мятеж целой воинской части¹⁰. Правом вынести смертный приговор (*ius gladii*) в отношении мятежных солдат были наделены только те военачальники, которые обладали высшей должностной властью (*imperium*). В период Империи любое наказание воина со смертным исходом, вероятно, должно было совершаться на основании императорских постановлений, т. е. от имени императора, *ex imperatoris legibus* (Veget. II. 22)¹¹. Однако в критических ситуациях, дабы пресечь разрастание мятежа, решение о смертной казни, выходя за строгие пра-

⁷ Ex Ruffo leg. mil. 17; 19; Polyb. XI. 30. 2; Liv. XXVIII. 29. 9 sqq.; App. Iber. 36; Tac. Ann. I. 44; Hist. IV. 25; Veget. II. 22. В случае, если военачальнику не удалось полностью овладеть ситуацией, расправа с зачинщиками могла быть осуществлена тайно (Liv. VII. 39. 5; Tac. Ann. I. 29. 4; Dio Cass. LVII. 4. 5).

⁸ Так, М. Постумий Регилльский, военный трибун с консульской властью 414 г. до н. э., приказал казнить мятежных воинов «под корзиной» — *sub crate* (их накрывали корзиной и заваливали камнями), чем вызвал такой взрыв возмущения, что сам был побит камнями (Liv. IV. 50. 4–5). Трибун турмы всадников Нигрин, поднявший мятеж нескольких воинских частей против Юлиана, как главный виновник бунта, после тщательного расследования был заживо сожжен (Amm. Marc. XXI. 12. 20). Возможно, в некоторых случаях отдельные мятежники подвергались заточению в тюрьму (Tac. Hist. I. 87; Amm. Marc. XXV. 10. 9).

⁹ App. B. civ. II. 47; III. 43; 44; 53; 56; Dio Cass. LXI. 35. 5. Раскаявшиеся в своем мятежном поведении солдаты любимого Цезарем X легиона даже сами требовали применить к ним это наказание (App. B. C. II. 94). Сведения о применении децимации в качестве наказания за мятеж в императорское время очень немногочисленны (Dio Cass. LXIII. 3. 2; LXIV. 3. 4; Suet. Galba. 12. 2; ср.: Tac. Hist. I. 6. 2; 87. 2; Plut. Galba. 15) либо малодостоверны (SHA. Opil. Macr. 12. 2). В юридических текстах императорского периода она вообще не упоминается. См.: Jung J. H. Die Rechtsstellung der römischen Soldaten. Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // ANRW. Bd. II. 14. 1982. S. 1003. У Маврикия (Strat. I. 8. 17) говорится о применении децимации только в отношении воинов, обратившихся без серьезной и очевидной причины в бегство во время сражения.

¹⁰ См.: Front. Strat. I. 9. 4; IV. 1. 43; 5. 2; Suet. Div. Iul. 69; Plut. Caes. 51; Polyæn. VIII. 23. 15; App. B. C. II. 93; Dio Cass. XLI. 26 sqq.; XLII. 53. Ср. также: Dig. 49. 16. 3. 21 и Ex Ruffo leg. mil. 16, где говорится, что, если целый легион перешел на сторону противника, виновные подлежат изгнанию из армии. Упоминание в биографии Александра Севера о роспуске им мятежных легионов в Сирии относится, очевидно, к области литературной фантазии (SHA. Alex. Sev. 52. 3; 53. 3 sqq.) (этот эпизод, очевидно, сконструирован по хрестоматийному образцу пресечения мятежа в армии Юлия Цезаря в 47 г. до н. э.). К числу достоверных фактов такого рода можно, наверное, отнести расформирование III Августова легиона в наказание за участие в 238 г. в боевых действиях против Гордиана в Африке. См.: Le Bohec Y. La III-e légion Auguste. P., 1989. P. 453.

¹¹ Ср. Jung J. H. Op. cit. S. 1005.

вовые рамки, могли вынести и высшие офицеры, обладавшие в обычных условиях только дисциплинарной властью (легат легиона, трибун, префект лагеря)¹².

Практически каждый солдатский мятеж, какими бы конкретными причинами он ни был вызван, давал выход исподволь накапливавшейся ненависти рядовых воинов к командирам¹³, сопровождался всевозможными эксцессами, которые и в обычной обстановке расценивались как тяжкое воинское преступление (*delictum militum*), караемое смертью¹⁴. К таким *delicta* относились, в частности, всякое неповиновение командиру (*omnis contumacia*) и тем более оскорбление его действием (*petulantiae crimen*) (*Dig.* 49. 16. 6. 1–2; 13. 4; *Ex Ruffo leg. mil.* 11). При вспышке мятежа такие действия солдат приобретали массовый характер и изощренные формы, доходя до жестоких стихийных расправ с наиболее ненавидимыми начальниками¹⁵. В ситуации же военного переворота ни возраст, ни прежний авторитет, ни величие власти носителя императорского титула не могли остановить безрассудную ярость воинов (*militum furor*) (ср. гибель Гальбы, Пертинакса, Александра Севера, Максимиана Фракийца). Важно еще раз отметить, что в некоторых случаях расправа с командирами, вызывавшими особую ненависть воинов, приобретала организованные формы и войско, собранное на сходку, выступало как своего рода судебная инстанция с правом казнить и миловать¹⁶ или даже

¹² Ср. *Sander E.* *Das römische Militärstrafrecht* // *RhM.* 1960. Bd. 103. S. 307–308, *Ann.* 97. Тацит, например, сообщает, что префект лагеря Маний Энний приказал казнить двух зачинщиков беспорядков, опираясь скорее на необходимость устрашающего примера, чем на свое право: *bono magis exemplo quam concessio iure* (*Ann.* I. 38. 1).

¹³ Характерно, что наибольшее раздражение и ненависть простых солдат вызывали центурионы, осуществлявшие непосредственную дисциплинарную власть, часто прибегая к телесным наказаниям. Тацит в контексте рассказа о военном мятеже выразительно именуется этих командиров *ea vetustissima militaribus odiis materies et saeviendi principium* («неизменнейший объект ненависти воинов и первопричина их ярости») (*Ann.* I. 32. 1). У Тацита же можно найти многочисленные примеры проявления этой ненависти. См.: *Ann.* I. 20; 23; 27; 35; 39; 42; *Hist.* I. 80; II. 12; 26; IV. 36.

¹⁴ Надо отметить, что при наказаниях за воинские преступления фактически и юридически не действовало право апелляции (*Paul. Sent.* V. 26. 2). См.: *Sander E.* *Op. cit.* S. 300 f. Более того, в императорское время в военном праве сохранялась древняя норма, согласно которой невыполнение приказа или даже успешное действие, совершенное несмотря на запрет полководца, каралось смертью (*Dig.* 49. 16. 3. 15). Ее применение приписывается, например, Авидию Кассию, чтобы подчеркнуть его полководческую суровость (*SHA. Avid. Cas.* 4. 6). Впрочем, достоверность этого свидетельства сомнительна.

¹⁵ Например, легионеры, взбунтовавшиеся в 14 г. н. э. в Германии, сначала избивали центурионов плетью, по 60 ударов на каждого — по числу центурионов в легионе, а потом убили их и выбросили трупы (*Tac. Ann.* I. 32. 1).

¹⁶ Особенно показательны в этом плане эпизод восстания германских легионов, когда солдаты, по существу, выносили решение о судьбе отдельных центурионов, а также зачинщиков мятежа (*Tac. Ann.* I. 44; ср.: *Hist.* III. 10). И. Юнг (*Op. cit.* S. 1004 f.), в от-

выносить своего рода политический приговор, как это сделали легионы Септимия Севера, объявив врагом государства Альбина (Herod. III. 6. 8; ср.: Dio Cass. LXXV. 10. 3)¹⁷. В целом же обращают на себя внимание уже сама многочисленность случаев расправы с военачальниками и командирами, та готовность, с какой римские солдаты идут на этот шаг, несмотря на все предусмотренные военно-уголовным правом суровые наказания. При этом соответствующие факты отмечаются практически на всем протяжении римской истории. В источниках называются самые разные причины и поводы для такого рода убийств. Это могли быть подозрение в измене, как, например, в случае с убийством легата Суллы Альбина во время Союзнической войны (Plut. Sulla. 6. 14; Liv. Per. 75; Polyae. VIII. 9. 1; Val. Max. IX. 8. 3; ср., однако, Oros. V. 18. 3, где причиной убийства названа его невыносимая надменность по отношению к воинам)¹⁸; попытки навести порядок и дисциплину (Val. Max. IX. 7. 3; Tac. Ann. I. 20; Hist. III. 7; Dio Cass. LXXX. 4. 1–2; [Aur. Vict.] Epit. 22) или обуздать мятеж (Tac. Hist. I. 80; SHA. Pert. 3. 8); ненависть к отдельным командирам или политическим противникам (Tac. Hist. I. 58; IV. 36; Ann. I. 32. 2; App. B. C. V. 49); раскаяние в собственных мятежных действиях (Suet. Otho. 1. 2) или даже запрет командиров вступить в сражение (Amm. Marc. XIX. 6. 3) и попытка пресечь расправу со сдавшимися неприятелями (B. Afr. 85. 6).

В период Империи военный мятеж становится одним из средств узурпации императорской власти. Поэтому инициаторы и участники такого мятежа попадали в категорию лиц, преследовавшихся по закону Юлия об оскорблении величия (*lex Iulia de maiestate*). Согласно этому закону, суровую ответственность несли те лица, по чьей инициативе или чьими действиями поднято оружие против императора или государства либо его войско доведено до мятежа (*in insidias deductus*); отвечали также лица, подстрекавшие войско отклониться от императора (Paul. Sent. V. 29. 1)¹⁹. В качестве *laesae maiestatis damnator* («виновного в оскорблении величия») смертной казнью с конфискацией имущества карался и

личие от Э. Зандера (Op. cit. S. 303 f.), склонен считать, что войско в данном случае не определяло вину и не выносило приговор, но выступало лишь в качестве коллективного свидетеля.

¹⁷ Ср.: Sander E. Op. cit. S. 303.

¹⁸ В случае с префектом лагеря Юлием Гратом, заподозренным в измене в угоду своему брату, воевавшему на стороне Отона, вителлианцы ограничились арестом; так же поступили и отонянцы с его братом, трибуном Юлием Фронтоном, на основании такого же обвинения (Tac. Hist. II. 26).

¹⁹ Ср.: Amm. Marc. XXI. 12. 19: легионы Констанция, поднявшие мятеж против Юлиана в Аквилее, потерпев после осады поражение, чтобы оправдаться в глазах императора Юлиана, выдали зачинщиков и требовали казнить их как виновных в *laesae maiestatis*. О наказаниях по закону об оскорблении величия в целом см.: Levick B. *Poena legis maiestatis* // Historia. 1979. Bd. 28. P. 358–379.

тот, кто, сговорившись (*in iura coniuratione*) с воинами, частными лицами или варварами, убивал лицо сенаторского ранга или военнослужащего, *senatorium vel militem* (Ex Ruffo leg. mil. 20). Обращает на себя внимание и замечание Модестина о том, что вина в преступлении против величия, выразившемся в каком-либо действии или надругательстве над императорскими статуями и изображениями, существеннейшим образом усугублялась, если оно совершалось воинами²⁰. По всей видимости, такое усугубление вины объясняется тем, что в армии императорские *imagines* почитались в качестве священных символов наряду с военными знаменами и статуями богов²¹. Кроме того, и знамена, и изображения императоров, несомненно, ассоциировались с верностью принцепсу и воинской присягой (например: Tac. Hist. I. 55; 56; Plut. Galba. 22. 4)²², через которую понятия воинского долга и повиновения военачальнику обретали свои сущностные основы в религиозно-сакральной сфере²³. Поэтому любые мятежные действия означали нарушение как самой присяги, центральным пунктом которой было обязательство повиноваться командующему (Polyb. VI. 21. 1; Dion. Hal. Ant. Rom. VI. 45. 1; X. 18. 2; XI. 43. 2), так и религиозных уз и норм военной жизни²⁴. По традиционным римским представлениям, отказ воинов повиноваться власти полководца расценивался как нечестие, преступление против богов и освященного ими воинского порядка — *contra fas disciplinae* (Tac. Ann. I. 19. 3; ср.: Liv. II. 32. 2; XXVIII. 27. 4 et 12; SHA. Avid. Cass. 4. 9). Как показывают некоторые эпизоды, такого рода представления не были чужды и самим римским солдатам (см. гл. XIII). Если во время военного мятежа изображения императоров срывали с военных значков и штандартов, это означало открытое выступление против данных правителей

²⁰ Dig. 48. 4. 7. 4 (Modest. XII pand.): *crimen maiestatis facto vel violatis statutis vel imaginibus maxime exercebatur in milites*. Во время солдатских волнений такого рода факты хорошо известны. См., например: Tac. Hist. I. 41. 1; 55. 3; 56. 3.

²¹ *Véget*. II. 6: *...imagines imperatorum, hoc est divina et praesentia signa* («...изображения императоров, т. е. божественные и подлинные знамена»). Ср.: *ibid.* III. 8; *Suet.* Cal. 13. 3; *Tac. Ann.* XV. 24. 2.

²² *Domaszewski A., von.* Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. S. 59; 68; 78; *Premierstein A., von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937. S. 82, 85–88; *Pekáry Th.* Das römische Kaiserbildnis in Staat, Kult and Gesellschaft. Dargestellt anhand der Schriftquellen. B., 1985. S. 9 ff.; *Stoll O.* «Offizier und Gentleman». Der römische Offizier als Kultfunktionär // *Klio*. 1998. Bd. 80. S. 134 f.

²³ См.: *Vendrand-Voyer J.* Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 49–50; 54–55; 70; *Токмаков В. Н.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации Раннеримской республики // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 125–147. О религиозном значении римских военных знамен см. далее, гл. XIV.

²⁴ Ливий (II. 32. 2), рассказывая о плебейской сессии 494 г. до н. э., пишет, что набранные в войско плебеи хотели убить консулов, чтобы потеряла силу присяга, но отказались от этого замысла, узнав, что никакое преступление не разрешает от святости обязательства (*Nullam scelere religionem exsolvi*).

(см., например: Tac. Hist. I. 41; 55; 56; III. 13; 31; Plut. Galba. 22; 28; Dio Cass. LXIII. 25. 1; LXV. 10. 3; Herod. VIII. 5. 9)²⁵.

Что касается интерпретации сущности и причин солдатского мятежа в литературных источниках, то напрасно было бы искать у античных писателей каких-либо реалистических и взвешенных оценок. В абсолютном большинстве описаний безраздельно доминируют сугубо морализаторские суждения и всячески подчеркиваются анархически-оргиастические аспекты *seditio*, что объясняется как консервативно-аристократическими взглядами римских историков и опытом гражданских войн в Римском государстве, так и спецификой античного понимания исторического процесса и задач историописания²⁶. Весьма показательны, что в поведении мятежных войск античные писатели акцентируют прежде всего иррационально-стихийную сторону, используя для этого понятийный ряд, относящийся к сфере катастроф (ср., например, Vell. Pat. II. 125. 4: *incendium militaris tumultus*) или социально-психологической патологии: безумие и безрассудство (*amentia, vecordia, rabies*; ср. особенно: Tac. Ann. I. 39. 6: *fatalis rabies*, «роковое безумие»), ярость (*furor*), чума и зараза (*contagio, contactus*). Мятежные настроения оказываются, как правило, в высшей степени заразительными (Tac. Hist. I. 9; 26; III. 11), и, если мятеж охватывает большинство воинов, к нему присоединяются и все прочие²⁷. Судя по начальным словам рассказа Тацита о мятеже паннонских легионов, не столько даже солдаты поднимают мятеж, сколько этот последний, подобно заразной болезни, охватывает войско²⁸. Поэтому предупредить распространение мятежа могли в первую очередь меры по рассредоточению войсковых контингентов или их использование против внешнего врага (Tac. Hist. I. 9).

Соответственно, главные факторы и мотивы солдатского бунта, по мнению большинства древних авторов, коренятся в порочных склонностях, органически присущих солдатской массе в целом (Tac. Hist. I. 6: *ingens novis rebus materia*; ср.: Herod. VI. 8. 4), в особенности же ее худшей в моральном отношении части. Характерное в этом плане суждение принадлежит Вегецию (III. 4): «Иногда войско, собранное из разных мест, поднимает мятеж... По большей части это делают те, которые на своих стоянках жили долго в покое и роскоши. Непривычные к суровому образу жизни, ненавидя труд... кроме того боясь сражений,

²⁵ *Premenstein A., von.* Op. cit. S. 98–99 (с указанием других источников).

²⁶ *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. М., 1976. С. 56 сл.

²⁷ Tac. Hist. I. 56. 3: *...quod in seditionibus accidit, unde plures erant, omnes fuere* («как обычно бывает во время мятежей, все переметнулись на сторону большинства»).

²⁸ Tac. Ann. I. 16. 1: *...Pannonicas legiones seditio incessit.*

т.к. уже раньше они уклонялись от военных упражнений, они теперь прибегают к такой дерзости» (пер. С. П. Кондратьева) (ср.: Tac. Ann. I. 31. 4). Вряд ли правомерно относить эту характеристику только к позднеримской армии, ибо аналогичные высказывания являются общим местом и у авторов раннеимператорского времени, которые, как мы видели выше (см. гл. III), также подчеркивают всевозможные пороки солдат, порождающие склонность к мятежу и усугубляющиеся заискиванием и потворством со стороны военачальников. Среди соответствующих качеств фигурируют: «ненасытная страсть к беспорядкам» (*profunda confundendi cupiditas* — Vell. Pat. II. 125. 1; ср.: Tac. Ann. I. 16. 1: *licentia turbarum*), своеволие, стремление к роскоши и праздности, привычка к распушенности и отвращение к трудам, алчность, непослушание, желание бунтовать, помыкать властями, грабить, ввязываться в беспорядки и гражданские войны в надежде на добычу²⁹. Более конкретные причины и мотивы солдатских возмущений если и называются в литературных источниках, то обычно не удостоиваются сколько-нибудь подробного анализа либо девальвируются самим способом их изложения, как, например, у Тацита, у которого причины солдатского недовольства называются в речи зачинщика мятежа солдата Перценния, характеризуемого весьма нелюбезным образом³⁰. Среди таких причин фигурируют усталость от войны, не выплаченные вовремя жалованье и награды (как, например, в мятеже войск Цезаря в 47 г. до н. э.), переутомление от работ³¹ или даже неправильно, с точки зрения солдат, выбранное место для лагеря (SHA. Sev. 8. 9). Но, по сути дела, в числе главных причин оказываются все те же алчность и своеволие воинов.

Войско, восстающее против власти полководца и командиров, против заповедей дисциплины, в глазах античных историков превращается из слаженной военной машины, подчиненной единой воле, в свою противоположность — толпу, чернь (*vulgus*), которой управляют низменные инстинкты и иррациональные импульсы, которой манипулируют бессовестные демагоги, иницирующие и возглавляющие мятеж. В такой ситуации, по словам Ливия, «все вершат солдатская прихоть и произвол, а не военные установления, не дисциплина и распоряжения

²⁹ Ср., к примеру: Tac. Hist. I. 83. 1: *volgus et plures (sc. milites) seditionibus et ambitioso imperio laeti per turbas et raptus facilius ad civile bellum impellerentur...* См. также: Tac. Ann. I. 16; 31; Hist. I. 6; 46; 80; II. 62; App. Iber. 84; B. C. V. 17; Plut. Sulla. 12; Lucul. 7; Sall. Cat. 11. 5–6; Cic. Ad Fam. X. 21. 4; Dio Cass. LXXX. 4. 1–2; Herod. II. 4. 4; 5. 1; SHA. Gall. 15. 1; Aur. Vict. Caes. 18.

³⁰ Ауэрбах Э. Указ. соч. С. 57.

³¹ Либаний в одной из речей (XX. 18) рассказывает, что в 303 г. в Селевкии солдаты, посланные на работы в гавань, вынуждены были по ночам печь себе хлеб и не имели возможности выпастись. Тогда они вынудили своего командира принять императорский титул и вести их на Антиохию. Этот мятеж был ликвидирован самими горожанами.

начальства»³² (пер. М. Е. Сергеенко). Разнузданная солдатчина торжествует, словно справляя зловещие сатурналии. Привычный, освященный законами и богами порядок полностью опрокидывается, резко и непредсказуемо меняются все стереотипы обычного поведения: полководец встречает не торжественный строй, блистающий знаками отличия, но безобразно неряшливые, готовые к неповиновению легионы; вместо приветствия в его адрес звучат угрозы; вместо парадов и воинских сходок устраиваются стихийные собрания, ночные сборища и шумные попойки; дезертиры и преступники освобождаются из тюрем; не командующий назначает офицеров, но сами мятежные солдаты выбирают их из своей среды и даже облачают своих избранников высшей властью, присваивая им соответствующие знаки отличия; воины, а не полководец, вершат суд; оружие, предназначенное врагу, обращается против командиров и соратников; и даже воинские святыни, легионный орел и знамена, не могут остановить нечестивое убийство. Такая картина есть, конечно, условное обобщение. Ясно, однако, что солдатский мятеж, с точки зрения норм, традиционных римских устоев и моральных ценностей, независимо от его масштабов и конкретных обстоятельств, истинных намерений и целей участников, однозначно предстает как тотальная ситуация «вне закона».

Чреватая огромными опасностями для государства, эта ситуация предполагала самые крутые и беспощадные меры со стороны власти, прежде всего к зачинщикам и предводителям мятежа. Отношение античных авторов к этим последним, пожалуй, еще более неприязненное, чем к мятежной солдатской толпе: для них *auctores seditionis* — прежде всего главари толпы, не заслуживающие ни одного доброго слова. Характерна в этом плане мысль, которую Полибий вкладывает в речь Сципиона, обращенную к войску, собранному по случаю расправы с зачинщиками мятежа в Испании (206 г. до н. э.). «Всякую толпу, — говорит римский полководец, — легко совратить и увлечь на что угодно, потому что со всякой толпой бывает то же, что и с морем. По природе своей безобидное для моряков и спокойное, море всякий раз, как забушует ветер, само получает свойства ветров, на нем свирепствующих. Так и толпа всегда проявляет те самые свойства, какими отличаются вожаки ее и советчики» (пер. Ф. Г. Мищенко)³³. По словам Тацита, толпа всегда нуждается в руководителях, ибо без них она безрассудна, труслива и тупа (*Hist. IV. 37. 1: vulgus sine rectore praiceps pavidum socors;*

³² *Liv. XXVIII. 24. 9: omnia libidine ac licentia militum, nihil instituto ac disciplina aut imperio eorum, qui praeerant, gerebantur. Ср.: Tac. Hist. I. 46. 1: omnia arbitrio militum acta.*

³³ *Polyb. XI. 29. 9–11.* Это место у Полибия заимствует Тит Ливий, также подчеркивающий в речи Сципиона, что причиной и началом безумия являются зачинщики, сами же воины от них получают эту заразу (*XXVIII. 27. 11*).

ср.: *Ann.* I. 29. 3)³⁴. В свою очередь, инициаторы мятежа также нуждаются в толпе, как видно из замечания Вегеция: «Никогда вся масса по единодушному решению не нарушает порядка, но она подстрекается немногими, которые надеются на безнаказанность за свои пороки и преступления в случае, если их вину разделят многие»³⁵. В этом пассаже выражено и другое типичное для древних авторов убеждение: заговоры и мятежи всегда затеваются людьми порочными, которые руководствуются исключительно низменными, корыстными мотивами. Соответственно там, где у римских историков даются индивидуальные характеристики зачинщиков и вождей мятежа, их изначальная порочность подчеркивается либо прямым текстом, либо выразительными деталями и намеками, общей тональностью и структурой повествования. Так, воины, поднявшие в Сукроне мятеж против Сципиона, вручили, по свидетельству Ливия (XXVIII. 24. 13–14), власть простым солдатам Г. Альбию и Г. Атрию, которые дерзнули даже присвоить себе знаки магистратской власти: фации и топоры³⁶. Если верить римскому историку, эти солдаты не были даже собственно римлянами: Альбий происходил из Кал в Кампании, а Атрий был умбрийцем. Последний же, как говорится в речи Сципиона, вообще чуть ли не торговец при войске (дословно: *semilix* — полумаркитант), да и само его имя, как отмечает оратор, звучит зловеще (оно образовано от прилагательного *ater* — черный, зловещий) (XXVIII. 28. 4).

Исключительно яркие образы зачинщиков создает Тацит, которого вообще отличает особое внимание к роли этих людей в подготовке

³⁴ Подробно об отношении Тацита к солдатской массе как к толпе см.: *Kajanto I. Tacitus' Attitude to War and Soldier // Latomus.* 1970. Т. 29. Р. 706 ff. Однако в исключительных случаях мятежная солдатская масса в изображении Тацита оказывается единодушной и сплоченной, как в начале мятежа в верхнегерманских легионах, когда, по словам историка, «не каждый сам по себе и не по наущению немногих, а все вместе они и распались, и вместе хранили молчание, с таким единодушием, с такой твердостью, что казалось, будто ими руководит единая воля» (*neque disiecti nec paucorum instinctu, sed pariter ardescerent, pariter silerent, tanta aequalitate et constantia, ut regi crederes* — *Ann.* I. 32. 3 / Пер. А. С. Бобовича).

³⁵ *Veget.* III. 4. Ср.: *Lucan. Phars.* V. 259–260: «Дерзкий мятеж людей от боязни избавил: / Без наказания всегда остаются толпы преступленья» (пер. Л. Е. Остроумова). Ср. также: *Senec. De ira.* II. 10. 2: «В отношении отдельных [солдат] суровость полководца проявляется со всей силой, но если провинилось все войско, необходимо оказать снисхождение». В истории римских военных мятежей, действительно, не редки случаи, когда военачальники с примерной строгостью наказывали главных виновников, ограничиваясь в отношении всей массы мятежников мягким порицанием или даже полным прощением, как это было после мятежа в Сукроне во время Испанской кампании Сципиона Старшего (*Polyb.* XI. 26. 3; *Liv.* XXVIII. 26. 3; *App. Iber.* 36). Ср.: *App. B. C. V.* 16; *Tac. Hist.* I. 84. Соответствующие рекомендации вошли и в наставления по военному делу. См.: *Maur. Strat.* VIII. 1. 2.

³⁶ Ни Полибий, ни Аппиан, подробно рассказывающие об этом мятеже, этого факта и тем более имен главных зачинщиков не упоминают.

и развитии солдатских выступлений³⁷. Это прежде всего *gregarius miles* Перценний, бывший предводитель театральных клакеров, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалить сборища³⁸. Собирая вокруг себя людей бесхитростных, неустойчивых и недовольных, он, как умелый демагог, агитировал их в ночных разговорах, выступал с речами, словно в народном собрании (*velut contiafundus*), готовил себе помощников, *seditionis ministri* (Тас. *Ann.* I. 17. 1). Другой зачинщик мятежа в паннонских легионах, солдат Вибулен, изображен Тацитом как искуснейший, коварный провокатор, не останавливающийся перед самой наглой ложью, умеющий выбрать и нужный момент, и соответствующий настроению воинов стиль выступления, чтобы возбудить в них ненависть к военачальникам (Тас. *Ann.* I. 22–23). Упомянув других зачинщиков, Тацит конкретизирует те мотивы, которыми определялись их действия. Так, всяческие обвинения на назначенных Отонем военачальников возводили, по словам римского историка, те, кто был трус в душе, но боек на язык, а в первую очередь убийцы Гальбы, которых содеянное преступление и страх лишали уверенности, побуждая рьяно стремиться к беспорядкам (*Hist.* II. 23). Еще ранее Отон для подготовки мятежа преторианцев против Гальбы использовал в качестве подстрекателей двух солдат (точнее тессерария и опциона), Барбия Прокула и Ветурия, у которых были сугубо личные причины для недовольства Гальбой, и Тацит констатирует, что фактически эти двое добились того, что империя перешла из одних рук в другие (*ibid.* I. 25). Политические амбиции (Тас. *Hist.* I. 5; 55; *Suet. Otho.* I. 2; ср.: *SC de Cn. Pisone patre.* 45–49), личные обиды, страх перед наказанием за совершенные преступления (Тас. *Hist.* I. 53) или врожденная моральная негодность (Тас. *Hist.* I. 60; *B. Afr.* 54) в обстановке смуты и гражданской войны могли сделать зачинщиками измены и мятежа также и офицеров или даже высоких военных начальников³⁹. И вообще, как замечает Тацит, в такие времена даже один человек может сделать очень многое, если он дерзок и решителен, подобно центуриону Клавдию Фавентину, который сумел склонить к измене весь Мизенский флот (*Hist.* III. 57. 1). Дион Кассий (*LXXX.* 7. 3–4) в рассказе о правлении Гелиогабала приводит примеры попыток поднять среди солдат мятежи, указывая, что их зачинщиками были сын центуриона, какой-то валяльщик шерсти, частный гражданин и многие другие, как будто отважиться на восстание было делом совсем простым, ибо желающих сделать это воодушевляло то, что немало людей достигли высшей власти вопреки надеждам и собственным достоинствам.

³⁷ *Kajanto I. Op. cit.* P. 706–707.

³⁸ *Tac. Ann.* I. 16. 3: *...dux olim theatralium operarum... procax lingua et miscere coetus histrionali studio doctus. histrionali studio doctus.*

³⁹ См. также: *Dio Cass.* LXVIII. 3. 3; *Amm. Marc.* XXI. 11. 2; XXV. 10. 7.

Несмотря на то что античные историки абсолютизируют значение морально-психологического фактора в поведении зачинщиков мятежа, следует все же признать, что позиция и деятельность *auctores seditionis* имела определяющее значение на всех стадиях развития мятежа, в особенности при его назревании и подготовке, когда нужно было преодолеть страх перед властью военачальников и инерцию привычного повиновения, то колебание между своеволием и покорностью (*diversitas licentiae patientiaeque*), которое отмечает в одном месте Тацит (*Hist. IV. 27. 3*), когда, по его же словам, на последнее злодеяние готовы были немногие, сочувствовали ему многие, а готовились и выжидали все (*Hist. I. 28. 2*).

Как правило, мятеж вызревал и подготавливался исподволь. В условиях, когда командирам вменялось в обязанность тщательно следить за поведением солдат во вверенных им подразделениях⁴⁰, агитация среди солдат осуществлялась строго конспиративно, часто по ночам⁴¹. Одним из средств, используемых зачинщиками, чтобы возбудить в рядах войска мятежные настроения и готовность к выступлению, было распространение различных слухов, часто ложных, которым простые воины склонны были простодушно доверять⁴². Для агитации могли использоваться и тайно подбрасываемые в лагерь прокламации или подложные письма⁴³. Чтобы привлечь на свою сторону другие войсковые части и обеспечить координацию действий, мятежники посылали своих представителей в соседние гарнизоны и провинции для переговоров (*Tac. Ann. I. 22. 1; 36.1; Suet. Galba. 16. 2*). В интересах солидарных действий солдаты могли даже отказаться от обычного соперничества между легионами, объединиться воедино и присечь конфликты в своей среде (*Tac. Ann. I. 18. 2; 23. 5; ср.: Caes. B. civ. I. 20*).

Говоря о конкретной роли предводителей мятежа и специфических формах его протекания, нельзя не обратить внимание на одну существенную и весьма характерную именно для римской армии традицию,

⁴⁰ Ср. свидетельство Аппиана (*B. C. III. 43*) о том, что в римской армии офицеры всегда записывали нрав каждого отдельного солдата. Эти записи, кстати, и помогали при выявлении зачинщиков. Ср. также замечание Вегеция (*III. 10*) о том, что военачальник должен внимательно наблюдать за настроениями и привычками отдельных легионов и подразделений.

⁴¹ См., к примеру: *Amm. Marc. XXI. 11. 2: reque digesta per secreta colloquia et alto roborata silentio* («дело было подготовлено в секретных разговорах и окрепло в глубокой тайне»). Ср. также: *Tac. Ann. I. 17; Hist. IV. 36*.

⁴² Как не без преувеличения, но психологически точно замечает биограф императора Тацита, на солдат «любые выдумки производят огромное впечатление, пока они выслушивают их, находясь в состоянии гнева, а по большей части и пьяные и уж почти всегда несоборные соображать» (*SHA. Tac. 2. 4*). См. также: *Caes. B. civ. I. 21. 1; Liv. XXVIII. 25. 1–2; Tac. Hist. I. 25; 51; Amm. Marc. XXV. 10. 7*.

⁴³ *App. B. C. III. 31; 44; Cic. Fam. X. 32. 4; Tac. Hist. III. 57; Suet. Tib. 12. 3; Amm. Marc. XX. 4. 10: famosum quidam libellum humi proiecit occulte*.

которая проявлялась также и во время солдатских восстаний и о которой речь шла в предыдущем параграфе. Это — традиция самоуправления и самоорганизации рядовых легионеров⁴⁴. Как мы видели выше, именно от солдатской сходки как органа, выражающего суверенную волю воинского коллектива (который в некоторых случаях фактически брал на себя функции народного собрания), вожди мятежа получали не только вдохновение и поощрение, но также формальные полномочия и атрибуты власти⁴⁵. Прямая преемственность между такого рода актами, имевшими место в период Республики, и возведением на престол новых правителей Империи в результате военных переворотов не может игнорироваться⁴⁶. Поразительная способность римских воинов к самоорганизации обнаруживается в том, что даже в ходе серьезного мятежа, несмотря на неизбежные в такой ситуации эксцессы, легионеры стремились сохранять обычный распорядок лагерной жизни, выполняя рутинные служебные обязанности. Об этом не может умолчать даже Ливий в рассказе о мятеже части войска Сципиона в Испании. Несмотря на ряд явно тенденциозных оговорок, римский историк признает, что мятежные легионеры сохраняли обычный облик римского лагеря, поначалу даже не мешали трибунам творить суд, продолжали выполнять их распоряжения и нести караульную службу (Liv. XXVIII. 24. 10). Аналогичным образом восставшие в 14 г. н. э. в Германии легионеры, действуя с редкостным единодушием и твердостью, сами распределяли караулы и сами распоряжались в соответствии с текущими надобностями (Tac. Ann. I. 32. 3; ср.: I. 25. 1; 28. 4). Напротив, обыкновенное ослабление дисциплины вследствие попустительства военачальников сопровождалось прямым нарушением текущего распорядка службы, как, например, в легионах, расквартированных в Сирии (Tac. Ann. II. 55; XIII. 35).

Едва ли можно сомневаться, что именно зачинщикам мятежа принадлежала ключевая роль в поддержании такого порядка. Сохраняя и во время восстания приверженность привычному военному порядку, солдаты могли, впрочем, оставить распорядительные функции за офицерами. Но так или иначе вакуум власти действовал на римских солдат поразительным образом: они очень быстро оказывались в состоянии дискомфорта и даже растерянности. Такое состояние могло даже стать

⁴⁴ MacMullen R. The Legion as a Society // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 454 f.

⁴⁵ См.: *App. Iber.* 34; *Liv.* VII. 39–40; XXVIII. 24 (особенно 24. 13–14: («...с общего согласия солдаты вручили власть зачинщикам мятежа, простым воинам... А те, не довольствуясь отличиями трибунского звания, дерзнули присвоить себе знаки высшей власти, фасции и топоры...») Ниже Ливий говорит и о ликторах). Аппиан (loc. cit.) упоминает также о совместной клятве мятежных воинов.

⁴⁶ MacMullen R. Op. cit. P. 455–456; Messer W. St. Op. cit. P. 174.

одним из факторов, способствующих угасанию мятежа. О показательном в этом плане эпизоде сообщает Тацит в повествовании о гражданской войне 69 г. (Тас. Hist. II. 29). Солдаты-вителлианцы, недовольные приказом своего командующего Фабия Валента, подняли мятеж и, обвинив военачальника в присвоении добычи и денег, предназначенных воинам, чуть было не убили его. Однако, пока Валент вынужден был скрываться, переодевшись рабом, префект лагеря Алфен Вар сумел покончить с восстанием хитростью: он запретил центурионам обходить посты, перестал созывать войско на работу и учения (которые, стало быть, не прекратились и в ситуации мятежа!). Обнаружив, что ими никто не командует, солдаты, как пишет Тацит, испугались, застыли в оцепенении и стали слезно просить о прощении, а когда неожиданно появился невредимый плачущий Валент в рабской одежде, они несказанно обрадовались и прониклись состраданием и любовью к нему. Тот, проявив разумную умеренность, не потребовал ничьей казни, но ограничился тем, что назвал в качестве виновных нескольких человек, «чтобы не показаться неискренним в своей снисходительности»⁴⁷. Можно указать и на другие подобные свидетельства. Так, когда преторианские трибуны и центурионы в ответ на угрозы восставших солдат демонстративно сложили перед Отоном, явившимся в лагерь преторианцев, знаки своего достоинства и потребовали у императора освободить их от службы и спасти от гибели, солдаты увидели в этой просьбе упрек себе и, не желая лишиться командиров, вернулись к повиновению и даже потребовали наказать зачинщиков беспорядков (Тас. Hist. I. 82). Отонианцы, составлявшие гарнизон Плаценции, взбунтовались против своего командира Спуринны, недовольные тем, что тот хотел обороняться за городскими укреплениями, но, убедившись в опрометчивости своего выступления и в правильности плана военачальника, вернулись к повиновению. Рассказывающий об этом Тацит употребляет выражение *obsequium et parenti amor*, буквально: повиновение и любовь к послушанию (Hist. II. 19. 4). Аналогичное сильное выражение *amor obsequii* употребляет Тацит также и в «Анналах» (I. 28. 6), в рассказе о перелом-

⁴⁷ Понятно, что подобная снисходительность объясняется ситуацией гражданской войны, когда, как замечает Тацит, «солдатам позволено больше, чем полководцам» (Hist. II. 29. 3; ср.: *App. В. С. V. 17*). Надо учитывать также то обстоятельство, что во время гражданской войны не только полководцы были заинтересованы в солдатах, но и солдаты — в полководцах, пока последние могли и хотели служить их интересам. Если же у воинов возникало подозрение (часто небезосновательное) в неверности офицеров и военачальников их верховному вождю, императору, они восставали против таких командиров. Но, формально нарушая военные законы и дисциплину, солдаты могли расценивать такие свои действия не как *sestitutio*, а как проявление высшей лояльности и верности своему правителю. См.: *Jal P. Le «soldat des guerres civiles» à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire // Pallas. 1962. Т. XI. 2. P. 27 et suiv.*

ном моменте мятежа паннонских легионов, наступившем после лунного затмения, которое солдаты сочли знаком небесного гнева на свое мятежное поведение. Это настолько изменило настроения массы воинов, что начальникам удалось разобщить восставших и добиться успеха в агитации, направленной против зачинщиков, а затем и расправиться с ними (Ann. I. 30; Dio Cass. LVII. 4. 4).

Разобщение и раскол мятежных войск⁴⁸, равно как и устранение зачинщиков, были стандартными средствами предотвращения и подавления мятежа. Важно, однако, иметь в виду, что применение этих средств зависело не только от решительности и авторитета военачальника, или от предоставления определенных уступок воинам в ответ на их требования, или же от использования объективного несовпадения интересов различных групп внутри войска (рядовых и командиров, новобранцев и ветеранов, легионов и вспомогательных формирований). Существенным фактором преодоления такой критической ситуации, как мятеж, являлись качества самого римского солдата, воспитанные многовековыми военными традициями, укорененные, можно сказать, в его «генотипе», а именно: верность профессиональному воинскому долгу, пиетет по отношению к власти и социальному статусу военачальника⁴⁹, развитое чувство солдатской чести, а также, как подробно будет сказано ниже (гл. X), сознательное подчинение дисциплине, которое коренным образом отличалось от рабского повиновения, основанного на страхе, и рассматривалось как почетное качество. Эти качества позволяли римским военачальникам находить эффективный баланс «между заискиванием и суровостью» в повседневной дисциплинарной практике, а также с уважением относиться к солдатским требованиям. В моменты же кризисов к этим качествам, прежде всего к чувству чести, и апеллировал полководец⁵⁰. Разумеется, было бы абсурдным утверждать, что вся масса солдат в равной степени ориентировалась на соответствующие военно-этические ценности⁵¹. Солдатская среда была неоднородной во многих

⁴⁸ См. особенно: Tac. Hist. I. 9. 4: *sed longis spatiis discreti exercitus, quod saluberrimum est ad continendam militarem fidem, nec vitii nec viribus miscebantur* («эти войска (имеются в виду легионы, выведенные Нероном из Иллирии в Италию. — А. М.) были размещены на большом расстоянии друг от друга, что является наиболее действенным средством сохранить их верность присяге, и не могли ни заразить друг друга пороками, ни объединить свои силы»). Ср.: Tac. Ann. I. 28; Suet. Dom. 7. 3; Cic. Ad Fam. X. 32. 4.

⁴⁹ Благородное происхождение полководца и старших офицеров всегда имело для римских воинов немаловажное значение. См.: Махлаюк А. В. *Nobilitas ducis* в римской идеологии военного лидерства // ИИАО. 2001. Вып. 7. С. 75–89.

⁵⁰ Lendon J. E. *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World*. Oxf., 1997. P. 247 ff.; 265.

⁵¹ Как несколько туманно, но по существу верно выражается Е. П. Глушанин, «уровень политической социализации как элемента политической субъективности в социо-

отношениях, в том числе и в моральном⁵², подверженной к тому же внушению и довольно резким переменам настроения. Но в ней всегда наличествовало то здоровое ядро, которое, несмотря ни на что, сохраняло верность долгу, чести и дисциплине.

Из всех античных историков на эту неоднородность солдатской массы наибольшее внимание обращает Тацит. Он неоднократно оговаривается, что среди воинов есть лучшая часть, *melior pars, meliores, boni, optimus quisque manipularium*, те, кто снискал расположение воинов, не совершив вместе с тем ничего дурного, наиболее благонамеренные и приверженные долгу, умеренные и спокойные⁵³. Они, правда, составляют обычно меньшинство. Характерно, что Тацит, как и некоторые другие авторы, отмечает способность самой солдатской массы испытывать чувства стыда, раскаянья и жалости (*pudor, paenitentia, miseratio*), которые могли быть вызваны привязанностью к полководцу или его семейству, а то и готовностью военачальника перед лицом мятежа погибнуть или покончить с собой⁵⁴. Это качество солдатской массы использовали полководцы во время мятежа, с тем чтобы противопоставить лучшую часть войска мятежным элементам и зачинщикам беспорядков.

Любопытное в этом плане свидетельство приводит Аппиан в своем рассказе о мятеже в Сукроне: Сципион, узнав о мятеже, направил восставшим письма: одни — мятежным солдатам, другие — тем, кто, по его мнению, должен был переубедить зачинщиков, а третье письмо было общим, в котором полководец заявлял, что, если бы они уже примирились, он готов дать им заслуженные награды. Часть мятежников отнеслась к этим посланиям с подозрением, но другие согласились с предложением командующего (App. Iber. 34). Аналогичным образом и Германик, прежде чем силой оружия подавить бунт в нижнегерманском войске, направил его легату Цецине письмо, сообщая, что, если до его прибытия тот не справится с главарями мятежа, он будет казнить их поголовно. Цецина прочитал это письмо наиболее благонамеренным

профессиональной группе армейской массы был различен» (Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // Вопросы политологии. Барнаул, 2001. Вып. 2. С. 124).

⁵² Например, Цицерон говорит о ветеранах Цезаря, что среди них есть честные люди, которых следует хвалить, нейтральные, которых надо сохранить верными государству, и бесчестные негодяи, против которых должно быть обращено оружие (Phil. XI. 14. 37). Тацит пишет, что легат Гордеоний Флакк в верхнегерманских легионах не мог ни обуздать отчаянных, ни предостеречь колеблющихся, ни поддержать лучших (Hist. I. 56. 1).

⁵³ Tac. Ann. I. 28. 3: ...alii bonis artibus grati in vulgo; Ann. I. 48. 2: quod maxime castrorum sincerum erat; Ann. I. 49. 1: quidam bonorum; Hist. I. 52. 4: ...modesti quietique. Ср.: Hist. I. 28; 56.

⁵⁴ Tac. Ann. I. 18; 35; 40–43; Hist. III. 10; Suet. Cal. 9; Front. Strat. I. 9. 4; IV. 5. 1–2; App. B. C. II. 93–94; V. 16; Plut. Pomp. 3. 3; 14. 4; Apoth. reg. et imp. Pomp. 5; Dio Cass. LXVIII. 3. 3; SHA. Avid. Cass. 4. 7–9. См. также: Lendon J. E. Op. cit. P. 248–249.

солдатам и, убедившись, что большинство в легионах привержено долгу, учинил их руками расправу с наиболее закоренелыми мятежниками (Тас. Ann. I. 48). Таким образом, если подобные меры удавались и подкреплялись авторитетом командующего и определенными уступками с его стороны, влияние зачинщиков падало и лучшая часть воинов становилась союзником командования в восстановлении порядка.

Иногда же солдаты по собственной инициативе выдавали виновников или даже беспощадно расправлялись с наиболее непримиримыми мятежниками, о чем имеются многочисленные прямые указания источников. Так, при подавлении восстания легионов в Паннонии схваченных вожakov мятежа частью убили центурионы и воины преторианских когорт, частью в доказательство своей преданности выдали сами манипулы⁵⁵. В Германии уязвленные упреками своего командующего и раскаявшиеся легионеры сами схватили главарей мятежа и, связав их, повлекли на суд легата I легиона, а затем общим криком определяли их виновность и тут же на месте убивали, причем делали это без приказа полководца (Тас. Ann. I. 44; ср.: Dio Cass. LVII. 5. 7). Легат Далмации М. Фурий Камилл, попытавшийся поднять мятеж против императора Клавдия, был убит собственными солдатами, которые перебили также и командиров, подстрекавших их отложиться от императора (Suet. Claud. 13. 2; Otho. 1. 2; Dio Cass. LX. 15. 2–4). После убийства императора Аврелиана воины решительными мерами расправились с виновными, которые ввели их в заблуждение (SHA. Тас. 2. 4). Преторианцы, после того как их мятеж был усмирен Отоном, сами потребовали наказать зачинщиков беспорядков (Тас. Hist. I. 82. 3; ср.: I. 83. 1). Солдаты XIV легиона, отправленные Вителлием в Британию, по дороге подняли мятеж, но лучшие воины сами подавили этот бунт (*ibid.* II. 66. 3).

Все эти факты, помимо всего прочего, указывают на изначальный трагизм самой ситуации мятежа, которая нередко оказывалась настолько «внезаконной», что для ее преодоления недостаточно было средств, предписываемых строгим военным правом. Военачальникам приходилось, далеко выходя за правовые рамки, прибегать к нестандартным методам, варьировавшимся в очень широких пределах — от полного прощения до применения древней суровости (*prisca antiquaque severitas* — Vell. Pat. II. 125. 4; ср.: II. 181. 1), от «ублаговотворения воинов ласковым обращением» (*comitate permulcendum militem* — Тас. Ann. I. 29. 3) до «беспорядочного истребления» мятежников (*promisca caedes* — *ibid.* I. 48. 1), которое могло совершаться без всякого суда и руками самих солдат. Трагичной была в случае подавления мятежа и судьба его зачинщиков: они оказывались жертвами либо суровых военных

⁵⁵ Тас. Ann. I. 30. 1: *ipsi manipuli documentum fidei tradidere*. Ср.: Vell. Pat. II. 125. 4; Dio Cass. LVII. 4. 5.

законов и решительности полководца, либо изменившихся настроений своих же собственных соратников. Трудно с уверенностью сказать, в какой мере эта перемена в настроении войск обуславливалась их искренним раскаянием или влиянием лучшей части солдат, верной долгу, а в какой — умелым манипулированием со стороны военачальников или сугубо прагматическими расчетами основной массы воинов, которая, добившись определенных целей, стремилась избежать ответственности, жертвуя немногими наиболее активными участниками мятежа. Однако вполне справедливым представляется вывод о том, что, даже после того, как армия Рима окончательно превратилась в профессиональную и статус легионеров как римских граждан утратил всякое политическое значение, солдаты не вели себя как простые наемники и их действия так или иначе идентифицировались с коллективными целями Империи, предполагали ответственность, которую можно квалифицировать как гражданственную в широком смысле⁵⁶.

Солдатский мятеж в Риме никогда не был направлен против римского государства как такового. Легионеры ощущали себя не наемниками, но, скорее, носителями суверенной власти, партнерами и опорой императора⁵⁷, считая себя вправе отстаивать собственные интересы не только обращенными к властям просьбами, но и при необходимости оружием (*precibus vel armis* — Tac. Ann. I. 17. 1). В моменты кризиса власти военный мятеж мог инициироваться и направляться честолюбивыми претендентами на престол и тем самым превращаться в политический акт, устанавливающий новую власть. Лишь в этом случае зачинщики неповиновения и мятежа из числа солдат могли рассчитывать на безнаказанность и даже на награды. Армия нередко использовалась как средство, инструмент политического действия. Но в условиях Империи профессионально-корпоративные интересы армии были неразрывно связаны с вопросом о главном носителе власти, от которого зависело обеспечение требований солдат. Поэтому практически всякий мятеж являлся актом политическим, независимо от того, имел ли он целью смену субъектов власти или диктовался сугубо корпоративными нуждами солдат. Важно

⁵⁶ *Carrié J.-M.* Il soldato // *L'uomo romano* / A cura di Giardina Andrea. Bari, 1989. P. 113–114; *Flaig E.* Den Kaiser herausfordern: die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt; N. Y., 1992. S. 165; *Глушанин Е. П.* Указ. соч. С. 124 сл.; *он же.* Ранневизантийский мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: Сб. науч. статей. Барнаул, 1996. С. 28 сл. Примечательно, что в речи Германика к мятежным легионам статус воинов и статус граждан, по существу, тракуются как единое целое (*Tac. Ann. I. 42. 2*).

⁵⁷ Характерные в этом плане слова вкладывает Тацит (Ann. I. 31. 5) в уста мятежных солдат из германских легионов: в их руках находится римское государство, их победами оно увеличивается, их названия принимают полководцы (*sua in manu sitam rem Romanam, suis victoriis augeri rem publicam, in suum cognomentum adscisci imperatores*).

подчеркнуть, что череда военных переворотов и солдатских мятежей в истории Римской империи была бы, наверное, невозможна без тех «мятежных традиций», которые складывались в Риме начиная с раннереспубликанского времени. Эта потенциальная «мятежность» войск, наряду с прочими факторами, диктовала особый модус взаимоотношений императора и армии, который включал в себя и такой элемент, как патронатно-клиентские связи. Деполитизация армии даже при желании властей была недостижима, и важно было принять меры, чтобы армия как политическая сила была полностью на стороне императора⁵⁸.

⁵⁸ Ср.: *Alston R. Aspects of Roman History AD 14–117*. L.; N. Y., 1998. P. 288.

Глава IX

ВОЙСКОВАЯ КЛИЕНТЕЛА В ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОМ И ИМПЕРАТОРСКОМ РИМЕ (к вопросу о характере отношений между императором и армией)

По справедливому замечанию Р. Сэллера, «патрональные язык и идеология пронизывали римское общество»¹. Действительно, исследования последнего времени показывают, что отношения и идеология патроната-клиенты — феномена, в известной степени чуждого социокультурному опыту греков, — имели центральное значение для социокультурной и потестарной практики римлян, составляя неотъемлемую часть их общественного бытия и самосознания². По словам А. Уоллас-Хэдрилла, патронат для социально-политических структур и идеологии римского общества был столь же значим, сколь и феодализм для социальной системы Средневековья, конституируя определяющие социальные взаимосвязи между правителями и подвластными, выступая в качестве одного из ключевых механизмов социальной интегра-

¹ *Saller R. P. Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge, etc., 1982. P. 37.*

² *Wallace-Hadrill A. Patronage in Roman society: from Republic to Empire // Patronage in ancient society / Ed. by A. Wallace-Hadrill. L.; N. Y., 1989. P. 65.* См. также в этой коллективной монографии главы, написанные Р. Сэллером (*Saller R. Patronage and friendship in early Imperial Rome: drawing the distinction // Ibid. P. 49–62*), Дж. Ричем (*Rich J. Patronage and interstate relations in the Roman republic // Ibid. P. 117–135*) и Д. Браундом (*Braund D. Function and dysfunction: personal patronage in Roman imperialism // Ibid. P. 137–152*). (Указанием на это издание и возможностью познакомиться с ним я обязан А. Л. Смышляеву, которому я также искренне признателен за ценные замечания, высказанные при обсуждении данной статьи.) С точки зрения Р. Сэллера, отношения патроната-клиенты характеризуются тремя отличительными чертами: 1) реципрокным (т. е. взаимовыгодным) обменом благами и услугами; 2) персональным и достаточно продолжительным характером соответствующих связей; 3) асимметричностью отношений — в том смысле, что две стороны, вступающие в эти отношения, имеют неодинаковый статус и предлагают для обмена различные виды благ и услуг; такая асимметричность отличает патронат от дружбы между равными субъектами (*Saller R. P. Personal Patronage under the Early Empire... P. 1; ср.: idem. Status and patronage // САН². Vol. XI. 2001. P. 817 ff.*).

ции и осуществления власти³. В изучении всеохватывающей системы патронатно-клиентских связей невозможно и недопустимо отделять объективно существовавшие отношения и структуры от ценностных представлений и идеологии, ибо для римлян их реальный мир формировался их взглядами на прошлое и теми их идеалами, которые показывали, каким он должен быть⁴. Конкурируя с другими социальными и властными механизмами, система патроната-клиентелы была подвижной и динамичной, благодаря чему она могла адаптироваться к меняющимся историческим условиям и оставаться эффективной на протяжении столетий⁵. В конце Республики наряду с переживавшей кризис традиционной (плюралистической по своему характеру) системой аристократического патроната складывается новая система, во многом благодаря которой революционный лидер (имеется в виду Октавиан) достигает власти и обеспечивает ее за собой. Таким образом, персональный патронат отнюдь не утрачивает своего значения с установлением Принципата. Более того, «римская императорская власть имеет в своей основе трансформированные патрональные структуры республиканского Рима»⁶, и император становится универсальным (хотя и не единственным) патроном, в чьих руках сосредоточиваются основные ресурсы влияния⁷.

С учетом отмеченной значимости феномена патроната-клиентелы возникает закономерный вопрос: была ли, и если да, то каким образом включена в систему патроната-клиентелы армия, особые отношения которой с военными лидерами позднереспубликанского времени сыграли исключительно важную роль в процессе перехода к Принципату и которая в эпоху Империи была ключевым элементом государственно-политической структуры, одной из главных опор императорской власти?

Надо сказать, что в научной литературе уже достаточно давно было высказано и получило широкое распространение мнение о том, что отношения между военными лидерами и войском в последние десятилетия Республики, равно как и отношения принцепсов и армии в Ранней империи, строились на основе связей, которые можно отнести к патронатно-клиентским. При этом данная клиентела определяется как войсковая (военная)⁸. Впервые понятие войсковой клиентелы (*Heeresklientel*) использовал А. фон Премерштайн в своем известном

³ *Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 68.*

⁴ *Ibid. P. 66, 73.*

⁵ *Ibid. P. 78.*

⁶ *Ibid. P. 79.*

⁷ *Ibid. P. 79, 80.*

⁸ Определения «войсковая» и «военная» в данном случае выражают, по сути, одно и то же и могут употребляться как взаимозаменяемые, указывая, что субъектами патроната-клиентелы являются командующий и войско.

труде «О становлении и сущности принципата»⁹. Уделив основное внимание не юридическим, а философско-психологическим и социологическим основам созданного Октавианом режима личной власти, немецкий исследователь одной из главных опор Принципата считал традиционные отношения патроната-клиентелы, закрепленные присягой на верность, принесенной Октавиану в 32 г. до н. э. жителями Италии и ряда западных провинций, а позднее и населением восточных провинций Рима (RgdA. 25). С точки зрения Премерштайна, собственно войсковая клиентела и армии-*clientes* появились еще в первые десятилетия I в. до н. э., когда материальные интересы солдат реформированной Марием армии, которая сделалась в значительной части пролетарской по составу и фактически профессиональной, стали удовлетворяться в первую очередь за счет тех «благодений» (*beneficia*), которые командующие предоставляли воинам из военной добычи в виде наград, денежных и земельных пожалований, получая взамен их политическую поддержку в своих притязаниях на власть в Республике. Эти взаимные (синаллагматические) обязательства, развившиеся из традиционных форм патронатно-клиентских связей, закреплялись особой присягой на верность (*Treueid*), отличной от собственно военной присяги (*sacramentum militiae*), и превращали войско в личную «свиту» (*Gefolgschaft*) полководца. Такие же по своей сути отношения связывали армию и императора, ставшего единственным и единоличным патроном солдат, и в эпоху Принципата.

Концепция войсковой клиентелы как одного из источников и одной из ключевых опор императорской власти получила достаточно широкое признание в научной литературе. Об Августе как патроне войска писал Р. Сайм¹⁰. На связь процесса пролетаризации состава легионов и профессионализации армии с феноменом военной клиентелы обратил внимание Э. Габба, который полагал, что происхождение военной клиентелы можно отнести уже ко времени II Пунической войны или Сципиона Эмилиана, и отметил также, что одним из ее источников были выводимые военачальниками ветеранские колонии¹¹. Особо отмечается значение уз патроната-клиентелы для взаимоотношений Цезаря и армии¹². Но, по мнению Ж. Армана, и для Августа узы кли-

⁹ *Premenstein A., von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937. S. 13 ff.; 23–32; 36 ff.

¹⁰ *Syme R.* The Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 352 f.; 364 ff.

¹¹ *Gabba E.* Ricerche sull'esercito professionale romano de Mario a Augusto // *Athenaeum*. 1951. N. S. Vol. 29. P. 183–184 (= *idem.* *Esercito e società nella tarda Repubblica Romana*. Firenze, 1973. P. 61 *gg.*).

¹² *Schuller W.* Soldaten und Befehlshaber in Caesars «Bellum civile» // *Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honour of Zvi Yavetz* / Ed. I. Malkin, Z. W. Rubinson. Leiden, 1995. S. 194 ff.

ентелы между императором и армией имели такое же значение, как и для Цезаря¹³.

Многие современные авторы пишут о войсковой клиентеле как об одном из решающих факторов гибели Республики и становления Принципата. Так, довольно развернутые суждения на сей счет высказал И. Бляйкен. Отношения личной преданности и патроната-клиентелы, которые связывали отдельных представителей знати с подчиненными им армиями в конце Республики, он характеризует как эмбрион императорской власти, подчеркивая, что эти отношения отнюдь не являлись правовыми, но, базируясь на неформальных узах *fides*, имманентных самой сути клиентелы, были основой военной деспотии¹⁴. Наряду с изменением социального состава и способов обеспечения армии причиной появления нового типа клиентелы стали и результаты Союзнической войны: стремление многочисленных новых граждан войти в существующие клиентелы нарушило их равновесие, что определенным образом расчистило почву для складывания войсковой клиентелы¹⁵. С установлением Империи принцепсы стремились не допустить представителей старинных аристократических семейств ни к войсковой, ни к гражданской клиентелам. Для легитимации императорской власти позиция армии была особенно важна, поэтому от императоров требовались щепетильное и серьезное отношение к своим обязанностям патрона, настойчивое утверждение среди солдат преданности правящей династии, постоянные усилия по материальному обеспечению войска, созданию особого имиджа победоносного правителя, покровителя своих солдат¹⁶. К аналогичным выводам приходит и К. Крист, отмечая, в частности, что образование войсковой клиентелы стало решающим фактором для общественных изменений в Поздней республике, что эта клиентела превзошла по своей значимости прежнюю систему социальных связей между аристократическими семьями и их клиентелами¹⁷.

Подобные оценки разделяются и другими исследователями¹⁸, в том числе и отечественными специалистами. Например, А. В. Игнатенко

¹³ *Harmand J.* Les origines de l'armée impériale. Un témoignage sur la réalité du pseudo-Principate et sur l'évolution militaire de l'Occident // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 288. Cp.: *idem.* L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967. P. 442–445; *Aigner H.* Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik. Innsbruck, 1974. S. 150 ff.

¹⁴ *Bleicken J.* Verfassung- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreiches. Bd. I. Paderborn, 1978. S. 18; 27; 49.

¹⁵ *Ibid.* S. 17; 50 f.

¹⁶ *Ibid.* S. 86 ff.; 93; 118; 217; 243.

¹⁷ *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. Т. 1. Ростов н/Д, 1997. С. 40.

¹⁸ См., например: *Harmand L.* Le patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas-Empire. P., 1957. P. 133 suiv.; 155 suiv.; *Meier Chr.* Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1966.

пишет, что в связи с переходом к добровольному набору воинов-профессионалов и изменением всей системы снабжения легионеров и оплаты службы отношения между воинами и полководцами стали строиться на соглашениях, которые могут быть уподоблены безымянным контрактам¹⁹. Об узлах военной клиентелы, сыгравших важную роль в социально-политической борьбе последнего века Республики и затем монополизированных принципсом, упоминает В. Н. Парфенов, развивая подробно данный тезис²⁰. Складывание особых личных клиентел у полководцев конца Республики отмечает также А. В. Колобов, указывая, что свои требования государству солдаты и ветераны выражали в категориях античной гражданской культуры²¹. В. Н. Токмаков элементы отношений типа патроната-клиентелы усматривает даже в раннереспубликанский период, полагая, что воины, приносившие присягу (*sacramentum*) лично консулу и вручавшие свои жизни высшей власти его империя, тем самым становились как бы его клиентами, но, утрачивая при этом гражданские права, смотрели на командующего как на своего покровителя, взявшего на себя обязательство беречь их и содействовать их обогащению за счет добычи, и в случае невыполнения этого обязательства воины считали себя вправе реагировать неповиновением нарушителю контракта²². Эти интересные заключения не получили, однако, достаточно развернутой аргументации.

На один немаловажный фактор, способствовавший возникновению в конце Республики клиентских армий, обращает внимание Г. Борен. Он связывает этот процесс не только с изменениями социального состава и принципов комплектования легионов, но и с появившейся в послегракханский период тенденцией ко все более частому отказу от-

S. 100 ff.; *Keppie L. The Making of the Roman Army. From Republic to Principate. L., 1984. P. 149; Dettenhofer M. H. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Prinzipat. Die Konkurrenz zwieschen *res publica* und *domus Augusta*. Stuttgart, 2000. S. 110 f.; 191.*

¹⁹ *Игнатенко А. В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976. С. 169–170; она же. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1985. С. 126 сл.*

²⁰ *Парфенов В. Н. К оценке военных реформ Августа // Античный мир и археология. Вып. 7. 1990. С. 73; 75–76.*

²¹ *Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999. С. 22; 25; 36; она же. Династическая пропаганда на знаменах и боевых наградах римских легионов (первый век Империи) // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 129. Ср. также: *Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 99–100.**

²² *Токмаков В. Н. К вопросу о военных полномочиях консулов в публичном праве архаического Рима // Forum Romanum: Докл. III международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль — Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003. С. 41–42. Ср.: она же. Римлянин ранней Республики на войне: права и обязанности // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 13.*

прысков знатных семейств, составлявших основу олигархии (the core oligarchs), служить в армии на младших и средних командных должностях²³. В результате эти должности заполнялись сыновьями малых сенаторов, надеявшимися пробиться в высший слой правящей элиты, или выходцами из политически незначительных семей всадников и средних землевладельцев, для которых должность военного трибуна была едва ли не пределом карьерных надежд. Такие офицеры, отчасти отбравшиеся лично полководцами, отчасти делавшие карьеру в самих войсках, превращались фактически в профессионалов, и именно от их поддержки, а не от клиентской преданности рядовой солдатской массы во многом зависели успех или неудача политических планов амбициозных военных лидеров. Все это усиливало отчуждение армии от правящего режима²⁴. Аналогичные идеи получили развитие и более фундаментальное обоснование в работах Л. де Блуа²⁵, который отмечает, что все более значительная часть штабных офицеров и средних командиров не принадлежала к семьям сенаторской элиты и связанных с ними всадников, лояльность же новых офицеров была связана в первую очередь с их командующим, а не с правящей олигархией. Автор, однако, указывает, что «сезонные» армии и ветеранов Поздней республики нельзя считать послушной «свитой» (retinues) их полководцев, сплоченными, социально изолированными *clientelae*, которые следовали за своими лидерами в любой ситуации и были послушным орудием в их руках, т. к. они поддерживали действия своих командующих только тогда, когда они обеспечивали интересы подчиненных²⁶. В таких случаях солдаты, по мнению де Блуа, действовали как *ad hoc clientela*, подобно лавочникам Клодия в Риме. В то же время легионеры не были сосредоточены исключительно на собственных материальных интересах и не были абсолютно чужды республиканской политической культуре, оставаясь вооруженными гражданами. В целом же в армиях Поздней республики получили разви-

²³ Эта тенденция специально отмечалась в литературе. См.: *Suolahti J. The Junior Officers of the Roman Army in the Republican Period. Helsinki, 1955* (особенно P. 140–145); *Smith R. E. Service in the Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958. P. 59 ff.*; *Demougin S. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens. Paris; Rome, 1988. P. 44 suiv.*; *Evans R. J. Gaius Marius. A Political Biography. Pretoria, 1994. P. 177–181.*

²⁴ *Boren H. C. Rome: Republican Disintegration, Augustan Re-integration: Focus on the Army // Thought. A Review of Culture and Idea. 1980. Vol. LV. N 216. 57 ff.*

²⁵ *De Blois L. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. P. 15 ff., 29 f* (с указанием других работ автора).

²⁶ *Ibid. P. 18–21. Cp.: idem. The Roman army and politics in the first century before Christ. Amsterdam, 1987. P. 20, a также: Erdmann E. H. Die Rolle des Heeres in der Zeit von Marius bis Caesar. Militärische und politische Probleme einer Berufsarmee. Neustadt, 1972. S. 56 ff.*

тие прочные горизонтальные связи среди солдат, которые знали своих офицеров лучше, чем своих патронов в Риме, и в первую очередь шли за этими командирами. Поэтому для командующих важно было прежде всего обеспечить лояльность этих офицеров и центурионов²⁷.

Среди современных исследователей, пожалуй, наиболее подробное освещение сущности войсковой клиентелы и ее роли в период становления Принципата дает К. Раафлауб²⁸. Он констатирует, что в конце Республики войсковая клиентела, частично состоявшая из традиционных клиентов знатных римлян, давала возможность полководцам и после сложения своих магистратских полномочий оказывать через ветеранов политическое давление, что превращало войсковую клиентелу в политическую и служило основой экстраординарной личной власти. Возрастанию роли войсковой клиентелы способствовали разобщенность нобилитета, неспособность сената принять важные для солдат решения и готовность отдельных «генералов» использовать армии во внутривнутриполитической борьбе за власть. Упорядочение Августом условий службы, выплат жалованья и премий лишило войсковую клиентелу ее прежней существенной основы. Патронат над войском стал наследственной монополией принцепса и его семьи, к нему присоединился патронат над ветеранскими колониями и городами, возникшими на основе поселений ветеранов. Осознание солдатами своей принадлежности к клиентеле принцепса — и только принцепса — парализовывало возникновение альтернативной лояльности и делало ничтожно малой опасность новой политизации армии.

Особое значение для создания тесных отношений между императором и войском имела также монополизация принцепсом и членами его семьи императорских аккламаций и триумфов. В целом вооруженные силы Империи, несмотря на создание *aerarium militare* и другие мероприятия по упорядочению военной организации, имели характер персональной армии. Август и другие императоры стремились не допускать образования конкурирующих клиентел, которые могли быть созданы успешными и популярными в войсках военачальниками. При этом патронатно-клиентские отношения отнюдь не действовали автоматически и переплетались с отношениями и обязательствами иного рода, завися в первую очередь от эффективности заботы императора-патрона о войске. Донативы, материальные, юридические и прочие привилегии стали средством обеспечения лояльности армии, которая продолжала оставаться главной опорой императорской власти. Но это вело к иг-

²⁷ De Blois L. *Army and Society...* P. 21 ff.

²⁸ Raaflaub K. *Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats // Saeculum Augustum. I. Herrschaft und Gesellschaft / Hrsg. G. von Binder Darmstadt, 1987. S. 254 ff.*

норированию конституционной роли сената и превращало армию в *Kaisermacher*²⁹. Опасность создания конкурирующих войсковых клиентов была редуцирована при помощи системы военно-организационных и социально-политических мер (включая такие шаги, как деполитизация «генералитета», использование на командных должностях *homines novi* и членов ближайшего окружения принцепса, чередование военных и гражданских постов в должностной карьере, постоянный личный контроль принцепса за назначениями и т. д.), но отнюдь не исчезла полностью. Созданная Августом система в целом оказалась настолько прочной и эффективной, что была в состоянии справляться со случайными сдвоями, династическими проблемами и попытками военных мятежей.

Система особых персональных связей императора и армии совсем недавно получила специальное и детальное исследование в монографии Я. Штекера³⁰. Автор начинает свое исследование с рассмотрения армии как клиенты отдельных полководцев в период Поздней республики и, переходя далее к эпохе Империи, акцентирует символические и моральные элементы во взаимоотношениях принцепса и рядовых воинов, связывает их специфику с традиционными взаимными обязательствами, существовавшими между патронами и клиентами. С этой точки зрения оцениваются такие аспекты, как практика использования *praemia militiae* и донатив (которые отнюдь не были средством простой «покупки» лояльности войска — важен был сам акт их предоставления, а не размер), организация ветеранских поселений, воинская присяга, роль принцепсов в качестве боевых соратников (*commilitones*) своих солдат, значение триумфов, императорской титулатуры и императорских изображений на военных штандартах, знаках отличия (*dona militaria*) и представленных в виде статуй, воздвигаемых в лагерях, а также другие формы императорского культа в армии. Выводы и исследовательские подходы, представленные в книге, несомненно, очень интересны, хотя далеко не бесспорны и отнюдь не исчерпывают всех проблем, относящихся к данной теме.

Нельзя, однако, утверждать, что концепция военной клиентелы имеет в современной литературе всеобщее признание. В некоторых работах, даже в тех, в которых специально рассматриваются взаимоотношения императоров и армии, понятие войсковой клиентелы вообще не

²⁹ Ibid. S. 282, со ссылкой на: *Alföldi A. Insignen und Tracht der römischen Kaiser // MDAI (R). 1935. Bd. 50. S. 44 ff.*

³⁰ *Stäcker J. Princes and miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim, 2003.* Содержание этой работы известно мне только по рецензии Э. Уиллера (*Wheeler E. L.*) в *Bryn Mawr Classical Review*. 2004. 06. 27 (<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/2004-06-27.html>), поэтому конкретные суждения автора по отдельным вопросам не были в полной мере учтены в данной статье.

употребляется³¹ или используется очень осторожно³². Х. Грассль считает даже, что точка зрения на войско как клиентулу принцепса не находит опоры в источниках³³. Вместе с тем значение персональных связей правителя и войска единодушно признается фактором первостепенной значимости. Так, П. Вейн, касаясь в своей известной книге «Хлеб и зрелища. Историческая социология политического плюрализма» проблем взаимоотношений императора и армии (в разделе с характерным заголовком-вопросом — «Солдаты на продажу?»), пишет, что вопрос о том, был титул императора как верховного главнокомандующего официальным или персональным, по существу, относится к проблеме покровительства («патримониализма», по терминологии автора), а истинный ответ на вопрос, кем были солдаты императорской армии — приверженцами принцепса, связанными с ним воинской присягой, или же продажными наемниками (*fidèles ou vendus*), является хотя и довольно банальным, но не столь простым³⁴. По мнению французского историка, они не были ни тем ни другим, но были профессионалами, которые представляли только самих себя, свои идеалы, мифы и корпоративные интересы и для которых личная верность командующему является эквивалентом того, что у нас именуется профессионализмом³⁵. По мнению Р. Саллера, императорам для сохранения своего властного положения необходимо было избегать двух опасностей — заговоров среди ближайшего окружения и восстаний тех, кто командовал армиями. Для этого не было нужды иметь всю империю в личной клиентеле — достаточно было обеспечивать лояльность только этих двух критических групп с

³¹ Например, Б. Кэмпбелл (*Campbell B. The Emperor and the Roman army: 31 BC — AD 235. Oxf., 1984. P. 7, 25 ff., 198, 393*), с одной стороны, отмечает, что воинская присяга акцентировала персональную связь принцепса и войска, а с другой — пишет, что императорская армия фактически была частной наемной силой правителя, готовой продаться тому, кто предложит более высокую цену, хотя правящие императоры стремились не эксплуатировать этот факт. Никаких суждений по поводу войсковой клиентелы нет и в недавних обобщающих работах по императорской армии: *Ле Боек Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001; Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. S. 34 ff.*

³² *Aigner H. Op. cit. S. 150 ff. Ср.: Brunt P. A. The Army and the Land in the Roman Revolution // JRS. 1962. 52. P. 77: «Clientela объясняет меньше, чем иногда думают; она сама есть выражение более глубоких нужд и интересов».*

³³ *Graßl H. Untersuchungen zum Vierkaiserjahr 68/69 n. Chr. Ein Beitrag zur Ideologie und Sozialstruktur des frühen Prinzipats. Wien, 1973. S. 143. Anm. 1. Это в общем-то верно, если искать в источниках прямое употребление терминов «патронат» и «клиентела» применительно к отношениям императора и армии.*

³⁴ *Veyn P. Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976. P. 610.*

³⁵ *Ibid. P. 614, 619.*

помощью патримониальных ресурсов. Кроме того, сами сенаторы отнюдь не перестали быть патронами³⁶.

Специальный критический разбор концепции персональных армий и военной клиентелы в позднереспубликанскую эпоху предпринял Н. Рулан³⁷. Констатируя, что недостаточно признать наличие феноменов клиентелы в армии, чтобы *ipso facto* говорить о «военной клиентеле» как о клиентеле особого рода, он приходит к заключению, что выделять таковую неправомерно ни с политической, ни с социологической, ни с моральной точки зрения, ибо феномены, обычно относимые к ней, являются по своей природе теми же, что и феномены гражданской клиентелы. По общему заключению автора, выражения «армии-клиенты» и «военная клиентела» суть лишь несовершенные интерпретации (причем опасные с терминологической точки зрения) того понятия, которое обозначается в немецком языке труднопереводимым словом *Gefolgschaft*³⁸. Эти общие выводы Рулана базируются на следующих положениях и доводах.

1. То, что сообщают наши источники о присяге, приносимой солдатами в позднереспубликанский период, не позволяет рассматривать ее как акт, порождающий вступление в особую клиентелу. Древняя же республиканская *sacramentum* вообще не имеет отношения к клиентеле, поскольку содержала обязательство повиноваться власти магистрата, а присяга на верность, приносимая отдельным лицам (Цинне, Катиллине, Фимбрии и др.), использовалась в экстраординарных обстоятельствах и не создавала уз клиентелы *stricto sensu*. Присяга же на верность Октавиану, принесенная в 32 г. до н. э., тем более не может считаться актом, создающим военную клиентелу, т. к. эту клятву давали как воины, так и гражданские лица.

2. Соглашаясь, что в I в. до н. э. полководцы стали единоличными распорядителями наград среди подчиненных им войск, Рулан полагает, что здесь нельзя видеть гигантские *sportulae* (как это делает Ж. Арман³⁹), ибо «генералы» лишь приспособляли древние республиканские принципы к потребностям новой эпохи, когда значение военной добычи и соответствующих сумм, распределяемых среди солдат, возросло и требования последних стали более решительными, а авторитет сената падал, не позволяя ему играть традиционную роль. *Beneficia* военных лидеров сами по себе не доказывают существование уз военной клиентелы.

³⁶ Saller R. *P. Personal Patronage under the Early Empire...* P. 74.

³⁷ Rouland N. *Armées «personelles» et relations clientélaires au dernier siècle de la République // Labeo. 1979. Vol. 25. P. 16–38.*

³⁸ Ibid. P. 38.

³⁹ Harmand J. *L'armée et la soldat...* P. 469.

3. В свою очередь, те услуги, которые оказывали солдаты и ветераны своим вождям в политических и избирательных акциях, тоже нельзя расценивать как выполнение клиентских обязательств. Даже там, где сообщается о применении (или угрозе применения) вооруженного насилия как средства воздействовать на решения политических собраний, речь идет лишь о действиях полководцев, стремящихся силой оружия захватить власть в условиях смуты и гражданской войны. Нельзя, конечно, отрицать, что полководцы обращались к голосам своих солдат, но обязанность голосовать всегда была элементом клиентелы, и речь идет не о специфически военном характере клиентелы, а только о благосклонном голосовании избирателя в пользу кандидата, окруженного престижем выдающегося военного вождя.

4. Патронат, который те или иные римские нобили осуществляли над общинами, мог использоваться в военных целях, в частности для набора среди клиентов рекрутов, но эти коллективные клиентелы на местах также не имели ничего специфически военного, оставаясь по своей природе гражданскими. Само же использование клиентов для военных нужд относится к очень древней традиции и не представляет ничего принципиально нового.

5. Наконец, автор приходит к выводу, что и создание ветеранских колоний не приводило к возникновению уз собственно военной клиентелы, ибо в этом случае возникал обычный патронат над гражданской общиной.

Отдельные критические замечания Рулана нельзя не признать справедливыми (в частности, это касается политических обязательств солдат и призыва клиентов в войско патронов). Вместе с тем многое в его подходе и выводах представляется неприемлемым. Это прежде всего — вольное или невольное стремление свести патронатно-клиентские отношения между военными вождями и армиями к неким формальным, специфическим, можно сказать, юридическим критериям и элементам, оставляя за кадром многие факты, не поддающиеся формализованным определениям и характеризующие такие стороны во взаимоотношениях полководцев и войска, которые сами римляне передавали емким понятием *fides*, в определенных аспектах выступающим как синоним понятия клиентелы вообще⁴⁰. Несводимость патроната-клиентелы только к эксплицитным, объективированным структурам и ошибочность юридической интерпретации данного комплекса отношений, которые по сути своей были связаны не с правовыми, но прежде всего с моральными обязательствами, вполне, на наш взгляд, обоснованно подчеркивается в современных исследованиях⁴¹.

⁴⁰ См.: *Rich J. Op. cit.* P. 128–129. О значениях понятия *fides* см.: TLL. VI. 1. Col. 663–691 (особенно 664–665).

⁴¹ *Rich J. Op. cit.* P. 119; *Saller R. Patronage and friendship in early Imperial Rome...* P. 60; *Wallace-Hadrill A. Op. cit.* P. 66.

Подводя общий итог историографического обзора, следует, во-первых, отметить, что проблема войсковой клиентелы выходит на очень широкий круг вопросов и аспектов, связанных с социально-политической ролью и правовым положением армии в эпоху Принципата, с истоками и основами императорской власти, с организацией материального обеспечения солдат и ветеранов, наконец, с системой их идеологических и ценностных представлений. Во-вторых, можно констатировать, что в научной литературе намечены отдельные направления исследования феномена войсковой клиентелы (в частности, это касается роли младшего и среднего командного состава), но в целом в его оценке присутствуют весьма разноречивые подходы и трактовки и в то же время фактически нет работ, которые были бы специально посвящены изучению этого феномена на материале императорского периода. Поэтому остается неясным целый ряд принципиальных вопросов: насколько вообще правомерно те особые отношения между полководцами и войском, которые появились в последнее столетие Республики и в той или иной форме продолжали существовать в эпоху Принципата, интерпретировать как персональные, взаимобязательственные связи типа патроната-клиентелы; можно ли видеть в них некую военную специфику, сочетание как древних традиций, так и неких новых элементов, служивших источником и основой Принципата, который, как резонно отмечается некоторыми исследователями, никогда не мог отречься от своего революционного и военного происхождения⁴²; насколько допустимо об армии раннеимператорского времени говорить как о «персональной» («частной») армии принципсов, а о ее солдатах как о клиентах императора-патрона; не является ли понятие войсковой клиентелы конструктом, искусственно созданным и используемым современными историками, или же оно действительно отражает существенные стороны взаимоотношений армии и правителя Империи? Чтобы прояснить данные вопросы, обратимся к источникам, уделив внимание главным образом анализу тех моментов, которые непосредственно связаны с такой ключевой для патронатно-клиентских отношений категорией, как *fides*.

Разумеется, было бы ошибочным сводить все многообразие отношений между полководцами (императорами) и их подчиненными только к узам патроната-клиентелы (тем более что и солдаты, и командиры разных рангов в период Империи, как и при Республике, продолжали входить в различные клиентелы, которые отнюдь не исчезли с установлением Принципата⁴³). Важно, однако, отметить, что личный,

⁴² *Bleiken J. Op. cit. S. 81. Ср.: Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. Bd. 72. S. 214.*

⁴³ Примечательно в этом плане, что Клавдий запретил солдатам входить в дома сенаторов для приветствия, опасаясь, по-видимому, образования слишком тесных кли-

можно даже сказать «частный», характер армий конца Республики и начала Империи вполне отчетливо сознавался современниками и более поздними античными историками. Такое понимание сложившейся ситуации с очевидностью присутствует в ряде авторских рассуждений и в речах исторических персонажей в «Гражданских войнах» Аппиана. В 17-й главе V книги он пишет с присущей ему пронизательностью: «Причинами его (безвластия. — А. М.) было то, что полководцы занимали свои должности по большей части, как это бывает в период междоусобных войн, не на основании выборов, а также то, что войска набирались не по установленным издревле воинским спискам и не для нужд всей родины, служили не для общественного блага, а в интересах только тех, кто их в войска зачислял; да и им они служили, подчиняясь не силе закона, а потому, что их привлекали данные отдельными лицами обещания; и сражались они не против врагов всего государства, а против врагов отдельных лиц... Солдаты считали себя не столько отправлявшими военную службу, сколько помощниками своих начальников на основе личного расположения, личного желания и полагали, что правители нуждаются в них в личных своих интересах»⁴⁴ (пер. Т. Н. Книпович). В речи Кассия (App. В. С. IV. 93) прямо констатируется, что «войска, принадлежавшие до сих пор государству, Цезарь превратил в свою личную собственность» (στρατοπέδων, ἃ κ αὶ αὐτά, τέως ὄντα τῆς πόλεως, εἰαυτοῦ πεποίητο ἦδία). Так же и в письмах и «Филиппиках» Цицерона солдаты, ветераны и сподвижники Цезаря предстают как сплоченный блок, доминирующий в политике и после гибели диктатора⁴⁵. По сути дела, аналогичным образом выглядели и армии противников Цезаря. У Лукана в «Фарсалии» один солдат-помпеянец заявляет Катону: «... в Помпеево войско влекла нас /

ентских связей (*Suet. Claud. 25. 1*). О солдатах как клиентах Юлии Мессы упоминает Геродиан, отмечая, что именно они сыграли главную роль в провозглашении императором Гелиогабала (*Herod. V. 3. 9 sqq.*). Можно отметить и тот факт, что солдаты-бенефициарии (само название их должности указывает на ее происхождение из особых отношений между военачальником и солдатом, получавшим от него пост в свите или в канцелярии-officium) часто в надписях в честь своих начальников (иногда и членов их семей) именуют их *patroni*, подчеркивая личный характер отношений. См.: *Nelis-Clément J. Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s. a. C. — VIe s. p. C.)*. Bordeaux, 2000. P. 71, 297. Подробнее о солдатах как клиентах влиятельных лиц см.: *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit*. Stuttgart, 1998. S. 118. О покровительстве, оказываемом императором и высокопоставленными сенаторами при назначении на командные должности, см.: *Saller R. P. Op. cit. P. 37; 74; 157 ff.*

⁴⁴ Об этом пассаже см.: *Jal P. Le «Soldat des Guerres Civiles» à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire // Pallas. 1962. T. XI. Fasc. 2. P. 7–9.*

⁴⁵ *Botermann H. Die Soldaten und römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats*. München, 1968. S. 4–14; 21–36 (с указанием источников).

Вовсе не страсть к гражданской войне: любя полководца, / Мы помогли ему» (IX. 227–229). Негодующий Катон отвечает: «Значит с желанием таким и вы воевали, солдаты, / Бились вы лишь за господ: вы были войсками Помпея, а не боролись за Рим»⁴⁶ (IX. 257–258; пер. Л. Е. Остроумова).

В современной литературе уже обращалось внимание на тот факт, что в долговременных кампаниях после 89 г. до н. э. солдаты стали именоваться по именам своих командующих: Sullani, Fimbriani, Valeriani (Plut. Lucul. 7. 2; Sall. Cat. 11. 4; 16. 4; 37. 6; App. B. C. II. 2), miles Caesaris, miles Pompei (Caes. B. civ. II. 32. 14; B. Hisp. 17. 1)⁴⁷. Подобные прецеденты имели место и в период Империи — и не только в «год четырех императоров», когда в ходу были наименования «вителлианцы», «отониацы», «флавианцы» (см.: Tac. Hist. Passim). В сенатском постановлении по делу Гн. Пизона-отца среди прочих преступных деяний сирийского наместника указывается, что он пытался развязать гражданскую войну и разлагал воинскую дисциплину во вверенных ему частях, «раздавая от своего имени подарки из казны нашего принцепса, а сделав такое, потешался, называя одних воинов пизианцами, а других цезарианцами, предпочитая <всем> тех, кто после присвоения такого прозвища усердствовал в подчинении» (SC de Cn. Pisone Patre, 54–57; пер. П. А. Князева)⁴⁸. Отметим также, что Пизон фактически пытался создать из подчиненных ему легионов собственных приверженцев, присвоив себе то, что считалось исключительной прерогативой принцепса, — раздачу донатив. Случай с Пизоном, конечно, стоит особняком. Однако он может свидетельствовать, что абсолютной монополии принцепса на покровительство войску в период раннего Принципата еще не

⁴⁶ Последняя строка в подлиннике звучит гораздо выразительнее: Pompeiana fuisti, non Romana manus. Однако отнюдь не все солдаты слепо следовали даже за любимыми вождями. Тот же Аппиан (B. C. IV. 133) признает, что войска Брута и Кассия, в немалой своей части состоявшие из бывших воинов Цезаря и относившиеся к нему с необычайной любовью, выступили против триумвиров и до конца хранили верность вождям республиканцев, действуя не из личных интересов, но ради республики. Еще ранее, в 100 г. до н. э., Марий вынужден был противодействовать своим ветеранам, которые последовали за Сатурнином и Главцией (App. B. C. I. 29–31).

⁴⁷ Smith R. E. Service in the post-Marian Roman army. Manchester, 1958. P. 14 f.; Harmand J. L'armée et le soldat... P. 231–243; De Blois L. The Roman Army and Politics... P. 11; *idem*. Army and Society...

⁴⁸ ... etiam donativa suo | nomine ex fisco principis nostri dando, quo facto milites alios Pisonianos, alios Caesarianos dici laetatus sit... (Приводится по: Князев П. А. Правосудие принцепса и сената в уникальном документе 20 г. н. э.: Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre (характеристика документа и его перевод) // Из истории античного общества. Вып. 8. Н. Новгород, 2003. С. 39–61). Ср.: Tac. Ann. II. 55. 5: eo usque corruptionis proventus est, ut sermone vulgi parens legionum haberetur («... довел войско до такой степени разложения, что получил от толпы прозвище “Отец легионов”»).

существовало, тем более она оказывалась под вопросом в моменты династических кризисов⁴⁹.

Говоря о персональном характере императорской армии, следует еще раз обратить внимание на тот факт, что уже в правление Августа происходит отказ от употребления такой официальной формулы, как *legiones (exercitus) populi Romani*: в своих «Деяниях» принцепс именует и солдат, и войско, и флот *milites mei, exercitus meus, classis mea* (RgdA. 15; 26; 30)⁵⁰. Еще более примечательно, что и воины указывают на то, что они сами или их легион принадлежат императору. Так, известна надпись (ILS, 2231), в которой один центурион именуется *centurio leg(ionis) XXXXI Augusti Caesaris*⁵¹, а в почетной надписи, отмечающей почести, предоставленные городом Немаусом ветерану XVI легиона Т. Юлию Фесту, этот последний назван *Ti. Caesaris divi Aug(usti) f(iilii) Augusti miles missicius*, т. е. «отставной солдат Тиберия Цезаря Августа, сына Божественного Августа» (CIL XII 3179 = ILS, 2267). Эти свидетельства, как и характерные указания в эпиграфических документах на получение наград, почетной отставки и связанных с нею привилегий лично от императора⁵², могут служить подтверждением того, что военная служба действительно стала рассматриваться как служба лично императору, а сама армия — как принадлежащая персонально ему не только в силу его полномочий главнокомандующего, но на основе обязательств персонального характера, в противоположность той ситуации периода Республики, когда, по словам Цицерона, все легионы и все войска, где бы они ни находились, принадлежали государству⁵³. Для Тацита, во всяком случае, представлялось очевидным, что после битвы при Филиппах войско как институт, подчиненный государству в целом, перестало существовать (*Ann. I. 2. 1: nulla iam publica arma*),

⁴⁹ Ср. передаваемые Тацитом обвинения Л. Вителлия в адрес Юния Блеза: «Другого врага нам следует опасаться... кто хвастается своими предками — Юниями и Антониями, кичится своим происхождением из императорского рода и выставляет напоказ перед чужаками свою доброту и щедрость» (*Tac. Hist. III. 38 / Пер. Г. С. Кнабе*).

⁵⁰ *Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 75, со ссылкой на: Wickert L. Prinzipat und Freiheit // Prinzipat und Freiheit. Darmstadt, 1969. S. 117.*

⁵¹ Ср.: *Raaflaub K. Op. cit. S. 276–277.*

⁵² О значении данного момента см.: *Eck W. Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. S. 483–496 (особенно S. 493 ff.); Эк В. Император во главе войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. 2004. № 3. С. 44 сл., 50, 55.*

⁵³ *Cic. Phil. X. 12: omnes legiones, omnes copiae, quae ubique sunt, rei publicae sunt.* Ср. приводимые Дионом Кассием (LVII. 2. 3) слова Тиберия, который, хотя и не без иронии и как бы вступая в полемику с Августом, воспроизводит, по сути, ту же установку, чтобы продемонстрировать свою приверженность республиканским традициям: «воины принадлежат не мне, а государству» (*οἱ στρατιῶται οὐκ ἐμοὶ ἀλλὰ δημόσιοι εἰσιν*).

и, судя по всему, такое же положение, по мнению римского историка, сохранялось и с установлением Принципата. Отметим и другое свидетельство Тацита, согласно которому Тиберий, только что занявший императорский престол, в обращении к мятежным легионам в Паннии стремился создать впечатление, что забота об армии является делом не только принцепса, но и сената (Ann. I. 25), однако именно эту ссылку на сенат легионеры восприняли с возмущением и недоумением, увидев в ней нечто новое, т. к. для солдат естественным представлялся порядок, когда и приказы о военных действиях, и наказания, и награды исходят от одного источника — императора⁵⁴.

Очевидно, истоки такого положения дел коренятся в обстоятельствах эпохи гражданских войн, когда прочность и перспективы положения отдельных военных лидеров обуславливались поддержкой солдат, которые, в свою очередь, были заинтересованы в сильной власти своего вождя, чтобы иметь надежные гарантии предоставления обещанного вознаграждения и закрепления полученных земельных пожалований, которых, естественно, не мог (и не хотел) дать сенат (App. B. C. V. 13)⁵⁵. В период гражданских войн, последовавших за смертью Цезаря, сенат de facto устраняется от какого бы то ни было реального участия в контроле за армией и полководцами, в лучшем случае выступая только как институт легитимации статуса того или иного вождя. Наиболее, быть может, показателен в этом плане эпизод, связанный с получением в начале 43 г. до н. э. империя юным наследником Цезаря: по сути дела, он был предоставлен ему волей солдат и ветеранов Цезаря. И это вынужден был признать (и, в силу сложившейся ситуации, даже оправдывать!) сам Цицерон, заявляя в XI «Филиппике»: «...ветераны, которые взяли в руки оружие для защиты государства, увлеченные его авторитетом, командованием, именем, хотели, чтобы ими командовал именно он: Марсов и четвертый легион подчинились авторитету сената и достоинству государства при условии того, что их императором и предводителем будет Гай Цезарь» (Phil. XI. 20; пер. В. Г. Боруховича

⁵⁴ Tac. Ann. I. 26. 3: novum id plane quod imperator sola militis commoda ad senatum reiciat. eundem ergo senatum consulendum, quotiens supplicia aut proelia indicantur. an praemia sub dominis, poenas sine arbitro esse? («Но вот и нечто новое: император отсылает к сенату только в тех случаях, когда дело идет о выгоде воинов! Пусть же сенат запрашивают всякий раз и тогда, когда должна быть совершена казнь или дано сражение. Или награды распределяют властители государства, а наказания налагает кто вздумает?». Пер. А. С. Бобовича). Ср. также приводимые Тацитом слова Тиберия в ответе на предложение Юния Галлиона даровать отставным преторианцам право занимать место в первых четырнадцати рядах амфитеатра: ...quos (sc. milites) neque dicta [imperatoris] neque praemia nisi ab imperatore accipere par est («...воинам полагается получать приказы и награды только от императора и больше ни от кого») (ibid. VI. 3. 1).

⁵⁵ Premerstein A., von. Op. cit. S. 25; Aigner H. Op. cit. S. 134; 148 ff.

и Е. В. Смыкова). Аналогичным образом эти события излагаются и у Аппиана (В. С. III. 48; 65). Показательно, что переход этих воинских частей на сторону Октавиана произошел несмотря на то, что Антоний попытался увеличить обещанные донативы⁵⁶. Весьма примечательно, что спустя многие годы и сам Август поставил себе в заслугу то, что он по собственной инициативе и на собственные средства (*privato consilio et privata impensa*) снарядил войско, с помощью которого разгромил Антония, и за это получил от сената пропреторский империй и другие почести (RgdA. 1. 1).

Такой набор войска стал возможен главным образом потому, что за Октавианом последовала большая часть солдат и ветеранов Цезаря, которые, разумеется, нуждались в вознаграждении и закреплении за ними прав собственности на полученные земли, что могло быть обеспечено при условии преемственности власти (ср.: Nic. Dam. Vita Caes. 18. 56)⁵⁷. Но вместе с тем они, очевидно, руководствовались и чувством личной верности по отношению к приемному сыну и наследнику своего полководца, рассматривая Октавиана и как наследника того патроната, который имел по отношению к ним Цезарь⁵⁸. Думается, нет веских оснований преуменьшать значение этого субъективного фактора, который прямо акцентируется в некоторых источниках, пусть даже эти свидетельства и принадлежат таким тенденциозным авторам, как Николай Дамасский. Последний, рассказывая о взаимоотношениях Антония и Октавиана, прибывшего в Рим после смерти диктатора, передает рассуждения ветеранов Цезаря, которые полагали, что для них делом благочестия является соблюдать все, что относится к доброй памяти Цезаря, и опекать его сына и наследника (Vita Caes. 29. 115). Один из солдат заявляет даже, что все они входят в состав наследства Октавиана и готовы всё перенести и сделать ради наследника Цезаря (*ibid.* 29. 117). Такого рода расположение Цезаревых ветеранов к юному Октавиану отмечают и Аппиан (В. С. III. 11–12; 32; 40), и Веллей Патеркул (II. 59. 5). Надо сказать, что подобная лояльность ветеранов и солдат, распространяющаяся на сыновей и наследников политических лидеров, не является в истории I в. до н. э. чем-то исключительным. Она отмечается, в частности, в отношении ветеранов Мария к его сыну (Diod. XXXVIII–XXXIX. 12), ветеранов-помпеянцев к Сексту Помпею (App. В. С. IV. 83). Но в борьбе

⁵⁶ См.: *Liv. Perioch.* 117; *Vell. Pat.* II. 61. 2; *Dio Cass.* XLV. 13; *Cic. Phil.* III. 3; 30; IV. 2; V. 23; 46; XI. 37; *Fam.* XIX. 28. 3; *Brut.* 5. 1 sq.; 9. 1.

⁵⁷ Так, еще осенью 44 г. до н. э. Октавиан привлек на свою сторону ветеранов VII и VIII легионов, поселенных в Кампании, обещав им огромные донативы — 500 денариев каждому (*Cic. Ad Att.* XVI. 8–9; *Dio Cass.* XLV. 12; *Suet.* Aug. 10. 3; *App.* В. С. III. 40; *Nic. Dom. Vita Caes.* 31. 131). См.: *Botermann H. Op. cit.* S. 36 ff.

⁵⁸ *Aigner H. Op. cit.* S. 151.

за власть после смерти Цезаря конституционные аргументы, по словам Л. де Блуа, были отброшены и впервые на передний план стала выдвигаться династическая лояльность⁵⁹. Было бы, конечно, ошибкой видеть подоплеку таких отношений исключительно в клиентской верности, переносимой на наследника покойного патрона, но нельзя и исключать этот мотив.

Представляется также вполне правомерным видеть в этих отношениях истоки того династического чувства, которое с началом Принципата утверждается — и начиная с Августа целенаправленно формируется — в императорской армии. В источниках императорского времени обнаруживаются многочисленные указания на сильно развитую приверженность солдат правящей династии, *domus Augusta* в целом. Приведем некоторые наиболее показательные примеры. Так, у Тацита в рассказе о происках Гн. Пизона против Германика в качестве фактора, способного помешать реализации узурпаторских планов, выделяется присущая солдатам «глубоко укоренившаяся любовь к Цезарям» (*Ann. II. 76. 3: penitus infixus in Caesares amor*). Это же почтение к Германику и его семейству, связанному родством с Августом, сыграло, по Тациту, решающую роль в изменении настроений мятежных легионов в Германии (*Ann. I. 41. 2*). По утверждению того же Тацита, после усыновления Августом и выбора в качестве наследника Тиберий стал открыто почитаться и превозноситься в войсках (*Ann. I. 3. 3*). В сенатском постановлении по делу Пизона воины удостоиваются официальной похвалы за сохранение преданности и верности дому Августа (*SC de Cn. Pisone patre, 161: fidem pietatemque domui Aug(ustae) praestarent*). Принадлежность к дому Августа и любовь народа к Германику, как хорошо известно, сделали сначала Калигулу желанным правителем, а потом сыграли ключевую роль в выборе императором Клавдия (*Ios. Ant. Iud. XIX. 3. 2*). Характерно также, что после убийства Каракаллой его брата Геты солдаты II Парфянского легиона, расположенного в Италии, выражали крайнее возмущение, заявляя, что обещали быть верными и служить обоим сыновьям Севера (*Herod. III. 15. 5; SHA. Car. 2. 7–8; Geta. 6. 1*).

Укорененное в сознании солдат династическое чувство, вероятно, побуждало претендентов на престол, стремившихся к власти в моменты династического кризиса, предпринимать соответствующие меры, чтобы обеспечить определенную легитимность своих притязаний через подчеркивание связи с популярной в солдатской массе династией или предшествующими правителями. Особенно показательны в этом плане действия Септимия Севера, который сначала провозгласил себя Севером Пертинаксом, учитывая то уважение, какое снискал

⁵⁹ *De Blois L. The Roman Army and Politics... P. 51.*

Пертинакс в иллирийских легионах, а потом официально объявил себя сыном Марка, братом Коммода, внуком Антонина, правнуком Адриана и т. д., проведя династическую линию до Нервы (Herod. II. 10. 1; Dio Cass. LXXV. 7. 4; LXXVI. 9. 4; Aur. Vict. Caes. 20. 30), и именовался так в официальных надписях⁶⁰. Соответственно, его сыновья также стали именоваться Антонинами, чтобы подчеркнуть возрождение популярной в войсках и народе династии (Herod. III. 10. 5; II. 10. 3; SHA. Sept. Sev. 10. 1; Geta. 1. 4–6). В биографии Каракаллы сообщается даже, что Антонином его провозгласило войско (SHA. Car. 1. 1). Стоит также отметить, что после убийства Коммода преторианцы потребовали от претендовавшего на власть Дидия Юлиана принять его имя (Herod. II. 6. 10–11). Имя Антонина, чтобы снискать расположение воинов, использовал и Опилий Макрин, назвавший так своего сына Диадумена на воинской сходке (SHA. Opil. Macr. 3. 9; Ant. Diad. 1. 2; 3. 1; Dio Cass. LXXVIII. 19. 2; Aur. Vict. Caes. 22. 2). Имя Марка Аврелия Антонина получил при провозглашении императором Гелиогабал, в фиктивное происхождение которого от Каракаллы охотно поверили солдаты (Herod. V. 3–4; 7.3; SHA. Ant. Diad. 9. 4; Heliog. 1. 4). Принадлежность (реальная или вымышленная) к семейству популярного в войсках императора и в IV столетии служила одним из средств обоснования претензий на власть и легитимации положения узурпаторов⁶¹. Так, Прокопий, родственник императора Юлиана, попытавшийся захватить власть, для привлечения на свою сторону войска всюду возил с собой и демонстрировал солдатам маленькую дочь Констанция, чтобы подтвердить свое родство с этим последним и Юлианом (Amm. Marc. XXVI. 7. 10; 9. 3).

Надо сказать, что верность членам императорской семьи, помимо всего прочего, обуславливалась приносимой воинами присягой, которая, по всей видимости, в императорское время стала включать в себя обязательство хранить преданность не только императору как главнокомандующему, но и его семейству, как в клятвах, даваемых сенаторами и другими гражданами (см., например, ILS, 190; ср. также: Dio Cass. LX. 9. 2)⁶². Судить об этом, правда, приходится только по косвенным дан-

⁶⁰ См., например, надпись, сделанную центурионами I Италийского легиона в Новах: Imp(eratori) Caesari, divi M(arci) | Antonini Pii Germ(anici) Sarm(atici) fil(io), divi Commo|di fra<tri>, divi Antonini Pii (nepoti), divi Hadriani pronep(oti), divi Traiani Parth(ici) abnep(oti), di|vi Nervae adnep(oti), L(ucio) Septim(io) | Severo Pio Pertinaci Aug(usto), | Arab(ico), Adiab(Enico)... (Цит. по: *Sarnowski T. Primi ordines et centuriones legionis I Italicae und eine Dedikation an Septimius Severus aus Novae in Niedermoosien // ZPE. 1993. Bd. 95. S. 206*). Соответствующим образом именовался и Каракалла (см., например, RIB, 1202; 1235).

⁶¹ Глушанин Е. П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. С. 11.

⁶² *Premmerstein A., von. Op. cit. S. 76 ff.* (с указанием других источников). См. также: *Herrmann P. Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung.*

ным, поскольку полная формула *sacramentum militiae* императорского времени не сохранилась. Можно, к примеру, сослаться на приводимый у Тацита ответ Бурра на вопрос Сенеки, можно ли отдать преторианцам приказ умертвить Агриппину. Начальник преторианцев ответил отрицательно, сказав, что они связаны присягой верности всему дому Цезарей и не осмелятся поднять руку на дочь Германика (Tac. Ann. XIV. 7. 4: *toti Caesarum domui obstrictos*; ср.: Hist. I. 5. 1). Интересно также отметить, что когда Калигула решил умертвить Тиберия Гемелла, внука императора Тиберия, то, по свидетельству Филона Александрийского (Leg. ad Gaium. 5), мальчика заставили покончить с собой в присутствии преторианских центурионов и трибунов, которые не захотели его умертвить (даже после того, как тот сам попросил их об этом) — возможно, потому, что не желали нарушать присягу⁶³. Полтора столетия спустя подобные соображения уже не останавливали воинов-преторианцев, убивших Пертинакса, за что их укоряет Септимий Север у Геродиана,

Göttingen, 1968. S. 114. Об институте воинской присяги в императорское время см.: Watson G. R. *The Roman Soldier*. N. Y.; Ithaca, 1969. P. 48–49; Vendrand-Voyer J. *Normes civiques et métier militaire à sous le Principat*. Clermont, 1983. P. 36 et suiv.; Campbell J. B. Op. cit. P. 22 ff.; Stäcker J. Op. cit. S. 182 ff. Надо сказать, что вопрос о *sacramentum militiae* остается, ввиду скудости имеющихся свидетельств, спорным. Его специальное рассмотрение в рамках данной статьи не представляется возможным. Отметим только следующее. Большинство исследователей склоняется к выводу, что в эпоху принциата существовала одна воинская присяга, центральным пунктом которой было обязательство личной верности и повиновения императору. Она приносилась при вступлении на службу и возобновлялась в начале каждого года. По мнению же А. фон Премерштайна (op. cit. S. 81 f.), наряду с *sacramentum militiae*, воины ежегодно приносили особую клятву верности — ту же, что и гражданское население Империи. Но, как бы ни решался этот вопрос, важно иметь в виду, что создаваемая присягой связь императора и войска коренным образом отличалась от той, которая возникала в раннем Риме на основе *sacramentum* между консулами и присягавшими им воинами. В последнем случае магистрат, наделенный империем и правом ауспий, выступал прежде всего в качестве посредника между войском и богами и только как таковой мог требовать присяги и повиновения (см.: Vendrand-Voyer J. Op. cit. P. 38–41; Токмаков В. Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской республики // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 125–147; он же. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней Республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 43–59). Присяга же на верность принцепсу предполагала (подобно тому как это было в позднереспубликанский период в отношениях отдельных военных вождей и их солдат, которые давали им особую клятву, или в случае с присягой римских граждан Октавиану в 32 г. до н. э.) подчинение ему не только как легитимному носителю сакральной, военной и государственной власти, но как конкретной личности. Это подтверждается тем фактом, что присяга могла быть принесена еще до того, как провозглашенный войском император официально признавался сенатом и народом, т. е. до наделения его империем и правом ауспий (см.: Premierstein A., von. Op. cit. S. 81, с конкретными примерами, относящимися прежде всего к событиям гражданской войны 68–69 гг.; Campbell J. B. Op. cit. P. 28).

⁶³ Ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II. Leipzig, 1876. S. 819.

говоря, что они запятнали свою присягу и предали верность (Herod. II. 9. 8; 13. 8). Важно также отметить, что *sacramentum militiae* со времени Августа приносилась на имя принцепса войсками, расположенными не только в императорских, но и в сенатских провинциях⁶⁴, и все воины считались связанными одной присягой, принесенной одному императору-главнокомандующему (ср.: Tac. Hist. IV. 46. 3: *eiusdem sacramenti, eiusdem imperatoris milites*).

Несмотря на нередкие в условиях гражданских войн случаи перехода как отдельных солдат, так и целых воинских формирований на сторону противника, измена своему полководцу, а позже принцепсу часто воспринималась как ни с чем не сравнимый позор. По сообщению Диона Кассия (LI. 10. 1–2), когда Антоний во время военных действий в Египте попытался подкупить солдат Октавиана, пообещав им награду в 1500 драхм, Октавиан сам прочитал листовки с этим обещанием своим воинам, противопоставив позор предательства доблестной верности своему полководцу, и вполне убедил солдат, так что они, оскорбленные самой попыткой их соблазнить и не желая показать себя способными на измену, сражались с особенным рвением. Так же и для солдат Цезаря подозрение в неверности (*infidelitatem suspicionem*) казалось оскорбительным, и они просили командовавшего ими Куриона поскорее дать сражение, чтобы испытать их *fidem virtutemque* (Caes. B. civ. II. 33. 1–2). Обвинение в измене или недоверие со стороны полководца могли восприниматься настолько остро, что ради сохранения воинской чести некоторые солдаты и офицеры предпочитали покончить с собой. Такое высокое понимание своего воинского долга и чести обнаруживается во многих ярких примерах⁶⁵, которые подтверждают, что верность полко-

⁶⁴ *Klingmüller. Sacramentum // RE. Bd. I. A. 2 (1920). Sp. 1668.*

⁶⁵ Так, попавший в плен к Сципиону квестор Цезаря Граний Петрон не пожелал получить пощаду от врага и бросился на свой меч (*Plut. Caes. 16*). Центурион Титиний, который во время битвы при Филиппах не успел вовремя сообщить Кассию сведения о положении дел у Брута, вслед за Кассием покончил с собой (*Val. Max. IX. 9. 2; ср.: Vell. Pat. II. 70. 3*). Во время египетской кампании Октавиана его центурион Г. Мевий попал в плен и был приведен к Антонию. В ответ на вопрос, как с ним надлежит поступить, заявил: «Прикажи убить меня, потому что ни благом спасения, ни смертной казнью невозможно добиться, чтобы я перестал быть воином Цезаря и стал твоим» (*Val. Max. III. 8. 8*). Тацит (*Hist. III. 54*) рассказывает о центурионе Юлии Агресте, который с разрешения Вителлия отправился в расположение флавианцев, чтобы выяснить, что произошло под Кремоной. Когда он, вернувшись, рассказал Вителлию об увиденном, тот ему не поверил и обвинил в измене. Тогда Агрест в доказательство своей верности покончил с собой. Таким же образом покончил с собой и один солдат Отона, которому не поверили, когда он принес известие о разгроме при Бедриаке (*Dio Cass. LXIII. 11. 1–2; Suet. Otho. 10. 1*), а другой пронзил себя мечом, чтобы доказать преданность солдат Отону (*Plut. Otho. 15*). Готовность до последнего вздоха хранить верность своему императору проявили солдаты-вителлианцы, которые на предложение Цивилиса принести присягу Веспасиану

водцу (императору) была в сознании солдат неотделима от высшей доблести, достоинства войска, его благочестия (ср. также: *V. Afr.* 45. 3; *Tac. Hist.* II. 69. 1; *Amm. Marc.* XXVII. 6. 13)⁶⁶. Иногда она даже приобретала демонстративно-экзальтированный, иступленный характер, как в коллективном самоубийстве солдат Отона во время его похорон (*Suet. Otho.* 12. 2; *Plut. Otho.* 17; *Dio Cass.* LXIII. 15. 1²–2^b; *Aur. Vict. Caes.* 7. 2). Как констатирует Тацит, они покончили с собой не из страха, но из ревнивого чувства чести и любви к принцепсу (*Hist.* II. 49. 5: *neque ob metum, sed aemulatione decoris et caritate principis*), и смерть их вызвала восхищение в войсках. Любовь и преданность к умершему императору солдаты выражали и по-другому, но при этом характерно, что они демонстрировали особый военный характер своей связи с покойным. Ветераны Суллы шествовали в его похоронной процессии строем со знаменами и в полном вооружении (*App. B. C.* II. 105–106); старые легионеры Цезаря сжигали оружие, которым украсились для похорон (*Suet. Div. Iul.* 84. 4), а на похоронах Августа воины бросали в погребальный костер боевые награды, полученные от императора (*Dio Cass.* LVI. 42. 2).

Вопреки распространенному в литературе мнению, что моральные обязательства воинов по отношению к императору в условиях гражданских войн нисколько не препятствовали изменам и переходу на сторону другого вождя⁶⁷, что решающим фактором преданности солдат было их материальное благополучие, а солдатская масса в целом была склонна к политической взятке⁶⁸, следует, на наш взгляд, разделить ту точку зрения, что во многих случаях неповиновение командирам, измена одному военному лидеру или императору могли расцениваться солдатами как проявление особой лояльности по отношению к другому лидеру, претендовавшему на власть, верности своему воинскому долгу и тому делу, за которое они сражались⁶⁹. Как пишет П. Вейн, профессиональные солдаты, даже продаваясь тому, кто больше предлагал, сами выби-

ответили, что у них есть один принцип — Вителлий, за которого они, сохраняя верность, будут сражаться до последнего вздоха (*Tac. Hist.* IV. 21. 2: *pro quo fidem et arma ad supremum spiritum retenturos*). Как образец бескомпромиссной верности долгу прославился центурион Семпроний Денс, который единственный из всей когорты бросился на защиту Гальбы (или Пизона, по Тациту) и погиб (*Plut. Galba.* 26; *Tac. Hist.* I. 43. 1; *Dio Cass.* LXIII. 6. 4). Показательно, что в большинстве приведенных примеров образцом подлинной верности и преданности являются офицеры разных рангов. Это, возможно, объясняется не только тем, что они чаще привлекали внимание античных авторов, но и особым характером взаимоотношений полководцев и принцепсов с младшим командным составом. См. выше, сн. 24–27.

⁶⁶ Ср.: *Schuller W.* Op. cit. S. 197.

⁶⁷ *Aigner H.* Op. cit. S. 150–151.

⁶⁸ *Campbell J. B.* Op. cit. P. 198; 383.

⁶⁹ *Jal P.* Op. cit. P. 24–26.

рали своего вождя. Верность императору выступала как эквивалент и квинтэссенция верности воинскому долгу⁷⁰.

Ряд примеров показывает, что преданность императору не в последнюю очередь обуславливалась мнением солдат о том, насколько он соответствует их представлениям о должном моральном облике военного лидера и выполняет свои обязательства перед войском или отдельными воинами. Характерную в этом плане реплику произносит в «Анналах» Тацита (XV. 67. 2) преторианский трибун Субрий Флав, участвовавший в заговоре против Нерона. На вопрос Нерона, почему он дошел до забвения присяги, он ответил: «Я возненавидел тебя. Не было воина преданнее тебе, пока ты был достоин любви». Напротив, память о благодеяниях, оказанных императором отдельным солдатам или воинским частям, часто являлась решающим фактором сохранения их преданности. Так, отмеченный Нероном за заслуги в подавлении восстания в Британии XIV легион долго сохранял ему верность и потом был наиболее предан Отону (Тас. Hist. II. 11). Так же и часть британских войск очень неохотно отказалась от верности Вителлию, который на деле доказал им свою благосклонность, предоставив повышения по службе (Тас. Hist. III. 44). При провозглашении императором Юлиана один префект отказался приносить ему присягу, заявив, что не может связать себя клятвой против Констанция как человек, обязанный ему частыми и различными благодеяниями (Amm. Marc. XXI. 5. 11).

Все эти факты позволяют заключить, что воинская *fides* была понятием более широким и емким, нежели обычная верность клиентов по отношению к патрону, непосредственно пересекаясь с ключевыми военно-этическими категориями. Более того, в источниках отношение солдат к полководцу или императору нередко обозначается понятием «любовь». Именно это чувство в первую очередь двигало солдатами Отона⁷¹. Оно же отмечается и в других источниках, например у «Писателей истории Августов», а также в Латинских панегириках, обращенных к императорам, которым предстояла борьба с соперниками: здесь лозунг «любви» воинов к своему императору выдвигается на первый план, в отличие от более ранних речей сборника, где данное понятие вообще отсутствует⁷². Эта категория, таким образом, обнаруживает свое политическое значение. Так, в панегирике неизвестного автора в честь Константина Августа провозглашается: «Лишь тот страж государства является на-

⁷⁰ Veyne P. Op. cit. P. 610.

⁷¹ Ср.: Dio Cass. LXIII. 12. ἐφίλου τε τὸν Ὀθωνα καὶ πᾶσαν αὐτῷ εὐνοίαν οὐκ ἀπὸ τῆς γλώττης μόνον ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τῆς ψυχῆς εἶχον. Ср. также: Тас. Hist. I. 83. 2, где в речи Отона, обращенной к преторианцам, говорится об amor и caritas.

⁷² Шабига И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 76–77.

дежным и верным, кого войны любят ради него самого, кому служит не вынужденная и продажная угодливость, но простая и искренняя преданность» (Pan. Lat. VII. 16. 6). Такая преданность противопоставляется оратором той краткой и непрочной популярности, которую некоторые вожди пытались снискать щедростью. В другом панегирике, посвященном Константину, подчеркивается, что его войско было счастливо носить оружие и выполнять воинские обязанности благодаря своей любви к императору, которого оно любило так же, как и было дорого ему, и вообще любовь к принцепсу делает воина храбрее (X. 19. 4–5; ср.: XI. 24. 5–7).

Такого рода сентенции можно было бы счесть голой риторикой, если бы приведенные выше фактические свидетельства не убеждали в том, что во многих случаях искренняя любовь воинов к тем, кому они служили и за кого сражались, не была для них пустым звуком. Стоит в этой связи отметить и еще один весьма примечательный момент: преданность, обусловленная присягой, и любовь воинов к полководцу довольно часто упоминаются как некая идеальная модель в текстах философов и христианских писателей, стремящихся подчеркнуть значение глубокой и искренней верности принципам добродетели или Богу. Сенека, например, утверждает (De vita beata. 15. 5), что поборник добродетели будет помнить древнюю заповедь: «Повинуйся Богу!», подобно тому как доблестный воин будет переносить раны, считать рубцы и, умирая, будет любить того полководца, за которого погибает (amabit eum, pro quo cadet, imperatorem; ср.: Epist. CVII. 9). Эпиктет, рассуждая о служении высшему разуму, приводит сравнение с воинской присягой, которая требует от солдат превыше всего ставить спасение цезаря (I. 14–17). Из христианских авторов уже у апостола Павла используется сравнение из военной сферы: подчеркивая необходимость самоотречения в служении Богу, он пишет: «Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» (2 Тимоф. 2 : 4). Климент Римский (Epist. ad Corinth. I. 37) упоминает о воинах, которые слаженно, усердно и покорно исполняют приказания императора и полководцев каждый в своем звании. Нельзя не процитировать слова Юстина Философа из его первой Апологии (I. 39) о том, что воины, присягающие императору, держатся данного слова и предпочитают это и собственной жизни, и родителям, и отчизне, и всем домашним, хотя и не могут немедленно получить за это награду. Представляется, что такого рода *locus communitatis* не мог возникнуть на пустом месте и в общественном сознании императорского времени, несмотря на общее негативно-настороженное отношение к военным, присутствовало и убеждение в наличии особых, освященных присягой уз, объединяющих воинов и императора. Показательно, что в приведенных сентенциях на первый план выдвигает

ется преданность полководцу (императору), а не любовь к отечеству, не служение государству как таковому.

Следует обратить внимание и на то, что отношения императора и армии, подобно отношениям патрона и клиентов, в некоторых случаях трактовались в патримониальных понятиях. Среди многих почетных прозвищ, которые получил Калигула, были и такие, как «сын лагеря» и «отец войска» (*pater exercituum* — Suet. Cal. 22. 1). По утверждению Диона Кассия (LXIII. 14. 1), солдаты, эмоционально реагируя на заявление Отона о желании уйти из жизни, называли своего императора отцом, говорили, что он им дороже детей и родителей. Каракалла в одной из надписей назван *pater militum* (ILS, 454). Рисуя идеал дисциплинированного войска во время Парфянского похода Александра Севера, автор его биографии подчеркивает, что воины любили юного императора как брата, как сына, как отца (SHA. Alex. Sev. 50. 3). Малолетнего императора Гордиана III воины называли сыном (SHA. Gord. tres. 31. 6; Max. et Balb. 9. 4–5). В данном контексте уместно вспомнить и о титуле *Mater castrorum*, который носили с конца II в. императрицы⁷³. *Fides* войска, безусловно, имела первостепенное политическое значение. Не случайно она в своих военных аспектах, как *fides militum*, *fides exercituum*, *fides legionum*, начиная с Траяна присутствует в монетной пропаганде многих императоров, преимущественно III столетия⁷⁴. На утверждение идеи благочестивой верности было нацелено и присвоение воинским частям, легионам и когортам, почетных наименований *pia*, *fidelis*, иногда с добавлением имен императоров (*Claudia*, *Domitiana*, *Antoniniana*, *Severiana*)⁷⁵. Воинская верность почиталась и как обожествленная абстракция, о чем свидетельствует, например, алтарь из Аквинка, посвященный Юпитеру Наилучшему Величайшему и *Fidei veteranorum* (CIL III. 14342).

Учитывая отмеченные моменты, следует признать, что между императором и армией действительно существовали особые связи, носившие персональный характер и не в последнюю очередь обусловленные воинской присягой. Обязательство личной верности императору и его

⁷³ Первой его получила Фаустина Младшая в 174 г. после победы Марка Аврелия над квадами (*Dio Cass.* LXXI. 10. 5; SHA. M. Aur. 26. 8), а потом — Бруттия Криспина, жена Коммода, и императрицы северовской династии.

⁷⁴ *Renel Ch.* Cultes militaires de Rome. Les ensiegnes. Lyon; P., 1903. P. 317 suiv.; *Premierstein A., von.* Op. cit. S. 84 ff.; *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 109 сл.; 131 сл.; 142; *Wittwer K.* Kaiser und Heer im Spiegel der Reichmünzen. Untersuchungen zu den militärpolitischen Prägung in der Zeit von Nero bis Caracalla: Diss. Tübingen, 1987.

⁷⁵ *Ritterling E.* Legio // RE. Bd. XII. 2. 1249; 1368 ff.; 1617; 1691; *Campbell J. B.* Op. cit. P. 93 f.; *Fitz J.* Honorific titles of Roman military units in the 3^d century. Budapest, 1983.

семейству, включенное, по всей видимости, в текст присяги, можно, наверное, рассматривать как продолжение и развитие тех прецедентов, которые имели место в позднереспубликанский период, когда воины Суллы, Цинны, Цезаря или Помпея приносили особую присягу верности своему полководцу (ср., например: Vell. Pet. II. 20. 4; Plut. Sulla. 27. 5; App. B. C. I. 66; III. 46; Caes. B. civ. I. 76; III. 13), создававшую особые персональные обязательственные связи между солдатами и военными вождями⁷⁶. Разумеется, наряду с идеальными и правовыми факторами существенное (а иногда, несомненно, и определяющее) значение имело выполнение императором обязательств материального плана, относящихся к снабжению войска, награждению отличившихся, заботе о повседневных нуждах солдат и об обеспечении вышедших в отставку ветеранов.

Не останавливаясь подробно на этих аспектах⁷⁷, отметим только следующие принципиальные моменты. Надежное удовлетворение материальных потребностей солдат в целях недопущения возможных мятежей и солдатского диктата периода гражданских войн было одной из важнейших задач Августа в рамках его политики стабилизации⁷⁸. Для этого необходимо было выработать приемлемый и для власти, и для солдат служебный договор (*condicio*)⁷⁹. Основателю Принципата удалось в целом успешно решить эту непростую задачу. При этом можно говорить об установлении фактической монополии принцепса на снабжение и награждение войск. Соответственно и жалование, и разного рода льготы (*commoda*), и *praemia militiae*, и донативы стали рассматриваться как исключительная прерогатива императора, как проявление его персональных «благодений» и щедрости по отношению к солдатам и ветеранам⁸⁰. Как таковые они рассматривались и на официальном уровне, и самими солдатами. Например, Август в «Деяниях» особо подчеркивает свои личные благодеяния и расходы на содержание войска. По словам Гигина Громатика (*De cond. agr. P. 84 Thulin*), наделение ветеранов земельными участками в Паннонии осуществлялось *ex voluntate et liberalitate* («по

⁷⁶ *Premmerstein A.*, von. Op. cit. S. 80–81.

⁷⁷ См. об этом: *Wesch-Klein G.* Op. cit.; *Campbell J. B.* Op. cit.; *Watson G. R.* Op. cit.

⁷⁸ Ср.: *Suet.* Aug. 49. 2: *ne aut aetate aut inopia post missionem sollicitari ad res novas possent.* Ср.: *Dio Cass.* LIV. 25. 5. Подробно см.: *Campbell J. B.* Op. cit. P. 181 ff.

⁷⁹ *Speidel M. A.* Sold und Wirtschaftslage der römischen Soldaten // *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley* / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. S. 65 ff.

⁸⁰ Ср.: *Keppie L.* The Army and the Navy // *САН*². Vol. XI. 2001. P. 378. Характерно, что в неофициальной титулатуре императоров получают распространения такие наименования, как *indulgentissimus*, *liberalissimus*. См.: *Frei-Stolba R.*, von. *Inoffizielle Kaisertitulaturen in 1. und 2. Jahrhundert n. Chr.* // *Museum Helveticum*. 1969. Vol. 26. N 1. S. 36–37.

воле и в силу щедрости») императора Траяна. В надписи, относящейся, вероятно, ко времени Каракаллы, *ala I Hispanorum Campagonum* почти-ла Августа, «отмеченная его милостями и обогащенная его щедротами» (CIL III. 1378: *indulgentiis eius aucta liberalit[at]ibus ditata*). Армия оказывалась под особым попечением императоров, и императорские подарки солдатам (*donativa*)⁸¹ можно сопоставить с *congariium* плебсу, связанным по своему происхождению не с выплатами солдатам во времена гражданских войн, но с практикой завещаний, в соответствии с которой видные римляне завещали дары своим согражданам и клиентам. Донативы следует поэтому рассматривать отнюдь не как средство подкупа войска, но как знак политического престижа армии, символ особо близких отношений между императором и солдатами, которые в обмен на получаемые дары и преимущества обязывались верностью⁸².

С этой точки зрения, убедительно аргументированной в литературе, взаимоотношения между императором и войском действительно можно трактовать как связи типа патроната-клиентелы, столь характерные для римского социума в целом на разных этапах его истории. Но при этом необходимо подчеркнуть их военную специфику. Она, на наш взгляд, заключалась в том, что армия, прежде всего войска из граждан, т. е. легионеры и преторианцы, выступала как одна из «договаривающихся сторон», которая, в отличие от столичного плебса, брала на себя весьма серьезные обязательства и сохраняла своего рода гражданское самосознание, а потому и от правителя-патрона могла при необходимости требовать твердого выполнения соответствующих обязательств. В такой системе взаимоотношений воины, оставаясь приверженными единой державы, ощущали себя не подданными монарха, но своеобразными партнерами и опорой императорской власти⁸³.

Учитывая вышеизложенное, при использовании понятия войсковой клиентелы для характеристики социально-политических и морально-психологических отношений между императором и армией необходимо иметь в виду, что связи патроната-клиентелы, хотя и составляли основу этих отношений, отнюдь не исчерпывали всего их комплекса, включавшего и другие аспекты, в том числе военно-правовые и воен-

⁸¹ В целом о донативах: *Fiebiger O.* *Donativum* // RE. Bd. V. 1905. Sp. 1542–1543; *Kloft H.* *Liberalitas principis. Herkunft und Bedeutung. Studien zur Prinzipatsideologie.* Köln, 1970. S. 104–110.

⁸² *Veyne P.* Op. cit. P. 613–617; *Flaig E.* *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation in römischen Reich.* Frankfurt a. M., 1992. S. 165–166.

⁸³ Примечательно в этом плане и, на наш взгляд, очень симптоматично, что в период Ранней империи (до правления Северов) императорский культ в армии, во всяком случае среди легионеров, носил весьма сдержанный характер, далекий от всякого сервиллизма и чрезмерного рвения, которые нередко обнаруживаются в среде провинциального населения. Ср.: *Ле Бок Я.* Указ. соч. С. 379; *Stäcker J.* Op. cit.

но-этические, которые, в свою очередь, в немалой степени определяли специфический характер *Heeresklientel*. И хотя данное понятие как таковое напрямую нигде в источниках не употребляется, оно, на наш взгляд, позволяет более точно, нежели понятие наемной армии, акцентировать специфику того положения, какое занимали вооруженные силы в государственно-политической структуре императорского Рима. Рассмотренный материал, как представляется, показывает, что система взаимоотношений войска с носителем высшей власти в Империи, подобно другим государственно-правовым и социально-политическим структурам Принципата, впитала в себя как древние римские традиции, полисно-республиканские по своему характеру, так и те их «мутации» и новшества, которые появились в период кризиса Республики и, в свой черед подвергшись определенным трансформациям, определили двойственную природу Ранней римской империи.

Глава X

«МЕЖДУ ЗАИСКВИВАНИЕМ И СУРОВОСТЬЮ»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РИМСКОЙ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Наверное, с наибольшей полнотой своеобразие и непреходящее значение римских военных традиций раскрывается в сфере военной дисциплины. По словам известного военного историка, все различия между греческим и римским военным искусством восходят к различию в дисциплине¹. К этому верному замечанию можно добавить, что в понятии дисциплины концентрированно отразились также существенные различия греческой и римской систем ценностей. В этом отношении весьма показательны, что в греческом языке нет термина, адекватного латинскому понятию *disciplina*, включающему в себя целый спектр значений, которые почти полностью приложимы и к военной сфере: обучение, воспитание, искусство, наука, с одной стороны; строгий порядок, организация, подчинение — с другой². То, что римляне называли одним емким словом (заимствованным в указанных смыслах и современными языками), у греков обозначалось многими лексемами³.

Дисциплина как беспрекословное подчинение власти — будь то власть отца семейства (подчинение которой было сферой *disciplina domestica*), власть магистратов или государства в целом — изначально

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. Т. 1. СПб., 1994. С. 213. Ср.: Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 1.

² См.: Шмальфельд. Латинская синонимика / Пер. А. Страхова. М., 1860. С. 87–88; Thesaurus linguae Latinae. Vol. V. Lipsiae, 1908. P. 1316–1326, s. v. Ср.: Fiebigier O. *Disciplina militaris* // RE. Bd. V. 1905. Sp. 1176; Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 125. Мне осталась недоступной диссертация О. Мауха (*Mauch O. Der lateinische Begriff disciplina. Diss. Basel, 1941*).

³ Например: τὸ εὐκοσμον (порядок), εὐπειθεῖα (послушание), εὐταξία (порядок), ἀσκησις (упражнение), κόλασμα, κόλασις (наказание), χαλεπότης (суровость), тактикὴ ἢ λόγος (военная наука). Ср.: Pritchett W. K. The Greek State at War. Vol. 2. Berkeley, e. a., 1974. P. 244–245.

входила в обобщающее понятие римской доблести, *virtus*⁴. Понятие дисциплины также фигурирует в качестве *disciplina civilis*, определявшей поведение сенаторов (SHA. *Nadr.* 22. 1), и как принцип, которым должны были руководствоваться императорские чиновники⁵. Можно указать на красноречивый пассаж Плиния Младшего в «Панегирике Траяну» (9. 5): «Или гражданин мог бы оказать неповиновение принцепсу, легату своему полководцу, сын отцу? Где бы была дисциплина? Где обычай, переданный нам предками, с готовностью и бесстрашием принимать на себя всякую должность, какую бы ни возложил повелитель?» (пер. В. С. Соколова). Значение дисциплины как органической черты римского характера, как основы военных успехов и самой государственности Рима отлично сознавалось самими древними. «Главной гордостью и оплотом римской державы» (*praecipuum decus et stabilimentum Romani imperii*), ее «вернейшим стражем» (*certissima custos*) называет воинскую дисциплину Валерий Максим (II. 7 pr.; VI. 1. 11; ср.: II. 8 pr.). Подобное убеждение высказывалось и многими другими авторами (например: Liv. VIII. 7. 16; Tac. *Hist.* II. 69; Dio Cass. LXIX. 9. 4–5; SHA. *Alex. Sev.* 53. 5–6). В источниках неизменно подчеркивается бесспорное превосходство военных порядков и дисциплины римлян⁶ и отмечается при этом, что военная сила других народов неизмеримо возрастала, если им удавалось перенять элементы римской дисциплины⁷. Такого рода оценки, несомненно, в той или иной степени отражают реальное положение дел, но прежде всего указывают на стереотип общественного сознания, свидетельствующий, что понятие дисциплины является одним из компонентов «римского мифа».

Аксиологический аспект римских представлений о дисциплине с особой наглядностью раскрывается через набор контрастных оппозиций, в которых героической норме и военно-этическим идеалам противопоставляются многочисленные пороки, порождаемые забвением установлений предков. В литературных источниках эти оппозиции имеют характер риторических штампов и общих мест. Отецкая дисциплина (*paterna disciplina, veteris disciplinae decus*) неизменно ассоциируется с такими ключевыми понятиями, как *modestia, constantia, obsequium*,

⁴ *Neumann A.* *Disciplina militaris* // RE. *Suppl.* X. 1965. Sp. 142–143, со ссылкой на: *Calderini A.* *Virtù romana*. Milano, 1936 и на *Mauch O.* *Op. cit.* Ср. также: *Cizek E.* *Mentalité et institutions politiques romaines*. P., 1990. P. 43.

⁵ См., например, ответ императора Коммода колонам Бурунитанского салтыуса (CIL VIII 10570). На эту надпись в данном контексте обратил внимание Э. Бёрли (*Birley E.* *The Religion of the Roman Army* // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1515. Not. 40).

⁶ См.: *Polyb.* I. 17. 11; 6. 39. 1 sqq.; *Cic.* *Tusc. disp.* I. 1. 2; *Ios.* B. *Iud.* II. 20. 7; III. 10. 2; V. 3. 4; *Ael. Arist.* *Pan. Rom.* (Or. 26 Keil). 87; *Veget.* I. 1; *Herod.* VI. 3. 7.

⁷ *Caes.* B. *Gall.* I. 40. 5; *Vell. Pat.* II. 109. 1; 110. 5; *Tac.* *Germ.* 30; *Sen.* *De ira.* I. 11. 4. Ср.: *Neumann A.* *Op. cit.* Sp. 176–177.

exercitatio, labor, honos и т. д., и не мыслится без эпитета *severa*. Именно *severitas* выступает как важнейшая грань дисциплины предков⁸, как героическая норма, вызывавшая удивление у неримских авторов (например: Polyb. VI. 37. 6; Ios. B. Iud. III. 5. 7) и чувство подчеркнутой гордости у самих римлян. Непреклонной дисциплинарной суровости противопоставляется иной модус отношения военачальника к подчиненным, характеризующийся терминами *ambitio*, *largitio*, *indulgentia* (заискивание, снисходительность). При этом если в повествованиях о славном прошлом Рима *severitas* и *ambitio* вполне однозначно разводятся по разным полюсам, без какого бы то ни было промежуточного состояния⁹, то у авторов, писавших о событиях конца Республики и периода Империи, начинает все настойчивее звучать иной мотив: подчеркивается необходимость и практическая действенность баланса между этими двумя полюсами¹⁰. Так, Саллюстий, характеризуя дисциплинарные меры Метелла во время Югуртинской войны (B. Iug. 45. 1), пишет, что этому полководцу удалось найти разумную середину между заискиванием и суровостью (*inter ambitionem saevitiamque moderatum*)¹¹. Сочетание строгости и снисходительности вполне целенаправленно и успешно практиковал в отношениях с войском Юлий Цезарь¹². По словам Веллея Патеркула (II. 81. 1), Октавиан один из мятежей в своих войсках подавил отчасти суровостью, отчасти щедростью, а Тиберий, командуя войсками, «тех, кто не соблюдал дисциплину, прощал, лишь бы это не становилось вредным примером, карал же очень редко и придерживался середины» (II. 114. 3; пер. А. И. Немировского). В трактате Онасандра (II. 2) полководцу прямо рекомендуется соблюдать баланс между снисходительностью и устрашением (эта рекомендация заимствуется и развивается в

⁸ Дисциплина и суровость иногда становятся даже синонимами. Ср., например: *mo-riendum est. Debetur hoc sane disciplina militaris, debetur castrorum severitati* (*Ps.-Quint. Decl. minor. 315*). Ср.: B. Alex. 48. 3; 65. 1.

⁹ См., например: *Liv. XLV. 37. 12*: «...уступчивость полководцев оборачивалась поражениями, а суровость — победами...» (*quae ambitione imperatorum clades acceptae sint, quae severitate imperii victoriae paratae...*). Ср. также: *XLV. 37. 2*. Напротив, попытка полководца совместить в отношениях с войском снисходительность и суровость с явным осуждением квалифицируется Ливием как обычай чужеземных царей (XXIX. 19. 4). По мнению римлян, заискивание и лезть полководца по душе только морально испорченным солдатам (*Plut. Aem. Paul. 31*).

¹⁰ Ср.: *Combès R. Imperator* (*Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine*). P., 1966. P. 253 suiv. На необходимость соблюдать равновесие между заискиванием и суровостью обращается внимание и в сфере политической деятельности (*Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république*. P., 1963. P. 288–289, 293).

¹¹ Валерий Максим (II. 7. 10) и Фронтин (Strat. IV. 1. 2), однако, несколько иначе оценивают шаги Метелла.

¹² *Suet. Div. Iul. 65*: *militem... tractabatque pari severitate atque indulgentia*; ср.: *ibid. 67; Polyae. VIII. 23. 21; Dio Cass. XLV. 54. 1*.

ранневизантийское время в трактате Маврикия — Maur. Strat. Prooem.; VIII. 1. 3; 2. 35; 2. 96). Сенека (De ira. II. 10. 5) отмечает, что строгость императора может проявляться по отношению к отдельным воинам, но, если провинилось все войско, необходимо проявить снисхождение. Тацит в рассказе о мятеже германских легионов передает соображения военачальников следующей выразительной сентенцией: во всем уступить воинам или ни в чем им не уступать — одинаково опасно для государства¹³. Тот же Тацит видит достоинство Агриколы в том, что он, прощая небольшие проступки, строго карал за существенные, но чаще довольствовался раскаянием провинившегося (Agr. 19. 3). Дион Кассий удостаивает Марка Аврелия похвалы за то, что он умел обходиться с войском без заискивания (κολακεία) и без устрашения (φόβος) (72. 3. 4). Напротив, отсутствие должного равновесия между этими двумя подходами приводит в критических ситуациях к чередованию мятежей и казней, вспышек ярости и смирения (Tac. Hist. IV. 27. 4).

По-видимому, такого рода мнения не случайны. Превращение гражданского ополчения в постоянную армию, пополняемую преимущественно добровольцами, создало ситуацию, когда любые попытки практиковать исконную строгость дисциплины и слепое повиновение грозили катастрофическими последствиями для рекрутирования¹⁴, а также для отношений между рядовыми и командирами (см., например: Tac. Ann. I. 20; 23; 32; 44; Hist. III. 27). В действительности еще и в раннем Риме дисциплина легионов, как показал В. Мессер, часто была далека от того рисуемого традицией идеала, который нередко некритически воспринимался учеными Нового времени¹⁵. Не лишена оснований и мысль о том, что суровость наказаний в ранней римской армии позволяет говорить скорее о слабости дисциплины, нежели о ее крепости¹⁶. Если в Ранней республике дисциплина зиждилась прежде всего на сакральных основах, страхе воинов перед карой богов за нарушение священных клятв и

¹³ Tac. Ann. I. 36. 2: *periculosa severitas, flagitiosa largitio: seu nihil militi sive omnia concedentur, in incipiti res publica*. Ср. отзыв Тацита о речи Отона к преторианцам (Hist. I. 85): она была рассчитана «на то, чтобы пристыдить их и одновременно им польстить, покарать виновных и, однако, сделать это в мягкой форме... Этой речью он сумел хотя бы на время заставить солдат соблюдать дисциплину и подчиняться приказам» (пер. Г. С. Кнабе). Отметим также другое любопытное свидетельство Тацита (Hist. I. 82): во время волнений преторианцев при Отоне два префекта как бы разделили между собой функции — один обращался к солдатам с увещеваниями, другой с угрозами, но оба при этом обещали щедрые выплаты.

¹⁴ Watson G. R. *The Roman Soldier*. N. Y.; Ithaca, 1969. P. 118.

¹⁵ Messer W. St. *Mutiny in the Roman Army* // CPh. 1920. Vol. 15. P. 158–175.

¹⁶ Токмаков В. Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 141, 144 сл.; *он же*. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 44, 49.

табу, а в конечном счете на неразрывном единстве интересов войска и гражданской общины в целом¹⁷, то в позднереспубликанской и императорской армии потребовались новые подходы к обеспечению дисциплины, сущность которых, на наш взгляд, точнее выражена в приведенных выше оценках античных историков, нежели в суждении современного автора, считающего, что солдат императорской армии нельзя было ни обучать, ни вести в бой иначе как посредством отупляющей муштры и «вдалбливания» заранее регламентированного поведения¹⁸.

Очевидно, что в системе дисциплинарных мер, включавшей разнообразные организационные, правовые, политические и социально-экономические инструменты, далеко не последнее место принадлежало методам морально-психологического воздействия на войско, тем традициям, которые целенаправленно культивировались в императорской армии и имплицитно несли в себе установки и «архетипы» римского воинского этоса¹⁹. Именно здесь, вероятно, следует искать ответ на вопрос о том, какие конкретные факторы обеспечения дисциплины действовали «между заискиванием и суровостью» (или наряду с ними). С этой точки зрения мы и рассмотрим данную оппозицию, обратившись сначала к литературным топосам, характеризующим ее различные аспекты. Разумеется, такой анализ не может дать разностороннего и объективного представления о состоянии дисциплины в императорской армии, но способен, как кажется, пролить некоторый свет на такую центральную для античной истории проблему, как соотношение аксиологических установок, порожденных полисным строем, и эмпирической реальности²⁰.

Обратим сначала внимание на содержательную, позитивно-ценностную сторону представлений о суровости римской дисциплины. Эта суровость еще в древности стала легендарной, прежде всего в связи с практиковавшейся римлянами беспощадностью наказаний. Не касаясь подробно этой достаточно хорошо известной черты римской военной организации, отметим, что дисциплинарная суровость не сводилась только к устрашению и в идеале была рассчитана на то, чтобы вселить мужество в воинов (Vell. Pat. II. 5. 2–3; Tac. Ann. III. 21. 1–2; XI. 19. 1; XIII. 35. 4). При этом воинское повиновение рассматривалось как

¹⁷ Токмаков В. Н. Воинская присяга... С. 139.

¹⁸ Евсеенко Т. П. Военная реформа Октавиана Августа (политико-правовой аспект). Свердловск, 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 25704. С. 7; он же. Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001. С. 57–58.

¹⁹ Ср.: Barzanó A. «Libenter cupit commori qui sine dubio scit se esse moriturum»: la morte per la patria in Roma repubblicana // «Dulce et decorum est pro patria mori». La morte in combattimento nell' antichità / A cura di M. Sordi. Milano, 1990. P. 160–170.

²⁰ Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 174, 390.

противоположность повиновению рабскому (SHA. Aurel. 7. 8: alter alteri quasi miles, nemo quasi servus obsequatur). Неумолимая суровость в представлении римлян не была тождественна безрассудной твердости и жестокости как таковой (rigor, crudelitas) (Sen. De ira. I. 18. 3 sqq.; Liv. IV. 50. 4; XXII. 60. 5; Tac. Ann. I. 44. 5). Под последней, по-видимому, понималось неоправданное превышение дисциплинарной власти, не связанное с давлением необходимости (App. B. C. III. 53) либо граничившее с издевательством (Tac. Ann. I. 23). Сама установка на суровость, хотя и делала страх наказания одним из решающих факторов дисциплины²¹, не была самоценной, но преследовала цель добиться беспрекословного повиновения, которое выступает как главная заповедь римской дисциплины, стоящая выше любых обстоятельств и соображений, побед и поражений (Val. Max. II. 7. 15), в том числе и отцовской привязанности к детям, как явствует из легендарного «Манлиева правежа»²². Воля полководца в римской армии была столь непререкаемой, что самовольное действие, даже успешное, считалось таким же нарушением дисциплины, как и невыполнение приказа. По словам Саллюстия (Cat. 9. 4), «тех, кто вопреки приказу вступил в бой с врагами и, несмотря на приказ об отходе, задержался на поле битвы, карали чаще, чем тех, кто осмелился покинуть знамена и... вынужден был отступить»²³. Такое отношение к приказу трактовалось как основа основ военной организации и самого государства²⁴ и осуществлялось на деле не только в древние времена, но и в период Империи, а также было закреплено военным правом, согласно которому смертью каралось и невыполнение приказа, и действие, запрещенное полководцем, даже если оно было успешным (Dig. 49. 16. 3. 15)²⁵. В этом наглядно проявляется столь характерное для римлян сочетание аксиологических и правовых моментов.

Не менее характерно для римской концепции дисциплины тесное переплетение ценностных и сакральных представлений. Воинская дис-

²¹ Marni y Peña M. Instituciones militares romanas. Madrid, 1956. P. 232.

²² Возможно, именно его имел в виду юрист Юлий Павел, отмечая, что у древних римлян воинская дисциплина стояла выше любви к детям (Dig. 49. 15. 19. 7). О «Манлиевом правеже» см.: Val. Max. II. 7. 6; IX. 3. 4; Liv. VIII. 7; Flor. I. 14; Cic. De off. III. 112; De fin. I. 23; Sall. Cat. 52; Dion. Hal. Ant. Rom. VIII. 79; Front. Strat. IV. 1. 40; Gell. IX. 13; Oros. III. 9. Ср.: Polyae. VIII. 13.

²³ Ср. действия Домиция Корбулона, который, приняв командование в Германии, восстановил старинный порядок (veterem ad morem reduxit), запретив покидать строй и вступать в бой без приказа (Tac. Ann. XI. 18).

²⁴ Liv. VIII. 7. 16; 34. 7–8; XLIV. 34. 2 sqq.; Tac. Hist. I. 83. 3; 84. 2; Flor. I. 14. 2; Epictet. Diatr. III. 24. 34; Clem. Rom. Ad Corinth. 37.

²⁵ Совсем иное отношение к власти полководца характерно для греков (за исключением спартанцев): греческие воины могли кичиться своим противлением начальникам, считая повиновение унижительным (Xen. Oecon. 21. 4), и даже давать советы командующему на поле боя (Plut. Phoc. 25). Ср.: Pritchett W. K. Op. cit. P. 243.

циплина изначально рассматривалась как особый модус поведения, устанавливаемый и санкционируемый богами. Видимо, не случайно у Тацита в изложении речи Блеза к мятежным солдатам употреблено словосочетание *fas disciplinae* (Ann. I. 19. 3). Здесь, как и в выражении Ливия *sacrata militia* (VIII. 34. 10), по мнению Вандран-Вуайе, отражено древнее представление о войске как особой сакрализованной группе, резко отделенной от других структур общины и подчиненной специфическим нормам, отличным от *ius*. *Fas disciplinae* — это все то, что предписывается богами при посредстве военного предводителя, это и сам военный порядок, и дисциплина в современном смысле слова²⁶. Сакральное начало в понимании военной миссии было исходным пунктом для последующей разработки военно-правовых институтов и накладывало существенный отпечаток на трактовку воинского долга, в небольшой степени обуславливая суровость наказаний за отступление от его предписаний. Повиновение полководцу как важнейшее требование дисциплины закреплялось воинской присягой, получая соответствующую сакральную санкцию²⁷. На связь дисциплины с сакральными представлениями указывают и некоторые пассажи Ливия, где *disciplina militaris* упоминается в одном ряду с волей богов и обычаями предков (VIII. 32. 7; XXVIII. 27. 12). О том, что такого рода представления не были только риторической абстракцией, может, наверное, свидетельствовать известный эпизод мятежа легионов в Паннонии, когда затмение луны солдаты восприняли как знак гнева богов на свое мятежное поведение, что и стало фактором перелома в их настроениях (Tac. Ann. I. 28; 30; Dio Cass. LVII. 4. 4). В данном контексте уместно обратить внимание также на появление при Адриане культа Воинской Дисциплины как обожествленной абстракции. Этот культ засвидетельствован нумизматическими и эпиграфическими памятниками, датируемыми временем вплоть до правления Галлиена²⁸. В лагерях Дисциплины воздвигались алтари, де-

²⁶ *Vendrand-Voyer J. Normes civiles et metier militaire a Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 55 suiv.* Ср.: *Токмаков В. Н. Воинская присяга... С. 128–132; Он же. Сакральные аспекты... С. 48 сл.*

²⁷ *Brand C. E. Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 96–97; Токмаков В. Н. Сакральные аспекты... С. 57–58.* Ср. Pan. Lat. IX. 24 (Baerens): римского солдата *ordinat disciplina et sacramenti religio confirmat* («украшает дисциплина и укрепляет святость присяги»).

²⁸ Подробно об этом культе см.: *Domaszewski A., von. Die Religion des romischen Heeres. Trier, 1895. S. 44–45; Richmond I. A. Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples and Religious Cults // Archaeologia Aeliana. 4-th ser. 1943. Vol. 21. P. 166 ff.; Ankersdorfer H. Studien zur Religion des romischen Heeres von Augustus bis Diokletian: Diss. Konstanz, 1973. S. 136–139; Berley E. Op. cit. P. 1513–1515; Ziolkowski M. Epigraphical and Numismatic Evidence of *Disciplina* // Acta antiqua. 1990–1992. 33. Fasc. 1–4. P. 347–350; *idem*. Il culto della disciplina // Rivista della storia antica. 1990. T. 20. P. 97–107; *Horsmann G. Untersuchungen zur militärischen Ausbildung im republikanischen und kaiserzeitlichen Rom.**

лались посвящения от имени воинских частей. Хотя данный культ скорее всего был введен «сверху», сам факт его бытования примечателен с точки зрения пропагандируемых в армии ценностей.

Следует сказать, далее, о том, что строгость римских военных порядков делала принципиально нежелательным явлением присутствие в военном лагере женщин²⁹ и тем более их вмешательство в военные дела (Tac. Ann. I. 69. 4; II. 55. 6; III. 33. 2; Dio Cass. LIX. 18. 4). Примечательно, что Исидор Севильский само слово *castra* связывает с воздержанием от чувственных желаний и запретом женщинам входить в лагерь³⁰. Светоний, отмечая стремление Августа поддерживать в войсках строгую дисциплину, в первую очередь указывает на то, что он даже своим легатам позволял свидания с женами только зимой, да и то очень неохотно (Aug. 24. 1). На основе свидетельства Тацита (Ann. III. 33. 2) можно заключить, что для высших офицеров некогда существовал специальный запрет брать жен к месту службы³¹. Не могли они и сочетаться законным браком с женщинами из той провинции, где несли службу³². Вероятно, в русле той же традиции и в силу консерватизма военных порядков Август и его преемники до Септимия Севера сохраняли официальный запрет на браки солдат (см.: Dio Cass. LX. 24. 3)³³. Исконное убеждение в несовместимости военной службы с пребыванием в войске женщин было достаточно живучим, несмотря на то что существование не признанных законом солдатских семей — реальный факт уже для эпохи Юлиев—Клавдиев³⁴, а супруги некоторых военных

Vopard a. Rhein, 1991. S. 102 ff.; *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 252 сл.

²⁹ Как замечает Сервий по поводу союза Марка Антония и Клеопатры: ...mulier castra sequebatur, quod ingenti turpitudine apud maiores fuit (Serv. Ad Aen. VIII. 688).

³⁰ *Isid. Etym.* IX. 3. 44: Dicta autem castra quasi casta, eo quod illic castaretur libido. Nam nunquam iis intererat mulier.

³¹ См.: *Marshall A. J.* Tacitus and the Govenor's Lady. A Note on Annals 3. 33–34 // G. & R. 1975. Vol. XXII. P. 11–18.

³² *Id.* Vol. 23. 2. 63: «(Если) префект когорты или всадников или трибун вопреки запрету женился на женщине из той провинции, где он нес службу, то законного брака не возникает, так как (положение этой женщины) сравнимо с положением сироты, а отношения господства запрещают брак». Стоит, однако, отметить, что такого рода запрет распространялся на всех римских должностных лиц, наделенных властью в провинции. См.: *Raepsaet-Charlier M.-Th.* Epouses et familles de magistrats dans les provinces romaines aux deux premiers siecles de l'empire // *Historia.* 1982. Bd. 31. Hf. 1. P. 56–69.

³³ *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 110–119; *Campbell B.* The Marriage of Soldier under the Empire // *JRS.* 1978. Vol. 68. P. 165. О брачном праве солдат подробнее см.: *Jung J. H.* Das Eherecht der romischen Soldaten // *ANRW.* Bd. II. 14. 1982. S. 302–346.

³⁴ *Колобов А. В.* Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях—Клавдиях // *Вестник МГУ.* Сер. 8. История. 1990. № 3. С. 54–63; *Phang S. E.* The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.). Culture, Law and Practice // *Journal of Family History.* 2002. Vol. 27. N 4. P. 352–375; *eadem.* The mar-

начальников открыто глумились над всеми традициями и приличиями³⁵. Либаний (Or. II. 39–40) с горечью констатирует, что в его время, в отличие от старинных порядков, солдаты обременены семьями и это ведет к ослаблению дисциплины и боеспособности.

Таким образом, поступление на военную службу действительно означало разрыв с частной жизнью и начало нового существования (Artem. Oneirocr. II. 31): римлянин из сферы действия *ius civile* переходил в сферу, где царили суровые нормы воинской дисциплины (в том числе *fas disciplinae*), и обрекал себя на многочисленные опасности в период войны, лишения и тяготы, связанные с постоянными трудами и в мирное, и в военное время. К таким трудам относились в первую очередь каждодневные военные упражнения и учения (*exercitationes*)³⁶, которыми молодые воины должны были заниматься дважды в день, а ветераны — один раз (Veget. I. 23; ср.: Sil. Ital. Pun. VIII.548–560; Cod. Iust. XII. 36. 15). Воинская дисциплина, при всех прочих своих характеристиках, всегда понималась римлянами как особая наука, основанная на твердых правилах³⁷, в частности правилах отбора и обучения новобранцев (Veget. I. 1; 13)³⁸. Значение тщательной выучки войск, естественно, возросло с созданием регулярной армии, боеспособность которой основывалась прежде всего на профессиональном отношении к военному делу во всех его аспектах³⁹. В источниках неизменным рефреном — в качестве похвальной констатации или в виде назидательной рекомендации — звучит мысль о необходимости и благодетельности постоянного упражнения воинов как для укрепления дисциплины и духа армии, так и для достижения победы и процветания государства в целом⁴⁰. Стоит отметить, что строевой плац (*campus*) имел своего Геня (ILAlg.

riage of Roman Soldiers, 13 BC — AD 337: Law and Family in the Imperial Army. Leiden, etc., 2001. См. также: Welles C. M. Celibate Soldiers: Augustus and the Army // AJAH. 1998. Vol. 14. N 2. P. 180–190.

³⁵ Так, жена Кальвизия Сабина, наместника Паннонии при Калигуле, дошла до того, что занималась любовью прямо на главной площади лагеря (*Tac. Hist. I. 48. 2; Plut. Galba. 12*; ср. также: *Dio Cass. LIX. 18. 4*).

³⁶ Этимологическая связь понятий *exercitatio* (*exercitium*) и *exercitus* специально подчеркивается римскими авторами (*Cic. Tusc. disp. II. 16. 37; Veget. II. 1; Varro. LL. V. 87*).

³⁷ *Liv. IX. 17. 10*: ...disciplina militaris iam inde ab initiis urbis tradita per manus in artis perpetuis praescriptis ordinatae modum venerat.

³⁸ Подробнее об этом см.: Neumann A. Römische Rekrutenausbildung im Lichte der Disziplin // CPh. 1948. Vol. 43. S. 157–173.

³⁹ Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. Bd. 74. S. 206 f. Подробно о системе обучения воинов и ее связи с дисциплиной см.: Horsmann G. Op. cit. S. 102–108; 187–202.

⁴⁰ *Onasand. IX. 2; X; Ios. B. Iud. II. 20. 7; III. 5. 1; 10. 2; Tac. Ann. XII. 12. 1; Hist. IV. 26. 3; Ael. Arist. Pan. Rom. Or. 26. 71; 73; 87. Keil; Dio Cass. LII. 27. 2; Veget. I. 4; 13; II. 24; III. 4*.

I. 3596) и, видимо, находился под покровительством особых божеств — *dii campestres* (например: CIL VIII 2635, 10760; ср.: CIL III 5910 = ILS, 4830; CIL VI 31149 = ILS, 4833; VII 1114 = ILS, 4831e)⁴¹. Так, препозит и инструктор по обучению солдат (*campidoctor*) из VII легиона Близнаца в 182 г. сделал посвящение *Marti Campestri* (CIL II 4083 = ILS, 2416; ср.: CIL II 1515), а *campidoctor* преторианской когорты исполнил обет Священной Немезиде *Campestris* (CIL VI 533 = ILS, 2088).

Постоянные учения и упражнения с оружием, как известно, считались отличительной чертой также спартанского войска и самого образа жизни лакедемонян. Однако в представлении римлян военная служба была связана не только с напряженным повседневным трудом на учебном плацу, но и с непрерывной изнурительной работой как таковой — и в походе, и в мирное время, — с тем, что Тацит (*Ann. I. 35. 1*) называет *duritia operum* (ср.: *Hist. II. 80. 3: Germanica hiberna... laboribus dura*). Римский воин едва ли не в первую очередь труженик, *mulus Marianus* (*Fest. 134 L; Paul. Fest. 22 L; Front. Strat. IV. 1. 7; Plut. Mar. 13; Ios. B. Iud. III. 5. 5*). Пожалуй, только в римской среде мог появиться афоризм, приписываемый Домицию Корбулону: «врага надлежит побеждать лопатой» (*Front. Strat. IV. 7. 2*)⁴². Цицерон, противопоставляя римскую военную службу спартанской, подчеркивал, что у римлян от воинов требуется прежде всего труд (*Tusc. disp. II. 16. 37*). Псевдо-Гигин (*De milit. cast. 49*) советует даже в дружеской стране отрывать вокруг лагеря ров — «ради блага дисциплины» (*causa disciplinae*). В известном экскурсе, посвященном сопоставлению македонского и римского войск, Ливий высказывает убеждение, что с римским легионером никто не может сравниться в усердии (*in opere*) и перенесении трудов (*tolerandum laborem*) (*IX. 19. 9*). Сама воинская доблесть, с точки зрения римлян, неотделима от труда. По словам Камилла у Ливия (*V. 27. 8*), источник римских побед — доблесть, труд, оружие (*virtus, opus, arma*). Цицерон утверждал (*De invent. I. 163*), что храбрость (*fortitudo*) состоит не только в обдуманном расчете и прочих качествах, но и в перенесении трудов (*laborum perpessio*) (ср.: *Rhet. ad Heren. IV. 25. 35*). В речи Мария у Саллюстия (*B. Iug. 85. 31–35*) в контексте рассуждений о доблести названы такие истинно воинские качества, как умение поражать врага, нести караульную службу, одинаково переносить холод, зной, голод и труды. Цезарь в одном месте (*B. Gall. V. 8. 4*) говорит о доблести солдат, отличившихся усердной греблей при переправе в Британию, а в другом

⁴¹ *Le Bohec Y. Op. cit. P. 124–125.*

⁴² Равным образом в римской армии едва ли был возможен эпизод, подобный тому, что имел место в ходе Пелопоннесской войны в афинском войске под командованием Демосфена, когда только вызванное непогодой бездействие побудило воинов внять наконец советам военачальника и заняться строительством укреплений (*Thuc. IV. 4. 1*).

(B. Gall. VI. 43. 5) отмечает, что солдаты, дабы заслужить его благодарность, брали на себя бесконечные труды и готовы были своим усердием одолеть даже природу. Сам Цезарь требовал от своих солдат столько же повиновения и выдержки, сколько доблести и геройства (B. Gall. VII. 52. 4; ср.: Val. Max. III. 2. 23). Непрерывный труд был главным лекарством против разлагающей дисциплину праздности, лучшим средством закалки воинов⁴³. Соответственно наибольшей похвалы удостоивался тот полководец, чье войско было приведено к послушанию трудом и привычкой к упражнению, а не страхом наказания (Veget. III. 4)⁴⁴. Это средство приобрело особое значение в период Империи, когда войска подолгу не участвовали в боевых действиях, так что командирам приходилось изыскивать для солдат разнообразные строительные и хозяйственные занятия (Tac. Ann. I. 20. 1; XI. 20. 3)⁴⁵. При изнурительности такого рода трудов даже боевые действия могли восприниматься воинами как облегчение (Front. Strat. I. 11. 20). Не удивительно поэтому, что у римлян суровость военной жизни нередко метонимически выражается словами labor (труд), sudor (пот), sarcina (переносимое воином снаряжение)⁴⁶. В данном контексте уместно вспомнить, что атлетика как таковая не входила у римлян в сферу военной подготовки, а атлетическая агонистика традиционно вызывала отрицательное отношение, так как считалось, что она мешает должным образом совершенствоваться в военном деле (см.: Cic. De re publ. IV. 4. 4; Tac. Ann. XIV. 20. 4; Lucan. Phars. VII. 270 sqq.; Plut. Quaest. Rom. 40). Иное дело — гладиаторские бои, связанные с такими элементами «римского мифа», как престижность воинской выучки, воля к победе, презрение к боли и смерти⁴⁷.

В приведенных свидетельствах суровость римской дисциплины предстает, таким образом, как нормативный идеал, завещанный предками, и его бескомпромиссное воплощение относится по преимуществу к героическому прошлому Рима. Вместе с тем консерватизм римских военных традиций, объективные условия и потребности военной деятельности делали установку на суровость дисциплины неустрашимым фактором жизни армии. Поэтому и в императорском Риме среди римских военачальников находились такие ревнители старинной стро-

⁴³ Liv. XXXIX. 2. 6; Tac. Ann. I. 35. 1; Suet. Galba. 6. 3; Sen. Epist. XVIII. 6; Ios. B. Iud. III. 5. 1; Front. Strat. IV. 1. 15; Tert. Ad Mart. 3; Veget. II. 23.

⁴⁴ Хрестоматийным образцом в этом отношении были, к примеру, действия Сципиона Эмилиана под Нуманцией (Liv. Per. 57; Val. Max. II. 7. 1; Front. Strat. IV. 1. 1; App. Iber. 85; Flor. II. 18. 9; Plut. Apophth. reg. et duc. Scip. min. 16; Vir. ill. 58. 6; Veget. III. 10).

⁴⁵ Le Bohec Y. Op. cit. P. 234–235.

⁴⁶ Carrié J.-M. Op. cit. P. 118 sgg.

⁴⁷ Лянустина Е. В. Гладиаторские бои в Риме: жертвоприношение или состязание? // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 160 сл.

гости (*gravissimi comparandi antiquis exempli auctores*, если воспользоваться выражением Веллея Патеркула в II. 78. 3), как Луций Апроний, проконсул Африки в правление Тиберия, применивший во время войны с Такфаринатом, казалось бы, давно забытую децимацию (Тас. *Ann.* III. 21. 1), Гальба, прославившийся своей непреклонной строгостью к воинам (Suet. *Galba.* 6. 2–3; Тас. *Hist.* I. 5. 2; 35. 2), Домиций Корбулон (Тас. *Ann.* XI. 18; XIII. 35) и другие⁴⁸. Безусловно, подобные примеры потому обращали на себя внимание современников и историков, что были сравнительно редки⁴⁹; верно и то, что писатели императорского времени, имевшие все основания опасаться солдатского своеволия, зачастую склонны были успокаивать себя, представляя жизнь в армии более спартанской, чем та была на деле⁵⁰. Однако «имидж» непреклонно строгого полководца был настолько привлекателен и значим, что показать себя суровым военачальником стремились даже столь далекие от древних нравов императоры, как Калигула (Suet. *Cal.* 44. 1) и Отон (Тас. *Hist.* II. 114). О сознательно демонстративном характере такого рода ориентации на *mos maiorum* может свидетельствовать замечание Тацита о том, что Г. Кассий Лонгин, будучи в 45 г. наместником Сирии, восстанавливал во вверенных ему войсках старинные порядки (*revocare ad priscum morem*), тщательно упражняя легионы, поскольку этого, по его мнению, требовало достоинство его предков и рода (Тас. *Ann.* XII. 12. 1).

Безусловно, римская дисциплина поддерживалась и крепилась благодаря строгому соподчинению на всех ступенях служебной иерархии, идеал которого ярко описан у Элия Арстида в его «Панегирике Риму» (Or. 26. 87 Keil): «как бы в каком-то хоре каждый знает и занимает свое место, а к занимающему высший пост другой, занимающий низший, не питает из-за этого зависти и сам требует себе полного подчинения с тех, кои поставлены ниже его» (пер. Ив. Турцевича). Интересно в этом плане свидетельство Иосифа Флавия (В. *Jud.* II. 20. 7). В бытность свою командующим иудейскими силами в Галилее он отказался от попытки обучить воинов по римскому образцу, понимая, что это требует большого времени, и единственное, что он предпринял, чтобы повысить дисциплину, — разделил войско по разрядам и назначил гораздо большее число командиров, так как, по его словам,

⁴⁸ Традиции беспощадной суровости сохранялись и в позднеримские времена. Интересно, что Аммиан, указывая на подобного рода примеры, отмечает, что образцом для военачальников служили древние законы и нравы (*Amm. Marc.* XXIV. 3. 2: *veteres leges*; XXIX. 5. 22: *priscus mos*).

⁴⁹ *Campbell J. B.* The Emperor and the Roman Army. 31 BC — AD 235. Oxf., 1984. P. 306; ср.: *Watson G. R.* Op. cit. P. 119.

⁵⁰ *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 121.

видел, что «привычка к повиновению происходит от множества начальников». У римлян не только было много начальников, имевших дисциплинарную власть⁵¹, но существовал особый, специфически римский офицерский корпус в лице центурионов, на исключительно важную роль которых в обеспечении дисциплины указывал еще Г. Дельбрюк⁵². Следует добавить, что строгость римских дисциплинарных порядков распространялась не только на рядовых, но и на командиров, которые, по крайней мере в ранний период, независимо от ранга подлежали тем же телесным и позорящим наказаниям, что и простые воины (примеры см., в частности, у Фронтин — *Strat. IV. 1. 28; 30; 31; 36; 38–40; ср.: Val. Max. II. 7. 4*)⁵³.

Поддержание должной дисциплины было прямой обязанностью командующего (*Dig. 49. 16. 2*) и вместе с тем его моральным долгом, важным проявлением его *virtus*. В этом плане очень показательны то внимание, какое на эту сторону деятельности императора обращают наши источники, почти всегда отмечая среди заслуг и достоинств того или иного правителя его успехи в обеспечении дисциплины войск. Так, Светоний (*Aug. 24. 1*) сообщает, что Август поддерживал дисциплину с величайшей суровостью (*severissime*); так же действовал и его преемник (*Suet. Tib. 19*). Отмечает Светоний и строгость Веспасиана (*Vesp. 8. 2–3; ср.: Tac. Hist. II. 82. 3*). Исправителем (*corrector emendatorque*) пришедшей в упадок дисциплины называет Траяна Плиний (*Pan. 6. 2; ср.: 18. 1; Epist. X. 29. 1; Dio Cass. LXVIII. 7. 5*). Аналогичной характеристики удостоивается Адриан (*Dio Cass. LXIX. 5. 2 и 9. 1 sqq.; SHA. Hadr. 10. 3; Eutrop. VIII. 7. 2*). Септимий Север в одной надписи назван *vindex et conditor Romanae disciplinae* (*CIL VIII 17870 = ILS, 446*). Песценний Нигер и Александр Север превозносятся за свою исключительную строгость к воинам (*SHA. Pesc. Nig. 10. 1 sqq.; Alex. Sev. 12. 4–5; 25. 2; 53. 1 sqq.; 54. 5; ср.: Eutrop. VIII. 23; Aur. Vict. Caes. 24. 3–4*). Клавдий II, по словам панегириста, «впервые вновь укрепил совершенно подорванную дисциплину» (*Pan. Lat. VI. 201 Bahrens*). Восстановителем воинской дисциплины (*reparator*) именуется в одной надписи император Деций (*CIL*

⁵¹ Ею располагали командиры разных рангов — от принципалов (*Dig. 49. 16. 13. 4*) и центурионов (*Veget. II. 8*) до военных трибунов и префектов (*Dig. 49. 16. 12. 2; Paul. Sent. V. 26. 2; Veget. II. 9–10*). О роли военных трибунов и префектов в обеспечении дисциплины см.: *Devijver H. Die Aufgabe eines Offiziers im Römischen Heer, Kommentar zu Aemilius Macer, Dig. XLIX, XVI, 12, 2 // Idem. The Equestrian Officers of the Roman Imperial Army. I. Amsterdam, 1989 (Mavors VI). S. 1 ff.*

⁵² Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 312 сл. См. также: *Dobson B. The Significance of Centurion and "Primipilaris" in the Roman Army and Administration // ANRW. Bd. II. 1. B.; N. Y., 1974. P. 432 f.; idem. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges. Köln; Bonn, 1978. S. 128 ff.*

⁵³ Ср.: *Nicolet Cl. Le métier de citoyen dans la Rome républicaine. P., 1976. P. 149.*

III 12351 = ILS, 8922). О беспощадной суровости Аврелиана в его биографии сообщаются полуполюгендарные сведения (SHA. Avrel. 6. 1–2; 7. 3–4); Евтропий же называет его *disciplinae militaris corrector* (IX. 14). С исключительной суровостью карал провинившихся воинов и император Юлиан (Amm. Marc. XXIV. 3. 1 sqq.; Liban. Or. XVIII. 229–230). Также и Лициниан строжайше придерживался старинной дисциплины ([Aug. Vict.] Epit. de Caes. 41. 9).

Отдавая себе отчет в пропагандистском характере и литературности многих из приведенных свидетельств, можно констатировать, что представления о воинской дисциплине, неотделимой от суровости вождя, образуют аксиологически значимую модель, на которую так или иначе ориентировались и сами императоры, и общественное мнение, оценивавшее их достоинства. В то же время эти свидетельства определенно указывают на периодическое обострение (особенно в кризисном III в.) проблем, связанных с дисциплиной войск. При этом в описании античными авторами данных проблем также обнаруживается обильное использование риторических клише и общих мест, концептуальной основой которых в конечном счете является теория «упадка нравов». Комплекс понятий, характеризующих отступление от суровой дисциплины предков, выражает общественно опасную альтернативу высокому героизму рассмотренных выше норм и традиций.

По общему убеждению античных писателей, наиболее губительно влияла на дисциплину праздность (*otium, res disciplinae inimicissima* — Vell. Pat. II. 78. 2), подрывавшая физическое и моральное состояние войск⁵⁴. В полном соответствии с концепцией «упадка нравов» считалось, что праздность порождает в воинах всевозможные пороки, несовместимые с истинной доблестью: любовь к роскоши и наслаждениям, дерзость, своеволие, необузданность, которые часто становились питательной средой для мятежей и вместе с тем с особой силой проявлялись во время гражданских войн, когда ослаблялась неумолимая строгость дисциплины⁵⁵. По словам Тацита (Hist. III. 11. 2), на смену состязанию в доблести и послушании приходило состязание в дерзости и своеволии (*procacitatis et petulantiae certamen*). Однако подобные пороки не только удостаивались морального осуждения, противопоставляясь подлинной храбрости и дисциплине (Caes. B. Gall. VII. 52; Tac. Hist. II. 62; 68; Plin.

⁵⁴ См.: Polyb. I. 66. 10; XI. 25. 6–7; Liv. XXIII. 45. 2 sqq.; XXVIII. 24. 6; Tac. Agr. 16. 3; Hist. I. 46; II. 93; 2.99; Gell. XIX. 10; Plut. Otho. 5. Традиционная римская система ценностей, кстати, вообще исключала высокую оценку *otium*'а (Межеруцкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности. М., 1988. С. 42–43).

⁵⁵ См.: App. Lib. 115; 117; B. C. V. 17; Sall. B. Jug. 44. 5; Cat. 11. 5 sqq.; Val. Max. IX. 7. 3; Tac. Ann. I. 16; II. 55; Hist. I. 51; II. 29; 68–69; III. 7; Plut. Lucul. 30; Galba. 1; Herod. II. 5. 1. Подробнее см.: Jal P. Le «soldat des guerres civiles» à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire // Pallas. 1962 (1964). T. XI. N 2. P. 7–27 (особенно p. 15 suiv).

Ран. 18. 1), но и трактовались военным правом как воинские преступления в одном ряду с покушением на жизнь командира⁵⁶.

Античные авторы не жалеют красок, изображая nepотpeбнyю pocкoшь и вoльгoтнyю жизнь вoинoв, зaбывшиx o cвoeм дoлгe. В числe aтpибyтoв этoй pocкoши фигypиpyют, к пpимepy, ocoбe пoмeщeния для пирoв, кpытыe гaлepeи и сaды, мeккe лoжa и чaши, вeсившиe бoльшe мeчeй (SHA. Hadr. 10. 4; Amm. Marc. XXII. 4. 6; Plut. Apoph. reg. et duc. Scip. min. 16). Bыpaзитeльнeйшyю кapтинy пoдoбнoй жизни в вoeннoм лaгepe дaeт вымышлeннoe письмo Сeптимиa Сeвepa нaмeстникy Гaллии Paгoнию Цeльcy: «... вoины твoи бpoдeжничaют, тpибунy cpeди днe мoютcя, вмecтo cтoлoвoк y них — тpaктиpы, вмecтo cпaлeн — блудилищa; плeшyт, пьют и мepoй для пирoв нaзывaют пить бeз мepы. Bозмoжнo былo бы тaкoe, eсли бы xоть нeмнoгo билcя пyльc oтeчecкoй дисциплины?» (SHA. Pes. Nig. 3. 10–11; пep. С. П. Кoндpaтeвa)⁵⁷. Пaльмa пepвeнcтвa в этoм oтнoшeнии пpинaдлeжaлa вoинaм, cлужившим в Сиpии, кoтopые нa пpoтяжeнии cтoлeтий считaлись этaлoнoм pacпyщeннoй жизни. Пopoчнe oснoвы ee зaлoжил eщe Гнeй Пизoн вo вpeмя cвoeгo нaмeстничeствa в 17 г. н. э. (Tac. Ann. II. 55; SC de Sp. Pisone Patre, 51–56). Cпyстя чeтыpe дeсятилeтия Кoрбулoн бopолcя c нeпpигoднoстью здeшних cолдaт (*adversus ignaviam militum*), кoтopые нaстoлькo oблeнились oт дoлгoгo мирa, чтo нe были pедкoстью вeтepaны, ни paзy нe пoбывaвшиe в бoeвoм oхpaнeнии или нoчнoм кapaулe, cмoтpeвшиe нa лaгepный вaл и poв кaк нa нeчтo дикoвиннoe, нe нaдeвaвшиe ни шлeмoв, ни пaнциpeй, щeгoлeвaтыe и пaдкиe дo нaживы (Tac. Ann. XIII. 35)⁵⁸. Bольшe стa лeт cпyстя пoдoбным жe oбpaзoм xapaктepизoвaл cиpийcких лeгиoнepoв Фpoнтoн. Пo eгo слoвaм, «здeшнии вoины — вoистинy нaипopoчнeйшиe: мeтeжныe и cтpoптивыe, c пoлyднe дo пoлyднe пьянe, oни нe пpивыкли нocить opyжия и чaщe бывaют в coceднeй тaвepнe, чeм пoд знaмeнaми» (Fronto. Princ. hist. 12; Ad Verum. II. 1. 11). Имeннo пpoтив cиpийcких лeгиoнoв, «yтoпaвших в pocкoши и ycвoивших нpaвы Дaфны», пpимeнял жecтoчaйшиe дисциплинapнe мepы Aвидий Кacсий (SHA. Avid. Cass. 5. 2 sqq.). Oднaкo чepeз нecoлькo дeсятилeтий Aлeкcaндp Сeвep зaстaл их вce в тoм жe coстoянии (SHA. Alex. Sev. 53. 2; 7). Tpyднo cкaзaть, в кaкoй мepe вce

⁵⁶ Dig. 49. 16. 6 гл.: «Boинским преступлением является все то, что совершается вопреки требованиям общей дисциплины, а именно проявлением медлительности (*segnitiae crimen*), неподчинения (*contumaciae*), бездеятельности (*desidiae*)».

⁵⁷ Cp.: SHA. Alex. Sev. 53. 7: «Римские воины... занимаются любовью, пьянствуют, моются на греческий манер и предаются роскоши».

⁵⁸ Bозмoжнo, к вoйcкaм в Сиpии oтнoсится зaмeчaниe Плиния Млaдшeгo o coстoянии дисциплины вo вpeмeнa Дoмициaнa: «...y вoждeй нe былo aвтopитeтa, a y cолдaт пoслyшaния; никтo нe кoмaндoвaл, никтo нe пoвинoвaлcя; вce былo paзнуздaннo, cпyтaнo, извpaщeнo...» (Epist. VIII. 14. 7) (пep. A. И. Дoвaтypa).

эти характеристики являются расхожим литературным штампом, а в какой — отражают реальное положение дел (скорее верно первое⁵⁹). Так или иначе, для римских писателей бесспорной истиной было мнение, афористически высказанное Тацитом: «среди местных жителей воин испорченнее» (*inter paganos corruptior miles*) (*Hist. I. 53. 3*; ср.: *Caes. B. civ. III. 110. 2*).

Надо сказать, что античным авторам не чужда мысль о зависимости дисциплины в войсках от социальных и соответственно моральных качеств рекрутов (см., например: *Tac. Ann. I. 31. 4*; *IV. 4. 2*; *Dio Cass. LVII. 5. 4*; *Veget. I. 3*; *7*). Однако главным фактором солдатских пороков и разложения дисциплины все же считалось заискивание и потворство со стороны тех военачальников, которые либо сами отличались моральной негодностью, либо заискивали перед воинами в своих корыстных целях. Первым среди тех, кто стал закрывать глаза на роскошество и своеволие солдат, не без основания называют Суллу (*Sall. Cat. 11. 5–6*; *Plut. Sulla. 12*)⁶⁰. С I в. до н. э. упоминания о подобном образе действий становятся все более частыми и почти всегда⁶¹ сопровождаются негативными оценками (см., например: *B. Alex. 65. 1*; *App. B. C. V. 17*; *Tac. Ann. XI. 2. 1*; *Hist. II. 12*; *Plut. Lucul. 7*). Морализаторская тенденциозность этих оценок совершенно очевидна, например, в словах Геродиана о том, что Септимий Север *первый* (!) поколебал суровый образ жизни воинов, их покорность и уважение к начальникам, готовность к трудам, научив их любить деньги и роскошь (*III. 8. 5*; ср.: *II. 6. 14*)⁶².

Пути и средства заискивания были многообразны. Довольно исчерпывающая, хотя и субъективная, их характеристика дана в рассказе Тацита о наместничестве Гнея Пизона в Сирии. «Щедрыми раздачами, заискиванием, угождая самым последним из рядовых воинов, смещая в то же время старых центурионов и строгих трибунов и назначая на их места своих клиентов и негоднейших людей, терпя праздность в лагере, распушенность в городах, бродяжничество в сельской местности, он довел войско до такой степени разложения, что получил от толпы прозвище “отец легионов”» (*Ann. II. 55. 5*; пер. А. С. Бобовича с отдельными уточнениями. Ср. *SC de Cn. Pisone patre, 51–56*). К перечисленным здесь методам можно добавить и некоторые другие. Так, чтобы снискать расположение воинов, наряду с донативами, могли ис-

⁵⁹ *Wheeler E. L. The Laxity of Syrian Legions // The Roman Army in the East / Ed. D. L. Kennedy. Ann Arbor, 1996. P. 229–276.*

⁶⁰ Ср.: *Dahlheim W. Op. cit. S. 212–213.*

⁶¹ Пожалуй, только солдаты Цезаря могли достойно сражаться и среди благоволий (*Suet. Div. Iul. 67. 1*).

⁶² Никаких определенных данных об ослаблении дисциплины в правление Севера нет (*Campbel J. B. The Emperor... P. 309*).

пользоваться внеочередные повышения по службе (Tac. Hist. III. 44) и различного рода награды, далеко не всегда действительно заслуженные: например, М. Фульвий Нобилиор еще в начале II в. до н. э., стремясь добиться популярности среди солдат, награждал их за усердие, проявленное в возведении инженерных сооружений (Gell. V. 6. 24–26; см. также V. Alex. 48. 3; SHA. Max. duo. 8. 2)⁶³. *Ambitio* (в буквальном значении слова — «обхаживание») выражалась в показной доступности и простоте обращения с воинами, когда военачальник называл их по имени, целовался при встрече, участвовал в их развлечениях (Plut. Ant. 4; 6; Tac. Ann. IV. 2. 2; Hist. I. 23. 1; 53. 1; Suet. Vitel. 7. 3). Однако грань, отделяющая угождение и лесть подчиненным от разумного снисхождения и подлинной заботы о них, достаточно условна⁶⁴. В зависимости от авторского отношения к тому или иному персонажу одни и те же действия могут оцениваться прямо противоположным образом. Там, где речь идет об образцовых героях римской военной истории, таких, например, как диктатор 325 г. до н. э. Папирий Курсор (Liv. VIII. 36. 5 sqq.) или Сципион Старший (Liv. XXVIII. 32. 1), либо о тех, кто является объектом особой симпатии автора, как, например, Тит (Tac. Hist. V. 1. 1; Ios. B. Iud. V. 3. 4–5), Агрикола (Tac. Agr. 19) или Александр Север (SHA. Alex. Sev. 47. 1), — там снисходительность к проступкам воинов оказывается действенным средством обеспечения дисциплины, как и умение «к суровости подмешать ласку» (*severitatem miscendam comitati*) (Liv. VIII. 36. 5).

Итак, рассмотренные свидетельства не только с достаточной наглядностью освещают напряженную оппозицию между идеализируемой суровостью традиционных римских военных порядков и той моральной деградацией, которая порождается отступлением от них, но и определенно указывают на непосредственную зависимость и того и другого

⁶³ Не случайно право награждать знаками отличия с установлением принципата перешло в руки принцепса (*Maxfield V. A. The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981. P. 117*). По мнению Кэмпбелла, это право не могло быть сохранено за отдельными военачальниками именно потому, что они с помощью щедрых наград могли создать особые отношения с войсками, что таило угрозу императорской власти (*Campbell J. B. The Emperor... P. 202*).

⁶⁴ Ср. оценку Светонием (Vitel. 8. 1) и Тацитом (Hist. I. 52) действий Вителлия в качестве легата нижнегерманской армии. Если первый в том, что Вителлий освобождал провинившихся от обвинений и наказаний, видит только попустительство, то второй отмечает, что тот действовал иногда из чувства справедливости, внимательно разобравшись в положении дел. Стоит также отметить, что в императорский период в некоторых положениях римского военного права наблюдается определенная, по выражению Г. Уотсона (op. cit. P. 119), волна гуманизации, которая проявляется, в частности, в известной снисходительности к новобранцам как незнакомым еще с дисциплиной (Dig. 49. 16. 4. 15; ср.: 49. 16. 3. 9 и 14. 1), в предписании Адриана принимать во внимание прежнее поведение солдата при расследовании вопроса о дезертирстве (Dig. 49. 16. 5 pr.; 49. 16. 5. 6).

состояния войск от личных качеств и способностей принцепса и его военачальников. Превалирование в суждениях античных писателей морализаторских оценок не умаляет истинности того факта, что для полководцев конца Республики и правителей Империи первостепенная по значимости проблема заключалась в том, чтобы обеспечить оптимальный баланс между преданностью, лояльностью войск, их довольством своим положением, с одной стороны, и должной боеспособностью — с другой⁶⁵. И если последняя в большей степени зависела от следования традициям дисциплинарной суровости, то другие элементы данного баланса обеспечивались материальными выгодами, правовыми привилегиями, а также той персональной связью каждого солдата с императором, которая, по верному замечанию М. И. Ростовцева, «была, может быть, наиболее могучим средством поддержания в войске порядка и дисциплины»⁶⁶. Можно привести немало примеров такой преданности воинов, которую трудно объяснить иначе, чем неподдельной любовью к своему императору и соответствующим пониманием воинского долга⁶⁷. Можно даже сказать, что верность своему императору в известном смысле выступала как античный эквивалент профессионализма⁶⁸. По свидетельству Плутарха (Ant. 43), солдаты Марка Антония не уступали древним римлянам в уважении к своему полководцу, в соединенном с любовью послушании, в привычке ставить благосклонность Антония выше собственной безопасности. Любовь и уважение к императору выступают как основа безупречной дисциплины войска в описании парфянского похода Александра Севера. По словам биографа, он совершал этот поход при такой дисциплине и уважении к себе, что казалось, будто поход совершали не воины, а сенаторы: настолько трибуны были молчаливы, центурионы скромны (*verecundi*), солдаты любезны (*amabiles*) и любили юного императора, как брата, как сына, как отца⁶⁹.

Фактор авторитета императора и его личных связей с солдатами был, разумеется, важным и необходимым, но отнюдь не достаточным условием должного уровня дисциплины и управляемости войск. На

⁶⁵ Ср.: *Campbell J. B. The Emperor...* P. 302 f.

⁶⁶ *Ростовцев М. И. Рождение Римской империи: Общий очерк.* Пг., 1918. С. 138 сл.

⁶⁷ См., например: *Caes. B. Gall. VII. 19. 4; B. civ. III. 91; B. Afr. 45; Suet. Div. Iul. 68; Plut. Caes. 16; Cat. Min. 12; Otho. 15; 17; Lucan. Phars. I. 374 sqq.; Vell. Pat. II. 70. 3; 104. 4; Tac. Ann. II. 13; Hist. II. 14; 49; Ios. B. Iud. VI. 1. 6; Dio Cass. LXIV. 14. 1.*

⁶⁸ *Veyn P. Le paine et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique.* P., 1976. P. 614.

⁶⁹ *SHA. Alex. Sev. 50. 1 sqq.* Здесь же указываются и более «прозаические» мотивы такой любви: солдаты были достойно одеты, красиво обуты, отлично вооружены и обеспечены конями. Ср.: *ibid. 52. 3*, где Александру приписывается следующее изречение: «...воин не внушает опасения, если он одет, вооружен, обут, сыт и имеет кое-что в поясе». Ср. также: *Veget. II. 12.*

наш взгляд, ни действие этого фактора, ни применение традиционных средств принуждения и поощрения воинов не могло бы иметь достаточного эффекта, если бы в сознании самих солдат не было укоренено убеждение в целесообразности и значимости норм суровой дисциплины, если бы отношение к ним не было морально мотивированным, органически связанным с тем неписанным кодексом воинской чести, который в немалой степени определял поведение римских солдат, как и солдат любой другой армии⁷⁰. В римской армии это чувство чести было исключительно развито. Еще Г. Дельбрюк подчеркивал, что римская армия, а вместе с нею римское государство держались не только благодаря мерам дисциплинарного воздействия, но также благодаря отвлеченному понятию воинской чести⁷¹. Сами римляне прекрасно понимали, что апелляция к чувству воинской чести может быть не менее эффективным средством обеспечения дисциплины, чем самые суровые наказания. «Чувство чести (*honestas*), — писал Вегеций (I. 7), несомненно, выражая распространенное мнение, — делает воина более подходящим, чувство долга (*verecundia*), мешая ему бежать, делает его победителем» (пер. С. П. Кондратьева). В речи Антония Прима в «Истории» Тацита (III. 2. 3) подчеркивается, что чувство стыда, испытываемое воинами, способствует укреплению дисциплины и духа войска. Стремление загладить позор поражения заставляло солдат Цезаря налагать на самих себя в качестве наказания самые тяжелые работы и даже просить о децимации (*Caes. B. civ. III. 74. 2; App. B. C. II. 63; Polyae. VIII. 23. 26*). По замечанию Саллюстия (*B. Jug. 100. 5*), Марий поддерживал в войске дисциплину, используя не столько наказания, сколько чувство чести воинов (*pu-dore magis quam malo coercebat*). Стыд удерживал воинов Цезаря от бегства в битве при Мунде (*Vell. Pat. II. 55. 4; Flor. II. 13. 81*). Стыд заставил отрезвиться солдат Помпея, грозивших расхитить деньги, которые несли в триумфальном шествии (81 г. до н. э.), после того как Помпей, выбрав солдат в суровой речи, бросил им обвитые лав-

⁷⁰ Например, спартанской. Ср. характеристику спартанцев в речи царя Архидама у Фукидида (I. 84. 3): «Привычка к строгой дисциплине (*τὸ εὐκοσμοῦν*) делает нас храбрыми воинами и мудрыми в совете. Храбрыми — потому, что чувство чести (*αἰδώς*) у нас теснее всего связано с дисциплиной (*σωφροσύνη*), а с чувством чести сочетается мужество» (пер. Г. А. Стратановского). Характерно, что у варваров отмечается отсутствие подобного чувства чести. Ср. замечания Тацита (*Hist. II. 12*) о горцах из Приморских Альп: «...для них ни в победе не было чести, ни в поражении позора»; а также о германцах (*App. II. 14. 3*), которые, не стыдясь позора, обращаются в бегство (*sine pudore flagitii*), не заботясь о вождах, трусливые при неудачах и забывающие при успехах о законах божеских и человеческих. Такого рода характеристику варварского способа воевать можно найти еще у Фукидида (IV. 126. 5).

⁷¹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. II. С. 130. Подробно см.: *Lendon J. E. Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxford, 1997. P. 237; 248 ff.*

ром фасции, чтобы они с них начинали грабеж (Front. Strat. IV. 5. 1; ср.: Plut. Pomp. 14; Apopht. reg. et imp. Pomp. 5). Солдаты-вителлианцы из войска Фабия Валента из желания восстановить после поражения свою честь (*recuperandi decoris cupidine*) стали вести себя уважительнее по отношению к командующему и подчиняться его приказам (Tac. Hist. II. 27. 1; ср.: III. 2. 3). По высокому счету, для настоящего римского солдата добровольная смерть была предпочтительнее бесчестия, связанного с невыполнением приказа (Front. Strat. IV. 1. 13; 40; Tac. Ann. XIV. 37. 3).

Стремление военачальников воздействовать на чувство чести солдат с целью упрочения дисциплины лежит, очевидно, в основе широко распространенной практики позорящих взысканий, применявшихся в римской армии вместе или же вместо жестоких наказаний. Так, воины из подразделений, подвергшихся децимации, получали вместо пшеницы ячмень (или овес), их палатки ставились вне лагерного вала (Polyb. VI. 38. 3; Front. Strat. IV. 1. 36; Plut. Ant. 39; App. Illyr. 26; Polyaeon VIII. 24. 2). Эти же меры могли применяться и отдельно, без сочетания с казнями (Front. Strat. IV. 1. 18; 19; 21; 25; Tac. Ann. XIII. 36. 3). Проявивших трусость или неповиновение воинов и командиров специально выставляли в унижительном положении, приказывая, например, стоять босиком, без пояса или полуодетыми у принцепия, иногда с саженью или куском дерна в руках, либо копать канавы, носить кирпичи, рубить солому (Liv. XXIV. 16. 12; XXVII. 13. 9; Front. Strat. IV. 1. 26–28; Plut. Marcel. 25; Lucul. 15; Suet. Aug. 24. 2; Polyaeon. VIII. 24. 3). По сообщению Зосима (III. 3. 4–5), Юлиан приказал всадникам, проявившим трусость, одеться в женские одежды и в таком виде пройти через лагерь, полагая, что «такое наказание для мужественных солдат хуже смерти»⁷². К числу такого рода мер воздействия следует отнести также порочащую отставку (*missio ignominosa*), назначавшуюся за некоторые воинские преступления (Dig. 49. 16. 3. 1; 4. 6; 6. 7). Такая отставка влекла за собой, помимо прочего, невозможность находиться в Риме и в окружении императора (*in sacro comitatu*) (Dig. 49. 16. 3.13. 3). Напротив, у добросовестных и храбрых солдат чувство чести поощрялось почетной отставкой (*missio honesta*), торжественными публичными церемониями, во время которых полководец произносил в их честь похвальное слово, награждал знаками отличия и ценностями из добычи, производил повышение в чине (Polyb. VI. 39. 1–3; B. Afr. 86; Liv. XXXIX. 31. 17–18; Ios. B. Iud. VII. 1. 3; Amm. Marc. XXIV. 6. 15).

Разумеется, выяснить «удельный вес» того или иного из упомянутых факторов в процессе поддержания дисциплины, тем более на протяжении длительного периода, не представляется возможным: слишком многое здесь зависело от конкретной ситуации и характера действующего

⁷² Lendon J. E. Op. cit. P. 241.

щих лиц. В лучшем случае мы можем установить определенную тенденцию, обратив внимание на некоторые факты, показывающие, что даже в критические моменты дисциплина легионов не в последнюю очередь обуславливалась жизненной реальностью того чувства, которое Тацит в одном месте назвал «любовью к послушанию» (*amor obsequii*) (Ann. I. 28. 6; ср.: Hist. II. 19. 2: *obsequium et parendi amor*). Такого рода факты можно найти в сочинениях самого Тацита, чьи свидетельства тем более ценны, что его, как и других авторов императорского времени, едва ли возможно заподозрить в симпатиях к солдатской массе⁷³. Последнюю, как уже отмечалось, историк по преимуществу отождествляет с толпой, чернью (*vulgus*), приписывая солдатам ее коренные пороки. Все эти характеристики в устах Тацита вполне закономерны и в силу его идеологических позиций, и потому, что относятся они главным образом к солдатам времен гражданских войн или мятежей. Вместе с тем, как мы видели выше, он не только отмечает образцы верности долгу и героизма отдельных солдат и офицеров, но часто подчеркнута противопоставляет солдатской черни, «отбросам лагеря» (*pessimus quisque, ignavissimus quisque, deterrimus quisque, mali et strenui*) лучшую, хотя обычно меньшую, часть воинов (*optimus quisque manipularium, melior pars, meliores, modesti quietique*) (Ann. I. 16. 2; 21. 1; Hist. I. 52. 3; 80. 2; 83. 1; II. 66. 3; IV. 62. 1)⁷⁴. Иногда Тацит конкретизирует понятие лучших, указывая, что порядку и долгу в первую очередь были преданы центурионы, орлоносцы, знаменосцы и другие, являвшиеся «наиболее здоровым элементом в лагере» (*quod maxime castrorum sincerum erat*) (Ann. I. 48. 2). Именно «лучшие», а под их влиянием в некоторых случаях и большинство воинов могли потребовать покончить с распушенностью и наказать виновных в мятеже или даже собственными силами справиться с мятежными элементами (Ann. I. 30. 1; 44. 1 sq.; 48. 3; Hist. I. 82. 3; 83. 1; II. 66. 3). Возможно, поэтому римский воин не был в глазах Тацита таким безнадежно низким и подлым, как городской плебей, и мог испытывать чувство стыда, раскаяния и жалости, как, например, в эпизоде с Агриппиной и ее детьми во время мятежа германских легионов (Ann. I. 41; 44)⁷⁵. В числе эпизодов, показывающих, насколько сильна, несмотря ни на что, была в римских воинах привычка к дис-

⁷³ См.: *Kajanto I. Tacitus' Attitude to War and the Soldier // Latomus. 1970. T. 29. P. 699–718* (особенно p. 706 ff.); *Edelstein F., Winkler I. Pozitia lui Tacitus fata armata, popor si provincii // Studii Classice. 1962. T. IV. P. 248–254.*

⁷⁴ *Kajanto I. Op. cit. P. 708.*

⁷⁵ Правы, на наш взгляд, те исследователи, которые в трактовке Тацитом этого и подобных эпизодов видят не только плод драматизирующей манеры историка, но и отражение его общих взглядов на психологию простого солдата. См.: *Kajanto I. Op. cit. P. 712; 716 ff.; Walser G. Rom, das Reich und die fremden Völker in der Geschichtsschreibung der frühen Kaiserzeit. Basel, 1951. S. 55. Anm. 6.*

циплине, следует еще раз упомянуть рассказ Тацита о реакции солдат-вителлианцев на хитрость префекта лагеря Алфена Вара (Hist. II. 29). И хотя Тацит здесь указывает на переменчивость настроений толпы, обращает на себя внимание то, что даже во время волнений легионеры продолжали нести обычные обязанности в лагере и ждали приказаний. Сильным желанием настоящей власти (*aviditate imperitandi*⁷⁶) объясняет Тацит положительное отношение солдат нижегерманских легионов к Вителлию после того, как тот стал их легатом и предпринял ряд дисциплинарных мер, разумных и оправданных на фоне порочной практики его предшественника. Эта оговорка звучит весьма примечательно, хотя Тацит и подчеркивает, что воины принимали за достоинства Вителлия сами его пороки (Hist. I. 52. 2).

Таким образом, за предвзятостью оценок солдатской массы в целом вполне явственно обнаруживается такой компонент дисциплины, который не сводим ни к страху наказаний, ни к строгости военачальника, ни, напротив, к его снисходительности, ни к упованиям на награды. Он может быть обозначен как некая константа, «архетип» римского воинского этоса, живший в сознании солдат императорской армии⁷⁷. Рассмотренная оппозиция между заискиванием и суровостью со всеми их последствиями не есть достояние только литературной традиции. Сама напряженность данной оппозиции определенно указывает на непреходящую аксиологическую значимость понятия дисциплины и для общественного сознания, и для практиков военного дела. Эти представления о дисциплине, базирующиеся на исконной римской аксиологии, передавались из поколения в поколение через военные традиции и обычаи, правовые и религиозно-культурные установления, через легендарные образцы и живые примеры. *Disciplina militaris*, с военно-этической точки зрения, оставалась важнейшей воинской доблестью, неотделимой от понятий солдатского долга, чести и славы⁷⁸. Поэтому прав Лендон,

⁷⁶ Такое чтение вслед за Фишером принимает К. Мур в Лоебовском издании 1980 г. Г. С. Кнабе (*Корнелий Тацит*. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 259. Прим. 144) читает *imperandi*, как в некоторых рукописях, что в общем не меняет принятого нами смысла.

⁷⁷ Ср. давно высказанное, но вполне верное замечание Г. Буассье: «...как ни сурова была эта дисциплина, в ней было гораздо меньше формализма и жестокости, чем в нашей современной армии. Там повиновение достигалось не принуждением, а принималось добровольно, потому что солдаты сознавали его необходимость» (*Буассье Г.* Оппозиция при Цезарях // Он же. Соч.: В 10 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 21).

⁷⁸ Дисциплина иногда даже расценивалась как вещь более важная, чем личная храбрость и героизм. Так, Валерий Максим в рассказе о подвиге солдата Цезаря, Марка Сцевы, во время похода в Британию обращает внимание на то, что тот, совершив удивительно доблестные деяния, просил у Цезаря прощения за потерянный щит. «Велик ты был в битве, — восклицает Валерий, — но еще более велик ты тем, что помнил о воинской дисциплине» (III. 2. 23; ср.: *Plut. Caes.* 16. 3).

указывая, что такое представление о дисциплине жило в душах солдат и само повиновение ей было почитаемым качеством⁷⁹.

Вместе с тем в условиях профессиональной армии дисциплина определялась не только и не столько традиционной суровостью, сколько продуманной организацией, систематическим обучением личного состава, строгой командной иерархией, корпоративной сплоченностью солдат, различными льготами и поощрениями, перспективами карьеры и социального возвышения, а также авторитетом императора. Все эти факторы, конечно, не гарантировали абсолютно нерушимой дисциплины, а иногда некоторые из них действовали прямо в противоположном духе. Нельзя недооценивать и качественный состав континентов, пополнявших легионы. Однако все это в целом позволяло римской армии постоянно поддерживать достаточно высокий уровень дисциплины, по крайней мере в первые два века Империи⁸⁰, пока солдаты продолжали чувствовать себя римлянами и воспитываться в соответствии с римскими традициями и ценностями. Очевидно, что лишь с существенным изменением характера и состава римской армии во второй половине III и в IV в. можно говорить об ином качестве дисциплины⁸¹.

⁷⁹ *Lendon J. E.* Op. cit. P. 249; 265.

⁸⁰ *Watson G. R.* Op. cit. P. 118; *Campbell J. B.* The Emperor... P. 309.

⁸¹ *Grosse R.* Romische Militargeschichte von Gallien zum Beginn der byzantinische Themenverfassung. B., 1920. S. 63 ff.; *Kromayer J., Veith G.* Op. cit. S. 569 ff.; *Southern P., Dixon R.* The Late Roman Army. New Haven; L., 1996. P. 170 f.

Глава XI

ВОИНСКАЯ ДОБЛЕСТЬ И ДУХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В РИМСКИХ ВОЕННЫХ ТРАДИЦИЯХ

Сплоченность и дисциплина римских легионов, как показывает предыдущий анализ, в значительной мере обуславливались теми военно-этическими представлениями, которые были укоренены в сознании самих римских солдат и непосредственно коррелировали с конститутивными элементами римской системы ценностей. К числу таких ключевых аксиологических категорий относятся и понятия «доблесть», «честь», «слава». Помня о славных страницах римской военной истории, наполненных множеством ярких примеров высокого героизма, можно априорно утверждать, что эти понятия для римских солдат не были просто отвлеченными идеями и пропагандистскими фикциями, но имели первостепенное значение как непосредственные моральные ориентиры. Это их значение с особенной наглядностью раскрывается в таком феномене, как дух соперничества и состязательности, который, как и поразительное чувство чести, можно, наверное, считать одной из отличительных особенностей римской армии: именно эти черты, по мнению Дж. Лендона, могли бы в первую очередь поразить современного солдата, оказавшись он среди римлян¹.

Данный феномен — то, что сами древние называли *certamen virtutis, cupido gloriae*, — и станет предметом нашего анализа. При этом, в отличие от Лендона, затрагивающего данный вопрос в контексте той роли, какую играли в общественно-политических структурах Римской империи, включая армию, представления о почестях и чести, мы сосредоточим внимание на развитии в римской армии состязательного начала прежде всего в связи с первичной и ключевой для римской аксиологии категорией «доблесть». Дело в том, что ни сам по себе агональный фактор применительно к армии императорского Рима², ни конкретное воен-

¹ *Lendon J. E. Empire of Honour. The art of Government in the Roman World. Oxford, 1997. P. 265.*

² На значение агонального духа в войске Цезаря в свое время обратил внимание Й. Форт (*Vogt J. Caesar und seine Soldaten // Idem. Orbis. Ausgewählte Schriften zur*

но-этическое наполнение понятия «доблесть» еще не были специально исследованы в научной литературе, хотя и существует множество работ, освещающих историческую эволюцию и морально-политическое значение римской концепции *virtus*³. Вместе с тем давно уже признано, что дух *агона* во многом определял истоки и своеобразие античной цивилизации в целом, пронизывая самые разные ее структуры⁴, в том числе область военной деятельности, к основополагающим элементам которой, безусловно, относятся стремление к славе и престижу, представления о верности и чести, желание отличиться воинской доблестью⁵. Более подробного рассмотрения, с этой точки зрения, заслуживает идеология славы, органически связанная с категорией доблести и уже в раннем Риме ставшая одной из важнейших социокультурных основ общества⁶. В конкретизации нуждается и вопрос о том, какое место «славолюбие», *cupido gloriae*, занимало в сознании самих солдат императорской армии.

Прежде всего обозначим основные характеристики римского понимания воинской доблести. Римская *virtus*, при всей своей многозначности, изначально, в силу исторических условий развития Рима, базировалась главным образом на военных компонентах⁷. На это, кстати сказать, обратил внимание еще наблюдательный Плутарх, заметивший, что «среди всех проявлений нравственного величия (τῆς ἀρετῆς) выше всего римляне ставили тогда воинские подвиги, о чем свидетельствует то, что понятия нравственного величия и храбрости (τῆς ἀνδρείας) вы-

Geschichte des Altertums. Freiburg, e. a., 1960. S. 96). Ср. также: *London J. E.* The Rhetoric of Combat: Greek Military Theory and Roman Culture in Julius Caesar Battle Descriptions // *CA.* 1999. Vol. 18. N 2. P. 273 (особенно P. 310 ff.).

³ См., например: *Feger R.* *Virtus bei Tacitus: Inaug.: Diss.* Freiburg, 1944; *Eisenhut W.* *Virtus Romana. Ihre Stellung im römischen Wertsystem.* München, 1973; *Meslin M.* *L'Homme romain des origines au 1-er siècle de notre ère.* P., 1978; *Hellegouarc'h J.* *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république.* P., 1963. P. 242 et suiv.; *Cizek E.* *Mentalité et institutions politiques romaines.* P., 1990; *Sarsila J.* Some aspects of the concept of *virtus* in roman literature until Livy. *Jyväskylä*, 1982; *Утченко С. Л.* Две шкалы римской системы ценностей // *ВДИ.* 1972. № 4. С. 19–33; *он же.* Еще раз о римской системе ценностей // *ВДИ.* 1973. № 4. С. 30–47.

⁴ *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985. С. 75 сл. (с подробной библиографией и оценкой различных точек зрения).

⁵ *Хейзинга Й.* *Homo ludens.* В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. М., 1992. С. 105–124.

⁶ *Harris W. V.* *War and imperialism in Republican Rome 327 — 70 BC.* Oxf., 1979. P. 10 ff.; *Rosenstein N.* *Imperatores victi: Military Defeat and aristocratic competition in the middle and late Republic.* Berkeley, 1990. P. 1; *Смирин В. М.* Римская республика в III–I вв. // *История Европы.* Т. 1. М., 1989. С. 481 сл.

⁷ *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // *Культура Древнего Рима.* Т. 1. М., 1985. С. 24; *Sarsila J.* *Op. cit.* P. 23–24; 33; *Dahlheim W.* *Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft* // *Klio.* 1992. Bd. 74. S. 218.

ражаются у них одним и тем же словом...» (Plut. Marc. Cor. 1. 4)⁸ (пер. С. П. Маркиша). По своему происхождению и первоначальному смыслу *virtus* представляла собой всеобъемлющее выражение нравственного идеала правящей аристократии: обладать «доблестью» в категориальном смысле, так же как *laus* и *gloria*⁹, могли главным образом, если не исключительно, представители знати, *boni*. Но со временем, претерпев определенные трансформации и переосмысление, *virtus* становится общим «национальным» идеалом Рима¹⁰. В армейской среде акцент тем более делался на военном характере доблести, которая практически отождествлялась с моралью как таковой, оттесняя на задний план даже такие понятия, как «долг» и «служение отечеству»¹¹.

В своих военных проявлениях *virtus* считалась важнейшим фактором могущества и непобедимости Рима, основой всей его государственности. Такую воинскую доблесть, *rei militaris virtus*, красноречиво превознес Цицерон в речи за Лициния Мурену (10. 22): «Это она возвысила имя римского народа; это она овеяла наш город вечной славой; это она весь мир подчинила нашей державе. Все городские дела... находятся под опекой и защитой воинской доблести (*bellicae virtutis*)» (пер. В. О. Горенштейна) (ср.: Cic. Phil. IV. 13; Verr. IV. 37. 81; Plaut. Amph. 75; 648–653; Casina. 87–88). Аналогичная мысль звучит и в «Тускуланских беседах» (I. 1. 2), где особо подчеркивается, что римляне обладают доблестью благодаря самой природе, а не науке или случаю (ср.: Onasand. Prooem. 4; Ios. V. Iud. III. 5. 1). По мнению римлян, исход любого сражения или войны преимущественно, если не исключительно, зависел от доблести воинов. Ливий называет ее в числе основных факторов, определяющих исход войны наряду с численностью войск, талантом полководца и удачей (IX. 17. 3), а в другом месте (XXXVII. 30. 6) прямо утверждает, что обычно на войне важнее всего оказывается доблесть воинов: *plurimum tamen, quae solet, militum virtus in bello valuit*. В критических ситуациях надежду на спасение может дать одна только доблесть (Caes. B. Gall. V. 34. 2), которая в таких случаях бывает эффективней обетов и обращенных к богам молитв (Liv. XXII. 5. 2). В своих речах к войску перед сражением римские полководцы часто призывали воинов рассчитывать прежде всего на доблесть и находили, по-видимому, соответствующий отклик в душах солдат (например: Liv. XXXIV. 14. 3; XL. 27. 11; Tac. Agr. 33). Во всяком случае, римские солдаты в Британии

⁸ Ср.: *Val. Max.* III. 2 пр.: «...ее (доблести. — *A. M.*) главнейшая сила и действенная мощь заключается в храбрости (*in fortitudine*)».

⁹ *Harris W.V.* Op. cit. P. 30.

¹⁰ *Earl D.* The Moral and Political Tradition of Rome. L.; Southampton, 1970. P. 21, 32, 36; *Dahlheim W.* Op. cit. S. 217–218.

¹¹ *Dahlheim W.* Op. cit. S. 210.

перед решающим сражением с Каратаком в ответ на обращение своего командующего преисполнились, по свидетельству Тацита (Ann. XII. 35. 1), решимости и боевого пыла и восклицали: «доблесть всё одолевает» (*cuncta virtute exsuperabilia*). Характерно, что в подобных призывах эта доблесть иногда выступает как *virtus Romana*, как неотъемлемое качество римлян (Liv. XXXVI. 44. 9; Ios. B. Iud. III. 10. 2).

Античными авторами неизменно констатируется, что римская доблесть неотделима от воинской дисциплины, постоянных ратных трудов, выучки, опыта и организованности¹². Весьма характерно, что именно этими качествами римская доблесть противопоставляется боевому неистовству, отчаянной храбрости, физической силе и закаленности, коварству и хитрости варваров, а также теоретическим знаниям греков¹³. Н. Розенштайн справедливо указывает, что ключевая доблесть римского легионера заключалась в том, чтобы исполнять приказы и любой ценой удерживать занимаемую позицию и место в строю. Первостепенное значение имела стойкость солдат, потому что исход сражения зависел не столько от индивидуальных действий бойцов, сколько от сплоченности и согласованного эффективного функционирования всех подразделений. Такое качество воинской доблести было результатом длительной каждодневной тренировки. Однако высшим проявлением личного мужества в Риме все же считалась готовность встретить опасность лицом к лицу в ситуации, когда это не вызывалось прямой необходимостью, и именно за это присуждались награды¹⁴. Нормативный идеал истинно римской доблести предполагал, что она может быть выказана лишь при определенных условиях. Настоящая доблесть, *vera virtus*, обнаруживается только в открытом и честном сражении с достойным противником¹⁵, который действительно мог бы стать для римлян, по выражению Ливия (VI. 7. 3), «оселком их доблести и славы», *perpetua materia virtutis gloriaeque vestrae*. Понимание доблести в духе «нравов предков» исключало не только всякого рода грязные средства ведения

¹² См. например: *Caes. B. Gall.* VII. 52. 4; *Cic. Tusc. disp.* II. 16. 37–38; *Ios. B. Iud.* II. 20. 7; III. 10. 2; V. 3. 4; *Tac. Hist.* I. 84; II. 69; *App. B. C.* IV. 137; *Ael. Arist. Pan. Rom. Or.* 26 Keil. 73; 75; *Val. Max.* II. 3. 2; *Dio Cass.* LXII. 11. 3; *Veget.* I. 1.

¹³ *Liv. XXXVIII.* 17. 8; *Ios. B. Iud.* III. 10. 2; V. 7. 2; VI. 1. 5; *Sen. De ira.* I. 11. 1 sqq.; *Tac. Hist.* IV. 29; *Plut. Pelop.* 1; *Herod.* IV. 14. 7; VI. 3. 7; *Amm. Marc.* XVI. 12. 47; XXVII. 10. 13; *Veget.* I. 1; II. 1; *Pan. Lat.* IX. 24. 2.

¹⁴ *Rosenstein N. Op. cit.* P. 96 ff.; 130–131.

¹⁵ Примечательны в этом отношении слова, которые произносит Тит Фламинин, обращаясь к воинам накануне битвы при Киноскефалах: «Тит призывал воинов быть особенно храбрыми и мужественными, ибо им предстоит сразиться с самым достойным противником на подмостках лучшего театра на земле — Эллады» (ἐν τῷ καλλίστῳ θεάτρῳ τῇ Ἑλλάδι μελλόντας ἀγωνίζεσθαι πρὸς τοὺς ἀριστοὺς τῶν ἀνταγωνιστῶν) (*Plut. Tit.* 7. 6) (пер. Е. В. Пастернак).

войны, вроде отравления источников (Flor. I. 20. 7), но даже примененные засад, ночных вылазок, ложного бегства и т. п. средств (Liv. XLII. 47. 5)¹⁶.

Следует также отметить, что в традиционной римской шкале ценностей воинская доблесть представлялась благородной и истинной лишь в том случае, если она проявлялась в борьбе с внешним врагом, а не в междоусобной войне. Показательна в этом плане оценка Луканом знаменитого подвига центуриона Кассия (Цезия) Сцевы в битве под Диррахием. Если остальные авторы пишут о Сцеве как о подлинном герое либо нейтрально (Caes. B. civ. III. 53; Val. Max. III. 2. 23; App. B. C. II. 60; Plut. Caes. 16. 3), то Лукан дает ему и его подвигу сугубо негативную характеристику («Склонный к злодействам любым, не знал он, каким преступленьем / В междоусобной войне боевая является доблесть») и, после красочного описания его деяний, горестно восклицает: «О, как бы прославил ты имя, / Если б бежал пред тобой ибер устрешенный или / С длинным доспехом тевтон, иль кантабр со щитом своим круглым! /...Горе! В геройстве своем возвеличил ты только владыку!» (Infelix, quanta dominum virtute parasti!) (Phars. VI. 147–148; 257–262) (пер. Л. Е. Остроумова)¹⁷. По существу, тот же критерий использует и Цицерон, говоря в XIV Филиппике о победе войска консулов и Октавиана над Антонием: «Если вражеской была эта кровь, то велика была верность солдат их долгу; чудовищно их злодеяние, если это была кровь граждан». Примечательна также риторическая антитеза Тацита (Hist. III. 11. 2), который в рассказе о гражданской войне противопоставляет прежнее *virtutis modestiaeque certamen* воинов состязанию в дерзости и распушенности (*procacitatis et petulantiae*) (ср. также: Hist. III. 51; 61; Sall. Cat. 7. 6; 9. 2; 11. 4–6). Как заметил Г. С. Кнабе, при описании подвигов римских солдат в этой войне Тацит не пользуется словом *virtus* даже там, где оно, казалось бы, наиболее естественно по контексту¹⁸.

Говоря о римском понимании воинской доблести, нельзя обойти вниманием еще один вопрос, всегда занимавший античных писателей. Это вопрос о соотношении доблести и удачи¹⁹. «Идея успеха в Риме

¹⁶ Ср.: *Polyb.* XIII. 3. 2 sqq., где дается аналогичная характеристика положения дел у греков в былые времена и констатируется, что римляне еще сохраняют кое-что от старых благородных порядков ведения войны.

¹⁷ Сами воины — и это очевидно для Лукана — совсем иначе оценивают геройскую смерть своего товарища: «Родная толпа соратников вмиг подхватила / Павшего друга, она поднять его на плечи рада. / Кажется им — божество в изъязвленной груди поселилось. / И преклонились бойцы перед образом Доблести высшей...» (Phars. VI. 251–254).

¹⁸ Кнабе Г. С. «Multi bonique» и «pauci et validi» в римском сенате эпохи Нерона и Флавиев // ВДИ. 1970. № 3. С. 75.

¹⁹ См., например: *Meslin M.* Op. cit. P. 173 suiv.; *Eisenhut W.* Op. cit. S. 121–124.

изначально осложнена идеей случайности»²⁰. В некоторых высказываниях доблесть и фортуна выступают как равнозначные или рядоположенные факторы (Caes. B. civ. III. 73. 4; Cic. XIV Phil. 11; 28; Liv. VII. 34. 6; XXXV. 6. 9; Tac. Hist. IV. 58. 2). Иногда же определенно подчеркивается особая значимость в делах войны именно Фортуны²¹. Вместе с тем для римлян не менее характерно убеждение, что полагаться следует в первую очередь на доблесть, которая способна преодолеть любые случайные обстоятельства (ср.: Ios. B. Iud. III. 5. 7). В общем виде эта мысль афористично выражена у Публилия Сира: «Следует больше полагаться на доблесть, чем на фортуна» (*virtuti melius quam fortunae creditur*) (Ribbeck. Fragmenta. II. 1. 641, 646, 647). В суждениях греческих авторов проримской ориентации при объяснении причин военных успехов римлян предпочтение явно отдается доблести. Согласно Полибию, римские военачальники побеждают не благодаря случайности, но следуя заранее составленному плану и рассудительности, т. е. действуя так, как сам Полибий предписывает искусному полководцу (IX. 12. 1 sqq.). Иосиф Флавий констатирует, что римляне на войне ничего не предпринимают без расчета или полагаясь на случайность, но всегда согласуют свои действия с намеченным планом. Он даже заявляет, что римляне предпочитают поражение в подготовленном сражении победе, доставшейся благодаря счастливой случайности (B. Iud. III. 5. 6; ср.: III. 5. 1; V. 3. 4). Из всех этих замечаний трудно сделать вывод об однозначной приоритетности доблести или фортуны, особенно если принять во внимание различные контексты приведенных суждений. Но хотя Фортуна как обожествленная абстракция довольно широко почиталась военными, особенно как *Fortuna redux* («Возвращающая»)²², все же прав скорее А. Домашевский, по мнению которого акцент на удаче в военных делах не характерен для римлян. В подтверждение этой мысли он приводит тот факт, что самое раннее эпиграфическое свидетельство культа Фортуны в армии относится ко времени Траяна (CIL III 1008), а ее изображение на монетах впервые появляется только при Веспасиане²³.

²⁰ Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 3. М., 1993. С. 630 и сл.

²¹ Например, Liv. IX. 17. 3: ... fortuna per omnia humana, maxime in res bellicas, potens; Caes. B. Gall. VI. 30. 2: multum cum in omnibus rebus, tum in re militari potest Fortuna; Flor. II. 17. 11: sed quanto efficacior est fortuna quam virtus! Ср. также: Caes. B. civ. III. 73. 2; Cic. De redivo Marc. 2. 6; Tac. Ann. XV. 13. 2.

²² О культе Фортуны в военном контексте см.: Le Bonniec H. Aspects religieux de la guerre a Rome // Problemes de la guerre a Rome / Sous la direction de J.-P. Brisson. P., 1969. P. 114; Picard G.-Ch. Les trophées romaines. P., 1957. P. 171–174; 374–376.

²³ Domaszewski A., von. Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. S. 40. Иное мнение см.: Axtell H. L. The Deification of Abstract Ideas in Roman Literature and Inscriptions. Chicago, 1907. P. 11.

Примечательно также, что уже в позднереспубликанский период в еще меньшей степени, чем на Фортуне, акцент в военных делах делается на помощи богов. Например, Цезарь, даже упоминая в одном месте содействие бессмертных богов, рядом с ним ставит доблесть воинов (B. Gall. V. 52. 6; ср.: B. Alex. 75. 3, а также: Ios. B. Iud. VI. 1. 5), а в других местах своих сочинений основной упор делает на искусстве полководца, патриотизме, мужестве и чувстве чести римлян. Это, по мнению Е. М. Штаерман, весьма знаменательно для умонастроения в армии²⁴.

Что касается категории «слава», то необходимо отметить, что она мыслилась как наивысшая награда за доблесть²⁵. Главным результатом проявленной доблести, а соответственно, основным критерием воинской чести и славы является достижение победы над противников²⁶. По афористическому выражению Тацита (Ann. I. 68. 5), победа — это для воинов всё: сила, здоровье, изобилие. Именно победителям предназначены почет и слава (at victoribus decus gloriam) (Tac. Ann. I. 67. 2). Для римлян позорно не только терпеть поражение, но и не побеждать, как говорит Тит в одной из речей, приводимых Иосифом Флавием (B. Iud. VI. 1. 5). Память о прежних победах воодушевляет легионы в борьбе с сильным противником и порождает страх большего бесчестья в случае поражения (Tac. Ann. IV. 51. 2). Надо сказать, что неразрывность воинской славы и победы отличает римское понимание славы от феодальной концепции славы. По авторитетному мнению Ю. М. Лотмана, в феодальном обществе «чем более несбыточна, нереальна с точки зрения здравого смысла, чем более отделена от фактических результатов... была цель, тем выше была слава попытки ее реализации»²⁷. Кроме того, в отличие от феодальных представлений, в Риме стремление к воинской славе присуще не только представителям знати, вступающим на путь почестей, но и простым центурионам и солдатам. Валерий Максим, рассказывая об одном воине вспомогательной когорты, бывшем рабе, который с обидой отверг награду в виде золота, которую полководец хотел вручить ему вместо простых знаков отличия, завершает этот рассказ восклицанием: «Нет рода столь низкого, чтобы его не трогала сладость славы» (VIII. 14. 5).

Важно подчеркнуть, что в императорской армии слава, по существу, приобретает корпоративный характер: на первый план выдвигается не государственное патриотическое начало, как в традиционном древне-

²⁴ Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 166.

²⁵ Cic. Pro Milon. 97: «... все же из всех наград за доблесть — если награды можно оценивать — наивысшей является слава».

²⁶ Lendon J. E. Empire of Honour... P. 243.

²⁷ Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах Киевского периода // Он же. Избр. статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 117.

римском понимании славы, но честь и репутация воинского коллектива и (или) его вождя. Очень показательно в этом плане то контрастное различие мотивировок, которые звучат в сочиненных Аппианом речах Цезаря и Помпея перед началом боевых действий в Греции. Если Помпей выставляет в качестве цели войны защиту свободы и отеческого государственного строя, то Цезарь подчеркивает, что честь его армии и сподвижникам доставит слава, стяжать которую в будущих сражениях является главной целью войны (App. В. С. II. 50; 53). Можно вспомнить также речь Тита в «Иудейской войне» (III. 10. 2), где он отмечает, что римляне борются за более высокие блага, чем иудеи, сражающиеся за отечество и свободу, ибо для них превыше всего стоят слава и честь римского оружия. В другом месте Иосиф Флавий (VI. 1. 5) вкладывает в уста Тита пространное рассуждение о том, что смерть в бою почетна и сулит бессмертие. Характерно, что Тит призывает воинов взойти на стену, чтобы прославить себя, и делает особое ударение на доблести как таковой и ее достойном вознаграждении. У Тацита (Ann. I. 67. 2) другой римский военачальник, призывая воинов мужественно сразиться с врагом, напоминает им о том, что им дорого на родине, и о том, что является предметом их чести в лагере (*quae domi cara, quae in castris honesta*) (ср.: Hist. III. 84. 2). В этих и подобных полководческих речах (ср., например: Tac. Agr. 33; Hist. V. 16) мотив почетной смерти ради отечества если и не элиминируется полностью, то часто оказывается на втором плане, в то время как акцент делается либо на героической смерти как высшем проявлении доблести, либо на воинской чести и славе как таковой, безотносительно к самопожертвованию ради отечества и государства. Очевидно, что такое изменение в мотивациях героического поведения и понимания славы обусловлено прежде всего характером тех войн, которые вел императорский Рим. Но не менее существенно, что изменились ценностные установки самих солдат, для которых понятие профессиональной чести очень часто превалировало над какими бы то ни было другими соображениями. Честь и слава воинов оказываются неотделимыми от проявленной доблести и верности своему полководцу-императору²⁸.

В традиционной римской идеологии великим позором для воинов считалось не только поражение или капитуляция перед врагом, но и сдача в плен, которой всегда следовало предпочитать почетную смерть на поле боя (например, Tac. Hist. II. 44. 3). По словам Ливия, ни в одном государстве попавшие в плен воины не пользовались таким презрением, как у римлян (Polyb. VI. 58. 11; Liv. XXII. 59. 1; 61. 1; XXV. 6. 15; ср.:

²⁸ Наверное, не случайно Пизон, желая польстить в своей речи преторианцам, в качестве высшей похвалы говорит об их незапятнанной славе и верности (*Tac. Hist. I. 30. 3: vestra fides fama que inlaesa*).

Val. Max. II. 7. 15; App. Hann. 28). Лишь во II в. н. э. в римском военном праве отношение к солдатам, побывавшим в плену, определенным образом смягчается (Dig. 49. 16. 3. 12; 49. 16. 5. 5–7). До этого же плен продолжал считаться бесчестьем для римского солдата. Так, тем солдатам из разгромленных легионов Вара, которые были выкуплены родственниками из плена, было позволено вернуться, но при условии, что они будут жить за пределами Италии (Dio Cass. LVI. 22. 4). Иосиф Флавий (B. Iud. VI. 7. 1) рассказывает, что один римский всадник, попавший в плен к иудеям, сумел бежать. Тит не счел возможным его казнить, после того как тот спасся из рук врага, однако, считая бесчестьем для римского воина сдаться живым в плен, приказал лишить его оружия и изгнал из воинского строя, что, как замечает Иосиф, является для человека, обладающего чувством чести, наказанием даже худшим, чем смерть.

Отмеченные нами элементы традиционной римской концепции доблести и славы принадлежат, разумеется, к аксиологическому идеалу. Но это не значит, что такое представление было сплошной фикцией, призванной лишь облагородить и эстетизировать войну «через ее вознесение в сферы морали и ритуала», «в сферу чести», благодаря чему война «становится священным установлением и в этом качестве облекается всем духовным и материальным декором, имеющимся в распоряжении данного племени»²⁹. Напротив, по мысли Й. Хейзинги, именно такого рода идеал задает определенные, «рамочные», параметры, включающие войну в агональную сферу. Стоит заметить, что этот же идеал во многом предопределяет литературную топикку и идейные установки в освещении военных обычаев, событий и героев в наших источниках. Поэтому, прослеживая, каким образом данный нормативный комплекс воплощался и трансформировался в традициях профессиональной армии, как он сопрягался с ее действительным воинским этосом, необходимо отдавать себе отчет в том, насколько трудноуловима та грань, которая отделяет литературные штампы, реминисценции, дань риторической фразе и закодированную в них аксиологию от реальной ментальности римского воина. Важно также учитывать, что указания на значение агонального начала в военной сфере и практические рекомендации по его стимулированию римляне (как литераторы, так и практики военного дела) могли почерпнуть в классической литературе и военных традициях греков. Следует поэтому хотя бы вкратце остановиться на эллинском опыте, тем более что без сопоставления с ним римских традиций трудно уяснить собственно римскую специфику рассматриваемого феномена.

Первое развернутое, можно сказать, военно-теоретическое обоснование роли состязательного фактора как средства морально-психологичес-

²⁹ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 112–113.

кого воздействия на войско мы находим у Ксенофонта, чьи размышления на данную тему, очевидно, вдохновлялись и его собственным богатым опытом, и примером его любимого героя Агесилая, и Ликурговыми установлениями Спарты, и новыми тенденциями в развитии военного дела в его время³⁰. При каждом удобном случае Ксенофонт отмечает необходимость и благотворность целенаправленного поощрения в воинах духа соперничества. Для этого Ксенофонт предлагает использовать специально организуемые соревнования в воинской выучке среди отдельных бойцов и между целыми отрядами, продуманное распределение наград, привилегий и повышений, персональную оценку военачальником действий своих подчиненных, его личный пример в трудах и опасностях³¹. На необходимость поощрять состязательность в военном деле, устраивая соревнования в воинских упражнениях и назначая почетные награды, указывал также Платон³². Яркие примеры состязания в доблести с присуждением соответствующих наград (τὰ ἀριστεία) мы находим у Геродота (VIII. 93–95; 123–124; IX. 71–74) (из классических авторов, кроме него, только Ксенофонт использует термин ἀριστείου)³³. Примечательно, что у греков времен Персидских войн вопрос о выявлении наиболее доблестных воинов, командиров и отрядов решался либо общей дискуссией, либо голосованием военачальников, тогда как у Ксенофонта это — прерогатива командующего.

В дальнейшем, вплоть до эллинистического времени, в свидетельствах о военной истории Греции мы имеем лишь единичные указания на сознательно поощряемое или спонтанно возникающее среди воинов состязание в храбрости. Так, Полиэн (III. 9. 31) сообщает, что Ификрат обещал перед боем особую награду (ἄθλον) тому, кто отличится мужеством (τῷ ἀριστεύσαντι) среди представителей различных родов войск. Полибий в рассказе о битве ахейян против Клеомена в 221 г. до н. э. (II. 69. 4) пишет, что с обеих сторон была обнаружена замечательная храбрость, так как отдельные воины и целые отряды соревновались друг с другом в доблести, желая отличиться на виду у царей и войск. Сильно развитый состязательный дух был, без сомнения, присущ войску

³⁰ См.: Денике Ю. Ксенофонт и начало теории военного искусства // ЖМНП. 1916. Т. 64. № 7. С. 233–264; Scammel J. M. The Art of Command According to Xenophon // The Army Quarterly. 1925. Vol. IX. N 1; Anderson J. K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles, 1970; Garlan Y. La Guerre dans l'Antiquité. P., 1972. P. 170.

³¹ См.: Xen. R. p. Lac. 4. 2 sqq.; Ages. 1. 25; 2. 8; 5. 3; Hell. III. 4. 16; Inst. Cyri. II. 1. 22–24; III. 3. 10; V. 3. 48; Oeconom. 13. 10–12; 21. 4–6; Hieron. 9. 5 sqq.; Hipparch. 1. 21–22; 25–26.

³² Plato. Res publ. V. 468 b, d; Legg. VIII. 829 c; 830 e; XII. 943 c.

³³ Подробнее см.: Pritchett W. K. The Greek State at War. Vol. 2. Berkeley; Los Angeles, 1975. P. 277 ff. (о Геродоте — P. 283 ff. и Tabl. 12 on P. 285).

Александра Македонского. Александр побуждал воинов к состязанию в храбрости прежде всего собственным примером, первым устремляясь навстречу опасностям и разделяя с подчиненными все тяготы и труды (например: *Plut. Alex.* 40; *Curt.* III. 6. 19; IV. 14. 6; VIII. 4. 10). В некоторых описаниях Восточного похода соревнование в воинской выучке и боевой отваге разворачивается и поощряется почти в буквальном соответствии с предписаниями Ксенофонта (*Curt.* V. 2. 3–5; *Аг. Anab. Alex.* II. 7. 7; 10. 2 и 7; II. 18. 4; 27.6; VII. 23. 5). Однако практику македонского войска вряд ли можно считать показательной для всего греческого мира.

В целом же можно отметить, что в военных традициях эллинов агональный дух не получил столь всеобъемлющего, систематического развития, как в сфере атлетики³⁴ или художественного творчества. Показателем этого может служить не только сравнительная редкость соответствующих эпизодов, но и тот факт, что у греков так и не сформировалась развитая система военных наград и почестей. Многие глубокие мысли Ксенофонта на этот счет не получили должного практического воплощения. Возможно, такое положение дел связано с тем, что сама идея награждения отдельного бойца за доблесть чужда фаланговому строю³⁵. Так или иначе, следует согласиться с Притчеттом, поддержавшим вывод В. Роуза о том, что в IV–III вв. до н. э. военный дух у эллинов уступает место растущему интересу к интеллектуальной и художественной сферам³⁶. В Древнем Риме, как и в Греции, состязательность, несомненно, относилась к исходным нормативным установкам коллективной морали, в том числе воинской этики³⁷. Сразу бросаются в глаза гораздо большие, чем у греков, разнообразие и выразительность проявлений состязательного духа римлян именно в военной сфере. Судя по соответствующим свидетельствам источников, насыщенным «агональ-

³⁴ Любопытно, что, по мнению Цицерона (*Pro Flacco.* 13. 31), греки ценили победу на Олимпийских играх выше, чем римляне триумф.

³⁵ *Adcock F. E. The Greek and Macedonian Art of War.* Berkeley, 1957. P. 4–5. У римлян дело, по-видимому, обстояло несколько иначе, и индивидуальная доблесть воина всячески поощрялась (*Polyb.* VI. 39. 4). Поэтому без особого преувеличения звучат слова Дж. Лендона о том, что римляне вполне могли бы иметь образцом гомеровских героев, которые в сражении покидали свое место в строю и, проявляя исключительный героизм, вдохновляли и остальных к соперничеству с собой в подвигах (*London J. E. Empire of Honour...* P. 244).

³⁶ Притчетт (op. cit. P. 288) цитирует работу: *Rouse W. H. D. Greek Votive Offerings.* Cambridge, 1902. P. 183.

³⁷ Например, для Саллюстия одним из показателей нравственного здоровья римского общества в былые времена является то, что граждане состязались друг с другом в доблести, соперничали из-за славы, приобретаемой военными подвигами (*Sall. Cat.* 9. 2: ...cives cum civibus de virtute certabant; *ibid.* 7. 6: ... gloriae maximum certamen inter ipsos erat). Ср.: *Plut. Marc. Cor.* 4.3.

ной» лексикой и эпизодами, ревностное состязание в доблести и славе среди римских военных имело поистине всеохватывающий характер³⁸.

Очевидно, без состязательности не обходилась прежде всего такая область военной жизни, как обучение и подготовка войск. Она была у римлян тщательно разработана и всегда пользовалась особым вниманием³⁹. Воинские упражнения считались почтенным, достойным римлянина занятием, в противоположность греческому пристрастию к палестрам и гимнасиям⁴⁰. В самом Риме местом таких упражнений, как известно, служило Марсово поле. Образцом и примером в воинских упражнениях нередко являлся сам военачальник, поощрявший таким образом соревновательный дух в своих солдатах. Император Адриан, сделавший в новых военно-политических условиях принципиальную ставку на постоянную и тщательную подготовку войск⁴¹, стимулировал усердие солдат не только почестями и наказаниями, но и «примером собственной доблести» (*exemplo... virtutis suae*), лично участвуя в военных учениях и трудах (SHA. *Nadr.* 10. 4; Dio Cass. LXIX. 9. 3–4; Fronto. *Princ. hist.* 14). О том, что эти усилия не пропадали даром и боевая выучка воинов достигала высочайшего уровня, может свидетельствовать известная стихотворная эпитафия воину Сорану из батавской когорты, который был удостоен Адрианом первенства за то, что переплыл через Дунай в полных доспехах и отличался исключительной меткостью в стрельбе из лука и метании копья. Надпись завершается примечательным призывом последовать его подвигам⁴². Вполне вероятно, что рим-

³⁸ Ср.: *Lendon J. E.* *Empire of Honour...* P. 243 ff.

³⁹ Подробно см.: *Horsmann G.* *Untersuchungen zur militärischen Ausbildung im republikanischen und kaiserzeitlichen Rom.* Bopard a. Rhein, 1991; *Neumann A.* *Das Augusteisch-adrianische Armeereglement und Vegetius* // CPh. 1936. Vol. 31. S. 1–12; *idem.* *Das römische Heeresreglement* // CPh. 1946. Vol. 41. S. 217–225; *idem.* *Römische Rekrutenausbildung im Lichte der Disziplin* // CPh. 1948. Vol. 43. S. 157–173. См. также: *Davies R. W.* *Fronto, Hadrian and the Roman Army* // *Latomus.* 1968. T. 27. P. 75–95; *Le Bohec Y.* *L'armée romaine sous le Haut-Empire.* P., 1989. P. 123–124.

⁴⁰ Ср.: *Зайцев А. И.* Указ. соч. С. 95. См. также: *Маяк И. Л.* *Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина (эпоха ранней Республики) // Античность и средневековье Европы.* Пермь, 1996. С. 122–128. Возможно, что столь популярные среди римлян гладиаторские бои были изначально связаны со сферой военной подготовки (*Slapek D.* *Aspekt military początkowej fazy rozwoju iczrysk gladiatorских w Rzymie // Pod znakami Aresa i Marsa: Materiały z konferencji nauk «Wojna i wojskowse w starozytnosci».* Krakow, 24–26 wrzesnia 1993 / Pod red. E. Dabrowy. Krakow, 1995. S. 43–52; ср.: *Лянустина Е. В.* *Гладиаторские бои в Риме: жертвоприношение или состязание? // Религия и община в древнем Риме.* М., 1994. С. 160 сл.).

⁴¹ *Levi M. A.* *Le iscrizioni di Lambaesis e l'esercito di Adriano // Atti della Accad. naz. dei Lincei: Rend. Classe di scienza morali, stor. e filol.* Roma, 1994. T. 5. N 4. P. 711–723.

⁴² Стр. 10–11: *viderit anne aliquis post me mea facta sequatur; exemplo mihi sum, primus qui talia gessi* (CIL III 3676 = ILS, 2558 = Buecheler, 427 = ЛЭС, 43). Об этой надписи

ские командиры, подобно Киру, Агесилаю или Александру Великому, прекрасно понимали, что воины охотнее занимаются на учениях, когда между ними возникает соревнование, и поэтому устраивали состязания по всем видам боевой выучки. В этом контексте интересно свидетельство Арриана о том, что шлемы всадников имели различные украшения в зависимости от ранга воина или его искусства владеть конем⁴³.

Важно иметь в виду, что в римском понимании *virtus* и *fortitudo* как ее компонент были неразрывно связаны с трудами (*labores, opera*) (например: Cic. Arch. 28; De invent. I. 163; De finib. V. 67; Caes. B. Gall. V. 8. 4; Sall. Cat. 7. 4–5; Liv. V. 27. 8)⁴⁴. По мнению Сарсилы, такое понимание воинской доблести обусловлено аграрным характером римской *civitas*: как в мирное время от римского крестьянина требовались упорство и способность к тяжелой работе, так на войне — стойкость, мужество и сила⁴⁵. Весьма примечательно, что даже в том случае, когда римские солдаты были заняты работами, казалось бы, очень далекими от собственно воинских трудов, эти работы превращались в дело доблести и состязания. Как мы отметили, еще в начале II в. до н. э. М. Фульвий Нобилиор, чтобы добиться популярности среди солдат, награждал их различными военными наградами за проявленное усердие в возведении инженерных сооружений (Gell. V. 6. 24–26). В высшей степени любопытные сведения содержит пространная надпись середины II в. н. э. из г. Салды (Bougie) в Мавретании (CIL VIII 2728 = 18122 = ILS, 5795; ср.: AE. 1941, 117; 1942/1943, 93). В ней рассказывается о строительстве акведука, в ходе которого потребовалось пробить проход для воды в горной толще. Эта работа была поручена ветерану III Августова легиона, либратору (нивелировщику) Нонию Дату, который для ее успешного завершения устроил трудовое соревнование (*certamen operis*) между военными моряками и солдатами какой-то вспомогательной части (*gaesates*), установив каждой группе работавших определенный участок работ (*modum suum perforationis*)⁴⁶. Обращает на себя внимание и тот

в более широком контексте см.: *Speidel M. A. Swimming the Danube under Hadrian's eyes: A feat of the Emperor's Batavi horse guard // AncSoc. 1991. Vol. 2. P. 277–282.*

⁴³ *Arr. Tact. 34.2: κατ' ἀξίωσιν... διαπρεπεῖς ἢ καθ' ἱππικὴν διαφέρουτες.*

⁴⁴ Показательно, что на колоннах Траяна и Марка Аврелия сцены с изображением «трудовых свершений» армии занимают важное место наряду с собственно батальными сюжетами.

⁴⁵ *Sarsila J. Op. cit. P. 90–91.*

⁴⁶ *Gründel R. Norm und Wettbewerb in einer lateinische Inschrift? (zu CIL. VIII. 2728) // Античное общество: Тр. конф. по изучению проблем античности. М., 1967. С. 105–109. Р. Грюндель вполне обоснованно включает это свидетельство в агональный контекст. В качестве литературной параллели данному свидетельству можно привести сообщение Курция Руфа (VII. 6. 26) о том, что при строительстве Александрии Эсхаты солдаты Александра Македонского закончили работы с исключительной быст-*

факт, что надпись эта имеет изображения трех персонификаций, обозначенных как *Patientia*, *Virtus*, *Spes* (Терпение, Доблесть, Надежда. Эти слова могут быть подходящим девизом для римского воина).

Обращает на себя внимание также «рационалистичность» римского понимания храбрости: *fortitudo* противопоставляется безумию, одержимости, дерзости и легкомыслию. «Безумству храбрых» римляне вряд ли стали бы воспевать хвалу. Плутарх, например, отмечает, что на войне со Спартаксом Катон Младший обнаружил незаурядную выдержку и отвагу, неизменно соединявшиеся с трезвым расчетом (*Cato Min.* 8). По словам Иосифа Флавия (*B. Iud.* V. 7. 3), Тит заботился о безопасности своих воинов не меньше, чем о самой победе, и называл безумием неосмотрительную отвагу, видя доблесть только в таких действиях, которые не влекли за собой потерь. В подтверждение этой мысли можно также сослаться на пассаж из «Риторики для Геренния» (*IV.* 25. 35), где храбрость определяется как презрение к трудностям и опасности с расчетом на пользу и выгоду (*contemptio laboris et periculi cum ratione utilitatis et compensatione commodorum*), в то время как безрассудство (*temeritas*) означает по-гладиаторски принять на себя опасности, и не рассуждая, переносить страдания (*cum inconsiderata dolorum perpersione gladiatoria periculorum susceptio*)⁴⁷.

Разумеется, воспитываемое в воинских упражнениях и мирных трудах честолюбие солдат важно было использовать непосредственно в бою (ср.: *Xen. Inst. Cyri.* III. 3. 10). Воинская выучка как итог длительных и упорных упражнений, по мысли Вегеция (*III.* 4), способствует тому, что воины различных родов войск, выступая в поход, из чувства соревнования больше желают сражения, чем покоя или мятежа. Именно в боевой обстановке в полной мере разворачивается действительно бескомпромиссное, ревностное соперничество в храбрости, в котором участвуют и отдельные воины, и целые подразделения, и отряды разных родов оружия, и противоборствующие армии. Легионы соперничают с союзническими когортами (*Liv.* XXV. 14. 3 sqq.; *Val. Max.* III. 2. 20). Всадники и легковооруженные воины соревнуются в храбрости с легионными солдатами (*Caes. B. Gall.* II. 27. 2; VIII. 19. 5; *Ios. B. Iud.* III. 10. 3; *Tac. Agr.* 26. 4), воины одного крыла — с воинами другого (*Liv.* X. 19. 18), новобранцы — с ветеранами (*B. Afr.* 81), знаменосцы — со знаменосцами (*Tac. Ann.* III. 45. 1), центурион — с центурионом (*Caes. B. Gall.*

ротой, так как «упорно соревновались друг с другом, кто первый закончит работу, ибо каждый имел свою».

⁴⁷ Ср.: *Sen. De benef.* II. 34. 3: «Храбрость — это доблесть, презирающая действительные опасности или умение их устранять, встречать или вызывать, хотя мы и называем храбрым человеком и гладиатора, и негодного раба, которого на презрение к смерти толкает безрассудство».

V. 44)⁴⁸. Героическое деяние одного воина побуждает других подражать его доблести (Caes. B. Gall. IV. 25. 3–6; Ios. B. Iud. VI. 1. 6; ср.: V. 7. 3; Iust. Epit. XXXIII. 2. 4; Amm. Marc. XXIV. 4. 23). Впечатляющую картину всеобщего соревнования рисует Иосиф Флавий в рассказе о штурме Иерусалима войсками Тита (B. Iud. V. 12. 2; ср.: VI. 2. 6): «Некое божественное воодушевление охватило воинов, так что, когда окружность будущей стены была разделена на части, началось соревнование (ἔρις) не только между легионами, но даже между когортами внутри каждого из легионов. Простой воин стремился отличиться перед декурионом, декурион — перед центурионом, центурион — перед трибуном, трибуны стремились снискать одобрение военачальников, в состязании же между последними (καὶ τῶν ἡγεμόνων τῆν ἄμειλλαν) судьей был сам Цезарь»⁴⁹. Цензорин во время осады Карфагена организовал соревнование (φιλονεικία) между пехотинцами и гребцами (App. Lib. 98). Аналогичное соревнование устроил при осаде лагеря вителлианцев под Кремоной Антоний Прим: он распределил участки вала и лагерные ворота между отдельными легионами, рассчитывая, «что соперничество заставит солдат сражаться еще лучше, а ему будет виднее, кто ведет себя мужественно и кто трусит»⁵⁰. Корбулон при взятии одной армянской крепости, призвав воинов покрыть себя славой и овладеть добычей, разделил войско на четыре части, определив каждой соответствующую задачу, в результате чего, по словам Тацита (Ann. XIII. 39. 4), соревновавшиеся между собой части охватил такой боевой пыл (tantus inde ardor certantis exercitus fuit), что в кратчайший срок и почти без потерь вражеская крепость была взята.

Конечно, в подобных эпизодах соперничество подогревалось упованием на большую долю добычи, страсть к которой заставляла солдат забыть о смерти, ранах и крови (Tac. Hist. III. 26. 3 и 28. 2) либо увидеть в своих же соратниках «скорее соперников в дележе добыче, чем союзников в борьбе» (Tac. Hist. III. 26. 3; 28. 2; 60. 1). Однако во многих случаях этому мотиву несколько не уступают или даже выходят на первый план стремление к славе как таковой и желание не уронить воинской чести, проявить доблесть и снискать награды. Этот мотив очень часто является основным в тех hortationes, с которыми военачальники

⁴⁸ В последнем случае мы имеем пример истинно рыцарского состязания в доблести: многолетнее соперничество двух центурионов из войска Цезаря, Т. Пуллона и Л. Ворена, стремившихся к повышению в первый ранг, не помешало им прийти на помощь друг другу в одной из схваток, в которой они пытались героическим подвигом решить свой спор.

⁴⁹ По замечанию Дж. Лендона (Empire of Honour... P. 246), сходство между психологией строительства этих осадных сооружений и психологией возведения общественных зданий в античном городе представляет собой нечто большее, чем простую аналогию.

⁵⁰ Tac. Hist. III. 27. 1: ut discretus labor fortes ignavosque distingueret atque ipsa contentione decoris accenderentur.

обращались к войскам перед сражением⁵¹. Не подлежит сомнению, что у многих солдат эти призывы находили отклик⁵². Характерно, что предпочтение, оказываемое одним воинам перед другими при выборе бойцов для какого-либо опасного предприятия, считалось почетом, объявляющим к героическим усилиям, и вызывало зависть (В. Alex. 16; В. Afr. 16; Tac. Hist. II. 27)⁵³. Напротив, почеть, оказанная другому, уязвляла воина, не получившего ее⁵⁴, а обвинение в трусости или измене могло заставить солдата даже покончить с собой (Tac. Hist. II. 30; III. 54; Suet. Otho. 10. 1; Dio Cass. LXIV (LXIII). 11. 2)⁵⁵. Чтобы не лишиться ранее приобретенной славы и чести воины готовы были сражаться с особенным мужеством и даже жертвовать жизнью⁵⁶. Допущенную вину и позор можно было загладить только доблестью (Liv. VII. 13. 4; Caes. B. civ. III. 74; Tac. Ann. I. 49; 51; App. Mithr. 32; Amm. Marc. XIX. 11. 14; XXV. 3. 10). Ревность (aemulatio) к славе трех легионов Веспасиана, имевших боевые заслуги и опыт, разжигала боевой дух четырех легионов Муциана, еще не принимавших участия в войне (Tac. Hist. II. 4). Светоний Паулин, обращаясь перед сражением к своим солдатам, подчеркивает, что римские воины в других частях Империи будут ревновать к их доблести (Dio Cass. LXII. 10.2)⁵⁷. Нежелание делить славу победы с другими легионами заставляло солдат сражаться с особой энергией ([Caes.] B. Gall. VIII. 19. 5). Хорошо известно, как Цезарь перед походом на Ариовиста добился перемены в настроении своего войска, заявив, что, если никто не отважится выступить с ним, он возьмет с собой только свой любимый X легион (Caes. B. Gall. I. 40–41; Front. Strat. I. 11. 3; IV. 5. 11; Plut. Caes. 19). Репутация, связанная с доблестью (fama

⁵¹ *Sall. Cat.* 59. 6; *Ios. B. Iud.* V. 11. 6; VI. 1. 5; *Tac. Ann.* XV. 12. 3; *Agr.* 26. 3; 27. 1; 33. 8; *Hist.* III. 24. 2; V. 16. 2; *App. B. C.* III. 67; *Dio Cass.* LXII. 9. 1; *Herod.* VI. 3. 6. Ср.: *Quint. Inst.* II. 16. 8: именно «речь убеждает идущих навстречу опасностям битвы в том, что слава дороже жизни». См. также: *Махлаюк А. В.* Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48.

⁵² Ср., например, замечание Тацита (*Hist.* V. 11. 2) о том, что солдаты стали требовать штурма Иерусалима, так как им казалось недостойным ждать, пока осажденные ослабеют от голода, «и стремились к опасностям, движимые кто доблестью, многие же отвагой и жадной наград» (*pars virtute, multi ferocia et cupidine praemiorum*). (Г. С. Кнабе переводит последнюю часть фразы «большинство алчностью и жестокостью», что в данном контексте представляется не совсем точным.)

⁵³ *MacMullen R.* The Legion as a Society // *Historia.* 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 450.

⁵⁴ Ср.: *CTh.* VII. 1. 10 (367 г.): *morsu honoris alieni*.

⁵⁵ *Lendon J. E.* Empire of Honour... P. 244.

⁵⁶ См.: *Caes. B. Gall.* I. 40. 15; VI. 40. 7; VI. 50. 4; 80. 3; VIII. 19. 5; *Plut. Caes.* 19; 38; *Ios. B. Iud.* III. 10. 3; *Tac. Ann.* XIV. 36. 2; 37. 3; *Hist.* II. 4; 21; III. 84.

⁵⁷ У Тацита (*Ann.* XIV. 36. 2) в речи Паулина подчеркивается, что слава (*gloria*) будет тем больше, что, одержав победу немногочисленным войском, его воины получат славу (*fama*) целой армии.

virtutis), действительно имела побудительную и обязывающую силу⁵⁸. Вителлианцы даже в плену стремились сохранить славу своей доблести и шли под конвоем, не позволяя себе проявить ни малейшей слабости и не роняя достоинства, несмотря на насмешки и издевательства толпы (Tac. Hist. IV. 2).

В условиях гражданской войны соперничество в славе и доблести между различными частями римской армии, стремление доказать противнику свое превосходство в воинском мужестве и искусстве, несомненно, усиливало противоборство враждующих сторон⁵⁹. Так, Аппиан, рассказывая об ожесточенном сражении двух легионов Антония с Марсовым легионом Октавиана при Мутине, отмечает, что первых страшил позор потерпеть поражение от вдвое меньших сил, а вторых воодушевляло честолюбивое стремление победить два легиона противника, поэтому «они ринулись друг на друга, разгневанные, обуреваемые честолюбием, больше следуя собственной воле, чем приказу полководца, считая эту битву своим личным делом» (пер. О. О. Крюгера). При этом ветераны удивляли новобранцев тем, что бились в образцовом порядке и в полной тишине, а когда уставали, то расходились для передышки, как во время состязаний (ἄσπερ ἐν τοῖς γυμνασίοις) (В. С. III. 67; 68; ср. также: II. 79). Во время Испанской войны Цезаря один из помпеянцев, Антистий Турпион, стал вызывать на поединок кого-нибудь из противников. Вызов принял римский всадник Помпей Нигер, и перед лицом обратившихся к этому зрелищу соратников противники сошлись в схватке, украсив свои щиты блестящими знаками отличия как свидетельствами своей исключительной доблести⁶⁰. Старый центурион-цезарианец, попавший в плен, отказался ради сохранения жизни перейти на сторону Сципиона и предложил ему испытать храбрость Цезаревых солдат, выставив самую доблестную когорту из его войск против десяти плененных вместе с ним бойцов (В. Afr. 45; ср.: Val. Max. III. 8. 7). То же чувство чести и верности своему полководцу, по-видимому, двигало солдатами Отона, которые после его смерти покончили с собой «не из-за вины или страха, но по причине любви к принцепсу и ревнивого чувства чести» (aemulatione decoris) (Tac. Hist. II. 49). Осада Плаценции вителлианцами дала выход взаимной неприязни легионеров и преторианцев⁶¹. «И те и другие, — пишет Тацит (Hist. II. 21. 4), — боятся позора и жаждут славы, и тех и других командиры подбадривают, напоминая

⁵⁸ Feger R. Op. cit. S. 62–63.

⁵⁹ Ср. замечание Аппиана (В. С. IV. 137) о том, что особой ожесточенности гражданских войн после смерти Цезаря способствовали одинаковая опытность, равноценная выучка и добровольное рвение противников.

⁶⁰ [Caes.] V. Hisp. 25. 7: Quorum virtute alacri... scutorumque laudis insignia et praefulgens opus caelum... См.: MacMullen R. Op. cit. P. 449.

⁶¹ Об этой неприязни см. также: Tac. Ann. I. 27; Plut. Otho. 5; 6; Herod. II. 9. 8; 10. 2.

одним о мощи германской армии и ее легионов, другим — о чести римского гарнизона и преторианских когорт...» (пер. Г. С. Кнабе) (ср.: Plut. Otho. 6; Dio Cass. LXIV. 12. 2–3). Лишь в исключительных ситуациях ревность и соперничество легионов отходят в тень, как, например, во время мятежа паннонских легионов, когда солдаты трех легионов объединились воедино, отказавшись от соперничества, хотя каждый искал чести своему легиону⁶²; или как в битве под Бедриаком, после которой и победители, и побежденные заключили перемирие, забыв на время о разногласиях и амбициях перед лицом страданий и пролитой крови (Тас. Hist. II. 45); или как в случае с солдатами Пета во время Парфянской кампании Корбулона, которые попали в трудное положение, вызвавшее у других легионеров чувство сострадания к ним (Тас. Ann. XV. 16).

Стремление отличиться доблестью чрезвычайно усиливалось в том случае, если солдаты могли проявить ее публично, когда свидетелями их мужества оказывались полководцы и товарищи по службе⁶³. Уже само присутствие императора внушает воинам стыд и почтение (Тас. Hist. III. 41; Plut. Otho. 10; ср.: Herod. V. 4. 3). «Счастливы те воины, — восклицает Плиний Младший, обращаясь к Траяну, — чья верность и усердие удостоверялись не через вестников и посредников, но тобой самим, не ушами твоими, но глазами» (Pan. 19. 4). По словам Иосифа Флавия (B. Iud. V. 7. 3; ср.: VI. 2. 5), главной причиной мужества римских солдат был Тит, «появлявшийся повсюду и всегда бывший на виду у воинов. Выказать слабость в присутствии Цезаря, сражавшегося вместе со всеми, считалось ни с чем не сравнимым позором, зато для тех, кто отличался в бою, Цезарь был одновременно и свидетелем, и награждающим, ибо уже одно то, что Цезарь признал чьи-либо заслуги, было само по себе большой выгодой. И поэтому многие выказывали рвение, зачастую превышавшее их силы». Интересно, что для более объективного засвидетельствования действий солдат на поле боя один из военачальников Домициана приказал воинам написать на щитах свои имена и имена своих центурионов (Dio Cass. LXVII. 10. 1), что впоследствии, видимо, вошло в обычай (Veget. II. 18). Солдаты же Констанция, чтобы быть замеченными полководцем в бою, даже сражались без шлемов (Amm. Marc. XX. 11. 12). В такой ситуации воины нарочито подставляют себя под неприятельские выстрелы, «дабы их доблесть стала еще очевиднее» (quo notior testatiorque virtus esset — [Caes.] B. Gall. VIII. 42. 4), сража-

⁶² Тас. Ann. I. 18. 2: *depulsi aemulatione, quia suae quisque legione eum honorem quaerebant.*

⁶³ *Caes. B. Gall. III. 14. 8: reliquum erat certamen positum in virtute... eo magis quod in conspectu Caesaris atque omnis exercitus res gerebatur.* Ср.: I. 52. 1; II. 25. 3; VII. 80. 5; B. civ. III. 114. 8; B. Hisp. 14. 3–4; *Sall. Hist. IV., fr. 7*, а также: *Liv. XLII. 34. 14; Sall. Cat. 7. 6; Amm. Marc. XVI. 12. 18.*

ются так, будто от их мужества зависит исход войны (Tac. Hist. II. 42), стремясь сохранить свою репутацию в глазах товарищей и императора, вдохновляются своими прошлыми и настоящими подвигами (Julian. Or. I. 36 c–d; Sall. Cat. 59. 6); готовы принять геройскую смерть, если есть возможность сделать это на глазах у всех (Cic. De finib. I. 10. 36). По словам Тацита (Hist. III. 84), вителлианцы во время сражения с флавианцами в Риме погибли все до единого, но падали только лицом к противнику и, даже расставаясь с жизнью, думали лишь о том, чтобы умереть со славой. Весьма красноречив в этом плане тот пассаж из поэмы Лукана, где трибун-цезарианец Вултей обращается к своей когорте в момент, когда стало очевидным, что нет никакой возможности вырваться из окружения. Трибун говорит: «... не годится нам пасть, во мгле непроглядной сражаясь... / Когда на полях тела громоздятся, сцепившись, / — Прячется в грудах и смерть: погибает героичество под спудом. / Волей богов мы стоим на виду у союзников наших / И на глазах у врага. Нам зрителей море доставит, / Суша их также пошлет, на скалы их выставит остров, / Будут дивиться на вас с двух сторон враждебные рати... / Но какой бы памятник вечный / Верность и воинский долг, хранимый мечом, ни воздвигли, / Их навсегда превзойдет наших воинов твердая доблесть...» (Phars. IV. 488 sqq.; пер. Л. Е. Остроумова). В данном обращении, как и в других подобных эпизодах (ср., например: App. B. C. IV. 116; 135; Tac. Ann. IV. 73), важна сама сущность мотивации: это не просто желание в безнадежной ситуации дорого продать свою жизнь, но — продемонстрировать высшее качество своей доблести так, чтобы она была засвидетельствована многочисленными зрителями, став примером для других и залогом неколебимой верности любимому вождю.

Такое поведение воинов обуславливалось прежде всего надеждой на получение наград и продвижение по службе. Как мы увидим ниже, система поощрений и воинских почестей, призванная стимулировать рвение и храбрость воинов, отличалась у римлян детальной разработанностью и эффективностью, в равной мере учитывала и коллективную, и индивидуальную доблесть и успешно стимулировала состязательный дух, суля высокий престиж отличившимся. Совокупность рассмотренных выше свидетельств вполне убеждает в том, что самое стремление отличиться воинской доблестью, признание ее высшей нравственной ценностью отнюдь не было чуждо солдатам императорской армии. Многие из них, наверное, могли с полным основанием повторить слова Мария (Sall. B. Jug. 85. 29–30; 33) о том, что он не может похвастаться изображениями предков, их триумфами и консулатами, но зато может предъявить свои многочисленные *dona militaria* и шрамы на груди⁶⁴,

⁶⁴ Такие шрамы всегда рассматривались как почетный знак проявленной доблести (Terent. Eun. 422–423; Liv. II. 23. 4; 27. 2; IV. 58. 13; VI. 14. 6; XLV. 39. 16; Sen. Dial. I. 4. 4;

которые и есть его знатность, не по наследству оставленная, но приобретенная многими трудами и опасностями: в этих отличиях доблесть сама за себя говорит. Так же, как Марий, они могли бы сказать, что не сведущи в греческих книгах, но хорошо знают свою солдатскую науку и приучены ничего не бояться, кроме дурной славы (*nisi turpem famam*).

Подводя общий итог, можно сформулировать следующие выводы. Основополагающие категории римской системы ценностей — *virtus*, *honos*, *gloria* — не мыслились вне агонального контекста, непосредственно связанного и с военной сферой, всегда занимавшей важнейшее место в жизни римлян. В римской армии дух состязательности был прочно укоренен в военно-этических традициях и представлениях, когерентных с исконным пониманием доблести, чести и славы как главных этических ценностей; он сознательно культивировался с помощью разработанной системы поощрений, посредством соответствующего стиля поведения военачальников и императоров. Учитывая то, что говорилось выше о римской дисциплине, следует особо подчеркнуть, что воинская доблесть римлян представляла собой единство двух компонентов. С одной стороны, ее можно охарактеризовать как обыденную, прозаическую храбрость, далекую от всякого исступления, основанную на коллективной организованности, расчете, дисциплине и трудах; с другой — для нее характерна установка на публичную признанность, наглядную явленность воинского героизма. Истоки первой составляющей, вероятно, коренятся в отношении римлян к войне как напряженной, тяжелой работе, подобной упорному крестьянскому труду; вторая же составляющая восходит, на наш взгляд, к аристократическому соперничеству, индивидуалистически-демонстративный характер которого со временем распространяется на все уровни армейской иерархии. С появлением постоянной профессиональной армии соперничество и состязательность стали неотъемлемым атрибутом того корпоративного духа, который отличал легионы и другие подразделения. Честь этого коллектива, становившегося для солдата второй родиной⁶⁵, мнение ближайших соратников и оценка императора, олицетворявшего теперь *res publica*, — вот что в первую очередь мотивировало героическое поведение римского воина.

Plut. Sert. 4; *Aem. Paul.* 31; *Cato Mai.* 1; *Plin. NH.* VII. 103; *Val. Max.* VI. 2. 8; VII. 7. 1; *Cic. Verr.* V. 3. 4; *Apol. Syd. Laud. Const.* 76–84). О семантике этого текста подробно см.: *Flaig E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom.* Göttingen, 2004. S. 123–136.

⁶⁵ Ферр (op. cit. S. 63) справедливо отмечает, что «доблесть войск», *virtus exercituum*, для римских солдат, в значительной мере лишенных в период Империи родовых и национальных традиций, становится эквивалентом *virtus maiorum*, «доблести предков», поэтому можно сказать, что *exercitus* для солдат является отечеством в духовном смысле.

Глава XII

ЧИНЫ И НАГРАДЫ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РИМСКОЙ АРМИИ

Воинские доблести, честь и слава, героизм и дисциплина непосредственным образом взаимосвязаны с существовавшей в римской армии системой чинопроизводства и наград. Эта система, уходящая своими истоками в римскую древность, претерпела в период Империи существенную эволюцию, которая обнаруживает своеобразное сочетание старинных традиций и установок с рядом качественно новых моментов. Притчетт, безусловно, прав, указывая, что отношение к наградам за доблесть отражает различия в национальной психологии. По его словам, греки имели позитивный взгляд на необходимость поощрять доблесть и награждали воинов, если они отличались храбростью, тогда как персы негативно смотрели на награды и карали солдат, если они не сражались хорошо¹. В дополнение к этому верному утверждению надо сказать, что римляне в своей дисциплинарной практике равным образом опирались и на поощрение доблести, и на наказание воинских преступлений и трусости. В обширной литературе, посвященной системе чинопроизводства и наград в римской армии, ценностное значение воинских почестей обычно остается за кадром. Лишь в отдельных исследованиях недавнего времени этому вопросу уделено некоторое внимание². Учитывая высказанные замечания и выводы специалистов по отдельным конкретным проблемам, мы обратим внимание на наиболее характерные общие установки римской системы поощрения воинов и, главное, попытаемся выяснить отношение самих солдат к воинским почестям.

¹ Pritchett W. K. *The Greek State at War*. Vol. 2. Berkeley; Los Angeles, 1974. P. 290.

² Watson G. R. *The Roman Soldier*. N. Y.; Ithaca, 1969; Dobson B. *The Centurionate and Social Mobility during the Principate // Recherches sous les structures sociales dans l'Antiquité classique*. P., 1970. P. 99–116; *idem*. *Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges*. Köln; Bonn, 1978; Maxfield V. A. *The Military Decorations of the Roman Army*. L., 1981; Lendon J. E. *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World*. Oxf., 1997; Eck W. *Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // KHG*. S. 483–496.

Почести (honores) в виде повышения в чине и *dona militaria* всегда мыслились как необходимый стимул доблестного выполнения воинского долга и связывались не только и не столько с материальными выгодами, сколько с престижем и представлениями о воинской чести. Успешное продвижение по службе и боевые награды были знаками признания заслуг и доблестей — *praemia virtutis* — и как таковые обладали несомненным ценностным содержанием (ср.: Cic. *De orat.* II. 347). Римляне создали детально разработанную и гибкую систему поощрения воинов. На это обратили внимание еще древние авторы, подчеркивавшие, что почет и привилегии, связанные с соответствующей должностью или знаками отличия, были у римлян результатом состязания в доблести, постоянного труда и преданности делу. По мнению Полибия, причина высокой доблести римлян заключалась не только в их врожденных качествах, но и в том, что стремление к ратным подвигам умело и действенно стимулировалось исконными римскими обычаями (в частности, обрядом торжественных публичных похорон), а также системой боевых наград (Polyb. VI. 39. 1 sqq.; 52. 10 sqq.). Спустя несколько столетий после Полибия греческий ритор Элий Аристид в своем «Панегирике Риму», не без риторического преувеличения и явно идеализируя реальное положение дел, подчеркивал, что в римской армии распределение постов и отличие лучших определяются не благородным происхождением и не пустыми словами, а делами и поэтому воины считают праздность несчастьем для себя, а труды — средством к достижению желаний и постоянно состязаются друг с другом из-за отличий, так что во всем свете только римские воины молятся о том, чтобы найти врага (Or. 26 Keil. 85; 88). Сколь бы приукрашенными ни выглядели подобные заявления³, очевидно, что система почестей и наград была у римлян несравненно более разработанной и эффективной, нежели у греков⁴.

Говоря об общих особенностях римской системы военных чинов, следует обратить внимание на ярко выраженный сословный характер служебной иерархии: место в ней зависело в первую очередь от социальной принадлежности, так что даже заслуги отходили на второй план, а скорость продвижения по служебной лестнице определялась первоначально занимаемым постом⁵. Такое положение сохранялось, по меньшей мере, до Септимия Севера, который своими преобразованиями открыл более широкие перспективы для низших чинов и млад-

³ Ср. также: *Cato Mai.* Numantiae apud equit. N 18. P. 19; *Ios.* B. Iud. III. 5. 7; *Veget.* II. 8; 21; III. 26.

⁴ *Pritchett W. K.* Op. cit. P. 277 f.

⁵ *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 45–46; *idem.* La III-e légion Auguste. P., 1989. P. 182–184.

ших командиров⁶. Но если высшие командиры в период Принципата не обладали признаками профессионального офицерского корпуса⁷, то средний и младший командный состав (некоторые всаднические офицеры и центурионы различных рангов) представлял собой особую группу профессиональных военных, которую с полным основанием можно считать ядром армии, хранительницей ее традиций. Почти вся жизнь этих командиров проходила в армии. В легионах для того, чтобы дослужиться до центуриона *ex caliga* (из рядовых), требовалось 13–20 лет, а во вспомогательных войсках — 15–20 лет⁸. Венцом долгой карьеры был пост *centurio primipili*, обладавший высоким престижем (*Veget.* II. 8; 21). В среднем его получали в возрасте 50 лет; известен даже случай достижения примипилата в 78 лет⁹. Получая вместе с титулом *primipilaris* денежную награду в размере, открывавшем доступ во всадническое сословие, такой офицер вступал в ряды своеобразной военной аристократии. Август открыл примипиларам путь на посты *tribunus militum* и *praefectus equitum*, а также создал для них новые должности — префекта лагеря и трибуна преторианской когорты. Звание центуриона нередко получали сразу при вступлении на службу лица из числа всадников и муниципальной знати¹⁰ либо преторианцы из числа корникуляриев или эвокатов. Однако во все периоды большую часть легионных центурионов составляли люди, выдвинувшиеся из рядовых¹¹. Как бы ни раз-

⁶ См., например: *Смышляев А. Л.* Септимий Север и *principales* // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1976. № 6. С. 80–91. А. Домашевский связывал ликвидацию сословного деления офицерского корпуса с фактом предоставления Севером *ornamenta equestria* (права ношения золотого кольца) принципалам (*Domaszewski A., von.* Die Rangordnung des römischen Heeres. 3, unveränderte Auflage / Einführung, Berichtigungen und Nachträge von B. Dobson. Köln; Wien, 1981. S. 42).

⁷ Обзор дискуссионный по вопросу о «профессионализме» высших римских командиров см.: *Махлаюк А. В.* *Scientia rei militaris* (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник Нижегород. гос. ун-та. Сер. История. 2002. Вып. 1. С. 13 сл.

⁸ *Wesch-Klein G.* *Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit.* Stuttgart, 1998. S. 48.

⁹ *Dobson B.* Einführung // *Domaszewski.* Op. cit. S. XXX; *idem.* The Centurionate and Social Mobility... P. 102; *idem.* Die Primipilares..., *idem.* The Significance of the Centurion and «Primipilaris» in the Roman Army and Administration // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 396, 427, 432; *idem.* The *primipilares* in Army and Society // KHG. P. 139–152.

¹⁰ Здесь решающими условиями были происхождение и наличие влиятельного покровителя (см., например: *Plin.* Epist. VI. 25. 2; *Juven.* XIV. 193; *Dio Cass.* LII. 26. 6–7). В одном папирусе, датируемом 154–158/159 гг., упоминается о получении непосредственно от префекта Египта звания центуриона без всякой предварительной службы (BGU, 696 = Daris, 50. 9, I. 17 = CPL, 118 = Sel. Pap. II, 401: (*centurio*) factus ex pagano a Sempronio Liberale, praef(ecto) Aegupt(i) (sic!)).

¹¹ Пути достижения центурионата обобщены Б. Добсоном: *Dobson B.* The Significance of Centurion... P. 403 ff. См. также: *idem.* The Centurionate and Social Mobility... P. 100; *Watson.* Op. cit. P. 87.

нились карьеры простых воинов, все дороги вели в конечном счете к центурионату¹². Достижение звания центуриона сулило высокое жалование¹³ и почет, открывало дальнейшие служебные перспективы и возможности для социального возвышения. Из центурионов же от трети до половины достигали примипилата¹⁴. Характерной чертой императорской армии является также детальная специализация постов и функций рядового состава и младших чинов (*principales*). Эти разнообразные посты давали занимавшим их солдатам существенные преимущества в виде освобождения от общих работ, повышенного жалования и лучших условий службы, а также определенный почет¹⁵. Такая система в целом весьма успешно стимулировала желание солдат отличиться и проявить усердие на службе.

Вполне очевидно, что повышение в чине и награды легче было получить во время военной кампании, когда боевые потери делали вакантными те или иные посты и когда появлялась возможность отличиться, обратив на себя внимание начальства (Tac. Hist. I. 5). В мирное время, при обычном течении службы, повышения зависели не столько от храбрости, сколько от разного рода привходящих обстоятельств: расположения начальства (или даже самих воинов, *favor militum* — SHA. Nadr. 10. 3), личных связей и покровительства¹⁶, а также взяток. Последнее явление получило распространение уже в конце республиканского периода¹⁷ и нередко фиксируется в источниках императорского времени. Так, согласно Тациту (Hist. I. 52. 1), Вителлий, приняв командование нижнегерманскими легионами, старался беспристрастно распределять должности и отменил те назначения, которые его предшественник произвел

¹² *Le Bohec Y. La III-e légion Auguste...* P. 258.

¹³ Плиний Старший называет жалование центуриона *opima praeimia* (NH. XVI. 19)

¹⁴ *Dobson B. The Centurionate and Social Mobility...* P. 105.

¹⁵ *Le Bohec Y. L'armée romaine...* P. 48–50. Подробно о структуре карьеры до звания центуриона см.: *Breeze D. J. Pay Grades and Ranks below the Centurionate // JRS. 1971. Vol. 61. P. 130–135; idem. The Career Structure below the Centurionate // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 435–451; idem. The Organisation of the Career Structure of the Immunes and Principales of the Roman Army // BJ. 1974. Bd. 174. P. 245–292.*

¹⁶ Этот фактор играл решающую роль при отборе и назначении кандидатов на командные должности начиная с центурионата (*Dobson B. The «Rangordnung» of the Roman Army // Actes du VII-e Congrès International d'Épigraphie grecque et latine. Constanza 1977. Bucarest; Paris, 1979. P. 203–204*). Ср. также характерное обращение Плиния Младшего к одному из своих друзей, занимавшему пост наместника провинции: «Ты командуешь очень большим войском: поэтому у тебя широкая возможность оказывать покровительство и ты мог в течение долгого времени выдвигать своих друзей» (*amicos tuos exornare*) (Epist. II. 13. 2 / Пер. М. Е. Сергеевко). О покровительстве, оказываемом при назначении на различные военные посты, см. также: *Saller R. P. Personal patronage under the Early Empire. Cambridge; L., etc., 1982. P. 157 f.; 183.*

¹⁷ Ср.: *Cic. De imp. Cn. Pomp. 13. 37*: «И в самом деле, каким человеком можем мы считать императора, в чьем войске продавались и продаются должности центуриона?»

из алчности и по другим неподобающим соображениям¹⁸. Продажа командных должностей в войсках широко практиковалась Гелиогабалом (SHA. Heliog. 6. 2; ср.: 11. 1 и Herod. V. 7. 6). Напротив, о его преемнике Александре Севере биограф с явным одобрением замечает, что тот никогда не допускал продажи почестей, получаемых по праву меча (SHA. Alex. Sev. 49. 1). О широком распространении подобной практики в последующие времена может, наверное, свидетельствовать замечание Вегеция (II. 3) о том, что награды, даваемые прежде за доблесть, стали получать благодаря интригам и войны по протекции добивались того, что раньше получали за труд (ср.: SHA. Gord. tres. 24. 3). В этом Вегеций справедливо усматривал один из факторов падения боеспособности легионов. Император Юлиан в одной из речей обещал своим солдатам не допускать, чтобы почести доставались по тайным проискам и по какой-либо иной рекомендации, кроме собственных заслуг (Amm. Marc. XX. 5. 7). Солдатские письма на папирусах показывают, впрочем, что и прежде, даже в нижних чинах, деньги и протекция были немаловажными двигателями карьеры¹⁹.

Естественно, что злоупотребления при назначении на командные должности были связаны с материальными и прочими выгодами, которые сулил высокий чин. Такие *commoda* закономерно выступали как важный мотивационный фактор продвижения по служебной лестнице. Но в качестве решающего условия получения того или иного поста (по крайней мере, до уровня центуриона) в идеале мыслились все же воинские заслуги и способности. Это видно уже из практически единодушного осуждения практики назначения на высокие посты путем интриг и взяток. Примечателен в этом плане один анекдот о Веспасиане. Узнав, что некий молодой человек из благородной семьи, не имея никаких способностей к военной службе (*militiae inhabilem*), получил высокий центурионский чин с целью поправить пошатнувшееся материальное положение, Веспасиан предпочел пойти на серьезные издержки, но не допустить этого молодого человека в армию: он выделил ему необходимую для ценза сумму и уволил в почетную отставку (*Front. Strat. IV. 6. 4*). Конкретные факты показывают, что даже при наличии очень высокопоставленных родственников карьера армейского центуриона могла складываться обычным порядком, без особого блеска. Показателен

¹⁸ Ср. действия Агриколы, который никогда не доверял отзывам и просьбам со стороны, но назначал на должности всякого, кто отлично нес свою службу (*Tac. Agr. 19*).

¹⁹ Г. Уотсон (op. cit. P. 37) цитирует в этой связи известное письмо флотского солдата Клавдия Теренциана, который пишет отцу о своем желании добиться перевода в когорту и замечает, что без денег ничего невозможно добиться и даже рекомендательные письма не будут иметь значения без непосредственной протекции (P. Mich. 468 = CPL, 251 = Daris, 7). См. также: *Davies R. W. In the Service of Rome // History Today. 1972. Vol. 22. P. 558 ff.*

в этом плане пример Эмилия Пудента, брат которого, Эмилий Лет, был префектом претория при Коммодe. Этот Пудент служил простым центурионом в четырех легионах и лишь потом был причислен к императорской свите (*in comitatu*) и стал дуумвиром квинквеналом колонии Тенитаны (АЕ. 1949, 38).

Храбрость и заслуги, засвидетельствованные знаками отличия, играли, судя по всему, не последнюю роль в продвижении по службе. По оценке В. Максфилд, от 13 до 25 % легионеров, награжденных *dona militaria*, достигали звания центуриона, тогда как солдаты, не имевшие наград, получали его лишь в одном случае из 35. При этом из центурионов, отмеченных наградами, более половины добивались примипилата и более высоких чинов²⁰. Это свидетельствует о том, что наградами, как правило, отмечались действительно достойные люди и подлинные заслуги.

Воинские почести в виде наград и повышений присуждались военачальником, под командованием и ауспичиями которого совершалась данная кампания²¹. С установлением Принципата, в сущности, ничего не изменилось. Но поскольку высшим империем теперь обладал только принцепс, то награды и повышения исходили от него (а в некоторых случаях — от членов императорской семьи)²². На сохранение у проконсулов сенатских провинций такого права указывают только свидетельство Тацита (*Ann.* III. 21. 3) о награждении наместником Африки Апронием солдата Гельвия Руфа в 20 г. н. э. и сообщения Светония (*Aug.* 25. 3; *Tib.* 32. 1), которые относятся, по-видимому, не только к сенатским провинциям. В надписях подобных фактов не отмечено²³. При этом *dona militaria*, за немногими исключениями, были получены в тех кампаниях, в которых командовал сам император²⁴.

Очевидно, что полномочия награждать знаками отличия со временем полностью перешли к принцепсу²⁵. Надписи и литературные источники свидетельствуют, что в представлении солдат воинские почести связывались непосредственно с императором²⁶. В. Эк высказал предположение, что от имени императора награды отличившимся могли вручаться

²⁰ *Maxfield V. A.* Op. cit. P. 239, 243 f.

²¹ В эпоху Республики среди боевых наград исключение составляла *corona civica*, которая могла дароваться самим спасенным гражданином своему спасителю (*Polyb.* VI. 39. 6–7). Но этим венком мог награждать и полководец (*Plut.* Marc. Cor. 3; *Suet.* Div. Jul. 2).

²² *Maxfield V. A.* Op. cit. P. 115 ff. Not. 35. P. 282 (с указанием источников, к которым можно добавить и свидетельство Веллея Патеркула (*II.* 104. 4) об эмоциональной встрече воинов с Тиберием: солдаты напоминают своему полководцу, кого и где он наградил).

²³ *Maxfield V. A.* Op. cit. P. 117.

²⁴ *Speidel M.* The Captor of Decebalus: a new Inscription from Philippi // *JRS.* 1970. Vol. 60. P. 146, со ссылкой на: *Steiner P.* Die *Dona Militaria* // *BJ.* 1906. Bd. 114/115. S. 89.

²⁵ Ср. слова Тиберия у Тацита (*Ann.* VI. 3. 1): «Воинам полагается получать приказания и награды (*praemia*) только от императора».

²⁶ Ср.: *London J. E.* Op. cit. P. 260.

наместниками соответствующих провинций, но при этом награжденные получали кодициллы с собственноручным письмом императора и поэтому имели все основания указывать в своих надписях, что были награждены императором²⁷. Судя по некоторым надписям, иногда вручение наград приурочивалось к триумфу императора²⁸. В отличие от honores в гражданской сфере, воинские почести изначально рассматривались не как признание заслуг со стороны коллектива граждан, но как оценка верховного командующего. Разумеется, далеко не все принцепсы с таким тщанием следили за продвижением воинов по службе, как Септимий Север, помогавший юному Максиминому Фракийцу (SHA. Max. duo. 3. 6), или Александр Север, который делал для себя заметки о повышениях, часто перечитывал их, отмечая, когда, кто и по чьему предложению был повышен в чине (SHA. Alex. Sev. 21. 8). Специально назначением на должности центурионов ведало ведомство ab epistulis, но в конечном счете все важные повышения и переводы по службе подлежали утверждению самим императором²⁹. Предложение же о повышении в чине могло исходить от вышестоящего командира³⁰ или наместника провинции. Плутарх (Galba. 20) сообщает, что Отон содействовал повышению многих солдат, ходатайствуя за них перед Гальбой или обращаясь к его приближенным. Центурион III Августова легиона Катул исполнил обет всем богам за здоровье императора Марка Аврелия и легата Августа в ранге пропретора М. Эмилия Макра, «по представлению которого он был произведен священнейшим императором в ранг центуриона»³¹. Следует отметить, что такая рекомендация,

²⁷ Eck W. Op. cit. S. 495–496.

²⁸ Так, в надписи в честь Веттулена Цериалиса из Карфагена указано, что его наградили император Веспасиан, собираясь отпраздновать триумф над иудеями: hunc imp. T. Caes[ar Vespasianus] triumphaturus [de Iudaeis donavit] coronis muralib[us II coronis val-laribus II] [c]oronis aure[is II hastis puris... totidemque] vexill[is] (CIL VIII 12536 = ILS, 988). Г. Стаций Цельз был награжден Траяном по случаю триумфа над даками: ob triumphos belli Dacici (CIL III 6359 = ILS, 2665). Ср.: CIL VI 31856 = 41271 = ILS, 1327.

²⁹ Watson G. R. Op. cit. P. 86–87.

³⁰ Это могли быть легионные трибуны, готовившие, по-видимому, соответствующее формальное представление. См.: Speidel M. P. The Tribune's choice in the promotion of centurions // ZPE. 1994. Bd. 100. P. 469–470 (данное предположение высказано М. Спейделем на основе надписи, опубликованной в работе: Sarnowsky T. Nova ordinatio im römischen Heer des 3. Jh. und eine neue Primus pilus Weitung aus Novae in Niedermoesian // ZPE. 1993. Bd. 95. S. 197–203).

³¹ CIL VIII 21567: pr[opter] (?) cuius suff[rag]ationem] a sacrat[is] (imo) [Imperatore] ordinib[us] ad]scriptus sum. Об этой надписи подробнее см.: Le Bohec Y. La III-e légion... P. 380. Эта надпись во второй части содержит посвящение Genio summo Thasuni et deo sive deae, [nu]mini sanc[to] («верховному Гению Тасуна и богу или богине, священной божественной силе») во исполнение обета. Возможно, этот обет как раз и был исполнен по случаю повышения в чине. На связь успешной карьеры с благорасположением богов указывают и другие эпиграфические тексты. Об этом речь пойдет ниже, в гл. XIV.

видимо, ко многому обязывала получившего ее, создавая между ним и тем, кто его рекомендовал, отношения клиента — патрона³². Во всяком случае, Цезарь это учитывал и позволил перейти на сторону Помпея всем тем, кого он произвел в центурионы по рекомендации последнего (Suet. Div. Iul. 75. 1). Кроме того, как было сказано выше (гл. VII), предложения о наградах и повышениях могли исходить от воинского коллектива.

В некоторых надписях указываются не только занимаемые посты, но и количество лет, проведенных на каждом из них, как, например, в эпитафии Кв. Этувия Капреола, который 4 года был воином IV Скифского легиона, 10 лет всадником, 21 год центурионом и 5 лет префектом 2-й когорты фракийцев в Германии (ILS, 9090) (ср.: CIL VI 2780 = ILS, 2087). Центурион Секст Самний Север не без гордости указал в надписи, что был назначен аквилифером при том же консуле, когда начал службу (quo militare coepit) (CIL XII 2234). В надписи одного примипила отмечено, что он получил это звание от божественного Адриана досрочно (praerogativo tempore) (CIL VIII 14471). Солдат Амбивий из г. Трея в Италии, не получивший за время службы никаких постов, все же отметил, что отслужил рядовым с честью: [om]ni ho[nore in] caliga [functo] (?) (CIL IX 5647)³³. Обращает на себя внимание и тот факт, что с конца II в. в надписях центурионов часто указывается их ранг (по типу sextus hastatus prior, principes, posteriores), что, возможно, связано с развитием у них особого «сословного сознания» (Standesbewußtsein), гордости за достигнутое положение в армейской иерархии³⁴. Такого рода указания в надписях с несомненностью свидетельствуют о значимости для солдат полученных на службе воинских почестей.

Некоторые воины, заботясь о своей посмертной славе, видимо, еще при жизни заказывали себе надгробия с подробным изложением своего боевого пути. Очень интересно в этом плане открытое в 1965 г. в Филиппах роскошное надгробие с двумя рельефами и пространной надписью, пожалуй, самой детальной из всех известных (AE. 1969/1970,

Подробнейший перечень постов с указанием времени их получения содержится в посвященной надписи в честь Юпитера, Юноны, Фортуны и Минервы, которую сделал в 192 г. примипил XXII Первородного легиона [S]exti[lius] (?) Marc[ianus] (?), начавший службу еще в 140 г. (?) воином преторианской когорты и служивший затем в 7 легионах (CIL XIII 6728). Возможно, детальное изложение карьеры в этом посвящении также связано с благодарностью богам за их помощь в успешной карьере.

³² Ср.: AE. 1917–1918, 74, 75, 76: patrono incomparabili promotus ab eo («несравненному патрону получивший от него повышение по службе»). См.: Lendon J. E. Op. cit. P. 256; Saller R. P. Op. cit. P. 157 ff.

³³ Ср.: ILS, 2085: omnibus officiis in caliga functo, а также ILS, 6727: omnibus honoribus functo.

³⁴ Wesch-Klein G. Op. cit. S. 26–27.

583)³⁵. Оно принадлежит ветерану Тиберию Клавдию Максиму, который сначала служил всадником в VII Клавдиевом легионе, затем занимал посты квестора всадников и телохранителя (*singularis*) легата легиона³⁶, вексилярия всадников, получил свои первые награды от Домициана в Дакийскую войну. Наибольшие успехи связаны у Максима с Траяном, который сделал его дубликарием во 2-й але паннонцев³⁷, а затем, во время войны с даками, — разведчиком и декурионом этой же алы. Указана и конкретная причина последнего повышения: Максим захватил царя Децебала и принес его голову императору в Раниссторе (*quod cepisset Decebalu(m) et caput eius pertulisset ei Ranisstoro*). Сцена пленения царя даков изображена на верхнем рельефе, где Максим верхом на коне нападает на дакийского царя, одетого в варварскую одежду и вооруженного варварским оружием³⁸. Кроме того, Максим еще дважды награждался в ходе Дакийской и один раз в Парфянской кампании за доблесть (*ob virtutem*). Его награды — два торквеса и два браслета — изображены на нижнем рельефе, в несохранившейся части которого, по предположению М. Спейдля, могли быть изображены также фалеры. В отставку Максим вышел как *voluntarius*, т. е. прослужил дольше положенного срока³⁹.

Примеры указания конкретных обстоятельств получения отличий представлены и другими надписями. Так, М. Валерий Максимиан, всадник из *Poetovio*, был награжден М. Аврелием за то, что во время Германской войны сразил собственной рукой Валаона, вождя племени наристов. За это Максимиан получил повышение, став командиром *ala miliaria*, и другие почести (АЕ. 1956, 124), а позже сделался и сенатором⁴⁰. М. Алфий Олимпиак, ветеран-знаменосец XV Аполлонова легиона, сделал подробную надпись Гаю Велию Руфу, примипилару XII Молниеносного легиона, занимавшему посты префекта вексиляриев и префекта в девяти легионах, трибуну XIII городской когорты, который командовал войсками в Африке и Мавретании, усмиряя местные племена, и был награжден Веспасианом и Титом за Иудейскую войну, а

³⁵ Первая публикация с подробным комментарием принадлежит М. Спейдлю (*Speidel M. P. The Captor of Decebalus...*).

³⁶ *Ibid.* P. 144. Эти посты впервые зафиксированы в данной надписи. См. также: Rankov N. B. *Singularis Legat: Legionis: A Problem in the Interpretation of the Ti. Claudius Maximus Inscription from Philippi* // ZPE. 1990. Bd. 80. P. 165–175.

³⁷ Интересно, что в данном случае назначение осуществлено самим императором, хотя обычно повышения во вспомогательных частях производились командующими провинциальных армий (*Speidel M. P. The Captor of Decebalus... P. 146*).

³⁸ *Ibid.* P. 149–150. Not. 90. Pl. XV.

³⁹ До открытия этой надписи термин *voluntarius* не был известен. См.: *ibid.* P. 151.

⁴⁰ Подробно об этой надписи см.: Maxfield V. A. *Op. cit.* P. 59, 237; Alföldy G. P. *Helvius Pertinax und M. Valerius Maximianus* // *Opuscula Iosepho Kastelic sexagenario oblata. Situla. 14/15. Ljubljana, 1974. S. 201–215* (= *idem. Römische Heeresgeschichte. 1962–1985. Amstredam, 1987.*

потом за войну с маркоманами, квадами и сарматами венками, торквезами, фалерами, браслетами, копьями, знаменами. Этот Руф, ставший при Домициане прокуратором Паннонии, Далмации и Реции, еще при Веспасиане был послан в Парфию и привел императору сыновей царя Антиоха с большим отрядом (ILS, 9200).

Говоря о наградах, следует отметить некоторые особенности римской практики награждения отличившихся воинов и ее изменения в императорский период. Первоначально награждение тем или иным знаком отличия определялось характером совершенного деяния⁴¹, на что явно указывают названия наградных венков: *obsidionalis*⁴², *muralis*, *castrensis*, *vallis*, *navalis*, *civica* (Plin. NH. XVI. 7; XXII. 6 sqq.; Polyb. VI. 39. 1 sqq.; Gell. V. 6)⁴³. Кроме венков, принадлежащих классической традиции, в качестве *dona militaria* использовались особые наградные копья (*hastae puraе*), флажки (*vexilla*), ожерелья (*torques*), браслеты (*armillae*) и фалеры — особые металлические или стеклянные бляхи с разного рода изображениями. Всадники могли также получать серебряные рожки на шлемы (Liv. X. 44. 5). Происхождение и форма этих наград связаны с предметами, служившими трофеями или являвшимися частью римского военного снаряжения⁴⁴. В качестве наград использовались также денежные подарки, увеличение доли в добыче, внеочередные повышения в чине, двойное жалованье и дополнительный паек, публичная благодарность (*laudatio*), а со времени Септимия Севера — перевод легионеров в преторианскую гвардию (Dio Cass. LXXIV. 2. 3). Наградой, возможно, могло служить и досрочное увольнение в почетную отставку⁴⁵. Кроме того, отличившийся центурион мог быть причислен к всадническому сословию (*equo publico exornatus*)⁴⁶. Известно также о такой почести, как воздвижение в честь отличившихся воинов статуй в боевом вооружении (Amm. Marc. XIX. 6. 12; ср. также рассказ Валерия Максима (III. 1. 1) об Эмилии Лепиде, которому, после того как он 15-летним юношей вступил в битву и спас согражданина, была воздвигнута статуя на Капитолии). Широкое использование *dona militaria* в императорской армии

⁴¹ Важную особенность отмечает Полибий (VI. 39. 4): достойным награды у римлян считалось отличие, проявленное не в регулярном сражении, а в таких обстоятельствах, в которых солдаты по собственной воле шли на риск.

⁴² Венки за освобождение от осады назывались еще *graminea* — «травяной», т. к. изготавливался из простой травы (Plin. NH. XXII. 4).

⁴³ Исключением из этого ряда была *corona aurea*, самая древняя, которой награждались за подвиги, не попадавшие под другие категории. Максфилд (op. cit. P. 80–81) называет ее поэтому «типом награды на все случаи» (all-purpose type of decoration).

⁴⁴ Maxfield V. A. Op. cit. P. 60–61.

⁴⁵ В надписи от 71 г. н. э. упоминаются воины, которые за проявленную на войне храбрость и усердие были досрочно опущены со службы (CIL XVI 17: *ante emerita stipen[di]a eo quo]d se in expeditione belli fortiter industrie gesserant, exauctorati sunt.*

⁴⁶ Ibid. P. 245. Not. 31–33 (с указанием источников).

и регулярные донативы, по-видимому, призваны были компенсировать уменьшившееся значение добычи в качестве вознаграждения⁴⁷. У истоков этой практики стоит, вероятно, Август, который упорядочил условия службы и систему поощрений и, судя по замечанию Светония (Aug. 25. 3; 49.2), стремился повысить престиж почетных наградных венков, сохраняя, видимо, их изначальную связь с конкретным деянием и беспристрастно награждая ими даже рядовых (*parcissime et sine ambitione ac saepe etiam caligatis tribuit*)⁴⁸.

Постепенно, однако, порядок награждения знаками отличия существенно изменился. Если прежде награждение напрямую не зависело от ранга и социального статуса военнослужащего, то к третьей четверти I в. н. э. получение *dona*, их набор и количество стали определяться воинским званием⁴⁹. Такой порядок явился, как отмечает В. Максфилд, естественным следствием развития резко стратифицированного военного сообщества и профессионализации армии, хотя в целом практика императорского времени является скорее кульминацией тех тенденций, которые наметились еще в последние годы Республики⁵⁰. Во второй половине I в. н. э. система *dona militaria* включала в себя около 10 различных базовых наград, которые давались в виде формализованных комбинаций, зависевших прежде всего от ранга награждаемого. Рядовой солдат теперь мог быть награжден только торквесами, браслетами и фалерами, а также гражданским венком, который остался единственным исключением среди прочих наградных венков, зарезервированных теперь, так же как и *vexilla* и *hastae*, за офицерами⁵¹. Вероятно, для эффективного функционирования системы награждений существовал специальный свод правил, но никаких прямых свидетельств императорского времени о нем не сохранилось⁵². Однако занимаемый пост никогда не был един-

⁴⁷ Maxfield V. A. Op. cit. P. 59.

⁴⁸ Ср.: Neumann A. Zu den Ehrenzeichen des römischen Heeres // Beiträge zum alten europäischen Kulturgeschichte. Festschrift für Rudolf Egger. Bd. 2. Klagenfurt, 1953. S. 266.

⁴⁹ Idem. *Disciplina militaris* // RE. Suppl. Bd. X. 1965. Sp. 164; Maxfield V. A. Op. cit. P. 14; 64; Watson G. R. Op. cit. P. 114–115. Таблицы сопоставления чинов и знаков отличия см.: Parker A. M. D. *The Roman Legions*. 2-d ed. N. Y., 1958. P. 231.

⁵⁰ Maxfield V. A. Op. cit. P. 56; 63 ff.

⁵¹ Ibid. P. 213. А. Домашевский (*Die Rangordnung...* S. 69) считал без веских к тому оснований, что отсутствие документированных случаев награждения *corona civica* от Клавдия до Септимия Севера связано с тем, что этот венок, как постоянное украшение императорского дворца, стал исключительной принадлежностью принцев, а Север, не желавший более быть *principes civium*, вновь стал награждать им центурионов.

⁵² Какие-то правила, регулировавшие порядок награждений, вероятно, существовали и в конце Республики. Как свидетельствует одно из посланий Цицерона, написанное по завершении его кликийского наместничества, от командующего требовалось подать в определенный срок доклад с представлением отличившихся для утверждения в сенате (*Cic. Fam. V. 20. 7*).

ственным критерием для получения *dona*: конкретная заслуга и отличие всегда так или иначе отмечались соответствующей наградой⁵³.

Вручение наград происходило обычно по завершении войны или сразу после успешного сражения и сопровождалось торжественной церемонией. Созывалось собрание всего войска, совершались победные жертвоприношения, полководец произносил в честь отличившихся похвальную речь, одаривал их ценностями из добычи, награждал *dona* и производил повышения в чине⁵⁴. Раздача наград до того, как враг был разбит, считалась делом неподобающим (Plut. Pomp. 38). Большинство известных награждений имело место в тех войнах, в которых Рим оказывался победителем. Шанс получить награду за доблесть, проявленную в ходе неудачной кампании, был минимален, хотя теоретически такая возможность не исключалась⁵⁵. *Dona* вручались независимо от того, внешней или внутренней была война. Подмечено, однако, что в эпитафических памятниках часто отсутствует указание на кампанию, в которой были получены знаки отличия, если она была связана с гражданской войной⁵⁶. Вместе с тем известны факты, когда боевые награды получали гражданские лица или люди, не принимавшие непосредственного участия в боевых действиях. Например, Клавдий наградил после Британской кампании евнуха Посидия почетным оружием (Suet. Claud. 28; [Aur. Vict.] Epit. De Caes. 4. 8), а Луций Вер пожаловал почетное копье и крепостной венок Аврелию Цейонию Никомеду, своему бывшему спальнику и воспитателю, который ведал снабжением войск (CIL VI 1598)⁵⁷. Но подобные случаи в целом все же следует рассматривать как исключение⁵⁸.

В период Империи право быть награжденными *dona* имели только воины, являвшиеся римскими гражданами. Это, по мнению Домашевского, связано с тем, что только *cives Romani* в представлении римлян обладали *virtus* и *honos*⁵⁹. Правда, среди эпитафических свидетельств имеется 4 очевидных и 3 возможных случая получения *dona militaria* солдатами вспомогательных войск (почти все они относятся ко времени Флавиев), но среди них только одно несомненно принадлежит солдату-палатину — Антиоху, всаднику из алы парфян и арабов (датируется, вероятно, временем Тиберия)⁶⁰. В период Республики такого различия, видимо,

⁵³ Maxfield V. A. Op. cit. P. 64; 185; Watson G. R. Op. cit. P. 116.

⁵⁴ Катон специально подчеркивает, что это делалось для того, чтобы и другие воины захотели проявить себя (Orig. Fr. 128 P.). См. также: B. Afr. 86; Polyb. VI. 39. 1–3; Sall. B. Jug. 54. 1; Liv. XXXIX. 31. 17–18; Jos. B. Iud. VII. 1. 3; Amm. Marc. XXIV. IV. 24; 6. 15.

⁵⁵ Maxfield V. A. Op. cit. P. 115.

⁵⁶ Ibid. P. 110 ff.

⁵⁷ Ср.: ibid. P. 114–115, с другими примерами.

⁵⁸ Steiner P. Op. cit. S. 92. Anm. 4.

⁵⁹ Domaszewski A., von. Die Rangordnung... S. 68.

⁶⁰ Maxfield V. A. The Ala Britannia, *dona* and peregrini // ZPE. 1983. Bd. 52. P. 143 ff.

не существовало. Оно появилось скорее всего в связи с интеграцией *auxilia* в римскую армию в качестве регулярного рода войск⁶¹. В то же время воины-пeregрины могли награждаться *dona militaria* коллективно, целым подразделением, получая почетное наименование либо по названию награды (*torquata* или *armillata*)⁶², либо в честь императора, иногда со специальным указанием «за доблесть»⁶³. В качестве награды за доблесть pereгринские формирования могли получать также римское гражданство в индивидуальном и коллективном порядке⁶⁴. Следует согласиться с выводом Максфилд о том, что предоставление римского гражданства pereгринам по эдикту Каракаллы 212 г. отнюдь не случайно совпадает по времени с исчезновением упоминания *dona* в эпиграфике. Именно при Каракалле, по всей видимости, сходит на нет практика награждения традиционными знаками отличия⁶⁵. Теперь вместо них все чаще используются более «практичные» формы поощрения: денежные выплаты (*praemia nummaria*), увеличение пайка, повышение в чине и т. п.⁶⁶ В III–IV вв. широкое распространение получают разного рода ценные подарки: фибулы, геммы, золотые медальоны с легендами типа *gloria (virtus, concordia, fides) exercitus (militum)*⁶⁷. Очевидно, среди факторов, обусловивших упадок системы *dona militaria*, не последнюю

⁶¹ *Eadem*. The Military Decorations... P. 121 ff.

⁶² Такие награды, очевидно, крепились к знаменам данного подразделения (*Zonara*. VII. 21). См.: *Domaszewski A., von*. Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885. S. 57; 67; *idem*. Die Rangordnung... S. 118; *Maxfield V. A.* The Military Decorations... P. 218 f.; *Neumann A.* Die Bedeutung der Medaillions auf den Fahnen des römischen Heeres der frühen Kaiserzeit // Wiener Jahreshefte, hrsg. von der Zweigstelle Wien des Archäologischen Instituts des Deutschen Reichens. Baden bei Wien, 1943. 35. S. 27–32.

⁶³ Например, CIL VII 340, 341, 344: *ala Augusta ob virtutem appellata*; RIB, 897: *ala Aug(usta) Gordia(na) ob virtutem appellata*. Ср. также: *Veget.* I. 17 о двух легионах, которые получили от Диоклетиана и Максимиана за заслуги и доблесть наименование «Юпитеров» и «Геркулесов».

⁶⁴ Например, АЕ. 1904, 31: *coh(ors) I Baetasiorium c(ivium) R(omanorum) ob virtutem et fidem*. См. выше, гл. IV. Эта практика награждения римским гражданством, как мы отметили, широко стала применяться Марием, хотя существовала и ранее. См.: *Maxfield V. A.* The Military Decorations... P. 121; 126–127; 218 f.

⁶⁵ *Maxfield V. A.* The Military Decorations... P. 126; 248; 253. Иная точка зрения: *Büttner A.* Untersuchungen über Ursprung und Entwicklung von Auszeichnungen in römischen Heere // ВJ. 1957. Bd. 100. S. 172 f. По мнению Г. Веш-Кляйн (op. cit. S. 58–59), дело не только в том, что со временем *dona* утратили свое идеальное значение, но и в том, что в римской армии, ставшей профессиональной, место отдельного солдата в армейской иерархии определялось рангом и жалованьем и соответственно требовалось вознаграждать отличия реальными ценностями; необходимо было также награждать и тех, кто не участвовал в боевых действиях, но имел определенные заслуги.

⁶⁶ *Maxfield V. A.* The Military Decorations... P. 248; 254. Ср.: *Grant M.* The Army of the Caesars. L., 1974. P. 258.

⁶⁷ *MacMullen R.* The Emperor's Largesses // *Latomus*. 1962. T. 21. N 1. P. 159–166 (особенно P. 162–164).

роль сыграла деградация традиционных ценностных ориентаций среди солдат римской армии в позднеримский период. Впрочем, эта деградация имела место и раньше. Так, после свержения и убийства Гальбы 120 человек подали Отону прошение о награде за участие в этом деле. К чести Вителлия, он потом по этим запискам всех их разыскал и казнил (Suet. Vitel. 10. 1; Plut. Galba. 27). Показателен, впрочем, сам факт столь массового отступления от той нормы, на которую обратил в свое время внимание Полибий (VI. 37. 10): у римлян позором считалось ложно приписать себе доблестный подвиг ради получения отличия.

Говоря о нормативных ценностных ориентациях, следует прежде всего выделить принцип неразрывной связи воинских почестей и чести с реально проявленной доблестью, поощрение которой и было главной целью наград (Polyb. VI. 39. 8). В надписях рядовых и офицеров при упоминании наград и повышений нередко используются выражения *ob virtutem*, *virtutis causa*. Например, в надписи на надгробии префекта 7-й когорты галлов Г. Юлия Коринфиана, похороненного в Апуле (Дакия), говорится, что императоры наградили его за доблесть: *ob virtutem suam sacratissimi imper(atores) coronam muralem hastam puram et vex[il]lum argent(um) insignem dederunt* (CIL III 1193 = ILS, 2746). Один знаменосец получил свои награды *ob virtutes* (CIL V 7495 = ILS, 2337). В некоторых надписях встречается формула *honoris virtutisque causa* (например: CIL III 14187 = ILS, 4081; ILS, 2663⁶⁸). В надписях офицеров наряду с формулой *ob virtutem* используется также выражение *ob res prospere gestas* или *ob victoriam*⁶⁹. Тит Аврелий Флавин, примипилар и *princeps ordinis* колонии *Ulpia Oescus* в Мёзии, был удостоен Каракаллой награды в 75 тыс. сестерциев и получил повышение в чине (*gradum promotionis*) за вдохновенную доблесть, проявленную против враждебных карпов и за блестящие и энергичные действия: *[ob] alacritatem virtu[tis adv]ersus hostes Ca[rpos]* (или, согласно другому предложенному чтению, *Se[nnos]*) *et res prospere et va[lide ges]tas* (CIL III 14416 = ILS, 7178 + AE. 1961, 208). Примипила Бузидия император Август удостоил почетных назначений на блистательнейшие всаднические должности и за проявленное усердие на различных военных постах даровал гражданство его детям и потомкам (CIL IX 335; ср.: X 3903; ILS, 2666). Варрон (LL. V. 90), разъясняя значение слова *duplicarii*, писал, что так называются воины, которые за доблесть по обычаю получают двойной

⁶⁸ В этих надписях фигурирует Секст Вибий Галл, трещенарий, примипилар, префект лагеря XIII легиона Близнаца, награжденный императорами за честь и доблесть торквесаами, фалерами, тремя стенными венками, двумя венками за взятие вала, одним золотым венком, пятью копьями и двумя флажками.

⁶⁹ См.: *Speidel M. P. The Captor of Decebalus...* P. 145. Not. 38 (с указанием источников).

паек⁷⁰. Исидор замечает по поводу наградных браслетов, что они даются воинам в связи с одержанной победой и *ab armorum virtute* (Etym. XIX. 31. 16). Доблесть и заслуги в сражении (*virtus atque opera in pugna*) неоднократно упоминаются Ливием как основание для награждения (например: XXVI. 48. 13; XXIV. 16. 8).

Как мы видели в предыдущей главе, в расчете на повышения и награды среди римских солдат разворачивалось настоящее состязание в храбрости. В дополнение к вышеприведенным примерам можно сослаться на Иосифа Флавия (B. Iud. VI. 2. 6), который пишет, что в одном из сражений римляне «состязались друг с другом, воин с воином, отряд с отрядом, и каждый надеялся, что этот день станет началом его повышения, если он будет храбро сражаться» (ср.: VI. 1. 5, где Тит обещает повышения и почести тем, кто первым пойдет на приступ). Во время осады Герговии центурион Л. Фабий заявил своим соратникам, что, рассчитывая на обещанные награды, он не допустит, чтобы кто-либо прежде него взшел на стену, и сдержал свое слово (Caes. B. Gall. VII. 47. 7). Можно также вспомнить смотр центурионов, проведенный Германиком по требованию солдат во время волнений в германских легионах. Условием сохранения звания было подтверждение трибунами и рядовыми воинами усердия (*industria*) и добросовестности (*innocentia*) этих центурионов; учитывались также годы службы, отличия в сражениях (*quae strenue in proeliis fecisset*) и полученные награды (Tac. Ann. I. 44. 5). Доблесть, проявленная в ратных трудах и вознагражденная почетным воинским званием, стала темой поэтического послания Овидия примипилу Весталису, отличившемуся при отвоевании Эгисса на Дунае (Ex Ponto. IV. 7. 15 sqq.: *tenditur ad primum per densa pericula pilum contigit ex merito qui tibi nuper honor*). Та же тема звучит и в стихотворной эпитафии Ульпию Оптату (вероятно, III в.), в которой говорится, что этот молодой родовитый воин стяжал честь и почет за доблесть в звании префекта (*decus et virtutis honorem gestavit*) (EE. V. 1049 = Buecheler, 520 = ЛЭС, 49). В позднеримский период, когда получение должностей особенно часто было связано с протекцией и взятками, императоры специально предписывали учитывать при повышениях заслуги и проявленное на службе усердие (CTh. VII. 3. 1 (393 г.): ... *ratio est habenda meritorum, ut is potissimum potiozem adspicatur gradum, qui meruerit de labore suffragium...*).

Приведенные примеры с достаточной очевидностью доказывают, что принцип «меритократии» и взаимосвязи доблести и воинских почестей в виде чинов и знаков отличия присутствовал в римской армии на всем протяжении императорского периода. Однако в императорской

⁷⁰ Ср.: *Veget. II. 7*: «Массивный золотой торквес был наградой за доблесть; тот, кто ее заслужил, иногда кроме славы получал двойной паек».

армии, где чин помимо почета давал серьезные материальные преимущества и открывал путь к повышению социального статуса, уже вряд ли было возможно столь высокое понимание воинского долга, которое Тит Ливий приписывает заслуженному центуриону Спурию Лигустину. Когда войсковые трибуны во время призыва центурионов-ветеранов на войну с македонским царем Персеем стали зачислять их в войско без учета прежних заслуг, что вызвало естественное возмущение заслуженных воинов, Лигустин произнес речь и заявил, что не откажется служить на любом посту, какой определят ему трибуны, и постарается только, чтобы никто не превзошел его доблестью. При этом он призвал своих товарищей считать почетным любое место, на котором можно защищать государство (Liv. XLII. 34. 11 sq.).

Но если стремление к продвижению по службе подкреплялось солидными материальными стимулами, то знаки отличия и в императорской армии оставались, по существу, стимулом сугубо моральным и символическим. Сами по себе *dona militaria* не давали никаких других преимуществ, кроме почета и престижа, хотя, как уже отмечалось, могли увеличивать шансы на повышение. По словам Сенеки (*De benef.* I. 5. 6), венки сами по себе не имеют никакой ценности и не являются почетом как таковым, но только знаком почета. Это справедливо даже в том случае, если наградные венки или другие знаки сделаны из драгоценного металла⁷¹. В подтверждение этого можно вспомнить рассказ Валерия Максима (VIII. 14. 5) о том, как Сципион в 47 г. до н. э. награждал отличившихся во время африканской кампании. Он отказался вручить золотые *agmillae* одному коннику, рекомендованному легатом Титом Лабиеном, так как выяснилось, что этот боец был в прошлом рабом. Тогда Лабием, желая все же поощрить храброго воина, подарил ему от своего имени золото, на что Сципион заметил, что такое золото всего лишь дар богача. Это страшно смутило солдата, и он бросил золото под ноги Лабиему. Но, услышав, что Сципион решил все же наградить его серебряными браслетами, солдат преисполнился радостью. В связи с этим анекдотом представляет интерес и сообщение Плиния (NH. XXXIII. 37) о том, что граждане в старину награждались серебряными торквесами, тогда как неграждане получали в награду золотые⁷². Акцент на символической ценности знаков отличия тем более очевиден, что два высших наградных венка, *obsidionalis* и *civica*, с самого начала изготавливались соответственно из травы и дубовых листьев.

Римские *dona militaria* никогда не были просто медалями, отмечавшими только сам факт участия в данной кампании, но являлись поче-

⁷¹ Maxfield V. A. The Military Decorations... P. 56.

⁷² Такое различие сомнительно, хотя и не исключено, что оно существовало в ранний период. См.: *ibid.* P. 88.

стью, которую далеко не каждому удавалось заслужить. Проведенный В. Максфилд анализ надписей, содержащих списки воинов с отметками о награждении *dona*, подтверждает это⁷³. В одном из таких списков, относящемся к солдатам преторианской гвардии, которые вышли в отставку между 169 и 172 гг., из 69 сохранившихся имен лишь 9 (13 %) имеют пометку *d(onis) d(onatus)*. В списке солдат VII Клавдиева легиона (конец II в.) такую пометку имеют лишь 10 солдат из 150 (7 %). Список солдат II Парфянского легиона, датируемый 197 г., очень фрагментарен, но из нескольких воинов отмечается только один награжденный. Примечательно, что эти списки показывают большую пропорцию награжденных рядовых, чем можно было бы предположить, основываясь лишь на индивидуальных надписях, судя по которым гораздо чаще награды получали офицеры.

Так или иначе, награждение *dona* составляло важный момент карьеры и чаще всего отмечалось в надписях воинов. Иногда соответствующие знаки отличия изображались на надгробных памятниках в виде отдельных рельефов или вырезались на униформе скульптурного изображения погребенного. Интересно, что ветеран XIII легиона *Gemina* назван в надписи *miles torquatus et duplarius* (CIL III 3844). Эти *insignia*, несомненно, вызывали чувство гордости у награжденных солдат, и их ношение и изображение выражало непосредственную ориентацию на оценку со стороны того сообщества, в котором солдат жил. Награды за доблесть римские солдаты даже специально надевали в бой ([Caes.] V. *Hisp.* 25. 7)⁷⁴. Отдавая последние почести Августу, солдаты, как высшую ценность, бросали в его погребальный костер полученные от него знаки отличия (Dio Cass. LVI. 42. 2). В свете всего сказанного нельзя не согласиться с В. Максфилд, которая резонно возражает Ж. Арману, считавшему, что в конце Республики *dona* начали терять свое прежнее значение в глазах солдат, которые больше не гордились ими так, как их предшественники⁷⁵. Хотя такая точка зрения находит некоторое обоснование в источниках⁷⁶, последующая история *dona* ее не подтверждает. Безусловно, даже самым выдающимся героям императорской армии было очень далеко до М. Манлия (Liv. VI. 20. 7; Plin. NH. VII. 103), Гая

⁷³ См.: *ibid.* P. 136 ff.

⁷⁴ *MacMullen R.* The Legion as a Society... P. 447; 449. Максфилд считает подобную практику ношения *dona* в бою маловероятной (The Military Decorations... P. 141 f.).

⁷⁵ *Harmand J.* L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967. P. 467; *Maxfield V. A.* The Military Decorations... P. 66.

⁷⁶ Например, *App.* B. C. V. 128: после победы над Секстом Помпеем в ответ на предложение Октавиана добавить легионам еще много венков и дать воинам звание членов совета на родине, повременив при этом с выплатой наградных и наделением земель, трибун Офиллий заявил, что венки и пурпурные одежды — детские игрушки, награды же воинам — земля и деньги.

Мария и тем более до легендарного Сикция Дентата, жившего, по преданию, в середине V в. до н. э., который участвовал в 120 сражениях, 8 раз выходил победителем в единоборствах, имел 45 шрамов на груди и ни одного на спине, был награжден 18 *hastae purae*, 25 фалерами, 83 торквесами, более чем 160 браслетами, 14 гражданскими венками, 8 золотыми, 3 стенными и одним *obsidionalis* (Val. Max. III. 2. 24; Dion. Hal. Ant. Rom. X. 36–38; Plin. NH. VII. 101–102; XXII. 9; Fest. 208 L; Gell. II. 11; Amm. Marc. XXV. 3. 13). Хотя и в период Империи были воины, стяжавшие немало боевых наград, число последних было на порядок ниже, чем у Дентата⁷⁷.

О высоком общественном престиже знаков отличия свидетельствует не только их упоминание в солдатских надписях, но и древний обычай носить полученные за доблесть награды во время торжественных процессий, триумфов⁷⁸ и на играх⁷⁹, а также на различных парадах (Lucan. Phars. I. 356–358; Tertul. De coron. 1. 1 sqq.)⁸⁰. Значение некоторых высших наград было в свое время так велико, что награжденные ими признавались достойными пополнить сенат, как это было после Канн, когда в состав сената вместе с низшими магистратами были включены те, кто имел гражданский венок и *spolia opima* (доспехи, снятые с противника в единоборстве) (Liv. XXIII. 23. 6). Клавдий Марцелл в юности отличился многими подвигами, отмеченными соответствующими наградами, и этим, по утверждению Плутарха, приобрел широкую известность в Риме, так что его избрали эдилом и авгуром (Plut. Marc. 2. 2). Награды могли стать источником и других почестей. Так, М. Гельвий Руф, награжденный Тиберием гражданским венком на войне с Такфаринатом (Tac. Ann. III. 21. 3), получил впоследствии почетное прозвище *Civica* (CIL XIV 3472). В надписи в честь примипила Дидия Сатурнина, патрона общины сатурнийцев, который был отмечен многими наградами, в том числе *corona aurea civica*⁸¹, указано, что граждане Сатурнии оказали ему почет «за его знаки отличия, полученные на службе государству»

⁷⁷ Watson G. R. Op. cit. P. 117.

⁷⁸ Триумф рассматривался как честь не только для полководца, но и для воинов (Liv. XLV. 38. 3).

⁷⁹ Maxfield V. A. The Military Decorations... P. 141 ff.

⁸⁰ Bishop M. C. On Parade: Status, Display, and Morale in the Roman Army // Akten des 14. Internationalen Limeskongress, 1986 in Carnuntum. T. 1. Wien, 1990. P. 21 ff. О той роли, какую играли *dona militaria* в повышении общественного статуса их обладателя, ср.: Rüpke J. *Domi militiaeque. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom.* Stuttgart, 1990. S. 205 f.

⁸¹ Многие авторы видели здесь один венок, считая его новой наградой, введенной Септимием Севером (Domaszewski A., von. Die Rangordnung... S. 69; Steiner P. Op. cit. S. 43; Watson G. R. Op. cit. P. 116), но скорее все же права В. Максфилд (The Military Decorations... P. 72; 199), которая полагает, что в данном случае подразумеваются две различные награды — *corona aurea* и *corona civica*.

(ob insigni[a] eius in rem pub(licam) merita) (CIL XI 7264 = AE. 1900, 95 = ILS, 9194).

Важно отметить, что по римским традициям обладание воинскими почестями увеличивало не только престиж, но и ответственность воинов⁸². Ливий (XXV. 7. 4; ср.: Plut. Marcel. 13) сообщает, что после поражения при Каннах сенат в ответ на обращение воинов, уцелевших после разгрома и просивших разрешить им сражаться, заявил, что проконсул Марцелл может их использовать, лишь бы каждый из этих воинов делал свое дело, не получая награды за доблесть. Иначе говоря, воины, однажды проявившие трусость, считались недостойными наград. Те же, кто имел такие отличия, рассматривались как наиболее ответственная часть войска. Не случайно, наверное, Антоний Прим в 69 г. н. э. во время солдатского волнения обратился за поддержкой к самым известным и отличившимся воинам, называя их по имени⁸³.

Подводя общий итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что чинопроизводство и награды были важнейшим инструментом воспитания и стимулирования в воинах необходимых профессиональных качеств и духа состязательности. «Надежда на чины и награды» — *spes praemiorum et ordinum* (Caes. B. civ. I. 3. 2), на повышение социального статуса и престижа, а также на прочие выгоды военной службы не в последнюю очередь обеспечивала приток в армию добровольцев. Став профессиональными военными, эти люди обретали и специфические ценностные ориентации, среди которых важное место принадлежало категориям «почет» и «честь», связанным с усердной и доблестной службой императору. Без этого закрепленного в военно-этических представлениях и традициях компонента не мог бы эффективно и успешно функционировать такой сложный организм, как римская армия.

⁸² Ср.: Maxfield V. A. The Military Decorations... P. 247.

⁸³ Tac. Hist. III. 10. 4: ...quemque notum et aliquo militari decore insignem adspexerat...

Глава XIII

RELIGIO CASTRENSIS И ВОИНСКИЙ ЭТОС

Вся военная сфера в Древнем Риме, важнейшие устои и традиции римской армии — от военной присяги, устройства лагеря, практики командования, воинской дисциплины до воинских церемоний и ритуалов, совершавшихся до и после сражений, — всегда были самым непосредственным образом связаны с сакральными представлениями и религиозно-культовой практикой. Указание на это уже давно стало общим местом в научной литературе, начиная с основополагающих работ А. фон Домашевского, Ш. Ренеля и других исследователей¹. Однако задача изучения религии римской армии как целостной системы, во многом определявшей мировоззрение, этос и поведение солдат, по-прежнему остается актуальной². В рамках нашей темы мы остановимся лишь на одной стороне этой системы — на корреляции армейской религии и характерного воинского этоса, присущего солдатам римской императорской армии.

Современные исследователи, изучающие религиозную жизнь Древнего Рима, справедливо отмечают, что в реальности не существовало некой единой римской религии, но правильнее говорить о «римских религиях, соответствующих различным социальным группам: городу, легиону, подразделениям легионов, коллегиям служащих или ремесленников, кварталам, семьям и т. д.»³. Среди всего огромного многообразия религиозных представлений и культовых практик римского мира особое место, несомненно, принадлежит религии военных людей, или, по более конкретному и емкому выражению Тертуллиана, *religio castrensis* (Apol. 16. 8; Ad nationes. I. 12). Христианский апологет не без веских на то оснований усматривал ее сущность и главное содержание в поклонении военным штандартам (*signa militaria*). С такой точкой зрения, по существу, был солидарен и А. фон Домашевский, который считал ядром солдатской религии культ знамен и писал даже о преоб-

¹ См. ниже, сн. 5.

² *Helgeland J. Roman Army Religion // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1500.*

³ *Scheid J. La religion des romains. P., 1998. P. 20.*

ладания среди армейских культов (по меньшей мере, до эпохи Северов) *Fahnenreligion*⁴. Как мы попытаемся показать в следующей главе, именно поклонение военным значкам и штандартам было наиболее тесным образом связано с ценностными, военно-этическими приоритетами римских солдат. В данной же главе предметом нашего внимания станут другие аспекты такой важной, но все еще недостаточно исследованной проблемы, как соотношение религиозных практик и представлений с ценностными ориентациями солдат императорской армии. Объектом нашего анализа будут главным образом votivные надписи, сделанные солдатами и офицерами императорской армии. Эти любопытнейшие и достаточно многочисленные памятники несут исключительно важную, во многом уникальную информацию об иерархии и содержании ценностей, бытовавших в военной среде, и показывают их теснейшую взаимосвязь с религиозными установлениями и чувствами. Однако в таком ракурсе данные памятники, насколько я могу судить, специально еще не изучались с должной подробностью. Исследователей в основном интересовали состав и эволюция пантеона почитаемых в армии божеств, их романизаторское значение, распространение в армии восточных и синкретических культов, локальная специфика тех или иных культов, их связь с религиозной политикой отдельных императоров, императорский культ и т. п. вопросы⁵.

⁴ *Domaszewski A., von.* Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. S. 10 ff.; 19. См. также: *Domaszewski A., von.* Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885.

⁵ Кроме уже упоминавшихся работ, см. соответствующие главы в общих работах: *Watson G. R.* The Roman Soldier. N. Y.; Ithaca, 1969; *Webster G.* The Roman imperial Army. L., 1969; *Le Bohec Y.* La IIIe légion Auguste. P., 1989; *idem.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989; *Durry M.* Les cohortes prétoriennes. P., 1938; *Колобов А. В.* Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999. В числе специальных исследований можно указать: *Birley E.* The Religion of the Roman Army // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1506–1541; *Rist W.* Die Opfer des römischen Heeres. Tübingen, 1920; *Richmond I. A.* Roman legionaries at Corbridge, their supply-base, temples and religious cults // Archaeologia Aeliana. 4th ser. 21. 1943. P. 127–224; *idem.* The Roman Army and Roman religion // Bulletin of the John Rylands Library. 1962. Vol. 45. N 1. P. 185–197; *Martin C.* The Gods of the Imperial Roman Army // History Today. 1969. Vol. 19. P. 255–263; *Hoey A. S.* Official policy towards Oriental cults in the Roman army // TAPA. 1939. Vol. 70. P. 456–481; *Nock A. D.* The Roman Army and the Roman Religious Year A. D. // HThR. 1952. Vol. 45. P. 186–252 (= *Nock A. D.* Essays on religion and the ancient world. Oxford, 1972. Vol. I. P. 736–790); *Ankersdorfer H.* Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian: Diss. Konstanz, 1973; *Speidel M. P.* The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1977; *idem.* Commodus the God-Emperor and the army // JRS. 1993. Vol. 83. P. 109–114; *Clauss M.* Heereswesen (Heeresreligion) // Reallexikon für Antike und Christentum. Bd. XIII. 1986. Sp. 1094–1095; *Fishwick D.* Soldier and Emperor // AHB. 1992. Vol. 6. N 1. P. 56–65; *Haynes I. P.* The Romanisation of Religion in the auxilia of the Roman Imperial Army from Augustus to Septimius Severus // Britannia. 1993. Vol. 24. P. 141–157; *Stoll O.* «Offizier und Gentleman». Der römische Offizier als Kultfunktionär // Klio. 1998. Bd. 80. S. 134–162;

Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению этих свидетельств, нужно сделать несколько предварительных замечаний общего плана. Во-первых, стоит со всей определенностью подчеркнуть, что для самих римлян, чрезвычайно гордившихся своим благочестием и религиозностью⁶, неразрывная взаимосвязь религии с военным делом и войной представлялась очевидной и чрезвычайно важной⁷. Достаточно напомнить известные слова Сенеки Младшего о том, что «первые узы военной службы — это религия» (*Epist.* 95. 35: *primum militiae vinculum est religio*). Согласно же сентенции, высказанной автором «Александрийской войны», в сражениях «более всего помогает милость бессмертных богов, которые вообще принимают участие во всех превратностях войны, особенно же там, где всякие человеческие расчеты бессильны» (пер. М. М. Покровского)⁸. В то же время не менее характерно для римлян было и убеждение в том, что прямое участие и помощь богов в военных делах отнюдь не исключают высокой значимости личных усилий и доблести солдат и военачальников (см., например: *Caes. B. Gall.* V. 52. 6; *Liv.* XXII. 5. 2; *App. Syr.* 37; *Plut. Popl.* 23). Так или иначе, современные исследователи имеют все основания заключать, что «вся военная жизнь Рима была, явно или неявно, религиозным феноменом», а армейская религия является символическим воплощением «воюющего римского народа»⁹.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что *religio castrensis* в том виде, в каком она предстает в эпоху Империи, когда, по существу, о ней

Соловьянов Н. И. Культы римской армии в Нижней Мёзии и Фракии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *он же.* О культах римской армии в Нижней Мёзии и Фракии в I–III вв. н. э. // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 45–62; *Рубцов С. М.* О культах римской армии в Верхней Мёзии во II–III вв. // Социальные структуры и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 84–95; *Колобов А. В.* Римская армия и культы «умирающего и воскресающего» бога // ИИАО. Вып. 7. 2001. С. 57–67; *он же.* Геркулес и римская армия ранней Империи (на материале западной части Балкано-Дунайского региона) // ПИФК. Вып. 9. 2000. С. 40–47.

⁶ Ср. прежде всего знаменитое высказывание Цицерона в речи об ответах гаруспиков: «...благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превзошли все племена и народы» (*Cic. De harusp. resp.* 9. 19 / Пер. В. О. Горенштейна). Подробнее о сущности римской «набожности» см.: *Muth R.* Vom Wesen römischer «religio» // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. S. 291 ff.

⁷ См., в частности: *Le Bonniec H.* Aspects religieux de la guerre à Rome // *Problèmes de la guerre à Rome / Sous la direction de J.-P. Brisson.* P., 1969. P. 101–116; *Helgeland J.* Op. cit. P. 1470–1505; *Rüpke J.* *Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom.* Stuttgart, 1990. Популярный очерк общего плана по данной теме см.: *Махлаюк А. В.* Римские войны. Под знаком Марса. М., 2003. С. 43–63.

⁸ *B. Alex.* 75. 3: ... *adiuvante... plurium deorum immortalium benignitate; qui cum omnibus casibus belli intersunt, tum praecipue, quibus nihil ratione potuit administrari.* Ср. также: *Plut. Marc. Cor.* 4.

⁹ *Helgeland J.* Op. cit. P. 1471; 1472–1473.

только и можно говорить как о специфическом феномене, связанном с превращением армии в особую корпорацию, в высшей степени неоднородна. Армейская религиозно-культурная практика отличалась большим многообразием как с точки зрения ее локальных вариантов, так и с точки зрения структуры и иерархии самих вооруженных сил Империи: в различных регионах дислокации, в разных родах войск, частях и подразделениях, на разных уровнях армейской иерархии обнаруживаются специфические особенности и в выборе наиболее популярных божественных покровителей, и в принятых формах их почитания. Нельзя забывать также о неизбежных диахронических изменениях, об индивидуальных вкусах и пристрастиях, о переменчивых веяниях религиозно-политической «моды», связанной с определенными предпочтениями того или иного правителя. Кроме того, характер и состояние наших источников сильно усложняют задачу полной и разносторонней реконструкции многих феноменов, относящихся к религии римской армии. Данные литературных текстов, эпиграфики, археологии и папирологии подчас бывает очень сложно соотнести друг с другом, т. к. они отражают разные стороны культовой практики и религиозных взглядов и чувств солдат.

Было бы, однако, ошибкой полностью отрицать определенное единство *religio castrensis*, которое обусловлено как устойчивыми, консервативными традициями (восходящими часто к очень ранним временам), так и сознательными, целенаправленными усилиями властей, использовавших религию как весьма эффективное средство морально-политического и идеологического воздействия на солдатскую массу, становившуюся с течением времени все более разнородной по своему происхождению и культурному облику. Единство — и даже известное единообразие — религиозной жизни в армии обеспечивалось, в частности, стандартным для всех воинских формирований религиозно-праздничным календарем. Его образец, относящийся к правлению Александра Севера, но восходящий по своему основному содержанию, по всей видимости, ко времени Августа, сохранился на известном папирусе P. Dur. 54, обнаруженном в ходе раскопок в Дура-Европос среди документов архива дислоцированной здесь когорты вспомогательных войск — *cohors XX Palmyrenorum*¹⁰. Как показывают его текст и другие документы, обязательность отправления официальных государственных культов в армии была сильна,

¹⁰ Editio princeps: Fink R. O., Hoey A. S., Snyder W. F. The Feriale Duranum // YCS. 1940. Vol. 7. P. 1–222. См. также: Fink. N 117. P. 422–429 (с подробной библиографией). Среди наиболее интересных и важных исследований, посвященных этому документу см.: Nock A. D. Op. cit.; Gilliam J. F. The Roman Military Feriale // HThR. 1954. Vol. 47. P. 183–196; Fishwick D. Dated Inscriptions and the Feriale Duranum // Syria. 1988. Vol. 65. P. 349 ff. Русский перевод этого военного календаря (сделанный, правда, с французского языка и поэтому очень приблизительный и неполный) имеется в кн.: Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001. С. 369–371.

как, наверное, ни в одном другом сегменте римского общества. Тесные персональные связи императора и армии, находившие выражение в разнообразных религиозных формах, еще более усиливали официальную политическую компоненту в армейской религии. Наконец, общее принципиальное единство *religio castrensis* коренилось, вне всякого сомнения, и в особенностях самой воинской профессии, которые определяли самосознание и идентичность солдат не в меньшей, а, скорее всего, в большей степени, нежели этнокультурные корни военнослужащих или правительственная пропаганда и все прочие факторы.

Профессионально-корпоративное сознание римских воинов в значительной мере было пронизано религиозными интенциями. Следует еще раз подчеркнуть, что по большому счету сама военная служба в Древнем Риме изначально рассматривалась как исполнение долга не только гражданского, государственного, но и религиозного, как служение в первую очередь богам¹¹. Прежде всего это связано с институтом военной присяги (*sacramentum militiae*), которая в Риме всегда была и оставалась по своей сути актом религиозным — τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς ὁ σέμνον μυστήριον, «священным таинством Римской державы», как выражается в одном месте Геродиан (VIII. 7. 4)¹². Нарушение присяги считалось преступлением против богов (*nefas*), а виновный в этом становился *sacer*, т. е. предавался проклятию¹³. Весьма примечательно употребление в ряде текстов выражения *religio sacramenti* («святость присяги»), причем встречается оно не только в сугубо риторическом контексте, как, например, у Тита Ливия (XXVI. 48. 12; XXVIII. 27. 4) или в одном из Латинских панегириков (IX. 24. Baehrens. P. 211), но и в одной из конституций Каракаллы (Cod. Iust. VI. 37. 8). Как уже отмечалось выше (гл. VI), присяга сама по себе являлась объектом культового почитания, о чем свидетельствуют надписи, сделанные *sacramenti cultores* в Интерцизе в честь *Genio sacramenti* и *Iudicio sacramenti* (AE. 1960, 8, 3; 1924, 135; 1953, 17). Вполне вероятно, что в изложенной Вегецием формуле присяги, относящейся уже к позднеримскому време-

¹¹ *Vendrand-Voyer J.* Normes civiles et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 28 suiv.; 70 suiv.

¹² О сакральном значении римской военной присяги см., в частности: *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 49–50; 54–55; 70 suiv.; *Helgeland J.* Op. cit. P. 1479; *Rüpke J.* Op. cit. S. 76 ff. Из более ранних работ можно указать: *Klingmüller.* Sacramentum // RE. Bd. I. A. 2. 1920. Sp. 1668; *Tondo S.* Il sacramentum militiae nell'ambito culturale romano-italico // *Studia et Documenta Historiae et Iuris.* 1963. XIX. P. 1–131; *Seston W.* Fahnezeit // *Reallexicon für Antike und Christentum.* Bd. VII. 1964. Sp. 277–287; *Brand C. E.* Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 97–98. См. также: *Токмаков В. Н.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // Религия и община в древнем Риме / Под ред. Л. Л. Кофанова и Н. А. Чаплыгиной. М., 1994. С. 125–147.

¹³ *Cic.* De off. I. 11. 37; *Dion. Hal.* Ant. Rom. XI. 43; *Macrob.* Sat. III. 7. 5; *Isid.* Etym. V. 24. 30.

ни и имеющей явное христианское содержание¹⁴, сохранился традиционный, «языческий» взгляд, согласно которому военная служба и верность тому, кому принесена присяга, являются соответственно службой и верностью божеству¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что, по римским представлениям, достойная служба отечеству и императору, воинская доблесть и честь были неотделимы от такой основополагающей римской ценности, как *pietas* — «благочестие», которую исследователи по праву признают и одной из отличительных черт солдатской ментальности¹⁶. Римский солдат проявлял, а иногда и прямо подчеркивал это благочестие не только тогда, когда исполнял обеты тем или иным божествам или совершал религиозные акты в честь правящих императоров¹⁷. Благочестие в ряде случаев прямо отмечается в качестве главной отличительной черты всей прожитой солдатом жизни. В надгробной надписи (датируемой 57–58 гг. н. э.) из Африки солдата Л. Фламиния, который погиб в сражении на двадцатом году службы, сказано: *vixit pie* (CIL VIII 14603 = ILS, 2305). В эпитафии центуриона, служившего в Ульпиевом легионе и похороненного в *Colonia Iulia Augusta Taurinorum* (Torino), отмечено, что он прожил свою жизнь *probus piusque* (CIL V 7099). Еще выразительнее звучат слова эпитафии М. Блоссия Пудента, V Македонского легиона, который умер буквально за один день до завершения своего пребывания в должности примипила (*prope diem consummationis primi*

¹⁴ *Veget.* II. 5: *Iurant autem per Deum et Christum et Sanctum Spiritum et per maiestatem Imperatoris, quae secundum Deum generi humano diligenda est et colenda. Nam Imperatori, cum Augusti nomen accepit, tanquam praesenti et corporali Deo fidelis est praestanda devotio, et impendendus pervigil famulatus. Deo enim vel privatus, vel militaris servit, cum fideliter eum diligit, qui Deo regnat auctore («Они (воины. — А. М.) клянутся именем Бога, Христа и Святого Духа, величеством императора, которое человеческий род после Бога должен особенно почитать и уважать. Как только император принял имя Августа, ему, как истинному и воплощенному богу, должно оказывать верность и поклонение, ему должно воздавать самое внимательное служение. И частный человек и воин служит Богу, когда он верно чтит того, кто правит с Божьего соизволения».* Пер. С. П. Кондратьева).

¹⁵ Ср.: *Vendrand-Voyer J.* Op. cit. P. 53–54.

¹⁶ *Ле Боэж Я.* Указ. соч. С. 360. Ср.: *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 252.

¹⁷ Например, в вотивной надписи центуриона III Августова легиона М. Аврелия Януария к традиционной формуле *v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito) a(nimo)* добавлено *p(ius)*: «охотно, достойно, от души, благочестиво исполнил обет» (AE. 1960, 264). Во многих надписях, сделанных в честь императоров армейскими подразделениями, дислоцированными в провинции Британия, использована характерная формула *pro pietate ac devotione communi* — «в знак благочестия и всеобщего благоговения» (например, RIB, 976, 1202, 1235, 1705). В посвящении богине *Deaniae* (sic!) *Aug(ustae)*, сделанном за здоровье императора Адриана его конными телохранителями (*equites singulares*), стоявшими на зимних квартирах в Герасе (Декаполисе) около Антиохии, формула *v. s. l. m.* дополнена указанием на то, что обет исполнен «из [чувства] чести и благочестия» — *honoris et pietatis causa* (Smallwood, 332).

pili sui). Похоронивший его вольноотпущенник указал в надписи, что его «наилучший патрон прожил 49 лет sanctissime» (CIL VI 3580 = ILS, 2641; время Флавиев, Рим). На другом надгробии из Рима, которое сделал Калидий Квиет фрументария VI Победоносного легиона Ульпию Квинту Глеву, последний назван *frater observatus piissimus* — «почитаемый благочестивейший брат» (ILS, 2365; ср.: CIL III 8124: *pietissimus*). Легионеры, граждане [ex] civitate Anche[alo...], *fratres et contubernales* похоронили своего сослуживца по XXI Первородному легиону [ob] pietate (CIL XIII 7292).

Конечно, под *pietas* в ряде этих текстов, как и в аналогичных надгробных надписях гражданских лиц, понимаются чувства не только религиозные, но и родственные. Однако в высшей степени показательно, что благочестие, неотделимое от храбрости и верности, на официальном уровне признавалось как почетнейшее качество, которым могли обладать и целые легионы, и отдельные воины. Весьма интересна в этом отношении надпись из Майнца (*Mogontiacum*), датируемая 229 г., в которой сообщается о принесении военным трибуном (?) дара *Pietati leg(ionis) XXII Pr(imigeniae) [Alexandr(ianae)] p(iae) f(idelis) et Honori aquilae* (CIL XIII 6752). Благочестие конкретного легиона и Честь орла выступают здесь, таким образом, как обожествленные абстракции. Титул *pia* присваивался, наряду с другими почетными наименованиями, многим легионам (в частности, III Августову, VII Клавдиеву, II Вспомогательному, II Парфянскому и другим¹⁸). Даже в таких официальных документах, как сенатские постановления или военные *diploma*, содержатся иногда специальные формулировки, отмечающие соответствующие качества, проявленные солдатами на императорской службе. В известном сенатусконсульте по делу Гн. Пизона-отца сенат восхваляет воинов, которые проявили верность и благочестие по отношению к дому Августа (*quam fidem pietatemque domui Aug(ustae) praestarent*) (SC de Cn. Pisone Patre, 161). А в недавно найденном военном дипломе от 5 сентября 85 г. н. э. говорится о предоставлении *ius conubii* воинам преторианских и городских когорт, «которые отслужили храбро и благочестиво» — *quibus fortiter et pie militia functis*¹⁹. Разумеется, официальные оценки и представления могут существенно расходиться с реальным поведением и ценностями простых солдат, но не подлежит сомнению, что первые служили определенными ориентирами для вторых. Чтобы обнаружить конкретное содержание солдатского благочестия, следует рассмотреть памятники, принадлежащие отдельным воинам, обратив внимание на

¹⁸ См.: Ritteling E. *Legio (die Prinzipatszeit)* // RE. Bd. XII. 2. 1925. Sp. 1211–1829; Fitz J. *Honoric titles of Roman military units in the third century*. Budapest, 1983.

¹⁹ Roxan M., Eck W. *A military diploma of AD 85 for the Rome cohorts* // ZPE. 1993. Bd. 96. P. 67–74.

отмечаемые во многих надписях обстоятельства и мотивировки принесения и исполнения обетов, а также на состав тех божеств, которым адресовались солдатские vota.

Прежде всего нельзя пройти мимо того факта, что в целом ряде надписей указывается, что обет был дан при самом вступлении на военную службу или в младших чинах, а исполнен уже при выходе в отставку или в связи с получением более высокого чина. Приведем ряд наиболее характерных примеров. Так, ветеран, бывший корникулярий трибуна М. Анниолен Фавст, выйдя в почетную отставку, сделал посвящение Юпитеру Статору, которое обещал еще будучи рядовым воином — *quod miles voverat* (ILAlg. I.1027). Так же по увольнении в отставку в 194 г. исполнил обет, принятый еще солдатом (*quod miles suscepseram*), бенефициарий консуляра М. Монтаний Целер (AE. 1996, 1181). Эвокат Августа Секст Атузий Приск поставил алтарь Тиберину, который обещал, когда еще служил рядовым солдатом (*caligatus*) (ILS, 2152 = Федорова, № 339). Вообще количество посвящений, как индивидуальных, так и коллективных, сделанных по случаю увольнения в почетную отставку (*honesta missio*), очень велико. И хотя далеко не во всех из них указывается на конкретные обстоятельства принесения соответствующих обетов, можно предположить, что успешное завершение долгой, зачастую многотрудной и опасной воинской службы солдаты напрямую связывали с благорасположением и помощью богов, которым и делали посвящения, не скупясь при этом на немалые расходы²⁰. Очевидно, что во многих случаях моменты принесения и исполнения соответствующих обетов разделялись немалым временным интервалом.

Еще более любопытны свидетельства, которые указывают на то, что римские воины напрямую связывали с божественным покровительством свои успехи в служебной карьере. Некоторые солдаты, вероятно,

²⁰ В качестве примеров исполнения индивидуальных обетов можно указать: посвящение, сделанное *уто suscepto* сразу нескольким богам и богиням, а также Гению императора Адриана М. Ульпием Терцием, уволенным в почетную отставку из отряда конных телохранителей (CIL VI 31139; 128 г.); надпись отставного преторианца, посвятившего *ex voto* статую с базой Юпитеру Консерватору и сослуживцам своим и будущим (CIL VI 375 = ILS, 2104; 148 г.); посвящение другого преторианца, который, также *ex voto*, принес в дар Гению центурии изображение Геркулеса Защитника за здоровье августов (Септимия Севера и Каракаллы) (CIL VI 210 = ILS, 2103; 208 г.); еще одно посвящение Гению центурии, которое сделал, исполнив обет, К. Сервилий Рогат, отпущенный в отставку в чине опциона (CIL VIII 2531 = ILS, 2443). Примерами коллективных обетов могут служить: посвящение сразу десяти божеств, сделанное в 118 г. конными телохранителями императора в количестве 100 человек, которые были уволены в почетную отставку Адрианом (ILS, 2180 = Smallwood, 335); или надпись 124 г. из Аквинка, поставленная гражданами Иазы из Верхней Паннонии, служившими во II Вспомогательном легионе, которые исполнили обет по случаю увольнения в почетную отставку (AE. 1904, 95 = Штаерман, 1468). См. также: CIL III 1078; 7754.

мечтали о них в самом начале своего боевого пути, подобно прими-пилу I Италийского легиона Л. Максимию Гетулику, который в 184 г. после 57 лет службы исполнил Августовой Победе Всебожественной Святейшей обет, принесенный им, когда он еще был новобранцем при XX Валериевом Победоносном легионе: *quod tiro apud (!) leg(ionem) XX V(aleriam) V(ictricem) voveram nunc p(rimus) p(ilus) leg(ionis) I Ital(icae) stip(endiorum) LVII v(otum) s(olveram)...* (AE. 1985, 735 = ILNov. 27)²¹. Гомоний Квинтиан в своем посвящении Юпитеру Наилучшему Величайшему и Гению школы знаменосцев указал: *quod signifer vovit, (centurio) solvit (RIU II 412)*. Exercitator (инструктор) II легиона *Adiutricis* Г. Куспий Секунд, сделав посвящение *Marti Aug(usto)*, то, что обещал по обету эвокатом, исполнил в ранге центуриона: *quod evocatus vovit centurio solvit (CIL III 3470)*. В оставшейся анонимной надписи, найденной в лагере того же легиона в Аквинке, автор посвящения указал, что произведенный в центурионы IV Флавиева легиона Цэцилием Руфином, легатом Августов в ранге пропретора, он исполнил обет, принесенный в звании корникулярия (AE. 1976, 545). В одной надписи из Рима преторианец в ранге кампидоктора 1-й когорты П. Элий Пакат поставил посвящение *Nemesi sanctae campestri* по обету, который принес в качестве инструктора (*doctor*) когорты, причем сделал он это *somnio admonitus* — «побужденный сновидением» (или «извещенный во сне») (CIL VI 533 = ILS, 2088)²². Немезиде, названной «царственной богиней», выполнил посвящение и фрументарий Элий Помпеян, обещавший сделать это в чине адьютора: *quod adiutor pomisi (sic!) fr(umentarius) posui (IMS. II 36)*. Отметим также надпись М. Ульпия Марциала, который в своем посвящении Юпитеру Наилучшему Величайшему, Юноне, Геркулесу (*Herclenti*) и богам — покровителям учебного плаца (*Campestribus*) указал, что сделал его по принятому обету, после того как императором Адрианом был произведен из декурионов в центурионы: *ex decurione factus (centurio) ab imp(eratore) Hadriano leg(ionis) I Minerv(iae), voto suscepto (CIL VI 31158 = ILS, 2213)*. А солдат III Августова легиона Л. Граний Гонорат позаботился сделать на свои деньги посвящение Виктории Августе по случаю получения звания декуриона — *ob decurionatum (ILAlg. I. 2070)*²³. Т. Флавий Домиций Валериан в 231 г. исполнил обет Фортуне Августе, получив

²¹ См. также: *Mrozewicz L. Victoria Aug(usta) Panthea Sanctissima // ZPE. 1984. Bd. 57. P. 181–184.*

²² *Nemesi sanctae campestri pro salute dominorum nn. Augg. P. Ael. P. f. Aelia Pacatus, Scupis, quod coh(ortis) doctor voverat, nunc campi doctor coh. I pr. p. v. somnio admonitus posuit I(aetus) I(ibens)*. Надо иметь в виду, что ранг кампидоктора в I когорте, как более почетный, считался повышением.

²³ *Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste... P. 159. Not. 108.*

звание центуриона по рекомендации легиона XIV Geminae (AE. 1976, 540). Посвящение [I(ovi)] O(ptimo) M(aximo), [M]arti, Vic[toriae], dii[s] i[u]vantibus, [G]enioque stationis Vaza[iu]jtanae сделал бенефициарий III Августова легиона, который после завершения командировки на statio получил повышение, вероятно, в ранг центуриона II Итальянского легиона: [...ex]pleta [s]tatione, pr[o]motus ad [(centurionatum)?) leg(ionis) II Italicae v(otum) s(olvit) l(ibens) a(nimo) (CIL VIII 10718 = 17626).

Причиной выполнения обета, разумеется, могли быть не только повышения в чинах, но и получение других почетных званий, жреческих или магистратских. Так, в правление Элагабала М. Антоний Прокуллей из всаднических турм принес дар Вечной Победе Августа по случаю получения почетной должности эдила — ob honorem aedilitatis (CIL VIII 9754). Сошлемся также на две посвятительные надписи из Ламбеза, принадлежащие ветеранам III-го Августова легиона. Они совершили посвящения и принесли дары счастливой Адриановой курии ветеранов по случаю оказанной им чести в виде должности постоянного фламينا — ob honorem flaminii perpetui quem in se contulerunt. Первый из них, К. Юлий Рогат, бывший разведчик (speculator) посвятил свой дар Меркурию Августу (AE. 1968, 646), а второй, М. Виррий Диадумен (отметивший, кстати, что почетная должность жреца была предоставлена ему в его отсутствие — in se absentem contulerunt), — Виктории Августе (AE. 1916, 22). Надо сказать, что успешная карьера и почести интересовали не только рядовых и младших командиров, но и офицеров высокого ранга. В этой связи стоит обратить внимание на два памятника. Один из них принадлежит Тенею Лонгу, служившему под началом консуляра Ульпия Марцелла. Когда по приказу императоров (скорее всего Марка Аврелия и Коммода) он в звании префекта конницы был украшен lato clavo (широкой пурпуровой полосой на тунике — знак сенаторского достоинства) и назначен квестором, он воздвиг алтарь местному британскому божеству Аноцитику (RIB, 1329). Еще более примечательна надпись, происходящая из Ламбеза и представляющая собой стихотворный текст, в котором от лица префекта лагеря Алфена Вара говорится, что он увидел во сне Отца Либеры Бимата (= Vimater, т. е. имеющего двух матерей), рожденного Юпитером из молнии, и получил от него повеление восстановить базу статуи и храм, посвященный Либеру и Пану. Сообщив об исполненном обете, Фортунат просит бога: «Сделай (так), чтобы увидел я Рим и был прославлен почетом и увенчан на службе государям!»²⁴

²⁴ CIL VIII 2632 = ILS, 3374 = Buecheler, 1519: Alfeno Fortunato | Visus dicere somno Leiber (sic!) Pater bima[tus] Iovis e fulmine | natus, Basis hanc no[va]tionem Genio | domus sacrandam. | Votum deo dicavi Praefectus) ipse castris. Aedes ergo | cum Panisco, Memor | hoc munere nostro | Natis sospite matre; | Facias videre Romam, | Dominis munere, hono[re], Mactum

Военная жизнь, безусловно, предоставляла солдатам немало других поводов для обращения за поддержкой богов. Участвуя в боевых походах и выполняя, нередко с риском для жизни, различные миссии вдали от мест постоянной дислокации, воины приносили обеты за счастливое возвращение. Примечательна в этом плане анонимная надпись на фрагменте мраморной колонны из Преслава в Нижней Мезии, датируемая временем Александра Севера (АЕ. 1991, 1378). Она принадлежит солдату I Итальянского легиона, служившему бенефициарием консуляра и корникулярием прокуратора. В ней сообщается, что по обету, принесенному, когда он в качестве новобранца отправлялся на Боспорскую войну, он поставил посвящение, чтобы освободиться от многих опасностей в стране варваров благодаря помощи божества, имя которого не сохранилось: *quot (sic!) tiro proficiscens in bello Bosporano voverat et adiuvante numene (sic!) [e]ius multis periculis in barbarico liberatus sit merito votum posuit*²⁵. Три бойца из турмы Оптата воздвигли алтарь Гению своей турмы во исполнение счастливейших обетов (*votis felicissimis*), посвятив его Непобедимому Геркулесу и всем богам и богиням за здоровье Септимия Севера и Каракаллы, а также своих начальников по случаю возвращения своего отряда — *ob reditu numeri* (CIL VI 224 = ILS, 2185; ср.: ILS, 2186 — аналогичное посвящение Гению турмы *pro salute, itu, reditu et victoria* императора Септимия Севера). В данном контексте стоит также обратить внимание на обычай, распространенный среди солдат-бенефициариев, которые несли службу на отдельных специальных постах. По завершении своей командировки (*expleta statione*) они имели обыкновение исполнять обеты различным богам, в первую очередь традиционным римским божествам, а также Гениям местности, воздвигая в их честь алтари и посвящения²⁶.

Обеты богам за удачное возвращение из боевого похода или экспедиции могли исполняться также и командирами частей и подразделений. Военный трибун IV Македонского и XXI Хищного легионов в Германии, вернувшись оттуда в Рим, принес дар Геркулесу Непобедимому (ILS, 2706 = Федорова, 182). В 199 г. посвящение Виктории Августе за здоровье императоров Септимия Севера и Каракаллы по случаю возвращения в свой лагерь в Верхней Паннонии II Вспомогательного легиона (*[ob re]duc(tam) leg(ionem) II Adi.*) сделал легат Бэбий Цэцилиан

coronatumque. Либер Патер известен также как Гений — покровитель Ламбеза. Надпись датируется 161–169 гг. Вероятно, Фортунат принес и исполнил обет перед поездкой в Рим в связи с повышением по службе. См.: *Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste...* P. 133.

²⁵ Об этой надписи см.: *Nelis-Clément J. Les beneficiarii: militaires et au service de l'Empire (Ier s. a. C. — VIe s. p. C.).* Bordeaux, 2000. P. 39; 353.

²⁶ Подробнее см.: *ibidem*. P. 26–44.

(AE. 1976, 544). В большой стихотворной надписи из Бу Нджем (древний Gholaia или Golas), сделанной центурионом III Августова легиона Авидием Квинтианом и датируемой 202–203 гг., упоминается об общем обете за возвращение войска²⁷. В пространной надписи из El-Agueneb в Африке (CIL VIII 21567) другой центурион того же легиона сообщает об обетах за здоровье императора Марка Аврелия и его легата (по чьей рекомендации он был произведен в центурионы), которые он дал всем богам, отправляясь в экспедицию за львами, и исполнил по возвращении в честь *Genio summ[o] Thasuni et deo sive deae, [nu]mini sancto*. Примечательно, что, указав дату, когда была сделана надпись (май 174 г.), этот центурион отметил также, что в этот день он был произведен из декурионов в более высокий чин²⁸.

Надо сказать, что в солдатской эпиграфике находят отражение и другие очень важные ценностные представления. Как мы уже отмечали (гл. VI), многочисленные посвящения, совершаемые по разным случаям Гениям легионов, центурий и других подразделений, лагеря, претория, схол, коллегий и т. д., часто в сочетании с богами римского пантеона и (или) туземными божествами, безусловно, свидетельствуют о приверженности солдат и командиров своим боевым соратникам и тем воинским формированиям, в которых проходила их служба²⁹. Особенно интересны те посвячительные тексты, в которых угадываются действительно неформальные и очень прочные чувства привязанности к своей части и сослуживцам. Так, солдаты III Августова легиона, который был распущен после событий 238 г. Гордианом III и восстановлен спустя 15 лет Валерианом³⁰, по всей видимости, на протяжении всего этого срока хранили привязанность к родной части и, вернувшись из Реции в Гемеллы, исполнили обет Виктории Августе

²⁷ IRT, 918–919: *Quaesii multum, quot memoriae tradere(m),
Agens praecunctos in hac castra milites,
Votum communem, proque reditu exercitus
Inter priores et futuros reddere(m)... etc.*

(«Многое, достойное памяти, я узнал, ведя вперед в этот лагерь всех воинов, дабы воздать за возвращение войска общий обет в числе прежних и будущих [обетов?]... и т. д.»). Текст имеет всего 15 строк, написан ямбическим сенаром и представляет собой акростих, заключающий в себе имя самого центуриона. См.: *Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste...* P. 178. Not. 228; *Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // JRS. 1999. Vol. 89. P. 109–134*, где наряду с подробным лингвистическим и литературным анализом этого произведения можно найти дальнейшие библиографические указания и перевод на английский язык всего этого текста.

²⁸ См.: *Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste...* P. 380 (с указанием литературы).

²⁹ О культах различных Гениев в армии подробнее см.: *Ankersdorfer H. Op. cit. S. 196 ff.*; *Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A. The Cult of Genii in the Roman Army and a New Military Deity // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1542–1555.*

³⁰ *Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste...* P. 463.

(CIL VIII 2482 = 17976 = ILS, 531). А Саттоний Юкунд, центурион-примипил этого же легиона, как мы уже отмечали, поставил в 255 г. по обету статую Марсу militiae potenti («владычествующему над военной службой»), отметив, что он первый после восстановления легиона возложил свой центурионский жезл возле легионного орла (CIL VIII 2634 = ILS, 2296).

О таких же чувствах свидетельствуют многочисленные посвящения, сделанные различным божествам непосредственно за благополучие и безопасность (pro salute et incolumitate) соратников по легиону или подразделению. Не останавливаясь подробно на надписях этой группы, обратим внимание только на одну очень существенную, на наш взгляд, деталь: в ряде посвящений обет исполняется одновременно за благополучие и императоров, и воинов³¹. Так, центурион и кампидоктор VII Сдвоенного легиона сделал в 182 г. посвящение Marti Campestri за благо Коммода Августа и конных телохранителей (CIL II 4083), а протектор и препозит Виталиан исполнил обет Iovi Optimo Maximo Monitori за благо и невредимость императора Галлиена и воинов вексилляций германских и британских легионов с их вспомогательными войсками (CIL III 3228, p. 2382, 182 = ILS, 546). В надписи же центуриона II Августова легиона Либурния Фронтоня говорится об исполнении аналогичного обета Юпитеру Долихену и N[u]minibus Aug(ustorum) за благо Антонина Пия и легиона (RIB, 1330). Пожалуй, наиболее интересна в этом ряду надпись, в которой сообщается, что в 158 г. за благо императора Антонина Пия, сената и римского народа, а также легата, светлейшего мужа Фусцина, и III Августова легиона и его вспомогательных частей на свои деньги устроил в Ламбезе место для почитания мавретанских богов некий К. Атий (или Катий) Сацердот, не указавший своего чина, но, по всей видимости, солдат или офицер (возможно, ветеран) данного легиона: (diis) Mauris d(e) s(ua) p(ecunia) et locum instituit, quos coli... (CIL VIII 2637, p. 1739 = ILS, 342)³². Здесь мы видим восприятие благополучия императора, государства, народа и войск в нераздельном и органическом единстве. Данный памятник показывает, что и в середине II столетия н. э. патриотические чувства отнюдь не были чужды

³¹ О посвящениях легионеров pro salute imperatoris в целом см.: *Sánchez-Ostiz C. y Alvaro. Legiones y legionarios en los epígrafes pro salute imperatoris: una panorámica // Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon (17–19 septembre 1998) / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolf. Lyon; Paris, 2000. Vol. II. P. 733–742.* Такого рода посвящения появляются в армии начиная с правления Адриана (*Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste...* P. 563 et suiv.).

³² Ср. с посвящением из Апула в Дакии: *Virtuti Ro[]manae pr(o) sa[l](ute) | imper(atoris) et s(enatus) [p(opuli)q(ue) R(omani)] | et ord(inis) co[l](oniae) Apul(i), (centurio) C. Iul(ius) Vale[ns]...* (CIL III 1116 = ILS, 3802).

римскому солдату. Любопытно, что они вполне могли сочетаться с поклонением божествам тех регионов, где римские воины несли свою службу. С религиозной точки зрения примечателен также и тот факт, что поклонение Гению и numen императоров нередко сочетается в одном посвящении с поклонением Гениям воинских частей и подразделений. Например, трибун 1-й Верной конной тысячной когорты вардулов, римских граждан, Флавий Тициан на свои средства поставил алтарь Num(ini) Aug(usti) et Gen(io) coh(ortis) (RIB, 1083), а бенефициарии легата в 216 г. сделали посвящение Юпитеру, Гению императора (Каракаллы) и Гению лагеря (AE. 1963, 45). В позднейшем же из известных посвящений Гению воинской части³³, в надписи на алтаре из Сингидунума в Верхней Мезии, сделанной бывшим префектом легиона, Гений IV Флавиева легиона фактически отождествлен с Гением императоров Диоклетиана и Максимиана: Genio leg(ionis) IIII F(laviae) f(irmae) [et] dd(ominorum) nn(ostorum) Dioc[let]iani [et Maximini] Augg. [A]urel(ius) Maxim[...]ius ex praef(ecto) leg(ionis) eiusdem votum posu[it] (CIL III 1646 = ILS, 2292). Не менее интересен тот факт, что в качестве покровителей отдельных частей или чинов упоминаются верховные боги Рима, как, например, в надписи на алтаре, который был сооружен Юпитеру — покровителю когорты за центурионов всех рангов (CIL III 11295).

Очевидно, однако, что многих солдат в условиях нелегкой службы одолевали и совсем другие чувства, в том числе и тоска, за избавление от которой также надлежало почтить божество. Об этом красноречиво свидетельствует вотивная надпись, сделанная всадником III Августова легиона Элием Севером. Он поставил и посвятил обещанный по обету алтарь Фортуне Августе после избавления от душевной тоски: explicitus desiderio animi sui aram quam voverat Fortunae Aug(ustae) l(ibens) a(nimo) reddidit eamque dedicavit (CIL VIII 2593 = 18092 = ILS, 2326). Посвящение алтарей и других достаточно дорогостоящих вотивов не было, конечно, заурядным эпизодом в повседневной жизни солдат и знаменовало, по-видимому, только по-настоящему значимые события. Впрочем, даже при недостатке средств воины находили возможности проявить свои религиозные чувства, которые, очевидно, были не менее искренними, чем при возведении дорогих посвящений. Другое дело, что свидетельств о подобных проявлениях в нашем распоряжении сравнительно немного. В качестве показательного примера можно сослаться на бронзовую табличку, найденную в Виндониссе (Верхняя Германия), на которой солдат Валерий Терций указал, что посвятил, выполнив обет, курицу Гению XI Клавдиева Благочестивого Верного

³³ Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A. Op. cit. P. 1545.

легиона (АЕ. 1926, 69)³⁴. Это, кстати сказать, наиболее раннее посвящение Гению воинской части³⁵.

Стоит отметить, что исполнение однажды данного обета представлялось настолько важным делом, что в случае невозможности исполнить его лично соответствующее предписание наследникам включалось в завещание. Так, например, посвящение Парфянской Августовой Победе было сделано по завещанию отставного центуриона времен Траяна (CIL VIII 2354 = ILS, 305), а один воин городской когорты в начале правления Коммода приказал в завещании поставить изображение Гения центурии на мраморном основании (CIL VI 217 = ILS, 2106); по завещанию центуриона городской когорты его сослуживцы построили храм (aedem) Гению центурии за благополучие Александра Севера (CIL VI 223).

Говоря, далее, о религиозных аспектах профессионально-корпоративного этоса римских солдат, нельзя не сказать о культе различного рода Викторий и вообще о теме победы в армейской эпиграфике. Культ Виктории возник в Риме еще во времена Ранней республики³⁶. В эпоху Принципата он, безусловно, занимает особое место в солдатском пантеоне и в сознании солдат и офицеров³⁷. И это не удивительно, если учесть, что разгром врага был, по существу, главным предназначением армии, о котором даже в относительно мирные времена нельзя было забывать, тем более, что победы римского оружия теперь неразрывно связывались с правящим императором как носителем высшего империя и ауспиций³⁸. Изображения богини Виктории в виде крылатой женщины, держащей венки, не только широко практиковались в монетных выпусках³⁹ и на разного рода коммеморативных сооружениях, в частности на

³⁴ Ср. также лобопытную надпись из большого лагеря в Ламбезе, на которую обратил внимание Я. Ле Бозк (указ. соч. С. 361–362). В ней один из легионеров обращается к своим товарищам: «Благочестивые люди, желающие отдать свой обол Эскулапу, должны лишь положить его в этот сосуд для жертвований; этим будет совершено приношение Эскулапу» (ВСТН. 1907. Р. 255).

³⁵ *Ankersdorfer H.* Op. cit. S. 197–198; *Speidel M. P., Dimitrova-Milceva A.* Op. cit. P. 1545.

³⁶ *Picard G.-Ch.* Les trophées romaines. P., 1957; *Weinstock S.* Victor and Invictus // *HThR.* 1957. 50. P. 211–247; *idem.* Victoria, die Siegesgöttin der Römer // *RE.* Bd. VIII. 2. 1958. Sp. 2501–2542. См. также: *Hölscher T.* Victoria Romana. Archäologische Untersuchungen zur Geschichte und Wesenart der römischen Siegesgöttin. Mainz, 1967.

³⁷ *Domaszewski A., von.* Die Religion... S. 37–40; *Weinstock S.* Victoria... Sp. 2529–2531; *Ле Бозк Я.* Указ. соч. С. 373–374. Ср. также характерное высказывание Тертуллиана: «Виктории вы почитаете за богов, притом тем более почтенных, чем славнее была одержанная победа» (Ad nat. I. 12 / Пер. И. Маханькова).

³⁸ *Ando C.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley; Los Angeles; L., 2000. P. 278–292. Ср., например, надпись из Lepcis Magna, датируемую 6–8 гг. н. э., в которой речь идет о победе проконсула Косса Корнелия Лентула над гетулами, одержанной auspiciis imp. Caesaris Augusti (IRT, 301).

³⁹ *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995. С. 183 сл.

триумфальных арках⁴⁰. Богиня изображалась и на солдатских патерах⁴¹, а также на военных знаменах (*vexilla*)⁴², сопутствуя таким образом воинам и в быту, и в походах, и во время различных торжественных церемоний. Обращение к конкретным эпиграфическим документам позволяет более детально представить себе, как римские солдаты и офицеры понимали и воспринимали это божество⁴³.

В посвячительных надписях Победа не только предстает как *Augusta*, т. е. как божество, соединенное с личностью императора, не только объединяется в одном посвящении с другими римскими божествами (часто в триаде вместе с Марсом и Венерой) или обожеествленными понятиями, Гениями и туземными богами, но и выступает как Победа или Победы одного или нескольких императоров⁴⁴, причем не как победа вообще, но как вполне конкретная, недавно одержанная Победа, которая и в этом случае мыслилась как богиня, имевшая собственный культ и даже жрецов⁴⁵. Иногда в надписях есть и определенные указания на соответствующие события. Приведем некоторые наиболее показательные примеры. В посвящении, сделанном в 254 г. президом провинции Мавретании Цезарейской М. Аврелием Виталисом и декурионом алы фракийцев Ульпием Кастом в честь Юпитера Наилучшего Величайшего и Гениев, бессмертных богов и Побед непобедимых владык, сказано, что они исполнили обет «по случаю разгрома и обращения в бегство варваров» — *ob barbaros c(a)esos ac fusos* (CIL VIII 20827 = ILS. 3000)⁴⁶.

⁴⁰ Hölscher T. Op. cit. Passim; Поплавский В. С. Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М., 2000. С. 236–237.

⁴¹ Так, на одной патере из Паннонии она изображена вместе с Тutelой и *Virtus* в сопровождении надписи: *salvo Augusto saeculum aureum videamus* (CIL III 6009, 1). Таким образом, по представлению солдат, как заключает Е. М. Штаерман, цитирующая эту надпись, «золотой век» наступал в результате благополучия императора, его добродетелей и побед (Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 264; она же. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 286).

⁴² Rostovzeff M.I. *Vexillum and Victory* // JRS. 1942. Vol. 32. P. 92–106.

⁴³ В целом о проблематике культа Викторини см.: *Gagé J. La théologie de la Victoire impériale* // *Revue Historique*. 1933. Vol. 71. P. 1–43; *Fears J. R. The Theology of Victory at Rome: Approaches and Problems* // *ANRW*. Bd. II. 17. 2. 1981. P. 736–826. Ряд интересных наблюдений высказал недавно В. Экк: *Eck W. Monumete der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler* // *KHG*. S. 483 ff.

⁴⁴ *Ле Бок Я.* Указ. соч. С. 374.

⁴⁵ В надписях Коринфа засвидетельствована должность жреца Британской Победы императора Клавдия (*sacerdos Victoriae Britannicae*), причем первым (или одним из первых) эту должность занимал бывший трибун VI Испанского легиона (*Eck W.* Op. cit. S. 486. *Anm.* 17).

⁴⁶ О каком-то конкретном военном успехе, достигнутом конным вспомогательным отрядом, сообщается также и в плохо сохранившейся надписи из Карлисла (Британия), сделанной префектом Публием Секстанием из *civitas Traianensium* (совр. Ксантен в

На то, что в посвящении имеется в виду конкретная победа, очевидно, указывают и такие эпитеты Виктории, как, например, Парфянская (CIL VIII 2354 = ILS, 305 — упоминавшееся посвящение, сделанное по заветанию центуриона времен Траяна) или Германская в посвящении эвоката и инструктора по боевой подготовке Вибуллия Феликса, который указал, что по случаю триумфа Августов (имеется в виду триумф Марка Аврелия и Коммода в 176 г.) воздвиг бронзовую статую ценой в 500 денариев, украшенную трофеями, и подарил ее коллегии⁴⁷. Солдаты III Августова легиона, вернувшиеся в свой постоянный лагерь в Ламбезе после Парфянской войны Септимия Севера (de exp(editione) fel(icissima) Mesopo[tamica]), сделали посвящение [Victoriae Au]ggg. Arab(icae) Adi[ab(enicae) Parth(icae) max(imae) (ILS, 9098). Бывший военный трибун IV Скифского легиона, А. Вицирий Прокул, будучи flamen Augustalis в Рузелле (Этрурия), воздвиг в этой колонии в 45 г. статую во исполнение обета pro salute et reditu et Victoria Britannica Ti. Claudi Caesaris Aug(usti) Germanici (AE. 1980, 457)⁴⁸. Еще более интересны тексты, где речь идет о победах, одержанных отдельным легионом. В Бригещионе в 207 г. примипил П. Марий Секстиан принес дар Victoriae Aug(ustorum) n(ostorum) et leg(ionis) I Adi(utricis) p(iae) f(idelis) <Antoninianae> (CIL III 11082). Некий Валерий Руф исполнил обет Победе VI Победоносного Валериева легиона (CIL VII 217). В некоторых случаях победа предстает не как обожествленное абстрактное понятие, но в качестве реального или чаемого достижения императора. Интересным памятником с таким пониманием победы является алтарь из Дура-Европос, воздвигнутый по обету Гению Дуры декурионом когорты II Ulpia equitata Commodiana Элием Титтианом «за благополучие Коммода Августа Благочестивого Счастливого и победу нашего владыки императора Умиротворителя Вселенной (Pac(atoris) Orb(is)), Непобедимого римского Геркулеса» (AE. 1928, 86)⁴⁹. Аналогичные посвящения получают распространение в правление Северов. Примером здесь может служить посвящение Гению конных телохранителей императоров и Геркулесу Непобедимому

Германии) за благополучие самого дедиканта и его соратников в честь каких-то божеств, возможно, спутников или соратников бога Геркулеса: Dei Herc[ulis in]victi Con[...]]tibus pro sa[lute ipsius et] | commiliton[um caesa manu] | barbaroru[m ab ala Augusta] | ob viru[tem appellata] | P(ublius) Sextaniu[s..... praef(ectus) e civi]]tat(e) Traia[nens(ium) v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)] (RIB, 941). В издании CIL VII 924 и в других предлагались иные варианты чтения этого текста, в частности Con[...]]tibus читалось как Con[sor]]tibus. Их критический разбор см.: RIB. P. 315.

⁴⁷ CIL VI 3736: [Victo]ri(ae) [German]icae sacrum.. [V]ibullius M. f. [Ro]m(ilia) Felix Ateste [ev]oc(atus) Aug(usti) exercit(ator) [ar]maturar(um) voto [po]sui ob trium[phum Au]g(ustorum) [sig]num aereum tropae[is insigne] dedi (quingentis) (denariis) [collegio ar]matu[rarum praetoria]norum.

⁴⁸ Eck W. Op. cit. S. 486.

⁴⁹ Об этой надписи см.: Speidel M. P. Commodus the God-emperor... P. 109–114.

за здоровье и победу и возвращение (reditu) Септимия Севера, его сыновей и супруги (CIL VI 227 = ILS, 427).

Надо отметить, что в ряде посвящений Виктория как богиня получает характерные эпитеты, подчеркивающие те ее аспекты, которые, бесспорно, представлялись дедикантам наиболее существенными. В посвящении, сделанном r(es)p(ublica) s(oloniae) L(ambaesitanorum), Победа именуется спутницей божественной Доблести Августов: *Victoriae divinae Virtutis comiti Auggg(ustorum trium)* (CIL VIII 18240 = ILS, 3811)⁵⁰. В коллективном посвящении солдат II Парфянского легиона, сделанном, очевидно, по случаю увольнения в отставку, Победа названа «Возвратительницей (Redux) наших господ императора Филиппа и его супруги Отацилии Северы» (ILS, 505 = Федорова, № 215). В одной надписи времен Элагабала говорится о принесении дара Вечной Победе Августа (CIL VIII 9754). Нельзя еще раз не привести то пышное наименование, которое дал Виктории примипил Л. Максимий Гетулик в уже цитированном посвящении из *Novae: Victoria Augusta Panthea Sanctissima*. Любопытнейшей фразой снабдил свое посвящение Мавретанским варварским богам ((Dis) mauris barbaris) Сервилий Импетрат, не указавший своего звания: *Victor veni, vic(torem) me fac(iatis)* — «В качестве победителя я пришел, так сделайте же меня победителем» (CIL VIII 2641 = 18102 = ILS, 4497).

Представление о том, что военный успех является делом богов, находит одно из своих выражений в использовании таких эпиклез, как *Victor* и *Depulsor*. Например, в надписи М. Доместия Реститута, центуриона XIII Сдвоенного легиона, обоими наименованиями назван Юпитер (AE. 1944, 28; Апулум, 154 г.), а посвящение бенефициария Сатурнина, помимо прочих богов, адресовано Марсу Виктору (CIL III 17626). Сохранялся в императорской армии и культ Юпитера *Stator'a* (CIL III 895 = ILS, 3023 и CIL III 1089 = ILS, 3010), а также Марса Градива («Шествующего в бой») (например, AE. 1935, 164 — посвящение *Marti Gradivo*; ср.: CIL VIII 17625 = ILS, 2399 — *Gradivo Patri*; ср. также: *Mars Militaris* в RIB, 838). Тесно взаимосвязанным с победой и успехом военных кампаний является, очевидно, и почитание таких божеств, как *Bonus Eventus* и *Fortuna*⁵¹, которые часто фигурируют как Счастливый исход и Фортуна отдельно взятого легиона или войска⁵² (ср. особен-

⁵⁰ *Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste... P. 554.*

⁵¹ *Ле Бозк Я. Указ. соч. С. 374.* В этой связи стоит напомнить о той значительной, часто даже решающей роли в военных делах, какую приписывают Фортуне многие античные авторы. См., например: *Caes. B. Gall. VI. 30. 2: multum cum in omnibus rebus, tum in re militate potest Fortuna.* Ср.: *idem. B. civ. III. 73. 2; Cic. De redivu M. Marc. 2. 6; Liv. IX. 17. 3; Flor. II. 17. 11; Veget. III. 26.*

⁵² Конкретные примеры см.: *Domaszewski A., von. Die Religion... S. 40 ff.* О культе Фортуны в военном контексте см. также: *Picard G.-Ch. Op. cit. P. 171–174; 374–376; Le Bonniec H. Op. cit. P. 114.*

но: CIL III 10992: F[o]rtun[ae] fortissima[e] leg(ionis) I Adi(utricis) p(iae) f(idelis) S[ev(er)ianae]). Интересны также некоторые эпиклезы Фортуны: Dea sancta Fortuna Conservatrix (RIB, 968), Fortuna Redux (ILS, 2472; CIL III 10436). Известно также посвящение Numini Fortunae sanctae (AE. 1909, 3). Любопытно, что солдаты охотно ставили изображения Фортуны в лагерных банях, где имелось небольшое святилище, и почитали ее как Fortuna Balnearis (CIL XIII 6552 = ILS, 2605)⁵³. Надо сказать, что, принося обеты тем или другим богам за победу над врагом, перед началом ли кампании или же в ходе войны, римские солдаты и военачальники следовали древнейшей традиции. Если во времена Республики отправлявшиеся на войну полководцы давали обеты на Капитолии или же приносили соответствующие vota (связанные обычно с возведением храма или дарами богам)⁵⁴, то в эпоху Империи такого рода практика определенным образом «демократизировалась». Обеты за победу в индивидуальном порядке приносили не только высокопоставленные военачальники⁵⁵, но, как мы видели, и офицеры и даже простые воины.

Не останавливаясь на характеристике всего пантеона почитаемых в армии божеств, укажем только на три хорошо известных момента, принципиально важных для рассматриваемой темы и отчасти получивших освещение в вышеизложенных материалах. (1) Наибольшим распространением во всех формированиях императорской армии пользовались традиционные боги и богини римского пантеона, причем в их трактовке на первый план выходили их военные функции и ипостаси, так же как и в большинстве из почитаемых солдатами туземных или восточных божеств. Кроме того, только в армии известны культы *dii militares* и *sarpestres*. В целом же государственная и официальная армейская религии были идентичны, формируя «имперское сознание»⁵⁶. (2) Немалой популярностью в армейской среде пользовались также культы обожествленных абстрактных понятий, в том числе (и прежде всего) тех, которые были наиболее существенными для военной профессии — *Virtus*, *Honos* (также и *Honos aquilae*), *Pietas*, *Disciplina militaris*, *Fides* и др. (3) Религиозно-культовая практика в римской армии в значительной сте-

⁵³ *Ankersdorfer H.* Op. cit. S. 139, 220.

⁵⁴ *Weigel R. D.* Roman generals and the vowing of temples, 500–100 B. C. // *Classica et mediaevalia*. 1998. Vol. 49. P. 119–142.

⁵⁵ Ср. посвящение из Ламбеза Флавия Леонтия: *Iovi Optimo Maximo, deorum principi, gubernatori omnium rerum, caeli terrarumque rectori, ob reportatam ex gentibus barbaris gloriam Flavius Leontius, v(ir) p(er)fectissimus, dux per Africam posuit* («Юпитеру Наилучшему Величайшему, главе богов, кормчому всех дел, властителю неба и земли, за славную победу, одержанную над варварскими народами, Флавий Леонтий, превосходительный муж, командующий войсками в Африке, поставил» (пер. Е. В. Федоровой) (ILS, 2999 = Федорова, № 348).

⁵⁶ *Stoll O.* Die Fahnenwache in der römischen Armee // *ZPE*. 1995. Bd. 108. S. 107.

пени подчинялась принципам иерархии и коллективизма. Иными словами, иницилирующую роль играли главным образом командиры разных рангов⁵⁷ (не говоря уже о том, что при каждом легионе были собственные жрецы, гаруспики и т. д.), а обеты часто приносились и исполнялись коллективно либо имели в виду благополучие той малой или большой общности, к которой принадлежал солдат. При этом вовсе не исключалось, как видно из приводившихся выше надписей, проявление индивидуальной, частной инициативы. Все это в общем позволяет с полной уверенностью заключить, что «профессиональные» аспекты играли в религиозной жизни армии большую, если не сказать первостепенную, роль⁵⁸. Равным образом они определяли и общий образ мыслей военных людей. Соответствующие ценностные приоритеты наглядно выражены в одном из тех редких эпиграфических текстов, где римский военный высказывается от первого лица вне рамок какого-либо официального или культового акта. Это — стихотворная эпитафия анонимного примипила из *Aquae Flavianaе* (провинция Африка) (AE. 1928, 37), в которой говорится:

optavi Dacos tenere caesos: tenui.
[opt]avi in sella pacis residere: sedi.
optavi claros sequi triumphos: factum.
optavi primi commoda plena pili: hab[ui].
optavi nudas videre nymphas: vidi⁵⁹.

Здесь, впрочем, также присутствует непосредственный контакт с божественным миром, если принять на веру сделанное в последней строке признание. Можно также упомянуть эпитафию паннонца Ульпия Квинтиана, служившего в *equites singularis* в III в. (Dobó, 122). Поставившие ее сослуживцы и наследники Валерий Антоний и Аврелий Викторин отмечают, что покойный в 26 лет сам приобрел себе с великими горестями почести лагерной службы, и обращаются к путнику, который увидит это надгробие, чтобы он пожелал ему легкой земли, а нам хорошей добычи, из каковой можно оставить сыну хороший надел⁶⁰.

⁵⁷ Kolendo J. Le rôle du primus pilus dans la vie religieuse de la légion. En rapport avec quelques inscriptions de Novae // *Archeologia*. 1980 (1982). T. XXXI. P. 49–60; Stoll O. «Offizier und Gentleman»... S. 134–162.

⁵⁸ Ле Бозк Я. Указ. соч. С. 377.

⁵⁹ «Желал держать поверженных даков — я держал (их).
Желал сесть на кресло мира — я сел (на него).
Желал следовать в блестящих триумфах — свершилось.
Желал иметь все преимущества примипила — я получил (их).
Желал увидеть нимф нагих — увидел».

См.: Ле Бозк Я. Указ. соч. С. 359, где дан перевод этого текста с французского языка. В него мною внесены небольшие поправки с учетом латинского оригинала.

⁶⁰ Цит. по: Колосовская Ю. К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // *Культура древнего Рима: В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 219.*

Необходимо, далее, затронуть вопрос о характере веры солдат в богов и о том, насколько действенным было ее влияние на конкретное поведение римских военных в тех или иных ситуациях. Отвечая на данный вопрос, помимо соображений общего плана (имеющих в виду поразительную распространенность различного рода посвящений, обетов и прочих религиозных актов в солдатской среде, серьезные расходы, требовавшиеся подчас для их выполнения), следует, вслед за Ле Бозком⁶¹, обратить особое внимание на одну немаловажную деталь, встречающуюся в целом ряде вотивных текстов, которая подтверждает весьма высокую степень искренности, глубины и индивидуальности религиозных чувств, присущих солдатам. Некоторые дедиканты, указывая на побудительные мотивы исполнения обета или другого культового действия (например, восстановления и посвящения храма), отмечают, что действовали по непосредственному велению бога. Оно могло быть высказанным, как мы уже видели в двух приведенных надписях, во сне (CIL VI 533 = ILS, 2088: *somnio admonitus*; CIL VIII 2632 = ILS, 3374: *visus dicere somno Leiber Pater*), либо в видении, на что указывают слова *ex visu*⁶². В некоторых случаях способ, каким было получено божественное повеление, не называется, но просто говорится о приказании свыше. Так, трибун Тиберий Клавдий Помпейян, исполнивший обет Гению VII легиона Близнаца, подчеркнул, что сделал это *ex iu(ssu) G(enii)* (AE. 1971, 208). Аналогичная формула использована и в посвящении К. Юлия Аполлинариса, центуриона VI Победоносного легиона, в честь Юпитера вечного Долихена и богинь Небесной Бригантии и Салюс: *ius. De., t. e. либо ius(su) de(i), либо ius(sus) de(dicavit)* (ILS, 9318). Интересна вотивная надпись из Рибчестера в Британии, в которой Флоридий Наталис, центурион и препозит отряда и региона, сообщает, что за благополучие императора Александра Севера и его матери «на свои средства восстановил от основания и посвятил храм в соответствии с ответом бога»: *templum a solo ex responsu [dei] restituit et dedicavit d[e suo]* (RIB, 587. Имя бога в надписи не сохранилось; издатели надписи предполагают, что скорее всего им мог быть Юпитер Долихен). Побуждение к исполнению обета могло также исходить не от самого божества, а от нумена, как свидетельствует посвящение Юпитеру и Гению

⁶¹ Ле Бозк Я. Указ. соч. С. 363.

⁶² Так, М. Петроний Приск 18 июля 147 г. воздвиг *ex visu* алтарь неуказанному божеству за благополучие Августа (AE. 1960, 96). Посвящение Минерве Августе за благополучие императоров Септимия Севера, Каракаллы и Юлии Домны сделал опцион III Августа легиона, указав что поставил алтарь *deae patria[e] ex viso (sic!), libent[er] an[i]mo, votuo (sic!) exs[ol]vit* (IL Afr. 28). Префект вспомогательной когорты I *Hamiorum Sagittar(iorum)* *ex visu* исполнил обет Фортуне Августе за благополучие Л. Элия Цезаря (соправителя Адриана) (RIB, 1778). Также вследствие видения исполнил обет Меркурию и ветеран I Вспомогательного легиона в Бригеционе (CIL III 4298 = Штаерман, 1364).

места, сделанное консульским бенефициарием Г. Юлием Императором o(b) n(umen) m(onitus) (АИ, 253 = Федорова, № 106).

Что касается ответа на вопрос о том, как именно и в какой степени поведение римских солдат в боевой или повседневной обстановке определялось религиозными факторами, то рассмотренный выше материал эпиграфических документов отчасти может быть дополнен свидетельствами литературных источников. Как бы они ни были скудны, тенденциозны и разрозненны в хронологическом плане, их все же нельзя полностью игнорировать. Прежде всего эти источники, относящиеся как к республиканскому, так и к императорскому времени, свидетельствуют о такой своеобразной форме религиозности, как суеверия и сильная, простодушно глубокая вера военных людей в разного рода приметы и предзнаменования. Эти факторы, в ряду других обстоятельств⁶³, часто непосредственно обуславливали эмоциональные реакции солдатской массы и нередко использовались полководцами в своих интересах либо, напротив, требовали от них проведения определенных «профилактических» мероприятий⁶⁴.

В данном контексте нельзя не вспомнить о Сципионе Африканском Старшем, который, по словам Полибия (X. 2. 12), «внушал своим войскам такое убеждение, будто все планы его складываются при участии божественного вдохновения; через то самое подчиненные его шли на опасное дело смелее и с большей охотой» (пер. Ф. Г. Мищенко; ср.: Liv. XXVI. 19. 4; 41. 18–19; App. Iber. 73; 88), что особенно ярко проявилось при штурме Нового Карфагена, когда Публий убедил своих воинов в том, что сам Нептун окажет им помощь (Polyb. X. 14. 11–12; Liv. XXVI. 45. 9; App. Iber. 88), и они прониклись необычайным боевым рвением⁶⁵. Конечно, пример Сципиона, наверное, первой в римской истории харизматической личности, в своем роде исключителен. Важно, однако, подчеркнуть, что использование подобных средств морально-психологического воздействия на солдатскую массу возможно лишь при соответствующем ментальном состоянии как этой последней, так и самого полководца. Можно предположить, что не меньшая убежденность в непосредственном и активном вмешательстве богов была присуща и в гораздо более поздние времена тем римским солдатам, которые, успешно

⁶³ Ср. в особенности: *Caes. B. civ. III. 72. 4*: «...они (помпейцы после победы под Диррахием. — А. М.) забывали об обычных на войне случайностях, о том, как часто самые ничтожные обстоятельства — будут ли это ложные предположения, или внезапный страх, или случайный порыв суеверия (*obiectae religionis*) — причиняют огромный урон...» (пер. М. М. Покровского).

⁶⁴ См. выше, гл. III, с указанием источников, к которым можно также добавить: *App. Iber. 26; 85; B. C. IV. 101; Plut. Mar. 17; Dio Cass. LVI. 24. 5; Tac. Ann. XIII. 41; Hist. III. 24.*

⁶⁵ Любопытный анализ этого известного эпизода см.: *Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. М., 1998. С. 60–85.*

преодолев суровые испытания или встретившись с тем, что они воспринимали как чудо, совершали посвящения божествам природных стихий⁶⁶. Едва ли в таких ситуациях выбор божественных адресатов был случаен.

Выше мы уже указывали на сакральное значение военной присяги. Не повторяя сказанного и не развивая далее эту тему, присоединимся к мнению Б. Кэмпбелла, который подчеркнул, что вопрос об эффективности присяги является по существу вопросом о силе религиозного чувства, присущего римским солдатам (каковую, однако, трудно оценить сколь-нибудь однозначно)⁶⁷. Уместно, наверное, было бы в данном контексте обратить внимание на одну деталь в том эпизоде из IX книги «Метаморфоз» Апулея (IX. 39–42), где рассказывается история о незадачливом легионере, у которого избивший его огородник отобрал меч. Помимо всего прочего (а утрата оружия фактически приравнивалась к дезертирству и каралась смертью — Dig. 49. 16. 3. 13; ср.: 49. 16. 14. 1), этот солдат, по словам автора, опасался Гения военной присяги: *militaris... sacramenti Genium ab amissam spatham verebatur* (Met. IX. 41). Очевидно, в данном случае имеется в виду не Гений императора, которым клялись при принесении присяги⁶⁸, но особое божество, имевшее, как свидетельствует посвящение ветеранов из Интерцизы, собственный культ (AE. 1924, 135)⁶⁹. Указание Апулея, конечно, не следует считать исторически достоверным, помня о том, что в данном случае он создавал обобщенный образ; но возможно, что оно потребовалось ему для

⁶⁶ *Exempli gratia* можно сослаться на посвящение ветеранов одного из легионов (вероятно, датируемое 279 г.): [I. O.] M., N[ep]t[ur]u[m], S[al]acea, Nim[ph]is, Danu[us]io, Acauno, di[s] deabusq[ue] omnib[us] (ILS, 9268) (на этом памятнике сохранились изображения соответствующих божеств. Salacea — это, очевидно, Салация, богиня бурного моря, мать Тритона, а Акави, по-видимому, — речное божество). Стоит упомянуть и два посвящения от имени III Августова легиона: одно адресовано *Ventis bonarum tempestatium potentibus* — Ветрам, владычествующим над хорошей погодой (CIL VIII 2610 = ILS, 3935), а второе — *I. O. M. tempestatium divinarum potenti* (CIL VIII 2609 = ILS, 3061). Ср. эти надписи со свидетельством в биографии Адриана, согласно которому накануне прибытия императора в Африку в 128 г. впервые за пять лет выпал дождь (SHA. Hadr. 22.14). Известное «чудо дождя», происшедшее во время германских походов Марка Аврелия, по официальной версии было результатом молитв императора к Юпитеру-Дожденосцу, изображение которого имеется на колонне Марка (№ 11; 16). Иная версия, но тоже связанная с прямым вмешательством божества (Гермеса), излагается Дионом Кассием (LXXI. 9–10). Ср.: *Ле Бож Я.* Указ. соч. С. 363.

⁶⁷ *Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army: 31 BC — AD 235.* Oxf., 1984. P. 29.

⁶⁸ Таково, в частности, мнение, высказанное С. П. Маркишем в комментарии к процитированному месту (*Маркиш С. П. Комментарии // Апулей. Апология или речь в защиту самого себя от обвинения в магии; Метаморфозы в XI книгах; Флориды / Пер. М. А. Кузьмина и С. П. Маркиша.* 2-е изд. М., 1956. С. 418).

⁶⁹ *Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A. Op. cit.* P. 1548.

того, чтобы подчеркнуть одну из типичных, в представлении его современников, черт римского солдата — своеобразную набожность.

В любом случае, как бы ни комбинировать свидетельства литературных источников, они помогают воссоздать только предельно общую картину религиозности римских воинов. Косвенные данные о месте и роли религиозного фактора в военной жизни мог бы дать анализ содержания полководческих речей, очень многочисленных в сочинениях античных историков. При всей их риторичности и искусственности, они, несомненно, фиксируют и акцентируют те военно-этические ценности, к которым в реальности апеллировали военачальники, обращаясь к солдатской массе, и которые, очевидно, были действительно значимыми для нее. Однако, говоря об этих речах в целом, нужно признать, что обращение именно к религиозным чувствам солдат, подчеркивание божественного содействия, ссылки на почетность гибели в бою, дарующей славу и бессмертие (см. особенно *Ios. B. Iud. VI. 1. 5*), и т. п. отнюдь не имеют в выступлениях полководцев перед войском приоритетного значения, хотя многое зависит и от конкретной ситуации произнесения речи, и от точки зрения самого автора. Тем более сложно установить корреляцию соответствующих риторических пассажей, которые сводятся преимущественно к общим местам, с подлинными мотивами поведения солдат на поле боя или в других обстоятельствах. Даже в тех случаях, когда в этих речах упоминается содействие богов, наряду с ним всячески подчеркивается значимость воинской выучки, опыта и доблести самих римских войск (см., к примеру: *Caes. B. Gall. V. 52. 6*; *Dio Cass. LXII. 11. 3*; *App. Lib. 42*; *Ios. B. Iud. VI. 1. 5*). Характерно, в частности, что в сочинениях Цезаря, который как никто другой понимал солдатскую психологию и писал, во многом ориентируясь на людей военных, основной упор делается на искусстве полководца, патриотизме и мужестве римлян, что, как отметила Е. М. Штаерман, весьма знаменательно для умонастроения в армии⁷⁰.

Понятно, впрочем, что в разные эпохи и в зависимости от конкретных ситуаций эти умонастроения могли существенным образом меняться. Но в них всегда не менее важную роль, чем религиозные и моральные факторы, играли сугубо прагматические, земные соображения — упования на знаки отличия, повышения, славу и почести, а главное — на достойное денежное вознаграждение. Примечательно, что иногда к проведению религиозных церемоний и обрядов с чисто римской прагматичностью приурочивались вручение *dona militaria* и выплата наградных (*App. B. C. IV. 89*; *Ios. B. Iud. VII. 1. 3*). Император Юлиан, готовясь в Антиохии к походу против персов, не только сам

⁷⁰ *Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима... С. 166.*

усердствовал в молитвах и толковании предсказаний, но и активно пытался внедрить почитание богов в души своих солдат. Однако когда его личного примера и словесных внушений оказывалось недостаточно, то, по словам Либания, «убеждению содействовало золото и серебро и при посредстве малой прибыли воин получал большую, золотом приобретал дружбу богов, властных на войне» (Liban. Or. XVIII. 168; пер. С. Шестакова; ср.: Amm. Marc. XXII. 12. 6–7). К сожалению, наши источники не позволяют оценить степень воздействия такого рода практики, как и прочих официальных культовых мероприятий, на сознание солдат. В условиях же гражданских войн чаще всего никакие апелляции к богам не могли обуздать солдатскую массу, которая давала выход своим порокам и страстям. Судя по многочисленным фактам, сообщаемым источниками, благочестивый воин превращался — прежде всего в глазах современников, но и в реальности тоже — в безбожного вояку (*miles impius*), готового на братоубийство и стремящегося к наживе любым, даже самым преступным путем ([Verg.] *Dirae*. 1. 81).

Естественно, было бы грубой ошибкой преувеличивать сдерживающее и позитивное воздействие религиозной веры на моральное состояние и поведение солдат римской армии во времена Поздней республики и Империи. Недопустимо, однако, и недооценивать огромную сплывающую, воспитательную и стимулирующую роль *religio castrensis* в ее различных проявлениях, как официальных, так и неофициальных, проникнутых, как мы могли видеть, не одним только конформизмом и формальной, бессодержательной рутинной стародавних ритуалов, но также и искренней индивидуальной верой. Вера в богов у солдат императорской армии была неразрывно связана с верностью своим частям и боевым товарищам, с преданностью императору и римскому государству в целом. *Religio castrensis* освящала и в известной степени формировала наиболее значимые ценностные ориентиры воинской жизни, эффективно помогала сохранять исконные римские традиции (равно как и приобщать к ним тех, кто благодаря службе в армии интегрировался в римский мир), психологически облегчала бремя тягот и опасностей, придавала определенный смысл жизни и службе солдат и командиров⁷¹, а порой и воодушевляла их на героические деяния⁷².

⁷¹ Ср.: Helgeland J. Op. cit. P. 1473; 1501.

⁷² Представляется, однако, малообоснованным мнение Я. Ле Боэка (указ. соч. С. 365–366) о том, что в период Империи сохранился и получил развитие, сделавшись даже более «демократичным», доступным и простым солдатам, такой древний обычай, как *devotio* (особый вид жертвоприношения богам, когда военачальник, бросаясь в гущу врагов и добровольно обрекая себя на смерть, таким образом приносил себя в жертву богам. См.: Wissova G. *Devotio* // RE. Bd. V. 1905. Sp. 277–280). Французский исследователь ссылается только на два примера, относящихся к эпохе Империи. В первом случае речь идет об императоре Клавдии II Готском, который, по одной из версий (*Aur. Vict. Caes.*

34. 3–6), в соответствии с предсказанием Сивиллиных книг сам пожертвовал жизнью во время войны с варварами, принеся требуемую жертву (ср.: [Aur. Vict.] Epit. de Caes. 34. 3–4). Второй пример (на основе которого и делается вывод о «демократизации» обычая) — это рассказ Иосифа Флавия о подвиге, совершенном во время осады Иерусалима рядовым воином из вспомогательных когорт, сирийцем по имени Сабин, который первым добровольно откликнулся на призыв Тита взобраться на стену осажденного города и, заявив, что предоставляет себя в распоряжение полководца и готов встретить смерть, бросился на приступ, но, достигнув уже вершины стены и проявив чудеса храбрости, все же погиб (B. Iud. VI. 1. 6). Данный пример, на наш взгляд, крайне неудачен и не может служить подтверждением вывода автора. Дело не только в том, что иудейский историк не понимал религиозного смысла этого поступка, как указывает сам Ле Бозк. Во-первых, еще более маловероятно, чтобы этот смысл был лучше понятен солдату-неримлянину. Во-вторых, в предшествующем обращении Тита к солдатам, как его излагает Иосиф, сказано и о бессмертии тех, кто, храбро сражаясь, погибает в бою, и о помощи божества, и о достойном вознаграждении, и о превосходстве римлян в силе и мужестве, но нет равным счетом никакого намека на принесение жертвы богам. В-третьих, согласно тексту Иосифа, примеру Сабина сразу же последовали еще одиннадцать воинов — «единственные, кто пожелал соревноваться с ним в воинской доблести», а два дня спустя небольшой отряд из тех солдат, которые несли охрану впереди римских валов, скрытно подошли к замку Антонии и заняли стену. Наконец, в источниках позднереспубликанского и императорского времени, как мы видели, имеется немало сообщений о героической самоотверженности и самопожертвовании римских солдат и командиров в бою, но ни в одном из них, насколько я могу судить, ни прямо, ни косвенно не говорится о чем-то похожем на *devotio*. Единственное исключение, где можно увидеть нечто похожее на древние образцы *devotio*, представляет собой эпизод, описанный Цезарем в рассказе о высадке на берег во время первого похода в Британию (*Caes. B. Gall. IV. 25. 3*). Когда солдаты не решались покинуть корабли, орлоносец IX легиона обратился с мольбой к богам, чтобы его поступок принес счастье легиону, и призвал товарищей прыгать за ним, чтобы не предать орла врагам. Можно обратить внимание и на то обстоятельство, что приблизительно с начала II в. н. э. в римском обществе и в армии вообще существенным образом изменилось отношение к добровольному самоубийству солдат. Оно, по мнению Ж.-Л. Вуазна, стало рассматриваться не как проявление самообладания и желания господствовать над событиями, но как признак слабости, неудачи и даже преступления, приравниваясь к бегству и дезертирству (*Voisin J.-L. Ethique militaire et mort volontaire sous le Haut-Empire: un soldat peut-il se tuer? // Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon (17–19 Septembre 1998) / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolff. Vol. II. Lyon; Paris, 2000. P. 727–732*).

Глава XIV

«РЕЛИГИЯ И ЛЮБОВЬ К ЗНАМЕНАМ»: САКРАЛЬНЫЕ И ВОЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТА ВОЕННЫХ ЗНАМЕН

Профессионально-корпоративные аспекты воинской ментальности, пожалуй, наиболее концентрированное выражение нашли в культе военных знамен (*signa militaria*¹). Это давно и единодушно признается всеми исследователями. Однако сам характер этого культа по-разному трактуется в исследовательской литературе. Так, А. фон Домашевский писал о *signa* как о настоящих культовых изображениях, подобных богам, и, употребляя понятие *Fahnenreligion* («религия знамен»), считал культ знамен ядром армейской религии (по меньшей мере, до времени Северов, когда на первое место выдвинулся императорский культ²). Подобным же образом трактовал *signa* Ш. Ренель, посвятивший культу знамен специальную монографию. С его точки зрения, римские знамена, происходившие от тотемов италийских племен, были подлинными божествами армии. Орлу легиона поклонялись как особой божественной сущности, имевшей свою персональность, историю и волю³. Обожествление знамен, считал Ренель, с самого начала непосредственно смыкается с абстрактной деификацией в виде Гения знамен: Гений воинской части и ее знамена, по существу, выражали одну и ту же религиозную идею, но в разных формах: Гений — в более абстрактной, а знамена — в более материальной, фетишистской форме⁴. Высказанная

¹ Под *signa* имеются в виду самые разнообразные значки и штандарты: *vexillum*, *captabra*, *aquila*, *dracones* и т. д. Для удобства термин *signa* мы будем переводить словом «знамена». О различных видах знамен, существовавших в римской армии, и их происхождении см.: *Domaszewski A., von. Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885; Renel Ch. Cultes militaires de Rome. Les enseignes. Lyon; P., 1903; Reinach A. J. Signa militaria // DA. Vol. IV. 2. 1910. P. 1307–1325; Kubitschek W. Signa (militaria) // RE. Bd. II. A. 2. 1923. Sp. 2335–2345; Seston W. Feldzeichen // Reallexicon für Antike und Christenrum. Bd. VII. 1964. Sp. 694–702; Колобов А. В. Штандарты римской армии эпохи принципата // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 38–44.*

² *Domaszewski A., von. Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. S. 10 ff.; 19.*

³ *Renel Ch. Op. cit. P. 197; 281 suiv.*

⁴ *Ibid. P. 307; 309.*

Домашевским и Ренелем концепция практически утвердилась в литературе первых десятилетий XX в.⁵ Она присутствует и в исследованиях недавнего времени, в частности в работе Дж. Хельгеланда, который, ссылаясь на Домашевского, характеризует *signa militaria* как нумены и подчеркивает, что в силу своей сакральной природы они освящали центр лагеря, линию марша и боевые порядки, с полным основанием являясь объектом культа⁶. Аналогичную трактовку культовому почитанию знамен в римской армии дают и другие современные авторы⁷.

Существует и другая точка зрения, сторонники которой видят в *signa* простые символы единства воинских частей, а не какие-либо божественные сущности. А. Д. Нок, сопоставляя императорский культ с культом знамен, называл военные штандарты простым олицетворением профессиональных и персональных компонентов воинского долга, бранными материальными объектами⁸. Отсутствие посвящений знаменам, сделанных *ex voto*, по мысли автора, показывает, что никто не думал, будто знамена могут услышать чьи-то молитвы, подобно Юпитеру, Эскулапу, божествам кельтов и германцев или же священным камням семитского мира. В отличие от разного рода гениев и обожествленных абстракций типа *Fides*, *Honos*, *Mens Vona*, знамена не имели культа в собственном смысле. Правда, английский историк оговаривается, что различные *imagines* в обыденном сознании иногда могли отождествляться с божествами и наделяться чудотворной силой. Сходную позицию занимает Х. Анкерсдорфер, считающий, что авторы, разделяющие мнение о божественной природе знамен, с излишней доверчивостью относятся к неоднозначным свидетельствам литературных источников, в то время как эпиграфические данные сравнительно немногочисленны и датированы в основном III в. н. э., когда вообще возрастает число посвящений различным абстракциям и персонификациям⁹. Признавая, впрочем, про-

⁵ *Reinach A. J. Op. cit. P. 1324; Cagnat R. L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. P., 1892. P. 348; Kubitschek W. Op. cit. Sp. 2343.* Однако развиваемый Ренелем взгляд на происхождение знамен из племенных тотемов подверг критике Э. Реми, признававший за *signa* только символическое значение (*Remy E. Les enseignes romaines // Musée Belge. 1905. Vol. 9. P. 305–312*).

⁶ *Helgeland J. Roman Army Religion // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1477; 1498; 1503.*

⁷ *Seston W. Op. cit. Sp. 700 ff.; Rüpke J. Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990. S. 184 ff.; Stoll O. Die Fahnenwache in der römischen Armee // ZPE. 1995. Bd. 108. S. 107–108* (Штолль, правда, употребляет выражение «квазирелигиозное поклонение»). Мне осталась недоступной другая его работа, где данный вопрос освещается более подробно: *Stoll O. Excubatio ad Signa. Fahnenwache, militärische Symbolik und Kulturgeschichte. St. Katharinen, 1995*).

⁸ *Nock A. D. The Roman Army and the Roman Religious Year A. D. // Nock A. D. Essays on religion and the ancient world. Oxford, 1972. Vol. II. P. 780–781; idem. The Emperor's divine comes // JRS. 1947. Vol. 37. P. 104.*

⁹ *Ankersdorfer H. Op. cit. S. 43–44.*

исхождение signa от очень древнего религиозного корня, Анкерсдорфер замечает, что недостаточная репрезентативность эпиграфического материала, возможно, связана с тем, что почитание знамен могло выражаться в формах, не получивших отражения в надписях, и поэтому, исходя только из последних данных, знамена нельзя признать ни божествами, ни нуменами¹⁰. Таким образом, исследователи, опираясь на одни и те же источники, но используя различную аргументацию, не только по-разному расставляют акценты, но приходят к противоположным заключениям. Поэтому повторное обращение ко всей совокупности данных, отчасти неизвестных более ранним исследователям, представляется вполне оправданным, если не для окончательного решения спорного вопроса, то для уточнения некоторых оценок, в том числе тех, которые относятся к вопросу о роли религиозного фактора в традициях римской армии.

Обратимся сначала к текстам и эпизодам, в которых определенно прослеживается взаимосвязь военно-этических и религиозных представлений, связанных со знаменами. На эту взаимосвязь с достаточной очевидностью указывает упомянутый выше пассаж Сенеки. Рассуждая в одном из писем к Луцилию (ХСV. 35) о значении добродетели, философ использует сравнение из военной сферы: «Как первые узы военной службы — это благочестие, и любовь к знаменам, и священный запрет бежать от них (*primum militiae vinculum est religio et signorum amor et deserendi nefas*), а потом уже легко требовать с приведенных к присяге всего остального и давать им любые поручения, — так и в тех, кого ты хочешь повести к блаженной жизни, нужно заложить первые основания, внушив им добродетель» (пер. С. А. Ошерова). В этом сравнении, при всей его риторичности, без сомнения, выразилось характерное римское понимание военного дела как такой сферы, которая основана на особых обязательствах и ценностях, имеющих сакральную природу. Словам философа о *signorum amor* созвучно замечание Вегеция (III. 8) о том, что у воинов ничто не окружено бóльшим почитанием, чем свято́сть знамен: *nihil venerabilius eorum maiestate militibus*.

О том, что такого рода оценки отнюдь не голословны, свидетельствуют многие эпизоды римской военной истории, ясно показывающие, что ни по интенсивности, ни по практической значимости чувство любви римских солдат к своим знаменам не имеет аналогий ни в одной другой армии Древнего мира¹¹. Потерять или покинуть зна-

¹⁰ Ibid. S. 42.

¹¹ *Stoll O. Die Fahnenwache... S. 107.* Пожалуй, единственную близкую аналогию можно усмотреть в отношении индийцев к священному изображению божества, использовавшемуся в качестве значка боевого подразделения. Курций Руф (VIII. 14. 11–12) называет это божество Геркулесом и отмечает, что бросить этот знак в бою считалось у индийцев позором и тех, кто не вынесет его из сражения, подвергали казни. Характерна,

мена в бою считалось у римлян тяжким воинским преступлением и ни с чем не сравнимым позором¹². Не случайно в боевой практике римлян весьма действенным оказывался характерный, сугубо римский прием¹³, когда знаменосец или военачальник бросал знамя в строй или лагерь врагов либо сам со знаменем в руках устремлялся вперед, вынуждая воинов, чтобы спасти знамя, сражаться с отчаянной самоотверженностью. Флор указывает (I. 11. 2), что его впервые использовал диктатор Постумий в битве у Регилльского озера в 499 г. до н. э. Согласно же Фронтину, который приводит целую сводку подобных случаев (Strat. II. 8. 1–5), это средство применил еще Сервий Туллий, сражаясь под началом царя Тарквиния против сабинян. В сообщениях античных авторов мы находим немало примеров подобной решительности военачальников и героизма воинов, готовых жертвовать жизнью ради спасения своих знамен¹⁴, потеря которых означала поражение как отдельной части, так и армии в целом (ср.: Plut. Brut. 42; Tac. Hist. IV. 18; 34). Бросить в бою знамена считалось признаком высшей паники и страха (Caes. B. civ. III. 69). В рассказах римских историков о военных действиях обращают на себя внимание частые указания на точное число захваченных вражеских знамен или потерянных своих. Показательно также то огромное значение, какое придавалось в Риме возвращению потерянных на войне знамен. Об этом как о большой своей заслуге упоминает Август в своих «Деяниях» (RgdA. 29. 2; ср.: Horat. Carm. IV. 15. 4 sqq.; Vell. Pat. II. 91. 1; Flor. II. 34. 63; App. Illyr. 28). В 16 г. н. э. по случаю возвращения знамен, захваченных германцами при разгроме легионов Вара, в Риме была освящена специальная арка (Tac. Ann. II. 41; ср.: II. 25). Возвращению знамен посвящались коммеморативные выпуски монет с соответствующими легендами¹⁵.

однако, оговорка историка: «страх, который им внушил этот раньше враждебный бог, перешел в культ и почитание» (religionem venerationemque). Первичным оказывается все-таки страх, а не любовь.

¹² Ovid. Fasti. III. 114: magnum crimen; Caes. B. Gall. IV. 25. 2: tantum dedecus; idem. B. civ. III. 64. 3: rei militaris dedecus; Ios. B. Iud. VI. 4. 1: ἀτιμία. Ср.: App. B. C. I. 58; Plut. Aem. Paul. 20; Tac. Hist. III. 24. О наказании за потерю знамен см., в частности: Ex Ruffo leges milit. 25 (Brand C. E. Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 156).

¹³ Res in asperis proeliis saepe tentata («вещь, часто испытанная в жарких сражениях») называет его Ливий (XXXIV. 46. 12).

¹⁴ См., например: Liv. II. 59. 1; IV. 17. 2; XXV. 14. 4 sqq.; XXVI. 5. 15; XXXIV. 46. 12; XLI. 4. 2; Per. 55; Suet. Aug. 10. 4; Cic. Phil. XIV. 27; Tac. Hist. II. 43; III. 17; 22; Plut. Otho. 12; Flor. II. 15. 5; 30. 39; Sil. Ital. Punica. II. 298 sqq.

¹⁵ BMC I, 332, 410423; 679–681; RIC I², 41, 58, 60, 80–87, 287–289, 304, 305, 314, 315, 508, 521–526. Ср.: Kubitschek W. Op. cit. Sp. 2341; Picard G.-Ch. Les trophées romaines. P., 1957. P. 274–285; Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 269 сл.

Как уже отмечалось, aquila и signa легиона, как и его номер, название, особые эмблемы¹⁶, почетные наименования и награды¹⁷, прежде всего выражали индивидуальность данной части и ее подразделений, свидетельствуя об их боевом пути. Без этих атрибутов легион как таковой не мог существовать. Так, например, флотский легион, созданный Нероном из моряков и затем распущенный Гальбой, прежде всего требовал у императора орла и знамен (Suet. Galba. 12. 2; Plut. Galba. 15). Вспомним также, что в конце Республики — начале Принципата демобилизуемые и выводимые в колонии легионы сохраняли свои знамена¹⁸. Утрата легионом знамен, как известно, обычно влекла за собой его расформирование¹⁹. Особое отношение в римской армии к знаменам, вероятно, связано с их важной оперативно-тактической ролью: в качестве незвуковых сигналов (muta signa) (Veget. III. 5) они служили для управления и согласования действий войсковых подразделений в бою и на марше. Умение следовать за знаменами и знать свое место в строю (Liv. XXIII. 35. 6: signa sequi et in acie cognoscere ordines; ср.: XXX. 35. 6) относилось к тем основам военного дела, которым в первую очередь обучали новобранцев, ибо подчинение указаниям знамен и других сигналов было важнейшим условием успеха в бою (Veget. III. 8; Isid. Etym. XVIII. 3. 1 и 5). Особое внимание римских воинов к такого рода сигналам, делавшее войско в бою подобным единому телу, подчеркивал Иосиф Флавий (B. Iud. III. 5. 7). Несомненно, по мере усложнения структуры и тактики римской армии этот компонент военной науки приобретал все большее значение²⁰.

По всей видимости, в сознании солдат знамена неразрывно связывались с понятиями воинского долга и дисциплины. Насколько глубокой была эта связь, показывает эпизод, сообщаемый Тацитом (Ann. I. 38).

¹⁶ В качестве таких эмблем использовались знаки зодиака, изображения различных животных и т. п. символы. См.: Domaszewski A., von. Die Fahnen... S. 54–56; Renel Ch. Op. cit. P. 211 suiv.; 227–233.

¹⁷ Эти почетные наименования и названия легионов и других подразделений указывались на знаменах; на них прикреплялись также награды в виде венков и фалер. См.: Domaszewski A., von. Die Fahnen... S. 51–53; Neumann A. Die Bedeutung der Medaillions de Fahnen des römischen Heeres der frühen Kaiserzeit // Wiener Jahrestefte. 1943. Hf. 35. S. 27–32.

¹⁸ Tac. Ann. XIV. 27; App. B. C. II. 120; Hygin. P. 141 Thulin.

¹⁹ Kubitschek W. Op. cit. Sp. 2341; Watson G. R. The Roman Soldier. N. Y.; Ithaka, 1969. P. 128–129.

²⁰ По мнению Домашевского (Die Fahnen... S. 2 ff.), знамена изначально играли важную роль в управлении подразделениями в бою. Г. Дельбрюк (История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. СПб., 1994. С. 209–210), напротив, полагал, что при манипулярной тактике, когда фаланга двигалась мощной сомкнутой массой, signa не имели в бою никакого значения ни в качестве средства для выравнивания строя, ни как моральный импульс; лишь введение когортной тактики повысило роль знамен, прежде всего с морально-психологической точки зрения.

Когда вексиляррии взбунтовавшихся германских легионов хотели было расправиться с префектом лагеря Манием Эннием, тот выхватил знамя (в данном случае vexillum, выпел небольшого подразделения) и понес его по направлению к Рейну, крича, что тот, кто покинет ряды, будет числиться дезертиром; в результате мятежные воины вернулись в лагерь, не осмелившись осуществить свой замысел. В связи с данным эпизодом можно обратить внимание на свидетельство Дионисия Галикарнасского (Ant. Rom. X. 18. 2; ср.: VI. 45. 1; XI. 43. 2) о том, что воины, принося присягу, клялись следовать за военачальником и не покидать знамена (μῆτι ἀπολείψαι τὰ σημεῖα)²¹. Хотя Дионисий пишет о древних временах и не дает аутентичной формулы присяги, его упоминание о знаменах в данном контексте едва ли случайно²². Так же не случайно Ливий (XXVI. 48. 12) вместе со святостью присяги (religio sacramento) упоминает знамена и орла, а Валерий Максим (VI. 1. 16) в одном ряду называет signa militaria, sacra тае абулае ет сеера хастрорум дисхиплива. Возможно, именно через связь с присягой, которая у римлян всегда была актом религиозного характера, оставление знамен было не только нарушением моральных и правовых предписаний воинского долга, но и преступлением против богов — νεφας.

Вместе с тем и сами знамена, по-видимому, были наделены сакральной сущностью, которая находила свое выражение в их культовом почитании. Суждения, терминология и конкретные контексты ее употребления у античных авторов в целом с достаточной убедительностью указывают на сакральную сущность римских signa militaria. Отношение к ним прямо сопоставляется с почитанием божеств. По словам Дионисия Галикарнасского (VI. 54. 2), в римском войске знамена почитаются как священные изображения богов (ἡσπερ ἰδρύματα θεῶν ἱερὰ νομίζονται). Перед знаменами совершались ритуалы, подобные тем, которые имели место при служении богам. Согласно Иосифу Флавию (B. Iud. VI. 6. 1), римляне, овладев Иерусалимским храмом, внесли в его главное святилище свои знамена и совершили в их честь жертвоприношение (ἔθυσάν τε αὐταῖς), провозгласив затем Тита императором. В военном лагере знамена вместе со статуями императоров в военном облачении (loricati)²³ хранились в особом святилище (aedes)²⁴,

²¹ Это выражение можно, видимо, считать перифразой выражения, означающего обязательство отслужить полный срок службы (completa stipendia) (Isid. Etym. IX. 3. 53; ср.: Serv. Ad Aen. II. 157; VII. 614; VIII. 1; Veget. II. 5).

²² Ср.: Brand C. E. Roman Military Law. Austin; L., 1968. P. 92.

²³ Davies R. W. A Note on loricitis // BJ. 1968. Bd. 168. P. 161–165.

²⁴ См., например: AE. 1962, 258: aedem p[ri]ncipiutum; P. Mich. 455 a verso 14: in aedem aqui[lae]. Об устройстве и значении знаменного святилища см.: Domaszewski A., von. Die Fahnen... S. 45 ff.; idem. Die Religion... S. 10 ff.; idem. Abhandlungen zur römischen Religion. Leipzig, 1909. S. 86–89; Reinach A. Op. cit. P. 1309 suiv.; Petrikovits H., von. Die Innenbauten

где они круглосуточно охранялись специальным караулом в составе от 10 до 16–20 человек; причем это был, как показал, основываясь на анализе папирусных документов, О. Штолль, своего рода почетный караул и несли его солдаты в ранге иммунов и принципалов под началом центуриона (*vigilias deduxit Varius (centurio) ad aquilam et signa; excubuerunt ad aquilam et signa*)²⁵. В таком святилище преторианского лагеря Каракалла после убийства Геты совершил проскинесис перед знаменами и изображениями (*τὰ σημεῖα καὶ ἀγάλματα τοῦ στρατοπέδου προσκύνεται* — Herod. IV. 4. 5). Известно также, что для усиления правового обязательства клятвы она приносилась перед знаменами²⁶. Такая клятва, должно быть, считалась в высшей степени обязывающей, т. к. ее признавали даже противники римлян, как в случае с Петом, который поклялся перед знаменами (*apud signa*) в присутствии посланцев парфянского царя (Tac. Ann. XV. 16).

Иногда *aquilae et signa* фигурируют в качестве объектов поклонения и со стороны иноземных властителей, демонстрирующих этим актом свое подчинение римской власти. В правление Калигулы наместник Сирии Вителлий (отец императора) заставил парфянского царя Артабана воздать почести легионным знаменам: *ad veneranda legionum signa pellexit* (Suet. Vitell. 2. 4; ср.: Suet. Cal. 14. 3: *Artabanus... aquilas et signa Romana Caesarumque imagines adoravit*; см. также: Dio Cass. LIX. 27. 3). Когда Тиридат, ранее изъявивший желание отправиться *ad signa et effigies principis*, чтобы в присутствии легионов венчаться на царство, встретился с Корбулоном для заключения мира, во время их встречи были выстроены легионы с орлами, знаменами и изображениями богов, блиставшими, как в храме (Tac. Ann. XV. 24; 29), а при передаче царю диадемы в Риме император Нерон восседал в консульском кресле на ростральной трибуне *inter signa militaria atque vexilla* (Suet. Nero. 13. 1). В известной надписи Тиберия Плавция Сильвана, наместника Мезии при Нероне, сообщается, что он привел неведомых и враждебных римскому народу царей на охраняемый им берег, дабы они поклонились римским знаменам (*signa Romana adoratuos*) (CIL XIV 3688 = ILS, 986). Диксипп, описывая встречу императора Аврелиана с вождями ютунгов, указывает, что для устрашения варваров легионы построились по обе стороны трибунала, на котором стоял император в окружении знамен,

römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. Opladen, 1975. S. 73 ff.; *Rüpke J.* Op. cit. S. 175; *Turnovsky P.* Die Innenausstattung der römischen Lagerheiligtümer: Diss. Wien, 1990. Стоит отметить, что именно здесь хранились солдатские сбережения. Это, по-видимому, связано с тем, что кража отсюда рассматривалась как святотатство, *sacrilegium* (*Watson G. R.* Op. cit. P. 131; *Helgeland J.* Op. cit. P. 1498).

²⁵ *Stoll O.* Die Fahnenwache... Ср.: *Cagnat R.* Op. cit. P. 480.

²⁶ *Domaszewski A., von.* Die Religion... S. 8.

орлов и императорских *imagines* (Dixipp. FHG. Fr. 24)²⁷. Без знамен, естественно, не обходились никакие важные военные и государственные церемонии и ритуалы — триумфы, люстрации, выступления императора перед войском²⁸, а также похороны полководца (см., например: App. В. С. I. 106; Tac. Ann. III. 2).

По некоторым свидетельствам, с легионными орлами и знаменами обращались как с настоящими культовыми предметами: в праздничные дни их умащивали и украшали определенным образом (Plin. NH. XIII. 23; Suet. Claud. 13. 2). В *Feriale Duranum* (P. Dur. 54, II. 8; 14) зафиксирован особый праздник — *Rosaliae signorum*, отмечающийся дважды в год и являвшийся, очевидно, военной формой празднества, заимствованного из гражданского календаря²⁹. Вероятно, во время этого праздника знамена доставали из святилища и украшали розами³⁰. Известен также папирусный документ от 81 г. н. э., представляющий собой расчет жалованья двух солдат (P. Gen. Lat. 1). В нем среди прочих отчислений упомянуты 4 денария *ad signa*. Не исключено, что эта сумма предназначалась как раз на организацию данного празднества³¹. Как и изображения богов, знамена могли служить защитой для того, чьей жизни угрожала опасность, либо быть адресатом молитвенного обращения. Так, глава делегации, посланной Тиберием к взбунтовавшимся легионам в Германию, Мунаций Планк, когда на него с угрозами напали разъяренные солдаты, искал спасения, обняв знамена и орла в надежде на защиту их святости: *signa et aquilam amplexus religione sese tutabatur* (Tac. Ann. I. 39. 4). Антоний Прим в критический момент солдатского мятежа обратился с мольбой *ad signa et bellorum deos* (Tac. Hist. III. 10. 4)³².

В пользу мнения о божественной сущности знамен часто ссылаются и на другой пассаж Тацита (Ann. II. 17. 2), где говорится, что во время похода на херусков Германик обратил внимание на прекрасное предзнаменование в виде восьми орлов и призвал воинов следовать за этими римскими птицами, исконными божествами легионов (*propria legionum numina*). Анкерсдорфер считает, что упоминание здесь орлов относится не к знаку легиона, а к обычным птицам, появление которых всегда рассматривалось

²⁷ Ando C. *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Berkeley; Los Angeles; L., 2000. P. 263.

²⁸ Renel Ch. Op. cit. P. 297–306; Ando C. Op. cit. P. 259–269.

²⁹ Hoey A. S. *Rosaliae signorum* // HThR. 1937. Vol. 30. P. 15–35; Fink R. O., Hoey A. S., Snyder W. F. *The Feriale Duranum* // YCS. 1940. Vol. 7. P. 115–120.

³⁰ Richmond I. A. Op. cit. P. 190; Helgeland J. Op. cit. P. 1477.

³¹ Watson G. R. Op. cit. P. 103; 274. Not. 192 (с литературой вопроса).

³² Под военными богами здесь имеются в виду скорее статуи, стоявшие в центре лагеря (*Domaszewski A., von. Die Religion... S. 2*), а не медальоны с рельефными изображениями Марса, Минервы и Беллоны, как указывает Г. С. Кнабе в комментарии к данному месту (*Тацит. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 277. Прим. 31*).

римлянами как знамение³³. Представляется, однако, что в данном случае имеет место контаминация различных значений орла — как знамени, как главного штандарта легиона и как птицы Юпитера. Известно, что последнему орел явился как провозвестник победы над титанами, за что Юпитер и сделал его знаменем легиона (Isid. Etym. XVIII. 3. 2). Иосиф Флавий, упоминая орла среди римских знамен, замечает, что он, как царь птиц и сильнейшая из них, считается у римлян знаком господства и победы над врагом (B. Iud. III. 6. 2). Здесь же Иосиф называет римские знамена святынями, τὰ ἱερά, что в данном контексте, возможно, соответствует употребленному у Тацита понятию *pumina*. Обращает на себя внимание и тот факт, что с *signa militaria* очень часто связываются различные знамена: когда знамена предвещают неудачу в битве, знаменосцам не удается их вытащить из земли или сдвинуть с места; нередко на знамена опускаются рои пчел; над знаменами кружатся или садятся на них орлы³⁴.

Итак, приведенные свидетельства позволяют заключить, что военные знамена³⁵ были окружены особым почитанием, имеющим все признаки настоящего культа: храмы и жертвоприношения, украшения и клятвы, важную ритуально-церемониальную роль. Не удивительно поэтому, что христианские апологеты, критикуя язычников за поклонение неодушевленным предметам, использовали в качестве наглядного примера культ военных знамен. По словам Тертуллиана, вся армейская религия почитает и обожествляет знамена, знамена использует для клятв³⁶, знаменам поклоняется, предпочитая их всем богам, даже самому Юпитеру³⁷.

³³ *Ankersdorfer H.* Op. cit. S. 32. Anm. 2.

³⁴ *Liv.* XXII. 3. 12; *Val. Max.* I. 6. 11; *Flor.* II. 32. 14; II. 13. 45; II. 17. 8; *Cic.* De div. I. 35. 77; *Lucan.* Phars. VII. 161–164; *Suet.* Claud. 13. 2; *Vitel.* 9; *Plut.* Pomp. 48; *Brut.* 37; *App.* B. C. IV. 101.

³⁵ Мы не рассматриваем роль в армейской ритуально-культовой практике императорских *imagines*, которая была во многом аналогична роли *signa* (ср. замечание Вегеция (II. 6): *imagines imperatorum, hoc est divina et praesentia signa* («изображения императоров, т. е. божественные и подлинные знамена»)). Отметим только, что на некоторых знаменах указывались имена и крепились изображения императоров (например: *Ios.* Ant. XVIII. 3. 1; *Suet.* Vesp. 6. 3; *Dio Cass.* LXIII. 25. 1; LXV. 10. 3; *SHA.* Ant. Diad. 3. 1). Само же почитание императорских изображений как культовых предметов, по мнению некоторых исследователей, начинается еще в правление Августа. См.: *Alföldi A.* Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe // *MDAI (R)*. 1934. Bd. 49. S. 50; 65 ff.; *idem.* Insignen und Tracht der römischen Kaiser // *MDAI (R)*. 1935. Bd. 50. S. 96 f.; *Zwicker W.* Bemerkungen zu den römischen Heeresfahnen in der älteren Kaiserzeit // *Bericht des römisch-germanischen Kommission.* 1937. B. 27. S. 7 ff.; *Premierstein A., von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937. S. 92, Anm. 4.

³⁶ Ср.: *Lucan.* Phars. I. 374 sqq.: центурион Цезаря клянется «знаменами десяти счастливых походов».

³⁷ *Tert.* Apol. 16. 8: *religio Romanorum tota castrensium signa veneratur, signa iurat, signa omnibus deis praeposit; Ad nat.* I. 12: *signa adorant, signa deierant, signa ipsi Iovi praefert.* Так же и Минуций Феликс (Octav. 29. 6–7), упрекая язычников в почитании богов, сделанных из дерева, фактически ставит в ряд этих богов и знамена.

Эти слова Тертуллиана одни исследователи принимают с почти полным доверием³⁸, другие считают невозможным их буквальное толкование, ссылаясь на склонность Тертуллиана к преувеличениям или на специфический контекст его высказываний и недостаток однозначных подтверждений в эпиграфике³⁹. Действительно, пассажи Тертуллиана не лишены гиперболичности и не содержат прямых указаний на тождественность знамен и богов, но лишь подчеркивают исключительное значение знамен как объекта почитания со стороны воинов. Судя по эпиграфическим материалам, знамена отнюдь не предпочитались всем богам. Однако данные эпиграфики, к рассмотрению которых мы переходим, отчасти все же подтверждают слова христианского автора и в то же время проливают дополнительный свет на культ знамен.

Нужно отметить, что эпиграфически фиксируемые традиции почитания знамен имеют достаточно выраженную региональную специфику, что, впрочем, можно сказать и о других культах. Так, в серии надписей второй половины II в. из Испании⁴⁰ представлены посвящения Юпитеру Наилучшему Величайшему, сделанные (кроме одного случая — CIL II 2183) за здоровье императора по поводу дня рождения орла VII легиона Geminae — ob natalem (или ob diem natalem) aquilae (CIL II 2552; 2554 = ILS 9125; 9126; AE. 1967, 229; 230) либо дня рождения знамен вспомогательных когорт — ob natalem signorum (CIL II 2553 = ILS, 9127) или ob natalem aprunculorum, т. е. «кабанчиков», служивших знаком 1-й Галльской когорты (CIL II 2555; 2556 = ILS, 9128; 9129; AE. 1910, 1; 2 = ILS, 9130; 9131). Посвящения сделаны от лица отдельных подразделений (вексилляций легиона или когорт либо самих когорт) под наблюдением офицеров из разных частей и императорских прокураторов из отпущенников.

Группа надписей из Майнца (Могоциакум, Верхняя Германия), датируемых первой третью III в., показывает, что в XXII Первородном легионе день рождения части отмечался иным образом⁴¹. В этих надписях используется формула *Honori aquilae legionis* (или *Honori legionis* — CIL XIII 6749). «Чести орла» (либо отдельно, либо вместе с другими божествами⁴²) примипил легиона приносил в день рождения части дар в виде

³⁸ Домашевский (*Die Religion...* S. 13, 19) считал, что Тертуллиан прав для ситуации I–II вв., когда *Fahnenreligion* действительно занимала центральное место среди армейских культов. Ср.: *Helgeland J.* Op. cit. P. 1476–1477.

³⁹ *Watson G. R.* Op. cit. P. 128; *Ankersdorfer H.* Op. cit. S. 31–32; 43–44.

⁴⁰ Подробнее об этих надписях см.: *Le Roux P.* *L'armée romaine et l'organisation des provinces Ibériques d'Auguste à l'invasion de 409.* P., 1982. P. 240 suiv.; 278.

⁴¹ Подробнее см.: *Herz P.* *Honos aquilae // ZPE.* 1975. Bd. 17. S. 181–197.

⁴² В числе этих божеств фигурируют *Iuppiter Optimus Maximus Sabasius Conservator* (CIL XIII 6708 = ILS, 2294), неизвестный *bor Conservator* и *numina castorum* (CIL XIII 6749), а также *Pietas legionis* (CIL XIII 6752).

какого-либо изображения (указаны, в частности, Небесная Фортуна и Гений легиона — CIL XIII 6679; 6690). *Honos* выступает здесь скорее как обожествленное понятие⁴³, а не честь в профанном смысле⁴⁴. По мнению П. Герца, надписи из Майнца, как и аналогичные им по характеру надписи примипилов из других легионов, свидетельствуют о существовании основанной на обычае обязанности первого центуриона ставить алтарь или статую, посвящаемую знаменам или божествам-хранителям, и эта связь примипила и орла легиона доказывает, что в древности религиозные и официально-административные обязанности были неотделимы друг от друга⁴⁵.

К аналогичным выводам приходит на основе надписей, сделанных примипилами I Итальянского легиона в Новах, И. Колендо⁴⁶. Среди памятников из *Novae* наибольший интерес представляет известная надпись, в которой указано, что примипил М. Аврелий Юст 20 сентября 224 г. принес дар «военным богам, Гению, Доблести, Священному орлу и знаменам I Итальянского Северианского легиона» (CIL III 6224 = 7591 = ILS, 2295 = AE. 1966, 355). Столь представительного сочетания адресатов посвящения нет больше ни в одной надписи. Следует выделить и другой любопытный памятник — две части надписи на базе колонны, открытые в этом же месте в 1976 и 1978 гг. В первой из них указано, что изображение начала Рима (*signum originis*)⁴⁷ за здоровье Септимия Севера и членов его семейства принес в дар орлу М. Аврелий Паулин, примипил I Итальянского легиона. В другой части надписи говорится об освящении этого дара «в счастливейшие времена наших господ», 15 мая 208 г.⁴⁸ Дар здесь приносится непосредственно орлу. В посвячительной надписи из Бригециона, сделанной примипилом I Вспомогательного легиона, орел выступает в паре с Гением легиона (AE. 1935, 98). Своеобразную почесть оказал легионному орлу примипил III Августова легиона Саттоний Юкунд, который, как мы уже говорили, поставил статую Марсу *militiae potenti* в честь легиона и первый после восстановления легиона положил свой центурионский жезл около орла (*vitem arput*

⁴³ *Domaszewski A., von. Die Religion... S. 41; Herz P. Op. cit. S. 182; Axtell H. L. The Deification of Abstract Ideas in Roman Literature and Inscriptions. Chicago, 1907. P. 21–22.*

⁴⁴ Так думает Анкерсдорфер (op. cit. S. 41), признавая деификацию *Honos* только в надписи: CIL XIII 6752.

⁴⁵ *Herz P. Op. cit. S. 190–191.*

⁴⁶ *Kolendo J. Le rôle du primus pilus dans la vie religieuse de la légion. En rapport avec quelques inscriptions de Novae // Archeologia. 1980 (1982). T. XXXI. P. 49–60 (особенно P. 56).*

⁴⁷ По предположению Колендо (op. cit. P. 53), этим изображением могла быть капитолийская волчица.

⁴⁸ Публикацию данных надписей см.: *Mrozewicz L. Une inscription latine en honneur de Septime Sévère et de sa famille, nouvellement découverte à Novae // Archeologia. 1980 (1982). T. 31. P. 101–102. См. также: Kolendo J. Op. cit. P. 52–54.*

aquilam), возможно, следуя существовавшему в данной части обычаю (CIL VIII 2634 = ILS, 2296).

Не меньшим почетом, чем легионные орлы, пользовались знамена вспомогательных когорт. Так, трибун Лициний Валериан почтил Гения и знамена 1-й верной конной тысячной когорты вардуллов, римских граждан (CIL VII 1031 = RIB, 1263 = ILS, 2557). 1-я Элиева когорта даков сделала посвящение Signis et N(umini) Aug(usti) (RIB, 1904). Посвящение, сделанное наместником Нижней Британии (238–241 гг.) Эгнацием Луцилианом под наблюдением трибуна Кассия Сабиниана, адресовано «Гению нашего господина и знамен 1-й когорты вардуллов и Гордианова отряда бременских разведчиков» (numeri exploratorum Bremensium) (CIL VII 1030 = RIB, 1262). Представление о наличии у знамен своего Гения засвидетельствовано только здесь, но в принципе оно вполне вписывается в римское понимание гениев как природных богов «какого-либо места, или вещи, или человека» (Serv. Ad Georg. I. 302). «Гибридная форма» (по выражению Анкерсдорфера) в данной надписи — результат, на наш взгляд, не столько неопределенной природы знамен, сколько близости понятий Гения воинской части и ее знамен⁴⁹. Так же, к примеру, военный лагерь мог иметь и своего гения, и свои numina. Стоит отметить еще одну надпись, вероятно, второй половины II в., в которой сохранились строки, сообщающие, что некий Л. Атилий сделал посвящение Юпитеру Наилучшему Величайшему, Фортуне Возвращающей и знаменам 1-й когорты германцев (AE. 1939, 87). Эта надпись и другие названные надписи из Британии и Придунайских провинций показывают, что знамена почитались наравне с нуменами, обожествленными понятиями и богами (причем только римскими)⁵⁰.

Учитывая это и приняв во внимание рассмотренные выше литературные свидетельства, нельзя согласиться с трактовкой signa как простых неодушевленных символов. Скорее всего в представлении воинов знамена были наделены особой божественной сущностью, которая, возможно, понималась как нумен. Культовое поклонение знаменам выражалось как на общегосударственном уровне, так и в своеобразных традициях конкретных частей и подразделений. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют сколько-нибудь детально проследить ни различия в культовом почитании отдельных видов знамен, ни эволюцию представлений о знаменах на протяжении императорского периода. Однако единство религии и любви к знаменам, являющееся одной из основ римской воинской этики, не подлежит никакому сомнению. Благочестивая любовь к знаменам определяла идентичность и

⁴⁹ Renel Ch. Op. cit. P. 309.

⁵⁰ Как покровитель знамен мог, по всей видимости, рассматриваться сам Юпитер. См.: Okamura L. Jupiter, Lord of Cantabra // Klio. 1992. Bd. 74. P. 314–323.

корпоративное чувство солдата, руководила им в его религиозно-культурных актах, определяла его поведение в бою и в мирное время⁵¹, но при этом вполне сочеталась с таким сугубо прагматическим чувством, как любовь к собственным деньгам, которые хранились *apud signa*, дабы, как замечает Вегеций (II. 20), воины не помышляли о дезертирстве и храбрее сражались за знамена на поле боя. Сакральные элементы *Fahnenreligion* сохранились и во времена христианской империи, когда главным штандартом римских войск стал *labarum*⁵².

⁵¹ Быть может, именно это чувство побудило ветерана II Вспомогательного легиона на свои деньги отстроить часовню для знамен и священных изображений (*tutelam signorum et imaginum sacrarum*) (CIL III 3526 = ILS, 2355).

⁵² *Stoll O. Die Fahnenwache... S. 118. См.: Egger R. Das Labarum die Kaiesrstandarte der Spätantike. Wien, 1960.*

Заключение

Подводя общие итоги исследования, необходимо констатировать следующее. В Древнем Риме статус гражданина с необходимостью предполагал воинскую службу. Однако с превращением Рима-полиса в мировую державу на смену ополчению граждан приходит постоянная профессиональная армия, которая в значительной степени эмансипируется от общества и образует особую корпорацию с собственными интересами, идеологией, моральными обязательствами и нормами поведения. Этот процесс находит свое отражение в литературе позднереспубликанского и императорского времени, в которой появляется новый образ римского солдата, отражающий общественное мнение образованной части общества об армии. Социальные качества, поведение и психология солдат оцениваются античными авторами преимущественно в моральных категориях. Соответствующие характеристики в большинстве случаев эмоционально и риторически окрашены, предвзяты, нередко огульны и анахронистичны. В целом отношение образованных кругов к армии представляет собой смесь отчуждения, антипатии, презрения и страха. В их представлении солдат выглядит грубым полуварваром, нечестивым воякой, своевольным, бесчестным, алчным и продажным. Яркость многих конкретных эпизодов и деталей в описании солдатского облика и поведения в общем не оставляет сомнений, что эти стандартные пороки действительно присутствовали в военной среде и не были только литературной фикцией.

Вместе с тем позиция большинства античных авторов по отношению к армии, по самой своей морализаторской сути, амбивалентна. За обличительным пафосом и акцентированием коренных пороков солдатской массы имплицитно присутствует определенный нормативный идеал истинно римских воинских качеств, который как раз и является критерием, позволяющим оценивать те или иные явления как моральное зло. Жизненная реальность этого военно-этического идеала обнаруживается в тех же литературных источниках, когда они «проговариваются», приводя выразительные факты подлинно героического поведения простых солдат и командиров, фиксируя неоднородность солдатской массы с точки зрения приверженности воинскому долгу. И мы должны, на-

верное, доверять этим свидетельствам не меньше, чем свидетельствам о порочной природе профессионального солдата. И в тех и в других свидетельствах используется система топосов и понятий, в основе которой лежат ключевые ценностные оппозиции, определявшие, очевидно, мировосприятие не только авторов, но и самих солдат. Разумеется, тот факт, что поведение и мораль солдат оцениваются в источниках в соответствии с традиционной шкалой ценностей, не означает тождественности этих ценностей и позитивных компонентов солдатской ментальности. Последние, будучи генетически связаны с первыми, обладали в то же время собственной спецификой, обусловленной эволюцией характера армии.

Рассмотрев императорскую армию как особый социально-политический организм, мы пришли к выводу, что по ряду своих параметров и принципов он был изоморфен основополагающим структурам римского общества. Многие социальные элементы, объединявшие людей в гражданской общине, прежде всего причастность рядовой массы к осуществлению властных функций, а также дружеские связи в рамках различных микрообщностей, присутствовали в жизни военного сообщества, делая легион и лагерь подобием *civitas*. Однако в императорский период вступление на военную службу влекло за собой кардинальный разрыв с гражданским обществом. Для императорской армии характерен новый тип воина, имеющего особый социально-правовой статус и ценностные ориентации, основанные на приверженности солдат своей части, преданности императору и солидарности со своими боевыми товарищами. Именно эти моменты обуславливали специфическую корпоративность императорской армии.

Одним из важных истоков такой корпоративности были отношения воинского товарищества. Существование в римской армии различных неформальных групп, основанных на товарищеских связях, подтверждается анализом эпиграфических материалов. Надписи показывают, что, помимо чисто дружеских чувств, основой таких содружеств могли быть земляческие связи или одновременный призыв на военную службу, приверженность тому или иному культу, членство в одной коллегии. Показательно, что товарищеские связи, сложившиеся за годы службы, нередко сохранялись среди вышедших в отставку ветеранов. По-видимому, существенную роль в развитии неформальных дружеских связей играли малые подразделения, в которых проходила вся повседневная жизнь солдат. На основе воинского товарищества происходило сплочение так называемых первичных групп, что служило важным фактором боеспособности подразделений. В то же время воинское товарищество являлось необходимым социальным элементом, компенсировавшим отсутствие в военной жизни гражданских и семейных связей. Корпора-

тивный дух действительно определял многие существенные черты воинского этоса и ментальности. Мнение ближайших товарищей и честь подразделения, к которому принадлежал солдат, были первостепенными мотивами его поведения в бою. Корпоративность отдельных воинских частей, прежде всего легионов, находит свое выражение в особых традициях и индивидуальности каждой данной части. Нельзя, однако, не видеть, что корпоративная солидарность военных нередко оборачивалась их круговой порукой, особенно во время солдатских мятежей и гражданских войн, а также при конфликтах с гражданскими лицами. В целом же корпоративность императорской армии, основанную на своеобразных социальных связях внутри воинского сообщества и особых личных отношениях императора и солдат, можно считать закономерной формой сплочения войск в условиях, когда гражданско-общинные или родоплеменные связи не могли стать основой военной организации.

С особенной наглядностью противоречивое сочетание древних полисно-республиканских традиций с реалиями профессиональной армии раскрывается в дихотомии статусов гражданина и солдата, которая берет начало в изначальном дуализме военной и гражданской сфер, характерном для раннего Рима. В политике рекрутирования и в отношении к воинам сохранялись многие традиционные установки, в частности ориентация на гражданский статус легионов и комплекс моральных требований, предъявляемых к военнослужащим, которые могут рассматриваться как особая часть римского гражданства, а отнюдь не как наемники.

Этими традициями во многом обуславливались политическая роль армии и ее взаимоотношения с носителями императорской власти. Непосредственным механизмом самоорганизации воинского сообщества и выражения его властной роли был институт воинской сходки, которая на всем протяжении истории Рима выступала как одна из форм власти граждан. И хотя потестарная функция сходки лежала вне формально узаконенных норм, но основывалась на прецедентах и обычаях, именно через этот институт армия включалась в действие системы акцептации императорской власти, выступая, особенно в кризисных ситуациях, в качестве ключевого и во многом самостоятельного субъекта политической борьбы. Другой формой волеизъявления войска был военный мятеж. Несмотря на то что в римском военно-уголовном и государственном праве существовали четкие определения мятежных действий и устанавливались соответствующие санкции, эти последние на практике далеко не всегда применялись в полном объеме. В литературных источниках при описании солдатских волнений и мятежей всячески подчеркиваются анархически-оргиастические и иррационально-стихийные аспекты, однако при более внимательном анализе механизма военного

мятежа можно видеть, что римские солдаты не вели себя как простые наемники, но даже в ситуации мятежа ощущали себя носителями суверенной власти, партнерами и опорой императора. Однако в моменты кризиса власти мятеж войск мог инициироваться и направляться честолюбивыми претендентами на престол и армия нередко использовалась как средство политического действия.

В эпоху Империи получили своеобразное развитие те особые отношения и связи между императором и войском, которые возникли в последнее столетие Республики и могут быть интерпретированы как войсковая клиентела. Эта клиентела, основанная как на разнообразных неформальных узах, так и на военной присяге и взаимных обязательствах договорного характера, была монополизирована принципсами и стала одним из ключевых факторов функционирования политической системы Римской империи. Специфика военной клиентелы заключается, на наш взгляд, в том, что соответствующие обязательства солдат, определяемые понятием *fides*, неразрывно переплетались с военно-этическими представлениями. Положение патрона войск ко многому обязывало принципсов, требуя от них постоянной заботы о солдатах, проявления щедрости по отношению к войску, демонстрации своих военных качеств и близости к солдатской массе.

Неоднозначное переплетение древних традиций и ценностных установок с новыми тенденциями в развитии военной организации обнаруживается в сфере воинских ценностей. Это относится прежде всего к традициям воинской дисциплины. Ее аксиологическое значение раскрывается через оппозицию между героической нормой, выраженной понятием «суровость», и разнообразными пороками, которые были результатом заискивания и потворства солдатам со стороны военачальников. Начиная с позднереспубликанского времени в источниках все более настойчиво подчеркивается необходимость соблюдать определенный баланс между этими двумя полюсами. Такие суждения показывают, что в условиях регулярной профессиональной армии для поддержания дисциплины требовались иные средства, нежели в гражданском ополчении. В императорской армии дисциплина обуславливалась не беспощадностью наказаний или гражданской солидарностью, но организационно-правовыми мерами, систематическим обучением личного состава, различными льготами и привилегиями, корпоративным единством воинских частей, личными связями императора и войска. Вместе с тем дисциплина в значительной степени определялась ценностными представлениями, глубоко укорененными в сознании солдат и связанными с понятиями воинской чести и долга.

Не менее значимой категорией системы ценностей римской армии является понятие воинской доблести. *Virtus* всегда рассматривалась как

неотъемлемое национальное качество римлян, как решающий фактор их побед. Специфика римского понимания воинской доблести заключается в том, что данная категория органически связана с представлениями о чести и славе и включает в себя ряд нормативных качеств (таких, как стойкость, храбрость, усердие, дисциплина), будучи неотделимой от строгой продуманной организации, выучки и постоянного ратного труда, а также от ревностного состязания. Являясь по своему происхождению аристократической ценностью, *virtus* в то же время становится моральным ориентиром для простых солдат. Многие факты римской военной истории подтверждают присутствие в солдатской ментальности исконно римских представлений о воинской доблести, чести и славе, пронизанных всеохватывающим агональным духом. Ревнивое отношение к воинской чести и доблести обнаруживается в стремлении публично продемонстрировать лучшие воинские качества, добиться их признания со стороны соратников и командиров. Требования неписаного кодекса воинской чести нередко превалировали над всеми прочими соображениями, делая состязательность действенным регулятором индивидуального и коллективного поведения солдат. Представления о воинской чести и славе носили в императорской армии сугубо корпоративный характер: в них доминировало отнюдь не патриотическое начало, но достойная репутация самого воинского коллектива и его вождя. В целом же агональный дух в римской армии, несомненно, получил большее развитие, чем в армиях греческих государств.

Одним из показателей этого является детально разработанная и гибкая система воинских почестей, существовавшая в Риме, которая в императорский период продолжала развиваться во многом на основе старинных традиций и в целом весьма успешно стимулировала в войсках служебное рвение и желание отличиться на поле боя. В принципе воинские почести в виде повышения в чине и знаков отличия всегда мыслились как вознаграждение за проявленные доблести, хотя в реальной действительности многое зависело от социального происхождения и статуса военнослужащего, его чина, протекционизма и т. п. обстоятельств. В представлении солдат воинские почести непосредственно связывались с императором, к которому в эпоху Империи полностью перешло право награждать отличившихся и производить повышения по службе. Но, как показывают некоторые эпиграфические источники, в отдельных случаях воинские коллективы могли инициировать предоставление воинских почестей. О большом значении наград и повышений для самих солдат с очевидностью свидетельствуют подробные надписи с перечислением основных этапов и обстоятельств служебной карьеры, а также исполнение обетов богам по случаю повышения в чине. Если продвижение по служебной лестнице подкреплялось солид-

ными материальными выгодами, то знаки отличия всегда оставались, по существу, моральными стимулами, значимость которых напрямую зависела от сохранения традиционных ценностных ориентаций в солдатской среде. Упадок *donna militaria*, видимо, не случайно начинается со времени Каракаллы, когда практически исчезли различия по статусу между солдатами легионов и вспомогательных войск.

Римские военные традиции были в значительной степени пронизаны религиозными представлениями. Выражением профессионально-корпоративной идентичности воинского сообщества являлась *religio castrensis*, которая выделяется как таковая с появлением профессиональной армии. Дстойная служба отечеству и императору, воинская доблесть и честь были неотделимы от *pietas*. Воины напрямую связывали с божественным покровительством свои успехи в военной карьере, победы римского оружия, благополучие соратников и императора. Религиозно-культуовая практика армии была пронизана не только формализмом и рутиной, но также искренней индивидуальной верой простых солдат. Это особенно хорошо видно на примере того почитания, каким в императорской армии были окружены военные знамена. Играя большую роль в управлении войсками в бою и на марше, *signa militaria* наглядно воплощали индивидуальность воинских частей и подразделений, являлись символами победоносной мощи легионов, олицетворением воинской славы и чести. Их присутствие в боевых порядках служило действенным моральным стимулом доблестного поведения солдат на поле сражения. Анализ нарративных и эпиграфических источников показывает, что в основе такого отношения римлян к военным знаменам (которое по своей интенсивности практически не имеет аналогий у других античных народов) лежали сакральные представления о сущности *signa*. Они были окружены настоящим культовым почитанием. Вероятно, почитание знамен было связано с культом *Genies* воинских формирований и культурами других римских божеств, в том числе Юпитера. Сакральная сущность *signa*, судя по всему, близка к понятию *numena* — особой божественной силы, присущей предметам и лицам. Следует признать правоту тех исследователей, которые подчеркивали божественную природу римских *signa militaria*, указывая на действительно религиозный характер их культа. В целом же *religio castrensis* успешно формировала наиболее значимые ценностные приоритеты воинской жизни, эффективно помогала сохранять исконные римские традиции, психологически облегчала бремя тягот и опасностей, придавала определенный смысл солдатской службе, а порой и воодушевляла солдат на героические деяния.

В качестве общего итога необходимо отметить, что традиции и ментальность императорской армии по многим своим параметрам и ком-

понентам непосредственно коррелируют с исконной римской шкалой ценностей. Такая корреляция вполне закономерна, поскольку военные институты и воинская этика всегда в конечном счете зависят от политических, социальных и идеологических устоев данного общества. С созданием постоянной профессиональной армии происходит ее обособление как специфического сообщества и формируется особый воинский этос, базирующийся на профессионально-корпоративных по своему характеру ценностях, в известной степени отрицающих или трансформирующих прежние идеалы. В то же время консерватизм военных традиций обуславливал сохранение — пусть и в трансформированном виде — ряда базовых военно-этических понятий и институтов, закрепленных обычаями, военным правом и сакральными установлениями и сохранявших в той или иной степени полисно-республиканскую природу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Научная литература

- АМА — Античный мир и археология. Саратов
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВФ — Вопросы философии
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИИАО — Из истории античного общества. Н. Новгород
ЛЭС — *Петровский Ф. А.* Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962
ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск
Федорова — *Федорова Е. В.* Латинские надписи. М., 1976
Штаерман — *Штаерман Е. М.* Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи // ВДИ. 1955. № 2–4; 1956. № 1–4; 1957. № 1
AAASH — Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungariae
AE — L'année épigraphique
AHB — Ancient history bulletin
AIJ — *Hoffiler V., Saria B.* Antike Inschriften aus Jugoslavien. Bd. 1: Noricum und Pannonia Superior. Beograd; Zagreb, 1938
AJA — American journal of archeology
AJAH — American journal of ancient history
AJPh — American journal of philology
AncSoc — Ancient Society
ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. B.; N. Y., 1972–...
AU — Der altsprachliche Unterricht
BCH — Bulletin Archéologique du Comité des Travaux Historiques
BGU — Berliner griechische Urkunden. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. Bd. 1–9. B., 1892–1937
BJ — Bonner Jahrbücher
BMC — *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. I–V. L., 1923–1950
Buecheler — Carmina Latina epigraphica / Conlegit Fr. Buecheler. Vol. I–III. Lipsiae, 1895–1926
CA — Classical antiquity (до 1982 г. — California studies in classical antiquity)

- CAH — Cambridge ancient history
- CBI — *Schallmayer E.*, u. a. Der römische Weihebezirk von Osterburken I. Corpus der griechischen und lateinischen Benefiziarier-Inschriften. Stuttgart, 1990
- CIL — Corpus inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. Degrassi. Berlin, 1863–...; N. S.: 1981–...
- CJ — Classical journal
- CPh — Classical Philology
- CPL — *Cavenaile R.* Corpus Papyrorum Latinarum. Wiesbaden, 1958
- CQ — Classical quarterly
- CRAI — Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres
- DA — *Daremberg Ch.*, *Saglio E.* Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. P., 1877–1919
- Daris — *Daris S.* Documenti per la storia dell'esercito romano in Egitto. Milano, 1964
- Dobó — *Dobó A.* Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975
- EE — Ephemeris Epigraphica
- FHG — Fragmenta historicorum Graecorum / Ed. C. Müller. Vol. I–V. B., 1841–1870.
- Fink — *Fink R. O.* Roman military records on papyrus. Ann Arbor (Mich.), 1971
- FIRA — Fontes iuris Romani antejustiniani / Ed. S. Riccobono etc. Editio altera. Vol. I–III. Firenze, 1940–1942
- G. & R. — Greece and Rome
- HThR — Harvard Theological Review
- HZ — Historische Zeitschrift
- IGRR — *Cagnat R.* Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. P., 1927
- ILAfr. — *Cagnat R.*, *Merlin A.*, *Chatelain L.* Inscriptions latines d'Afrique (Tripolitain, Tunisie, Maroc). P., 1923
- ILAlg. — Inscriptions latines de l'Algérie / Recueilles par S. Gsell; Publ. par H.-G. Pflaum. T. 1. P., 1957
- ILLRP — *Degrassi A.* Inscriptiones Latinae liberae rei publicae. Fasc. 1–2. Firenze, 1957–1963
- ILNov. — *Božilova V.*, *Kolendo J.*, *Mrozewicz L.* Inscriptiones latines de Novae. Poznan, 1992
- ILS — Inscriptiones Latinae selectae / Hrsg. H. Dessau. Vol. 1–3. Berolini, 1892–1916. 2 ed. — 1954–1955
- IMS — Inscriptions de la Mésie Supérieure. Vol. I–II / Par M. Mircovic et S. Dušanic sous la direction de F. Papazoglu. Beograd, 1976
- IRT — The Inscriptions of Roman Tripolitania / Ed. by J. M. Reynolds and J. B. Perkins in coll. with S. Aurigemma e. a. Rome, 1952
- JRS — Journal of Roman studies
- KHG — Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000
- MDAI (R) — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung
- PSI — Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei Papiri greci e latini in Egitto

- RA — Revue archéologique
 RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1893–1980
 REA — Revue des études anciennes
 REL — Revue des études latins
 RgdA — Res gestae divi Augusti. Ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1865
 RhM — Rheinisches Museum für Philologie
 RIB — *Collingwood R. G., White R.* Roman Inscriptions of Britain. Vol. I. Oxford, 1965
 RIC — *Mattingly H., Sydenham E., Sutherland C., Webb P.* The Roman Imperial Coinage. Vol. I–V. L., 1923–1949
 RIU — *Barkóczy L., Mócsy A.* Die römischen Inschriften Ungarns. Lieferung 1–2. Budapest, 1972–1976
 RMD — *Roxan M.* Roman Military Diplomas 1985–1993. L., 1994
 Sel. Pap. — Select papyri: In 5 vol. / With an English translation by A. S. Hunt and C. C. Edgar. Vol. 1–5. Cambridge (Mass.); L., 1970–1977
 Smallwood — *Smallwood E. M.* Documents illustrating the principate of Nerva, Trajan and Hadrian. Cambridge, 1966
 TAPhA — Transactions and proceedings of the American philological association
 TLL — Thesaurus linguae Latinae
 Wilcken. Chrest. — *Mitteis L., Wilcken U.* Grundzüge und Chrestomatie der Papyrskunde. Leipzig; Berlin, 1912
 YCS — Yale classical studies
 ZPE — Zeitschrift für Papirologie und Epigraphik

Античные литературные и юридические источники

- Ael. Arist. Or. — Элий Аристид «Речи»
 Amm. Marc. — Аммиан Марцелин «Римская история»
 App. — Аппиан
 B. C. — «Гражданские войны»
 Lib. — «О войнах в Ливии»
 Mithr. — «О войнах с Митридатом»
 Apul. Met. — Апулей «Метаморфозы»
 Athen. — Афиней «Пирующие софисты»
 August. — Августин
 Civ. Dei — «О Граде Божиим»
 Epist. — «Послания»
 Quaest. hept. — «Толкования Шестиднева»
 Aur. Vict. Caes. — Аврелий Виктор «О цезарях»
 [Aur. Vict.] Epit. — Псевдо-Аврелий Виктор «Эпитама о цезарях»
 B. Afr. — «Африканская война»
 B. Alex. — «Александрийская война»

- Caes. — Цезарь
 B. civ. — «Записки о гражданской войне»
 B. Gal. — «Записки о Галльской войне»
 Cass. Gemina. Fr. — Кассий Гемина «Фрагменты»
 Cato. De agri cult. — Катон «О земледелии»
 Cic. — Цицерон
 Ad Fam. — «Письма близким»
 Att. — «Письма Аттику»
 Caec. — «Речь в защиту Цецины»
 De imp. Cn. Pomp. — «Речь о предоставлении империя Гнею Помпею»
 De leg. — «О законах»
 De off. — «Об обязанностях»
 De senec. — «О старости»
 Phil. — «Филиппики»
 Planc. — «Речь в защиту Планка»
 Pro Arch. — «Речь в защиту Архия»
 Pro Balbo — «Речь в защиту Бальба»
 Pro Sest. — «Речь в защиту Сестия»
 Resp. — «О государстве»
 Cod. Iust. — «Кодекс Юстиниана»
 Colum. — Колумелла «О сельском хозяйстве»
 CTh — «Кодекс Феодосия»
 Decl. — «Декламации» Кальпурния Флакка
 Dig. — «Дигесты Юстиниана»
 Dio Cass. — Дион Кассий «Римская история»
 Dio Chrys. Or. — Дион Хрисостом «Речи»
 Dion. Hal. Ant. Rom. — Дионисий Галикарнасский «Римские древности»
 Epictet. Diatr. — Эпиктет «Беседы»
 Eutrop. — Евтропий «Бревиарий римской истории»
 Ex Ruffo leg. mil. — «Военные законы от Руффа»
 Fest. — Фест «О значении слов»
 Flor. — Флор «Эпитама римской истории»
 Front. Strat. — Фронтин «Военные хитрости»
 Fronto — Фронтон
 Ad amic. — «Письма друзьям»
 Ad Verum — «Письма Луцию Веру»
 Gai. Inst. — Гай «Институции»
 Gell. — Авл Гелий «Аттические ночи»
 Gloss. — Латинские глоссарии
 Herod. — Геродиан «История от кончины божественного Марка»
 Hieron. Epist. — Иероним «Письма»
 Horat. — Гораций
 Epist. — «Послания»
 Sat. — «Сатиры»
 Ios. — Иосиф Флавий
 Ant. Iud. — «Иудейские древности»
 B. Iud. — «Иудейская война»

- Isid. Etym. — Исидор Севильский «Этимологии, или Начала»
 Iul. Exuperant. — Юлий Эксуперанций
 Iust. Epit. — Юстин «Эпитама "Истории Филиппа" Помпея Трога»
 Iuven. — Ювенал «Сатиры»
 Lact. De morte pers. — Лактаций «О смертях гонителей»
 Lib. Or. — Либаний «Речи»
 Liv. — Ливий «История Рима от основания Города»
 Lucan. Phars. — Лукан «Фарсалия»
 Max. Tyr. — Максим Тирский «Речи»
 Nepos. — Непот
 Eum. — «Эвмен»
 NH — «Естественная история» Плиния Старшего
 NT — Novum Testamentum — «Новый Завет»
 Ioan. — «Евангелие от Иоанна»
 Luca — «Евангелие от Луки»
 Marc. — «Евангелие от Марка»
 Matth. — «Евангелие от Матфея»
 Onasand. — Онасандр «Стратегикос»
 Or. — oratio (orationes) — речь (речи)
 Oros. — Павел Орозий «История против язычников»
 Ovid. — Овидий
 Met. — «Метаморфозы»
 P. Dur. — Папирусы из Дура-Европос
 P. Lond. — Лондонские папирусы
 P. Mich. — Мичиганские папирусы
 P. Oxy. — Оксиринхские папирусы
 Pan. Lat. — «Латинские панегирики»
 Pan. Rom. — Элий Аристид «Панегирик Риму»
 Petr. Sat. — Петроний Арбитр «Сатирикон»
 Plaut. Miles — Плавт «Хвастливый воин»
 Plin. — Плиний Младший
 Epist. — «Письма»
 Pan. — «Панегирик Траяну»
 Plut. — Плутарх
 Aem. Paul. — «Жизнеописание Эмилия Павла»
 Alex. — «Жизнеописание Александра»
 Ant. — «Жизнеописание Марка Антония»
 Caes. — «Жизнеописание Цезаря»
 Camil. — «Жизнеописание Камилла»
 Cato Mai. — «Жизнеописание Катона Старшего»
 Cato Min. — «Жизнеописание Катона Младшего»
 Crass. — «Жизнеописание Красса»
 Galba — «Жизнеописание Гальбы»
 Lucul. — «Жизнеописание Лукулла»
 Mar. — «Жизнеописание Гая Мария»
 Marc. Cor. — «Жизнеописание Марция Кориолана»
 Mor. — «Моралии»

- Numa — «Жизнеописание Нумы»
 Otho — «Жизнеописание Отона»
 Pelop. — «Жизнеописание Пелопида»
 Pyrrh. — «Жизнеописание Пирра»
 Sulla — «Жизнеописание Суллы»
 Symp. — «Застольные беседы»
 Tit. — «Жизнеописание Тита Фламинина»
 Quaest. Rom. — «Римские вопросы»
 Polyae. — Полиэн «Военные хитрости»
 Polyb. — Полибий «Всеобщая история»
 pr. — praefatio, введение
 Prooem. — prooemium, введение
 Propert. — Проперций «Стихотворения»
 Pseudo-Arist. Oecon. — Псевдо-Аристотель «Об экономике»
 Ps.-Hyg. De munit. cast. — Псевдо-Гигин «Об устройстве лагеря»
 Quint. — Квинтилиана
 Decl. — «Декламации»
 Inst. — «О воспитании оратора»
 Sall. — Саллюстий
 B. Jug. — «Югуртинская война»
 Cat. — «О заговоре Катилины»
 Sen. — Сенека
 Epist. — «Письма»
 Serv. Ad Aen. — Сервий «Комментарий к “Энеиде” Вергилия»
 SHA — Scriptores Historiae Augustae — «Писатели истории Августов»
 Alex. Sev. — «Жизнеописание Александра Севера»
 Ant. Diad. — «Жизнеописание Антонина Диадумена»
 Aurel. — «Жизнеописание Аврелиана»
 Car. — «Жизнеописание Каракаллы»
 Car., Carin., Numer. — «Жизнеописание Кара, Карина, Нумериана»
 Comm. — «Жизнеописание Коммода»
 Did. Iul. — «Жизнеописание Дидия Юлиана»
 Gord. tres — «Жизнеописание трех Гордианов»
 Hadr. — «Жизнеописание Адриана»
 M. Aur. — «Жизнеописание Марка Аврелия»
 Max. duo — «Жизнеописание двух Максиминов»
 Opil. Macr. — «Жизнеописание Опилия Макрина»
 Pert. — «Жизнеописание Пертинакса»
 Pesc. Nig. — «Жизнеописание Песценния Нигра»
 Prob. — «Жизнеописание Проба»
 Sev. — «Жизнеописание Септимия Севера»
 Tac. — «Жизнеописание Тацита»
 Sisenna. Fr. — Сизенна «Фрагменты»
 Suet. — Светоний
 Aug. — «Жизнеописание Августа»
 Claud. — «Жизнеописание Клавдия»
 Div. Iul. — «Жизнеописание божественного Цезаря»

- Dom. — «Жизнеописание Домициана»
Galba — «Жизнеописание Гальбы»
Otho — «Жизнеописание Отона»
Tib. — «Жизнеописание Тиберия»
Tac. — Тацит
Agr. — «Жизнеописание Юлия Агриколы»
Ann. — «Анналы»
Hist. — «История»
Tertul. — Тертуллиан
Ad Mart. — Ad martyros — «К мученикам»
Val. Max. — Валерий Максим «Замечательные изречения и деяния»
Varro ap. Non. — Варрон, цитируемый Нонием
Veget. — Вегетий «Краткое изложение военного дела»
Vell. Pat. — Веллей Патеркул «Римская история»
Verg. — Вергилий
Bucol. — «Буколики»
[Verg.] Dirae — Псевдо-Вергилий «Проклятия»
Xen. — Ксенофонт
Hell. — «Греческая история»
Inst. Cyri — «Воспитание Кира»
Oecon. — «Домострой» («Об управлении хозяйством»)
Symp. — «Пир»
Zon. — Зонара «История»

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамзон М. Г.* Император и армия в римской монетной типологии // ВДИ. 1996. № 3. С. 122–137.
2. *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
3. *Абрамзон М. Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994.
4. *Аверинцев С. С.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М., 1991. С. 3–26.
5. *Аверинцев С. С.* Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 15–46.
6. *Агафонов А. В.* Идеал императора в «Панегирике Риму» Элия Аристида // Античность и средневековье Европы: Сб. науч. тр. Пермь, 1996. С. 154–161.
7. *Азаров В. М., Бурда С. М.* Оценка морально-психологического состояния военнослужащих // Военная мысль. 2001. № 3. С. 34–41.
8. *Александров С. Е.* Немецкий наемник конца XV — середины XVII в.: грани ментальности // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 83–112.
9. *Альбрехт М., фон.* История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи / Пер. с нем. А. И. Любжина. М., 2002. Т. 1.
10. *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976.
11. *Банников А. В.* Датировка трактата Вегеция *Epitoma rei militaris* // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2002. С. 333–344.
12. *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения / Пер. с чеш. М., 1989.
13. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
14. *Бернштейн Б. М.* Традиция и социальные структуры // Советская этнография. 1981. № 2. С. 105–108.
15. *Бессмертный Ю. Л.* История на распутье // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.
16. *Бобровникова Т. А.* Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. М., 1998.
17. *Болтинская Л. В.* Выступление паннонских и германских легионов в период правления Тиберия // Из истории Древнего мира и Средних веков. Красноярск, 1967. С. 31–43.
18. *Болтинская Л. В.* К вопросу о принципах комплектования римской армии при Юлиях — Клавдиях (по военным дипломам) // Вопросы всеобщей истории. Вып. 3. Красноярск, 1973. С. 18–22.

19. *Болтинская Л. В.* К вопросу о путях укрепления римской армии при Юлиях — Клавдиях // Вопросы всеобщей истории. Вып. 3. Красноярск, 1973. С. 3–17.
20. *Болтинская Л. В.* Положение солдат римских легионов в период правления династии Юлиев — Клавдиев // Вопросы всеобщей истории. Вып. 4. Красноярск, 1973. С. 3–26.
21. *Болтинская Л. В.* Положение солдат римских легионов в период правления династии Юлиев — Клавдиев // Социально-экономические проблемы истории Древнего мира и Средних веков. Красноярск, 1977. С. 3–17.
22. *Брагинская Н. В.* Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 119–139.
23. *Буассье Г.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Цицерон и его друзья: Очерк о римском обществе времен Цезаря; Т. 2. Оппозиция при цезарях / Пер. с фр. В. Я. Яковлева; под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993.
24. *Вахмистров В. П.* Социальные и духовные основы военного корпоративизма // Военная мысль. 2000. № 5. С. 39–43.
25. *Верхбицкий К. В.* Принципат и римская армия в правление императора Тиберия (14–37 гг. н. э.) // Para bellum. Война и военное дело в античности: Специальный научный выпуск. 2000. № 12. С. 49–56.
26. *Вовель М.* Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 456–459.
27. Военная психология. М., 1972.
28. *Валкогинов Д. А.* Актуальные проблемы советской военно-этической теории. М., 1972.
29. *Валкогинов Д. А.* Воинская этика. М., 1976.
30. *Валкогинов Д. А.* Социологический и гносеологический анализ проблем военно-этической теории: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1971.
31. *Глушанин Е. П.* Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.
32. *Глушанин Е. П.* Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV века // Вопросы политологии. Барнаул, 2001. Вып. 2. С. 120–130.
33. *Глушанин Е. П.* Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 1998. С. 9–20.
34. *Глушанин Е. П.* Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Проблемы социально-политической истории: Межвуз. сб. Горький, 1985. С. 95–106.
35. *Глушанин Е. П.* Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Сб. науч. статей. Барнаул, 1996. С. 24–36.
36. *Грант М.* Крушение Римской империи / Пер. с англ. Б. Бриксмана. М., 1998.
37. *Грешных А. Н.* Янус и «право войны»: один из аспектов культа // Ius antiquum. Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 98–104.
38. *Гуревич А. Я.* Апории современной исторической науки — мнимые и подлинные // Одиссей. 1997. М., 1998. С. 233–250.
39. *Гуревич А. Я.* Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. 1990. М., 1990. С. 76–89.
40. *Гуревич А. Я.* Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6. С. 18–33.
41. *Гуревич А. Я.* Историческая наука и историческая антропология // ВФ. 1988. № 1. С. 56–70.
42. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
43. *Гуревич А. Я.* К пониманию истории как науки о человеке // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 166–174.

44. Гуревич А. Я. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Фанасьева. М., 1989. С. 454–456.
45. Гуревич А. Я. От истории ментальности к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской Школы «Анналов». М., 1993. С. 16–29.
46. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. 1989. М., 1989. С. 114–135.
47. Гуревич А. Я. Социальная история и историческая наука // ВФ. 1990. № 4. С. 23–35.
48. Давид Ж.-М. Ответ Георгию Степановичу Кнабе // ВДИ. 1995. № 2. С. 212–215.
49. Данилова Л. В. Традиция как специфический способ социального наследования // Советская этнография. 1981. № 3. С. 48–49.
50. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I; II / Пер. с нем.; вступ. ст. А. Б. Егорова. СПб., 1994.
51. Денике Ю. Ксенофонт и начало теории военного искусства // ЖМНП. 1916. Т. 64. Июль. № 7. С. 233–264.
52. Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 20–29.
53. Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997.
54. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. 1991. М., 1991. С. 48–59.
55. Евсеенко Т. П. Армия в древнеримской политической системе эпохи становления принципата: Автореф. дис. ... канд. юр наук. Свердловск, 1988.
56. Евсеенко Т. П. Армия и общество в Римской империи эпохи раннего принципата // Вестник Удмурт. ун-та. 1992. № 5. С. 17–26.
57. Евсеенко Т. П. Военная реформа Октавиана Августа: (политико-правовой аспект). Свердловск, 1986. 33 с. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 25704.
58. Евсеенко Т. П. Военная реформа Октавиана Августа: (Социально-политический аспект). Свердловск, 1986. 31 с. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 25705.
59. Евсеенко Т. П. Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001.
60. Евсеенко Т. П. Об эффективности военной реформы Октавиана Августа // Политические организации и правовые системы за рубежом: история и современность. Свердловск, 1987. С. 48–54.
61. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.
62. Елагина А. А. Армия в политической жизни Рима I в. н. э. по «Annales» и «Historiae» Публия Корнелия Тацита // Античный вестник. Вып. 3. Омск, 1995. С. 120–143.
63. Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001.
64. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985.
65. Зайцев А. И. О применении методов современной психологии к историко-культурному материалу // Одиссей. 1990. М., 1990. С. 15–16.
66. Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. «Во славу Отечества Российского» (развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XIX в.). М., 1984.
67. Иванов Р. Новобранците в римската войска // Анали. София, 1995. Г. 2. Бр. 1/2. С. 76–85.

68. *Иванько Л. И.* Ценностно-нормативные механизмы регуляции // Культурная деятельность: опыт социологического исследования. М., 1984. С. 42–67.
69. *Игнатенко А. В.* Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976.
70. *Игнатенко А. В.* Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение ее организационно-правовых основ // Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск, 1980. С. 20–32.
71. *Игнатенко А. В.* Армия и политический режим в Риме (вторая половина I в. до н. э.) // Сб. учен. тр. Свердл. юр. ин-та. Свердловск, 1977. С. 118–126.
72. *Игнатенко А. В.* Борьба за войско в Римском государстве в 44 г. до н. э. // Учен. зап. Хабаров. пед. ин-та. Хабаровск, 1961. Т. 6. С. 145–161.
73. *Игнатенко А. В.* Древний Рим: От военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988.
74. *Игнатенко А. В.* К вопросу о кризисе староримской военной системы // Сб. учен. тр. Свердл. юр. ин-та. Свердловск, 1974. Вып. 34. С. 174–180.
75. *Игнатенко А. В.* Политическая роль армии в Риме в период Республики // Сб. науч. тр. Свердл. юр. ин-та. Свердловск, 1970. Вып. 23. С. 9–30.
76. История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Сост. Е. М. Михина. М., 1996.
77. К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи // ВДИ. 1952. № 2. С. 100–121.
78. *Карпюк С. Г.* *Vulgus* и *turba*: толпа в классическом Риме // ВДИ. 1997. № 4. С. 121–137.
79. *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. А. Рагинского. М., 1997.
80. *Кнабе Г. С.* К специфике межличностных отношений в античности (Обзор новой зарубежной литературы) // ВДИ. 1987. № 4. С. 164–181.
81. *Кнабе Г. С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994.
82. *Кнабе Г. С.* Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // ВДИ. 1997. № 3. С. 66–78.
83. *Кнабе Г. С.* *Multi bonique* и *pauci et validi* в римском сенате эпохи Нерона и Флавиев // ВДИ. 1970. № 3. С. 63–85.
84. *Кнабе Г. С.* Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // Одиссей. 1993. М., 1994. С. 247–255.
85. *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия — образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. III. М., 1993. С. 590–655.
86. *Кнабе Г. С.* Римский миф и римская история // Жизнь мифа в античности: Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1985». Вып. XVIII. М., 1988. С. 241–252.
87. *Кнабе Г. С.* Римское общество в эпоху ранней империи // История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова и др. 2-е изд., испр. М., 1983. Кн. 3. С. 73–101.
88. *Кнабе Г. С.* Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (По поводу книги Ж.-М. Давида «Судебный патронат в Риме в последнее столетие республики») // ВДИ. 1994. № 3. С. 58–77.
89. *Князев П. А.* К вопросу о некоторых аспектах оформления военной власти императора Тиберия // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. 2. Самара, 1997. С. 26–36.
90. *Князев П. А.* Правосудие принцепса и сената в уникальном документе 20 г. н. э.: *Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre* (характеристика постановления и его перевод) // ИИАО. 2003. Вып. 8. С. 39–61.

91. Колобов А. В. Боевые награды римских легионеров эпохи Принципата // Вестник Перм. ун-та. 1998. Вып. 2. С. 27–33.
92. Колобов А. В. «Военная территория» эпохи Принципата: историографический миф или реальность? // *Ius antiquum*. Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 43–50.
93. Колобов А. В. Геркулес и римская армия ранней Империи (на материале западной части Балкано-Дунайского региона) // ПИФК. 2000. Вып. 9. С. 40–47.
94. Колобов А. В. Династическая пропаганда на знаменах и боевых наградах римских легионов: Первый век Империи // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 12–136.
95. Колобов А. В. Использование «территории легиона» в западных провинциях Римской империи I в. н. э. // Областная отчетная студ. науч. конференция. Секция ист. наук: Тез. докл. Пермь, 1990. С. 41–44.
96. Колобов А. В. Легионеры-бенефициарии в управлении провинциями Римской империи (на материале источников из римской провинции Далмации) // Вестник Перм. ун-та. История. 2001. Вып. 1. С. 44–52.
97. Колобов А. В. О трактате «*De munitionibus castrorum*» // Древность и Средневековье Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002. С. 129–130.
98. Колобов А. В. Образы спартанских героев в иконографии надгробных памятников римских воинов в Балкано-Дунайском регионе (эпоха Принципата) // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2002. С. 91–95.
99. Колобов А. В. Питание римской армии // Сержант. 2001. № 3 (20). С. 17–18.
100. Колобов А. В. Разведка в античном Риме // Сержант. 2002. № 2 (23). С. 7–8.
101. Колобов А. В. Римская армия и культы «умирающего и воскресающего бога» (на материале из римских провинций Далмации и Мезии) // ИИАО. 2001. Вып. 8. С. 57–67.
102. Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999.
103. Колобов А. В. Римские сенаторы эпохи принципата в провинциях: любители или профессионалы? // Исследования по консерватизму. Вып. 5. Пермь, 1998. С. 67–69.
104. Колобов А. В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях — Клавдиях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1990. № 3. С. 54–63.
105. Колобов А. В. Социальная структура командного состава римских легионов эпохи принципата // Вестник Перм. ун-та. История. 1999. Вып. 4. С. 52–58.
106. Колобов А. В. Социальное положение солдат и ветеранов легионов в западных провинциях Римской империи при Юлиях — Клавдиях: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
107. Колобов А. В. Штандарты римской армии эпохи принципата // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 38–44.
108. Колобов А. В. Экономические аспекты римской оккупации Рейнско-Дунайского пограничья в эпоху Юлиев — Клавдиев // Античность Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1992. С. 38–47.
109. Колобов А. В. Эпитафии легионеров как источник по истории раннего Принципата // Методология и методика изучения античного мира: Докл. конференции (31 мая — 2 июня 1993 г.). М., 1994. С. 87–92.
110. Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества I–III вв. (*collegia veteranorum*) // ВДИ. 1969. № 4. С. 122–129.
111. Колосовская Ю. К. Паннония в I–III веках. М., 1973.
112. Колосовская Ю. К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 167–257.

113. *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина: В 2 т. Ростов н/Д, 1997.
114. *Ксенофонтос А. Б.* Полиэн и его «Стратегемы»: греческий писатель в римском мире // Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002. С. 7–38.
115. *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
116. *Кузицин В. И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976.
117. *Кузнецова Т. И.* Историография и риторика: Речи в «Истории от основания Города» Тита Ливия // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., 1989. С. 203–228.
118. *Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П.* Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976.
119. *Кулаковский Ю. А.* Армия в Римской империи: Реферат. Киев, 1884.
120. *Кулаковский Ю. А.* Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи: Эпиграфическое исследование Юлиана Кулаковского // Киевские университетские известия. 1881. № 9. 45 с. (отдельный оттиск).
121. *Кулаковский Ю. А.* Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии // Военный сб. СПб., 1909. № 8.
122. *Кулаковский Ю. А.* Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии: Публичная лекция. Киев, 1909.
123. *Кулаковский Ю. А.* Praemia militiae в связи с вопросом о наделе ветеранов землей // ЖМНП. 1880. Июль. № 7. С. 265–280.
124. *Кучма В. В.* Введение // Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2004. С. 5–59.
125. *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.
126. *Кучма В. В.* О некоторых спорных проблемах трактата Секста Юлия Фронтиня «Стратегемы» // ВДИ. 1984. № 4. С. 45–55.
127. *Кучма В. В.* «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон» Маврикия: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1982. Т. 43; 1984. Т. 45; 1985. Т. 46.
128. *Ле Бож Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М., 2001.
129. *Ле Гофф Ж.* «Анналы» и «новая историческая наука» // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 90–94.
130. *Ле Гофф Ж.* Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв. // Одиссей. 1991. М., 1991. С. 25–47.
131. *Лепти Б.* Общество как единое целое. О трех формах анализа социальной целостности // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 148–164.
132. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
133. *Лотман Ю. М.* Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах Киевского периода // Он же. Избр. ст.: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993.
134. *Ляпустина Е. В.* Гладиаторские бои в Риме: жертвоприношение или состязание? // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 143–163.
135. *Ляпустина Е. В.* Римские зрелища, или кое-что о самосознании личности и общества // Одиссей. 1998. М., 1999. С. 8–25.
136. *Мадиевский С. А.* Методология и методика изучения социальных групп в исторической науке. Кишинев, 1973.

137. *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
138. *Маринович Л. П.* Социальная психология греческих наемников // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конференции. М., 1993. С. 210–221.
139. *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.
140. *Машкин Н. А.* История древнего Рима. М., 1948.
141. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949.
142. *Махлаюк А. В.* Auctor seditionis. К характеристике военного мятежа в Древнем Риме // Право в средневековом мире: Сб. статей. Вып. 2–3. СПб., 2001. С. 290–308.
143. *Махлаюк А. В.* Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос о своеобразии римской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). Сб. статей. М., 2000. С. 259–272.
144. *Махлаюк А. В.* Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 18–37.
145. *Махлаюк А. В.* Идеология военного лидерства в Древнем Риме // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2004. С. 31–45.
146. *Махлаюк А. В.* Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР С. И. Архангельского. Н. Новгород, 2003. С. 30–35.
147. *Махлаюк А. В.* Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» // Акра: Сб. науч. тр. Н. Новгород, 2002. С. 96–109.
148. *Махлаюк А. В.* Nobilitas ducis в римской идеологии военного лидерства // ИИАО. 2001. Вып. 7. С. 75–89.
149. *Махлаюк А. В.* Политические последствия военных реформ Септимия Севера // ИИАО. 1991. С. 62–75.
150. *Махлаюк А. В.* Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // АМА. 2002. Вып. 11. С. 123–129.
151. *Махлаюк А. В.* [Рец.] Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995 // ВДИ. 1997. № 3. С. 173–178.
152. *Махлаюк А. В.* [Рец.] Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермский ун-т. Пермь, 1999 // ВДИ. 2001. № 3. С. 198–207.
153. *Махлаюк А. В.* [Рец.] Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste. P., 1989; idem. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989 // ВДИ. 1995. № 1. С. 211–218.
154. *Махлаюк А. В.* [Рец.] Nelis-Clément J. Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s. a. C. — VIe s. p. C.). Bordeaux, 2000 (Ausonius-publications). (Étude 5). 557 p., ill. // ВДИ. 2003. № 2. С. 232–241.
155. *Махлаюк А. В.* Римская императорская армия в контексте социальной истории // ВДИ. 2002. № 3. С. 130–153.
156. *Махлаюк А. В.* Римские войны. Под знаком Марса. М., 2003.
157. *Махлаюк А. В.* Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48.
158. *Махлаюк А. В.* Scientia rei militaris (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник Нижегород. гос. ун-та. Сер. История. 2002. Вып. 1. С. 13–31.

159. *Махлаюк А. В.* Sermo castrensis как источник изучения ментальности римского солдата // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Часть I: Проблемы источниковедения истории древнего мира и средних веков. Белгород, 2002. С. 32–40.
160. *Махлаюк А. В.* Солдатский мятеж в изображении Тацита: структура нарратива и историческая реальность // Материалы VIII чтений памяти проф. Н. П. Соколова: Тез. докл. Н. Новгород, 2002. С. 39–42.
161. *Махлаюк А. В.* «Стратегикос» Онасандра и идеология военного лидерства в Древнем Риме // Проблемы антиковедения и медиевистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков в Нижегородском университете): Межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород, 1999. С. 29–35.
162. *Маяк И. Л.* Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина (эпоха ранней Республики) // Античность и средневековые Европы: Межвуз. сб. Пермь, 1996. С. 122–128.
163. *Межеричкий Я. Ю.* Iners otium // Быт и история в античности. М., 1988. С. 39–54.
164. *Михина Е. М.* Размышляя о семинаре. Субъективные заметки // Одиссей. 1993. М., 1994. С. 300–318.
165. *Маммзен Т.* История Рима. Т. II. От битвы при Пидне до смерти Суллы. СПб., 1994.
166. *Маммзен Т.* История Рима. Т. III. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. М., 1941.
167. *Маммзен Т.* История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. СПб., 1995.
168. *Нефёдкин А. К.* Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002. С. 39–56.
169. *Нефёдкин А. К.* Изучение античного военного искусства в России: историографический обзор // Studia historica. Vol. III. М., 2003. С. 134–148.
170. *Николе К.* Римская Республика и современные модели государства // ВДИ. 1989. № 3. С. 99–100.
171. О долге и чести воинской в Российской армии. М., 1990.
172. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали / Пер. с польск. М., 1987.
173. *Пантелеев А. Д.* Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. СПб., 2004. Вып. 3. С. 413–428.
174. *Парфёнов В. Н.* Император Домициан как военный лидер. К постановке проблемы // Историки в поисках новых смыслов: Сб. науч. статей и сообщений участников Всеросс. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения проф. А. С. Шофмана и 60-летию со дня рождения проф. В. Д. Жигунина. Казань, 2003. С. 255–265.
175. *Парфёнов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001.
176. *Парфёнов В. Н.* «Квинтилий Вар, верни легионы!» (финал одной военной карьеры) // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 5–13.
177. *Парфёнов В. Н.* К оценке военных реформы Августа // АМА. 1990. Вып. 7. С. 65–76.
178. *Парфёнов В. Н.* Последняя армия Римской республики // ВДИ. 1983. № 3. С. 53–65.
179. *Парфёнов В. Н.* Принципат Августа: армия и внешняя политика. Саратов, 1994. 140 с. Деп. в ИНИОН РАН 24.01.94, № 48859.
180. *Парфёнов В. Н.* Профессионализация римской армии и галльские войны Цезаря // АМА. 1974. Вып. 2. С. 72–89.

181. *Парфёнов В. Н.* Ранний принципат: военно-политический аспект: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1995.
182. *Парфёнов В. Н.* Римская армия и рождение империи: историография проблемы и перспективы исследования // Историографический сб. Вып. 15. Саратов, 1991. С. 81–94.
183. *Парфёнов В. Н.* Римский «генералитет» времени второго триумvirата и принципата Августа (некоторые наблюдения) // Античный мир и мы: материалы и тезисы конференции 6–7 апреля 1995 г. Вып. 2. Саратов, 1996. С. 41–47.
184. *Парфёнов В. Н.* Социально-политическая роль римской армии (44–31 гг. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
185. *Парфёнов В. Н.* Тиберий, Германик и Германия // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 10–24.
186. *Перевалов С. М.* Статья римским полководцем, читая греков // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 145–153.
187. *Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов // Не числом, а умением! Военная система А. А. Суворова. М., 2001. С. 127–181.
188. *Покровский И. А.* История римского права. Минск, 2002.
189. *Поплавский В. С.* Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М., 2000.
190. Проблемы психологии воинского коллектива. М., 1973.
191. *Разин Е. А.* История военного искусства. 2-е изд. Т. 1. М., 1955.
192. *Ретина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
193. *Ретина Л. П.* Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. Ч. 1. М., 2001. С. 70–100.
194. *Ретина Л. П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. 1990. М., 1990. С. 167–181.
195. *Рожанский М.* Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 459–463.
196. *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи: Общий очерк. Пг., 1918.
197. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. Т. I / Пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб., 2000; Т. II / Пер. с нем. И. С. Алексеевой и Г. В. Снежинской. СПб., 2001.
198. *Рубцов С. М.* Ветераны римской армии и античный город в Мёзии в I–III вв. н. э. // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 46–56.
199. *Рубцов С. М.* Восточные ауксии римской армии на Нижнем Дунае в эпоху принципата // Para bellum: Военно-исторический журнал. 2003. № 1. С. 5–24.
200. *Рубцов С. М.* Дакийские войны императора Траяна (101–103, 105–106 гг. н. э.) // Науч.-метод. сб. кафедры всеобщей истории БГПУ. Барнаул, 1999. С. 11–28.
201. *Рубцов С. М.* Дакийские войны императора Флавия Домициана // Науч.-метод. сб. кафедры всеобщей истории БГПУ. Барнаул, 2004. С. 42–49.
202. *Рубцов С. М.* Знаменосцы нижнедунайских легионов // Para bellum: Военно-исторический журнал. 2000. № 4. С. 19–32.
203. *Рубцов С. М.* Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I — начало II века нашей эры). СПб., 2003.
204. *Рубцов С. М.* Младший командный состав римской армии в Мёзии в I–III вв. // ВИ. 1987. № 7. С. 162–163.
205. *Рубцов С. М.* О культах римской армии в Верхней Мёзии во II–III вв. // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 84–95.

206. *Рубцов С. М.* Римская провинция Мёзия (Верхняя и Нижняя) в I–III вв. н. э. (Военно-политический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
207. *Русская военная мысль: Конец XIX — начало XX века.* М., 1982.
208. *Садовская М. С.* Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии (по данным эпиграфики) // ИИАО. 1975. С. 98–115.
209. *Садовская М. С.* IX Испанский легион в Британии // ИИАО. 1979. С. 65–85.
210. *Садовская М. С.* Римский форт Виндоланда. К вопросу о романизации Британии в I в. н. э. // ИИАО. 1988. С. 71–81.
211. *Семенов В. В.* Преторианские когорты: модель и практика // *Para bellum: Военно-исторический журнал.* 2000. № 12. С. 103–119.
212. *Семенов В. В.* Преторианцы на войне и в политике // *Материалы студ. науч. об-ва ист. ф-та СПбГУ: Сб. науч. статей студентов (по материалам науч. конференции).* СПб., 2002. С. 194–205.
213. *Сенявская Е. С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // *Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития.* М., 2002. С. 5–22.
214. *Сенявская Е. С.* Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект // *Homo belli — человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Росс. науч. конф.* Н. Новгород, 2000. С. 10–27.
215. *Сенявская Е. С.* Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997.
216. *Сергеев И. П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999.
217. *Скрипчев Е. А.* К постановке проблем военного права древнего Рима // *Тр. Воен.-юр. академии Красной Армии.* М., 1949. Вып. X. С. 104–185.
218. *Смирин В. М.* Историк, источник, принцип историзма (По поводу книги К. Гопкинса «Завоеватели и рабы») // *ВДИ.* 1980. № 4. С. 74–98.
219. *Смирин В. М.* Римская школьная риторика Августова века как исторический источник (По «Контroversиям» Сенеки Старшего) // *ВДИ.* 1977. № 1. С. 95–113.
220. *Смирнова О. П.* [Рец.] *Autour de la colonne aurélienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurèle à Rome / Ed. par John Scheid, Valérie Huet en collaboration avec le Deutsches Archaeologisches Institut (Rome) et le Centre Louis Gernet (Paris) / Bibliothèque de l'École des Hautes Études.* V. 108. Turnhout, 2000 // *ВДИ.* 2003. № 3. С. 238–242.
221. *Смышляев А. Л.* Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности? // *ВДИ.* 1989. № 3. С. 99–100.
222. *Смышляев А. Л.* Вступление наместника в провинциальный город: церемония adventus по Ульпиану // *ВДИ.* 1991. № 4. С. 106–117.
223. *Смышляев А. Л.* Государство без бюрократии (на опыте ранней Римской империи) // *Античность и современность.* М., 1991.
224. *Смышляев А. Л.* Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. // *ВДИ.* 1979. № 3. С. 60–81.
225. *Смышляев А. Л.* Римский наместник в провинциальном городе: otium post negotium // *ВДИ.* 1999. № 4. С. 59–70.
226. *Смышляев А. Л.* Римский наместник как магистрат (к вопросу об особенностях римской государственности в эпоху ранней Империи) // *Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности).* М., 1998. С. 282–295.
227. *Смышляев А. Л.* Септимий Север и principales // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. История.* 1976. № 6. С. 80–91.
228. *Смышляев А. Л.* Civilis dominatio: римский наместник в провинциальном городе // *ВДИ.* 1997. № 3. С. 24–35.

229. *Соловьянов Н. И.* Культы римской армии в Нижней Мёзии и Фракии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
230. *Соловьянов Н. И.* О культах римской армии в Нижней Мёзии и Фракии в I–III вв. н. э. // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 45–62.
231. *Соловьянов Н. И.* Религиозная жизнь римской армии в Нижней Мёзии и Фракии в I–III вв. н. э. М., 1985. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 23749.
232. Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.
233. *Строков А. А.* История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955.
234. *Токмаков В. Н.* Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1998.
235. *Токмаков В. Н.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской Республики // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 125–147.
236. *Токмаков В. Н.* Воспитание воина и гражданина в Раннем Риме // Антиковедение в системе современного образования: Материалы конференции. М., 2003. С. 93–96.
237. *Токмаков В. Н.* Жреческая коллегия салиев и ритуалы подготовки к войне в архаическом Риме в российской историографии // *Ius antiquum*. Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 124–138.
238. *Токмаков В. Н.* К вопросу о военных полномочиях консулов в публичном праве архаического Рима // *Forum Romanum*: Доклады III Междунар. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль — Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003. С. 38–44.
239. *Токмаков В. Н.* Право и воинская дисциплина в республиканском Риме // *Ius antiquum*. Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 136–145.
240. *Токмаков В. Н.* Сакрально-правовые аспекты ритуалов жреческой коллегии салиев в архаическом Риме // *Ius antiquum*. Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 9–17.
241. *Токмаков В. Н.* Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней Республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 43–59.
242. *Туркина Л. Г.* О роли армии в политической борьбе второго триумvirата // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1965. Вып. 1. С. 3–23.
243. *Тянава М.* Военная организация Римской республики (до реформы Мария): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1974.
244. *Тянава М.* К вопросу о возникновении постоянной армии в Римской республике // Тр. кафедры всеобщ. истории Тартуск. ун-та. 1970. № 1. С. 50–75.
245. *Тянава М.* К вопросу об изменении социального состава римской армии (II в. до н. э.) // Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1977. Вып. 416. № 2. С. 58–73.
246. *Тянава М.* О возникновении солдатского профессионализма в Риме // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1977. Вып. 416. № 2. С. 43–56.
247. *Тянава М.* О наборе солдат в Римской республике (II в. до н. э.) // Тр. кафедры всеобщ. истории Тартуск. ун-та. 1970. № 1. С. 76–92.
248. *Утченко С. Л.* Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. № 4. С. 19–33.
249. *Утченко С. Л.* Еще раз о римской системе ценностей // ВДИ. 1973. № 4. С. 30–47.
250. *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
251. *Утченко С. Л.* Некоторые тенденции развития римской историографии III–I вв. до н. э. // ВДИ. 1969. № 2. С. 66–74.

252. Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима (III–I вв. до н. э.). М., 1977.
253. Утченко С. Л. Римская армия в I в. до н. э. // ВДИ. 1962. № 4. С. 30–47.
254. Ушаков Ю. А. Преторианская гвардия в период гражданской войны 68–69 гг. н. э. // Античная гражданская община. М., 1986. С. 80–91.
255. Ушаков Ю. А. Преторианская гвардия в политической жизни Римской империи в I в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
256. Ушаков Ю. А. Роль преторианской гвардии во внутривластической жизни Римской империи при первых императорах // Античная гражданская община. М., 1984. С. 115–131.
257. Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982.
258. Фуллер Дж. Военное искусство Александра Македонского / Пер. с англ. Н. А. Поздняковой. М., 2003.
259. Хвостова К. В. История: проблемы познания // ВФ. 1997. № 4. С. 23–30.
260. Хвостова К. В., Финн В. К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.
261. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. М., 1992.
262. Шабага И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.
263. Шаблин А. А. Отражение самооценки солдат римской армии в скульптурных надгробиях Рейнской области I в. н. э. // Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории. М., 1997. Вып. 3. С. 37–48.
264. Шаблин А. А. Повседневная жизнь римских военных в Рейнской области I в. н. э. // Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории. М., 1995. С. 47–58.
265. Шаблин А. А. Частная жизнь и самооценка солдат и ветеранов римской армии I в. н. э. (Рейнская область): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
266. Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I — начале II века н. э. М., 2000.
267. Шкуратов В. А. Историческая психология. 2-е изд., перераб. М., 1997.
268. Шмальфельд. Латинская синонимика / Пер. А. Страхова. М., 1890.
269. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
270. Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции). М., 1961.
271. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. В 2 т. Т. I. М., 1985.
272. Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
273. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. № 3. С. 256–268.
274. Эк В. Император как глава войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. 2004. № 3. С. 28–57.
275. Ястребицкая А. Л. Культурное измерение историографического (Предисловие) // Культура и общество в Средние века — раннее Новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований: Сб. аналитических и реферативных обзоров. М., 1998. С. 17–47.
276. Ястребицкая А. Л. О культурдиалогической природе историографического: Взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания: В 2 ч. Ч. I. М., 2001. С. 8–53.
277. Adams J. N. The Language of the Vindolanda Writing Tablets: An Interim Report // JRS. 1995. Vol. 85. P. 86–134.

278. *Adams J. N.* The New Vindolanda Writing Tablets // CQ. 2003. Vol. 53. N 2. P. 530–575.
279. *Adams J. N.* The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // JRS. 1999. Vol. 89. P. 109–134.
280. *Adcock F. E.* Roman art of war under the Republic. Cambridge (Mass.), 1940.
281. *Aigner H.* Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik. Innsbruck, 1974.
282. *Albertus J.* Die Παρακλητικοί in der griechischen und römischen Literatur: Diss. Strasburg, 1908.
283. *Alföldy G.* Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // Alföldy G. Römische Heeresgeschichte. Beiträge 1962–1985. Amsterdam, 1987. S. 26–42.
284. *Alföldy G.* Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // KHG. S. 33–58.
285. *Alföldi A.* Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe // MDAI (R). 1934. B. 49. S. 1–118.
286. *Alföldy G.* Die Generalität des römischen Heeres // BJ. 1969. Bd. 169. S. 233–264.
287. *Alföldi A.* Insignen und Tracht der römischen Kaiser // MDAI (R). 1935. B. 50. S. 1–171.
288. *Alföldy G.* Fasti Hispanienses. Senatorische Reichsbeamte und Offiziere in den spanischen Provinzen des römischen Reiches von Augustus bis Diokletian. Wiesbaden, 1969.
289. *Alföldy G.* Kaiser, Heer und soziale Mobilität im Römischen Reich // Army and Power in the Ancient World / Ed. A. Chaniotis, P. Ducrey. Stuttgart, 2002.
290. *Alföldy G.* [Rez.] Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army. 30 BC — AD 235. Oxford, 1984 // Gnomon. 1985. Bd. 57. Hf. 5. S. 440–446.
291. *Alston R.* Arms and the man: soldiers, masculinity and power in republican and imperial Rome // When men were men. Masculinity, power and identity in classical antiquity / Ed. Lin Foxhall and John Salmen. L.; N. Y., 1998. P. 205–223.
292. *Alston R.* Aspects of Roman history, AD 14–117. N. Y.; L., 1998.
293. *Alston R.* Roman military pay from Caesar to Diokletian // JRS. 1994. Vol. 84. P. 113–123.
294. *Alston R.* Soldier and Society in Roman Egypt. A Social History. N. Y.; L., 1995.
295. *Anderson J. K.* Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles, 1970.
296. *Anderson A. S.* Roman Military Tombstones. Prince's Risborough, 1984.
297. *Ando C.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley; Los Angeles; L., 2000.
298. *Ankersdorfer H.* Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian: Diss. Konstanz, 1973.
299. *Astin A. E.* Cato the Censor. Oxford, 1978.
300. *Ausbüttel F. M.* Zur rechtlichen Lage der römischen Militärvereine // Hermes. 1985. Bd. 113. S. 500–505.
301. Autour de la colonne aurélienne. Geste et image sur la colonne de Mar: Aurèle à Rome / Ed. par John Scheid, Valérie Huet en collaboration avec le Deutsches Archaeologisches Institut (Rome) et le Centre Louis Gernet (Paris). Turnhout, 2000.
302. *Baccolini S.* Vita quotidiana nei castra: l'eseempio africano: Università degli Studi di Bologna. Faccolto di lettere e filosofia. Tesi di Laurea in Storia Sociale del Mondo Antico. Sessione III. Anno Academico, 1999–2000 (http://freeweb.superava.com/baccolo1/sito2/la_mia_tes.html).
303. *Bagnall R. S.* The Florida Ostraka. Documents from the Roman Army in Upper Egypt. Durham, 1976.

304. *Baker R. J.* Miles annosus. The Military Motif in Propertius // *Latomus*. 1968. T. 27. P. 322–349.
305. *Balla L.* Zu einigen Problemen der Militärgeschichte des Prinzipats // *Acta classica Universitatis Scientiarum Debrecensis*. 1968. Vol. IV. S. 119–121.
306. *Barnes T. D.* The Date of Vegetius // *Phoenix*. 1979. Vol. 33. P. 254–257.
307. *Barzano A.* «Libenter cupit commori qui sine dubio scit se esse moriturum»: la morte per la patria in Roma repubblicana // «Dulce et decorum est pro patria mori». La morte in combattimento nell'antichità / A cura di Marta Sordi. Milano, 1990. P. 157–170.
308. *Basanoff V.* Evocatio. Étude d'un rituel militaire romain. P., 1947.
309. *Bauchhenss G.* Hercules Saxanus, ein Gott der niedergermanischen Armee // *Studien zu den Militärgränzen Roms III*. 13. Internationale Limeskongress, 1983. Stuttgart, 1986. S. 90–95.
310. *Birley E.* Beförderungen und Versetzungen im römischen Heere // *Carnuntum Jahrbuch*. 1957. Wien, 1958. Bhf. 3. S. 3–20.
311. *Birley E.* Promotions and transfers in the Roman army 2. The Centurionate // *Carnuntum Jahrbuch*. 1963–1964. Bhf. 21.
312. *Birley E.* Roman Britain and the Roman Army. Kendal, 1953.
313. *Birley E.* Septimius Severus and the Roman Army // *Epigraphische Studien*. Bd. 8. Bonn, 1969. P. 63–82.
314. *Birley E.* Some legionary centurions // *ZPE*. 1989. Bd. 79. P. 114–128.
315. *Birley E.* The Religion of the Roman Army // *ANRW*. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1506–1541.
316. *Birley E.* The Roman Army papers 1929–1986. Amsterdam, 1988.
317. *Birley R.* Vindolanda. A Roman frontier post on Hadrian's Wall. L., 1977.
318. *Bishop M. C.* On parade: Status, display, and Morale in the Roman Army // *Akten des 14. Internationalen Limeskongress, 1986 in Carnuntum*. T. 1. Wien, 1990. P. 21–30.
319. *Bleicken J.* Verfassung- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreiches. Bd. 1–2. Paderborn, 1978.
320. *Boren H. C.* Rome: Republican Disintegration, Augustan Re-integration: Focus on the Army // *Thought. A Review of Culture and Idea*. 1980. Vol. LV. № 216. P. 51–64.
321. *Boschung D.* Römische Glasphalerae mit Porträtenbusten // *BJ*. 1987. Bd. 187. S. 255–258.
322. *Botermann H.* Die Soldaten und die römischen Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des zwischen Triumvirats. München, 1968.
323. *Bouché-Leclercq A.* Manuel des institutions romaines. P., 1886.
324. *Bowman A. K.* Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People. L., 1994.
325. *Bowman A. K., Thomas J. D.* New Writing Tablets from Vindolanda // *Britannia*. 1996. Vol. 27. P. 299–328.
326. *Bowman A. K., Thomas J. D.* The Roman Writing Tablets from Vindolanda. L., 1983.
327. *Bowman A. K., Thomas J. D.* The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses II). L., 1994.
328. *Bowman A. K., Thomas J. D.* The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses III). L., 2003.
329. *Bowman A. K., Thomas J. D.* The Vindolanda Writing Tablets and their Significance: An Interim Report // *Historia*. 1975. Bd. 24. Hf. 3. P. 463–478.
330. *Bowman A. K., Thomas J. D.* Vindolanda: The Latin Writing Tablets. L., 1983.
331. *Brand C. E.* Roman Military Law. Austin; L., 1968.
332. *Breeze D. J.* The Career Structure below the Centurionate // *ANRW*. Bd. II. 1. 1974. P. 435–451.

333. *Breeze D. J.* The Organisation of the Career Structure of the Immunes and Principales of the Roman Army // BJ. 1974. Bd. 174. P. 245–292.
334. *Breeze D. J., Dobson B.* Roman Officers and Frontiers. Stuttgart, 1993.
335. *Brotz H., Wilson E. K.* Characteristics of Military Society // American Journal of Sociology. 1946. Vol. LI. Murch. P. 371–375.
336. *Brunt P. A.* Coscription and volunteering in the Roman imperial army // Scripta classica Israelica. 1974. Vol. I. P. 90–115.
337. *Brunt P. A.* Italian manpower, 225 B. C. — A. D. 14. Oxford, 1987.
338. *Brunt P. A.* The Army and the Land in the Roman Revolution // JRS. 1962. Vol. 52. P. 68–86.
339. *Burdeau F.* L'empereur d'après les Panégyriques Latins // Burdeau F., Carbonnel N., Humbert M. Aspects de l'Empire Romain. P., 1964. P. 1–60.
340. *Burke P.* History and Social Theory. Cambridge, 2000.
341. *Burke P.* Strengths and Weaknesses of the History of Mentalities // History of European Ideas. 1986. Vol. 7. P. 439–451.
342. *Burn A. R.* «Hic breve vivitur»: A Study of the Expectation of Life in the Roman Empire // Past and Present. 1953. Vol. IV. P. 1–31.
343. *Büttner A.* Untersuchungen über Ursprung und Entwicklung von Auszeichnungen im römischen Heer // BJ. 1957. Bd. 157. S. 127–180.
344. *Cagnat R.* L'Armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. P., 1892.
345. *Cagniard P.* «Victori receptaculum, victo perflugium»: Notes à propos des camps de march de l'armée romaine // Études classiques. 1992. T. 60. N 3. P. 217–234.
346. *Campbell B.* Teach Yourself — How to Be a General // JRS. 1987. Vol. 77. P. 13–29.
347. *Campbell B.* The Emperor and the Roman Army: 31 BC — AD 235. Oxford, 1984.
348. *Campbell B.* The Marriage of Roman Soldiers under the Empire // JRS. 1978. Vol. 68. P. 153–166.
349. *Campbell B.* War and Society in Imperial Rome, 31 BC — AD 284. L., 2002.
350. *Campbell B.* Who were the *viri militares*? // JRS. 1975. Vol. 65. P. 11–31.
351. *Carrié J.-M.* Il soldato // L'uomo romano / A cura di Giardina Andrea. Bari, 1989. P. 99–142.
352. *Casey P. J.* LIBERALITAS AUGUSTI: Imperial Military Donatives and the Arras Hoard // KHG. P. 445–458.
353. *Cheesman G.* The auxilia of the Roman imperial army. Oxford, 1914.
354. *Cherry D.* Soldiers' marriages and recruitment // AHB. 1989. Vol. 3. P. 128–130.
355. *Chilver G. E. F.* The army in politics, A. D. 69–70 // JRS. 1957. Vol. 47. P. 29–35.
356. *Chrissanthos S. G.* Caesar and the Mutiny of 47 B. C. // JRS. 2001. Vol. 91. P. 63–75.
357. *Chrissanthos S. G.* Scipio and the Mutiny at Sucro, 206 B. C. // Historia. 1997. Bd. 46. Hf. 2. P. 172–184.
358. *Christol M.* Le prince et ses soldats. A propos d'un livre récent // REA. 1985. Vol. 87. № 3/4. P. 359–366.
359. *Cichorius C.* Die Reliefs der Trajanssäule. B., 1896–1900.
360. *Cizek E.* Mentalité et institutions politiques romaines. P., 1990.
361. *Clauss M.* Heerwesen (Heeresreligion) // Reallexikon für Antike und Christentum. Bd. XIII. 1986. Sp. 1094–1095.
362. *Clauss M.* Untersuchungen zu den principales des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Cornicularii, speculatores, frumentarii: Diss. Bochum, 1973.
363. *Cloud D.* Roman poetry and anti-militarism // War and society in the Roman world / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993. P. 113–138.
364. *Combès R.* Imperator (Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine). P., 1966.

365. *Cornell T.* The End of Roman imperial expansion // War and society in the Roman world / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993. P. 139–170.
366. *Courtney E.* A Commentary on the Satires of Juvenal. L., 1980.
367. *Criniti N.* L'Epigrafe di Asculum di Gn. Pompeo Strabone. Milano, 1970.
368. *Crump G. A.* Coinage and Imperial Thought // The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honour of Chester G. Starr / Eds. J. W. Eadie and J. Ober. N. Y.; L., 1985. P. 425–441.
369. *Currie G. W.* The Military Discipline of the Romans from the Founding of the City to the Close of the Republic. Bloomington, 1928.
370. *Dabrowa E.* Legio X Fretensis. A Prosopographical Study of its Officers (I–II c. A. D.). Stuttgart, 1993.
371. *Dahlheim W.* Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. Bd. 74. S. 197–220.
372. *Daine A.* Les stratégestes byzantins // Travaux et Memoires. P., 1967. Vol. 2.
373. *Daris S.* Documenti minori dell' esercito romano in Egitto // ANRW. Bd. II. 10. 1. 1988. P. 724–742.
374. Das Militär als Kulturträger in römischer Zeit / Hrsg. von H. von Hesberg. Köln, 1999.
375. *Davies P. J. E.* The politics of perpetuation: Trajan's Column and the art of commemoration // AJA. 1997. Vol. 101. N 1. P. 41–65.
376. *Davies R. W.* A note on loricitis // BJ. 1968. Bd. 168. P. 161–165.
377. *Davies R. W.* Fronto, Hadrian and the Roman Army // Latomus. 1968. T. 27. N 1. P. 75–95.
378. *Davies R. W.* In the Service of Rome // History Today. 1972. Vol. 22. P. 556–563.
379. *Davies R. W.* Joining the Roman Army // BJ. 1969. Bd. 169. P. 208–232.
380. *Davies R. W.* Service in the Roman Army / Eds. D. Breeze and V. A. Maxfield. Edinburgh, 1989.
381. *Davies R. W.* The Concept in *numeros referri* in the Roman Army // AAASH. 1976. Vol. 28. P. 449–454.
382. *Davies R. W.* The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 299–338.
383. *Davies R. W.* The Roman military diet // Britannia. 1971. Vol. 2. P. 122–142.
384. *Dawson D.* The Origins of Western Warfare. Militarism and Morality in the Ancient World. Boulder; Oxford, 1996.
385. *De Blois L.* Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // KHG. P. 11–32.
386. *De Blois L.* Sueton, Aug. 46 und die Manipulation des mittleren Militärkadres als politischen Instrument // Historia. 1994. Bd. 43. Hf. 3. S. 324–345.
387. *De Blois L.* The perception of emperor and empire in Cassius Dio's «Roman history» // AncSoc. 1999. Vol. 29. P. 267–281.
388. *De Blois L.* The Roman army and politics in the first century before Christ. Amsterdam, 1987.
389. *De Blois L.* Volk und Soldaten bei Cassius Dio // ANRW. Bd. II. 34. 3. 1997. S. 2650–2676.
390. *Debrunner Hall M.* Eine reine Männerwelt? Frauen um das römische Heer // Reine Männersache? Frauen in Männerdomänen der antiken Welt. Köln, 1994. S. 207–228.
391. *Dettenhofer M. P.* Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat. Stuttgart, 2000.
392. *Develin R.* The Army Pay Rises under Severus and Caracalla and the Question of *annona militaris* // Latomus. 1971. T. 30. N 3. P. 491–496.

393. *Devijver H.* Les milices équestres et la hiérarchie militaire // La hiérarchie (Rangordnung) de la armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du congrès de Lyon (15–18 septembre 1994). Paris; Lyon, 1995. P. 175–192.
394. *Devijver H.* Prosopographia Militiarum Equestrum quae fuerunt ab Augusto ad Gallienum. Vol. I–III, 2 Suppl. Leiden, 1976–1993.
395. *Devijver H.* The Equestrian Officers of the Roman imperial army I. Amsterdam, 1989.
396. *Devijver H.* The Equestrian Officers of the Roman imperial army II. Stuttgart, 1992.
397. *Devijver H., Van Wonterghen F.* Der «campus» der römischen Städte in Italia und im Westen // ZPE. 1984. Bd. 54. S. 195–206; 1985. Bd. 60. P. 59–98.
398. *Devijver H., Van Wonterghen F.* Il «campus» nell' impianto urbanistico delle città romane: testimonianze epigrafiche e resti archeologici // Acta Archaeologica Lovaniensia. 1981. Vol. XX. P. 33–67; 1982. Vol. XXI. P. 93–98.
399. *Dobson B.* Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges. Köln; Bonn, 1978.
400. *Dobson B.* The Centurionate and Social Mobility during the Principate // Recherches sur les structure sociales dans l' Antiquité classique. P., 1970. P. 99–116.
401. *Dobson B.* The *primipilares* in Army and Society // KHG. P. 139–152.
402. *Dobson B.* The «Rangordnung» of the Roman Army // Actes du VIIe Congrès International d' Epigraphie grecque et latine. Constanza 1977. Bucarest; Paris, 1979. P. 191–204.
403. *Dobson B.* The Significance of the Centurion and Primipilaris in the Roman Army and Administration // ANRW. Bd. II. 1. 1974. P. 392–434.
404. Documenting in the Roman Army. Essays in Honour of Margaret Roxan / Ed. by J. J. Wilkes. L., 2003.
405. *Domaszewski A., von.* Aufsätze zur römischen Heeresgeschichte. Darmstadt, 1972.
406. *Domaszewski A., von.* Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885.
407. *Domaszewski A., von.* Die Principia des römischen Lagers // Neue Heidelberg Jahrbücher für das Klassische Altertum. 1899. Bd. IX. S. 161–176.
408. *Domaszewski A., von.* Die Rangordnung des römischen Heeres. 3, unveränderte Auflage / Einführung, Berichtigungen und Nachträge von B. Dobson. Köln; Wien, 1981.
409. *Domaszewski A., von.* Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895.
410. *Domaszewski A., von.* Die Thierbilder der signa // Archäologische Mitteilungen aus Österreich-Ungern. Wien, 1892. B. XV. S. 182–193.
411. *Domaszewski A., von.* Lustratio Exercitus // Domaszewski A., von. Abhandlungen zur römischen Religion. Leipzig; B., 1909.
412. *Dülmen R., von.* Historische Anthropologie; Entwicklung, Probleme, Aufgaben. 2. durges. Auflage. Köln etc., 2001.
413. *Dumezil G.* La religion romaine archaïque. P., 1974.
414. *Durry M.* Juvénal et les prétoriens // REL. 1935. T. 13. P. 35– 43.
415. *Durry M.* Les cohortes prétoriennes. P., 1938.
416. *Durry M.* Sur l' armée impériale // REL. 1968. T. 46. P. 62–67.
417. *Earl D.* The Moral and Political Tradition of Rome. L.; Southampton, 1970.
418. *Eck W.* Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // KHG. S. 483–496.
419. *Edelstein F., Winkler I.* Pozitia lui Tacitus fata de armata, popor si provoncii // Studi classice. 1962. Vol. IV. P. 245–274.
420. *Egger R.* Das Labarum die Kaiserstandarte der Spätantike. Wien, 1960.
421. *Egger R.* Das Praetorium als Amtszit und Quartier römischer Spitzfunktionäre. Wien; Böhlau, 1966.

422. *Ehrhardt C.* Speeches before battle? // *Historia*. 1995. Bd. 44. Hf. 1. P. 120–121.
423. *Eisenhut W.* *Virtus Romana*. Ihre Stellung im römischen Wertsystem. München, 1973.
424. *Erdmann E. H.* Die Rolle des Heeres in der Zeit von Marius bis Caesar. Militärische und politische Probleme einer Berufarmee. Neustadt, 1972.
425. *Fantham E.* Caesar and the mutiny: Lucan's reshaping of the historical tradition in *De bello Civili* 5. 237–273 // *CPh*. 1985. Vol. 80. P. 119–131.
426. *Fears J. R.* The Theology of Victory at Rome: Approaches and Problems // *ANRW*. Bd. II. 17. 2. 1981. P. 736–826.
427. *Feger R.* *Virtus bei Tacitus*. Inaugural: Diss. Freiburg, 1944.
428. *Fehr B.* Das Militär als Leitbild: Politische Funktion und gruppenspezifische Wahrnehmung des Traiansforum und der Traiansäule // *Hephaistos*. 1985–1986. Bd. 7–8. S. 39–60.
429. *Fiebiger O.* *Disciplina militaris* // *RE*. Bd. V. 1905. Sp. 1176–1183.
430. *Fiebiger O.* *Dona militaria* // *RE*. Bd. V. 1. 1905. Sp. 1528–1530.
431. *Fiebiger O.* *Donativum* // *RE*. Bd. V. 1905. Sp. 1542–1543.
432. *Fijala E.* Die Veteranenversorgung im römischen Heer vom Tod des Augustus bis zum Ausgang der Severerdynastie: Diss. Wien, 1955.
433. *Fink R. O., Hoey A. S., Snyder W. F.* The Feriale Duranum // *YCS*. 1940. Vol. 7. P. 1–222.
434. *Fishwick D.* Dated Inscriptions and the Feriale Duranum // *Syria*. 1988. Vol. 65. P. 349–360.
435. *Fishwick D.* Soldier and Emperor // *AHB*. 1992. Vol. 6. N 1. P. 56–65.
436. *Fitz J.* Honorific titles of Roman military units in the third century. Budapest, 1983.
437. *Fitz J.* *Legati Augusti pro praetore Pannoniae Inferioris* // *AAASH*. 1963. Bd. 11. S. 245–324.
438. *Fitz J.* *Legati legionum Pannoniae Superioris* // *AAASH*. 1961. Bd. 9. S. 159–207.
439. *Fitz J.* Über die Laufbahn der pannonischen Legaten // *Helicon*. *Rivista di tradizione e cultura classica*. 1963. Vol. III. S. 373–387.
440. *Flaig E.* Den Kaiser herausfordern: die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt; N. Y., 1992.
441. *Flaig E.* Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003.
442. *Fontaine L.* *L'armée romaine*. P., 1883.
443. *Forni G.* *Esercito e Marina di Roma Antica: Raccolta di Contributi* / Ed. M. P. Speidel. Stuttgart, 1992.
444. *Forni G.* Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei primi tre secoli dell' imperio // *ANRW*. Bd. II. 1. 1974. P. 339–391.
445. *Forni G.* *Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocletiano*. Milano; Roma, 1953.
446. *Freeman F. D.* The army as a social structure // *Social Forces*. 1948. Vol. 27. P. 78–83.
447. *Frei-Stolba R., von.* Inoffizielle Kaisertitulaturen in 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. // *Museum Helveticum*. 1969. Vol. 26. N 1. S. 18–39.
448. *Frézouls E.* Le commandement et ses problèmes // *La hiérarchie (Rangordnung) de la armée romaine sous le Haut-Empire*. Actes du congrès de Lyon (15–18 septembre 1994). Paris; Lyon, 1995. P. 157–166.
449. *Gabba E.* Aspetti economici e monetari del soldo militare dal II s. a. C. al II s. d. C. // *Les «dévaluations» à Rome, Epoque republicaine et impériale* (Rome, 13–15 nov. 1975). Vol. I. Roma, 1978. P. 217–225.
450. *Gabba E.* *Esercito e società nella tarda Repubblica romana*. Firenze, 1973.
451. *Gabba E.* Le origini dell' esercito professionale in Roma: i proletari e la riforma di Mario // *Athenaeum*. 1949. T. 27. P. 173–209.

452. *Gabba E.* Le rivolte militari romane dal IV secolo a. C. ad Augusto. Firenze, 1975.
453. *Gabba E.* Per la storia dell' esercito romano in età imperiale. Bologna, 1974.
454. *Gabba E.* Ricerche sull' esercito professionale romano da Mario a Augusto // *Athenaeum*. 1951. T. 29. P. 171–272.
455. *Gagé J.* La théologie de la Victoire impériale // *Revue Historique*. 1933. Vol. LXXI. P. 1–43.
456. *Gagé J.* Les classes sociales dans l'Empire Romain. P., 1964.
457. *Galinier M.* La représentation iconographique du légionnaire romain // *Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon (17–19 septembre 1998)* / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolf. Vol. I–II. Lyon; Paris, 2000. Vol. I. P. 417–439.
458. *Garlan Y.* La guerre dans l'Antiquité. P., 1972.
459. *Garnsey P.* Septimius Severus and the Marriage of Roman Soldiers // *California Studies in Classical Antiquity*. 1970. Vol. 3. P. 45–53.
460. *Garnsey P.* Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxford, 1970.
461. *Gáspár D.* The concept in numeros referri in the Roman army // *AAASH*. 1974. Vol. XXVI. P. 113–116.
462. *Gebhardt A.* Imperial Politik und provinzielle Entwicklung. Untersuchungen zum Verhältnis von Kaiser, Heer und Städten im Syrien der vorseverischen Zeit. B., 2002.
463. *Gennep A. Van.* The rites of passages. L., 1909.
464. *George G.* Primary groups, organization and military performance // *Handbook of military institutins* / Ed. P. W. Little. Beverley Hills, 1971. P. 293–318.
465. *Gilliam J. F.* Enrollment in the Roman Imperial Army // *Symbolae R. Taubenschlag dedicatae*. Vol. I. Fasc. 2. Vratislaviae; Varsaviae, 1957. P. 207–216.
466. *Gilliam J. F.* Roman army papers. [1940–1985]. Amsterdam, 1985.
467. *Gilliam J. F.* The Roman Military Ferialia // *HThR*. 1954. Vol. 47. P. 183–196.
468. *Ginsburg M.* Roman military clubs and their social functions // *TAPhA*. 1940. Vol. 71. P. 149–156.
469. *Giuffrè V.* La letteratura «de re militari». Appunti per una storia degli ordinamenti militari. Napoli, 1974.
470. *Giuffrè V.* Militum disciplina e ratio militaris // *ANRW*. Bd. II. 13. 1980. P. 234–277.
471. *Glandes plumbeae Latinae inscriptae* / Ed. C. Zangermeister // *EE*. 1885. Vol. VI.
472. *Glücklich H.-J.* Rhetorik und Führungsqualität — Feldherrnreden Caesars und Curios // *AU*. 1975. Bd. 18. N 3. S. 33–64.
473. *Goffart W.* The Date and Purpose of Vegetius' *De re militari* // *Traditio*. 1977. Vol. 33. P. 65–100.
474. *Goldsworthy A.* The Roman Army at War 100 BC — AD 200. Oxford, 1996.
475. *Goodpaster A. J., Huntington S. P.* Civil-military relations. Washington, 1974.
476. *Grant M.* The Army of the Caesars. L., 1974.
477. *Graßl H.* Untersuchungen zum Vierkaiserjahr 68/69 n. Chr. Ein Beitrag zur Ideologie und Sozialstruktur des frühen Prinzipats. Wien, 1973.
478. *Greg W.* Roman peace // *War and society in the Roman world* / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y, 1993. P. 171–212.
479. *Grillone A.* Pseudo-Hyginus de metatione castrorum // *Klio*. 1980. Bd. 62. Hf. 2. P. 389–403.
480. *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum byzantinischen Themenverfassung. B., 1920.
481. *Gründel R.* Norm und Wettbe in einer lateinischen Inschrift? (zu CIL. VIII. 2728) // *Античное общество: Тр. конф. по изучению проблем античности*. М., 1967. С. 105–109.
482. *Hagedahl H.* The mutiny at Vesontio // *Classica et Mediaevalia*. 1944. Vol. 6. P. 1–40.

483. Handbook of military institutions / Ed. R. W. Little. Beverley Hills, 1971.
484. *Hansen M. H.* The Battle Exhortation in Ancient Historiography. Fact or Fiction? // *Historia*. 1993. Bd. 42. Hf. 1. P. 161–180.
485. *Hanson V. D.* The Status of Ancient Military History: Traditional Work, Recent Research, and On-Going Controversies // *The Journal of Military History*. 1999. Vol. 63. N 2. P. 379–413.
486. *Harmand J.* L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 av. n. ére. P., 1967.
487. *Harmand J.* Les origines de l'armée impériale. Un témoignage sur la réalité du pseudo-Principat et sur l'évolution militaire de l'Occident // *ANRW*. Bd. II. 1. 1974. P. 263–298.
488. *Harmand L.* Le patronat sur les collectivités publiques, des origines au Bas Empire; un aspect social et politique du monde romain. P., 1957.
489. *Harnak A.* Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. Tübingen, 1905.
490. *Harries-Jenkins G., Moskos Ch. C.* Armed Forces and Society // *Current Sociology. The Journal of the International Sociological Association*. 1981. Winter. Vol. 29. N 3.
491. *Harris W.V.* War and imperialism in Republican Rome 327–70 B. C. Oxford, 1979.
492. *Hartmann F.* Herrscherwechsel und Reichskrise. Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (3. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt a. M.; Bern, 1982.
493. *Haynes I. P.* The Romanisation of Religion in the Auxilia of the Roman Imperial Army from Augustus to Septimius Severus // *Britannia*. 1993. Vol. 24. P. 141–157.
494. *Helgeland J.* Christians and the Roman army from Marcus Aurelius to Constantine // *ANRW*. Bd. II. 23. 1. 1979. P. 724–834.
495. *Helgeland J.* Roman Army Religion // *ANRW*. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1470–1505.
496. *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république. P., 1963.
497. *Henig M.* The veneration of heroes in the Roman army. The evidence of engraved gemstones // *Britannia*. 1970. Vol. I. P. 246–265.
498. *Herrmann P.* Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968.
499. *Herz P.* Honos aquilae // *ZPE*. 1975. Bd. XVII. S. 181–197.
500. *Hindley C.* Eros and military command in Xenophon // *CQ*. 1999. Vol. 44. N 2. P. 347–366.
501. *Hoey A. S.* Official policy towards Oriental cults in the Roman army // *TAPA*. 1939. Vol. 70. P. 456–481.
502. *Hoey A. S.* Rosaliae signorum // *HThR*. 1937. Vol. 30. P. 15–35.
503. *Holder P. A.* Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. Oxford, 1980.
504. *Hölscher T.* Victoria Romana. Archäologische Untersuchungen zur Geschichte und Wesenart der römischen Siegesgöttin. Mainz, 1967.
505. *Hope V. M.* Trophies and tombstones: commemorating the Roman soldier // *World Archaeology*. 2003. Vol. 35. N 1. P. 79–97.
506. *Hopkins K.* Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History. Vol. 1–2. Cambridge; L.; N. Y.; Melbourne, 1978.
507. *Horsmann G.* Untersuchungen zur militärischen Ausbildung im republikanischen und kaiserzeitlichen Rom. Bopard a. Rhein, 1991.
508. *Huntington S. P.* The Soldier and the State. Cambridge (Mass.), 1957.
509. *Isaak B.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford, 1990.
510. *Jaczynowska M.* Les associations de la jeunesse romaine sous le haut-empire. Wrocław, 1978.

511. *Jal P.* La guerre civile à Rome. Études littéraire et morale de Cicérone à Tacite. P., 1963.
512. *Jal P.* Le soldat des guerres civiles à Rome, de Sylla à Vespasien // *Pallas*. 1962 [1964]. T. XI. P. 1–27.
513. *Janowitz M.* Sociology and the military establishment. N. Y., 1959.
514. *Janowitz M.* The Professional Soldier. Glencoe, 1960.
515. *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaften. Abt. 1–3. München; Leipzig, 1889–1891.
516. *Jones A. H. M.* Numismatics and History // Essays in Roman Coinage Presented to Harold Mattingly. Oxford, 1956.
517. *Jung J. H.* Das Eherecht des römischen Soldaten // *ANRW*. Bd. II. 14. 1982. S. 302–346.
518. *Jung J. H.* Die Rechtsstellung der römischen Soldaten: Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // *ANRW*. Bd. II. 14. 1982. S. 882–1013.
519. *Junkelmann M.* Die Legionen des Augustus. Der römische Soldat im archäologischen Experiment. Mainz, 1986.
520. *Junkelmann M.* Panis militaris: die Ernährung oder der Grundstoff der Macht. Mainz von Zabern, 1997.
521. Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000.
522. *Kajanto I.* Tacitus' Attitude to War and the Soldier // *Latomus*. 1970. T. 29. P. 699–718.
523. *Kempf J. G.* Romanorum sermonis castrensis reliquae collectae et illustratae // *Jahrbücher für das klassische Philologie*. Suppl. Bd. XXVI. Leipzig; Berlin, 1901.
524. *Kepartová J.* Frater in Militärschriften. Bruder oder Freund // *Listy Filologické*. 1986. T. CIX. S. 11–14.
525. *Keppie L.* Army and Society in the Late Republic and Early Empire // *War as a Cultural and Social Force: Essays on Warfare in Antiquity*. Kobenhavn, 2001. P. 130–136.
526. *Keppie L.* Legions and veterans. Roman Army Papers 1971–2000. Stuttgart, 2000.
527. *Keppie L.* The Army and the Navy // *CAH²*. Vol. XI. 1996. P. 371–396.
528. *Keppie L.* The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. L., 1984.
529. *Kienast D.* Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen. Bonn, 1966.
530. *Kissel Th. K.* Kriegsdienstverweigung im römischen Heer // *Antike Welt*. 1996. Bd. 27. Hf. 4. S. 289–296.
531. *Klingmüller.* Sacramentum // *RE*. Bd. I. A. 2. 1920. Sp. 1667–1674.
532. *Kloft H.* Liberalitas principis. Herkunft und Bedeutung. Studien zur Prinzipatsideologie. Köln, 1970.
533. *Kolendo J.* Le culte des divinités guérissenses à Novae à la lumière des inscriptions nouvellement découvertes // *Archeologia*. 1982 [1985]. T. 33. P. 65–78.
534. *Kolendo J.* Le rôle du primus pilus dans la vie religieuse de la légion. En rapport avec quelques inscriptions de Novae // *Archeologia*. 1980 [1982]. T. 31. P. 49–60.
535. *Kolendo J.* Les nouvelles inscriptions des primi pili de Novae // *Archeologia*. 1988. T. 39. P. 91–103.
536. *Kraft K.* Zur Rekrutierung der Alen und Kohorten an Rhein und Donau. Bern, 1951.
537. *Kromayer J., Veith G.* Heerwesen und Kriegführung // *Handbuch der Altertumswissenschaft / Begr. von I. Müller*. Abt. IV. T. 3. Bd. 2. München, 1928.
538. *Kubitschek W.* Legio (republikanische Zeit) // *RE*. Bd. XII. 1. Hb. 23. 1924. Sp. 1186–1210.
539. *Kubitschek W.* Signa (militaria) // *RE*. Bd. II. A. 2. Hb. 4. 1923. Sp. 2325–2345.
540. *Kuleczka G.* Studia nad rzymskim wojskowym prawem karnym. Poznan, 1974.

541. La Hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec. P., 1995.
542. *Lamarre C.* De la milice romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à Constantin. P., 1863.
543. *Lambert N., Scheuerbrandt J.* Das Militärdiplom. Quelle zur römischen Armee und zum Urkundenwesen. Stuttgart, 2002.
544. *Lammert F.* Das Kriegswesen im Panegyricus auf Messala, v. 82–105, sowie überhaupt bei Dichtern, Rednern und Geschichtschreibern // *Symbolae Osloenses*. 1950. Fasc. XXVIII. S. 44–65.
545. *Lang K.* Military institutions and the sociology of war. A review of the literature with annotated bibliography. Beverley Hills; L., 1972.
546. *Lange L.* *Historia mutationum rei militaris Romanorum inde ab interitu reipublicae usque ad Constantinum Magnum*. Gottingae, 1846.
547. *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
548. *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Vol. 1–2. P., 1949–1950.
549. *Le Bohec Y.* La IIIe légion Auguste. P., 1989.
550. *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989.
551. *Le Bohec Y.* Le rôle social et politique de l'armée romaine dans les provinces d'Afrique // KHG. P. 207–226.
552. *Le Bohec Y.* Les unités auxiliaires de l'armée romaine en Afrique proconsulaire et Numidie sous le haut empire. P., 1990.
553. *Le Bohec Y.* Pour servir à études de la hiérarchie dans l'armée romaine du Haut-Empire // Le hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du congrès de Lyon (15–18 septembre 1994). P., 1995. P. 11–15.
554. *Le Bohec Y.* «Vive la légion!» // *Latomus*. 1991. T. 50. P. 858–860.
555. *Le Bonniec H.* Aspects religieux de la guerre à Rome // Problèmes de la guerre à Rome / Sous la direction de J.-P. Brisson. P., 1969. P. 101–116.
556. *Lee A. D.* Morale and the Roman Experience of Battle // *Battle in Antiquity* / Ed. A. B. Lloyd. L., 1996. P. 199–217.
557. *Lendon J. E.* *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World*. Oxford, 1997.
558. *Lendon J. E.* *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity*. New Haven, 2005.
559. *Lendon J. E.* The rhetoric of combat: Greek military theory and Roman culture in Julius Caesar's battle descriptions // *CA*. 1999. Vol. 18. N 2. P. 273–329.
560. *Le Roux P.* Armée et société en Hispanie sous l'Empire // KHG. P. 261–278.
561. *Le Roux P.* L'amphithéâtre et le soldat // *Spectacula* 1. Lattes, 1990. P. 203–215.
562. *Le Roux P.* L'armée romaine et l'organisation des provinces Ibériques d'Auguste à l'invasion de 409. P., 1982.
563. Les légions de Rome. Actes du congrès de Lyon (17–19 septembre 1998) / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolf. Vol. I–II. Lyon; P. 2000.
564. *Lésquier J.* L'Armée romaine d'Égypte d'Auguste de Diocletien. Le Caire, 1918.
565. *Levi M. A.* Le iscrizioni di Lambaesis e l'esercito di Adriano // *Atti della Accad. naz. dei Lincei: Rend. Classe di scienza morali, stor. e filol.* Roma, 1994. Vol. 5. Fasc. 4. P. 711–723.
566. *Levick B.* *Poenae legis maiestatis* // *Historia*. 1979. Bd. 28. P. 358–379.
567. *Liebenam W.* *Dilectus* // *RE*. Bd. V. 1905. Sp. 615–629.
568. *Lind L. R.* Roman Religion and Ethical Thought. Abstractions and Personification // *CJ*. 1972. Vol. 69. N 2. P. 108–119.
569. *Link S.* *Konzepte der privilegierung römischer Veteranen*. Stuttgart, 1989.
570. *Lintott A. W.* *Lucan and the History of the Civil War* // *CQ*. 1971. Vol. 21. P. 488–505.

571. *Lopuszanski G.* La transformation du corps des officiers supérieurs dans l'armée romaine du Ier au IIIe siècle ap. J.-C. // *Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École Française de Rome*. P., 1938. P. 131–183.
572. *Lorenz H.* Untersuchungen zum Prätorium. Katalog der Prätorien und Entwicklungsgeschichte ihrer Typen. Halle (Saale), 1936.
573. *MacFayden D.* The History of the Title Imperator under the Roman Empire. Chicago, 1920.
574. *MacMullen R.* How Big was the Roman Imperial Army? // *Klio*. 1980. Bd. 62. P. 451–460.
575. *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963.
576. *MacMullen R.* The Emperor's Largesses // *Latomus*. 1962. T. 21. N 1. P. 154–166.
577. *MacMullen R.* The Legion as a Society // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 440–456.
578. *MacMullen R.* The Roman emperor's army cost // *Latomus*. 1984. T. 43. P. 571–580.
579. *Malloch S. J. V.* The end of the Rhine mutiny in Tacitus, Suetonius, and Dio // *CQ*. 2004. Vol. 54. N 1. P. 198–210.
580. *Mann J. C.* A Note on the Numeri // *Hermes*. 1954. Bd. 82. P. 501–506.
581. *Mann J. C.* Epigraphic Consciousness // *JRS*. 1985. Vol. 75. P. 204–206.
582. *Mann J. C.* Honesta Missio from the Legions // *KHG*. P. 153–162.
583. *Mann J. C.* Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. L., 1983.
584. *Marichal R.* Les ostraca de Bu Njem. Tripoli, 1992.
585. *Marni Y Peña M.* Instituciones militares romanas. Madrid, 1956.
586. *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. 3. Aufl., besorgt von H. Dessau und A. von Domaszewski. Darmstadt, 1957 (= 2. Aufl. 1881).
587. *Marshall A. J.* Roman Women and the Provinces // *AncSoc*. 1975. Vol. 6. P. 109–127.
588. *Matela P.* «Reforma Mariuszów». Jej geneza i tho społeczno-polityczne // *Scripta minora III. Aetas imperatoria* / Ed. L. Mrozewicz, K. Iłski. Poznan, 1999. S. 109–118.
589. *Mauch O.* Der lateinische Begriff *disciplina*: Diss. Basel, 1941.
590. *Maxfield V. A.* The Ala Britannica, Dona and Peregrini // *ZPE*. 1983. Bd. 52. P. 136–150.
591. *Maxfield V. A.* The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981.
592. *Medick H.* Quo vadis Historische Anthropologie? Geschichtsforschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Micro-Historie // *Historische Anthropologie. Kultur — Gesellschaft — Alltag*. 2001. Bd. 9. S. 78–92.
593. *Meslin M.* L'Homme Romain des origines au Ier siècle de notre ère. P., 1978.
594. *Messer W. St.* Mutiny in the Roman Army // *CPh*. 1920. Vol. 15. P. 158–175.
595. *Meyer Chr.* Res publica amissa. Wiesbaden, 1966.
596. *Meyer E. A.* Explaining the Epigraphic Habit in the Roman Empire: the Evidence of Epitaphs // *JRS*. 1990. Vol. 80. P. 74–96.
597. *Michel A.* De Socrate à Mixame de Tyr: les problèmes sociaux de l'armée dans l'ideologie romaine // *Mélanges Marcel Durry. REL*. 1970. Vol. XLVII bis. P. 237–251.
598. *Military and Civilian in Roman Britain. Cultural Relationships in a Frontier Province* / Ed. by T. F. C. Blagg and A. C. King. Oxford, 1984.
599. *Mircovic M.* Die römische Soldatenehe und der «Soldatenstand» // *ZPE*. 1980. Bd. 40. S. 259–271.
600. *Mircovic M.* Sirmium et l'armée romaine // *Archeološki Vestnik (Acta archaeologia)*. 1990. T. 41. P. 631–642.
601. *Mitthof F.* Soldaten und Veteranen in der Gesellschaft des römischen Ägypten (1–2. Jh. n. Chr.) // *KHG*. S. 377–406.

602. *Mócsy A.* Die Origo castris und die Canabae // AAASH. 1965. Vol. 13. S. 425–431.
603. *Mócsy A.* Pannonien und das römische Heer. Stuttgart, 1992.
604. *Momigliano A.* [Rev.] Salvatore Tondo. Il «sacramentum militiae» nell' ambiente culturale romano-italico. Rome: Consiglio Nazionale del Notariato, Pontificia Universitas Lateranensis, 1963. VII. 131 p. // JRS. 1964. Vol. 54. P. 253–254.
605. *Mommsen Th.* Das Militärsystem Cäsars // HZ. 1877. Bd. 38 (N. F. Bd. 2). S. 1–15.
606. *Mommsen Th.* Das römische Militärwesen seit Diokletian // Hermes. 1889. Bd. 24. S. 195–279.
607. *Mommsen Th.* Die Conscriptioensordnung der römischen Kaiserzeit // Hermes. 1884. Bd. 19. S. 1–79; 210–234.
608. *Mommsen Th.* Militum provincialium patriae // EE. 1884. Vol. V. P. 159–249.
609. *Mommsen Th.* Praetorium // Hermes. 1900. Bd. 35. S. 437–442.
610. *Mommsen Th.* Römische Lagerstädte // Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Bd. VI. B., 1910. S. 176–203.
611. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I–III. Leipzig; B., 1877–1888.
612. *Mondini M.* Lettere di soldati // Athen e Roma. Firenze, 1915. Vol. XVIII. P. 241–258.
613. *Mosci Sassi M. G.* Il «sermo castrensis». Bologna, 1983.
614. *Mrozewicz L.* Legionisci mezyjzci w I wieku po Chrystusie. Poznan, 1995.
615. *Mrozewicz L.* Origo felicissimorum temporum // Archeologia. 1980 [1982]. T. 31. P. 101–112.
616. *Mrozewicz L.* Une inscription latin en honneur de Septime Sévère et de sa famille, nouvellement découverte à Novae // Archeologia. 1977 [1978]. T. 28. P. 117–124.
617. *Mrozewicz L.* Victoria Aug(usta) Panthea Sanctissima // ZPE. 1984. Bd. 57. P. 181–184.
618. *Müller A.* Die Strafjustiz im römischen Heere // Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum. 1906. Bd. 17. S. 550–577.
619. *Müller A.* Veteranenvereine in der römischen Kaiserzeit // Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum. 1912. Bd. 29. S. 267–284.
620. *Müller O.* Römisches Lagerleben. Gütersloh, 1892.
621. *Murphy T.* The Use of Speeches in Caesar's Gallic War // CJ. 1949. Vol. 45. P. 120–127.
622. *Muth R.* Vom Wesen römischer «religio» // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. S. 290–354.
623. *Nagy T.* Die Auszeichnungen des P. Bessius Betuinianus und das Problem der Dona Militaria zu Trajans Zeitalter // AAASH. 1968. Vol. 16. S. 289–295.
624. *Nap J.-M.* Ad Catonis librum De re militari // Mnemosyne. 1927. P. 79–87.
625. *Nelis-Clément J.* Le monde des dieux chez les beneficiarii // Der römische Weihebezirk von Osterburken II. Kolloquium 1990 und paläobotanische-osteologische Untersuchungen. Stuttgart, 1994. P. 251–259.
626. *Nelis-Clément J.* Les beneficiarii: militaires et au service de l'Empire (Ier s. a. C. — VIe s. p. C.). Bordeaux, 2000.
627. *Nesselhauf H.* Die Vita Commodi und die Acta Urbis // Bonner Historia-Augusta-Colloquium. 1964–1965. Bhft. 3. Bonn, 1966. S. 127–138.
628. *Nesselhauf H.* Von der feldherrlichen Gewalt des römischen Kaisers // Klio. 1937. Bd. 30. S. 306–322.
629. *Nesselhauf H.* Zwei Inschriften aus Belgrad // Živa antika. 1960. T. 10. S. 190–198.
630. *Neumann A.* Das augusteisch-hadrianische Armeereglement und Vegetius // CPh. 1936. Vol. 31. S. 1–17.
631. *Neumann A.* Das römische Heeresreglement // CPh. 1946. Vol. 41. S. 217–225.
632. *Neumann A.* Das römische Heeresreglement // HZ. 1942. Bd. 166. S. 554–562.
633. *Neumann A.* Die Bedeutung der Medaillions auf den Fahnen des römischen Heeres der frühen Kaiserzeit // Wiener Jahreshefte, hrsg. von der Zweigstelle Wien des

- Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches. Baden bei Wien, 1943. B. XXXV. S. 27–32.
634. *Neumann A.* *Disciplina militaris* // RE. Suppl. Bd. X. 1965. Sp. 142–178.
635. *Neumann A.* Kritische Beiträge zur römischen Heeresdisziplin des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. // *Klio*. 1935. Bd. 28. S. 297–301.
636. *Neumann A.* *Römische Militärhandbuch* // RE. Suppl. Bd. VIII. 1956. Sp. 356–357.
637. *Neumann A.* *Römische Rekrutenausbildung in Lichte der Disziplin* // *CPh*. 1948. Vol. 43. S. 157–173.
638. *Neumann A.* *Vegetius* // RE. Suppl. Bd. X. 1965. Sp. 992–1020.
639. *Neumann A.* *Veteranus* // RE. Suppl. Bd. IX. 2. 1962. Sp. 1597–1609.
640. *Neumann A.* Zu den Ehrenzeichen des römischen Heeres // Beiträge zum älteren europäischen Kulturgeschichte. Festschrift für Rudolf Egger. Bd. II. Klagenfurt, 1953. S. 265–268.
641. *Newbold R. F.* *The vulgus in Tacitus* // *RhM*. 1976. Bd. 199. Hf. 1. P. 85–92.
642. *Nicolet C.* *Le métier de citoyen dans la Rome républicaine*. P., 1976.
643. *Nock A. D.* *The Roman Army and the Roman Religious Year A. D.* // *HThR*. 1952. Vol. 45. P. 186–252 (= *Nock A. D.* *Essays on religion and the ancient world*. Oxford, 1972. Vol. II. P. 736–790).
644. *Oakley S. R.* *Single combat in the Roman Republic* // *CQ*. 1985. Vol. 35. P. 392–410.
645. *Okamura L.* *Jupiter, Lord of Cantabra* // *Klio*. 1992. Bd. 74. P. 314–323.
646. *Oldfather W. A., Daly L. W.* *Onasander* // RE. Hbd. 14. 1912. Sp. 1969–1974.
647. *Oliver J. H.* *The Ruling Power: A Study of the Roman Empire in Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides*. Philadelphia, 1953.
648. *Ott J.* *Die Beneficiarier. Untersuchungen zu ihrer Stellung innerhalb der Rangordnung des römischen Heeres un zu ihrer Funktion*. Stuttgart, 1995.
649. *Papyri and Ostraca from Karanis. Second Series / Ed. H. C. Youthie*. Ann Arbor, 1951.
650. *Parker H. M. D.* *The «Antiqua Legio» of Vegetius* // *CQ*. 1932. Vol. 26. P. 137–149.
651. *Parker H. M. D.* *The Roman Legions*. 2^d ed. N. Y., 1958.
652. *Passerini A.* *Le Coorti pretorie*. Roma, 1939.
653. *Patterson J.* *Military organization and social change in the later Roman Republic / War and society in the Roman world*. L.; N. Y., 1993. P. 92–112.
654. *Pedroni L.* *Illusionismo antico e illusioni moderne sul soldo legionario de Polibio a Domiziano* // *Historia*. 2001. Bd. 50. Hf. 1. P. 115–130.
655. *Pekáry Th.* *Das römische Kaiserbildnis in Staat, Kult und Gesellschaft, dargestellt anhand der Schriftquellen*. B., 1985.
656. *Pekáry Th.* *Seditio. Unruhen und Revolten im Römischen Reich von Augustus bis Commodus* // *AncSoc*. 1987. Vol. 18. S. 133–150.
657. *Petersen E., Domaszewski A., von, Calderini G.* *Die Marcus-Säule*. München, 1896.
658. *Petolescu C. C.* *Felix legio XIII Gemina Antoniniana* // *Latomus*. 1986. T. 45. P. 36–37.
659. *Petrikovits H., von.* *Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit*. Opladen, 1975.
660. *Pferderhirt B.* *Die Rolle des Militär für den sozialen Aufstieg in der römischen Kaiserzeit*. Mainz, 2002.
661. *Pfitzner W.* *Geschichte der römischen Kaiserlegionen von Augustus bis Hadrian*. Leipzig, 1881.
662. *Pflaum H. G.* *Forces et faiblesses de l'armée romaine du Haut-Empire // Problèmes de la Guerre à Rome / Sous la direction et avec introduction de J.-P. Brisson*. P., 1969. P. 85–98.

663. *Pflaum H. G.* Zur Reform des Kaisers Gallienus // *Historia*. 1976. Bd. 25. Hf. 1. S. 109–117.
664. *Phang S. E.* The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice // *Journal of Family History*. 2002. Vol. 27. № 4. October. P. 352–373.
665. *Phang S. E.* The Marriage of Roman Soldier. Leiden; Boston; Köln, 2001.
666. *Picard G.-Ch.* Les trophées romains. P., 1957.
667. *Picard G.-Ch.* L'idéologie de la guerre et ses monuments dans l'Empire Romain // *RA*. 1992. N 1. P. 111–141.
668. *Pighi G. B.* Lettere latine di un soldato di Traiano (P. Mich. 467–472). Bologna, 1964.
669. *Pina Polo F.* Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989.
670. *Pina Polo F.* Procedures and Functions of civil and military *contiones* // *Klio*. 1995. Bd. 77. P. 203–216.
671. *Plöger H.* Studien zum literarischen Feldherrnporträt römischer Autoren des 1. Jahrhunderts v. Chr.: Diss. Kiel, 1975.
672. *Pollard N.* Soldiers, Cities and Civilians in Roman Syria. Ann Arbor, 2000.
673. *Premmerstein A., von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937.
674. *Pritchett W. K.* The Greek State at War. Vol. 1–4. Berkeley; Los Angeles, 1971–1985.
675. Problèmes de la Guerre à Rome / Sous la direction et avec introduction de J.-P. Brisson. P., 1969.
676. *Raaflaub K. A.* Die Militärreformen des Augustus und politische Problematik des frühen Prinzipats // *Saeculum Augustum*. I. Herrschaft und Gesellschaft / Hg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 246–307.
677. *Raepsat-Charlier M.-T.* Epouses et familles de magistrats dans les provinces romaines aux deux premières siècles de l'empire // *Historia*. 1982. Bd. 31. Hf. 1. P. 56–69.
678. *Rankov N. B.* Singularis Legati Legionis: A Problem in the Interpretation of the Ti. Claudius Maximus Inscription from Philippi // *ZPE*. 1990. Bd. 8. P. 165–175.
679. *Reali M.* Amicitia militum: un rapporto non gerarchico? // La Hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec. P., 1995. P. 33–38.
680. *Rebuffat R.* La poésie de Q. Avidius Quintianus à la déesse Salus // *Karthago*. 1987. T. 21. P. 93–105.
681. *Rebuffat R.* L'armée romaine à Gholaiia // *KHG*. P. 227–260.
682. *Reddé M.* Mare Nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire romain. Rome, 1986.
683. *Reinach A. J.* Signa militaria // *DA*. Vol. IV. 2. 1910. P. 1307–1325.
684. *Remy E.* Les enseignes romaines // *Musée Belge*. 1905. Vol. IX. P. 305–312.
685. *Renel Ch.* Cultes militaires de Rome. Les enseignes. Lyon; Paris, 1903.
686. *Rich J.* Patronage and interstate relations in the Roman republic // *Patronage in ancient society* / Ed. by A. Wallace-Hadrill. L.; N. Y., 1989. P. 117–135.
687. *Rich J.* The supposed Roman manpower shortage of the later second century BC // *JRS*. 1983. Vol. 32. P. 287–331.
688. *Richier O.* Les thèmes militaires dans le monnayage de Trajan // *Latomus*. 1997. T. 56. P. 594–613.
689. *Richmond I. A.* Roman legionaries at Corbridge, their supply-base, temples and religious cults // *Archaeologia Aeliana*. 4th ser. 1943. Vol. 21. P. 127–224.
690. *Richmond I. A.* The Roman Army and Roman Religion // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1962. Vol. 45. N 1. P. 185–197.
691. *Rist W.* Die Opfer des römischen Heeres. Tübingen, 1920.

692. *Ritterling E.* Legio // RE. Bd. XII. 2. 1925. Sp. 1211–1829.
693. *Roldan J. M.* El bronce de Ascoli en su contexto histórico // Epigrafía hispánica de época romano-republicana. Zaragoza, 1986. P. 115–135.
694. *Roldan J. M.* Hispania y el ejército romano. Contribución a la Historia social de la España antiguo. Salamanca, 1974.
695. Roman and Byzantine Army in the East / Ed. E. Dabrowa. Kraków, 1994.
696. The Roman Army and the Economy / Ed. Paul Erdkamp. Amsterdam, 2002.
697. The Roman Army as a Community / Ed. by A. Goldsworthy and I. Haynes. Portsmouth, 1999.
698. The Roman Army in the East / Ed. D. L. Kennedy. Ann Arbor, 1996.
699. Roman Frontier Studies 1979 / Ed. W. S. Hanson, L. J. F. Keppie. Vol. I–III. Oxford, 1980.
700. Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. V. A. Maxfield, M. J. Dobson. Exeter, 1991.
701. Roman Frontier Studies 1995. Proceedings of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. W. Groenman van Waateringe. Oxford, 1997.
702. *Roos A. G.* Saranus, een Bataaf in Romeinse Krijgsmacht. Amsterdam, 1953.
703. *Rosenstein N.* Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the middle and late Republic. Berkeley, 1990.
704. *Rosenstein N.* War, Failure, and aristocratic Competition // CPh. 1990. Vol. 85. N 4. P. 255–265.
705. *Rossi L.* Hasta pura donum. L'objet et la cérémonie du militiae dans l'iconographie célébrative de la colonne Trajane // RA. 1985. N 2. P. 231–236.
706. *Rostovtzeff M.* Das Militärarchiv von Dura // Papyri und Altertumswissenschaft. Vorträge des 3. Internationale Papyrologentages in München von 4. bis 7. September 1933. Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. München, 1934. Bd. 19. S. 351–378.
707. *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.
708. *Rostovtzeff M. I.* Vexillum and Victory // JRS. 1942. Vol. 32. P. 92–106.
709. *Roth J.* The size and organization of the Roman imperial legion // Historia. 1994. Bd. 43. Hf. 3. P. 346–362.
710. *Rouland N.* Armée «personnelles» et relations clientélaires au dernier siècle de la République // Labeo. Rassegna di diritto romano. 1979. Vol. 25. P. 16–38.
711. *Roxan M.* Roman Military Diplomas 1985–1993. L., 1994.
712. *Roxan M.* Women on the Frontiers // Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. V. A. Maxfield and J. Dobson. Exeter, 1991. P. 462–467.
713. *Roxan M., Eck W.* A military diploma of AD 85 for the Rome cohorts // ZPE. 1993. Bd. 96. P. 67–74.
714. *Roxan M., Holder P.* Roman Military Diplomas IV. L., 2003.
715. *Rüpke J.* Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990.
716. *Sabin Ph.* The face of Roman battle // JRS. 2000. Vol. 90. P. 1–17.
717. *Saddington D. B.* Roman Soldier, local gods and interpretatio Romana in Roman Germany // Acta classica. Pretoria, 1999. Vol. 42. P. 155–169.
718. *Saddington D. B.* The Development of the Roman Auxiliary Forces from Caesar to Vespasian (49 BC — AD 79). Harare, 1982.
719. *Saller R.* Patronage and friendship in early Imperial Rome: drawing the distinction // Patronage in ancient society / Ed. by A. Wallace-Hadrill. L.; N. Y., 1989. P. 49–62.
720. *Saller R. P.* Personal patronage under the early Empire. Cambridge, 1982.
721. *Saller R. P.* Status and patronage // CAH². Vol. XI. 2001. P. 817–854.

722. *Salmon E. T.* The Roman Army and the Desintegration of the Roman Empire // Transactions of the Royal Society of Canada. 1958. Vol. LII. Ser. II. P. 43–57.
723. *Salway P.* The Frontier People of Roman Britain. Cambridge, 1965.
724. *Sánchez-Ostiz Castillo C. y Alvaro.* Legiones y legionarios en los epígrafes pro salute imperatoris: una panorámica // Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolf. Lyon; Paris, 2000. Vol. II. P. 733–742.
725. *Sander E.* Das Recht des römischen Soldaten // RhM. 1958. Bd. 101. S. 152–191; 193–234.
726. *Sander E.* Das römische Militärstrafrecht // RhM. 1960. Bd. 103. S. 289–319.
727. *Sander E.* Die antiqua ordinatio legionis des Vegetius // Klio. 1939. Bd. 14. S. 382–391.
728. *Sander E.* Die Hauptquellen der Bücher I–III der Epitoma rei militaris des Vegetius // Philologus. 1932. Bd. 87. S. 369–375.
729. *Sander E.* Die Kleidung des römischen Soldaten // Historia. 1963. Bd. 12. Hft. 2. S. 144–166.
730. *Sander E.* Die Reform des römischen Heerwesens durch Julius Caesar // HZ. 1955. Bd. 179. S. 225–254.
731. *Sander E.* Zur Rangordnung des römischen Heeres: Der Duplicarius // Historia. 1959. Bd. 8. Hft. 3. S. 239–247.
732. *Sander E.* Zur Rangordnung des römischen Heeres: Die gradus ex caliga // Historia. 1954. Bd. 3. Hft. 1. S. 87–105.
733. *Sarnowski T.* Nova ordinatio im römischen Heer des 3. Jh. und eine neue Primus pilus Weitung aus Novae in Niedermoesien // ZPE. 1993. 95. S. 197–203.
734. *Sarnowski T.* Primi ordines et centuriones legionis I Italicae und eine Dedication an Septimius Severus aus Novae in Niedermoesien // ZPE. 1993. Bd. 95. S. 205–218.
735. *Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej na północnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa, 1988.
736. *Sarsila J.* Some aspects of the concept of virtus in Roman literature until Livy / J. Sarsila. Jyväskylä, 1982.
737. *Saxer R.* Untersuchungen zu den Verzillationen des römischen Kaiserheers von Augustus bis Diokletian. Köln; Graz, 1967.
738. *Schafer T.* Spolia et signa. Göttingen, 1998.
739. *Scheid J.* La religion des romains. P., 1998.
740. *Scheidel W.* Inschriften statistik und die Frage des Rekrutierungsalters römischer Soldaten // Chiron. 1992. Bd. 22. S. 281–297.
741. *Scheidel W.* Rekruten und Überlebende: Die demographische Struktur der römischen Legionen in der Prinzipatszeit // Klio. 1995. Bd. 77. S. 232–254.
742. *Scheidel W.* The Demography of the Roman army // Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire. Ann Arbor, Michigan, 1996. P. 93–138.
743. *Schenk D.* Flavius Vegetius Renatus. Die Quellen der Epitoma rei militaris. Leipzig, 1930.
744. *Schmitthenner W.* Politik und Armee in der späten Römischen Republik // HZ. 1960. Bd. 190. Hft. 1. S. 1–17.
745. *Schneider H. C.* Das Problem der Veteranversorgung in der später römischen Republik. Bonn, 1977.
746. *Schuller W.* Soldaten und Befelshaber in Caesars «Bellum civile» // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honour of Zvi Yavetz / Ed. I. Malkin, Z. W. Rubinson. Leiden, 1995. S. 189–199.
747. *Schulten A.* Canabae // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1451–1456.
748. *Seeck O.* Die Zeit des Vegetius // Hermes. 1876. Bd. 11. S. 61–83.
749. *Seston W.* Fahneneid // Real. Lexicon für Antike und Christentum. 1964. Bd. VII. Sp. 277–287.

750. *Settis S.* La colonne Trajane: Invention, Composition, Disposition // *Annales. E. S. C.* 1985. N 5. P. 1151–1194.
751. *Settis S.* La colonne Trajane: l'empereur et son public // *RA.* 1991. N 1. P. 186–198.
752. *Sidebottom H.* Philosopher's attitude to warfare under the principate // *War and society in the Roman world.* L.; N. Y., 1993. P. 241–264.
753. *Slapek D.* Aspekt militarny początkowej fazy rozwoju icrzyck gladiatorskich w Rzymie // *Pod znakami Aresa i Marsa: Materiały z konf. nauk «Wojna i wojskowe w starożytności», 24–26 wrzesnia 1993 /* Pod red. E. Dabrowy. Krakow, 1995. S. 43–52.
754. *Smith R. E.* Service in the post-Marian Roman army. Manchester, 1958.
755. *Smith R. E.* The Army Reforms of Septimius Severus // *Historia.* 1972. Bd. 21. Hf. 4. P. 481–500.
756. *Smolka F.* Lettres des soldats escrit sur papyrus // *Eos.* 1929. Vol. XXXII. P. 153–164.
757. *Sonklar K. A.* Abhandlung über die Heersverwaltung der alten Römer im Frieden und Krieg, in der besonderen Beziehung auf die beiden Hauptzweige der Heersversorgung: Besoldung und Verpflegung. Innsbruck, 1847.
758. *Sordi M.* L'aruolamento dei «capite censi» nel pensiero e nell'azione di Mario // *Athenaeum.* N. S. 1970. Vol. 60. P. 379–385.
759. *Southern P.* Numeri // *Britannia.* 1989. Vol. 20. P. 81–140.
760. *Southern P., Dixon R.* The Late Roman Army. New Haven; L., 1996.
761. *Späth Th.* Nouvelle histoire ancienne? Sciences sociales et hostoire romaine: à propos de quatre récentes publications allemandes // *Annales. E. S. C.* 1999. A. 54. N 5. P. 1137–1156.
762. *Speidel M. A.* Die römischen Schreibtafeln von Vindonissa: lateinische Texte des militärischen Alltags und ihre geschichtliche Bedeutung. Brugg, 1996.
763. *Speidel M. P.* Die Schluß-Adlocutio der Trajanssäule // *Römische historische Mitteilungen.* 1971. Bd. 78. S. 167–178.
764. *Speidel M. P.* Commodus the God-Emperor and the army // *JRS.* 1993. Vol. 83. P. 109–114.
765. *Speidel M. P.* Contirones and Geta dominus noster // *Živa antika.* 1989. G. 39. Sv. 1/2. P. 55–56.
766. *Speidel M. P.* Eagle-bearer and trumpeter // *BJ.* 1976. Bd. 176. P. 123–163.
767. *Speidel M. P.* Furlough in the Roman Army // *Papyrology.* Cambridge, etc., 1985. P. 282–293.
768. *Speidel M. P.* Guards of the Roman Armies. An Essay of the Singulares of the Provinces. Bonn, 1978.
769. *Speidel M. P.* Riding for Caesar: The Roman emperor's horse guards. Cambridge (Mass.), 1994.
770. *Speidel M. A.* Roman army pay scales // *JRS.* 1992. Vol. 82. P. 87–105.
771. *Speidel M. P.* Roman Army Studies I. Amsterdam, 1984.
772. *Speidel M. P.* Roman Army Studies II. Stuttgart, 1992.
773. *Speidel M. A.* Sold und Wirtschaftslage der römischen Soldaten // *KHG.* S. 65–96.
774. *Speidel M. A.* Swimming the Danube under Hadrian's eyes: A feat of the Emperor's Batavi horse guard // *AncSoc.* 1991. Vol 2. P. 277–282.
775. *Speidel M. P.* The Captor of Decebalus: a new Inscription from Philippi // *JRS.* 1970. Vol. 60. P. 142–153.
776. *Speidel M. P.* The Rise of Ethnic Units in the Roman Imperial Army // *ANRW.* Bd. II. 3. 1975. P. 202–231.
777. *Speidel M. P.* The Soldiers' Servants // *AncSoc.* 1989. Vol. 20. P. 239–247.
778. *Speidel M. P.* The tribunes' choice in promotion of centurions // *ZPE.* 1994. Bd. 100. P. 469–470.

779. *Speidel M. P.* Work to be done on the organization of the Roman Army // Bulletin of the Institute of Archaeology, University of London. 1991. Vol. 26. P. 99–106.
780. *Speidel M. P., Dimitrova-Milčeva A.* The Cult of the Genii in the Roman Army and a New Military Diety // ANRW. Bd. II. 16. 2. 1978. P. 1542–1555.
781. *Stäcker J.* Princeps und miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim, 2003.
782. *Steiner P.* Die Dona Militaria // BJ. 1906. Bd. 114/115.
783. *Stoll O.* Die Fahnenwache in der römischen Armee // ZPE. 1995. Bd. 108. S. 107–118.
784. *Stoll O.* Die Skulpturenausstattung Römischen Militärlagen am Rhein und Donau. St. Katharinen, 1992.
785. *Stoll O.* Excubatio ad Signa. Fahnenwache, militärische Symbolik und Kulturgeschichte. St. Katharinen, 1995.
786. *Stoll O.* «Offizier und Gentleman». Der römische Offizier als Kultfunktionär // Klio. 1998. Bd. 80. S. 134–162.
787. *Stoll O.* Römisches Heer und Gesellschaft. Stuttgart, 2001.
788. *Stöver H. D.* Die Prätorianer. München, 1994.
789. *Straub J.* Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939.
790. *Streit W.* Heeresorganisation des Augustus. B., 1876.
791. *Strobel K.* Rangordnung und Papyrologie // La Hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec. P., 1995. S. 93–112.
792. *Sulser J.* Disciplina. Beiträge zur innern Geschichte des römischen Heeres von Augustus bis Vespasian: Dis. Basel, 1923.
793. *Suolahti J. A.* «Professional» Roman Soldier // Archivum historicum. 1975. Forssa 68. P. 5–21.
794. *Suolahti J.* The Junior Officers of the Roman Army in the Republican period. A Study on Social Structures // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. 13, XCVII. Helsinki, 1955.
795. *Sutherland C. H. V.* Roman History and Coinage 44 B. C. — A. D. 69. Oxford, 1987.
796. *Syme R.* The Roman Revolution. Oxford, 1939.
797. *Szidat J.* Usurpationen in der Römischen Kaiserzeit: Bedeutung, Gründe, Gegenmaßnahmen // Labor omnibus. Festschrift für G. Walser. Stuttgart, 1989.
798. *Thesaurus linguae Latinae.* Vol. V–VI. Lipsiae, 1907–1908.
799. *Timpe O.* Untersuchungen zu Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962.
800. *Tondo S.* Il sacramentum militiae nell' ambito culturale romano-italico // Studia et Documenta Historiae et Iuris. Roma, 1963. Vol. XIX.
801. *Tufi S.* Militari rimani sul Reno. L'iconografia degli «stehende Soldaten» nelle stele funerarie del I secolo d. C. Roma, 1988.
802. *Turnovsky P.* Die Innenausstattung der römischen Lagerheiligtümer: Diss. Wien, 1990.
803. *Ulrich Th.* Pietas (pius) als politischer Begriff im römischen Staate bis zum Tode des Kaiser Commodus. Breslau, 1930.
804. *Vendrand-Voyer J.* Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983.
805. *Veyne P.* Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976.
806. *Vittinghoff F.* Die Bedeutung der Legionslager für die Entstehung der römischen Städte an der Donau und in Dakien // Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte. Neumünster, 1968. S. 132–142.

807. *Vittinghoff F.* Die rechtliche Stellung der *canabae legionis* und die Herkunftsangabe *castris* // *Chiron*. 1971. Bd. 1. S. 299–318.
808. *Vittinghoff F.* Zur angeblichen Barbarisierung des römischen Heeres durch die Verbände der *Numeri* // *Historia*. 1950. Bd. 1. Hf. 3. S. 389–407.
809. *Vogt J.* Caesar und seine Soldaten // *Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung*. 1940. Hf. 4. S. 120–135 (= *Vogt J. Orbis*. Freiburg, 1960. S. 89–109).
810. *Voisin J.-L.* *Ethique militaire et mort volontaire sous le Haut-Empire: un soldat peut-il se tuer?* // *Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon (17–19 septembre 1998)*. Vol. I. Lyon; Paris, 2000. P. 727–732.
811. *Vovelle M.* *Idéologie et mentalité*. P., 1981.
812. *Wallace-Hadrill A.* *Patronage in Roman society: from Republic to Empire* // *Patronage in ancient society* / Ed. by A. Wallace-Hadrill. L.; N. Y., 1989. P. 63–87.
813. *War and society in the Roman world* / Ed. by J. Rich, G. Shipley. L.; N. Y., 1993.
814. *War as a cultural and social force: Essays on warfare in Antiquity*. Kobenhavn, 2001.
815. *War, morality and the military profession* / Ed. M. Wakin. Boulder, Col., 1979.
816. *Watson G. R.* *Conscription and voluntary enlistment in the Roman army* // *Proceedings of the African Classical Association*. 1982. Vol. XVI. P. 46–50.
817. *Watson G. R.* *Discharge and Resettlement in the Roman Army: The praemia militaria* // *Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt*. Bd. 2. B., 1965. P. 147–162.
818. *Watson G. R.* *Documentation in the Roman Army* // *ANRW*. Bd. I. 2. 1974. P. 493–507.
819. *Watson G. R.* *The Roman Soldier*. N. Y.; Ithaka, 1969.
820. *Waurick G.* *Soldaten in der römischen Kunst* // *Roman Frontier Studies 1979* / Eds. W. S. Hanson, L. J. F. Keppie. Vol. III. Oxford, 1980. P. 1091–1098.
821. *Webster G.* *The Roman imperial army*. L., 1969.
822. *Wegeleben T.* *Die Rangordnung der römischen Centurionen*. B., 1913.
823. *Weigel R. D.* *Roman generals and the vowing of temples, 500–100 B. C.* / R. D. Weigel // *Classica et mediaevalia*. 1998. Vol. 49. P. 119–142.
824. *Weinstock S.* *Victor and Invictus* // *HThR*. 1957. Vol. 50. P. 211–247.
825. *Weinstock S.* *Victoria, die Siegesgöttin der Römer* // *RE*. Bd. VIII. 2. 1958. Sp. 2501–2542.
826. *Wells C. M.* *Celibate Soldier: Augustus and the Army* // *AJAH*. 1998. Vol. 14. N 2. P. 180–190.
827. *Welwei K.-W.* *Unfreie im antiken Kriegsdienst*. Bd. 3. Rom; Stuttgart, 1988.
828. *Wesch-Klein G.* *Commeatus id est tempus, quo ire, redire quis possit. Zur Gewährung von Urlaub im römischen Heer* // *KHG*. S. 459–472.
829. *Wesch-Klein G.* *Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit*. Stuttgart, 1998.
830. *Wheeler E. L.* *The Laxity of Syrian Legions* // *The Roman Army in the East* / Ed. D. L. Kennedy. Ann Arbor, 1996. P. 229–276.
831. *Wiedemann Th.* *Single combat and being Roman* // *AncSoc*. 1996. Vol. 27. P. 91–103.
832. *Wierschowski L.* *Heer und Wirtschaft: Das römische Heer der Prinzipatszeit als schaffactor*. Bonn, 1984.
833. *Williams M. F.* *Four mutinies: Tacitus *Annales* I. 16–30; I. 31–49 and Ammianus Marcellinus *Res gestae* 20.4. 9–20, 5.7; 24.31. 1–8* // *Phoenix*. 1997. Vol. 51. N 1. P. 44–74.
834. *Wilson S.* *For a socio-historical approach to the study of western military culture* // *Armed Forces and Society*. 1980. Vol. 6. P. 527–552.
835. *Wissowa G.* *Devotio* // *RE*. Bd. V. 1905. Sp. 277–280.
836. *Wittwer K.* *Kaiser und Heer im Spiegel der Reichsmünzen. Untersuchungen zu den militärpolitischen Prägung in der Zeit von Nerva bis Caracalla*: Diss. Tübingen, 1986.

837. *Wolf H.* Die Entwicklung der Veteranenprivilegien vom Beginn des 1. Jahrhunderts v. Chr. bis auf Konstantin der Grosse // Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle / Hrsg. W. Eck, H. Wolf. Böhlau; Köln; Wien, 1986. S. 44–115.
838. *Wood N.* Xenophon's Theory of Leadership / N. Wood // *Classica et Mediaevalia*. 1964. Vol. 25. N 1–2. P. 33–66.
839. *Ziólkowski M.* Epigraphical and numismatic evidence of *Disciplina* // *Acta antiqua*. 1990–1992. T. 33. Fasc. 1–4. P. 347–350.
840. *Ziólkowski M.* Il culto della *Disciplina* // *Revista della storia antica*. 1990. Vol. 20. P. 97–107.
841. *Ziromski M.* Amatorzy czy profesjonalisci? Wyzci dowódcy armii rzymskiej okresu pryncypatu // Pod znakami Aresa i Marsa: Materiały z konf. nauk. «Wojna i wojskowość w starożytności», 24–26 września 1993 / Pod red. E. Dąbrowsy. Kraków, 1995. S. 119–124.
842. *Zuckerman C.* Sur la date du trait militaire de Végèce et son destinataire Valentinien II // *Scripta classica Israelica*. 1994. Vol. XIII. P. 67–74.
843. *Zwicker W.* Bemerkungen zu den römischen Heeresfahnen in der älteren Kaiserzeit // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts. B., 1937. Bericht 27. S. 7–22.
844. *Zyromski M.* Dowódcy Legioni Siódmego Klaudyjskiego w okresie pryncypatu // *Balkanica Posnaniensia*. Poznań, 1995. S. 181–203.
845. *Zyromski M.* Specialisation in the Roman Provinces of Moesia in the Time of Principate // *Athenaeum*. 1991. Vol. 79. P. 59–102.
846. *Zyromski M.* The elite in the Lower Danube provinces of the Roman empire in the time of Principate. Mosina, 1995.

СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ И ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

А

ab epistulis — ведомство по делам переписки при императорском дворе

Acta Urbis (acta diurna) — ежедневные городские ведомости с официальной и придворной хроникой

ad bestias — вид смертной казни, когда приговоренный отдавался на растерзание диким зверям в цирке

adiutor — «помощник», штабная должность

Adiutrix — «Помощник», «Вспомогательный», название легиона

adlocutio (allocutio) — обращение военачальника (императора) с речью к войску

adrogatio — вид усыновления, торжественно совершавшегося в куриатных комициях под руководством понтификов

adulterii — нарушители супружеской верности, прелюбодей

aedes — храм, небольшое святилище
~ **signorum** — находившийся в военном лагере храм, где хранились знамена и священные изображения

aedilitas — эдилитет, должность эдила

aerarium militare — учрежденная Августом специальная казна для покрытия расходов на войско, пополнявшаяся за счет налогов с продажи, наследства и отпуск рабов на волю

ala — отряд конницы

ambitio — заискивание, обхаживание, угодничество

amicus — друг, товарищ

amor obsequii — любовь к послушанию

apparitores — аппаратеры, низшие служащие при магистрате

aquila — орел (главный штандарт легиона)

aquilifer — орлоносец, воин, который носил легионного орла

ἀριστεῖον — награда за доблесть

arcana imperii — тайна императорской власти (выражение Тацита)

armilla — крупный браслет, дававшийся в качестве боевой награды за доблесть

assec(u)lae — приспешники, нахлебники, обозные слуги

auctor (seditionis) — зачинщик мятежа
auguratorium — место для совершения птицегаданий

auxilia, *мн. ч. (ед. ч. auxilium)* — вспомогательные войска, где в отличие от легионов служили неграждане

В

beneficia — благодеяния, льготы

Bonus Eventus — первоначально бог урожая, затем — вообще счастливого исхода

bucellarius — «нахлебник», «кусошник», солдат, находившийся в услужении у своего покровителя

С

caligatus (miles) — *досл.* «обутый в солдатский сапог», рядовой солдат

campester, stris, stre — «относящийся к полю, военному плацу» (эпитет некоторых божеств, выступавших в качестве покровителей занятий на военном плацу)

campidoctor — инструктор по обучению воинов

campus — строевой плац, место для военных упражнений

canabae — поселение при военном лагере

cantabra — разновидность военных знамен

capite censi — беднейший класс граждан, неимущие, не имевшие в республиканский период (до реформы Г. Мария) права служить в легионах

carmina triumphalia — насмешливые куплеты, исполнявшиеся воинами во время триумфального шествия полководца

castra, мн. ч. (ед. ч. castrum) — военный лагерь
 ~ **stativa** — постоянный (стационарный) лагерь

castrensis — относящийся к лагерю, военный, солдатский

certamen (*греч.* ἀγών, ἔρις) — состязание, соревнование

cibus militaris — солдатская пища

civis — (со)гражданин, гражданский человек

civitas (*греч.* πόλις) — гражданская община, город, государство; право гражданства

classicum — военная сигнальная труба; сигнал, подаваемый этой трубой

classis — флот

clavarium — награды солдатам (*досл.* «деньги на гвозди для починки обуви»); *см.* donativum

coarmio — товарищ по оружию, соратник, сослуживец

collega — сослуживец, товарищ по специальности или по коллегии

collegia iuvenum — коллегии юношей

comitia — народное собрание в Риме
 ~ **calata** — народное собрание, торжественно созывавшееся жрецами, на котором, в частности, оглашались завещания

commanipularis — товарищ, сослуживец по манипулу

commanuculus — товарищ по манипулу

commiles — соратник, боевой товарищ

commilito (*греч.* συστρατιώτης) — соратник, боевой товарищ, сослуживец

commilitium — совместная воинская служба, соратничество

commoda (militiae) — выгоды, льготы и привилегии, связанные с военной службой

concordia — согласие, единодушие

conditio — условие, договор

conditor — основатель

congiarium — выдача вина или масла, денежный или другой подарок городской бедноте по случаю какого-либо праздника

coniuratio — взаимная клятва; заговор

consensus multitudinis — единодушные, сговор толпы; круговая порука воинов

constantia — стойкость, твердость, выдержка, один из компонентов римской *virtus* (*см.*)

conterraneus — земляк

contio (militaris, militum) — сходка воинов, собрание войска или воинской части, на котором могли обсуждаться и решаться важные вопросы при непосредственном участии солдат

contiro — «соновобранец», сотоварищ по призыву на военную службу

contubernalis (contubernius) — товарищ по палатке; контубернал, молодой человек из числа знатных

D

- римлян, прикомандированный к преторской свите для ознакомления с военным делом
- contubernium** — общая палатка; совместная военная служба, товарищество; группа воинов, проживающих в одной палатке или блоке казармы
- conturmalis** — соратник, товарищ по турме (*см.*)
- conveterani**, *мн. ч. (ед. ч. conveteranus)* — сослуживцы, совместно вышедшие в отставку, бывшие солдаты, товарищи по военной службе
- cornicularius** — корникуларий, солдат, награжденный почетным рожком (*cornu*) и занимающий младшую командную должность
- corona** — наградной венки, знак отличия:
- ~ **aurea** — золотой венки, награда, вручавшаяся за различные по характеру подвиги
 - ~ **castrensis** — лагерный венки, награда за отличие при взятии вражеского лагеря
 - ~ **civica** — гражданский венки, изготовлявшийся из дубовых листьев, одна из высших наград в римской армии, даваемая за спасение согражданина в бою
 - ~ **muralis** — венки, которым награждался воин, первым взойшедший на стену вражеской крепости
 - ~ **navalis (classica)** — морской венки, знак отличия за победу на море
 - ~ **obsidionalis** — осадный венки, награда за освобождение осажденного отряда; назывался также «травяным» (*graminea*)
 - ~ **vallis** — венки за отличие при взятии вражеского лагеря
- corpus** — корпорация, сословие;
- ~ **militare** — военное сословие
- cupido gloriae** — жажда славы, славлюбие
- decanus** — командир отряда из десяти человек
- decurio** — декурион, командир декурии, подразделения конницы
- decurionatus** — пост, звание декуриона
- decus** — честь, слава
- delictum militum** — воинский проступок, воинское преступление
- De re militari** — «О военном деле» (название сочинений ряда античных авторов и юристов)
- dii campestris** — боги — покровители строевого плаца
- dilectus** — набор воинов, призыв в армию
- dii militares** — военные боги
- diploma** — увольнительный документ для выходявших в отставку солдат вспомогательных войск; этим документом фиксировались предоставляемые ветеранам правовые привилегии, в том числе предоставление прав римского гражданства
- disciplina** — понятие с широким спектром значений, одна из важных категорий римской системы ценностей
- ~ **civilis** — гражданская дисциплина, порядок в сфере гражданского управления
 - ~ **domestica** — домашняя дисциплина, порядок, подчинение в семействе
 - ~ **militaris** — воинская дисциплина, военный порядок, подчинение, а также военное дело, наука
- domus Augusta** — «дом Августа», императорское семейство
- dona (militaria)**, *мн. ч. (ед. ч. donum)* — воинские знаки отличия, боевые награды (*см.* *armilla, corona, hasta pura, phalera, praemia, torques*)
- donativum**, *мн. ч. (ед. ч. donativa)* — денежный подарок императора солдатам

dracones, *мн. ч. (ед. ч. draco)* — военный штандарт в виде дракона
uplicarius — воин, получающий двойное жалованье или довольствие

Е

effigies principis — императорские изображения
epistula commendaticia — *см. litterae commendaticiae*
equites singulares — отряд конных телохранителей императора
evocatus — эвокат, солдат, отслуживший положенный срок службы и добровольно поступивший на сверхсрочную службу
exercitatio — упражнение, тренировка, военная подготовка
exercitator — инструктор по боевой подготовке и обучению личного состава
exercitium *см. exercitatio*
exercitus — войско, армия
ex voto — по обету

Ф

factio — мятеж, восстание; партия; шайка
fama — репутация, доброе имя, слава
fas — высший божественный (неписанный) закон, божеское право; то, что предписывается богами
fas disciplinae — установленный и освященный богами военный порядок
Feriale Duranum — папирусный документ (P. Dur. 54) из г. Дура-Европос на р. Евфрате (в совр. Ираке), найденный в архиве 10-й когорты пальмирцев и датированный временем около 223–227 гг. н. э.; представляет собой перечень праздничных дней и годовщин, официально отмечаемых в армии
fides — верность, доверие, преданность, важная морально-правовая категория
Fides veteranorum — Верность ветеранов (обожествленная абстракция)

flagitium — позорное деяние, позорный поступок

foedus — союз, договор

fortitudo — храбрость, смелость, важнейшая составная часть понятия *virtus* (*см.*)

Fortuna — Фортуна, богиня Удачи; удача, судьба

~ **Balnearis** — Фортуна — Покровительница бань

~ **Conservatrix** — Фортуна-Хранительница

~ **Redux** — Фортуна Возвращающая

frater — брат

Г

galearii — обозные слуги

Gemina — «Близнец» (наименование легиона)

Genius sacramenti — Гений присяги

Genius sanctus militum — священный Гений воинов

glans (*мн. ч. glandes*) — метательный снаряд для пращи

gloria — слава, одна из важных категорий римской системы ценностей

Н

hasta pura — копьё без железного наконечника, служившее военной наградой, знаком отличия за доблесть

heres — наследник

homines novi — «новые люди», лица незнатного происхождения, достигшие высших магистратур

homo militans — «человек воюющий, несущий военную службу»

honos / honor (*мн. ч. honores*) — честь, почет, почесть, важное социокультурное и аксиологическое понятие, одна из категорий воинской этики; воинская почесть в виде повышения в чине или награды за доблесть

hortatio — ободрение, обращение полководца к войску перед битвой

humiliores — граждане низших сословий

I

- imaginifer** — имагинифер, воин, носивший *imagines* (см. *imago*)
- imago** (мн. ч. *imagines*) — изображение (в армии это прежде всего изображения императоров, почитавшиеся наравне в военными знаменами)
- immunis** — иммун, воин, имеющий какие-либо специальные функции и освобожденный от обычных обязанностей рядового
- imperium** — власть высших магистратов, военное командование, высшая военная и гражданская власть
- ~ **domi** — власть высшего магистрата на территории Рима, в гражданских делах
- ~ **militiae** — власть высшего магистрата в военных делах, за пределами городской черты, во время военного похода
- Imperium Romanum** — римская держава
- infamis** — лицо, пользующееся дурной славой, которое ограничивалось в правоспособности
- ingenuus** — свободнорожденный
- insignia**, мн. ч. (*ед. ч. insigne*) — знаки отличия
- Iudicium sacramenti** — Суд присяги (обожествленная абстракция)
- ius** — право, правовая норма
- ~ **civile** — гражданское право
- ~ **gladii** — «право меча», право высших магистратов выносить смертный приговор в рассматриваемых ими судебных делах
- ~ **honorum** — право на занятие выборных должностей
- ~ **militandi in legione** — право служить в легионе, которым пользовались только римские граждане
- ~ **militare** — военное право
- ~ **singulare** — «отдельное право» (юридические привилегии, предоставлявшиеся определенным лицам)

~ **suffragii** — право голоса, принадлежавшее римским гражданам

L

- labor** — труд, работа, напряжение, усилие, трудолюбие, один из компонентов воинского долга и доблести
- laesae maiestatis damnator** — осужденный по закону об умалении величия
- latus clavus** — широкая пурпуровая полоса на тунике, отличительный знак членов сенаторского сословия
- laudatio** — похвала, публичная похвальная речь, произносимая полководцем на воинской сходке (одна из форм поощрения воинов)
- laus** — похвала, слава
- leves querelae** — легкие жалобы
- lex Iulia de adulteris** — Юлиев закон о прелюбодеяниях, принятый по инициативе Октавиана Августа в 18 г. до н. э.
- lex Iulia de civitate** — Юлиев закон о гражданстве (90 г. до н. э.), наделавший римскими гражданскими правами тех латинов и союзников Рима, которые сохранили ему верность во время Союзнической войны 91–88 г. до н. э.
- lex Iulia de maiestate** — Юлиев закон об оскорблении величия
- lex Iulia de repetundis** — Юлиев закон о вымогательствах (59 г. до н. э.)
- libellus** — петиция, прошение; агитационный памфлет
- libertas** — свобода, основное правомочие римского гражданина
- libertus** — вольноотпущенник
- librarius** — либрарий, солдат, занимавший должность писца
- litterae commendaticiae** — рекомендательное письмо, предоставление которого было необходимо для поступления на военную службу или занятия того или иного поста

litterio — «учителишка» (презрительное наименование представителей интеллектуальных профессий, бывавшее в армейской среде)

lustratio — обряд очищения

lustrum — люстр, ценз, оценка имущественного положения римских граждан

М

mandata — императорские указы, распоряжения

manipularis imperator — «солдатский император», «император-солдат»

Mater castrorum — «Мать лагерей» (титул ряда римских императриц)

Mens Bona — Благоразумие (обожествленная абстракция)

mens exercituum — настроение войск

miles — воин, солдат

~ **gregarius** — рядовой воин

~ **impius** — нечестивый воин,

«безбожный вояка»

~ **missicius** — воин, уволенный с

военной службы

~ **romanus** — римский воин

militia — войско, армия, гражданское ополчение; военный поход; военная служба; военная должность

Minervia — название легиона по имени богини Минервы

missio — отставка

~ **honesta** — почетная отставка

~ **ignominosa** — порочащая отставка

modestia — умеренность, самообладание, послушание (один из синонимов дисциплины)

mos (мн. ч. **more**) **maiorum** — нравы и обычаи предков, главный нравственный ориентир в римской системе ценностей

mulus Marianus — «Мариев мул» (прозвище солдат Г. Мария)

munera armatae militiae — обязанности военной службы

Н

nefas — нечестие, преступление против божеских установлений, противоположность **fas** (см.)

numen — безличная божественная сила, божество

~ **Augusti** — божественная сила императора

numerus — воинское подразделение, отряд

numina castrorum — божества лагеря

О

obsequium — повиновение, подчинение, послушание (один из компонентов дисциплины)

officium — официий, служебный персонал при должностном лице или военном командире; долг, обязанность, служба

optio — помощник центуриона

opus (мн. ч. **opera**) — работа, труд; усилие, напряжение; см. **labor**

origo — происхождение, родина, официальное место рождения

~ (**ex**) **castris** — происхождение

из лагеря, место рождения, кото-

рое указывалось сыновьями ветера-

нов, поступавшими на службу

в легионы, или peregrinami, по-

лучавшими римское гражданство

при поступлении на службу в ле-

гион

ornamenta equestria — знаки всаднического достоинства

otium — праздность, досуг

Р

Pacator orbis — «замиритель круга земель» (один из императорских титулов)

paganus — сельский житель, крестьянин; невоенный человек, штатский в противоположность **miles**

pater exercituum — «отец войск» (прозвище Гая Калигулы)

pater militum — «отец воинов» (прозвище Каракаллы)

peregrinus (мн. ч. *peregrini*) — перегрин, чужеземец, иностранец свободного статуса, не являвшийся римским гражданином

phalera — знак отличия за доблесть, представлявший собой металлическую или стеклянную бляху с какими-либо изображениями

pietas — благочестие, почтение к богам, добродетель, включавшая в себя верность традициям, семье, государству

plebs urbana — городской плебс

pomerium (*pomoerium*) — померий, незастроенная полоса земли по обе стороны городской стены Рима, отделявшая городскую территорию от сельской местности

populus Romanus (Quiritium) — римский народ (квиритов)

potestas — власть, полномочия

praecones — глашатаи, вестники

praefectus equitum — префект всадников (одна из высших командных должностей в армии)

praemium (мн. ч. *praemia*) — награда в виде знаков отличия или земли, денег, повышения в чине

~ **militiae** — награда за военную службу; «пенсионное» обеспечение ветеранов

praeses — презид, военный командующий

praetorium — преторий, расположенная в центре военного лагеря палатка полководца, а также площадь вокруг этой палатки; в постоянном лагере — штаб-квартира полководца

primipilaris (см. *primipilus*) — бывший примипил

primipilus (centurio primipili) — примипил, центурион I центурии 1-го манипула 1-й когорты (высший и наиболее почетный ранг среди центурионов)

principalis — принципал, младший командир

principia (мн. ч.) — административный и сакральный центр лагеря, лагерная площадь с прилегающими помещениями

pro praetore — в ранге пропретора (имеется в виду легат императора, т. е. наместник провинции)

pro salute — за здоровье, за благополучие (вотивная формула)

publica arma — государственные вооруженные силы

pudor — стыд, чувство чести

Q

Quiris (мн. ч. *Quirites*) — квирит (почетное официальное наименование римских граждан); римлянин, исполняющий свои мирные обязанности

R

Rangordnung (*нем.*) — порядок чинов

religio — религия, благочестие; суеверие

religio castrensis — солдатская религия

res publica — государство, республиканский строй

Rosaliae signorum — праздник Розалий в честь военных знамен

S

sacramenti cultores — почитатели Присяги (как обожествленной абстракции)

sacramentum — присяга, клятва ~ **militiae (militare)** — воинская присяга, даваемая при вступлении на военную службу

sacrata militia — «священная воинская служба»; военная служба, понимаемая как особая религиозная миссия

sacrilegium — святотатство, кощунство, преступление против святыни

sarcina — снаряжение, переносимое воином

schola — в армии сообщество, корпорация, «клуб», объединявший младших командиров
seditio (militum, militaris) — солдатский мятеж
seditionis ministri — подручные, помощники в деле мятежа
semilixa — «полумаркитант» (презрительное прозвище)
senatus consulta — постановление сената
senatus populusque Romanus — «сенат и народ римский» (официальная формула, обозначающая высших субъектов суверенной власти в римском государстве)
sermo castrensis — солдатский язык, армейский жаргон
severitas — суровость, строгость; традиционная черта римской дисциплины
signa (militaria), *мн. ч. (ед. ч. signum)* — военные знамена, различного рода значки и штандарты в виде копий, флагов, изображений
signifer — знаменосец
simplicitas (militaris, militum) — простодушие, неведение, бесхитрость воинов (качество, служившее в некоторых юридических ситуациях обстоятельством, оправдывающим незнание законов и норм права)
socii — союзники
speculator — разведчик, телохранитель, ординарец
spolia opima — доспехи, снятые с неприятельского полководца
sportulae — *досл.* «корзинка» (подарок патрона своим клиентам в виде денег или продуктов)
statio — военный пост, пикет; срок пребывания, командировка на этом посту
stellatura — мошенническое удержание офицерами солдатского пайка или жалованья
stipendia iusta — положенный, законный срок военной службы

~ **emerita** — полностью завершённый срок военной службы
stipendium — стипендий, жалованье, получаемое на военной службе; год военной службы
sudor — пот (метонимическое обозначение воинской службы)
suffragium — голосование, решение, одобрение, рекомендация
suggestus — ораторское возвышение, трибуна
Sullani — воины легионов Суллы
suovetaurilia — торжественное жертвоприношение, во время которого закалывали свинью, овцу и быка

Т

taberna — помещение, здание в лагере, предназначенное для различных служб
tesserarius — тессерарий, воин, передававший приказы военачальника
torques — торквес, наградное ожерелье из золота или серебра
tria nomina — «три имени» (римская система личных имен предполагала наличие имени собственного, родового и прозвища)
tribunal — трибунал, возвышенное место, где располагалось кресло, на котором восседал военачальник, отправляя правосудие
tribunus militum — военный трибун; в императорской армии — один из офицерских постов в легионе
triumphus — триумф
tumultus (militaris) — воинский мятеж, восстание
turma — турма, подразделение конного отряда (алы)
turturilla — «горлинка», «голубок» (презрительное прозвище солдат, добивавшихся каких-либо привилегий путем угождения командирам)

У

urbanitas — «столичность», изысканность, образованность, изящество

V

vacation militiae — освобождение от военной службы
 ~ **causaria** — освобождение от военной службы по причине телесной неспособности, инвалидности

Valeriani — воины легионов Валерия

vexillarii — вексиляррии, старые ветераны, выделенные в отдельный отряд

vexillarius — знаменосец, носивший vexillum (см.)

vexillatio — вексиляция, отряд вексиляриев (отряд, выделенный из легиона (или сводный отряд из нескольких легионов) и действующий самостоятельно)

vexillum — знамя (в коннице, отрядах союзников, отдельном отряде вексиляриев); наградной флаг

Victoria — Победа (богиня или обожествленная абстракция)
 ~ **Adiabonica** — Адиабенская
 ~ **Arabica** — Арабская
 ~ **Augusta** — Августова
 ~ **Britannica** — Британская
 ~ **Parthica** — Парфянская
 ~ **Redux** — Возвращающая

vigiles (cohortes) — подразделения (когорты) ночной стражи в Риме

vindex — защитник, спаситель, поручитель

vir (мн. ч. viri) — муж, мужчина
 ~ **militaris (militares)** — военные мужи, военные люди; высокопоставленные римляне, чья карьера преимущественно была связано с военными должностями

virtus — мужество, доблесть, прежде всего воинская (высший нравственный идеал, центральная категория римской системы ценностей, включавшая в себя целый ряд нормативных качеств: храбрость, стойкость, усердие, энергию и т. п.)

vitis — жезл центуриона из срезанной виноградной лозы, знак его дисциплинарной власти

viva vox — живой голос

voceferatio — возгласы, выкрики (из строя)

voluntarius — доброволец; воин, добровольно оставшийся в армии после окончания срока службы

votum (мн. ч. vota) — обет

vulgus — толпа, чернь, негативное обозначение солдатской массы

Summary

SOLDIERS OF THE ROMAN EMPIRE: THE TRADITIONS OF MILITARY SERVICE AND THE MARTIAL MENTALITY

by Aleksandr V. MAKHLAYUK

In Ancient Rome «la métier de citoyen» necessarily required the military service of a citizen. But when the polis-type Rome had become the world power, the citizens' militia was replaced with the permanent professional army. To a significant degree it was emancipated from the civilian society and formed a specific corporation with its own interests, ideology, moral obligations and behaviour standards. We find reflections of that process in literary texts of the Late Republic and the Empire. In the works by ancient authors a new literary type of the Roman soldier appears, whose social status, psychology and behaviour are considered mainly in a moralistic way. Accordingly, his literary characteristics are mainly emotional and rhetorical, preconceived and anachronistic. On the whole, this literary portrait depicts the Roman soldier as a coarse half-barbarian, impious fighter, and self-willed, greedy and dishonourable creature too. The general attitude to the soldier in literary sources is a mixture of alienation, antipathy, contempt and fear.

However, because of its moralistic nature the attitude of the majority of ancient authors is deeply ambivalent. Behind strong condemnation of soldiers' deep-rooted vices there implicitly exists a certain ideal of the true Roman soldier's features. This ideal serves as a criterion to draw the line between moral evil and moral virtue. What this military-ethic ideal really existed can be proved by studying the same sources which quite frequently provide facts of heroic deeds of ordinary Roman soldiers and officers. And we must give the same credit to these facts as we do regarding the judgements of soldiers' depravity. In both cases the ancient authors operate a system of literary topoi («common places») and concepts that express important value oppositions characterising moral outlooks not only of the authors, but also of the soldiers. Surely, such outlooks were not identical, and many components of soldier's mentality, even being originally connected to traditional Roman values, carried their own specific features conditioned by the army's evolution as a social and political force.

Such a contradictory combination of the old-fashioned republican traditions and realities of professional military corps most obviously comes

to light in a dichotomy of the citizen's and soldier's status. From ancient literary and legal texts one can draw a conclusion that many traditional attitudes and establishments were preserved in the emperors' recruiting policy and in the public treatment of legionaries. This refers, first of all, to the orientation to the citizenship status of legionary soldiers, as well as to the complex of moral qualities required from the Roman military. These traditions called forth certain forms of the army's participation in politics and interrelations with the imperial government and individual emperors. One of the institutions that provided a participation of the soldiery masses in carrying out power functions was the soldiers' assembly (*contio militum*) similar to the citizens' assemblies in Rome. Military *contiones* manifesting in many cases a sovereign will of the army, held some potestarian functions, and through this institution, thanks to its old customs and precedents, the army was included in the system of acceptance and transition of imperial powers and provided its own corporative interests, becoming one of the decisive, and independent to a certain degree, forces in the field of Roman imperial politics during the first three centuries A.D.

Another specific form of the army's intervention into politics was soldiers' mutinies and seditions. In spite of the commanders' broad credentials and very strict sanctions, and of the fact that the Roman military law prevented from getting any disobedience and rebellious efforts, all the relevant measures had never been taken in a full volume in practice. The significant cause of such a situation was that the legionaries were considered as the Roman citizens and displayed themselves as a part of the civic community, not as a venal mercenary force. They considered themselves as partners and supporters of the ruler. In soldiers' uprisings and mutinies of the Later Republic and the Principate one can see certain manifestations of the ancient traditions of legionaries' self-government and polis democracy. This striking ability of the Roman warrior to strongly protect his rights and keep a well-organized order may be revealed by many facts. Roman generals and emperors had to reckon with those traditions and often made concessions to the troops. In order to overcome soldiers' rebellions the commanders appealed to their sense of honour and duty.

The Principate saw developed particular relations and ties of the emperor with his army, which had aroused in the last century of the Roman Republic. Those interrelations may be defined as the specific military clientela. Such clientele based on various personal bonds and mutual obligations of contractual nature was monopolized by the princeps who became the only patron of the troops. His monopolization of the military clientele was one of the key factors of political stability. It is thanks to the military clientele that the imperial political system was able to functionate as a whole. After the establishment of the principate, military service came to be regarded as

a service rendered personally to the emperor, and the army as belonging to him not only because of his position as commander-in-chief, but also because of personal duties and relations. A peculiarity of the military clientele is that the specific informal components and obligations of soldiers, defined by the concept of personal fides and loyalty to the emperor, were indissolubly interweaving with notions of military ethics. Together with ideal, symbolic and legal factors (the idea of emperor as the only source and distributor of marks of distinction and material benefits, strong dynastic feelings among the soldiers, identification of military duties with personal faithfulness to the emperor and his family), of great importance was the way in which the emperor met his soldiers' everyday needs. The position of the army patron did commit the emperor to take his permanent care of the troops, to display generosity, personal military achievements and proximity to ordinary soldiers. The military patronate-and-clientele relations were specific because of the fact that the army, especially the detachments consisting of citizens, acted as one of the contracting sides, which (unlike the city plebs) took up serious responsibilities and preserved a sort of civic consciousness, thus being able to insist on the patron's fulfilment of his duties when necessary. The description of the relations between the emperor and the army as a kind of clientele makes it possible to define more precisely (than in case of hired army) a specific position held by the military forces within the political structure of Imperial Rome.

In order to understand peculiarities of the Roman military mentality, or soldier's ethos, it is needful to examine the army as a specific socio-political organism. Such an analysis shows that many of the social elements which drew people together in civic communities, in particular friendly ties among various microgroups, were present in the life of a military community. These elements and traditions made the legion and the camp something like a civitas. However, in the Early Empire, when the military and civilian spheres were sharply demarcated, to enrolled in the army stood for an almost complete break with the civilian society. The Imperial army was characterised by a new type of soldier with the special social and legal status, as well as with the special value orientation grounded on the soldier's commitment to his unit, loyalty to the Emperor and solidarity with his closest comrades-in-arms. These factors conditioned a specific corporativeness of the Imperial army.

Friendly relations among soldiers were one of the sources of such corporativeness. The existence of various groups and close comradesly relations in the Roman army is revealed by an analysis of epigraphic data. Soldiers' inscriptions contain a number of terms that denote comrades-in-arms with different shades of meaning (*commilito*, *contubernalis*, *commanipularis*, *collega*, *frater*, *contiro*, etc.). These inscriptions register the specific relations among soldiers and show that links between men from the same district,

simultaneous conscription, joint worship of their deities, or membership in a *collegia* might have laid the foundation for a community of soldiers. Such comradely ties were preserved among veterans after their retirement. Apparently, a small unit, in which soldiers spent their daily life, played an important role in the development of informal friendly ties. Coherence of the so-called primary groups due to these ties was an important factor of combat readiness of detachments and units.

Many characteristic features of military ethos are connected with the corporative spirit and informal comradely relations within the military units. Opinions of his comrades and the honour of the unit that the soldier belonged to determined his behaviour in a battle, jealous attitude to the fame of other units and readiness to come to the rescue for his comrades-in-arms. Commitment of soldiers to their unit manifested itself in the worship of military ensigns and *Genii*. However, corporative solidarity of the military often led to their covering up each other, especially during mutinies and civil wars, as well as in conflicts with civilians. In general, corporativeness of the Imperial army based on peculiar social ties within military community and special personal relations between the emperor and his soldiers as well was a natural form of rallying the military units in the conditions when the Roman military organization ceased to be grounded on civic-communal or ethnic ties.

A contradictory blending of ancient traditions and new tendencies in the development of the military organization showed up in the sphere of military discipline. *Disciplina militaris* was an important category of the Roman value system and a component of the «Roman myth». The axiological meaning of this concept is revealed through tense opposition between the heroic norm expressed by the notion of severity (*severitas*) and various vices, which result from ingratiating and indulgence of soldiers by their commanders (*ambitio*, *indulgentia*). In narrations about the glorious past of Rome *severitas* and *ambitio* belong to different poles, but for the epochs of the Late Republic and the Principate our sources stress the necessity to find some common ground, something like a balance between both the poles, more and more persistently. Such judgements indicate that under the conditions of a regular professional army the discipline could be maintained by means different from those used in the period of a citizen militia. In the Imperial army discipline was conditioned not by ruthless punishments or civil solidarity of soldiers, but by administrative and legal means, systematic training of the personnel, various benefits and incentives, corporative unity of contingents as well as by personal ties of the emperor with his army. However, effectiveness of those factors depended, to a considerable extent, on the morally motivated attitude of soldiers themselves to discipline. Many episodes show that even at critical moments the discipline of legions was conditioned by value conceptions of the discipline deeply rooted in the consciousness of soldiers and associated

with the notions of military duty and honour. This «love for obedience» was based on the traditional Roman values and was passed over from generation to generation through military traditions, legal and sacral norms, legendary and live examples. At the same time, conservatism of the Roman military organization made the orientation to *severitas* an inevitable factor of the army life regardless of the destructive character of opposite tendencies. The image of a strict military leader was the behaviour pattern emulated by many emperors and glorified by public opinion.

A no less important category of the army's value system was the concept of military valour (*virtus*). Ancient authors always regarded *virtus* as an inalienable national feature of the Romans, as a decisive factor of their victories. According to the traditional notions, the true valour could be manifested only in the struggle with a worthy enemy and only at a war conducted by fair means and in accordance with both the divine law and ancestors' customs. The Roman concept of military valour is immediately connected with the notions of soldiers' honour and glory. It implies such normative qualities as steadfastness, bravery, persistence and discipline, all being inseparable from strict rational organisation, military training and permanent labours. Having originally been an aristocratic value, *virtus* became a moral orientation of the rank and file. Many facts of Roman military history confirm that the genuine Roman notions of valour, glory and honour were present in the consciousness of the Roman soldiers. Among them, military valour, honour and glory were the objects of zealous competition and rivalry. Jealousy to them induced a soldier to publicly demonstrate his best qualities in order to receive recognition from his comrades-in-arms and commanders. Demands of the military honour code often prevailed over all other motives. So the emulation for valour and honour was an effective factor stimulating the soldiers' individual and collective performance. In the Imperial army such notions were of corporative character. Generally, the competitive spirit in the Roman forces was more pronounced than in Greek armies. This fact is confirmed by the existence of very elaborated and adaptable system of military honours, including various military decorations.

During the Imperial period, this system developed on the basis of ancient traditions and concepts. It encouraged the soldiers' ardour and emulation for honour rather successfully. Military honores in the form of decorations and ranks were always regarded as a reward for the real achievements and valour. However, in reality the receipt of honours was conditioned by the soldier's social status and position in the army hierarchy, his personal relations with the commander, as well as by patronage and bribes. In the soldier's eyes the honours directly depended on the emperor's appraisal. It was the emperor who had the right to award any honours. Soldiers' inscriptions that contain the detailed enumeration of men's positions, rewards and indications of

circumstances of having been rewarded, as well as dedications to deities on the occasion of promotion to a higher rank, confirm the great importance of military honores for soldiers themselves. While the promotions were accompanied with solid material advantages, the military decorations always remained an essential moral stimulation, and their importance directly depended on the preservation of the traditional values among the soldiers. Evidently, it is not a pure accident that *dona* began to decline in the age of Caracalla, when almost all the status differences between soldiers of the legions and those of *auxilia* disappeared.

The military traditions of Rome and martial mentality were permeated with religious notions and feelings. Professional corporative identity of the military society manifested itself in the *religio castrensis*, i. e. a complex of specific army cults and worships. Worthy of service to the emperor, military valour and honour were inseparable from the soldiers' *pietas*. Epigraphic and other testimonies show the Roman soldiers to have been directly connected to a divine protection of their career achievements, victories of the Roman arms, both their comrades'-in-arms and the emperor's well-being. The army religious practice was impregnated not only with routine formalities, but also with sincere individual faith of ordinary soldiers. The specific features of the *religio castrensis* are especially obvious in the soldiers' relation to and worship of the military ensigns and standards. The Roman *signa militaria* played a significant role in commanding the troops, they were the embodiment of the individuality of units and detachments, and personified the military honour and glory. The presence of the *signa* in battle formations served as an efficient moral-psychological stimulus for the valorous performance of the soldiers. The military ethic attitude to the *signa* (*signorum amor* as Seneca calls this feeling) was certainly based on their sacral nature. The standards were worshipped as real cult objects: sacrifices and other rituals were dedicated to them, they even had special temples and were as well sacral guarantees of oaths. Perhaps, the *signa* worship was associated with the cults of geniuses and various Roman deities. The sacral nature of the *signa* may be interpreted as the *numen*, a particular divine essence.

On the whole, the traditions and mentality of the Roman imperial army correlated in many of their elements with the ancient Romans' value system. At the same time, the alienation and corporative character of the regular professional army gave rise to the specific military ethos based on peculiar values and notions. However, conservatism of the Roman military traditions led to the preservation of a number of the fundamental institutions and concepts going back to very old times.

Оглавление

Предисловие.	3
Введение.	7
Глава I. Источники и проблемы их интерпретации.	38
Литературные и юридические источники.	38
Данные эпиграфики и других вспомогательных дисциплин	55
Глава II. Очерк историографии: социально-историческое и историко-антропологическое направления в изучении армии императорского Рима.	68
Изучение римской императорской армии в XIX — первой половине XX века	68
Основные проблемы и тенденции современной зарубежной историографии.	77
Изучение римской императорской армии в отечественной историографии.	102
Глава III. Солдат и армия в общественном сознании императорского Рима	115
Глава IV. Дихотомия <i>civis</i> — <i>miles</i> в Риме позднереспубликанского и императорского времени	142
Глава V. Армия как социальный организм: «вооруженный город» и «военное сословие»	171
Глава VI. Военское товарищество и корпоративность императорской армии	189
Глава VII. Военская сходка (<i>contio</i>) в жизни армии и политическом механизме Римской империи	208
Глава VIII. К характеристике феномена солдатского мятежа в Риме	228
Глава IX. Войсковая клиентела в позднереспубликанском и императорском Риме (к вопросу о характере отношений между императором и армией).	248
Глава X. «Между заискиванием и суровостью»: аксиологические аспекты римской воинской дисциплины.	276
Глава XI. Военская доблесть и дух состязательности в римских военных традициях	299
Глава XII. Чины и награды в системе ценностей римской армии	319

Глава XIII. Religio castrensis и воинский этос	338
Глава XIV. «Религия и любовь к знаменам»: сакральные и военно-этические аспекты культа военных знамен	364
Заключение	377
Список сокращений	384
Научная литература	384
Античные литературные и юридические источники	386
Литература	391
Словарь латинских и греческих терминов	423
Summary	432

Издание осуществлено при содействии
ООО «Млечный путь»

Александр Валентинович Махлаюк

СОЛДАТЫ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Традиции военной службы и воинская ментальность

Редактор *Л. А. Соловьева*

Корректоры *Л. А. Макеева, Е. С. Васильева*

Технический редактор *О. В. Колесниченко*

Верстка *С. В. Кузнецова*

Художник *С. В. Лебединский*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 18.11.2006.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.

Печ. л. 27,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 197 .

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11.

Издательство «Акра». 194044, г. Санкт-Петербург, Лесной пр., д. 8

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК “Бионт”» .

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86, тел. 320-52-85.